

И.Б.МАРДОВ

Лев Толстой. Драма и величие любви

ВСТУПЛЕНИЕ

ОТМЩЕНИЕ И ВОЗДАНИЕ

Основополагающая мысль "Анны Карениной" закреплена в эпитафии к роману: "Мне отмщение, и Аз воздам". Если глубинная наджитейская причина гибели Анны заключена в действии тайного закона человеческой жизни, то хорошо бы знать, как, по мысли автора, он работает во всех нас. Если Анна виновата не перед человеком или людьми, а перед Господом, то в чем ее вина? Ответы на эти вопросы мы найдем у Толстого, полагая вслед за Н.Н. Страховым, что "те самые начала, которые он проповедует, бессознательно жили в нем всегда и составляли душу всего, что он тогда писал".¹

Одно из начал учения Толстого - представление о двух душах,² составляющих внутренний мир человека: высшей душе, которую Толстой называл «внутренней душой», "духовным существом", "ближайшим духовным солнцем", "духовным Я", "Богом своим", "сыном Бога", "центром своего духовного тяготения", и низшей душе, которую Толстой обычно называл «плотью», «личностью», "животной личностью", «плотским я». Положение о двух душах упрощенно и полярно высказано в "Воскресении":

"В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один - духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой - животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира" (1.XIV).³

Во "благо только себе" Толстой включал и общее благо: народа, государства, любого сообщества или товарищества, в которое вмещена животная личность человека. Боясь за себя, животная личность желает жить бодро и весело, нежится во лжи жизни и мешает пробудиться духовному существу человека. "Не ты один, а все такие - такова жизнь, говорил этот голос (голос животного человека в Нехлюдове. - И.М.). Но то свободное,

духовное существо, которое одно истинно, одно могущественно, одно вечно, уже пробудилось в Нехлюдове... Бог, живший в нем, проснулся в его сознании» (1.XXVIII).

Нехлюдов более всего знал духовное существо в себе по потребности жертвы во имя нравственных требований, потребности, удовлетворение которой составляло для него высшее духовное наслаждение. Алексей Александрович Каренин знал в себе духовное существо по тому "чувству умиленного сострадания, которое в нем вызывали страдания других людей" (4.XIX) и которого он, считая слабостью, стыдился. Его сын, девятилетний Сережа Каренин, в предчувствии духовного существа, берег свою душу "и без ключа любви никого не впускал в нее" (5.XXVII). Левин знал духовное существо свое в чувстве ужаса жизни без знания смысла и назначения ее (см. 8.VIII).

Духовное существо и животная личность живут по-разному, каждый по-своему чувствует и сознает жизнь, различно любят. Голос любви духовного существа говорил Нехлюдову "об *ней*, о *ее* чувствах, об *ее* жизни", голос же животной личности внушал ему: "смотри, пропустишь *свое* наслаждение, *свое* счастье" (1.XVI - подчеркнуто Толстым). Любовь животной личности эгоцентрична, ее девиз: "она - моя" или "он - мой". Таково устремление души Мисси Корчагиной в "Воскресении" и Анны Карениной в последние месяцы ее жизни. Любовь духовного существа выражается в стремлении отдать себя, знать: "я - твоя" - и служить своей жизнью. Животная личность желает брать и покорять в любви и потому пребывает в состоянии борьбы. "Она (Анна Каренина) была рада этому вызову нежности. Но какая-то страшная сила зла не позволяла ей покориться" (7.XII). Самоубийство представлялось Анне средством "наказать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ней злой дух вел с ним" (7.XXVI).

Этот-то "злой дух" животной личности во сне привиделся Анне в образе "мужика с взъерошенной бородой, маленького и страшного", копошащегося в мешке с железом и приговаривающего что-то грозное по-французски. Ужас этого образа - в самом присутствии его в себе и в неодолимо отвратительной власти его в глубинах души.⁴ За мгновение до смерти, когда Анна ощутила физическую "невозможность борьбы" за свою жизнь, этот страшный мужик, "приговаривая что-то, работал над железом" и загасил свечу ее жизни. (7.XXXI).

О чем-то тоскующая животная личность оживляется стремлением к достижению желаемого, охлаждается, добившись своего, и вновь тоскует. Все побуждения животной личности не имеют цели и назначения превыше ее. Ее любовь, психически возбуждая и радуя, сама по себе ни к чему не ведет и потому рано или поздно изживает себя. Духовное существо любит иной любовью, к которой неприменимы понятия достижения, разряжения,

охлаждения. Любовная работа духовного существа возводит душу к новому и высшему качеству духовной жизни и потому не завершается при удовлетворении первоначального эмоционального позыва, а вводит в область своей работы все более и более глубинные и никогда не исчерпываемые пласты высшей души. Цель любви духовного существа, учил Толстой, есть слияние всех духовных существ в одно, обретение ими общего чувства и сознания жизни в любви и через это слияние - приведение Сына к Отцу.

Животная личность, по учению Толстого, не обладает собственным источником сознавания. Это значит не то, что она действует бессознательно, а то, что она пользуется сознаванием, идущим к ней или через нее от духовного существа, духовного Я. Сам по себе Свет сознания жизни - то, что Толстой в разное время называл "разумением жизни", "разумным сознанием", "разумом сердца" и просто "разумом", - исходит только от духовного Я, которое, собственно говоря, не есть "Я" человека, а есть частица Господа, "Бог свой", посланный от Бога Самого в душу земного человека. Духовное Я несет в себе свет жизни и сознания в силу своей причастности к Богу живому, являющемуся Источником жизни как таковой. Духовное Я светит подлинным светом сознания на животную личность, которая пользуется уже отраженным светом. Свет духовного Я - солнечный, дневной, а животной личности - лунный, ночной. Животная личность воспринимает и себя и все вокруг себя "лунным сознанием", видит все при ночном освещении, "свете без своего источника" ("Воскресение", 2.XXVIII). Отсюда вся ложь и заблуждения людей, не видящих свою жизнь при ярком солнечном свете духовного Я.

Чисто толстовский принцип честного и ясного видения жизни, отделения лжи и самообмана, сам принцип пронизательности искренностью, заложенный в установку его художественности и мысли, являет читателю восприятие сознания при ярком дневном свете духовного существа автора. Задача духовного пробуждения человека, по учению Толстого, в том, чтобы внутри себя прорвать завесу животной личности, включить в свою жизнь духовное существо свое и увидеть все ясным взором в подлинном свете. Солнечный свет "Бога своего" нельзя использовать в утилитарных целях, он высвечивает только людские души и дает взгляд, при котором ставятся основные вопросы человеческого бытия, вопросы, на которые душе, освещенной подлинным светом, необходимо знать ответы.

В последний день жизни Анна Аркадьевна все видела "в том пронзительном свете, который открывал ей теперь смысл жизни и людских отношений". Она постигает природу своих взаимоотношений с Вронским и видит, что изменить их нельзя (7.XXX). Она видит, что "все неправда, все ложь, все обман, все зло!" (7.XXXI). Пробуждение солнечного сознания поначалу всегда трагично. То же, что произошло с Анной в день гибели,

произошло и с Вронским в день его неудавшегося самоубийства, когда "все, казавшиеся столь твердыми, привычки и уставы его жизни, оказались ложными и неприложимыми" (4.XVIII). Все, что есть и что будет, все обесценилось для него, стало бессмысленным или низменным, и он стреляет в себя. И Анна, и Вронский убивают себя от пробуждения света духовного существа в них. Уже в этом можно усмотреть "отмщение Бога".

Пробуждение дневного сознания в Левине также привело его в состояние, близкое к самоубийству. Он увидел, что в жизни присутствует "жестокая насмешка какой-то силы, злой силы, злой, противной и такой, которой нельзя было подчиниться... Надо было прекратить эту зависимость от зла. И было одно средство - смерть" (8.IX). То была "мучительная неправда", разрушаемая трудами жизни его духовного существа. Считается, что Левин "воскрес" (в терминологии учения Толстого), услышав от мужика, что надо помнить Бога и жить для души. Однако слова эти дали едва заметный толчок движению его разума, в результате чего он лишь "чувствовал в своей душе что-то новое и с наслаждением ощупывал это новое, не зная еще, что это такое" (8.XII). Затем, в награду за огромную духовную работу, сделанную им, это "новое" открылось его сознанию как "то главное, постоянно проявляющееся на земле чудо, состоящее в том, чтобы возможно было каждому вместе с миллионами разнообразных людей... понимать несомненно одно и то же и слагать ту жизнь души, для которой одной стоит жить и которую одну мы ценим" (8.XIII). И в старости Лев Николаевич не сказал бы другое. Герой его второго романа на наших глазах вытрудил первоначальное откровение толстовского учения. Не это ли: "Аз воздам"?..

Картина внутренней жизни человека складывается из взаимодействия духовного существа и его животной личности. Однако это взаимодействие по взглядам Толстого не есть противоборство, наподобие света и тьмы или добра и зла. Своехарактерная психофизиологическая ("животная") личность несвободна, задана генетически, этнически, социально, астрологически (если угодно), и прочее. Она, "сама себя утверждая, остается всегда равна сама себе и находится вне власти человека" (28.77)⁵. Свободное духовное существо не задано земной жизнью, "отрицает все животные требования" (39.123) животной личности, часто испытывает отвращение к ней, но не отвергает ее самую, непосредственно не подавляет ее, и даже не вступает в прямое столкновение с ней. Сила духовного существа, учит Толстой, направлена не против животной личности, а поперек ее действия, ей перпендикулярно. Действием духовного существа движение внутренней жизни человека отклоняется от вектора движения несвободной животной личности и направляется "по равнодействующей из двух сил" (28.77). Это положение Толстой иллюстрирует в образе лодки, плывущей по реке.

Лодку (человека) несет река (животная личность), гребец в ней (духовное существо) гребет не по течению и не против течения, а поперек течения, к другому берегу. Течение реки непрерывно меняется, по ходу лодки встречаются и разливы, и водовороты, и водопады, она попадает в бурю или садится на мель, тонет и всплывает в мутных или чистых водах реки, но все это не самоцельно, а служебно, все это составляет лишь поприще жизнедеятельности гребца, у которого своя задача: переплыть эту столь причудливо текущую реку и высадиться на другом ее берегу. Воды реки - не зло, а необходимое условие работы гребца, духовной работы человека. Зла в личной и вселенской духовной жизни, по сути, нет. Иное дело в общественно-государственной и общедуховной жизни людей.

Во второй и роковой приезд Нехлюдова к тетушкам "животный человек властвовал в нем и совершенно задавил духовного человека" (1.XIV) Отчего это? "И вся страшная перемена - объясняет Толстой - совершилась с ним только оттого, что он перестал верить себе, а стал верить другим" (1.XIII). В отличие от иных религиозных учителей Лев Толстой никогда не говорил "верьте мне" или "верьте всем", а призывал всегда "верить себе", исключительно голосу духовного существа в себе. "Никакой веры у меня нет, - говорит Нехлюдову старик-сектант, - поэтому я, никому не верю, кроме себя" (3.XXI). Таково же и "вероисповедание" Толстого. "Веря себе, - объясняет он в "Воскресении" - всякий вопрос надо решать всегда не в пользу животного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного я" (1.XIII).

Отсюда следует, что коллективная жизнь людей управляется "всегда" движениями жизни животной личности и обслуживает ее, а не его. Так что духовному существу отдельного человека приходится иметь дело не только со своей животной личностью, но и с всемогущей коллективной животной личностью, абсолютно властвующей в мире "сочных, сильных, не сомневающихся людей" ("Анна Каренина", 5.XXV).

Противостояние такого рода уже отчетливо напоминает противостояние добра и зла или света и тьмы. Недаром Толстой еще в "Анне Карениной" писал о тяге к общественной деятельности, как о недостатке "силы жизни" сердца, духовной жизни (3.I). Каренин знал, что люди будут активно ненавидеть его "за то, что он постыдно отвратительно несчастлив. Он знал, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будут безжалостны к нему", как стая собак (5.XXI). Накал этого места романа таков, что не оставляет сомнения в позиции Толстого.

"Воскресение" - роман о победе, даже торжестве духовного Я в жизни. Несмотря на некоторые аккорды финала, «Анна Каренина» есть роман о поражении духовного Я в

жизни, подвластной "злому духу" животной личности - как своей собственной, так и общей, коллективной. "Мне отмщение", надо думать, положено за поражение духовного Я в жизни героев. "Аз воздам" тут звучит глуше и по видимости имеет в виду Левина и его супружескую жизнь. Учтем, однако, что для этого поражения (или этой победы) духовного Я нужно, чтобы оно как-то заметно проявило себя в жизни. В той мере, в какой "Анна Каренина" есть роман о проблемах духовной жизни, эпиграф романа имеет отношение к тем героям, жизнь которых пусть ненадолго, но осветилась солнечным светом от «бога своего».

В "Воскресении" духовное существо проявляется и оживает в трудных, не совсем обычных обстоятельствах, но все же в повседневном течении жизни героев. В "Войне и мире" и "Анне Карениной" духовное существо проявляется получудесным образом и в самых исключительных ситуациях жизни героев. Это князь Андрей после смертельного ранения и Пьер после испытания расстрелом в плену⁶. Это Анна, Каренин, Вронский у постели прощающейся с жизнью Анны. В сцене этой действуют уже не люди, а "высшие существа", как говорил о ее участниках Ф.М. Достоевский. Если "Анна Каренина" есть роман о духовной жизни, то глава XVII четвертой части его есть смысловой узел романа и его вершина, к которой и от которой все в нем движется⁷. Понять это место - значит понять замысел Льва Николаевича.

Исследователям Толстого хорошо известно, что в самом начале работы над романом Каренин был представлен кротким, наивным, добродушным человеком, который, по одной из рукописей, имел "несчастье носить на своем лице слишком ясно вывеску сердечной доброты и невинности"⁸. Таким образом, вначале Толстой создавал максимально выгодные условия для проявления духовного существа в герое. Это облегчало, но и обедняло задачу писателя, и потому он преобразил героя, придав его натуре такую жесткую установку, которая не давала и, казалось бы, не могла дать ход даже проблескам света духовного существа в нем. Но и такое, прочно запертое в рамках каренинской животной личности духовное существо вдруг все же прорвалось в нем, и он из "жалкого существа" был "вознесен на внушающую подобострастие высоту" (4.XVIII).

Вершина романа, глава XVII четвертой части, открывается указанием на то, что Алексей Александрович перед получением телеграммы от Анны с досадой вспоминал слова Долли о христианском прощении, считая, что они совершенно неприложимы в его случае. Все, что произошло в его душе потом, было неожиданно, ничем не подготовлено и обстоятельствами жизни не мотивировано. Скорее, наоборот.

Входя в свой дом, Каренин почти сознательно желал смерти жены и даже огорчился, узнав, что она все еще не умерла. Но он сам "не знал своего сердца". Сначала он при виде

слез Вронского "почувствовал прилив того душевного расстройтва", которого он в себе стыдился и которое негласно давало знать о духовном существе в нем. Через несколько минут, у постели умирающей жены, завеса животной личности вдруг прорвалась и рухнула, духовное существо вошло в жизнь, завладело им и превратило его в "высшее существо".

"Душевное расстройство Алексея Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что он перестал бороться с ним; он вдруг почувствовал, что то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, блаженное состояние души, давшее ему вдруг новое, никогда не испытанное им счастье. Он не думал, что тот христианский закон, которому он всю жизнь хотел следовать (!), предписывал ему прощать и любить своих врагов; но радостное чувство любви и прощения к врагам наполняло его душу. Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб ее руки, которая жгла его огнем через кофту, рыдал, как ребенок".

С Алексеем Александровичем произошло то, что Толстой в романе с горькой иронией назвал "случайностью" и что в учении Толстого называется "воплощением" духовного Я в земную жизнь. Нехлюдов и близко не подходил к такому состоянию; да и Толстой в последней фразе романа не предрекает его ему. До Каренина на такую высоту вставал у Толстого только князь Андрей, и то когда он выходил из течения реки земной жизни. Каренин в таком состоянии продолжал жить и активно действовать - не час и не два, а два месяца. И это не был надрыв или выпретенное самолюбование. Он не только простил жену и Вронского, но и всем сердцем, как свою, полюбил их дочку, которая "наверно, умерла бы, если бы он о ней не позаботился" (4.XIX). Читая это, чувствуешь, что Толстой сам поражается тайной духовного существа в человеке. Быть может, трагический образ неземного, одинокого и терзаемого людьми Каренина в четвертой части романа - абсолютный пик религиозно-художественного творчества Льва Толстого.

История, рассказанная нам Толстым, не история адюльтера и развода, которая в бесчисленных вариантах встречается на каждом шагу и завершается более или менее "благополучно". Основное действие романа только включено в течение обычной жизни, но совершается не в ней. История Каренина и Анны - это общечеловеческая и сверхчеловеческая история воскресения и гибели духовного существа в душах людей. В ней урок и вопрос, который Толстой задал сам себе и Господу.

Н.Н. Страхов говорил о продуктивности взгляда на искусство Толстого с точки зрения его учения. "И наоборот, - продолжает Н.Н. Страхов свою мысль, - чтобы точно понять направление и дух его последних поучений, мы можем и должны обращаться к его чисто художественным созданиям, где этот дух раскрывается еще спокойно, еще без порыва

и волнения, и потому высказывается часто с великой тонкостью и правдой, хотя прежде многие видели в этом только одну роскошь еще неслыханного художества".

В "Анне Карениной" есть нечто, что раскрывается только от учения Толстого. Но есть и то, что по определенным причинам в его учении почти не раскрыто, не разработано, отодвинуто на периферию, но что несомненно обогатило бы его.

Устами героини своего романа Толстой сказал о двух "я" в человеке намного раньше, чем вышел к людям с проповедью. "Не удивляйся на меня, - объясняет Анна себе, мужу, читателю то, что с ней произошло во время болезни. - Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь - она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся".

Та, которая "полюбила того" и хотела возненавидеть мужа, - животная личность Анны. Но "та не я"; настоящее "я" Анны - ее духовное Я. Так можно понять, прикладывая к героине схему учения Толстого о человеке. Однако из слов Анны мы узнаем, что она "теперь" такая, какая была "прежде", до встречи с Вронским, до того, как страсть к жизни ее животной личности завладела всей ее душой. "Я все та же..." - говорит она мужу, и только он способен понять ее.

Они поженились, не любя друг друга. То была "ошибка", как говорил Стива Облонский. В результате этой "ужасной ошибки" (4.XXI) она полюбила Вронского. Это, как говорит Стива, "факт". Но было, оказывается, в их супружеской жизни что-то, что неизвестно Стиве и что незаметно читателю канонического текста романа. Только в сцене у постели Анны мы узнаем, что Каренин " всю жизнь свою хотел следовать " идеалам Нагорной проповеди. Раньше Толстой нам об этом не поведал, как не поведал и о том, о чем, по-видимому, и нельзя было рассказать: об их сокрытой (даже для них самих), но тем не менее состоявшейся духовной связи, об уже бывшей "прежде" связи духовных существ в их душах. В супружеских отношениях Карениных была не только фальшь (которую отметила Долли) от антагонизма их животных личностей, но была на глубинном уровне и свитость их духовных существ. Сам Каренин "не знал своего сердца", но за него жена знала сердце его, знала в силу сокрытой от всех духовной свитости их.

"Он добр, он сам не знает, как он добр. Ах! Боже мой, какая тоска... Вы оттого говорите, что он не простит, что вы не знаете его. Никто не знал (!). Одна я, и то мне тяжело стало (!). Его глаза, надо знать, у Сережи точно такие же, и я их видеть не могу от этого... Теперь я понимаю, и все понимаю, я все вижу". И еще: "Он святой".

Духовное Я "воскресло" в Анне, но не так, как духовное Я воскресало в Нехлюдове. Духовное воскрешение Анны особого рода, о котором почти не говорится в религиозных

трудах старца Толстого. Это воскресение именно супружеской (и шире - семейной: глаза у сына Сережи "точно такие же"!) одухотворенности, сплоченности их "духовных существ", существовавшей "прежде", но поруганной оттого, что - как теперь понимает Анна - ей "тяжело стало"...

Сцену, которую мы разбираем, часто называют "сценой прощения" (Карениным Вронского и Анны). Но это прежде всего и более всего сцена, в которой обнаруживается метафизическая (и даже мистическая) связь душ супругов Карениных. Такая связь обеспечивается не таинством брака и не восторгом влюбленности, а неприметно наживаемой свитостью "высших существ" в душах мужа и жены. Никогда не знаешь, состоялась эта связь или нет. Наступает момент, и она, как в романе Толстого, обнаруживается в супружеской жизни. Или так никогда не обнаруживается. Или вдруг обнаружится, что связи этой не было и нет.

Речь в романе Льва Толстого идет не о взаимоотношениях полов, не о моральных проблемах брака и развода, а о духовном сопутстве в супружестве. Брак сам по себе, сколь бы счастлив он ни был и сколь долго ни продолжался, еще не обеспечивает взаимной сплоченности духовных существ мужа и жены. Дело это решается на небесах и не сразу. В отличие от животных личностей духовные существа свободны. Их нельзя совместным житием принудить быть вместе. Единение духовных существ само по себе обладает мистической ценностью, есть одна из основ личной духовной жизни и одно из высших достояний человека как такового.

Судя по всему, супруги Каренины не давали себе отчета, что они связаны таким образом. Но вот духовная сплоченность их обнаружила себя, вошла в сознание, стала "фактом". В явленном духовном единении супругов есть, как любил говорить Толстой, "рука Хозяина", которую каждый из них ощущает по той могучей метапсихической силе взаимной ответственности, которая держит души вместе и не отпускает друг от друга. И Анна, и Каренин в минуту откровения любви своих духовных существ вполне узнали эту силу в себе. Но наперекор ей вскоре разрушили ту сплоченность, которую духовные существа образовали в них и ими. Что совсем не только их личное дело. В сплоченности, которую они посмели разрушить, присутствует Бог. Так учат многие религиозные учителя, так учил и Лев Толстой. Тут не вина прелюбодеяния, не супружеская измена и не измена морали, а измена ясно заявленным требованиям их духовных существ, измена Богу, духовная измена; и следовательно, нарушение Замысла Бога на человека. Ясно - за что им отмщение Бога, "Мне отмщение".

Самая возвышенная земная любовь может стать порочной, когда в ней исключено участие духовных существ. Такова любовь Анны и Вронского. Из сцены самоубийства Вронского ясно, что проявление света духовного существа совершенно непосильно его душе. Вронский способен жить и достойно живет только при лунном свете сознания. Духовное существо Анны Карениной не может входить в какую-либо новую супружескую связанность по другой причине. В душе человеческой много разных свободных мест, так или иначе заполняемых в жизни и вновь освобождаемых. Но место, предназначенное для другого духовного существа, в душе человека только одно. И место это занято в душе Анны. Супружеская духовная свитость возможна в жизни только раз. Что хорошо знал Левин (2.XII). Что интуитивно знает каждый душевно здоровый юноша и каждая чистая душою девушка, которые прежде всякого опыта любви убеждены, что любить в целой жизни должно один раз, и мечтают только о такой любви. Единобрачие - закон супружеской личной духовной жизни, в который нельзя разлюбить и полюбить другого. Не будь духовной свитости Каренина и Анны, не было бы, возможно, и вины Анны перед Ним, не было бы и "Мне отмщения". Но не было бы, в таком случае, и романа Толстого.

Анна поставлена автором в безвыходную ситуацию жизни. Ее духовное существо связано с мужем, но ее животная личность с всею страстью невостробованной любви замкнута на "другом Алексее", Алексее Вронском. Мало того, облик животной личности мужа с некоторых пор стал отвратителен для нее. Муж мертвит ее земную личность, а Вронский ее эмоционально оживляет. Но с ним не может быть духовной свитости, а с мужем она завязана в такой узел, развязать который не дано человеку. Эта крайняя ситуация необходима Толстому потому, что она наиболее ярко высвечивает трагедию изначальной раздвоенности, заложенной во внутренней жизни человека.

Символический образ этой трагедии и этой раздвоенности дан Толстым в одной короткой фразе все той же главы XII четвертой части романа. Анна говорит мужу, что в ней два "я", что она вот-вот умрет, что ждет от него прощения, что он "слишком хорош" (то же самое говорит Наташа об умирающем князе Андрее), и в эту высочайшую минуту в его и ее жизни "она держала горячей рукой его руку, другою отталкивала его"! Слова эти просятся в эпиграф к роману.

Мы знаем, что, по учению Толстого, духовное существо не противоборствует с животной личностью. Не противоборствуют они и в душе Анны. Но духовная любовь к мужу тянет ее духовное существо в одну сторону, а любовь к Вронскому - совсем в другую. И получается, что духовное существо и животная личность разрывают душу Анны. Она знает, что она "хуже, чем погибла... Я - как натянутая струна, которая должна лопнуть. Но

еще не кончено... и кончится страшно... Я чувствую, что лечу головой вниз в какую-то пропасть, но не должна спасаться. И не могу" (4.XXI).

Трагедия Анны Карениной, по сути дела, содержится в самой структуре человеческой души, в которой вместе обитают "два человека", способные тянуть в противоположные стороны. Трагедия Анны есть предельное выражение трагедии, исходно присущей жизни человека как таковой. "Серьезность Вашего тона просто страшна, - писал Н.Н. Страхов Толстому в марте 1877 года, - такого серьезного романа еще не было на свете".⁹

Анна говорила, что не должна спасаться, она сама и не спасалась. Страсть Вронского в пылкую минуту сообщилась ей, и она, "бледнея все более и более", сдалась ему. "Все-таки, - говорит она, - что-то ужасное есть в этом (в ее и Вронского любви. - И.М.) после всего, что было", то есть после того, как все они побывали "высшими существами". "Любовь наша, - отвечает ей Вронский, - если бы могла усилиться, усилилась бы тем, что в ней есть что-то ужасное" (4.XXIII). Вронский, не понимая, полусхитрит. Но его устами Толстой говорит жуткую правду. Вспомним, что и Нехлюдову перед соблазнением было жалко беззащитную Катюшу, "но, странное дело, эта жалость только усиливала вожделение к ней" (1.XVII).

Толстой не пожелал оставлять себя и читателя в ужасе перед так устроенной жизнью. В противовес безвыходно трагической ситуации Анны, он создает другую ситуацию жизни, ситуацию Кити и Левина, в которой выполнены все предварительные условия для полноценной и гармоничной супружеской жизни.

Судьба Кити устроена автором так, что прежде, чем стать женой Левина, она испытала (все с тем же Вронским!) и в полной мере изжила в себе то могучее прельщение животной личности, которое погубило Анну. Мало того, в ней после этого (но до замужества) сама собою пробудилась духовная жизнь. И этого мало - она сама, без участия мужа и до него, постигла, как трудно "удержаться на той высоте, на которую она хотела подняться", и даже "почувствовала всю тяжесть этого мира горя, болезней, умирающих, в котором она жила" (1.XXX). С такой духовной зрелостью и имея мужем Левина, нечего страшиться участи Анны. Это - удача для Кити и Левина, "случайность" в жизни, но ведь не правило ее. Удача жизни этих героев нужна автору во многих отношениях. И не в последнюю очередь для того, чтобы не в полной безнадежности вывести на просторы романа те грозные злые силы, которые губят Анну и ее мужа.

В духовной биографии Каренина и Анны Толстой незаметно обошел только один пункт: как произошло "воскресение" супружеского духовного существа Анны. В романе мы надолго расстаемся с ней в тот момент, когда она сообщает мужу, что родит, и думает:

"...разве может человек с такими мутными глазами, с этим самодовольным спокойствием чувствовать что-нибудь?" (4.IV) В следующий раз мы вместе с Карениным видим "глаза ее, которые смотрели на него с такой умиленной и восторженной нежностью, какой он никогда не видел в ней". У постели жены Алексей Александрович стал "высшим существом" не сам по себе, а под прямым воздействием того, что неведомо как произошло в душе его жены. Ее состояние сообщилось ему по каналу духовной связи, существовавшему только для них двоих; и дало им двоим высочайшее благо. "Она обняла его плешивую голову, подвинулась к нему и с вызывающей гордостью подняла глаза к небу (!).

- Вот он, я знала. Теперь прощайте все, прощайте!" (4.XVII).

Он и она - один и тот же гребец, слитый из духовных существ мужа и жены; они заодно гребут в одном направлении, но сидят в разных лодках и даже в разных водах реки. Ни в какой из этих лодок ни на минуту нельзя перестать грести - иначе они унесутся друг от друга по своим течениям. Воскресение духовного существа Анны, объясняет Толстой, было произведено ощущением близости смерти, и как только опасность миновала, Каренин заметил, что она тяготится им (см. 4.XIX). Вскоре она скажет Вронскому: "Да, ты овладел мною, и я твоя" (4.XXIII).

Анна подняла свою душу и душу мужа на недостижимую духовную высоту, на которой он мог держаться только вместе с ней, и затем пожелала "быть избавленной от его постылого присутствия" (4.XX). Каренину предстоит выдержать поругание духа в себе. Его сила ответственности за судьбу их общей супружеской одушевленности такова, что он готов снести все. Не Анна должна была "спасаться", это мог и должен был сделать за нее муж. Каренин отчетливо понимал это, но не смог и не сделал. Почему?

"Благой духовной силой" в душе Каренина противостоит "другая, грубая, столь же или еще более властная сила, которая руководила его жизнью" (4.XIX). Он сознавал "могущество этой грубой таинственной силы", которая вразрез духовному существу подымала в его душе "чувство злобы, разрушившее его спокойствие и всю заслугу его подвига". Каренин "чувствовал себя бессильным; он знал вперед, что все против него и что его не допустят сделать то, что казалось ему так естественно и хорошо, а заставят сделать то, что дурно, но им кажется должным". Силу, о которой говорит Толстой, его герой замечал в глазах всех, кто знал о его положении, и "в глазах адвоката и теперь в глазах лакея. Все как будто были в восторге, как будто выдавали кого-то замуж. Когда его встречали, то с едва скрываемой радостью спрашивали об ее здоровье" (4.XIX).

В штрихах этих узнается некоторая вневременная человеческая сила, низменная, агрессивная и злорадная - та, которая с радостью губит всякие движения жизни духовного

существа. Толстой сам в ужасе перед этой метафизической силой, силой совокупной животной личности, которая правит в мире людей и которая, как это объяснено в "В чем моя вера", есть главное зло этого мира. Выход духовного существа в нашу жизнь, благодаря этой силе, становится делом отнюдь не безопасным. Дневной свет духовного существа светит в мир героев романа из тяжелых туч, не может пробиться сквозь них, а, когда пробивается на мгновение, то тотчас гасится "злым духом" коллективной животной личности. Не будь линии Левина и Кити, и роман Толстого создавал бы впечатление бессилия духовного существа и невозможности его выживания в этом мире.

Каренин, как и Анна, в результате оказался "для самого себя в безвыходном положении"; он не мог примирить то, что было, когда духовное существо овладело им, с тем, что стало, когда "как бы в награду за все это, он теперь очутился один, опозоренный, осмеянный, никому не нужный и всеми презираемый" (5.XXI). Кончилось тем, что "в особенности его прошение, никому не нужное, и его заботы о чужом ребенке жгли его сердце стыдом и раскаянием" (5.XXV).

Вот так. Духовное существо, конечно, не может погибнуть, но может оказаться в плену и замереть. У Каренина, как и у Анны, как и у самого Толстого в то время, "винт свинтился" (7.XXX).

Тема "злой, грубой и таинственной силы" в романе с точки зрения духовной биографии Льва Толстого предельно значима. Во времена завершения "Анны Карениной" Толстой, как рассказано в "Исповеди", видел, "что жизнь есть бессмыслица, суета и зло и что лучше не жить. Я не мог не знать этого и, когда узнал, не мог закрыть на это глаза" (23.29). Солнечный свет духовного Я Толстого прежде всего осветил то, что человеческая жизнь есть Царство животной личности, власть ее могущественной грубой силы. В душах людей живут отблески духовного Я, но выдержать прямое явление духовного Я в условиях Царства животной личности человеку, вообще говоря, непосильно. Состояние души и мысли Льва Николаевича накануне духовного перелома ставило глобальный вопрос, ответ на который через несколько лет был найден и зафиксирован в проповеди Толстого, где, как мы знаем, он крушил Царство животной личности (везде, где только он видел его проявления) и полагал заменить его новым Царством, основанным исключительно на проявлениях жизни и сознания духовного существа в людях.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. О ДУХОВНОЙ ЛЮБВИ

1

"Все люди с самых первых детских лет знают, что кроме блага животной личности, есть еще одно, лучшее благо жизни, которое не только независимо от удовлетворения похотей животной личности, но, напротив, бывает тем больше, чем больше отречение от блага животной личности"(26.382).

Благо это – ЛЮБОВЬ.

Животная личность любит свойственной ей любовью. У высшей души своя, истинная любовь. Состояние жизни высшей души, состояние истинной любви возникает тогда, когда человек переносит центр тяжести своей жизни из животной личности в высшую душу.

"Истинная любовь, прежде чем сделаться деятельным чувством, должна быть известным состоянием. Начало любви, корень ее, не есть порыв чувства, затемняющий разум, как это обыкновенно воображают, но есть самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, свойственное детям и разумным людям. Состояние это есть состояние благоволения ко всем людям, которое присуще детям, но которое во взрослом человеке возникает только при отречении и усиливается только по мере отречения от блага личности"(26.390).

Исполнение заповедей любви к Богу и ближнему дает людям жизнь истинную. Услышав это от законника, Иисус "сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай и будешь жить" (Лк.10:28).

"Любовь истинная есть самая жизнь"ⁱ – комментирует это место Толстой (26.393), во главу угла учения которого поставлено определение истинной жизни как любви.

"Любовь по учению Христа есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и бесконечная"(26.393,4), то есть не жизнь животной личности, а жизнь высшей души. Человек знает истинную любовь в себе только тогда, когда полнокровно живет жизнью высшей души.

Любовь есть жизнь не в том смысле, что любовь повышает тонус и полноту жизни или что любовь есть самое важное проявление жизни, и не в том, что любовь есть существенное свойство жизни, и не в том, что любовь есть одно из главнейших переживаний, свойственных жизни, и даже не в том, что сама жизненность адекватно выражается в переживаниях любви, а в том, что чувствовать жизнь в себе, чувствовать себя живущим есть то же самое, что любить, что любовь совпадает с чувством себя живущим и, следовательно, тождественна самой жизненности. Возможно, что понятнее сказать не любовь есть жизнь, а жизнь есть любовь.

Любовь-добро, любовь-благоволение есть сама жизненность, которой живет высшая душа. Такой любовью любят не за что-нибудь, не для чего-нибудь и не почему-нибудь. "Можно любить всякого человека, - записал Толстой в 1907 году. - Только, чтобы любить так человека, надо любить его не за что-нибудь, а ни за что. Только начини любить так, и найдешь, за что"(56.35). Для такой любви вообще "не нужно предмета", как говорила брату княжна Марья в романе Толстого.

По тому, как люди легко и уверенно произносят слова: «Жизнь есть любовь» или «Любовь есть Бог», можно заключить, что они плохо понимают их. Тождество Любви и Жизни не поддается рациональному осмыслению и вряд ли доступно уму человеческому.

ⁱ Подчеркивания в тексте принадлежат автору этой книги. Шрифтовые выделения Толстого (и других авторов) в цитатах выделяются курсивом.

Адекватно воспринимать и обсуждать жизнь и любовь, как и другие явления духа, средствами интеллекта всегда очень трудно. Строй интеллекта не соответствует такого рода явлениям. Рассуждениями и доказательствами невозможно свести жизнь к любви или наоборот.¹⁰

Тождество Любви и Жизни познается личным прозрением, и не другого человека, а только собственным. По прозрению Льва Толстого во внутреннем мире человека существуют две души, два потока жизненности и, значит, два рода любви. Если философ или психолог говорит, что родов любви пять¹¹ или двадцать пять (обычное утверждение в наше время), то он должен ясно представлять, что тем самым он утверждает наличие пяти или двадцати пяти пронизывающих потоков жизненности, пяти или двадцати пяти душ в структуре человека, и определить их все.

Божественная высшая душа явлена в нас и определена как своим особым чувством жизни, так и своим особым сознанием жизни. Высшая душа сознает себя живущей, обладает сознанием своей жизни - "разумом"¹² или "разумным сознанием" в терминологии Толстого. И она же чувствует жизнь в себе, обладает чувством своей жизни - любовью-благоволением ко всему. Любовь-благоволение есть та жизненность, которой может жить только высшая душа человека. Как назвать эту жизненность и это чувство жизни высшей души? "Истинным", "подлинным", как называл Толстой в проповеднических целях? Или "христианским", "евангельским"? Я буду пользоваться понятием агапической любви, которое испокон веков бытует в евангельском лексиконе.¹³

Слово "агапическое" мы будем использовать не только в качестве обозначения определенного типа любви, но и для обозначения соответствующей ей жизни и ее состояния. Мы будем говорить об "агапической жизненности", в поле которой способна обрести себя высшая душа. Мы будем говорить об агапическом чувстве жизни высшей души, которое много раз описывал Толстой. Две дневниковые записи 1907 года:

«Как редко встречаешь и – еще реже - испытываешь истинную любовь – любовь к любви, любовь не только ко всем людям, но ко всему, к Богу»(56.12).

«Как ни с чем несравнимая, удивительная радость – и я испытываю ее – *любить* всех, всё, чувствовать в себе эту любовь или, вернее, чувствовать себя этой любовью. Как уничтожается все, что мы по извращенности своей считаем злом, как все, все – становятся близки, свои...ⁱ Да не надо писать, только испортишь чувство.

Да, великая радость. И тот, кто испытал ее, не сравнит ее ни с какой другой, не захочет никакой другой и не пожелает ничего, сделает все, что может, чтобы получить ее... Ах, как бы удержать ее или хоть изредка испытывать ее. И довольно»(56.153-4).

Высшей душой (а не животной личностью) можно любить и отечество (и тогда это не будет национализм, против которого воевал Толстой), и искусство (и тогда возникнет другое искусство, за которое ратовал Толстой), и науку (и тогда это будет иная, чем наша, сегодняшняя, идущая в тупик, наука). Но наиполнейшим и высочайшим проявлением агапической жизненности высшей души и агапического чувства жизни в человеке является любовь к врагу. Любовь к врагу, в этом смысле, маркирует агапическое чувство жизни.

«Если у тебя есть враг, отравляющий твою жизнь, - спрашивает Толстой, - надо ли тебе желать избавиться от него?" И отвечает: "Нет. Если ты сумеешь воспользоваться своим врагом так, чтобы выучиться на нем: прощать, любить врагов, то, что приобретаешь этим, гораздо больше благо, чем то, которое ты бы имел, избавившись от врага. И не только больше; но то было благо временное, а это – вечное, не для одной только этой жизни» (54.108).

Только жизнь высшей души есть по Толстому подлинная жизнь, искаженным подобием которой живет животная личность. Поэтому агапическая любовь есть одновременно и корень жизни человека как такового.

ⁱⁱ Многоточие в подлиннике.

"И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное" (Мф.18:3).

"Словам этим, – замечает Толстой, - так же, как и блуднице, побиваемой камнями, особенно посчастливилось, и бесчисленное количество рассуждений, чувствительных фраз и картин написано на эту тему, но смысл этих много раз повторенных слов остается не только туманным, но совсем непонятным"(24.574-5).ⁱ

Человек рождается с высшей душой и низшей душой в себе. В младенчестве, когда низшая душа еще не задействована, ярко сияет высшая душа. Потом низшая душа забивает свечение высшей души. Высшая душа есть в ребенке, но еще не способна противостоять низшей душе, не умеет работать в нем так, как низшая душа. В этом смысле можно сказать, что высшая душа введена, но не взведена в человеке, то есть не может совершать ту внутреннюю работу, которую Толстой считал необходимой для исполнения воли Бога и спасения человека от смерти.

Человек рождается на рост и на вырост высшей души в себе.

"Что же значит быть похожими на детей? – спрашивает Толстой. – Быть глупым как дети, этого не мог сказать Иисус, увещевавший людей к разумению. Быть слабым как дети, это ни к чему не нужно. Быть не злобным как дети, это неправда, дети бывают очень злы. Быть готовым на все, любить Бога и ближнего, - дети уже никак не могут, дети – самые эгоистические существа"(24.575).

Прелесть "чистоты" детства для постоянно живущего во внутреннем противостоянии и постоянно "обдумывающего себя" взрослого в том, что малый ребенок еще не способен на продуманные

ⁱ Все цитаты из тома 24 ПСС относятся к «Соединению и переводу четырех Евангелий».

каверзы, обслуживающие нужды уже ставшей самовластной животной личности взрослого человека. В ребенке нет еще того напора "заблуждений плоти", которые составляют жизнь взрослого. Какие-то стороны животной личности ребенка уже раскручиваются в нем, какие-то еще не включены и спят. Но малый ребенок "невинен" - и потому, что без работы высшей души он (в сравнении со взрослым) внутренне бесконфликтен, и потому, что его животная личность не обрела еще полную силу своей вольности, и потому, что он еще не испорчен злом взрослых.

Всего важнее для Льва Николаевича то, во что верят не познавшие взрослую жизнь дети. Дети же верят, "что жизнь – добро". А "это – и больше ничего – есть учение Иисуса"(24.578).

Дети – естественные носители агапической жизненности и любви.

"Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, – чтоб всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтоб всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека"(26.394).

Это цитата из «О жизни».¹⁴ Через несколько лет Толстой запишет в Дневнике:

"Если бы мне дали выбирать: населить землю такими святыми, каких я только могу вообразить себе, но только чтобы не было детей, или такими людьми, как теперь, но с постоянно прибывающими свежими от Бога детьми, я бы выбрал последнее"(52.74).

Естественная агапическая любовь детей и их вера в то, что жизнь - добро, практически выражается в естественном же исполнении ими заповедей Нагорной проповеди.

"1) Не сердиться и прощать обиды, сделать так, чтобы никто не имел гнева на тебя, - дети делают это всегда, никто не сердится на детей.

2) Не блудить – дети не блудят.

3) Не клясться – дети не понимают, что такое клятва.

4) Не судить – они только боятся суда.

5) Не иметь врагов государственных – они и не понимают этого"(24.575).

Недрузи Толстого говорят, что он свел все Евангельское учение к нескольким заповедям Нагорной проповеди. Разумеется, это не так. Нагорная проповедь занимает особое место в учении Толстого потому, что она – сфера прозрений Льва Николаевича о человеке. Нагорная проповедь для Толстого не столько определенное число заповедей сакрального текста, сколько те основные линии, на которые раскладывается жизнь человека. Линии эти Толстой множество раз осмысливал, переосмысливал, доосмысливал. Они составляли конструктивный стержень его проповеди разных лет жизни. Изучать развитие проповеди Толстого - значит изучать перемены смыслов и ударений в трактовке этих неизменных линий жизни. Это, впрочем, в чистом виде научная работа.

В каждой линии жизни расставлены свои соблазны. Через соблазны "зло завязывает нас в плотской гибели. Насколько мы развяжем это зло, настолько мы приобретем жизнь"(24.895). Соблазны сами по себе – ни зло, ни добро, а западни, "через которые зло входит в мир и которых должны бояться люди". Создает и расставляет эти ловушки и западни животная личность в человеке, попадает же в них - сознание его высшей души.

Живя в агапической жизненности, дети не имеют соблазнов. И, взрослея, они сами не создают их себе. Соблазны им прививают взрослые. "И ни один ребенок не погибает по воле Бога; все погибают только от людей, потому что люди отманывают их от добра", внушая ложные представления. Выбраться из ловушки соблазна, в которую человек введен в раннем возрасте, чрезвычайно трудно. И потому "невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они

приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих" (Лк. 17:2-3). По мнению Толстого, тут говорится не о суровом наказании взрослого за соблазнение ребенка, а о гибели ребенка, которому воспитатель надевает жернов на шею и с ним бросает в глубины взрослой жизни(24.577).

Люди давно жили бы в Воле Бога и были бы счастливы, убежден Лев Николаевич, если бы сами не портили соблазнами своих детей. Надо сохранить данное человеку. Спасение мира людей от гибели – в ответственном и правильном воспитании детей, воспитании, направленном на то, чтобы и во взрослом состоянии сохранить исходную натуральную агапичность и несоблазненность, свойственную душе ребенка. Отсюда такое внимание религиозного учителя Толстого к педагогическим проблемам.

Разумеется, в полной мере задачу "сохранения" выполнить невозможно. И следовательно, появляется необходимость "восстановления" несохраненного. Кроме того, в задачу жизни человека на земле входит не только сохранение, но и возвращение высшей души в ее агапической жизненности. Взрастить высшую душу в агапической любви также значит восстановить ее.

Греческое слово, которое в тексте Евангелия переводится как "воскресение", в смысле оживления после смерти и повторного земного существования, Толстой везде переводит либо словом "пробуждение", либо словом "восстановление".¹⁵

В Евангелии: "А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят. И умереть уже не могут, ибо они равны ангелам и суть сыны Божьи, будучи сынами воскресения" (Лк. 20:35-36).

Перевод Толстого: "Те же, которые сделаются достойными той жизни и восстановления к жизни от смерти, не женятся и замуж не выходят, потому что они и умирать уже не могут, потому что они

делаются волей Божией, делаются сынами Бога и сынами восстановления"(24.611).

Восстановленный человек живет агапической жизнью, в которой, разумеется, не женятся и замуж не выходят.

Человек "мертвый", то есть живущий только земной смертной жизнью, обладает своей волей, самоволием животной личности. Человек "живой", то есть живущий истинной, агапической и бессмертной жизнью, вместо воли своей животной личности ставит своей волю Бога - и сам делается волей Бога. Впоследствии Толстой пользовался и понятием "воскресения", но всегда понимал его "как пробуждение жизни истинной в жизни плотской и соединение ее с Богом"(24.617).

Иван Ильич в рассказе Толстого «воскрес», стал живым оттого, что пожалел ближних своих.¹⁶ Есть нервическая жалостливость животной личности, и есть жалость-доброта, жалость-милость высшей души. Это последнее чувство жалости - род агапического чувства. Вот как Толстой в 1906 году объяснял, что это такое:

"На народном языке жалеть значит любить. И это верное определение того рода любви, который больше всего связывает людей и вызывает их любовную деятельность. Есть любовь, когда, видя высоту, правду, радость человека – существа, чувствуешь свое единство с ним, желаешь быть им. Это любовь низшего существа к высшему. И есть любовь, и самая нужная – перенесение себя в другого, страдающего человека, сострадание, желание помочь ему. Это: жалеть – любить. Первая любовь может перейти в зависть, вторая может перейти в отвращение. – Первая любовь: любовь к Богу, к святым, к лучшим людям, свойственная человеку, но особенно важно развить в себе вторую и не дать ей извратиться в отвращение. В первой любви мы жалеем, что мы не такие, как те, кто лучше нас, во второй любви мы жалеем, что люди не такие, как мы: мы здоровы, целы, а они больны, калеки. Вот тут надо особенно стараться выработать в себе такое же отношение к духовно больным людям, развращенным, заблуждающимся, гордым (что особенно трудно), как и к больным телесно. Не сердиться на них, не спорить с ними, не осуждать их, а если не можешь помочь, то жалеть их за то, те духовные качества и болезни, которые они несут, не легче, а еще тяжелее телесных»(55.278-9).¹⁷

Евангельский эпизод, по которому женщина в доме Симона разбила драгоценный сосуд и вылила миро на Иисуса, Толстой

комментирует так: "Она отбросила богатство во имя жалости. Она сделала безумное для сынов мира сего дело, для дела света, для жалости. Она в своем поступке соединила оба основания учения Иисуса: *отдать все, что у тебя есть, и жалеть и любить ближнего*"(24.415).

Повседневное агапическое чувство жизни выражается чувством жалости. По агапическому чувству ближний тот, кого жалеет высшая душа. И это понятно. Верно, что для агапической любви предмет любви не нужен. Но так же верно и то, что объект для агапической любви нужен затем, чтобы вызывать в себе самонстекание агапической жизненности. Не отсюда ли христианский культ жалости к убогим, сирым, немощным, нищим, всем тем, через которых легче (свободнее) вызывается в себе поток собственно агапических переживаний?

3

Животной личности чувство любви "представляется одним из тех тысяч разнообразных настроений, в которых бывает человек во время своего существования: бывает, что человек щеголяет, бывает, что увлечен наукой или искусством, бывает, что увлечен службой, честолюбием, приобретением, бывает, что он любит кого-нибудь"(26.384).

Любовь животной личности далеко не всегда есть деятельность добра или переживание добра. Это то самое чувство, "по которому отец, мучая себя, отнимает последний кусок хлеба у голодающих людей, чтобы обеспечить своих детей; это то чувство, по которому любящий женщину страдает от этой любви и заставляет ее страдать, соблазняя ее, или из ревности губит себя и ее; то чувство, по которому бывает даже, что человек из любви насильничает женщину; это то чувство, по которому люди одного товарищества наносят вред другим, чтобы отстоять своих; это то чувство, по которому человек мучает сам себя над любимым занятием и этим же занятием причиняет горе и страдания окружающим его людям; это то чувство, по которому люди

не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими"(26.385).

В отличие от агапического чувства, для которого "не нужно предмета", любовь животной личности есть непосредственное чувство предпочтения к кому-то или чему-то, чувство особого пристрастия, которое человек почему-либо начинает испытывать. "Страстность проявления этих предпочтений только показывает энергию животной личности"(26.389).

Но у каждого свои предпочтения и пристрастия, и они заявляют свои требования вполне беспорядочно, а то и все вместе. И потому такие чувства любви в разных людях "должны прийти в столкновение и произвести нечто не благое, а совершенно противное понятию любви"(26.388), "тому понятию, которое мы все невольно соединяем со словом любовь"(26.384), то есть добра и блага.

"Происходит то, что сказано в Евангелии: "Если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?" Если бы в человеке не было ничего, кроме любви к себе и к своим детям, не было бы и 0,99 того зла, которое есть теперь между людьми. 0,99 зла между людьми происходит от того ложного чувства, которое они, восхваляя его, называют любовью и которое столько же похоже на любовь, сколько жизнь животного похожа на жизнь человека"(26.388). "Величайшее зло миру" приносит "и так восхваляемая любовь к женщине, к детям, к друзьям, не говоря уже о любви к науке, к искусству, к отечеству, которая есть ничто иное, как предпочтение на время известных условий животной жизни другим"(26.389).

Такие места писаний Льва Толстого часто вызывают негодование читателей. Негодующий читатель, видимо, не понимает, что Толстой не призывает ликвидировать в себе любовь к детям, друзьям, жене, отечеству, искусству и не стремится к этому. Он говорит о том, что любовь такого рода "это только известные предпочтения одних условий блага своей личности другим. Когда человек, не понимающий своей жизни, говорит, что он любит свою жену или ребенка, или друга, он говорит только то, что присутствие в

его жизни его жены, ребенка, друга увеличивает благо его личной жизни"(26.389).

Любовь животной личности "увеличивает временное благо личности человека" (26.394), не более того. Но определяет ли такая любовь чувство жизни и саму жизненность, в поле которой живет самость человека, его животная личность? На этот вопрос Толстой в разные времена отвечал по-разному. С точки зрения Толстого середины 80-х годов, эта любовь – не фикция и не нелюбовь, а "есть только дичок, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичок не есть яблоня и не дает плодов или дает плоды горькие вместо сладких, так и пристрастие не есть любовь и не делает добра людям или производит еще большее зло"(26.389). Суровый приговор. Но приговор этот не отрицает того, что любовь-пристрастие так же точно выражает чувство жизни животной личности, как агапическое чувство выражает чувство жизни высшей души. Любовь-пристрастие неоспоримо входит в целостное чувство жизни человека.

Нет высшей души в человеке, не пробуждена она в нем в той степени, чтобы диктовать свои требования человеку, и он живет только чувством жизни любви-пристрастия. Любовь-пристрастие - это то чувство жизни, которым, практически говоря, живут и чувствуют себя живущими почти все люди на земле. И нет признаков того, что жизнь человеческая может протекать без пристрастной любви.

По представлениям Толстого агапическое чувство жизни человека "становится возможным только при отречении от блага животной личности"¹⁸. Это значит, что "все соки жизни переходят в один облагороженный черенок истинной любви, разрастающийся уже всеми силами ствола животной личности. Учение Христа и есть прививка этой любви, как Он и сам сказал это. Он сказал, что Он, Его любовь, есть та одна лоза, которая может приносить плод, и что всякая ветвь, не приносящая плода, отсекается"(26.389).

Человек "отсекается", если не будет плода, если высшая душа не возьмет верх в нем. Чтобы этого не произошло, в человеке должно проявиться "разумное сознание", выдвигающее высшую душу на передний план. Высшая душа отодвинет благо животной личности и вместо него установит благо любви-благоволения. И все "соки жизни" животной личности должны ассистировать этому процессу. Но – как?

У Толстого один ответ: "Любовь есть предпочтение других существ себе – своей животной личности" или их совокупности (26.390). Это не значит, что жить следует для блага других животных личностей. Это не значит и то, что схождение блага животной личности на нет - обязательное условие "прививки лозы". Тут не вычитание, а отношение, дробь:

"Величина любви есть величина дроби, которой числитель, мои пристрастия, симпатии к другим, - не в моей власти; знаменатель же, моя любовь к себе, может быть увеличен или уменьшен мною до бесконечности, по мере того значения, которое я придам своей животной личности. Суждение же нашего мира о любви, о степенях ее – это суждение о величине дроби по одним числителям, без соображения об их знаменателях"(26.391).

"Величина" дроби, которую обозначил Толстой,¹⁹ определяет духовное достоинство текущего состояния жизни человека. Увеличение значения этой дроби определяет главный показатель внутридушевной жизни человека – показатель его духовного роста. Процессы в животной личности могут служить духовному росту человека и, следовательно, его "спасению" и могут тормозить его, останавливать его духовное восхождение и, следовательно, губить его, "отсекать" его ветвь из жизни.

Обратите внимание, что и в числителе и в знаменателе этой дроби – животная личность. Тут вроде бы нет ни разумного сознания, ни любви-добра, ни высшей души. Хотя последняя опосредованно присутствует в знаменателе в качестве силы, уменьшающей любовь к себе животной личности.

"Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение от блага личности и возникающее от того благоволение ко всем людям.

Только на этом общем благоволении может вырасти истинная любовь к известным людям – своим и чужим. И только такая любовь²⁰ дает истинное благо жизни и разрешает кажущиеся противоречия животного и разумного сознания"(26.391).

Отсюда:

"Только тот, кто не только понял, но жизнью познал, что "сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее", - только кто понял, что любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную, только тот познает истинную любовь. "И кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня. Если вы любите любящих вас, то это не любовь, а вы любите врагов, любите ненавидящих вас". Не вследствие любви к отцу, к сыну, к жене, к друзьям, к добрым и милым людям, как это обыкновенно думают, люди отрекаются от личности, а только вследствие сознания тщеты существования личности, сознания невозможности ее блага, и потому вследствие отречения от жизни личности познает человек истинную любовь и может истинно любить отца, сына, жену, детей и друзей"(26.390).

Не перестать любить родителей, детей и жену призывает Толстой, а любить иначе - все больше и больше любить их высшей душою и все меньше и меньше животной личностью.

"Высшее благо, совершенство, к которому мы все (и вы, я уверен) стремимся, в том, чтобы любить Бога и Его проявления во всем, особенно же в таких же, как мы, существах, в людях, и любить одинаково, равно всех. В этом идеал страшно далек от всех нас, но все-таки такой, к которому нельзя не стремиться, и мы все стремимся. Любим же мы не только отца, мать, жену, сестру, дочь, детей больше других, но любим, не можем не любить больше исключительно милых, умных, добрых, смиренных, тогда как надо бы наоборот. И на эту — так как дело любви и закон любви — высший закон жизни, — на эту равную любовь ко всем должны бы быть направлены все наши силы"(78.160)

Агапическая любовь – это "любовь не к близким, симпатичным людям (это не любовь), а к ближним ко всем одинаково"(80.209).

"С точки зрения христианина любимое существо есть только одно — Бог сам в себе и тот Бог, который проявляется без исключения во всех людях, и потому исключительно любимого существа для христианина не должно быть. Исключительная любовь есть для христианина та эгоистическая слабость, с которой он должен бороться"(79.91).

"Любовь к Богу означает, по моему мнению, любовь к совершенству, любовь любви, так как Бог есть любовь по прекрасному посланию Иоанна (I Посл. Иоанна, IV гл.,16, 20 ст.). Можно понимать так, что, любя Божественное в людях (т.е. их высшую душу. – И.М.), ты любишь Бога, можно и так, что, только любя Бога, ты любишь людей. Оба понимания, по моему мнению, правильны»(81.193).

Любовь к Богу и любовь к ближнему - неразрывны.

"Любить, чтобы не каяться потом, надо, как сказал Христос фарисею (Мф. 35, 40), Бога и ближнего. Любить Бога — значит любить совершенство добра и стараться приближаться к нему. Любить ближнего — значит любить всех людей одинаково и своих и чужих, и русских, и японцев, и евреев, а пуще всего, как сказал Христос, любить врагов, обижающих вас» (81.88).

Любовь к ближнему без любви к Богу - невозможна.

"Единственная возможность разумной, свободной (потому что только проявления любви ничем не могут быть воспрепятствованы) и радостной жизни есть жизнь, целью которой поставлено благо других людей, жизнь, руководимая любовью к ближнему. Человек же, между тем, до такой степени связан своею телесною личностью, что не переставая помнит о себе, страдает, боится за себя, заботится о себе и только временами может заставлять себя помнить, заботиться, страдать за ближнего. Если он иногда и занят деятельностью, имеющей целью благо ближнего, то большей частью делает это для получения одобрения, похвалы от людей, т. е. опять же для себя. Как выйти из этого? В этом тот вопрос, который Вы мне ставите.

Выход есть только один, указанный нам древней мудростью и подтвержденный христианством: прежде, чем любить ближнего, или для того, чтобы любить ближнего, надо любить Бога всем сердцем и всем помышлением. Только через такую любовь к Богу можно любить ближнего. Всякая любовь к ближнему, корень которой не в любви к Богу: любовь к родным, к друзьям, к приятным людям, благодушие ко всем, вызываемое хорошим расположением духа, часто принимаемое за любовь, не есть та любовь, проявление которой дает смысл и радость жизни. «Если любите любящих вас, то делаете то же, что язычники», т. е. не следует еще христианскому закону любви, корень которой в любви к Богу и которая вследствие этого не ограничивается близкими и людьми, любящими нас, но распространяется на всех, на чуждых нам людей и особенно вследствие препятствия, которое она должна преодолеть, усиливается, направляясь на враждебных нам людей — любовь к ненавидящим нас и к врагам.

Только любовь к Богу, т. е. любовь к истине, к добру может если не уничтожить, то преодолеть наш эгоизм и привести нас к настоящей любви к ближнему. И любовь эта возникает не сама собой, а достигается усилием.

Прямо, непосредственно любить ближнего настоящей любовью нельзя так же, как нельзя прямо по телефону передать своей речи соседу, а надо обратиться к центральной станции. Точно так же, чтобы истинно любить ближнего, надо обратиться к Богу и из любви к нему, к истине, к добру сделать усилие для того, чтобы любить ближнего" (74.58-59).

«Ответить же вам мне хотелось и нужно то, - пишет Толстой в письме 1908 года, - что Вы находитесь, как я думаю, под очень обычным и очень вредным суеверием о том, что влюбленность есть

нечто близкое к любви и очень хорошее чувство, тогда как это и дурное и очень вредное, всегда мучительное по своим последствиям чувство. Можно предаваться ему, не признавая никакого религиозно-нравственного закона, но признание законности влюбления и любви как закона жизни несовместимы. Любовь только тогда любовь, когда она самоотверженна, не ищет своего удовольствия»(78.251).

Из письма 1910 года:

«Нельзя соединять внутреннюю, духовную, христианскую деятельность с личными, исключительными привязанностями, особенно привязанностью мужчины к женщине и женщины к мужчине. Такие привязанности всегда переходят в любовь, влюбление, чувство эгоистическое и потому самое противное христианскому идеалу самоотвержения и целомудрия. Такое соединение двух противоположных стремлений приводит всегда к тому, что не только не достигается ни внутреннее совершенствование, ни личное счастье, но является разочарование и в христианском идеале, и возможности личного счастья»(82.114).

Любовь-влюбление, безусловно, не основана на агапическом чувстве жизни и не выражает движения жизни высшей души человека, не являет ее. В полном согласии с будущим учением Льва Николаевича любовь-влюбление во втором романе Толстого сопровождалась несчастьем "близких" людей и закончилась катастрофой. Ну, а другая любовь, любовь Анны и Каренина, любовь мужа и жены, которая, как оказалось в роковую минуту, была основана на единении их высших душ? Разве такая любовь не есть любовь к определенному человеку? Разве могла она состояться без некоторого рода предпочтения, без избрания (пусть даже не специального, избрания самой жизнью), сближающего двух людей на уровне их высших душ? Пусть в сцене у постели рожавшей Анны действуют уже не люди, а "высшие существа", как говорил Достоевский, но каждый из них имел свое лицо и обращался к другому, тоже имеющему определенное и любимое лицо. И Анна, и

Каренин, и даже Вронский в минуту эту жили на духовных вершинах своей жизни, жили жизнью своих высших душ. Проявившаяся в них любовь была любовь высшей души, и вместе с тем это была, несомненно, избирательная любовь, исходившая от определенной личности и направленная к определенным личностям. То была избирательная любовь высших душ.

Толстой не утверждает, что истинная любовь это непременно беспредметная или безличностная любовь. Он говорит, что она должна быть основана не на чувстве жизни животной личности, а на агапическом чувстве жизни. И "только на этом общем благоволении может вырасти истинная любовь к известным людям – своим и чужим". Хотя, конечно, это все же не любовь к людям, специально избранным для любви. Нельзя сказать, что Толстой окончательно отвергает такую любовь. Как это и ни покажется странным, он не верит в возможность ее осуществления в реалиях земной жизни человека.

"Только если бы люди были боги, как мы воображаем их, только тогда они бы могли любить одних избранных людей; тогда бы только и предпочтение одних другим могло быть истинной любовью. Но люди не боги, а находятся в тех условиях существования, при которых все живые существа всегда живут одни другими, пожирая одни других, и в прямом и в переносном смысле; и человек, как разумное существо, должен знать и видеть это"(26.386). И далее: "В той давке и борьбе животных интересов, которые составляют жизнь мира, человеку невозможно любить избранных, как это воображают люди, не понимающие жизни"(26.387).

Учение Толстого в немалой степени выросло из ужаса перед жизнью людей, ужас этот преодолен им, но он не исчез совсем и продолжает определять жизневоззрение Льва Николаевича. Да ведь и свитость высших душ супругов Карениных объявила о себе на краткое время и как ни-как, оказалась нежизнеспособной. Так что ж: "высшие существа" в центральной сцене "Анны Карениной" – не более чем плод творческого воображения, не имеющего отношения к процессам в реальной жизни? Такой приговор столь суров, что способен выбить

почву из-под ног любого, кто проникся величием происходившего у изголовья умирающей Анны. А как быть с Левиным и Кити, чья глубинная супружеская любовь противопоставлена любви Анны и Вронского и созвучна тем духовным процессам, которые незримо свершились в душах Анны и Каренина, и громко заявила о себе на пороге ее несостоявшейся смерти? И это – воображение, не реальная жизнь? Что ж тогда остается от той "мысли семейной", ради которой и написан роман Льва Толстого?

Пока человек "не поймет жизни и не изменит свое отношение к ней", учил Лев Николаевич, он ничего подлинного в жизни сделать не сможет. "Если бы даже человек, не понимающий жизни, и захотел искренне отдаться деятельности любви, он не будет в состоянии этого сделать..."(26.391). Хотя бы только потому, что перед ним непременно станут "совершенно неразрешимые" вопросы – "во имя какой любви и как действовать?"(26.386).

Для человека, не понимающего жизни, считает Толстой, нет ответа на вопрос законника Христу: "Кто ближний?" То есть: кого любить надо, а кого не надо? Все люди суть создания одного Бога, так что ближний, теоретически говоря, – это человек вообще, ближний по Единому Богу; практически же ближний тот, кто одной с тобой Веры, кто ближний по Вере и Общей душе. На вопрос о ближнем Иисус отвечает притчей о человеке, попавшем в беду и истекающем кровью на дороге; евреи шли, прошли мимо, только самарянин, то есть безусловно "дальний" для иудея, помог ему. И оказался ближним. И поэтому не надо думать, что ближний это всегда собрат по вере и крови... Смысл притчи, по толстовскому комментарию, в том, что "рассуждение о том, кто мой ближний, - ловушка, отманывающая от истины, и чтобы не попасть в нее, надо не рассуждать, а делать"(24.606).

Для понявшего жизнь человека вопрос "кто ближний?" – соблазн. Вопрос не в том, кого надо и кого не надо любить, а какой любовью любить. Любовь есть жизнь, и какой любовью любишь, такова и жизнь в тебе. Свойственная животной личности пристрастная любовь – не подлинная жизнь. Свойственная высшей душе любовь-

благоволение, основанная на агапическом чувстве жизни, - жизнь истинная. Истинная любовь это "то стремление к благу того, что вне человека, которое остается в человеке после отречения от блага животной личности"(26.394). После отречения от блага животной личности остается благо высшей души, благо того, "что есть Бог в тебе". Практически это означает, что истинная любовь это та любовь, которая образует единство людей на уровне их высших душ. Это может быть как единство двух людей, так и духовное единство неопределенного множества людей.

В отношении заповеди любви к ближнему возникают три взаимосвязанных, но отдельных вопроса: Какой любовью любить? Что значит любить "как себя"? Кто ближний?

Вопрос "Кто ближний?" задан в Евангелии при обсуждении закона любви к ближнему. Прежде чем исполнять данный свыше закон, надо знать, в отношении кого он действует и не действует. По притче этого места Евангелия, ближний не обязательно иудей иудею, ближним может быть и всякий человек. По Толстому, вопрос о ближнем провокационен по своей сути и не должен стоять вообще, так как агапическая жизненность высшей души проявляется в благоволении ко всем. Дело не в том, кто ближний, а какой жизненностью жить и как любить. Если же задать вопрос о ближнем безотносительно к законодательству о любви, то все просто: человек любит той или иной любовью и тот, кого он любит, и есть ближний для него.

Но что значит любить "как самого себя"? Здесь не один, а два вопроса: о любви к ближнему в душевной жизни отдельно взятого человека и о любви к ближнему в коллективной (общедушевной, общенародной, общественной) жизни.

Собственно говоря, отношение к человеку своего народа «как к себе» есть не заповедь, а констатация существующего отношения. Он такой же, как я, русский, немец, англичанин. Отношение к нему, как к себе, в определенном смысле предопределено, и заповедь любви только возводит такого рода отношение в ранг "любви к ближнему". Лично к другому человеку своего этноса (или церкви, или воинства)

ты можешь относиться, как тебе угодно (в том числе и враждебно), но его же как соотечественника или одноверца, или соратника ты обязан любить как самого себя.

Каждый любит самого себя с той или иной силой себялюбия. С общедушевной точки зрения устанавливать отношение к другому человеку с силой себялюбия возможно тогда, когда прежде установлен "ближний" как обобщенный объект такой любви. Тут нет требований любви как таковой, а есть указание на высшую степень сплоченности в некоторой общности. В качестве такой сплоченности можно вообразить все человечество и установить моральные или правовые общегуманистические нормы жизни людей. В состав сплоченности можно включить не только людей, но и животных, и даже все живущее и выработать соответствующие требования. Эти отвлеченные, максимально расширенные требования для предельно понимаемой сплоченности не суть высшие нормы или идеалы, так как при расширении объекта любви любовь остается любовью только до известного предела. Реально идеал любви как к себе работает в реально действующей сплоченности – народе, партии, церкви, секте, армии и пр.

В любви родителей к детям и детей к родителям определение "как к себе" может быть приложимо только условно. Любовь "как к себе" в этом случае заказана природой, подавляющей себялюбие ради, скажем, чадолюбия, то есть любви, ставящей благо чада превыше родительского блага. Обусловленная природной необходимостью неизбежная и несвободная любовь родителей и детей вовсе не обязательно затрагивает высшие пласты человеческой души.

Совсем побороть в себе свое "эго" никто не может. Можно только войти в такую стадию жизни, в которой низшая душа из объекта служения становится, и вполне активно, объектом преодоления. Самость побеждается, когда сознание диктует, а воли высшей души реально руководствуются самоотречением - не героической поэзией жертвы /в которой превозносится заgrimированная под самоотречение самость/, а ношение телесных и душевных не своих немощей, как немощей своих.

Для этого надо "полюбить ближнего как самого себя". Но это, разъясняет Толстой, "не значит то, что ты должен стараться полюбить ближнего. Нельзя заставить себя любить. "Люби ближнего" - значит то, что ты должен перестать любить себя больше всего. А как только ты перестаешь любить себя больше всего, ты невольно полюбишь ближнего, как самого себя"/"Путь жизни» ХХУ,1У,4./.

Всегда были и будут люди, которые с молодых лет посвящают свою жизнь защите угнетенных, борьбе с общественным злом или всякого рода трудами "на благо всех". Бывает, что они приносят себя в жертву, но при этом не «перестают любить самого себя больше всего». Они любят не "ближнего", а свое дело /например, дело революции или национальной победы над врагом, или дело своего сообщества, секты и пр./, или свою идею, или своего вождя. Двигающие ими даже самые "высокие" побуждения лишь отрицают какую-то одну сторону "животной личности", чтобы возвести на пьедестал другую ее сторону. Пишу это не в осуждение и не в обличение, а для того чтобы яснее дать понять: преодолеть свою самость, так, чтобы не любить себя больше всего, чрезвычайно сложно на всех этапах своего духовного развития.

Любить "как себя" вовсе не означает любить кого-то столь же сильно, страстно и энергично, как любишь самого себя. Мало того, что в общем случае это невозможно, но и каждый человек по страстности любит себя различно и в одно время сильнее, в другое слабее, а в какие-то минуты и вообще ненавидит себя. Многие люди любят себя вяло и, надо полагать, имеют на то причины. Дело, наверное, не в энергии чувств, а в том, чтобы своей душой служить другому "Я" так же, как себе, своей личности, т.е. видеть свое "Я" в другом, перенести центр тяжести своей жизни из себя в другого, иметь другое "Я" в качестве центра своей души и принадлежать ему /любить/ так же, как если бы это был центр сознания своей души.

В индивидуальной жизни «личности» есть такие проявления любви, к которым требование "любить как себя" принципиально неприменимо. Например, любовь-вожделение. Но не только. Далекое не в каждом проявлении любви человек стремится отдавать себя

любимому. Самость обычно любит для того, чтобы увеличить полноту той жизненности, которой она живет. Животная личность у Толстого "предпочитает", а не любит. Впрочем, к любви-предпочтению у Толстого отнесена не только психофизиологическая любовь, но и самая возвышенная, восторженно поднятая над миром ("небесная"), сексуально бескорыстная любовь. Влюбленный вдохновлен любовью, поднят ею над собой и воспринимает образ того, кого любит, не как психофизиологическую реальность, а как видение сверхземного образа, обитающего где-то выше себя, над собою, на вершинах существования. В такой любви и мужчина и женщина готовы к самопожертвованию, но это - готовность отдать свою жизнь куда-то ввысь. Весь накал такой любви определяется стремлением перенесения себя в горнюю сферу жизни воображаемого высшего существа любимой или любимого, вливание себя в неё и служение ей. Любовь к тому, кто столь высоко поднят над собою, никак не может быть любовью "как к самому себе".

Отдельной личности, направленной на другую отдельную личность, любить «как себя» нельзя. Личность человека сознает свою жизнь в отделенности от других личностей. Сознание отделенности - характеризующая черта человеческой личности и ее состояние жизни. Любить как самого себя при таком сознании себя живущим практически невозможно. Полный смысл любовь к ближнему как к самому себе обретает только в жизнедеятельности высшей души самой по себе.

Сияющая любовь-благоволение свойственна детству. Но с возрастом разрастается самостная животная личность, она завладевает человеком и забивает детское агапическое чувство жизни. Оно уже невозвратно. Поэтому нельзя ставить задачу возвращения к состоянию детства через "вычитание" животной личности из себя, чтобы остаться вновь с детским чувством благоволения. И Толстой, конечно, не учил этому.

"Отрекаться нельзя и не нужно отрекаться от личности, как и от всех тех условий, в которых существует человек; но можно и должно не признавать эти условия самою жизнью. Можно и должно

пользоваться данными условиями жизни, но нельзя и не должно смотреть на эти условия как на цель жизни. Не отречься от личности, а отречься от блага личности и перестать признавать личность жизнью: вот что должно сделать человеку для того, чтобы возвратиться к единству, и для того, чтобы то благо, стремление к которому составляет его жизнь, было доступно ему"(26.378).

То, что предлагает Толстой человеку, не есть самоотрицание, действие отрицательное. Толстовское "отречение от блага личности" - положительное действие. Для выполнения его необходимо обладать мощной назначающей волей, способной овладеть животной личностью и поставить вместо ее блага свое благо. Детская сила агапической жизненности, высшая душа ребенка, даже если она опять могла бы быть задействована в человеке, разумеется, по слабости своей не была бы способна подчинить себе даже специально ослабленную животную личность. Есть детское состояние жизни высшей души, и есть состояние жизни высшей души взрослого человека. Взрослая высшая душа возвращается в духовном росте, наживается многими трудами, волнениями и страданиями. Зрелая высшая душа обладает такими силами и такими возможностями, которых детская высшая душа, при всей яркости свечения любви-благоволения в ней, не имеет.

Высшая душа сознает жизнь в себе в нераздельности или единстве с другими высшими душами и Богом. Сознание нераздельности - характеризующая черта высшей души и ее состояние жизни. Любовь высшей души осуществляет со-жизнь, в которой центры жизни двух или многих складываются и образуют общий и единый центр, не отменяющий составляющие его центры. Это - высший тип жизненности, непосредственно доступный человеку.

Агапическая жизненность связана с любовью делать Добро, с благожелательностью в прямом и точном смысле слова. Делай другому то, что желаешь себе, – принцип благожелательности как таковой, принцип, выражающий устремленность сил агапической жизненности.

Любить "как самого себя" в общем случае означает относиться ко всем и каждому с той же благожелательностью, с какой относишься к себе. Это может стать желаемым правилом внешнего поведения. Но может быть и агапической заповедью, по которой человек старается быть обращенным к другим людям своей высшей душой. Такая заповедь непосредственно обращена к душе человека, требует поворота в нем (к высшей душе) и не имеет специального отношения к кому-то, кто вне внутреннего мира человека, в том числе и прежде всего – к "другому" человеку, к "другому Я".

Если быть точным, то тут ясно прослеживается не одна любовь, а ДВА РАЗНЫХ ТИПА ЛЮБВИ высшей души. Первый род любви высшей души - агапическая любовь - обращена к "ближнему" через Бога. К ней применима толстовская интерпретация библейской заповеди: люби ближнего как Бога Самого. Заповедь же "люби ближнего как самого себя" обретает значение только в том случае, когда она означает стремление свиться своей душой с душой другого человека так, чтобы он для тебя перестал быть "другим человеком", "другим Я", а стал бы "другим своим Я". К такому – не агапическому, а другому – роду любви всегда влечется зрелая душа взрослого человека. И в общем случае влечется куда яснее и сильнее, чем к агапической любви.

Высшая душа одного человека стремится – и избирательно стремится! - совместить себя с высшей душой другого, слиться с ней в единое (двуединое) существо, образовать из "Я" и из "Ты" новое единство жизни, обладающее большей одушевленностью и большей полнотой жизни, чем каждый из них обладает по отдельности. Если животная личность увеличивает свою энергию жизненности за счет другого, то высшая душа приращивает свою жизненность при создании новой душевной целостности в единстве двух или многих.

Заповедь любви к ближнему как самому себе обращена к высшей душе и обязывает человека активно задействовать высшую душу и жить её жизненностью. Любить ближнего как себя не означает любить его так же страстно, как себя. Это не сострадательное или альтруистическое переживание. Любить как самого себя значит

любить так, словно он, ближний, - ты сам, словно он уже не "он", а еще одно твое "я". Любить библейской любовью к ближнему значит в душе и душою делать себя им и его собою - делать "свое Я" и "другое Я" сторонами двуединого (или многоединого) существа, живущего в поле жизненности, отличающегося от поля агапической жизненности.

Для обозначения избирательной любви высшей души надо найти название. Мы пользуемся беспризорным понятием сторгической любви. Стергия в греческом языке означает терпеть, переносить, уступать, соглашаться, просить, любить того, кто почему-либо пришелся по душе, например, тому, кто сообщил приятное известие. Комментаторы приравнивают сторгическое чувство к семейной, родственной привязанности. Мы берем это слово в другой модификации (сторгия) и даем ему смысл чувства, в силу которого "Я" другого человека становится "своим другим Я". Это чувство мы называем сторгическим чувством. Жизнь же новой душевной целостности назовем сторгической жизненностью.

5

Любовь-благоволение вроде бы уравнивает каждого в едином круге любви. "Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни – это: без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало, и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального"(47.71), – писал 28-летний Толстой. Агапическая жизненность изливается высшей душою одного человека и выливается на всех; она, кажется, способна залить всякого, кто попадет в ее поток. На самом деле живые воды агапической любви поступают только изнутри колодца данной высшей души. Залить этот колодец внешними водами никак нельзя. Можно только, и то с огромным трудом, побудить высшую душу другого (и не всякого) человека агапически явить себя.

«Любовь есть проявление в себе (сознание) Бога, и потому стремление выйти из себя, освободиться, жить Божеской жизнью... Главная мысль моя в том, что любовь вызывает любовь в других – Бог, проснувшийся в тебе, вызывает пробуждение того же Бога и в других»(53.25).

И все же для такого пробуждения Толстой полагается на мощь "разумного сознания" (не рационального убеждения, а проявления в себе сознания Бога, Разума Жизни как таковой) куда более, чем на непосредственное воздействие силы агапического чувства жизни одного человека на другого. Но и «разумное сознание» той высшей души, которая более или менее активно живет агапической жизненностью, давая руководство к действию, само по себе еще не обеспечивает полноценное включение высшей души в работу внутреннего мира человека и, следовательно, не обеспечивает главенство агапического чувства жизни в его целостном чувстве жизни.

По Толстому, высшая душа пробуждается к активной жизни под воздействием своего «разумного сознания», поддержанного всей страдающей и гибельной жизнью человека. "Страдания и смерть, как пугалы, со всех сторон ухают на него и загоняют на одну открытую ему дорогу человеческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся в любви"(26.435). Действенным оказывается не разумное сознание как таковое, а разумное сознание человека, познавшего страдания и смерть, то есть человека уже во всех отношениях взрослого.

Жизнедеятельность высшей души в человеке всегда ценна сама по себе, вне зависимости от того, какой результат – всеобщий или частный – может быть получен в ней. Агапическая любовь склонна расширять поле самоизлияния, беспредельно множить объекты любви. Сторгическая любовь, напротив, всегда точечная и ведет к локальному единению высших душ субъектов любовного взаимодействия. Хотя сторгическая сплоченность существует и в Общей душе народа, но это особая тема.²¹ Во всяком случае, общедушевная сторгия куда слабее выражена, чем сторгия приватной духовной жизни.

«Любовь нельзя сделать в себе, а отрешение от себя можно. И стоит отрешиться от себя, возникает любовь»(53.196) – агапическая любовь. Для сторгической любви одного самоотрешения мало. И ее можно «сделать».

Возможности агапической любви варьируются от готовности к милосердию до любви к врагу. Возможности сторгической любви варьируются от душевной привязанности, образованной длительным житейским соприкосновением тел и душ, до таинственной свитости душ на самом глубинном их уровне.

Человек впервые видит человека - и вполне может воспринять его агапически и соответствующим образом отнестись к нему. Но в общем случае он не в состоянии воспринимать его сторгически, даже если в каком-то отношении считает его себе «ближним». Хотя высшая душа, живущая сторгической жизненностью, склонна чувствовать - и иногда не может не чувствовать! - другое Я по своим таинственным каналам, посредством которых высшие души изнутри сообщают друг другу о себе. Сторгическим ближним Вам становится тот, от кого до Вашей души донесся зов, вызвавший в Вашей душе ответное сторгическое стремление или переживание. Другое дело, что и зов этот, и ответное переживание могут оказаться мнимыми.

Сторгическое стремление требует от человека взять на себя ответственность за сторгического ближнего - такую же, что и за себя. В том числе и за его судьбу, неразрывно совмещенную со своей судьбой. Это не моральная ответственность, не долг и не чувство справедливости. Сторгическая ответственность перед своим другим Я – ровно такая же, как перед собой. Это в полном смысле ответственность по любви как к себе. В силу чувства сторгической любви высшие души стремятся жить вместе, две как одна. Здесь не сложение одного с другим, а, как мы сказали уже, взаимоусиление высшей душевной жизни каждого.

В сторгической связи высшая душа дополнительно обретает большую полноту и жизненность. От одного того, что два человека сторгически объединились, происходит то, что каждый из них

внутренне возвысился, стал душевно выше и глубже самого себя, на порядок одухотвореннее, стал полнее и глубже переживать жизнь.

Сторгическое действие буквально на глазах оживляет человека, делает его более живым. Это приращение жизненности переживается как сторгическое благо и придает особые силы той высшей душе, которая переживает это благо. Выходить на поле духовной (или духовно-творческой, а то и просто творческой) брани одному, без поддержки супружеской, дружеской или какой-нибудь еще сторгии - значит не биться в полную силу и если и одержать победу в этой битве, то половинную. Это знает каждый, кто когда-либо ставил перед собой задачи на пределе своих сил.

Агапия (во всяком случае, ее ближайшее проявление в человеческой жизни) – это всегда любовь-добро,²² которая, собственно говоря, не обязательно подчинена требованию "любви к ближнему". Это определенно выразил Толстой в дневниковой записи начала 900-х годов:

"Очень неверно, неточно, неопределенно сказано: люби ближнего. Это сказано в Библии; в Евангелии же только повторено, выбрано самое важное из всего. Любить велеть нельзя, любовь есть высшее проявление души и потому ничем не может быть вызываемо. Оно вызывает все другое. Любить можно велеть только Бога, потому что это свойственно человеку: как только он свободен от соблазнов, он невольно больше всего любит Бога, т.е. истину, добро, любовь. Надо сказать: не то, что *люби* ближнего – этого нельзя, а будь добр к ближнему (*люби* Бога). Это всегда можно"(54.100-1).

Сторгия – это всегда любовь-соединение. Для агапического действия соединение душ – одно из приложений. Для сторгического действия Добро - приложение.

"Зло есть материал любви. Без зла нет и не может быть проявления любви. – Бог есть любовь, т.е. Бог проявляется нам в победе над злом, т.е. любви"(53.216). Победа над злом есть дело добра, дело агапической любви. Сторгия к победе над злом земной жизни столь непосредственного отношения не имеет.

Агапическая любовь, как утверждал Толстой, есть чистейшее самопроявление той жизненности, в которой живет высшая душа человека. Агапическое чувство жизни – чувство жизни высшей души самой по себе.

Сторгическая любовь, быть может, есть самопроявление кого-то, кто начинает жить в поле жизненности высших душ. Сторгическое чувство жизни – чувство жизни кого-то, какого-то нового духовного существа, которое оживает в глубинной свитости высших душ людей.

В сторгическом единении высших душ одного и другого человека возникает новое духовное существо, которое не есть высшая душа того или другого или их сложение. Это духовное существо изначально не дано в земной человеческой жизни, возникло (рождено, создано, сформировано) в нем вновь и потому не подлежит уничтожению при отживании плотского человека. Тут есть веские предпосылки для решения вопроса бессмертия человека.

Сторгическая духовная жизнь избирательно обращена к другому человеческому "Я", к еще одному своему "Я", к другой высшей душе, чтобы воссоединиться с ней и в этом воссоединении создать новое, еще не бывшее в существовании.

В агапическом соединении (через Бога) нет первых и вторых, все равны. В сторгическом узле двух душ может быть как ведущий, так и ведомый.

Степень свободы сторгической жизни и полноты ее проявлений выдерживает сравнение со свободой и полнотой агапической жизни. Сторгическое чувство жизни столь же высшее проявление чувства жизни человека, что и агапическое чувство жизни. И потому вопрос смерти человека и его бессмертной "истинной жизни" достаточно определенно решается в сторгическом соединении высших душ. Сторгическая жизнь – в полном смысле духовная жизнь, так как в ней оживает вновь рожденное духовное существо, в которое человек, участвующий в его зарождении, не только вполне может, но не может не перенести свою жизнь. Но, повторим еще раз, эта духовная жизнь иного рода, чем агапическая духовная жизнь.

Есть две различные струи духовной жизни высшей души, два рода жизненности, одна из которых оживлена агапической любовной духовностью, другая – сторгической любовной духовностью. Первая, по заключению Толстого, всецело принадлежит вселенской духовной жизни. Вторая принадлежит приватной духовной жизни земного человека.

Сторгическое и агапическое суть разные любовные духовности, трудно сводимые друг к другу. Сторгия не предполагает агапия. И агапия не обязательно предполагает сторгию. У Толстого, при его духовном рождении, в чем-то одна даже замещала (а то и разрушала?) другую. Тот, кто высоко одарен агапической любовной духовностью, у того может быть ослаблена воля сторгического действия. И наоборот: у человека могучей сторгической воли ослаблено агапическое благоволение к жизни, пусть даже он, будучи в лоне христианских представлений и чувствований, и должен толковать об этом предмете.

Агапия не направлена на личность, ей вообще не нужен объект переживаний, а тем более личностный объект. Враг – соответственное личное восприятие и восприятие личности. Врага можно любить, только исключив из переживания любви все личностное или пристрастное. Сторгия, конечно, носит личностный характер. Но это, подчеркнем особо, никак не характер психики животной личности, а лично-духовный характер высшей души.

Чтобы состоять в сторгической паре и чувствовать другое Я как свое, хорошо бы прежде как можно яснее сознавать свое собственное Я и знать, что личностно ему нужно. Сторгия – начало индивидуальности высшей души, создающее своеобразие ее проявлений. Без сторгии высшая душа единообразна, одна и та же во всех. Проповедь Льва Толстого построена на утверждении одной – агапической – высшей души во всех людях. Не потому, что он не признавал сторгическое действие в высшей душе, а потому, что он не верил в него. И имел на то веские основания в своей личной духовной жизни. При этом сторгические движения не отвергаются Толстым, а

как бы включаются в агапические движения и даже поглощаются последними.

"Любовь есть стремление сознать жизнь другого так же, как я сознаю свою – войти в другого, быть им. И когда любишь, то стремишься быть не собой одним, а всем, стремишься быть тем, что Бог, и познаешь Бога. – Это одно. Другое же то, что если свята любовь, то как же я не люблю NN? И я вспоминаю, кого я не люблю, и стараюсь войти в его душу, говорю себе, что буду стараться войти в общение с ним, искать его, сблизаться с ним, вызывать его на высказывания себя"(87.40).

Я думаю, что агапия без сторгии могла бы отдавать умозрительностью даже у Толстого. Если этого не происходит, то потому, что он то и дело переводит сторгию в агапию и наоборот. Толстой постоянно стремится расширить пространство сторгии с одного лица (естественное сторгическое пространство) на всех людей. Толстой считал, что всякого человека можно любить сторгически (как любишь ближайшего человека), и сам, успешно или неуспешно, стремился любить так.

Агапическая струя духовной жизни общедушевно востребована христианством. Сторгическая река любовной жизни в чистом виде религиозно невостребована, нигде не ставится в центр религиозной жизни, хотя именно эта река любви течет практически в каждом и заполняет большую часть общего жизненного поля людей. Это объясняется религиозной невостребованностью той духовной жизни, для которой сторгия имеет основополагающее значение.

6

Личные межчеловеческие сторгические мотивы человеческой жизни для Евангельского жизнечувствования по меньшей мере не актуальны.²³ В Евангелии не только нет сторгической проповеди, но и нет сторгических переживаний. Забвение сторгических связей –

характерная черта христианства, которую Церковь пытается компенсировать конфессиональным братством. Евангелие не сторгично, а исключительно агапично. Христос любит агапической любовью и так заповедует любить людям. И когда говорит, что "все же вы – братья" (Мф. 23:8), то имеет в виду не сторгических братьев, а братьев во Христе.²⁴ И у Иоанна: «Братья, любите друг друга» - не сторгический призыв, а агапический призыв, так как Иоанн обращался к собратьям по вере и для него «все люди – братья». Он же указывает на высшую ступень взаимной любви в братстве Христовом: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин.15:13). "Положить" здесь – значит пожертвовать собою за друзей. Толстой переводит: "Самая истинная любовь есть та, чтобы отдавать свою душу тем, кого любишь"(24.734).

Ни то ни другое не есть сторгия. Высшее и истинное в сторгии - наиполнейшая степень взаимоотношений в свитости высших душ разных людей, свитости, для которой самопожертвование или отдача своей души другому, когда нужна, когда не нужна или нужна как готовность.

Как бы тема любви и дело любви ни были важны в Евангелии, нельзя забывать, что Бог-Сын сошел на землю не только для провозглашения необходимости любить друг друга. У него Своя Господняя Задача. Центр Евангелия составляет Богочеловек и то мистическое Дело Искупления и Спасения, которое Он совершил. Тема любви друг к другу отчетливо и неоднократно провозглашена и обозначена в Евангелии, но тема эта не может заслонять основную мистическую тему. Нет ничего удивительного, что сторгическая линия человеческой жизни обойдена в Евангелии. Ведь и Церковь мыслится как "тело Христово", пусть даже как "Невеста Христова", но все же не как "Его другое Я".

Толстой вполне мог бы создать свое, самобытное и целостное учение из собственных прозрений. Но он верил Христу и любил Христа, и ему по его вере и любви была необходима опора именно на Евангелие. Незнающий человек может подумать, что Толстой использовал Евангельские тексты в продомальных целях. Однако он

действительно искал подлинный смысл Евангелия, и многие положения его учения возникли не от независимых прозрений, а от прозрений при чтении Евангелия. Именно вникновение в Евангелие с его проповедью агапической любви и стремление установить ценности жизни исключительно на всечеловеческой евангельской основе отодвигало Толстого от мысли личностной сторгии. Другая причина этого связана с общей для толстовского и евангельского учений установкой на обретение человеком бессмертной жизни.

Евангельская благая весть это, разумеется, весть о восстановлении порушенного Адамом, о возобновлении райской жизни посредством Жертвы Христа и жизни во Христе. Нельзя сказать, что по христианской вере повторное вселение спасенного человека в Рай не отличается от той жизни, которой жил в райском Саду праотец Адам. Это в разных отношениях обновленная жизнь. В частности, потому, что для такого восстановления в человечестве создается новое духовное единство (Церковь), которого в бытность Адама в Раю не было. И все же это именно восстановление человека в Раю, восстановление вновь того, что было, хотя и в новом виде. А не создание того, чего не было, не новое создание. Хотя, для успеха дела реконструкции райского бытия человек в известном смысле должен как бы "родиться вновь".

В чем решение вопроса смысла, смерти, Замысла на человека? В возникновении ли нового не подверженного смерти или в восстановлении прежнего не подверженного смерти? Евангелие решает – в восстановлении. Толстой решает – и в восстановлении и в возникновении.

"Христос показал мне, - пишет Толстой в "В чем моя вера?", - что единство сына человеческого, любовь людей между собой не есть, как мне казалось прежде, цель, к которой должны стремиться люди, но что это единство, эта любовь людей между собой есть их естественное блаженное состояние, то, в котором рождаются дети, по словам его, и то, в котором живут всегда люди до тех пор, пока состояние это не нарушается обманом, заблуждением, соблазнами"(23.454).

Единство сына человеческого (та же райская жизнь, только без сомнительных чувственных образов) дано, но не в Раю, а как "их естественное блаженное состояние", которое затем "нарушается обманом, заблуждением, соблазнами", а не грехопадением Адама. Спасение (включение в жизнь истинную) – возобновление Божественного жизнедействия сына человеческого (высшей души), связанное с противодействием тому, что в человеке прекращает это действие, то есть животной личности.

Представление об утраченном "золотом веке" и мечта о его восстановлении соединена со стремлением возвращения к мистическому истоку (Началу) жизни, который и является носителем высшего блага. В этом источнике и носителе, во всяком случае, нет зла и нет смерти. Путь возвращения или восстановления – один из путей практического разрешения главных вопросов жизни.

Другой Путь – Путь возникновения, Путь восхождения, на котором создается нечто совершенно новое, чего еще не бывало в Творении. Цель этого восходящего Пути не позади, а впереди. Дело, совершаемое на восходящем Пути, не исправление или преодоление порченного Творения, а продолжение Дела в соответствии с неведомым дальнейшим Замыслом Бога на человека. И когда в высших пластах человеческой души возникает что-то новое, не заложенное в земном существовании как таковом, возвышающееся над областью природного существования и зримо одухотворяющее душу человека, то это всегда свидетельствует о том, что явление это может принадлежать восходящему Пути, действующему в дополнение или в продолжение уже начатого Дела.

Агапическое чувство жизни потому и есть естественное чувство жизни высшей души, что в нем и через него выражает себя базовое жизненное поле. Это поле, по Толстому, есть единственно существующее поле истинной жизненности, в котором во всех Своих ипостасях проживает "Бог живой". В том числе и "Бог свой", высшая душа человека, сын человеческий в каждом из людей.

Если высшая душа чувствует себя естественно живущей в агапическом чувстве жизни, то сторгическое чувство не есть

естественное чувство жизни высшей души. Но оно и не заменяет, и не подменяет агапическое чувство жизни. Не исключено, что сторгическое чувство жизни выстраивается на агапическом чувстве, но оно не вытекает из него самопроизвольно. Сторгическая жизненность сожизненна агапической жизненности, но не охватывается ею. Она иного – личностно духовного - порядка.

Сторгическое действие – глубинное личностное действие высшей души, и иным быть не может. Чтобы признать достоинство сторгической любви и ее духовность, надо признать личностность высшей души человека. Про высшую душу нельзя сказать, что она безличностна, и Толстой никогда не говорил этого. Когда высшая душа называется Толстым "разумением жизни" или "разумным сознанием" (кому-то, надо полагать, все-таки принадлежащим), тогда она понимается более нелично (сверхлично), чем лично. Но тогда, когда высшая душа называется Толстым "духовным Я", несет в себе "Я", то это, разумеется, означает, что она должна пониматься более лично, чем нелично и сверхлично. А это включает в жизнечувствие, жизнесознание и жизнедействие высшей души сторгическое чувство жизни.

Толстой, исключив из Евангелия все, что связано с Богочеловеческой Жертвой и мистикой Спасения, остался с провозглашением евангельской (агапической) любви как таковой. Агапическая любовь у Толстого восстанавливает то, что было и что, по сути, есть. Сторгическая любовь производит единение как результат и создает не сумму одних и тех же высших душ, а новое сторгическое существо, которое обычно порождают двое. Сторгическое единение – единство двух в одном. Единение это создает, как мы уже сказали, новое единство (новое существо), которого до того не было. Агапия восстанавливает, воссоединяет рассоединенное. Сторгия вновь рождает, рождает новое духовное существо в мир. Толстой сначала игнорировал это явление духовного мира, затем попытался поставить сторгию и связанное с нею дело создания (возникновения на дистанции человеческой жизни) нового духовного существа в центр своего учения, но в последнее

десятилетие своей жизни охладел к этой теме и устремился к вселенской духовной жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЮБОВЬ В УЧЕНИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО РАЗНЫХ ЛЕТ

1(7)

Сторгия – ее величие, ее судьбы и ее поругание – на первом плане "Анны Карениной". Замыслу и разработке этой темы Толстой специально отдает несколько лет своей жизни. И что в результате?

В конце 70-х годов Толстой прошел духовное рождение и его семейный сторгический идеал, идеал семейного стиля жизни сменился на идеал "бродяги", на агапический бродяжнический идеал. "Бродяжничество" одиноко и не предполагает сторгию. Проповедь Толстого долгое время не замечала ее. В "Соединении и переводе четырех Евангелий" провозглашен, по сути, антисторгический принцип: "Для жизни духа не может быть различия между семейными и чужими". "Блаженство в жизни человека зависит не от его семейных отношений, а от жизни духа"(24.419). Это сказано в 1881 году. А через 10 лет Толстой уже приходит к мысли, что "жениться надо всегда так же, как умираем, т.е. только тогда, когда невозможно иначе"(66.388).

Сторгическое объединение состоит в том, что один совмещает с другим свое собственное благо жизни с тем, чтобы получить благо более высокого достоинства. При этом каждый должен быть в любой момент готов полностью передать другому свое благо. Толстой же в своем первом религиозном труде категорически утверждает, что "никто не может передать своего блага другому"(24.354).

И вторую заповедь Нагорной проповеди: "не вожделяйся", и третью заповедь Нагорной проповеди: "не разводись" легко осмыслить в сторгическом ключе. Казалось бы, кому, как ни автору "Анны Карениной", подхватить эти заповеди, установить сторгическую надежность на пьедестал

жизни, причислить супружескую взаимоотношность к высшим ценностям человека, а сторгическое предательство поставить в разряд глубочайших духовных падений. Утверждая высшее достоинство сторгии и ее нерушимость, необходимо показать, что слова "кроме вины прелюбодеяния", разрешающие развод в качестве исключения, есть позднейшая вставка, что никаких исключений из сторгической заповеди нет, а есть связанные с ней трудные проблемы жизни, которые надо решать и решать. Но Толстой опускает эти слова из Нагорной проповеди совсем по другим мотивам.

Фраза Христа: "Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их" (Мф.18:20) - имеет мистический смысл и может быть понята в соборном значении – в значении мистико-сторгического единства верующих во Христа. Толстой при желании легко мог бы переосмыслить эти слова Евангелия от Матфея в том же мистико-сторгическом духе, в качестве сверхъестественного закона: высшие души людей сторгически соединяются, становятся единым целым через и посредством высшего субъекта всечеловеческой духовной жизни, Сына человеческого.

Толстой же переводит: "Потому что там, где двое или трое соединены моим учением, то я перед ними". И поясняет: "Потому, что когда двое или трое соединены моим учением, то мое учение любви и правды и будет среди них, т.е. основанием их отношений между собой". "Мое учение перед ними всегда, и потому не может быть раздора"(24.587, 8) между ними.

Словно специально Лев Николаевич понижает уровень понимания и не воспринимает значения, которые, даже с позиции его учения, напрашиваются сами собой. Не обращая внимания на возможность толкования личных мистико-сторгических отношений, Толстой выставляет на первый план проповедь мирных и по сути безличностных отношений между людьми.

В Декалоге дана заповедь не прелюбодействовать. Христос же во второй заповеди Нагорной проповеди говорит, «что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф.5:28).

В законе Моисея установлена обязанность мужа давать жене разводное письмо, дабы она могла выйти замуж за другого. Христос же в третьей

заповеди Нагорной проповеди говорит: «Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаст ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф.5:32).

Вторую заповедь можно понять как установление состояния полного целомудрия, свойственного агапической жизни. И можно, вместе с третьей заповедью, понять сторгически: живи всю жизнь с одной женою и на всех остальных женщин даже не смей смотреть с вождением. В таком случае "не вожделяйся" Нагорной проповеди запрещает самоцельное сексуальное возбуждение без супружеского основания и оправдания – то, что по большей части и ведет к прелюбодеянию и разводам.

Толстой совмещает эти две заповеди в одну,²⁵ но отнюдь не для усиления их сторгического смысла. Заповедь, которая вполне могла быть использована для возвещения сторгического идеала, представлена в качестве закона против блудной похоти.

"Удовлетворяй похоть только со своей женою и не думай, чтобы любовь к женщине было хорошее дело"(24.280).

Вторая заповедь становится придатком третьей, в которой Толстой сосредотачивается на словах «кроме вины прелюбодеяния», разрешающих развод в случае измены жены. «Не говоря уже о том, что было что-то недостойное в самой той форме, в которой была выражена эта мысль, о том, что рядом с глубочайшими, по своему значению, истинами проповеди, точно примечание к статье свода законов, стояло это странное исключение из общего правила, самое исключение это противоречило основной мысли».²⁶ Если бы эта «основная мысль» понималась сторгически, то супружеская измена, нарушающая или разрушающая единство взаиможизни супругов, становилась бы фактором особого значения, и значения не юридического, а душевного. Так и можно понимать сказанное в Евангелии. Толстой же доказывает, что слова эти должны быть отнесены не к сказуемому «разводится», а к сказуемому «прелюбодействовать», «блудить».

Толстой, видимо, не знал, что в законе Моисея официально не установлено единобрачие, которое было введено еврейскими мудрецами только в Средние века. Муж вполне мог не отпускать жену, с которой прекратил

супружеские отношения, и взять в дом другую или третью. В этом смысле закон Моисея защищает женщину от произвола мужа. Толстой же полагает, что мудрость третьей заповеди Нагорной проповеди основана на весьма спорном положении, по которому «покинутые жены соблазняют других мужчин и вносят разврат в мир» и в этом корень зла раздора людей в сфере половых отношений. Главная причина «соблазна блудной похоти» не в том, «что люди не могут воздержаться от блуда, но в том, что большинство мужчин и женщин оставлено теми, с которыми они сошлись сначала», что «оставленные первыми супругами мужа и жены вносят весь разврат в мир». Словам «кроме вины прелюбодеяния» Толстой придает смысл «кроме вины распутства мужа» и видит общий смысл третьей заповеди в том, «что тот, кто разводится с женою, кроме того, что сам виноват в распутстве (так как каждый разводится только, чтобы взять другую), подает повод и жене прелюбодействовать».

Это, разумеется, натяжка. Но дело не в натяжке смысла, а в том, что развод приравнивается к прелюбодеянию – если и не непосредственному, то опосредованному. Более того, супружеский союз представлен Толстым исключительно в качестве плотского союза:

"Стоит отбросить толкования и вместо туманного и неопределенного является определенная и ясная вторая заповедь Христа. Не делай себе потеху из похоти половых сношений; всякий человек, если он не скопец, т.е. не нуждается в половых сношениях, пусть имеет жену, а жена мужа, и муж имей жену одну, жена имей одного мужа, и не под каким предлогом не нарушайте плотского союза друг с другом"(24.357).

Книги Моисеевы установили развод, а Христос, по Толстому, говорит, "что значение брака есть соединение мужа и жены в одно тело,²⁷ что это естественно и что потому людям нельзя мешаться в это, и потому нарушение этого естественного закона есть грех"(24.590).

Такие толкования могли бы послужить образчиком грубой рационалистичности мысли Толстого, но Лев Николаевич усматривает в третьей заповеди прежде всего сакральный, а не рациональный смысл. «Бог сотворил в начале человека – мужчиной и женщиной, так чтобы два были одно, и что потому человек не может и не должен разъединять то,

что соединил Бог». «Единобрачие есть естественный закон человечества, который не может быть нарушаем». Но единобрачие это не брак, то есть обязательно узаконенное соединение мужчины и женщины. Жена в этом сакральном смысле это та женщина, с которой сошелся сначала, в первый раз. Вот это-то «соединение всякого мужчины и женщины, которое, раз совершившись, не может быть нарушено без нарушения воли Бога» и есть единобрачие. Я «не могу, – пишет Толстой, – делать различия между совокуплениями, называемыми браками и не называемыми так; не могу не считать священным и обязательным только то брачное соединение, в котором раз находится человек». С кем сексуально сошелся в первый раз – та тебе и жена.²⁸ И далее не смей вожделяться на других женщин.

Единобрачие, по возвещению Толстого, имеет не положительный смысл установления сторгического единства, а отрицательный смысл погашения зла «блудной похоти». Но мало того, что ударение мысли Льва Николаевича перенесено со сторгии на похоть. Признание женою первой попавшейся женщины несет в себе антисторгический смысл и не устанавливает смысла агапического. Толкование Толстым второй и третьей заповеди Нагорной проповеди не имеет положительного значения для духовной любви того или иного рода.

Еще более поражает толкование Толстым шестой заповеди Нагорной проповеди.

"Я знал, - пишет Толстой в "В чем моя вера?", - мы все знаем, что смысл христианского учения – в любви к людям. Сказать: подставить щеку, любить врагов – это значит выразить сущность христианства"(23.313). И вдруг смысл и нравственный накал сокровенно близкой Толстому агапической заповеди любви к врагу изменяется.

В начале работы над «Соединением и переводом четырех Евангелий» стихи шестой заповеди представлялись Толстому лишь «разъяснением, дополнением и усилением, скажу даже – преувеличением слов о непротивлению злу... "Любить врагов? Это было что-то невозможное. Это было одно из тех прекрасных выражений, на которые нельзя иначе смотреть, как на указание недостижимого нравственного идеала. Это было слишком

много или ничего. Можно не вредить своему врагу, но любить – нельзя. Не мог Христос предписывать невозможное"(23.363).

А вот мысли князя Андрея, которые Толстой через 30 лет после завершения «Войны и мира» дословно перенесет в "Круг чтения":

"Да, любовь (думал он опять с совершенною ясностью), но не та любовь, которая любит за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, которую я испытывал в первый раз, когда, умирая, я увидел *своего врага*, и все-таки полюбил его. Я испытал то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. - Любить ближних, любить врагов своих. Все любить - любить Бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью Божескою. И от этого я испытал такую радость, когда я почувствовал, что люблю этого человека. Что с ним? Жив ли он... Любя человеческою любовью, можно от любви перейти к ненависти; но Божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить ее. Она есть сущность души".

Княжна Марья и ее брат понимали, о чем идет речь в шестой заповеди, понимал и Каренин. Любовь к врагам – это настоящая, истинная жизнь по жизнепониманию Толстого на всех этапах его проповеднической деятельности. И только в тексте "В чем моя вера?" можно прочесть, что "нельзя любить личных врагов»(23.365).

Евангелие от Матфея, глава 5, стихи 43 и 44:

«Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Как и многие комментаторы, Толстой обращает внимание на то, что заповеди «ненавидеть врага твоего» в законе Моисея нет. И, скажем прямо, быть не могло, так как это заповедь гражданской войны, а не нормального проживания любого народа, заботящегося о своем общедушевном благополучии.²⁹ Казалось бы, проще всего Толстому выпустить три слова из текста, как он это сделал со словом «напрасно» в первой заповеди

Нагорной проповеди. Без слов о ненависти к врагу нет никаких препятствий для толкований, и текст становится совершенно ясным: вам говорят – люби ближнего, а Я говорю – люби врага. Но Толстой обходит такой вариант понимания и доказывает, что Христос имел в виду не личных врагов, а врагов народных, людей враждебного народа.³⁰ По Толстому это всем очевидно. Ему «странно, что, понимая то, что Иисус говорит об отношениях к чужеземцам, придумывают какое-то таинственное значение слов и не видят самого простого и ясного – ту простую понятную цель, которую преследуют теперь так безуспешно общества мира... Речь Иисуса говорит только то, что не должно защищаться от врагов, что ни в коем случае не должно воевать». По Толстому заповедь любви к врагу надо понимать так: «Вам сказано: «Люби своего русского, а презирай жида, немца, француза. А я говорю: Люби людей чужих народов, если даже они нападают на тебя, делай им добро. Бог один у немцев и у русских и всех любит; и вы будьте равными сынами Его, так же добры будьте ко всем, как и Он»(24.218).

Ну а Иуда, которому Иисус умыл ноги на Тайной вечере? Он – личный враг? В одном из примечаний главы X «Соединения и перевода четырех Евангелий» мельком сказано о «высоте любви», которую Иисус при этом выказал, но учеников своих Иисус, по Толстому, учит не чувству, а поступкам: «Это я сделал, чтобы показать вам, как надо бороться со злом. Надо делать добро врагу. Делайте так же, исполняйте то, чему я учу, так же, как я исполняю то, чему научил меня Отец, и вы – блаженны»(24.697).

Стих 34 главы XIII Евангелия от Иоанна Толстой переводит так: «Даю вам новую заповедь одну: как я любил вас и Иуду предателя, так и вы любите друг друга. По этому только вы будете отличаться от других людей: любите друг друга». В этих словах можно было бы усмотреть агапический смысл, если бы они не были предварены призывом, разъясняющим значение «новой заповеди»: «Не мудрствуйте о моем учении, как я говорил пастырям, а делайте то, что я делаю»(24.713).

За последние 35 лет своей жизни, Лев Толстой прошел последовательно четыре поприща духовной жизни. Мы подробно рассказывали о них в другой книге.³¹

В конце 70-х годов Толстой проходил поприще народной духовной жизни. Субъект духовной жизни на первом поприще – народ.

В первой половине 80-х годов Толстой трудился на поприще всечеловеческой духовной жизни. Субъект духовной жизни на этом поприще – «Сын человеческий» в трактовке «Соединения и перевода четырех Евангелий».

Далее, с конца 80-х и до второй половины 90-х годов Толстой посвятил себя задачам личной духовной жизни, духовной жизни отдельной души человека. На третьем поприще субъект личной духовной жизни – «Бог свой», высшая душа человека.

В конце 90-х годов Толстой вышел на поприще вселенской духовной жизни, на котором и пребывал до конца своих дней. Субъект духовной жизни на четвертом поприще – «Бог Сам», «Я» Господа.

На шестом десятке жизни Лев Толстой задумал и осуществил грандиозный замысел перевода четырех Евангелий – труда, совершенно необходимого Толстому для самоуяснения и изложения учения о всечеловеческой духовной жизни – о Сыне человеческом. «Учение Христа есть учение о сыне человеческом, общем всем людям» и составляет «основу всех Евангелий» - сказано в VII главе «В чем моя вера?».

"Сын человеческий" у Толстого это некая общечеловеческая духовная сущность, которая, оставаясь цельной, находится в полуразделении, так как размещена в отдельных людях, «сынах человеческих» с маленькой буквы. Сын человеческий с большой буквы есть такая сторона Отца, которая способна делиться в себе, чтобы становиться высшими душами людей.

Но кто такой Отец, Бог? Чтобы разъяснить это, Толстой отталкивается от ложного обиходного сознания своей жизни человеком. Оно таково:

«Жизнь должна быть, она моя, я имею на нее право. Смерть есть что-то чуждое мне, чье-то чужое насилие. Я живу по праву, разумно, хорошо, и незаконно, глупо, жестоко у меня кто-то отнимает жизнь... Вот обычное понимание жизни, вместо которого Иисус дает новое. Он не оправдывает смерти, не делает того, что делают ложные религии, не старается уверить людей, что после плотской смерти будет что-то особенное. Он говорит: мысль ваша о том, что жизнь ваша, как она есть, есть что-то законное и естественное, мысль эта есть плод вашего суеверия и невежества. Жизнь ваша не только не естественное явление, но это самое удивительное чудо, которое может быть и которое должно иметь какое-нибудь объяснение. Ложный взгляд ваш и ужас перед смертью происходит от того, что вы принимаете удивительное чудо, последствие чего-то, за естественное основное явление... Вы воображаете, что вы вечно тут живете, явились сами... Вы вспомните, вы не были прежде, вы не жили, то есть было с вами то, чего вы больше всего боитесь, что вы называете злом, вы были в смерти. Из этого положения вас что-то вывело, что-то дало вам величайшее благо... Что-то или кто-то это сделал. Но кто бы это ни сделал, то, что сделало это, сильнее вас и в нем вся ваша жизнь».

Отец есть и «начало всего», но «жизнь истинная началась до начала мира», жизнь первична, и потому Бога надо воспринимать не через Мир, а через Жизнь. Идея Бога-Творца с самого начала чужда Толстому. Отец это не тот, кто сотворил Жизнь. «Отец это то, что дает жизнь». Кому дает? – Сыну человеческому.

Сын человеческий - носитель истинной (несмертной) жизни, которая дана ему по Воле Бога. «Жизнь истинная есть только жизнь сына человеческого по воле Отца». «Воля же Отца жизни есть жизнь не отдельного человека, а единого сына человеческого, живущего в людях, и потому человек сохраняет жизнь только тогда, когда он на жизнь свою смотрит как на залог, как на талант, данный ему Отцом для того, чтобы служить жизни всех, когда он живет не для себя, а для сына человеческого».

«Жизнь сына человеческого дана всем людям, и им не сказано, зачем она дана им. Одни люди понимают, что жизнь не их собственность, а дана им как дар и должна служить жизни сына человеческого, и живут так. Другие,

под предлогом непонимания цели жизни, не служат жизни. И люди, служащие жизни, сливаются с источником жизни; люди, не служащие жизни лишаются ее... Вы жили жизнью не личной, а жизнью сына человеческого, и потому вы имеете жизнь вечную».³²

Бог послал Своего Сына человеческого в человека для того, чтобы он возвратился обратно, к Богу. При возвращении к Отцу Сын человеческий восстанавливает свое единство и в полном своем составе опять становится "единой сущностью Божества". Вот воля Отца, которая, дает Закон жизни человечества – закон всечеловеческой духовной жизни, закон любви.

Для чего с какой целью сын Бога-духа, Сын человеческий разделился сам в себе на высшие души людей - не ведомо. Однако ясно его стремление опять стать единым. Об этом его обратном стремлении сигнализирует в человеке любовь. Отсюда вытекает необходимость любви любого к каждому. Любовь между людьми основана на высокой потребности в единении их душ, потребности, которая, в свою очередь, вызвана изначальным единством Сына человеческого, представленного в человеке, вложенного в него в качестве его высшей души. Это единство и, следовательно, любовь есть закон духовной жизни, то есть жизни высшей души человека. Поскольку низшая душа и тело, то есть животная личность, живет неистинной смертной жизнью, только похожей на жизнь истинную и бессмертную Сына человеческого и высшей души, то закон жизни высшей души есть одновременно и высший закон для человека в целом, в том числе и для животной личности в составе целостного человека. Отречение от животной личности и перенос центра тяжести жизни на высшую душу автоматически проявляет сына человеческого и, следовательно, подлинную любовь в человеке.

Когда человек любит и жалеет не одну свою душу, но и души других, то он тем самым работает на единство Сына человеческого и любит его самого. Учение любви – метафизическое учение. «Метафизическое учение Христа не новое. Это все одно и то же учение человечества, которое написано в сердцах людей и которое проповедовали все истинные мудрецы мира». Это учение о любви к Богу и ближнему.

Любовь – метафизическое исполнение воли Отца для Сына человеческого. Отец дает жизнь, то есть величайшее благо. «Судя по себе, вы знаете, что благо дается только любовью, иначе вы не понимаете блага. Кто же это любил вас и дал вам благо?.. Так нельзя ли как-нибудь соединиться с

этим началом? И вот Иисус учит, что начало это дало благо и потому есть любовь. И начало это есть в нас, как любовь, и, отдавшись этому началу любви, мы живем и не умираем». «И, обращаясь к Отцу-духу, Иисус сказал: я сделал то, что ты велел мне, я открыл людям то, что ты есть начало всего, и они поняли меня; я научил их тому, что они все изошли от одного начала бесконечной жизни и что потому они все одно, что как Отец во мне и я в Отце, так и они одно со мной и с Отцом. Я открыл им и то, что, так как ты любя послал их в мир, так и они любовью должны жить в мире».

«Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога... Любовь его к нам видна потому, что не мы полюбили Бога и что он полюбил нас и послал в мир жизнь; если Бог так полюбил нас, и мы должны любить друг друга. Бог никогда не видим. Если мы любим друг друга – Бог в нас остается, и его любовь совершается в нас... Заповедь та, чтобы кто любит Бога, любил бы брата (Посл.Ин.6:7-21)».

Иисуса спрашивают какая главная заповедь в Законе? «Иисус, чтобы ответить на вопрос саддукеев и фарисеев, избирает из двух книг Пятикнижия: Второзакония и Левит, два стиха, ничем не связанные по Моисеевым книгам, и связывает их совершенно особенно, то есть выражает совершенно новое учение, не имеющее ничего общего с Моисеевым, только пользуясь некоторыми словами Пятикнижия». Иисус сказал: «главная – та, чтобы любить Господа, того Бога, во власти которого мы находимся, всей нашей душой; и другая выходит из нее: любить ближнего своего, так как в нем тот же Господь».

Стих 31 главы 12 Евангелия от Марка Толстой неожиданно переводит:

«И другая такая же: будешь любить ближнего своего, как его самого».

И объясняет:

«В разговоре можно сказать: я люблю его, как самого себя, но, определяя весь закон, кого и как надо любить, нельзя основой и мерой всего поставить чувство себялюбия только потому, что оно предполагается всем известным; это одно. Другое то, что при чтении *себя самого* одна заповедь не связана с другой, они совершенно независимы. И выходят две заповеди, а у него спросили одну – это другое.... При чтении *его самого* выходит, что Иисус говорит (и надо заметить, что он говорит не в повелительном, а в будущем), что весь смысл его учения в том, что ты (хочешь не хочешь)

будешь всеми силами любить и повиноваться одному господину твоему, духу Бога в тебе, и что этот же дух Бога ты будешь любить в ближнем своем, так как он же самый и есть в каждом ближнем твоем».

Любовь есть та метафизическая основа жизни, с которой человек появляется на свет.

Сын человеческий – исполнитель воли Отца. В этом его назначение. «Воля Отца в том, чтобы вы жили истинной жизнью и имели то, чего желаете». Все дело в том, как исполнять эту Его волю – что практически означает жить истинной жизнью?

«Люди представляют себя отдельными существами, каждого со своей собственной волей жизни, но это только обман. Одна истинная жизнь есть та, которая признает началом жизни волю Отца. Мое учение открывает это единство жизни и представляет жизнь не как отдельные побеги, а как единое дерево, на котором растут побеги. Только тот, кто живет в воле Отца, как побег на дереве, только тот живет; а кто хочет жить своей волей, как оторвавшийся побег, тот умирает. Если вы будите жить в воле Отца, то будете иметь все, чего желаете (Царства Божьего на Земле. – И.М.), потому что жизнь дана людям для блага. Если будете исполнять мои заповеди – будете блаженны. Заповедь, выражающая все мое учение, только та, что все люди должны любить друг друга. А любовь состоит в том, чтобы жертвовать своей плотской жизнью для другого. Другого определения любви нет».

Метафизический принцип любви объясняет смысл жизни и состоит в единении Сына человеческого. «Но сила учения Христа – в приложении этого метафизического учения к жизни» - в практическом (этическом) учении о жизни человека, то есть «о том, как надо жить каждому отдельно и всем вместе». Более того, «метафизическое объяснение учения имеет значение, когда есть то учение о жизни, которое оно объясняет».

«Метафизическая основа древнего учения евреев и Христа – одна и та же: любовь к Богу и ближнему. Но приложение этого учения к жизни по Моисею и по закону Христа – весьма различно. По закону Моисея, как его понимали евреи, для приложения его к жизни требовалось исполнение 613 заповедей, часто бессмысленных, жестоких и таких, которые все основывались на авторитете Писания. По закону Христа, учение жизни, вытекающее из той же метафизической основы, выражено в пяти заповедях,

разумных, благих и носящих в самих себе свой смысл и свое оправдание и обнимающих всю жизнь людей».³³

Учение об Отце, Разумении жизни и Сыне человеческом – мистика учения Христа. Учение о любви – метафизика учения Христа. Учение о жизни человека – этика его учения. «Метафизика и этика учения Христа до такой степени неразрывно связаны и определяются одна другою, что отделить одну от другой нельзя, не лишив все учение его смысла...». И все же Толстой считал первейшей своей задачей указать людям именно на правила исполнения метафизического закона любви – правила Нагорной проведи.

Заповеди Нагорной проповеди позволяют в конкретной жизни исполнить волю Отца, то есть установить метафизический мир в Сыне человеческом. Это – заповеди мира между людьми. Но для понимания позиции Толстого крайне важно уяснить, что эти заповеди мира служат не цели исправления людей и их жизни. Христос, по Толстому, считает, что сам дом человеческой жизни, каков он есть, «дурен и его надо весь перестроить». Как? На принципах, свойственных не цивилизованно-животной (личностной) природе человека, а природе Сына человеческого, то есть духовной жизни человечества. Насилие по личностной природе человека допустимо. Духовной же природе Сына человеческого насилие совершенно противно. «В положении о непротавлению злу Христос говорит не только, что выйдет непосредственно для каждого от непротавления злу, но он, в противоположении той основы, которое жило при нем по Моисею, по римскому праву и теперь по разным кодексам живет человечество, ставит положение непротавления злу, которое, по его учению, должно быть основой жизни людей вместе и должно избавить человечества от зла, наносимого им самому себе».³⁴

Толстой постиг смысл и значение закона непротавления не в результате рассуждений и исследований; это было откровение, рассказывает он, «мгновенное озарение светом истины».³⁵ До этого озарения Толстой воспринимал заповедь непротавления отрицательно – как восхваление страданий и лишений. Теперь он вдруг увидел в ней положительное действие: «Тем, которые будут вас бить и обижать, все-таки делаете добро», то есть никогда не делаете поступка, который противоположен любви. Слова Христа

о непротивлении злу «очень просты, - понял Толстой, - но в них выражен закон Бога и человека, единственный и вечный. Закон этот до такой степени вечен, что если и есть в исторической жизни движение вперед к устранению зла, то только благодаря тем людям, которые так поняли учение Христа и которые переносили зло, а не сопротивлялись ему насилием. Движение к добру человечества совершается не мучителями, а мучениками. Как огонь не тушит огня, так и зло не может потушить зло. Только добро, встречая зло и не заражаясь им, побеждает зло».

Для проповеди полной перестройки всечеловеческого дома жизни, разумеется, необходимы четкие и принципиально исполнимые каждым правила. «Положение о непротивлении злему есть положение, связующее все учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон». И остальные заповеди Нагорной проповеди «должны иметь такое же ясное, приложимое к жизни значение, как и заповедь непротивления злу».

Заповедь любви к врагу – метафизический принцип, не могущий быть правилом, да еще обязательным для исполнения. И Толстой показывает, как шестая (по толстовскому счету пятая) заповедь Нагорной проповеди может быть превращена в правило, по которому не следует делать различия между людьми своего и чужого народа. «Творите добро врагам, делайте им то же, что и своим», - формулирует Толстой заповедь любви к инородцам в последней главе «В чем моя вера?».³⁶

Заповедь любви к врагу интерпретируется Толстым в качестве правила для того, чтобы выразить закон всечеловеческого поведения, а не нормативный идеал чувства и душевного состояния существа, живущего в поле агапической жизненности. Для того чтобы строить новый всечеловеческий дом исключительно на жизни Сына человеческого, необходимо прежде объединить дома, построенные на жизни отдельных, всегда противостоящих друг другу Общих душ в составе человечества. «Возвеличивание» Сына человеческого само собой сводило на нет общедушевную жизнь, поприще которой Толстой и покинул ради этого «возвеличивания».

Откровение тождества любви и жизни возникло у Толстого после написания «В чем моя вера?». Дело было так.

29 июля 1884 года в Ясную Поляну приехал некто Лазарев, околотолстовец первого поколения, про которого Толстой записал в Дневнике: «Журнальное образование и тщеславие. Христианство тронуло его только внешней стороною». Три дня Лазарев ходил за Толстым, мучил его разговорами и «меня пилил *моей* жизнью». Происходило это через полтора месяца после несостоявшегося ухода Толстого из дома, в дни лихорадочного состояния после этого. Речи и ригорические призывы Лазарева были крайне неуместны и раздражали Лева Николаевича. На вторые сутки Лазарев все-таки допек его. «Я разгорячился, – читаем в Дневнике. – Ходил усмирять себя и его. Но тщетно. Дело выяснилось... Много я узнал от этого странного человека. Главное, как ложно учение *любви*. Это не шутка, что я ненавижу любовь как учение. Любовь есть сама жизнь, цель, закон, а они и Павел, и непонимающие учения Христа выставляют ее правилом. Как правило, это величайшая ложь» (49.116).

И на следующий день: «Думал о постепенности требований природы: пищи и труда, собирания семени и отдачи его и (мне кажется) собирания и передачи его. Любовь же не входит в этот ряд, потому что любовь есть сама жизнь, которая достигается естественными удовлетворениями этих требований»(84.116).

Любовь не требование жизни, не приложение к ее цели или закону, которое можно выставлять для исполнения, не правило о том, как надо или не надо поступать в жизни (так понимал Лазарев). Любовь достигается удовлетворением естественных требований того, что есть жизнь. Это не любовь к кому-то и не любовь чего-то. Это любовь, которая есть самая жизнь.

Прозрение Толстого в то, что «любовь есть жизнь», стало основанием развития мысли трактата «О жизни».

Глава первая трактата открывается словами:

«Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствует человек желания себе блага, — он и не чувствует себя живущим. Человек не может себе представить жизни без желания себе

блага. Жить для каждого человека все равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага — все равно, что жить».

Определения «истинной жизни, открытые людям величайшими умами человечества», читаем дальше, все одинаково основываются на получении и достижении истинного блага. «“Жизнь — это любовь к Богу и ближнему, дающая благо человеку”, сказал Христос, включая в свое определение все предшествующие».

В «Соединении и переводе четырех Евангелий» и «В чем моя вера?» утверждает, что Бог по любви Своей дает чудесное благо жизни человеку, изливает на него Свою любовь, наполняет его Своей любовью, которая побуждает человека и любить Бога ответной любовью, и осуществлять метафизический мир внутри Сына человеческого, и любить ближнего, «как его самого». Тут Толстой заострен не на метафизических вопросах, к области которых он отнес и вопросы любви самой по себе, и не на том, чтобы богословски свести концы с концами, а на практике «учения о жизни человека», то есть на пяти линиях этической жизни, указанных в Нагорной проповеди.

И в «О жизни» благо человеку дается любовью, но не любовью Бога, а любовью человека к Богу и ближнему. Эта создающая благо человека любовь есть его жизнь. Любовь в «О жизни» - не метафизический принцип, а основополагающее положение учения о жизни человека, вернее, жизни высшей души в человеке.

В «Соединении и переводе четырех Евангелий» Толстой еще только полусует Структуру внутреннего мира человека. В «О жизни» Структура человека составлена из двух душ. Сын человеческий в труде Толстого о Евангелиях безличностен,³⁷ один и тот же в разных людях и принципиально противопоставляется «личностной жизни» человека, «жизни личности». Прозрение о тождественности жизни и любви изменило представления Толстого о безличности пласта духовной жизни человека. Но понятие «личностности» отнесено Толстым к низшей душе и уже срослось с ним, и поэтому Толстой в трактате «О жизни» изменяет терминологию: вводит вместо «личности» понятие «животной личности», а для обозначения личностности высшей души использует понятие «особость». Высшую душу человека Толстой называет здесь и «своим особенным я», и «разумным

существом» человека, обладающим «особенным» отношением к миру» и особенным «духовным образом».

По своей небесно-земной природе высшая душа человека двоятся. Это и не может быть иначе. Высшая душа и личностна, и (с точки зрения земного человека) безличностна. Но в «О жизни» высшая душа в максимальной степени личностна.

В трактате «О жизни» изъята вся мистика. О Сыне человеческом – ничего нет, один невнятный намек в конце 3-го Прибавления к книге,³⁸ да и то понятный только для автора или для тех, кто изучает неведомые для современников построения Толстого в «Соединении и переводе четырех Евангелий».³⁹ Метафизика в «О жизни» есть, но это не метафизика любви, а метафизика «разумного сознания», заменившего прежнее понятие «Разумения жизни».⁴⁰

«Разум» или «разумное сознание» у Толстого это не то, чем люди пишут философские критики, не то, что создает науку и цивилизацию. Впервые «разумное сознание» по Толстому проявляет себя в человеке не тогда, когда он начинает мыслить, а в сознании своей смертности. Такое сознание не всегда приходит даже в старости, у большинства неявно обнаруживает себя в зрелости, иногда чрезвычайно остро является в юности, но никак не раньше. Сознание смертности, «я – умру!» - отчетливо личностное сознание. Живя далее, напоенный опытом человек открывает в своем «разумном сознании», что наслаждения не могут удовлетворять его жизнь и наполнить ее смыслом. И это - совершенно личностное открытие, действительное прежде всего для самого себя. «Разумное сознание», говорит Толстой, сознает «основное противоречие жизни» в себе, отрицает блага своей животной личности и в конце концов утверждает благо своего духовного Я. Конечно, все эти личные прозрения при желании можно расширить на все духовные Я и на животную личность как таковую.

«Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не

видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них». Что не мешает и ему, и другим обладать собственным стилем разумности сознания.

Истинная жизнь человека, то есть жизнь его высшей души, проявляется в его «разумном сознании». ⁴¹ «Разумное сознание» у Толстого есть нечто иное, как сознание жизни высшей души, сознание высшей душою себя живой, живущей в человеке. «Разумное сознание» проявляет жизнь высшей души относительно жизни животной личности. «Истинная жизнь человека, проявляющаяся в отношении его разумного сознания к его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицание блага животной личности. Отрицание же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознание».

У животной личности есть свое сознание жизни – «сознание личности», которое указывает на благо животной личности. «Толпа, люди не мыслящие, понимают благо человека в благое его животной личности». «Разумное сознание» открывает «стремление к человеческому благу и останавливает «подобие жизни» животной личности. «Человеку дано разумное сознание с тем, чтобы он положил жизнь в том благе, которое открывается ему его разумным сознанием. Тот, кто в этом благе положил жизнь, тот имеет жизнь; тот же, кто не полагает в нем жизни, а полагает ее в благое животной личности, тот этим самым лишает себя жизни. В этом состоит определение жизни, данное Христом».

Чтобы человеку иметь жизнь истинную, надо положить жизнь в том благе, которое создает любовь в нем, – вот основное положение учения о жизни человека. Оно гласит:

«Знаю, что, что бы ни делал человек, он не получит блага до тех пор, пока не будет жить сообразно закону своей жизни. Закон же его жизни не есть борьба, а, напротив, взаимное служение существ друг другу» по любви и духовный рост.

Драматичный процесс духовного восхождения человека видится Толстому в «О жизни» так.

«Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит

призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидал с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его в высоту, своей жизнью, идти по открывшемуся ему направлению, он ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости — его пространственное и временное существование — не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что, если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его».

Поверить в свои крылья современный человек не может потому, что «требования личности так разрослись, так загромождали сознание человека, что ему кажется, что разум отрицает всю жизнь. Ему кажется то, что если откинуть из своего сознания жизни все то, что отрицает его разум (то есть сознание высшей души. – И.М.), то ничего не останется. Он не видит уже того, что остается. Остаток, — тот остаток, в котором есть жизнь, ему кажется ничем».

Теперешняя жизнь столь определенно разводит высшую и низшую душу, что Толстой считает возможным пользоваться понятиями двух «Я» в человеке: духовным (разумным) Я и животным Я.

«Как ни старается человек, воспитанный в нашем мире, с развитыми, преувеличенными похотями личности, признать себя в своем разумном я, он не чувствует в этом я стремления к жизни, которое он чувствует в своей

животной личности. Разумное *я* как будто созерцает жизнь, но не живет само и не имеет влечения к жизни».

Но в человеке одно подлинное *Я*, и все дело в том, чтобы понять его. Свое «коренное и особенное» *Я* имеет два крыла. Оно определено особенным, свойственным только себе чувством себя живущим и особенным, свойственным только себе сознанием себя живущим.

«Если в каждую минуту жизни я спрошу себя в своем сознании, что я такое? Я отвечу: нечто думающее и чувствующее, то есть относящееся к миру своим совершенно особенным образом... Мое сознание говорит мне только: я есмь; я есмь с тем моим отношением к миру, в котором я нахожусь теперь». «Это-то *нечто*, состоящее в моем известном, исключительном отношении к миру, и есть мое настоящее и действительное *я*». Оно «вносится нами в мир из области непространственной и вневременной». «И потому может уничтожиться мое тело, связанное в одно моим временным сознанием, может уничтожиться и самое мое временное сознание, но не может уничтожиться то мое особенное отношение к миру, составляющее мое особенное *я*, из которого создалось для меня все, что есть. Оно не может уничтожиться, потому что оно только и есть. Если бы его не было, я бы не знал ряда своих последовательных сознаний, не знал бы своего тела, не знал бы своей и никакой другой жизни. И потому уничтожение тела и сознания не может служить признаком уничтожения моего особенного отношения к миру, которое началось и возникло не в этой жизни».

С другой стороны, «самое коренное и особенное мое *я*» определено своехарактерностью любви, с которой человек появляется на свет. Подлинное *Я* есть «то *я*, которое любит это, а не любит этого. Почему один любит это, а не любит этого, этого никто не знает, а между прочим это самое и есть то, что составляет основу жизни каждого человека, это-то и есть то, что связывает в одно все различные по времени состояния сознания каждого отдельного человека». «Так что только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое — и есть то особенное и основное *я* человека, в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания. Свойство же это, хотя и развивается и в нашей жизни, вносится нами уже готовое в эту жизнь из какого-то невидимого и непознаваемого нами прошедшего».

Поскольку человек в самое первое время жизни живет в агапическом состоянии жизни, то эту изначальную своеобразность любви, обуславливающую подлинное Я человека, надо относить к агапической любви высшей души. «Основное свойство человека более или менее любить одно и не любить другое не происходит от пространственных и временных условий, но, напротив, пространственные и временные условия действуют или не действуют на человека только потому, что человек, входя в мир, уже имеет весьма определенное свойство любить одно и не любить другое. Только от этого и происходит то, что люди, рожденные и воспитанные в совершенно одинаковых пространственных и временных условиях, представляют часто самую резкую противоположность своего внутреннего я».

Общий вывод:

«Я вижу, что соединявшее все мои сознания в одно — известная восприимчивость к одному и холодность к другому, вследствие чего одно остается, другое исчезает во мне, степень моей любви к добру и ненависти к злу, — что это мое особенное отношение к миру, составляющее именно меня, особенного меня, не есть произведение какой-либо внешней причины, а есть основная причина всех остальных явлений моей жизни».

Однако «в себе мы понимаем жизнь не только как раз существующее отношение к миру, но и как установление нового отношения к миру через большее и большее подчинение животной личности разуму, и проявление большей степени любви. То неизбежное уничтожение плотского существования, которое мы на себе видим, показывает нам, что отношение, в котором мы находимся к миру, не есть постоянное, но что мы вынуждены устанавливать другое. Установление этого нового отношения, т. е. движение жизни, и уничтожает представление смерти. Смерть представляется только тому человеку, который, не признав свою жизнь в установлении разумного отношения к миру и проявлении его в большей и большей любви, остался при том отношении, т. е. с той степенью любви к одному, и нелюбви к другому, с которыми он вступил в существование. Жизнь его непрерывающееся движение». Так что «единственное дело жизни» есть «установление нового отношения к миру, увеличение любви».

Есть естественное агапическое состояние жизни ребенка. И есть высшее агапическое состояние, состояние жизни Иоанна Богослова в старости, твердящего одно и то же: «Братья, любите друг друга». «В таком человеке существование животное чуть брезжится, — оно все съедено новым отношением к миру, новым живым существом, не умещающимся уже в существовании плотского человека». Путь жизни высшей души человека, духовный рост ее идет от изначального несовершенного агапического состояния к совершенному агапическому состоянию. Изначальное естественное агапическое состояние – по земному своехарактерно. Конечное агапическое состояние, состояние жизни нового живого существа, не умещающегося в земной жизни, есть состояние, в котором «новое живое существо» любит всё и всех одинаково и равно. Тут еще нет места для сторгической любви.⁴²

Рассуждения о подлинном Я и его свойствах нужны Толстому в «О жизни» для доказательства того, что «смерть есть вступление в новое отношение» Я к миру, установление человеческого Я в новый центр жизни, невидимый из пределов нашей земной жизни. В начале работы трактат назывался «О жизни и смерти», но под конец ее Толстой убедился, что «смерти нет». Для объяснения этого он говорит нечто, что еще год-два назад нельзя было услышать от него. Как «особенное Я» определяется «в одном известном ему, но невидимом, особенном отношении его разумного сознания к миру», так и животная личность определяется «в видимом отношении животного сознания и вещества к миру». Таким образом «личностность» животного я открыто сопоставляется с «особостью» духовного Я, ставится в этом отношении в один ряд с ним.

Став после плотской смерти в новое отношение к миру, говорит Толстой, человек не прекращает жить и в этом земном мире, оставаясь с живущими здесь людьми и воздействуя на них. Это можно было бы понять и в плане всечеловеческой духовной жизни: сын человеческий всякого человека, переходя после смерти в область жизни всеобщего Сына человеческого, продолжает взаимодействовать с теми его частями, которые включены в состав еще живущих людей. Такое взаимодействие возможно потому, что между частицами разделенного в самом себе Сына человеческого нет и быть не может никаких различий, что они составляют единое целое. Но

когда в земной жизни продолжает действовать не безличная духовная сущность, а духовное Я, как «воспоминание его духовного образа», как его сугубо индивидуальное отношение к миру – «ничье иное», как подчеркивает Толстой, - то представление о всечеловеческой духовной жизни рушится само собой и заменяется представлением о личной духовной жизни. Да и о каком «новом живом существе» отдельного человека может идти речь в учении о всечеловеческой духовной жизни? С самого начала и до конца толстовский трактат «О жизни» обращен не к всечеловечеству и не к человеку как таковому, а к отдельному человеку, который «оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос (о своей жизни. – И.М.) и не находит его... И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают его душу. А жить надо».

Вскоре после завершения «О жизни» Толстой выдвинет учение о «посланничестве» человека в земную жизнь, создаст представление о «Боге своем» и окончательно перейдет на поприще личной духовной жизни.

4(10)

«Движение в высоту предмета, движущегося вместе с тем и в плоскости, - пишет Толстой в «О жизни», - будет точным подобием отношения истинной жизни человеческой к жизни животной личности или жизни истинной к жизни временной и пространственной. Движение предмета кверху не зависит и не может ни увеличиться, ни уменьшиться от его движения в плоскости. То же и с определением жизни человеческой. Жизнь истинная проявляется всегда в личности, но не зависит, не может ни увеличиться, ни уменьшиться от такого или другого существования личности. Временные и пространственные условия, в которых находится животная личность человека, не могут влиять на жизнь истинную, состоящую в подчинении животной личности разумному сознанию. Вне власти человека, желающего

жить, уничтожить, остановить пространственное и временное движение своего существования; но истинная жизнь его есть достижение блага подчинением разуму⁴³, независимо от этих видимых пространственных и временных движений. В этом-то большем и большем достижении блага через подчинение разуму только и состоит то, что составляет жизнь человеческую. Нет этого увеличения в подчинении, — и жизнь человеческая идет по двум видимым направлениям пространства и времени и есть одно существование. Есть это движение в высоту, это большее и большее подчинение разуму, — и между двумя силами и одной устанавливается отношение и совершается большее или меньшее движение по равнодействующей, поднимающей существование человека в область жизни».

«Движение по равнодействующей» все «большим и большим достижением блага» есть формула движения духовной жизни, формула духовного роста в толстовском учении личной духовной жизни. На поприще личной духовной жизни Толстой перейдет из поприща всечеловеческой духовной жизни еще через несколько лет, но уже здесь, в «О жизни», закладываются основы «нового жизнепонимания», провозглашенного в «Царство Божье внутри вас есть». Полное название этой завершенной в 1893 году книги: "Царство Божье внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание".

Высшая душа человека разделена на две нераздельные, но и неслиянные стороны. Одна живет сама по себе личной (приватной) духовной жизнью. Другая сторона высшей души живет вместе с другими высшими душами общедуховной жизнью, то есть духовной жизнью Общей души своего народа. Но это не интердушевная жизнь, протекающая где-то между высшими душами. Общая душа не между людьми и не над ними, а имманентна каждому. И общедуховная жизнь есть жизнь высшей души, но обращенная не в себя, а к другим высшим душам. Общедуховная жизнь – это жизнь обращенных друг к другу высших душ. Только в этом смысле можно говорить о совокупной духовной жизни любого типа, в том числе и о общедуховной жизни.

Отходя от общедуховной жизни, Толстой встал на позиции всечеловеческой духовной жизни, субъект которой есть Сын человеческий (в его понимании), своего рода высшая душа всего

человечества. Это - умозрительная позиция, удобная в качестве основания для строительства Царства Божьего на Земле для всего человечества, так как свет вседуховной жизни одинаков во всех и в каждом. Той же цели служат и мысль агапической любви.

Я думаю, что всечеловеческая духовная жизнь это не вседуховная жизнь, одна и та же духовная жизнь всех людей, как полагал Толстой, а всеобщедуховная жизнь, духовная жизнь всех Общих душ. Всеобщедуховная жизнь задействует высшие души всех людей тем, что одновременно принадлежит всем Общим душам и каждой Общей душе по-своему. Субъект (или субъекты) всеобщедуховной жизни укореняется в отдельной Общей душе и тем самым – во всех Общих душах, уже образованных или еще не образованных в человечестве.

Та или иная Вера, та или иная духовная практика, культовые установления и прочее, все то, что люди в общедуховной жизни выставляют на первый план, на самом деле имеет прикладное значение. Не Общая душа приписана к какому-то вероисповеданию, а вероисповедание принадлежит Общей душе. Если Общие души поменялись бы Верами, то каждая из них, разумеется, изменилась, но не исчезла и не стала той, от которой она переняла Веру. Вероисповедания имеют значение прежде всего в отношении Общей души. Для возникновения и соборного существования всякой Общей душе нужна религия, способная организовать ее соборную жизнь. Общие души европейской части человечества избрали себе Христианство в качестве образующего Собор начала. Могли бы выбрать и другое подходящее (способное образовать Собор Общей души) религиозное учение, но выбрали это и на нем стоят – его для общедуховного единения исповедуют и им отталкиваются от всех других религий. Есть множество беспризорных религиозных учений, который стремятся распространиться исключительно для того, чтобы иметь большую возможность предложить себя какому-нибудь этносу в качестве образующего Общую душу начала. Марксизм бродил, бродил, пока его не подхватила российская Общая душа. То же и с фашизмом. То же даже с либерализмом. Все это виды вероучений, обманывающие собою Общие души. Не истина их важна, а то, что они сумели обмануть Общую душу собою, и то, какая Общая душа взяла их для себя.

Вероисповедание создает пределы отделенности высших пластов Общей души, ограничивающих ее во все-общедуховном поле жизни. Содержание всякой религии важно и в качестве консолидирующего начала Общей души, и духовной преемственности в ней. Этой же цели служат и те стили одухотворенности, которые определенная религия формирует в Общей душе. То, чего достигают в духовной практике буддисты, каббалисты, суфии, даосцы и все другие, имеет значение не само по себе, в общедуховном смысле. Человек, изучающий религии мира или выбирающий для себя религиозное учение, должен был бы думать не о соответствии истин религиозного учения своей интуиции истины – сами по себе они не имеют значения, - а о близости себе той или иной Общей души. К вероисповеданию неприменимы критерии достоверности, подлинности, истинности или ложности. Эти критерии принципиально не пригодны для опровержения религиозных постулатов. Грани между порожденным воображением и существующим в действительности в общедуховности не существует. Это одно и то же. Непосредственный смысл религиозных текстов стирается и заменяется толкованиями - теми, которые берутся на вооружение Общей душой.

В отличие от общедуховной жизни личная духовная жизнь стремится опереться на разум, на истинность, на достоверность и по ним поверяет свою Веру. Для общедуховного взгляда это неприемлемо. Не только общедуховно, но и общественно личная духовная жизнь совершенно бескорытна и способна вывести процесс продвижения человечества к истине из тупика, в который он зашел за последние века. Через личную духовную жизнь можно с неожиданной стороны дать толчок и экуменическому процессу.

Основная беда новейшего времени это глубинная дезориентация человека. Только личная духовная жизнь поможет сориентироваться человеку в его жизни, определит приоритеты, ценности, обнаружит подмены в ней и ее мнимости. Вопросы подлинности и мнимости основательно завуалированы в общедушевной и общедуховной жизни нашего времени. Но с личной духовной точки зрения они видны. Взгляд на человека с личной духовной точки зрения это верный и продуктивный взгляд на мужчину и женщину, на брак, на семью, на секс и целомудрие. Достаточно встать на позиции личной духовной жизни для того, чтобы обрести новый взгляд на страдания и

наслаждения. Личная духовная жизнь дает и новый взгляд на свободу человека, и новый взгляд на человека как такового. Я даже думаю, что вникновение в личную духовную жизнь способно выявить то, что есть и что не есть духовная жизнь человека.

Для объемного рассмотрения проблем личной духовной жизни необходимо иметь перед глазами Структуру внутреннего мира человека. Пока ее нет, всякий разговор о личной духовной жизни носит предварительный характер.

Субъект личной духовной жизни – отдельная человеческая душа с заключенными в ней высшими духовными силами. Цель личной духовной жизни – Царство Божие в себе, внутри себя («все остальное», если будет таковое, - «приложится»). Свет личной духовной жизни возникает далеко не во всяком и светит в зависимости от исходных потенциалов высшей души и ее способности или неспособности к духовному росту.

Общие души народов Западного мира за последние века все более и более теряют духовное основание, раздухотворяются. Соборная сторона общедушевной жизни – общедуховная жизнь - перестает быть ударной, и ударение переносится на этническую сторону. Религиозное все более и более уступает место национальному. С другой стороны, нельзя не заметить, что душевная и духовная жизнь людей Западного мира все более и более перемещается на личнодушевную и личнодуховную жизнь. Но между тем эта последняя все еще представляется придатком общедуховной жизни.

Всё, что принято считать духовной жизнью, до сих пор принадлежит жизни общедуховной, которая до сих пор доминирует в человечестве. Своей собственной духовной жизнью человек считает свою особенную, отличную от других общедуховную жизнь. Но идея личной духовной жизни сегодня обречена на неудачу и с другой стороны. Она опасна не только для общедуховных вероучений, как было прежде и есть теперь, а еще и потому, что она противоречит правящим идеям авторской личности, которую она призывает к себе службу, и животной личности, которая подлежит преодолению в процессе роста личной духовной жизни. Современный человек только-только начинает смутно догадываться, что в его личной

жизни заключены огромные не востребуемые духовные возможности, способные возродить человека, и даже человека нашего времени.

Люди словно не знают, как им двигаться в приватной духовной жизни. Им нужны и мистические, и метафизические и практические принципы личной духовной жизни, принципы, пригодные только для нее и ее осуществляющие. До Льва Толстого их не было. Он - первый пророк личной духовной жизни.¹ Перейдя на третье поприще своей духовной жизни, Лев Толстой думал, что вот-вот настанет пора, когда эти возможности начнут реализовываться.

"Христианское учение тем отличается от всех других и религиозных и общественных учений, - в противоположность в «В чем моя вера?» пишет Толстой в 1894 году, - что оно дает благо людям не посредством общих законов для жизни всех людей, но уяснением каждому отдельному человеку смысла его жизни: того, в чем заключается зло его жизни и в чем его истинное благо»(67.257).

"Церковь, государство, собственность, – говорит Толстой в 1888 году. - Все это надо уничтожить только в себе; в себе уничтожить признание действительности этих дел, а разрушать ничего не надо"(50.83)

Проповедническая ценность заповедей Нагорной проповеди не пострадала от переориентации Толстого с всечеловеческой духовной жизни на жизнь личнодуховную. Но они приобрели иное значение.

Шестая заповедь Нагорной проповеди /любви к врагу/ указывает на опасность для личной духовной жизни душевной провокации ненависти. От чужой ненависти нельзя уклониться, ее пыл проникает в ту душу, на которую она направлена, индуцирует ответную ненависть и вызывает в душе переживание врага, которое гасит любые движения личной духовной жизни. Тут единственное средство - любить врага, что возможно, когда любишь агапической любовью, для которой не нужен предмет. С метафизической точки зрения "любовь к врагу" есть абсолютная вершина чувства личной духовной жизни человека.

¹ Подробнее о принципах личной духовной жизни см. мои книги: «Путь восхождения» М. 1993г., «Этапы личной духовной жизни», М. 1994 год и «Лев Толстой. На вершинах жизни» (в части второй) М., 2003 год

Не осталось без переосмысления и учение о непротивлении злу насилием. В конце концов, Толстой приходит к выводу, что "мое утверждение о невозможности допущения противления злу при исповедании закона любви относится к личной жизни отдельного человека" (79.110).

Если во времена "В чем моя вера?" Толстой упирает на мир между людьми и отвергает насилие, прежде всего по той причине, что оно производит вражду и разъединяет людей (и следовательно, Сына человеческого), то в его работах 90-х годов насилие есть зло, прежде всего потому, что с его помощью осуществляется лжеединение государственности, что на нем держится ложное общественное жизнепонимание, которое правит в мире и не дает в полную силу работать закону любви. "Закон насилия" - закон лжеобщедуховной государственной жизни. "Закон любви" - закон подлинной духовной жизни, жизни по Воле Бога, преследующего Свои, нам неведомые цели.⁴⁴

В феврале 1891 года Лев Николаевич так пишет В.В. Рахманову:

"Христианское учение тем отличается от *всех* других, что оно не в заповедях, а в указании идеала полного совершенства и пути к нему, и это стремление заменяет для ученика Христа все заповеди, и оно же указывает ему все соблазны... В прежней вере и вообще в нехристианских верах заповеди стоят впереди (они так стояли для нас по "В чем моя вера?" – отчасти⁴⁵), в христианстве заповеди стоят назад, т.е. в известный период развития человечества сознание его говорит ему – стремись к полному совершенству, но, стремясь вперед, не спускайся ниже известных ступеней... Христианская жизнь не в следовании заповедям, не в следовании учению даже, а в движении к совершенству, в уяснении всё большем и большем этого совершенства и все большем и большем приближении к нему. И сила жизни христианской не в различной степени совершенства (все степени равны, потому что путь бесконечен), а в ускорении движения. Чем быстрее движение, тем сильнее жизнь. И это жизнепонимание дает особую радость, соединяя со всеми людьми, стоящими на самых разных ступенях, и не разъединяя, как это делает заповедь" (65.262-3).

Человеческая жизнь, на взгляд Льва Николаевича, зажата между двумя полюсами. На одном полюсе человек есть "зверь" и "не может перестать быть им, пока живет в теле". На другом полюсе он - "ангел", "духовное существо,

отрицающее все животные требования человека". Заложено во внутреннем мире человека противоречие, определяющее побуждения его жизни, состоит в том, что "человек хочет быть зверем или ангелом, но не может быть ни тем, ни другим". Разрешение этого противоречия – в понимании того, кто есть человек и зачем он живет в этом мире.

И личная духовная жизнь решает вопрос спасения, но не спасение от Ада, а спасение от исчезновения духовной личности, если таковая родилась в человеке.

Человек, учит Толстой в "Христианском учении", "ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся из зверя - духовное существо, рождающееся из животного. И все наше пребывание в этом мире есть не что иное, как это рождение" /39.123./

Когда Толстой толкует о рождении духовного существа, то он имеет в виду не акт рождения, а процесс рождения, "рожание", как он говорил. Назначение человека, его задание на жизнь и смысл его жизни – рожать "новое духовное существо". Толстовское учение личной духовной жизни есть учение об этом рожании и во благо дела его. В этом смысле Толстой переосмысливает евангельские слова: "Должно нам родиться снова". Вся человеческая жизнь представлялась Толстому как трудный, мучительный процесс родов, как родовой процесс.

К 1888 году субъект всечеловеческой духовной жизни, Сын человеческий, окончательно заменен в жизневоззрении Толстого на субъект личной духовной жизни, на «Бога своего». ⁴⁶ Он и есть рождающееся в человеке духовное существо. "Сказано люби Бога твоего. Мой тот, который во мне"(50.295). Библейскую заповедь о любви к Богу "всем сердцем твоим, и всей душою твоею и всеми силами твоими"/Втор.6:5/ Толстой в конце 80-х годов стал понимать "как закон к Богу *моему*, к тому, что во мне Божественно"(64.287).

Назначение и задача человека - быть в процессе "рожания" Бога своего - «той вечной сущности, живущей в человеке», для которой "нет и не может быть смерти". «Бога своего» человек непосредственно познает "своим сознанием в самом себе". "Царство Божие внутри вас есть"(28.293), - завершал Толстой одну из главных своих книг, указывая этими словами на направление течения и цель личной одухотворенности.

Всякое религиозно-нравственное учение выставляет в качестве образца некоторое высшее состояние души и учит достижению его. Это может быть то или иное состояние святости, праведности, просветленности, вероисполненности и прочее. Достоинство человека внутри религиозной сплоченности определяется по достигнутой им ступени на пути к заданному совершенству. Чем выше ступень, тем выше достоинство человека. По "новому жизнепониманию", это совсем не так.

"Большее или меньшее благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которого он достигает, а от большего или меньшего ускорения движения"(28.41), то есть ускорение духовного роста. По этому "странному, не похожему ни на какое из прежних новому учению", важна сама по себе скорость духовного роста, нацеленного не на "большое", не на со-стояние, а на "всё большее и большее", на ускорение движения, ибо только "ускорение движения к совершенству" дает человеку "увеличение жизни". Рост жизни, писал Толстой, есть "наше единственное и неотъемлемое богатство, приобретенное жизнью"(65.168).

Динамика процессов важна для духовной жизни любого рода. Но для личнодуховной жизни только она и важна. Духовный рост, про который говорит Толстой, не улучшение уже имеющихся качеств, не совершенствование данных свойств и способностей души и не обогащение дополнительно обретенными свойствами и талантами. Основной критерий личнодуховного роста - "увеличение жизни", приращение жизненности души, наполнение ее высшей, чем та, которая есть, жизненностью и разумностью. Душа в акте лично-духовного роста становится выше и глубже себя самой, добывая в себе до того ей неведомые глубинные пласты жизни и разума.

Личная духовная жизнь по большей части проявляется в борьбе и преодолении. В результате броска личнодуховного роста в душе что-то «рождается». Духовный рост - главный признак бессмертия души и основание для ее бессмертия. По Толстому, человек спасается не "верой" и не "делами", а личным духовным ростом. В этом суть мистических прозрений Льва Толстого на поприще личной духовной жизни.

"И моя жизнь истинная есть только та, которая возвращена мною"(51.106).

Положения Нагорной проповеди активно участвуют во возвращении истинной жизни в человеке, но не в качестве обязательных для исполнения правил жизни, а в качестве идеалов совершенства. Идеалы эти сами собой подвигают людей к деятельности духовного роста.

5(11)⁴⁷

Согласно «О жизни», духовному Я человека задано дело: установление нового, более высокого отношения к миру и проявление большей степени любви. Духовное Я «не может уничтожиться, потому что оно только и есть». Но как же и где оно существует после смерти «животной личности»? Все, что можно сказать по этому поводу, это то, что умерший человек «вышел из того низшего отношения к миру, в котором он был как животное, и в котором я еще нахожусь» и «что я не вижу того центра нового отношения к миру, в котором он теперь». Он «исчез из моих глаз», находится «за пределами моего зрения»,⁴⁸ «имеет теперь другой центр, невидимый мне... Каков этот центр, какова эта жизнь сама в себе, я не могу знать - могу гадать, если люблю гадание и не боюсь запутаться. Но если я ищу разумного понимания жизни,⁴⁹ то удовольствуюсь ясным, несомненным, и не хочу портить ясное и несомненное присоединением к нему темных и произвольных гаданий».

Когда Толстой писал «О жизни», «вся» жизнь человеческая (то есть жизнь высшей души) представлялась заключенной в один и тот же «круг или шар с центром» Я. Через несколько лет ему открылось, что человеческая жизнь только представляется шаром с центром, на самом деле нет ни шара, ни центра. То, что видится и понимается шаром, есть часть "бесконечной кривой", вернее, череда переходящих друг в друга сфер или шаров. То, что представляется центром, точкой, в действительности есть стержень, проходящий сквозь все сферы по их общей оси. Теперь про «свое особенное Я» умершего человека никак нельзя сказать, что оно где-то «здесь» же, укоренено в том же существовании, что и при земной жизни. При рождении и смерти высшая душа переходит из одной Обители существования в другую Обитель существования.

Евангельскую фразу о многих обителях в доме Отца Толстой толковал в том смысле, что "в Божьем мире дух пребывает самыми разнообразными проявлениями. Мы знаем проявление духа в живом человеке; но вот я умираю, выхожу из жизни нам понятной, но дух мой где-нибудь, в каком-нибудь новом проявлении будет жить... Жизнь в Боге самая разнообразная и непонятная для нас"(24.719-720).

Чтобы вполне оценить перелом в мистических взглядах Толстого, произошедший в первой половине 90-х годов, надо четко различить два понятия и соответствующие им два посмертные состояния неземной жизни. Это состояние вечной жизни в Боге и состояние жизни некоего духовного существа в следующей Обители существования, живущего, условно говоря, в будущей жизни. Об этом духовном существе Толстой в "Христианском учении" говорит, что оно "рождается" в этом мире, - в смысле находится в процессе рождения. "Всё пребывание человека в этом мире от рождения и до смерти есть не что иное, как рождение в нем духовного существа"(39.128) для жизни в следующей Обители, - сказано в п.4 главы 10 "Христианского учения".

Давняя толстовская идея Обителей в 1890 году дополнилась новым представлением о том, что и в этой Обители существования, как и в любой другой из бесконечного ряда их, жизнь человеческая есть волна, которая при рождении человека возникает из области вечной жизни Бога (а не из "невидимого мною все того же поля жизни", как "думал прежде") и по смерти человека опять возвращается туда же, то есть в вечную жизнь Бога, чтобы возродиться вновь волною жизни в следующей Обители. При таком взгляде высшим духовным статусом обладает тот, кто приходит в этот мир из области непосредственной близости к вечной и высшей жизни Бога, - ребенок.

Ребенок прибывает в земную жизнь от Бога, он ближе всего к истинной и вечной Его жизни. По мере того, как человек входит в жизнь он все более и более удаляется от Бога и Его жизни. Так это продолжается до некоторой переломной точки, где сознание течения жизни меняется: до него человек сознает, что он идет в жизнь, после него – что спускается, сходит с жизни. И там и там есть своя законная работа жизни. До вершины человек "должен жить для этого мира". После нее "начинаешь жить для того, посмертного

мира... Оба процесса нормальны, и в обоих есть свойственная состоянию работа»(53.170, 177-8).

Человек сначала идет в жизнь от Бога, а потом – с жизни к Богу. По смерти он, умозрительно говоря, должен превратиться в Птицу Небесную, которую Бог непосредственно питает жизнью. И затем, уже из этого состояния, вновь рождается к жизни в следующей Обители. Где повторяется то же самое. В этих циклах хождения "от Бога и к Богу" совершается нужная Господу работа, в результате которой после земной жизни к Нему возвращается качественно иное существо, не то, которое входило от Господа в эту жизнь. – Отсюда, видимо, и толстовское представление о человеческой жизни как о вдохе и выдохе Бога, о Его дыхании нами.

Прошло еще четыре года, и Лев Толстой видит несколько иную картину хождения через Обители. Теперь каждая последующая Обитель отличается от предыдущей тем, что жизнь в ней меньше удаляется от Бога. Высшая душа из Обители в Обитель все больше и больше приближается к вечной жизни Бога, чтобы в конце концов слиться с ней. Для этого, надо полагать, высшая душа и пущена сквозь Обители, в каждой из которых она растет, взрослеет, переходит в следующую Обитель возвращенной и потому меньше удаляется от состояния вечной жизни.

Взгляд Толстого прикован теперь (начиная с 1894 года) не столько к своему новому центру в следующей Обители, сколько к "узкому месту", к самому переходу "смерть–новое рождение" - к моменту наибольшего приближения к Богу и единственной возможности слияния с Ним.

Высшая душа, Я Божеское в человеке на какое-то "мгновение" оказывается в состоянии, в котором Бог становится "мною". И следовательно, высшая душа, гипотетически говоря, может остаться в том высшем состоянии жизни, к которому она и идет через Обители (см.88.87). Именно к такому результату своей жизни всей душой стремится Толстой. Не следующая Обитель привлекала его, а ось вечной жизни Бога.

Если высшая душа человека в момент перехода из Обители в Обитель не стала жить вечной жизнью в Боге, то она может либо уничтожиться, либо родиться в жизнь новой Обители. Толстой постоянно чувствует опасность, подстерегающую при переходе "смерть-рождение".

"Та жизнь начинает привлекать меня, только страшен процесс путешествия. Только бы переехать благополучно, а там уже все будет хорошо»(53.194), – надеялся Толстой в пору работы над "Христианским учением". В 1896 году он пишет дочери Маше, что мучительные родовые схватки бывают не только в этой жизни, но и "в той, при переходе"(69.55). Так что и "там" можно не родить и не родиться...

Момент перехода при смерти - своего рода экзамен, определяющий участь каждого. Недаром Толстой считал, что "особенно ценна последняя минута умирания"(45.464), что жизнь продолжается до последнего мгновения, которое может изменить всё.⁵⁰

Однако, подчеркнем еще раз, хождения через Обители по Толстому предполагает возникновение в недрах этой жизни нового и рабочего духовного существа, предназначенного не для вечной жизни, а для жизни в следующей Обители. Но как же в утробе человеческой жизни создается и вынашивается новое духовное существо для новой жизни?

Любовь для Толстого начала 80-х годов – метафизический принцип, единящий Сына человеческого и устанавливающий мир внутри него. В середине 80-х годов: любовь тождественна жизни. В сентябре 1895 года Толстой дает иное определение любви:

"Любовь к своему «я» в известных пределах пространства и времени и есть то, что мы называем жизнью. Эта любовь к своему «я» есть любовь, кристаллизовавшаяся, ставшая бессознательной, а любовь к другим существам во времени и пространстве есть, может быть, приготовление к другой жизни... Наша жизнь есть плод предшествующей сферы любви, а будущая произойдет от сферы любви в этой жизни. Как? Обителей много. Не вышло»(53.55).

В нашем земном бытии происходит как бы перевязывание узла жизни: тот узел, который был завязан в прежней Обители и с которым я вошел в эту жизнь, теперь постепенно развязывается и любовью завязывается новый узел жизни, для моей жизни в последующей Обители.

"Я предполагаю именно то, что есть то, что представляется мне *всем* – Богом, и в этом *всём* проявляются различные единицы объединения, различные степени любви, делающие существа тем, что они суть. Я – одно из таких объединенных существ. В прежнем существовании я, не будучи

человеком, любил то, что составляет духовное существо человека, и перешел из низшей ступени существования на ту, которую я любил. Теперь я люблю нечто высшее и перейду в ту форму существования, которая соответствует моей любви. И так форм существования может быть бесчисленное количество. *Отца моего обители многи суть*".

"Всё это – предположения, - заключает Толстой, - но для меня не менее, но более достоверные, чем вращение земли вокруг солнца»(53.62-3).

В «О жизни» Толстой подчеркивал значение чувства жизни духовного Я, в силу которого человек исходно любит одно и не любит другое. Через 10 лет он пришел к тому, что это же значение любви определяет и то, какой весь мир "для меня" сейчас, и то, какой он будет "для меня", для моего сознания в следующей Обители существования. Новое духовное существо и его новый образ любовной духовности возникает здесь, в человеческой жизни, но определяет "моё" самосознание там, в жизни следующей Обители.

Правильное понимание жизни - то, при котором человек в этом мире чувствует себя путником. "Перед нами одна станция в знакомых, одних и тех же условиях". И пройти эту станцию надо "бодро, весело, дружелюбно, совокупно деятельно, не огорчаясь тому, что сам уходишь или прежде тебя уходят туда, где опять будем все еще больше вместе»(53.78).

Впрочем, "то (то, что после смерти. – И.М.) не будет другое, а то же"(51.111). И "там" будет такая же, как и здесь, борьба жизни - "и там не будет всегда чувствовать себя в Боге и там будет эта борьба с личностью, разрывание личности – в этом *жизнь*, а думаю, что и там будет жизнь, к сожалению, как говорят буддисты; к счастью, как говорят христиане"(71.402).

Узел жизни в нашей Обители (как и в каждой) перевязывается: одно (в личности) развязывается, другое, для новой внеземной личности, завязывается. Но то, что не развязал (в земной личности!), не погибает вместе с животной личностью, а переносится в другую Обитель, где создает рабочие препятствия для новых трудов личной духовной жизни. Преодолевать эти препятствия, развязывать здесь недоразвязанное суждено новому духовному существу, которое создается здесь же.

Входя в жизнь (и удаляясь от Бога) в каждой из Обителей, действуешь, дабы опытом жизни познать в ней главное, потом познаешь это главное и затем, вновь приближаясь к Богу, идя с жизни после главного перевала ее,

любишь вновь познанное главное жизни этой Обители. Таков круговорот духовного роста в Обителях и через Обители (см. 53.21). В следующую Обитель выходит все, что собрано воедино любовью в этой жизни.

Любовью производится все большее и большее расширение духовного существа при его прохождении через Обители. В этом, надо думать, одна из задач личной духовной жизни вообще.

В пункте 4 главы 10 "Христианского учения" говорится о "рождении духовного существа" посредством "расширения пределов области любви". В следующем 5 пункте Толстой осторожно сообщает читателю:

"Можно себе представить, что то, что составляет наше тело, которое теперь представляется как отдельное существо, которое мы любим предпочтительно перед всеми другими существами, когда-нибудь в прежней, низшей жизни было только собрание любимых предметов, которые любовь соединила в одно так, что мы его в этой жизни уже чувствуем собою; и точно так же наша любовь теперь к тому, что доступно нам, составит в будущей жизни одно цельное существо, которое будет так же близко нам, как теперь наше тело (у Отца нашего обителей много)"(39.128).

Высшая душа человека является в земную жизнь непосредственно от Бога и действует в его духовной жизни. Это она во взаимодействии с другими высшими душами и в преодолении той «личности», которая досталась человеку в наследство от существования в предшествующей Обители, перевязывает узлы жизни, саморасширяется любовью, создает новое духовное существо, которому предстоит жить в следующей Обители.

Сблизившись друг с другом и завязавшись в единый узел, высшие души людей нашей Обители существования создают то, что будет низшей душою (своего рода "личностью" или телом) в следующей жизни. Силу, способную завязать узел высших душ в этой жизни, мы назвали сторгической любовью. То «новое духовное существо», о котором говорит Толстой, есть сторгический узел, есть то сторгическое существо, которое в этой жизни образуется в сторгии личной духовной жизни и создает «личность» для существования в следующей Обители и духовной работы в ней. Высшая же душа будущей жизни, как и нашей жизни, происходит от Бога и включается в следующую (как и в любую другую) Обитель в

момент перехода через "узкое место", из Обители в Обитель, когда Бог ближе всего.

Со всеми самыми близкими людьми Лев Николаевич предполагал стать "одним целым существом" в следующей Обители существования (см., напр., 67.58-59). Но чтобы в любовном единении людей образовался новый узел неумирающей жизни, им нужно вступить в непосредственное душевное общение, стать сторгическими ближними, прочно свиться душами друг с другом, всем сердцем полюбить друг друга "усиленной", определенно направленной друг на друга любовью, которой любят верные друзья или супруги. Составлять будущее "отдельное цельное существо" способна только любовь "предметная" и "пристрастная», которой человек любит на пределе своих возможностей, любит особенно и исключительно – любовь сторгическая.

Хотел или не хотел этого Лев Толстой, но Обители в его учении 90-х годов преемственны по сторгической любви. Такая преемственность обеспечивает весьма высокую степень личного бессмертия, но не одного себя, а себя вместе с тем или теми, кого в этой жизни ты специально избрал для сторгического единения.

Однако в апреле 1898 года Толстой хотел убрать из «Христианского учения» только что приведенную мысль пункта 5 главы 10. "Мысль, выраженная там, - пишет он Черткову, - мне очень дорога, но выражена совсем дурно и не точно и вводит в соблазн людей, как я это видел на опыте"(88.92).

Соблазн, по Толстому, есть такое ложное понимание практики человеческой жизни, которое ведет к раздорам, к нарушению единения между людьми. Метафизический тезис о том, что то, что составляет нашу личность, "когда-нибудь в прежней, низшей жизни было только собрание любимых предметов", и о том, что "наша любовь к тому, что доступно нам, составит в будущей жизни одно цельное существо, которое будет так же близко нам, как теперь наше тело", не есть соблазн и не нарушает любовь, а подтверждает ее необходимость и призывает к любви. Так какого же «соблазна» так опасался Толстой?

В любовном единении двух высших душ – это особенно важно для разговора об Обителях - возникает новое, сторгическое духовное существо, которое не есть высшая душа одного или другого или их сложение. Мы уже говорили, что сторгическое духовное существо не

заложено в земной жизни, возникло (рождено, создано, сформировано) **вновь** и потому не подлежит уничтожению при отживании плотского человека. Поэтому человеку так необходимо свиться своей душой с душой другого - и конкретного - человека, свиться так, чтобы он перестал быть "другим человеком", "другим Я", а стал "другим своим Я". В этом слиянии образуется из "Я" и из "Ты" новое единство жизни, новое сторгическое существо, обладающее большей одушевленностью и большей полнотой жизни, чем те высшие души, которые по отдельности составили ее. Вот эта «особенно дорогая» мысль о сторгическом существе и его хождении в Обителях существования и стала в 1898 году для Толстого соблазном. Именно в это время Лев Николаевич окончательно отвернулся от этой жизни, да так, что увидел в сторгической любви соблазн. Теперь он нацелен на агапическую любовь и вроде бы только на агапическую любовь.

6(12)

В 1898 году Толстой прочел чеховскую «Душечку» и восхитился этим рассказом. Попробуем понять, почему чеховская Душечка для Толстого «навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем её сводит судьба."/41.377.

Чем же Оленька, Ольга Степановна Племянникова (так звалась героиня Чехова) "образец" женщины и, более того, образец на все времена, "навсегда"? Любила она кого попало, а когда никого не любила, то была безучастной, жила без мыслей и в полной сердечной пустоте: "И так день за днем, год за годом, - и ни одной радости, и нет никакого мнения. Что сказала Мавра-кухарка, то и хорошо". И это пустейшее, жалкое существо - образец? А вот Толстой уверяет, что его трогает не только рассказ о любви Душечки, но "еще больше о том, как она страдает, оставшись одна, когда ей некого любить".

"Автор, - объясняет Лев Николаевич, - заставляет её любить смешного Кукина, ничтожного лесоторговца и неприятного ветеринара, но любовь не менее свята, будет ли её предметом Кукин, или Спиноза, Паскаль, Шиллер..."

Люди не называли Ольгу Степановну Лапушкой, Милочкой, Любушкой, а называли Душечкой, и вот как Чехов объясняет почему:

"Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года, приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая. Глядя на её полные, розовые щеки, на мягкую белую шею с темной родинкой, на добрую, наивную улыбку, которая бывала на её лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватить её за руку и не проговорить в порыве удовольствия: "Душечка!"»

Ольга Степановна потому и Душечка, что и плоть и душа её светится той духовной чистотой любви, которая сама по себе вводит душу в духовное благосостояние. Не только глаза и улыбка, но даже шея её излучала благо и святость её души. Любя кого-нибудь или только слушая "что-нибудь приятное", она изнутри наслаждалась, и это состояние душевного наслаждения выливалось вовне, на людей. Зато не любя она страдала. Не так, как страдают от влюбленности, а так, как страдают от безлюбия.

Ольга Степановна способна только на истинные движения души, и она страдала от безлюбия в чистоте душевной, без камуфляжа всяческих дел и мыслей, ничем не одурманивая себя, без тех желаний, забот и "интересов", с помощью которых женщины исхитряются жить не любя. Женские духовные страдания безлюбия невыносимы. Их надо чем-то забить и прикрыть. Оказалось, что их лучше всего забить стремлением жить по-мужски, культивируя в себе мужские достоинства, не несущие чистого свечения любовной духовности. Прикрывая такими способами свои духовные страдания безлюбия, женщина, по сути, отказывается от любви, охлаждает себя, свою душу, работающую в любви. Ольга Степановна так мучительно страдает, страдает в чистоте сердца своего потому, что в ней вовсе нет, нет никаких мужских достоинств, дел и интересов. Её к ним не приучили. А приучили бы, и она могла стать биологом, скажем, или «живописицей». Только вот блага в душе ее несомненно стало бы поменьше...

Ольга Степановна еще и потому Душечка, что она женщина неиспорченной души. Женская душа рушится, когда она не умеет или разучилась любить. Верный внешний признак порчи души женщины - её капризность, грубость и особенно истеричность; истерична женщина всегда только от того или иного рода погашения любви или её недостатка. Безлюбие - разрушение женской души,⁵¹ а грубость, раздражение, истеричность есть, как Толстой видел на своей жене, последствия этого разрушения. Конечно, внешние проявления этих последствий можно сдерживать, но нельзя их сдерживать в самой себе. В Ольге Степановне не заметно этих последствий, но не потому, что не позволяют приличия или общая культура, она - антипод женской истеричности, и не по сдержанности, а непосредственно, исключительно благодаря душевной неиспорченности. Душечка духовно страдала в пустоте безлюбия, страдала - и не рушилась! Одного этого достаточно, чтобы вслед за Толстым признать эту женскую душу образцом.

Представить себе не только ругающуюся, а просто раздраженную Ольгу Степановну по рассказу Чехова нельзя. Никогда в ней нет ни слова, даже мысли упрека. Она не умеет требовать и обижаться, предъявлять претензии или свои права. Она не играет в жизни, ничего не выигрывает и не проигрывает, никогда не выгадывает для себя, ни с кем не тягается, не борется за власть или за свое положение рядом с женщиной, не завидует, не ревнует /хотя и имеет случай/, просто боится потерять то благо любви, то духовное благосостояние, которое несет в себе ее душа. Она кротка, искренна, бескорытна, некапризна, не знает, что можно по-женски давить, устраиваться, рассчитывать, блефовать, ждать и искать услад и развлечений, тянуть к себе и стараться привязать. Ни изменить, ни разлюбить Ольга Степановна не может. Она никогда не говорит "я", всегда - "мы": "мы с Ванечкой", "мы с Васечкой". К тому же она в высшей степени восприимчива ко всему, чем живет любимый ею человек, за которого она всегда горюет и к которому всегда относится религиозно, отдавая ему всю себя. Это ли не "образец" женского сторгического действия?

Многое в Ольге Степановне не могло не импонировать Толстому. Большинство женщин чувствуют свое превосходство над Ольгой Степановной только потому, что она смогла любить этого Кукина или этого пошлого лесоторговца. Любовь её действительно свята, говорят они, но не

Кукин же достоин её. Подразумевается, что будь на его месте Шиллер, Паскаль или Спиноза, то и они бы могли любить так, как любила у Чехова Оленька. Но, согласитесь, что любить Шиллера, отдавать себя Паскалю, признавать превосходство Спинозы нетрудно, во всяком случае куда легче, чем отдавать всю себя Кукину. С Паскалем или Толстым, может быть, и тяжело жить, но женская путевая судьба легче. И разве Софья Андреевна, бескорыстно любя мужа, могла относиться к своему «Лёвочке» столь же трепетно и религиозно, как Ольга Степановна к своему Ване Кукину? Не много найдется женщин, которые были бы достойны любить Льва Николаевича. А Душечка любила так какого-то ветеринара. В каждом из своих любимых она видела совершенство и относилась к нему как к наивысшему существу, т.е. так, как в большинстве случаев не относились к величайшим людям их жены.

Не великий предмет нужен, чтобы любить так, как любила Ольга Степановна; нужна неиспорченная женская душа. Любовью Душечки иначе нельзя любить никого: ни Кукина, ни Льва Толстого, ни Христа. "Без женщин - врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, - пишет Толстой, - но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине всё то лучшее, что есть в нем и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, - без таких женщин плохо было бы жить на свете/.../ В этой любви, обращена ли она к Кукину или к Христу, главная, великая, ничем не заменимая сила женщины"/41.376/. Но в какой же любви?

Эта "главная, великая, ничем не заменимая сила женщины" обращена не на того, кто её "достоин" или кого она желает, а на того, кому она нужна. Ольга Степановна прельстилась не мужскими статьями маленького Кукина, не интеллектом Пустовалова /Чехов умеет смеяться фамилиями/ и не возвышенностью ветеринара Смирника, а только тем, что каждому из них была надобна её женская поддержка. Душечка отдает себя не первому попавшемуся, как это может показаться, а только тому, кому необходима была её душа, её способность любить в мужчине "все то лучшее, что есть в нем". Ольга Степановна так чутко откликается на мужскую просьбу помочь и поддержать потому, что, отдавая себя, она сама испытывает духовное

наслаждение. Женщина не женщина, когда в ней нет потребности вхождения в благосостояние помощи другой душе в любви.

Разграничение на диких женщин, которые любят для себя, не давая мужской душе то, что ей надо, и женщин, жертвующих собою, - не верно. Для всегда готовой к жертве Душечки её любовь не жертва, а наслаждение удовлетворением духовной потребности. Кладя душу свою для другого, она не геройствует и не умаляет себя, а, напротив, находит и осуществляет себя. Поэтому в ней нет и не может быть претензии или упрека к любимому - одна благодарность за то, что ей дали возможность любить, за дарование осуществления блага любви её душе. Она боится потерять это благо, благо, которое есть. Конец рассказа так трогателен потому, что Душечка знает, что ей непременно придется расстаться с её гимназистиком, и молит: ещё немного, только не сейчас...

"Вдруг сильный стук в калитку. Оленька просыпается и не дышит от страха; сердце у неё сильно бьется. Проходит полминуты, и опять стук.

"Это телеграмма из Харькова, - думает она, начиная дрожать всем телом. - Мать требует Сашу к себе в Харьков... О, Господи!"

Она в отчаянии; у неё холодеют голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнее её нет человека на всем свете. Но проходит еще минута, слышатся голоса: это ветеринар вернулся домой из клуба.

«Ну, слава Богу!" - думает она.

От сердца мало-помалу отстает тяжесть, опять становится легко, она ложится и думает о Саше, который спит крепко в соседней комнате и изредка говорит в бреду:

- Я тебе! Пошел вон! Не дерись!"

Представляете, что ей предстоит в жизни дальше...

Не смеяться, плакать хочется. И не слезами умиления, а от обиды за Ольгу Степановну. Она любила опереточного Кукина, и получился вроде бы несмешной фарс. Любила добропорядочного Пустовалова, и была пошлость. Теперь этот чужой ей мальчик, за которого, "за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает - почему?" Быть может, такова её участь?..

При всех достоинствах её души, она обездолена, и жестоко обездолена в жизни. Птицы и лисы имеют своих детенышей, а Душечке, Ольге Степановне, образцу женщины, отказано в этом. Оленька всю жизнь трудилась душою на сторгический союз - как трудилась! - и все вроде бы впустую. Несоответствие её великой женской души и ничтожной судьбы ужасает. Ужас весь как раз в том, что она по своей великой душе находится в полной власти своей судьбы, которая может быть какой угодно и часто /хотя далеко не обязательно/ - ничтожной. Отдавая себя и жалея того, кому она нужней, Ольга Степановна не отказывала мужской душе, не выбирала и принимала за своего мужчину того, кого посылал ей случай. Вышла же трагедия: вся "главная, великая, ничем не заменимая сила женщины", весь грандиозный труд сторгического единения души Ольги Степановны именно в сторгическом отношении оказался произведенным вхолостую. Но почему это вовсе не умаляет величия ее души?

Не удивительно ли, что в толстовском восприятии рассказа Чехова нет ничего трагического. Личная неудача или, лучше сказать, жизненный крах им же вознесенной женщины не потряс Льва Николаевича и не вызвал вопроса, подобного тому, какой возникал у него при столкновении с бессмысленностью жизни человека и его смертностью. Почему? Возможно, что все движения ее высшей души, несмотря на видимые поражения в ее земной жизни, совсем не холостые и не бессмысленные. Драматизм ее житейской судьбы только подчеркивает это.

Жизнь Душечке дана, чтобы отдать ее кому-то. Она всегда готова охранять каждого, кого поручит ей судьба. Она любит, кого хранит, и хранит, кого любит. Одна она, без того, кого хранит душою, как бы не существует. К тому же она обладает высшим даром замыкать на себя мужчину и самой замыкаться на него. Жизнь, как это часто бывает, больно и жестоко экзаменует сторгическую силу ее души. И она «несет свой крест», выдерживает свой экзамен обездоленностью судьбы. Чтобы ни происходило в ее жизни, она продолжала быть сама собою, всегда готовой быть душевным убежищем тому, кому это оказывалось нужно. Жизнь колотила ее, а она оставалась целомудренной и при этом податливой на просьбы о помощи, исходящие от мужской души, чуткой к мольбе мужчины о женщине, о женском утешении любви, которая "незаметным внушением" поддерживает и

вызывает все хорошее в другой душе, что только и есть действительный и достойный предмет такой любви – равной ко всем женской сторгической любви, отчетливо обретшей черты агапического жизнечувствования. Грань между агапическим и сторгическим в душе Душечки стерлась. Сторгическая любовь в этой душе возведена в сугубо женскую агапическую любовь. Вот что так поразило Толстого в героине Чехова.

"Ваша "Душечка" – прелесть! – писала Чехову Татьяна Львовна Толстая. - Отец ее читал четыре вечера подряд вслух и говорит, что поумнел от этой вещи".⁵² С чего бы мудрецу Толстому на старости лет "поумнеть от этой вещи"? Если Толстой и «поумнел», то никак не от своих и тем более чужих мыслей о женской эмансипации, а от чего-то другого.

Ко времени написания Послесловия (1905 год) Лев Николаевич, очевидно, уже устал слушать бесконечные рассуждения своих критиков о несоответствии толстовского разума и толстовского чувства и таланта. Не удивительно ли, что он сам прибегнул к тому же противопоставлению при анализе произведения другого писателя? Антон Чехов, пишет Толстой, подобно библейскому Валааму, желал посмеяться над жалкой героиней, но "вознес ее".⁵³ Что вряд ли справедливо. Чехов, несомненно, учитывал восприятие рассказа публикой, которая реагирует в соответствии с умственными и эмоциональными эпидемиями своего времени. Но все же он писал не пародию, а драму и думал при этом, видимо, не о женской эмансипации, а о несостоятельности и странной участи любви – и именно сторгической любви - в этом мире. Может даже показаться, что то самое, в чем Толстой уличал Чехова, случилось с ним самим: в Послесловии к рассказу Толстой вознес не ту любовь, которую он проповедовал.

Ровная, не усиленная, целомудренная, изливающаяся на всякого агапическая любовь противостоит в учении Толстого любви страстной, исключительной, направленной на одного того, "кто нравится". Если чеховская Душечка постоянно жила в полной готовности к любви, то не только и не столько в силу таинственного жизнедействия Божеской любви в человеке, но более всего для осуществления непреодолимой женской потребности в сторгической любви к мужчине. При всем удивительном благоволении души Ольга Степановна любила земной человеческой любовью. Она ждала и желала того же, чего желала и Наташа Ростова и Кити

и Маша – непосредственного объединения своей души с душою "своего" мужчины.

Антон Павлович писал о драме сторгической любви земного человека. Толстой же нашел в рассказе Чехова высший образец агапической любви женщины, образец «навсегда» - и «поумнел от этой вещи».

7(13)

С конца 90-х годов в жизнесознании Толстого происходят значительные перемены. Он оставляет поприще личной духовной жизни и все больше переходит на поприще вселенской духовной жизни. Он перестает отождествлять понятие Жизни с понятием Любви. Связано это с его новыми представлениями о Боге и его существованием в человеке.

Бог - неограниченное нетелесное неизменное Начало; «наше духовное существо» - то же самое неизменное духовное начало, но заключенное в пределы пространства, времени, материи. «Отдельность, несливаемость, непроницаемость одного существа другим может представляться только телом (материей), движущимся независимо от движений других существ. И потому как телесность и пространство, так и движение и время суть только условия возможности представления отделенности нашего духовного существа от всего остального, то есть от неограниченного, не телесного, не пространственного и не движущегося, не временнОго духовного Существа".

«Жизнь есть сознание»(54.173), «сознание Бога, проявляющееся из-за пределов пространства и времени», сознание того, кого Толстой в разное время называл сыном человеческим, духовным Я, «Богом своим», духовным существом человека.

В человеке, по Толстому, - два сознания, то есть два рода жизни. Одно – «высшее сознание: сознание своей причастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности». Другое – «низшее сознание: сознание своей отделенности от

Всего»(54.173).⁵⁴ Это низшее сознание создает жизнь пределов отделенности, жизнь тела и животной личности, которая не есть «жизнь истинная».

«Жизнь же истинная есть проявление сознания из-за пределов пространства и времени. И она всегда есть». Отсюда с неизбежностью «вытекает то, что составляет основу доброй жизни: вытекает любовь, т. е. признание единства своей жизни со всеми существами мира» (90.142). Это в чистом виде агапическая любовь.

Конкретная работа агапической любви в человеке состоит все же не в единении «со всеми существами мира», а в расширении пределов отделенности. Агапическая любовь расширяет область жизни и тем просветляет человека и приближает его к вселенской жизни (см.54.111).

Увеличение агапической любви приближает к Богу (54.113). «Сознание свое отдельного существа есть жизнь человека. Сознание Всего – есть жизнь Бога. Любовью, т.е. расширением своих пределов, человек приближается к Богу, но любовь не есть свойство Бога, как говорят обыкновенно: любовь есть свойство только человеческое»(54.155). «Любовь есть стремление захватить в себя Все, сделать свое сознание сознанием Всего»(54.167). «Любовь есть стремление вынести свое духовное Я из своих пределов, сделать своим я жизнь других существ. И в этом вся основа нравственности»(54.166).

Взгляды эти складывались у Толстого постепенно, на протяжении нескольких лет, примерно с 1897 года. Тем не менее и в эти годы Толстой продолжает думать и писать об Обителях, но в его мыслях уже нет тех завязывающихся в земной жизни узлов сторгической любви, на которых ранее держался ход из Обители в Обитель. Через смерть переходит единичное духовное существо: «Я», один (см. 54.49). Одно и то же духовное существо совершает переход из одной формы в другую, когда «я здешнее закончено и начинается новое»(54.46). «Вся жизнь в этом мире есть только образование новой формы жизни» (54.35) - всё того же, а не нового духовного существа. При смерти «уничтожаются только пределы в роде освобождения сжатого газа. Кажется, что он исчез, а он только вступил в новые соединения»(54.121). Задача жизни человека – готовить свою жизнь в следующей Обители. Так что «любовь есть проявление в этой жизни стремления, которое полное осуществление свое получит только после смерти»(54.339).

Пока у Толстого остаются представления об Обителях, до тех пор у него есть, пусть и в скрытом виде, сторгические представления. Так что и в начале 900-х годов Лев Николаевич не совсем отказался от той мысли, которую он хотел исключить из «Христианского учения». «Вся жизнь в этом мире есть только образование новой формы жизни, которую мы познаем в сознании – в том, что мы любим. Чувство самосохранения в молодости и вообще до старости есть нечто иное, как противодействие всему тому, что нарушает процесс образования новой формы. Когда же новая форма готова, человек спокойно, радостно переходит в нее, т.е. умирает»(54.35).

«Думалось как-то хорошо по случаю моих отношений к людям близким, что эта близость к ним не безразлична, а обязывает». Обязывает тем, что «через мои отношения с ними я устанавливаю новую форму»(54.47). Это сказано в 1900 году. В дальнейшем у Толстого уже не найти столь откровенно сторгически окрашенных мыслей.

Для любви доступно не «свое другое Я», а только «свое Божественное Я». Более того: «Любовь не есть главное начало жизни. Любовь следствие, а не причина. Причина любви – сознание своей духовности. Это сознание требует любви, производит любовь»(54.186). Отсюда вывод:

«Любовь настоящая есть только любовь к ближнему, равная, одинаковая для всех. Одинаково нужно заставлять себя любить тех, которых мало любишь или ненавидишь, и перестать слишком любить тех, которых слишком любишь. Одно не дошло, другое перешло линию. От того и другого все страдания мира»(54.150). Это - полный отказ от мысли сторгии ради надмирности агапии.

Людское счастье достигается не в личной духовной жизни отдельной души. «Бог хотел, чтобы мы были счастливы и для того вложил в нас потребность счастья, но Он хотел, чтобы мы все вместе были счастливы, а не отдельные люди. От того и несчастливы люди, что стремятся не к общему, а к отдельному счастью... Высшее же счастье человека это быть любимым, и потому в человека вложено это желание (превратно это выражается честолюбием, тщеславием). Для того, чтобы быть любимым, очевидно, надо любить самому» (54.188).

25 февраля 1904 года Толстой пишет о трех ступенях сознания:

«Сознание на первой ступени ищет добра только себе, воображаемому материальному существу; на второй ступени ищет добра только себе, воображаемому отдельному духовному существу; на третьей ступени оно есть добро себе и всему, с чем оно соприкасается: оно ничего не ищет, оно есть, одно есть... На первой и второй ступени я, настоящее я (Божественное) принимает свои пределы за самого себя. Только на 3-й ступени оно сознает себя тем, что есть»(55.15-16).

Долгое время, трудясь на поприще личной духовной жизни, Толстой считал, что в человеке есть плотско-психическое существо, животная личность и духовное существо, духовное Я. Затем, уже на поприще вселенской жизни, он думал, что плотско-психического существа как такового нет, а есть пределы отделенности духовного существа – есть только отграниченное духовное существо и его пределы, представляющиеся нам материальными. Теперь Толстой решает, что и этого отграниченного духовного существа нет так же, как нет материальной личности, что и отдельное духовное существо – плод воображения. По его жизнепониманию 900-х годов, «меня нет, а есть только через меня, через мое сознание, действующая в мире вечная, бесконечная сила Божья. Жизнь в росте сознания: в переходе из первой во вторую и третью ступень и в усилении, в очищении, в оживлении сознания, находящегося на этой высшей степени. В этом усилении, очищении, оживлении, которому нет конца, в этом и смысл жизни, и благо жизни, и всё нравственное учение»(88.317-18).

Во времена работы над «В чем моя вера?» Толстым двигало агапическое чувство жизни. Теперь, спустя двадцать лет, он обрел еще и агапическое сознание жизни, которое выразило себя в учении «монизма жизни».

«Жизнь, которую я сознаю, есть прохождение духовной неограниченной (Божественной) сущности через ограниченное пределами вещество. Это верно»(55.109).⁵⁵

Жизнь есть проявление Сущего «в бесконечно многих ограниченных сознаниях, которые нам представляются материальными движущимися существами так же, как и мы сами. Эти зарождающиеся и уничтожающиеся сознания суть как бы дыхания Бога. Бог дышит нашими жизнями. Это сравнение не точно. Сравнение будет вернее с живыми клетками тела. Каждая живет и умирает и, живя и умирая, служит всему. Но чтобы

сравнение было полно, надо прибавить, что клетка человек (про другие не знаю, но думаю, что и они смутно сознают) сознает то, что он и все другие клетки имеют источником одно общее начало. Из этого понимания жизни прямо вытекает нравственное учение всех религий. Человек, дух, сын Божий, брат всех существ,⁵⁶ призван служить всем существам, Всему, Богу. Как хорошо! Особенно ясно выясняется из этого понимания жизни нравственное обязательство не только не уничтожать жизнь существ, но служить жизни. Жизнь всякая есть проявление Бога. Уничтожить жизнь значит уничтожить орган, вместе со мной служащий Богу – служащий и мне»(55.34-35).

Впрочем, через полгода Толстой делает шаг от «человека-клетки» к прежнему представлению об отделенном духовном существе:

«Мне приходит мысль, что переход от жизни животной к жизни духовной, от радостей, интересов животных к радостям, интересам духовным, есть начало, зародыш нового отделенного духовного существа, еще не познавшего своих пределов, еще не пришедшего к сознанию. Когда же существо это придет к сознанию, ему представятся его пределы веществом так же, как и теперь в нашей жизни, и так же он поймет жизнь подобных ему существ, как и мы понимаем в нашей жизни»(55.171).

В конце концов у Толстого устанавливается такой взгляд:

«Человек есть проявление божества, но ему кажется сначала, что он особенное существо: «я». Ему кажется, что он — «я» отдельный, что он человек; а он Бог — проявление его. Не знаю, как животные, но человек не только может, но должен это познать. А познав это, человек не может не полагать свою жизнь в соединении со всем — т. е. в любви. — Последствием этого для человека — благо». И в продолжение этой мысли: "Не любишь себя – пропал. Любишь себя одного – тоже пропал. Спасение только, когда любишь себя и все, т.е. Бога. Когда же любишь так, то Бог становится и тем, что любят, и то, что любишь"(55.247). «Что значит любить Бога? Любить Бога значит любить то Все, чего я сознаю себя частью»(55.284). "И эту возможность участия в жизни *Всего* мы имеем, когда сознаем себя тем духовным началом, которое дает нам жизнь. Сознание это проявляется в нас любовью"(56.13). "Как живо чувствую теперь, что основа, жизнь есть Божественная частица, сознаваемая нами любовью"(55.282). "Мы то, что мы сознаем. А любовью мы сознаем очень много вне себя"(55.266).

Вера для Толстого это «внутренняя неизбежность убеждения, которая становится основой жизни» в отличие от «веры, как следствия усилия воли, при которой можно сказать: я велю верить, я хочу верить, ты должен верить».⁵⁷ Вера в любовь есть собственная, толстовская основа жизни, исходная установка его духовной жизни. Эта вера питала его до конца дней. В 1905 году она целиком основывается на агапической любви:

«Я знаю, что живу в этом мире, что, живя, мне *надо* увеличивать любовь. Я спрашиваю, для чего это? И ответа нет. Но я верю, не могу не верить, что это хорошо, что это так надо. В этом вера. Когда я спрашиваю себя: кто сделал, что это так, и кто знает, для чего это так? Я тоже не нахожу ответа. Но я верю, не могу не верить, что есть Тот или То, Кто или что сделало это и знает, зачем. В этом вера в Бога»(55.231). При этом «вера любви, как высшего закона жизни, не исключает никаких радостей жизни. Можно играть, плясать, все противное любви делать ЛЮБЯ»(56.121).

Во второй половине 900-х годов Толстой приходит к новому выводу: человек как таковой живет своего рода «двойной жизнью», словно два разных существа. Но это уже не животная личность и духовное Я, как он думал, будучи на поприще личной духовной жизни. По теперешним представлениям Льва Николаевича, человек живет и жизнью своей отдельной духовной личности (в личных пределах отделенности) и жизнью «более обширного существа, включающего наши отдельные существования так же, как тело включает в себя составляющие его отдельные клетки» (56.13). Два взгляда Толстого на человека: как на «человека-клетку» и как на отдельное духовное существо - таким образом совмещаются. Вера в любовь обретает новые черты.

Перенесение сознания из отдельной личности «в более обширное существо» совершается тогда и тем больше, когда и чем больше человек работает – работает исключительно агапической любовью - на благо этого «более обширного существа». Кто же это существо? Это, может быть, и «люди вообще, всё человечество, весь мир, которого мы составляем частичное проявление» (89.61), а может быть, и «Начало Всего». Толстой учитывает возможность первого, но преимущественно развивает второе предположение.

«Так что мы живем здесь и своею отдельной жизнью и жизнью другого более обширного существа, включающего наши отдельные существования так же, как тело включает в себя составляющие его отдельные клетки... Смерть поэтому, может быть, есть только перенесение сознания из отдельной личности в более обширное существо, включающее в себя отдельные личности. И это вероятно потому, что вся жизнь человеческая есть все большее и большее расширение сознания»(56.13).

Общий круг жизни человека состоит из двух частей (см.55.228). Одна, видимая часть круга жизни (которая «от рождения к смерти») – в нашей Обители отделенности. Другая часть круга скрыта и проистекает в Обители Бога, которую можно назвать Обителью нераздельности. В видимой части "круга" производится далеко не вся работа. Есть работа и в скрытой части, в составе «более обширного существа». Об этой работе нам, людям, ничего известно быть не может. Но это именно работа, а не отдых и блаженствование, как в раю.

В Обители нераздельности - действующая часть (и большая часть?) жизни духовного существа, только нам непонятная. Там идет непонятная кипучая жизнь «сущностей, какие они действительно суть». Когда читаешь о скрытой части круга, то сам собой возникает образ не имеющего размеров живого, колеблющегося шара, вся поверхность которого состоит из капель, плотно сжатых между собой и стремящихся разлиться – образ «живого глобуса» Пьера Безухова.

Из скрытой части круга жизни, с поверхности «живого глобуса» капля отправляется (посылается?) в навигацию Обители отделенности, рождается в нее, проходит в ней видимую часть круга, что-то совершает и возвращается туда, откуда вышла, в Обитель Бога. Прозрение Толстого состоит в том, что человек живет вместе и «личной» жизнью той Обители отделенности, в которую он родился (капля, отделившаяся от поверхности), и жизнью той Обители нераздельности, куда он возвращается («как человек-клетка»). Проходящее «круг жизни» духовное существо нигде не перестает быть частью «более обширного существа».

Особенно важно отметить, что то духовное существо, которое исходит из Обители нераздельности, проходит полукруг земной жизни и возвращается

обратно, не имеет отношения к тому сторгическому существу, которое переходило из Обители в Обитель в учении середины 90-х годов. Это два рода независимых друг от друга духовных существ в человеке, которые могут встречаться или не встречаться, работать вместе или по отдельности. И для духовного существа второго рода, которое назвать мы еще не умеем, может быть ряд Обителей отделенности, но каждая из них – «в круге», который замыкается в Обители нераздельности, в Боге. В Боге не при переходе из Обители в Обитель (как виделось прежде), а в Боге в результате процесса хождения «в круге».

«Умирая, я не вступаю в новое положение, а только возвращаюсь в то безвременное, беспространственное, бестелесное, бесформенное состояние, в котором был и из которого пришел в эту жизнь. (Хорошо.) Нельзя даже сказать: «в котором *был*», а в то состояние, которое мне так же свойственно, в котором я нахожусь теперь»(56.125). «Вся жизнь – в одном настоящем»(56.157).

Высшая Обитель существования - это не новая Обитель отделенности, а Обитель нераздельности – нераздельности человечества или еще «более обширного существа». Все мысли и помыслы Толстого теперь устремлены к этой Обители Бога, в которой и истинная единая Жизнь, и подлинное единое Существование, которое для своих нужд может выходить в «круг», в Обитель отделенности, чтобы возвратиться назад. Так что, «кроме Бога, ничего не существует»(56.44).

«Вы спрашиваете, верю ли я в существование загробной жизни и в бессмертие души. Оба вопроса так неточно поставлены, что отвечать на них невозможно. Жизнь, как мы понимаем жизнь, есть только здесь и не может быть загробной; душа человеческая точно так же есть только явление здешней жизни и потому не может быть бессмертна. Бессмертно только то духовное начало, которое составляет сущность и основу всего, что есть, и которое мы чувствуем в самих себе. Духовное начало это мы называем Богом. Если мы сливаем с ним свое существование, что совершается тем, что мы исполняем требования этого начала (Бога), сознаваемого в самих себе, то не может быть и речи об уничтожении того, что соединено с этим началом — едино с ним"(77.13).

Только теперь (то есть начиная с 1907 года) агапическая любовь обретает то наивысшее значение, которое всегда искал для нее Толстой.

«Я сознаю тело, сознаю душу, но не сознаю того, что сознает и то и другое. Это-то и есть Он, Бог, Любовь»(56.37).

«Я – неполное сознание Всего. Полное сознание Всего скрывается от меня сознанием и временем. Пространство и время лишают меня способности сознавать Все... Все, что есть, все это – я же, только ограниченное пространством и временем. То, что мы называем любовью, есть только проявление этого сознания»(56.42).

«Любовью я сознаю собой все существующее»(56.28).

«Любовь не есть какое-либо особое чувство (как ее понимают обыкновенно). Любовь есть только последствие более или менее ясного сознания своей причастности Всему. Пальцы руки не любят друг друга, а живут общей жизнью. Они не поняли, что такое любовь»(56.42).

Любовь есть проявление в Обителе отделенности Жизни Бога. «Бог не есть любовь. Мы называем Его любовью только потому, что Он проявляется в людях любовью»(56.101). При таком взгляде все дорогие Толстому мысли нашли свое место и заработали в полную силу.

«Да, да, любить врагов, любить ненавидящих не есть преувеличение, как это кажется сначала, это – основная мысль любви. Так же, как непротivление, подставление другой щеки не есть преувеличение и иносказание, а закон, закон непротivления, без которого нет христианства. Так же нет христианства без любви к ненавидящим, именно к ненавидящим»(56.55).⁵⁸

И даже так:

«Я прежде думал, что разум есть главное свойство души человеческой. Это была ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения, проявление сущности души – любви. (Очень важно)»(56.119).

«Любовь это – сознание своей истинной жизни, единой во Всем. Дети, приходя ОТТУДА, еще ясно чувствуют эту жизнь и ее единственное вполне доступное нам проявление в любви. Сознание своей личной жизни есть самообман. Старость понемногу освобождает от него. Совсем освобождает смерть»(56.165).

В последние годы жизни в сознании Толстого на первый план выходит извечная и глубочайшая из тайн - тайна «Я» человека.

«Да, я – Л.Н., я – писатель, я – нищий, я – царь, это – большое заблуждение. От него все страдания людей. Есть только Один и бесчисленные проявления Его, одно из которых – то, которое я сознаю собой. И благо нам, если мы не признаем Его проявление в себе за отдельное свое «я», а всегда чувствуем в себе то «Я» и живем Им. И мы испытываем самые разнообразные и неизбежные горести и страдания, если живем в заблуждении, что я есть наше Я»(56.142).

27 апреля 1909 года в письме В.Г.Черткову:

"Напишу Вам, милый друг, о том, что в самое последнее время случилось с Л.Н. Толстым. Случилось то, что вместе с Толстым оказался некто, совершенно завоевавший Толстого и не дающий ему никакого хода. Как только Толстой заявит какое-нибудь желание, или, напротив, нежелание что-нибудь делать, так этот некто, которого я называю Я, по-своему решает дело и иногда соглашается, а большей частью, напротив, не позволяет делать того, что хочется, или велит делать то, чего не хочется Толстому... И удивительное дело, с тех пор, как я ясно понял, что этот Я гораздо важнее Толстого и что его надо слушаться и что от этого будет хорошо, я, как только услышу его голос, сейчас же слушаю его»(89.112).

Записи в Дневнике того же месяца:

«И теперь самое для меня дорогое, важное, радостное; а именно:

Как хорошо, нужно, полезно, при сознании всех появляющихся желаний, спрашивать себя: чье это желание: Толстого или *мое*. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN, а я не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения, и сотни и тысячи мелочей, которые, так или иначе, действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И всё кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого — это твое дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это — *мое* дело. И ты ведь

знаешь, что ты и должен и не можешь не слушаться меня, и что в послушании *мне* твое благо.

Не знаю, как это покажется другим, но на меня это ясное разделение себя на Толстого и на Я⁵⁹ удивительно радостно и плодотворно для добра действует»(57.46-47).

«На душе уже не так хорошо, как было. Толстой забирает силу надо мной. Да врет он. Я, Я, только и есть Я, а он, Толстой, мечта и гадкая и глупая»(57.47).

«Да, Толстой хочет быть правым, а Я хочу, напротив, чтобы меня осуждали, а я бы перед собой знал, что Я прав»(57.50).

«Я» - это, конечно, «более обширное существо», «Я» с большой буквы. «Толстой» - тот великий человек, тот носитель отделенного духовного существа, то «я» человека (с маленькой буквы), которое создало и «Войну и мир», и «Анну Каренину», и «Путь жизни». Толстой и прежде много говорил о «Я духовном», но тогда он, различая духовное существо человека и его «личность», хотел особо подчеркнуть нематериальность, внематериальность и даже антиматериальность высшей души человека. Ударение тут делалось на слове «духовное». К сокровенному переживанию каждым человеком своего «Я» это не имело непосредственного отношения. Теперь Толстой, сохраняя и прежнее значение, все же делает ударение именно на «Я» в его собственном смысле. Это «Я» человека, взятое в его собственном смысле, он в последний год жизни - и, значит, в «Пути жизни» - называл просто: «ДУШОЮ».

«Человек, если прожил долгий век, – читаем мы в «Пути жизни», - то прожил много перемен, — был сначала младенцем, потом дитем, потом взрослым, потом старым. Но как ни переменялся человек, он всегда говорил про себя «я». И этот «я» был в нем всегда один и тот же. Тот же «я» был и в младенце, и в взрослом, и в старике. Вот это-то неперемutable «я» и есть то, что мы называем душой».

С тех пор как Толстой при своем духовном рождении сознал в себе духовное Начало, он многие годы звал Его в себя, жил перед Ним и вместе с Ним. И вот теперь он почувствовал, открыл, раскрыл, что Начало это есть «Я» и воплощено в «я» человека, что «я» человека есть не что иное, как «Всемирное Я», Я Господа. Толстой чувствует в себе «Я» Господа Бога и узнает в своем «я» Его «Я».

Когда Толстой в последний год жизни сообщал, что «одна душа во всех» (так назван и раздел «Пути жизни»), то он имел в виду, что одно Я – «Я» Господа - живет во всех и во Всем. И другого подлинного Я в мире нет. И любовь есть выражение жизни «Я» Господа в жизни «Я» человека.

«Жизнь – в исполнении воли «Я», или, иначе, жизнь – в стремлении к прекращению разъединения, в слиянии со Всем. А это-то приближение к слиянию есть лучшее благо нашей жизни – любовь»(56.141-2).

«Основа жизни – сознания своего существования не того, каким я себя застаю, а того, что *я емь*, что только одно это *я* действительно есть. Все остальное кажется. Только такое же *я* в других существах сознается мною существующим тогда, когда я освобождаю свое *я* от того, что заслоняет его, - и я сознаю, через любовь, других людей собою»(56.93).

1 января 1908 года:

«В первый раз с необыкновенной, новой ясностью сознал свою духовность: мне нездоровится, чувствую слабость тела, и так просто, ясно, легко представляется освобождение от тела, не смерть, а освобождение от тела; так ясна стала неистребимость того, что есть истинный «я», что оно, то «я», только одно действительно существует, а если существует, то и не может уничтожиться, как то, что, как тело, не имеет действительного существования. И так стало твердо, радостно! Так ясна стала бренность, иллюзорность тела, которое только кажется.

Неужели это новое душевное состояние — шаг вперед к освобождению? Думаю, что да, потому что сейчас позвал Ивана и что-то особенно радостное, близкое почувствовал в общении с ним. Дай Бог, дай Бог. Как будто почувствовал освобождение того, что одно есть: *ЛЮБВИ*. Ах, кабы так осталось до смерти и передалось людям братьям!»(56.89)

1 января 1909 года:

«Очень, очень хорошо. Неперестающая радость сознания всё большего и большего соединения со Всем — любовью»(57.3).

Характерная черта последних двух лет жизни Толстого – это его «более живое понимание любви и зависимости от одного Бога»(57.64).

Толстой по-разному относился к словам Иоанна о том, что Бог есть любовь. И далеко не всегда соглашался с ними. Теперь же как бы заново принял их:

«Как удивительно верно изречение Иоанна — Бог есть любовь, т. е. Бог есть то высшее, что есть в нас»(57.108-9).

«Любовь не есть начало жизни, а только признание сознания начала жизни, Бога»(57.141)⁶⁰.

«Думал сейчас... о том, что то, что я сознаю своим «я», есть сознание Богом самого себя через весь мир, в том числе и через меня. От этого-то Бог есть любовь. Может казаться неясно, но мне и ясно, и умиленно радостно»(57.148-9).

«Бог — любовь, это так. Мы знаем Его только потому, что любим; а то, что Бог есть сам в себе, это — рассуждение, и часто излишнее и даже вредное. Если спросят: а сам в себе есть Бог? — я должен сказать и скажу: Да, вероятно, но я в Нем, в этом Боге самом в себе, ничего не понимаю. Но не то с Богом — любовью. Этого я наверно знаю. Он для меня всё, и объяснение и цель моей жизни»(57.177).

«(Очень важное.) Разум есть то, посредством чего мы познаем то, что есть Бог, — познаем любовь. Пока не познал любовь, разум представляется всем, Богом (Бог есть слово)»(57.86).

«Мы молимся словами. — А общение с Ним, Богом возможно не словами, а только любовью»(58.42).

«Бог есть любовь. Любить Бога значит любить любовь»(57.30). «Любить Бога значит любить проявление Его»(57.64). «Любовь есть сознание себя проявлением Всего — единство себя и Всего — Любовь к Богу и ближним»(58.92).

31 октября, уже в Астапове, Толстой продиктовал дочери:

"Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве. Чем больше проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется в проявлениях (жизнями) других существ, тем больше он существует. Соединение этой своей жизни с жизнями других существ совершается любовью.

Бог не есть любовь,⁶¹ но чем больше любви, тем больше человек проявляет Бога, тем больше истинно существует"(58.143).

"Дети живут, как большие разумные люди, ставя выше всего любовь. Взрослые же живут как дети, жертвуя любовью для глупых детских игрушек"(58.225).

Любовь для Толстого и «та самая единственная форма, в которой я могу понимать» Бога (57.6)⁶², и «все высшее и вернейшее и благотворнейшее из всего открытого нам»(57.10), и «религиозная основа жизни»(57.47), и, самое для него главное, стремление слиться с Ним, жить с Богом. «Быть с Богом» для Толстого означает «любить всех»(57.95). Под словом «любовь» Толстой понимает исключительно агапическую любовь – любовь ко всем и ко всему.⁶³ Сторгическая любовь вроде бы полностью и окончательно поглощена агапической любовью.⁶⁴

Запись января 1910 года:

«1) Особенно ясно почувствовал то, что знал давно: то, что каждый сознает свое «я» так же, как я свое. Это кажется очень просто, а для меня это было и очень ново, и особенно, необыкновенно важно...

2) Это важно, главное потому, что если хоть не сознаешь, но живо воображаешь другое «я», как свое, то сознаешь и то, что всякое другое «я» самое коренное «я», есть не только такое же, как мое, но оно одно и то же.

3) Важно такое сознание чужого я, как своего, для блага человека, потому что, признавая чужое "я" таким же, как свое, можешь делать благо не только одному своему «я», но всем другим.

4) Любовь есть ничто иное, как только признание других я — собою»(58.5)

И через месяц: «И эта жизнь моя — одна моя, и, наверное, моя, но и всякая жизнь отчего же не моя? Я это сознаю уж через любовь»(58.17).

Место таинства сторгии заняло таинство сознания другой жизни как своей. «Общение человека с человеком есть единственное и величайшее таинство: сознание себя (Бога) в другом. Только бы понимать его таинство»(57.76).

Образчик Божеской любви в земной человеческой жизни это не сторгическая, а родственная любовь: «Любовь к детям, супругам, братьям это образчик той любви, какая должна и может быть ко всем»(58.117).

Соединение людей любовью, оказывается, совершается не сторгически, не непосредственно от души к душе, от Я к Я, а опосредованное – через Я Господа.

«Сойтись по-настоящему могут люди только в Боге. Для того, чтобы людям сойтись, им не нужно идти навстречу друг другу, а нужно всем идти к Богу. Если бы был такой огромный храм, в котором свет шел бы сверху только в самой середине, то для того, чтобы сойтись людям в этом храме, им всем надо было бы только идти на свет в середину. То же и в мире. Иди все люди к Богу, и все сойдутся»(45.74).

Место непосредственной и наиполнейшей свитости двух душ в единое сторгическое существо в конце концов занято "маленьким, самым шатким соединением", но осуществляется оно по линии, "по которой Бог входит в души людей", через "бесконечно отдаленного Бога". Оно "кажется далеким", но оно-то, по взгляду Толстого последнего года жизни, и есть "самое твердое соединение", которое только может быть между людьми (см. напр. 82.76).

9(15)

Воля агапической жизненности есть, говоря толстовским языком, «свойственное человеку благоволение ко всем людям»(26.392), ко всему живому и в целом к миру. Агапическая жизненность это добро-жизненность, жизнь Добра. Несущая добро-жизнь агапическая жизненность вливается в высшую душу, живит ее Добром. Чем полнее высшая душа живет такой жизнью, тем гуще добро в человеке. В некотором смысле высшая душа живет добром. Иначе – откуда же добро в нас?

В людях много такого, что не ведает добра. Это все то в человеке, что проживает в земной жизненности, которая и наслаждает его, и доставляет страдания, и несет смерть. Человек борется в земной жизни, иногда побеждает, но в основном – терпит поражение и страдает. И это не зло. Такова предназначенная жизнь земного существа. Злом она выставляется перед лицом агапической жизненности, жизни Добра. Для носителя агапической жизненности зла нет. Есть только добро. Зло было бы не злом, а нормой, не будь в человеке духовного существа, живущего добром.

Агапическое чувство любви к людям обращено ко всякому человеку, как к ближнему. В агапической любви есть и жалость, и сострадание, и умиление, и желание блага. Агапическая любовь - это не столько любовь, сколько самоизлияние добра, в том числе и туда, где добра нет – не может быть или где оно превращено в зло. Высшая степень проявления агапической любви - любовь к врагу, то есть несение жизни-добра к тому, от кого несетя на тебя противоположный добру поток ненависти.

Нельзя сказать, что агапическое действие совсем не производит соединения духовных существ. Но оно не направлено на воссоединение и не стремится объединить то, что разъединено. Это, скорее, не соединение, а сообщение духовных существ или сущностей между собой. Предполагается, что духовные сущности, которых призвана соединять агапическая любовь, тождественны или, по крайней мере, подобны друг другу. Агапическое действие необходимо для того, чтобы дать им встретиться поверх пределов, отделяющих их друг от друга. Сторгическое же действие пробивает эти пределы и стыкует высшие души через пробой. В одном случае через крепостную стену отграниченности перебрасывается легкая веревочная лестница (так, словно этой стены и нет), в другом случае к крепостной стене подводятся мощные орудия, которые, сотрясая и сотрясая стены, пробивают их и тем открывают духовным существам дорогу навстречу друг другу для полного взаимопроникновения.

Чем полнее высшая душа агапической жизненностью, тем в ней больше Добра, благожелательности ко всему на свете – все равно соединенного или разъединенного. Сами по себе движения жизни Добра не имеют в виду сторгическое соединение.

В противоположность агапии, сторгия по-земному избирательна, даже выборочна, направлена на одного, действует от одной души на другую отдельную душу. Более того, человек сам оказывается во власти сторгии, тогда как для агапического действия ему необходимы специальные усилия и постоянный контроль над собой. Сторгический рост – трудная работа, но это не работа самосовершенствования в любви, которой вершится агапический рост. Сторгия властно захватывает человека, в агапическую жизненность человек погружает себя сам. Быть может, поэтому сила агапического действия так редко сопутствует силе сторгического действия в одном и том же человеке. И наоборот.

Если агапическая жизненность питает жизнью высшую душу человека, то из источника, находящегося вне человека. В агапическую жизненность можно включиться только выходя из пределов собственно состава человека: «любить всех – значит не жить этой жизнью», познал князь Андрей. Выход же за пределы этой жизни, пусть даже и в жизнь вселенскую, означает отказ

от работы личной духовной жизни или неудача в ней. Во всяком случае – не победа, хотя и не поражение.

Неправомерное смешение агапического и сторгического – характерная черта душевного мира человека христианского круга, в том числе и Льва Толстого. Толстой во все времена стремился совместить сторгическое, предназначенное для земной работы высшей души человека, и сверхчеловеческую, внеземную агапия. Сторгия «недостаточно хороша» для него. И он попытался вывести сторгию из человека в агапическое жизненное пространство, перевести ее из Земли на Небо, растворить, сторгию в агапия, поглотить сторгию агапия. Для Толстого конца 900-х годов «Я» есть то Единственное, что живет подлинной (агапической) жизнью, что одно только подлинно есть в Сущестующем. Включить себя во вселенский поток агапической жизненности означает перестать быть подобием «Я» и стать Подлинником – включить себя в жизнь Бога, в Его Обитель нераздельности, то есть стать то же, что Бог, в каком-то смысле сделаться Богом. Следующая Обитель существования, в которую переходит сторгическое существо, заменена на Обитель Существования Бога, в которую входит духовное существо другого рода. Казалось бы, сторгия при этом почти утратила значение для Толстого, стала чем-то промежуточным на пути к агапия. Статус недоподлинности, который обрела сторгия в жизневоззрении Толстого 900-х годов, свидетельствует об уходе Толстого из поприща личной духовной жизни в поприще вселенской духовной жизни – туда, куда испокон века уходили величайшие люди самых разных религий Мира. Толстой шел вроде бы по протоптанной дороге, но шел по ней по-своему – в соответствии с принципами хождения (путепрохождения) личной духовной жизни. И в этом – не в цели, а в Пути, - его кардинальное отличие от великих учителей общедуховных религий.

Толстого смущало то, что сторгическая любовь никогда не работает на евангельскую любовь и как бы даже противостоит ей. И потому дело сторгии – единение высших душ – Толстой формально приписал агапия и тем самым лишил сторгию самостоятельного значения. Хотя все учение о бессмертии в его сознании было связано именно с развитием сторгического начала личной духовной жизни. Вчитываясь внимательно в Дневники Толстого, обнаруживаешь, что так оно осталось и до конца его дней.

«Есть доля правды в том, что жизнь моя, моя духовная жизнь остается в тех людях, которым она нужна была. Может быть, я есмь то, что осталось в других существах от духовной жизни какого-нибудь существа. И то существо было то же соединение духовных начал других существ, и те так же. (Чепуха)»(56.65).

В начале 90-х годов вполне уважительно бы отнесся к этой мысли спасения личностной духовной жизни.⁶⁵ И она, разумеется, более чем заслуживает этого. Но теперь, в 1907 году, Толстой отказывает ей даже в «доле правды». Казалось, Лев Николаевич мог бы объяснить себе и нам, в чем неистинность этой своей мысли, но он не объясняет, а перечеркивает ее и отмахивается от нее: «чепуха». Ведь если не «чепуха», - а она все что угодно, но не «чепуха! - то надо возвращаться на десять лет назад, на поприще личной духовной жизни. А это почему-то для Толстого невозможно. Почему же? Почему он не допускает себя до собственной мысли о спасении своей же личной духовной жизни? Почему такое спасение уже не спасает его? Потому, видимо, что, перейдя из поприща личной духовной жизни на поприще вселенской духовной жизни, Толстой заменил представления о посмертной жизни личного духа на посмертную жизнь в лоне вселенского духа.

Ошеломляет, на какую высоту вынесено теперь Толстым сторгическое действие.

„Сейчас думал очень для меня важное: Всё хочется — не знаю, по старой ли привычке или по свойству души человеческой, — хочется молиться, обращаться к Кому-то, к Богу. Я последнее время, стараясь ясно определить себе Бога, как и должно было быть, пришел к признанию невозможности отношения к Нему, к отрицанию Его для разума, но потребность жива. Бог, Ты, Ты — всё, чего я смутное проявление в теле, в отделенном от Всего теле, Ты — Весь, во всем совершенстве, помоги мне. Говорю это — и мне хорошо на душе. Не знаю, кто Тот, Кого я прошу о помощи, но мало того, что знаю, что Он есть, но знаю и то, что чем больше, искреннее, горячее прошу Его о помощи, тем больше чувствую эту помощь. Да. Помоги мне освободиться от тела, соединиться с Тобой — и чувствую, что Ты уже помогаешь, и — хотел бы сказать, что люблю Тебя, но «люблю» не то слово. Чувство мое к Тебе и не так горячо, как любовь, и не так узко,

телесно. Это не любовь. В любви есть желание блага, а в этом только желание соединения. - (Чепуха.)»(57.28).

Определенно, «чепухой» (чепухой в скобках) Толстой в эти годы называл те истины, которые он, сознавая их, почему-либо не желал признавать за истины.

Агапическая любовь желает благо всему и всем. Положим, человек способен благословлять Бога; но возможно ли пожелать благо... Богу? Из приведенной цитаты видно, что Толстой любит Бога не агапической, а сторгической любовью и не признает такую сторгическую любовь за любовь!

СТОРГИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕКА К БОГУ! В этом есть нечто, что потрясает и заставляет на все нами сказанное выше смотреть иначе.

Сам Бог, Бог-Весь, оказался единственным сторгическим ближним для старца Льва Толстого! Не к этому ли всю жизнь стремилась душа его? Отсюда все его утверждения, что подлинно любить можно только совершенство, то есть Бога, и что люди могут быть связаны не непосредственно-сторгически, а лишь посредством Бога и что это-то и есть самая надежная связь.

Призыв: человек, не оставайся человеком, а становись Богом для Толстого имеет сторгический смысл и заключает в себе Богочеловеческое сторгическое переживание. Если «все больше и больше считаешь все любимое тобой – собою, а любишь все, и потому не на словах, а на деле становишься Богом. Как это совсем особенно, с какой-то охватившей, претворяющей все мое существо в одну радость, силой я почувствовал это ночью. Теперь читаю, пишу, но не могу восстановить чувства радости, восторга, умиления»(56.74). Толстой расширяет сторгию до агапического размаха – процесс, начатый еще при чтении чеховской «Душечки».

Разделение на «Я» (то есть «Я» Бога в себе) и «Толстого» (всего того в нем, что не есть Бог в себе, что не едино с Отцом) необходимо Льву Николаевичу еще и для того, чтобы знать и почувствовать, что «Я» в себе есть «другое Я» Бога. Бог – «Весь» и его «другое Я». Отсюда Бог есть Любовь и может быть узнан только любовью, и любовью сторгической, как мы теперь понимаем.

«Третьего дня был настоящий интеллигент, литератор Гершензон, - записывает Толстой в начале 1909 года, - будто бы с вопросами о моих метафизических основах, в сущности же с затаенной (но явной) мыслью

показать мне всю бессосновность моей веры в любви. Долго он мямлил, но наконец ясно, определенно высказал следующее:

«Почему думать, что то Начало, которое создало жизнь и мир и ведет жизнь мира, предписало основой нравственности *любовь?*» И это он говорил после того, как я уже определенно высказал ему то, что под Богом я разумею Любовь, не могу понимать Бога иначе, как любовью. Оказалось, что для него уже решено, что есть *кто-то*, создавший и ведущий мир, и что надо, мол, ответить на вопрос, откуда взялся мир. И вот надо было внушить ему, воображавшему, что он покажет мне неосновательность моего мировоззрения, допускающего на веру без основания закон любви основным законам жизни, и выведет меня из моего заблуждения своим строго рационалистическим взглядом, — надо было внушить ему, что его взгляд самый детский, основанный на принятом на веру положении о том, что есть Начало, сотворившее и ведущее, есть грубое суеверие, и что та любовь, которую он полагал, что я понимаю как предписание этого создавшего и ведущего начала, есть та самая единственная форма, в которой я могу понимать, в которой мне открывается это начало... Всё это я разъяснил ему, но он, разумеется, ничего не понял, а если мог понять, то постарался перевернуть, чтобы удержать свое установившееся и нужное не для души, а для мирских целей мирозерцание»(57.5-6).

Гершензон спрашивает «апостола любви» Толстого откуда он взял, что Творец предписал любовь человеку в качестве основы нравственности? Гершензон имеет в виду любовь христианскую, агапическую. Толстой отвечает ему, что Бог-Творец - детское и грубое суеверие и «что под Богом я разумею Любовь, не могу понимать Бога иначе, как любовью», что он и Бога-то знает исключительно по любви, то есть по Богочеловеческой сторгической связи между Им и собою. Бог открывается человеку, становится понятным ему только в силу Богочеловеческой сторгии, и никак иначе. Гершензон, «разумеется, ничего не понял» - ему и в голову не могло прийти, что «любовь» можно начинить таким смыслом. Тем более любовь к Богу.

Общедуховная любовь к Богу выражается и в чувстве поклонения (и покорности) Верховному Властелину Всего и всех (Всевышнему), и в чувстве отвлеченной влюбленности (как, скажем, в библейской «Песни песней»), и в чувстве верности Богу своего народа или конфессии, и в чувстве вверения

себя Ему, и в агапическом чувстве умиления и воскрыления. Для Толстого Бог – Субъект сторгического чувства. И, пожалуй, единственный достойный этого чувства Субъект. Сторгическое единение людей достигается через сторгическое единство каждого с Богом. Этим вопрос о межчеловеческой сторгии снимается, и вместе с ним и снимается вопрос создания и становления сторгического существа. Бог – единственное на всех и для всех сторгическое Существо. Его не нужно образовывать, оно уже есть, можно и нужно только присоединиться к нему.

Говоря о любви к ближнему, Толстой подразумевал сторгического ближнего по Богу: в каждом живет тот же Бог, что и в тебе. И поэтому любовь к Богу и любовь к ближнему тождественны. Бог есть единство Всего и вся («Ты – Весь»), единство, в которое включен и любящий Бога человек. Сторгическая любовь не уничтожена Толстым, как кажется на первый взгляд, и не поглощена агапической любовью, а возведена в ранг Божеской любви и тем самым совмещена с агапической любовью, с жизненностью Добра, которой живет благой Бог. Межчеловеческая сторгия заменена Толстым Богочеловеческой сторгией, которой придан агапический статус.

Христианское чувство жизни существенно агапично. Но само Христианство сильно сторгической (часто мнимосторгической) любовью к выведенному в Евангелиях и выпестованному двумя тысячелетиями образу Христа. Христиане общедуховно соединены в любви к Богу-Христу. И Лев Николаевич с детства любил Христа, но не как большинство верующих, а личнодуховно, как родного старшего брата по духу. Верное подтверждение этому – любовная заворуженность неверующего Толстого Евангелием и Христом. Его сторгическая связь с ним через века привела в конечном счете к тому, что пафос агапической любви Иисуса Христа стал пафосом Льва Толстого. В результате «соблазном» (ловушкой) на личнодуховном пути исканий Толстого несмертия оказалась не сторгическая (как ему думалось), а агапическая любовь. Из-за любви к евангельской любви он прошел мимо многих тайн личной духовной жизни, когда они уже были в его руках. В этом драматизм его духовной жизни.

Сторгия с Богом (с Богом в толстовском понимании) есть, по учению монизма жизни, подлежащий реализации факт духовной жизни человека и,

сверх того, субъекта истинной, то есть вселенской жизни. Подлинно имеется только такая жизнь и такая сторгия – все остальное существует неподлинно или не существует.

Единство и единение – центральная категория мистического мышления Толстого. В начале 80-х это было мистическое единение в Сыне человеческом. В 90-ые годы это было единение с другими высшими душами, вместе образующими новое сторгическое существо для проживания в следующей Обители отделенности. В 900-е годы это – единение с Самим Богом для проживания в Обители нераздельности, в единстве с Богом. Это не общедуховная, а личнодуховная любовь к Богу.

Многие основные вопросы жизни Толстой решал опытно. И вопрос любви, - агапии и сторгии - он разрешал не за письменным столом, а в своей жизни и самой своей жизнью. Сам по себе этот вопрос мог быть и не разрешен так, как вышло в жизни Толстого. Тогда и духовная жизнь Льва Николаевича сложилась бы несколько иначе. Как решалось в процессе жизни Льва Николаевича то, что в ней решалось, - вот содержание этой книги.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ

**«Какое
странное
и верное
слово: что
муж и
жена
(если они
живут
духовно)
не двое, а
одно
существо
»(56.93).**

1(16)

"Не хорошо становится⁶⁶ человеку одному", сказал Господь и сотворил "помощника, соответственного ему"/Быт.2:18/. Ева сотворена потому, что человеку одному становится таким, каким ему предназначено стать, «не хорошо". Без другого, соответствующего тебе человека, не полноценна душевная работа человека, и он не становится подлинно человеком. Без соответственного себе другого Я, без друга жить «не добро» - человек не обретает того духовного наслаждения и того сторгического блага, которое ему и отпущено, и необходимо.

Дать Адаму помощника в трудах по Саду Эденскому - важный, очень, конечно, важный, но, видимо, не главенствующий мотив творения Евы. Сторгический ближний нужен не только для помощи. Помощь ли от него или обуза - как выйдет, но он нужен, пусть даже себе на погибель. Откуда-то в нас взялось это высочайшее душевное стремление: быть свитыми вместе, да так, что если уж гибнет один, то и другой не может не погибнуть. "Есть вещи, - писал П. Флоренский, - относительно которых о человеке должен заботиться не сам он, а друг его. А если друг не хочет заботиться? Тогда не должно заботиться никому. Если друг игнорирует гибель свою и друга, то надо гибнуть".

Что же это за "вещи", которые перепоручаются «другу», другому Я? Они столь жизненно важны, что я погибну без заботы друга о них. Но почему бы не заботиться о них самому? Невозможно? Трудно? Нет. Та душевная или житейская ноша, которую я, будучи в сторгической связи, взваливаю на «друга», обычно не тяжела, во всяком случае,

не так тяжела, чтобы я сам не смог нести её. Я не переваливаю на друга своего иго своё, не взваливаю на него «крест свой», а отдаю ему в руки концы от основных центров моей жизни и доверяю ему - в залог единства наших душ! - заботу о них. Обойтись без такой помощи - я обойдусь, но не обойдусь без сторгически любимого, без друга или супруга, которому я мог бы вручить себя. Даже тогда, когда его еще нет, когда я еще живу без него, я уже знаю, что в себе я поручу ему. И жду его. Не облегчения ноши жду, а сторгического блага.

Сторгическое благо - благо личной духовной жизни. Давать это благо и не отнимать его – свыше установленная обязанность высшей души. Человеку нельзя не хотеть иметь его. Когда двое, как две нити, душевно свиты, тянут или не тянут, но свиты, то одним этим достигается совершенно особенная и ничем не заменимая полнота жизни, обрести которую по отдельности невозможно. Состояние свитости душ - такое благосостояние и такое духовное наслаждение, от которого ни одна здоровая душа не в силах отказаться. Сторгия сама по себе (то есть независимо от результата ее действия) есть истинное благо и одна из высших, ничем не могущих быть замененными ценностей жизни. Душа человека обездолена, когда сторгии нет.

Большинству людей недоступно благо духовного восхождения, и сторгическое благо - единственное, что возможно для них в личной духовной жизни.

Сторгическая любовь зачастую подменяется чувством мечты о будущем счастье. Особенно у женщины. Женщина жива, пока в ней есть надежда на будущее и мечта о счастье. Этой надеждой и мечтой переполнено все: и её любовь к детям, и её порыв к мужчине, вся женская любовь. Её мечта о нем, о своем мужчине есть одна из составных частей её мечты о счастье; мужчине в её душе часто отводится роль доставителя и обеспечивателя мечты ее счастья.

И мужчина, влюбляясь, мечтает о будущем счастье с женщиной. Но счастье для мужчины обычно не самоцельно, а есть условие, иногда главное условие для достижения некоторой цели. "Она" обеспечивает, создает ему условия достижения цели. Женщина же, наоборот, если и ставит перед собою цели, то ставит и достигает их для счастья. Счастье в душевной жизни женщины в некотором роде играет ту же роль, что цель в душевной жизни мужчины. Женщина стремится к счастью, как мужчина к цели. Но при этом и она и он что-то теряют в обретении блага жизни.

Благо не только не счастье, но чаще всего приобретается в несчастье. Счастье - не реальность, а мечта, во всяком случае, исключительное и краткое состояние души и не её достояние. Только благо постоянно, неизменно и реально.

"Счастье есть удовлетворение существа человека, живущего от рождения до смерти только в этом мире; благо же есть удовлетворение требований вечной сущности, живущей в человеке"/53.75./.

Состояние счастья и состояние блага схожи по самоощущению полноценности жизни. Счастье – по большей части есть желание радости для себя; скажем, чтобы мне душой и делом служили, чтоб меня любили, дав и мне возможность испытать наслаждения любви и радость заботы. Дело тут не в эгоцентрических намерениях (благо тоже "для себя"), а в праздной душевной пассивности мотива счастья в отличие от рабочей душевной активности состояния блага. Замена счастья на благо возможна только при активизации жизни свободно волящей высшей души. Что, разумеется, не для всякого возможно. Но – что ж поделаешь - плод не рождается иначе, как перейдя от пассивности к активности.

Смешивая благо /вытуженное состояние свободы души/ и счастье /временное состояние воскрыленности души, сознание восторга жизнью/, человек тем самым путает

основной признак исполнения своего назначения, спутывает внутренние критерии должной жизни – что «добро» и что «не добро».⁶⁷

Совместное счастье и сторгическое благо различаются, как брать и отдавать. "Любить - благо, быть любимым - счастье"/56.79/. Чтобы обрести благо, человек должен, неся «свой крест», произвести своею жизнью труд, т.е. мучиться, падать и подыматься и опять падать, страдать душою, а не быть счастливым. Толстой говорил, что человек, ожидающий радости от супружества, всегда обманывается.

"Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитываются в мысли, что брак дает счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которую поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода физических и духовных пороков супруга, которые надо нести, - злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скупость, корыстолюбие, разврат - все пороки, которые нести особенно трудно не в себе, в другом, а страдать от них, как от своих, и так же горьки физические, безобразия, нечистоплотность, вонь, раны, сумасшествие... и прочее, которые еще труднее переносить не в себе. Всё это, или хоть что-нибудь из этого, всегда бывает, и нести приходится всякому тяжелее. То же, что должно выкупать: забота, удовлетворение, помощь, все это принимается как должное; все же недостатки как не должное, и от них страдают тем больше, чем больше ожидалось счастья от брака. Главная причина этих страданий та, что ожидается то, что не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает. И потому избавление от этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его" (53.229).

Главное в супружестве – любить супруга, как самого себя, сознавать его «Я», как «свое другое Я». Отсюда и супружеское мучение: переносить, как свое, но не в себе, а в супруге. Но только так - в неизбежных страданиях супружества, а не в супружеских радостях - добывается необходимое человеку сторгическое благо. Подстегнуть сторгию изнутри (вновь, скажем, заставить себя любить с прежней страстью) нельзя. Если что и выручает тут, то все те беды, болезни, несчастья и неудачи любимого, без которых нет жизни, за которые мы ропщем на Бога и которые вновь возбуждают сторгическую волю души и восстанавливают начинающую загнивать сторгическую связь. Сторгическая связь возрастает на бедах, в испытаниях, в горестях, которые тем самым становятся условиям достижения блага.

Новобрачные счастливы; в свой черед наступают все те семейные нерадости, о которых пишет Толстой, и им кажется, что это оттого, что они чем-то нарушили установки супружеской жизни. Чтобы вернуть себя в первоначальное радостное состояние, они стараются отыскать нарушения. Но этого, какие причины ни отыскивай, нельзя сделать. Поток взаимных претензий нарастает, и супруги или расходятся, или, сосуществуя, живут в описанных Толстым страданиях от несения душевных и физических пороков друг друга.

Конечно, единственный выход: "не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его". Но выход этот существует для человека, способного к духовной жизни, в глубинах души сознающего себя носильщиком Божьим, рабом Хозяина. "Вместо того чтобы сознавать себя в положении раба, который должен трудиться для себя и для других и трудиться так, как этого хочет Хозяин, люди вообразят себе, что их ждут всякого рода наслаждения и что все их дело в том, чтобы пользоваться ими. Как же при этом не быть несчастным? Всё тогда, и труд, и препятствия, и

болезни, все необходимые условия жизни представляются неожиданными страшными бедствиями(24.566)".

То же самое можно сказать и о сторгической жизни людей.

2(17)

По знакомому переводу Библии, Ева сделана Богом из ребра Адама. Слово "цела" означает на иврите не только "ребро", но и "бок", «грань» "сторона". В сакральном тексте это слово следует понимать в значении «скрытая сторона». Женщина – "скрытая сторона" первоначально созданного двуединого (сторгического?) существа (адама, первочеловека), которое потом разделено надвое, на Адама и Еву, прикрытые каждый своей плотью.

Мужу в книге Бытия заповедано оставить отца своего и мать свою и прилепиться к своей жене. О том, что жене надобно прилепиться к мужу, речи нет: она сторона мужа, взята от него, от него неотделима, вовлечена в его жизнь и его путь по жизни, будучи в душевном и плотском единстве с ним. Нарушение этого единства, то есть то или иное обретение или только утверждение самости, губительно для женщины. Она может самоопределяться до тех пор, пока не стала женою, женской стороной мужа. Самостояние жены не соответствует Замыслу создания её и, следовательно, лишает её сторгического блага.

Не счесть трудов и забот души женщины в жизни. Но есть одна, ее главная душевная работа, не исполни которую и все остальные труды души ее обесцениваются. Стержневая

душевная работа женщины - в преодолении самости. Не потому, что самость сильнее в женщине, чем в мужчине. Как раз наоборот. А потому, что в самости центральное место приложения усилий сторгически живущей женской души. Самость, возможно, не самое мощное, но основное препятствие и, следовательно, основной труд женского Пути.

Почти любой женщине доступно природное благо - благо материнства. Пусть женщины имеют еще многие другие блага, которых требуют приверженцы эмансипации. Но никакие суррогаты душевной вовлеченности в общественную борьбу, в профессиональную деятельность, в судьбы других людей, даже в жизнь собственных детей не могут дать женщине духовное благо сторгического единения. Женское уклонение от сторгии (ради чего угодно: детей ли, служения ли обществу или дел милосердия и благотворительности) обычно не заканчивается счастьем или обретением блага.

Сторгическое благо важно для человека вообще. Но особенно для женщины. Восхождение личной духовной жизни мужской души по большей части основывается на росте духовного сознания при его стремлении к истине. Мужское восхождение, конечно, возможно и для женщины. Но собственно женское восхождение в основном зиждется на обретении сторгического блага. В личной духовной жизни мужская душа оживает от большего и большего проявления духовного сознания и любви; душа женщины тем более живая, чем больше и больше приобретает сторгическое благо. Для прохождения Пути жизни мужчины и, значит, постоянного увеличения полноты его жизни более всего важен духовный рост. Духовный рост, что и говорить, немаловажен и в жизни женщины. Но на Пути её совершенно особое и незаменимое значение обретает другой вид роста - рост сторгический. Который, разумеется, необходим и на Пути жизни мужчины. Сторгическое благо в женской личной

духовной жизни, в отличие от мужской, становится путевым двигателем.

Без понятия сторгического роста, как и без понятия духовного роста (то есть, по Толстому, стремления души к Богу) нельзя описать ни Путь человека, ни самого человека, ни вообще его жизнь. Наша земная Обитель - Обитель отдаленности, сторгический же рост - преодоление замкнутости и изолированности душ их единением: от активного выделения одной души из многих для сближения с ней до идеала слияния душ в одно, единое, неразрывное целое. Во "все большем и большем соединении" с другой душою – один из главных двигающих мотивов всей жизни человека.

Рост любви-единения, то есть сторгический рост, и духовный рост - вот два основополагающих мотива и два двигателя личной духовной жизни.

Сторгический рост такое же кардинальное понятие личной духовной жизни, как и собственно рост духовный.

Для роста агапической любви необходимо присутствие других душ, но при этом от них не требуется встречной активности; они нужны в качестве предмета приложения агапических сил жизненности. Рост агапической любви в одной душе может идти изолированно от другой души, на которую агапическая жизненность выявляет себя. Тут годен даже предмет воображаемый. Хотя само действие агапической любви, как об этом часто говорил Толстой, раскрывает любовную духовность в другом; но это не означает единства высших душ, не есть совместная двуединая духовная работа и может происходить в обособленности друг от друга. Духовный рост, и в частности рост агапической любви, вполне возможен при отсутствии сторгического роста.

И сторгический рост возможен без проявления агапической любви. Сторгические каналы могут

открываться и сторгическая воля может действовать, как бы и в каком бы режиме высшая душа ни работала.

Сторгический труд посилен всякому и в любом здоровом состоянии жизни.

В сторгическом росте обычно участвуют двое.

Сторгический рост производится вдвоем, в сокровенной взаимодушевности, которая создается высшими душами двоих, ими укрепляется и приводится в рабочее состояние.

Сторгический рост это рост вовлеченности или взаимововлеченности в жизнь высшей души другого человека. Сторгический рост предполагает трату душевной энергии друг на друга.

Духовный рост как бы внутренняя работа высшей души; сторгический рост как бы наружная работа, в которой высшая душа выходит за свои границы к другим границам, к другой высшей душе. Не сколько своя, столько другая душа есть область работы сторгически растущей души.

Проявиться это может и служением, и воспитанием, и самоотречением, и, разумеется, в самой сторгической любви, в которой души так свободно и радостно сплетаются друг с другом.

Сторгический рост заготавливается мужчиной (в его духовном росте) и осуществляется при главенстве женщины.

В сторгическом росте - благо личной духовной жизни женщины, и для сторгического роста она - главная.

Надо различать сторгическое благо, соответствующее тому или иному состоянию свитости душ, и благо сторгического роста. Неподвижность, остановка души в сторгическом росте чревата теми же последствиями в личной духовной жизни, что и остановка духовного роста.

Ленивая душа стремится к духовному застою. Такое же стремление есть у нее к сторгическому застою. Сторгически застойное выражение (особенно на женских лицах) отталкивает то черствостью и претенциозной строгостью, то

жесткостью и скрываемой (или открытой) готовностью к бранчивости, и всегда - какой-то стылой всезнающей непримиримостью, в которой раз и навсегда определены ценности жизни, не подлежащей пересмотру. Такие люди - каково бы ни было прошлое их душ и каковы бы ни были их прочие достоинства - уже несдвигаемы и потому лишены блага сторгического роста.

Человек тем более "живой", чем больше рост его души. Это справедливо как для роста духовного, так и для роста сторгического, то есть "все большего и большего единения с другими душами", единения, дающего душе все возрастающее благо. Полнота блага сторгического роста, как и жизненность духовного роста, может быть условно выражена в некотором соотношении, в излюбленной Толстым дроби. В знаменателе этой дроби ставится "любовь к себе", замкнутость души на себя, ее самоутверждаемость, отгороженность, самость. В числителе - раскрытость души, ее собственное стремление к соединению, единению, нераздельности с другой душой или душами, т.е. то, что можно назвать силой или энергией сторгической воли души. Благо сторгической любви определяется не самим по себе стремлением, силой и способностью любви одного к другому, а отношением мощи сторгических возможностей к мощи самости. Сколь бы добр, отзывчив, сочувственен ни был человек, но "велик знаменатель" - и нет ему блага (хотя есть наверняка другим польза). Ровно так же нет блага человеку разомкнутой, но сторгически ослабленной души.

Жив тот человек, в ком происходит увеличение скорости духовного роста. Оживает человек и при ускорении сторгического роста. Чтобы завязнуть и сойти с Пути, в душе совсем не обязательно должно поначалу произойти резкое потускнение уже достигнутого уровня духовного сознания. Нисхождение начинается не со срыва и не с катастрофы, а с

уменьшения скорости духовного роста, которое ведет к застою.

Для получения и сохранения сторгического блага нужно не только сохранение существующего уровня близости сторгической связи, но и укрепление и усиление её - сторгический рост. Или одна душа все больше и больше включается в другую душу, или она начинает гибнуть. Нисхождение сторгической жизни начинается тогда, когда близость с супругом (или другом) далеко еще не утрачена, но нет ее упрочения. Это так и для мужской и для женской души. Но более – для женской.

Как только процесс сторгического роста приостанавливается, так над душою женщины нависает угроза, которая выражается всегда одинаково: куда-то уходит благо жизни... Вот с такого состояния безблагости (которое случается и в пылу душевной близости) и начинается всё то отчуждение, противоборство, всякого рода измены, выгадывания и уклонения женской души, которые завершаются крахом сторгической связи.

Духовный рост любого рода необходим не только для усиления, но и для поддержания той полноты жизни, которой душа обладает. Увеличение полноты жизни происходит от ускорения духовного роста. Состояние той или иной полноты жизни поддерживается при неизменной скорости роста. Замедление роста (скорости роста) приводит к оскудению душевной жизни, нисхождению, гибели души. И здесь: то, что справедливо для духовного роста, то в не меньшей мере справедливо для роста сторгического.

Есть "другое Я" - должен быть сторгический рост. Иначе, утрата полноты жизни души, ее неминуемая гибель. Увеличение сторгического блага происходит только при ускорении сторгического роста, при котором сторгическая связь возводится на новую, более высокую ступень. При укреплении существующей сторгической связи полнота

совместной душевной жизни сохраняется неизменной.

Застыли отношения, нет усиления сторгической связи, нет сторгического роста - нет и сторгического блага: душа супруга или друга, даже продолжая любить, как прежде, понемногу закрывается, закупоривается, гаснет и стынет, он все больше и больше начинает настаивать на своих правах и переключаться на себя. Сторгическая связь ослабевает.

Душа сторгически растет в сторгической связи, в двуединости, и потому благо сторгического роста зависит не только от одного себя. Сторгический рост одного предполагает вращение в другую душу, которая должна вместить в себя и, мало того, дать вошедшей в нее душе простор и питание для её собственной работы.

Работа духовного роста замедлена в путевосхождении женщины и ускорена в путевосхождении мужчины. Дело сторгического роста замедлено в путевосхождении мужчины и ускорено в путевосхождении женщины. Ускорение сторгического роста в супружестве ограничивается, во-первых, сторгической волей и возможностями души женщины и, во-вторых, богатством, энергией и путевым состоянием души мужчины, в которую женщина включилась и с которой вошла в сторгическое единение. Драматизм путевой судьбы женщины, теоретически говоря, в том, что мужчина далеко не всегда способен к духовному обогащению ее. В некоторой степени женщина способна компенсировать душевную недостаточность мужчины, но только женщиной сторгический рост длительно обеспечиваться не может. Никакая женщина не работает своей душой за себя и за мужчину.

Духовный рост и рост сторгический увеличивает действительную полноту жизни высшей души, наполняет человека благом и смыслом, исполняет работу Бога. Оба эти начала полноты нашего существования неразрывны, хотя им и случается действовать по отдельности. Мгновение для

высшей души безжизненно, когда в ней нет того или иного роста.

3(18)

Сторгическое жизнедействие – величайшее таинство душевной жизни человека. Оно глубинно связано с процессом духовного восхождения человека. Сторгический рост столь же свободная Божеская сила жизни, как и рост духовный. Однако внутренний мир человека, будь то мужчины или женщины, в своем сознании отделенности прочно закрыт, закупорен от других душ полупрозрачной броней, которую нелегко преодолеть. Для вхождения в сторгическое взаимодействие людям необходимо прорваться друг к другу.

Надо ли говорить, что жизнедеятельность высшей души и сексуальные вожделения плоти не уживаются в человеке. Но в качестве могучей сближающей силы, сливающей тела в единое плотски блаженствующее целое и тем через плоть пробивающей личностные заграды на стезе высших душ друг к другу, секс необходим и морально законен. Эрос - естественная пробойная сила, без помощи которой душам мужчины и женщины трудно найти пути замыкания друг на друга.

Кажущаяся самовластной острота половой страсти человека обслуживает в первую очередь потребности его души, а потом уже природные нужды продолжения рода. В момент вожделения душа стекает на плоть, не работает сама, несвободна, находится под диктатом плоти. Это состояние, в котором воля души направляется туда, в том направлении, куда ей указывает плоть. Тело отделяет, разделяет человека

от человека, но тут оно, вытягивая душу на себя, имеет объект желаний вне себя, в другом теле, на которое через свое тело предельно концентрируются силы, воли и сознания всего существа. Наступает момент душевного затмения через другого, затмения, создающего возможность вхождения в первичное сторгическое зацепление.

Силы плотской жизни максимально поглощены друг другом как раз в то время, когда внутренний мир каждого поглощен плотью – двое "сливаются", становятся чем-то одним, замыкаются по плоти, как в кольцо, энергия жизни в котором циркулирует от себя в другого и от него в себя. Специальные точки в теле мужчины и женщины услужливо расположены природой так, чтобы при соприкосновении оба тела, сверху донизу, были включены в общее кольцо. Обнявшиеся в экстазе влюбленные откровенно стремятся замкнуться в это кольцо. Они знают, что надо остаться одним, ибо тут совершается величайшее таинство замыкания тел и душ мужчины и женщины, в котором и происходит таинство зачатия. Ребенок у людей в буквальном смысле есть естественный плод замыкания мужчины и женщины, следствие их единства в плоти и через плоть.

Из сказанного ясно, что смысл полового общения не в детях так же, как не в плотском наслаждении. Не плотское наслаждение, конечно, но и не зачатие детей (как долгое время полагал Лев Толстой) есть моральное оправдание секса, а взаимопроникновение через тела, способствующее внутреннему раскрытию друг перед другом и, следовательно, облегчению начала процесса сторгического взаимодействия. Секс ради детей столь же обездушен, сколь и для приятности тела. Зачатие ребенка должно быть последствием состоявшегося плотско-душевного единения мужчины и женщины. Безнравственен самоцельный секс.

Сторгической любовью легче всего становится супружеская любовь, объединяющая высшие души мужа и

жены. Супружеское счастье (в том числе и сексуальное) служит сторгическому благу. В процессе душевной свитости супругов участвует и их плоть, становящаяся единой плотью, и притирающиеся в процессе жизни животные личности того и другого. Сторгической любви супругов ассистирует и плотское взаимопроникновение, и невольно входящие в зацепление низшие души, и совместное проживание, и общие дети, и жизненная взаимозависимость, и общая борьба жизни, в которой необходимо поддерживать друг друга, и многое другое. Супружеская сторгия вполне подходит под толстовские требования, ибо она пользуется и плотью и животной личностью в своих целях, заставляя их работать на нужды сторгии, то есть высшей души и ее личной духовной жизни.

Обыкновенная человеческая история: на женщину давит возраст, она выбирает кого-то, выходит замуж, больше по необходимости, чем по любви, и через месяц совместной жизни... уже любит его. Не только телом, но и, что поразительно, душой. Конечно, и мужчина в минуту страсти любит душой от тела, готов, сам веря, клясться в вечной любви, но, напоив тело, тотчас выводится душой из спровоцированного плотью любовного переживания. Женская же душа, войдя от плоти в состояние любви, куда чаще остается в нем. Тогда мужчина решает, что душевная жизнь женщины зависит от удовлетворения похоти ее тела.

В общем случае женское тело крепче связано с душевной жизнью, чем мужское. В отличие от тела мужчины тело женщины готово выполнять заказ ее души, служить инструментом душе, ее орудием. Тело женщины действует во исполнение основной установки ее души - замкнуть на себя мужчину и самой замкнуться на него. Дело это душевное, нужное обоим, и мужчине и женщине, но мужчина только участвует в нем и своим полуслепым участием обеспечивает

**исполнение задачи, возложенной на душу женщины:
сторгически замкнуться в единое кольцо.**

Надо ли говорить, что супружество далеко не всегда захватывает высшие души супругов, не всегда становится основой для духовной любви, оставаясь лишь душевной привязанностью, более или менее прочной. И все-таки пробой крепостных стен душевной отграниченности достигается в супружеской постели сам собою. Проход в душу прорубается - только входи в него. Без такой, данной Природой возможности короткого замыкания душ в эросе трудно представить, что было бы с людьми. Даже пробойная сила "чистой" влюбленности во многом питаема эросом – в том числе и в возвышенном отказе от него. Сторгическая роль сексуальных отношений, вызванных природными различиями полов, огромна и почти незаменима. Возможность осуществления единения двоих через плоть, в свою очередь, зависит от состояния тела как инструмента для души. Порочный человек сторгически перекрыт. Чем сексуально чище человек, тем он обычно отзывчивее и легче пробиваем для сторгического единения.

Секс перестает служить задачам высшей души, если его использовать не по высшему назначению. Пробойный инструмент этот легко портится, тупится, теряет сторгический смысл. Его надо беречь и расходовать по назначению. Так оно и у мужчины, но куда более у женщины. Ужесточение требований к женскому целомудию не мужская корысть и, уж во всяком случае, не признак неравноправия полов. Замыкая на себя мужчину, женщина должна замкнуться сама и потом не разомкнуться. Принципиально говоря, женская способность к неразмыканию дана на один раз. Во всяком случае, способность неразмыкания чрезвычайно хрупка в женщине. Раз, два походя замкнулась и разомкнулась, и - все:

душевный механизм работы на единение через плоть попорчен.

С личной духовной точки зрения женщина должна блюсти себя, т.е. держать в неприкосновенности, в нетронутости, в чистоте пути замыкания своего тела. Этого от нее ждет мужчина, по верному чувству которого любая девушка, познавшая до него мужчину, в определенной мере исковеркана с точки зрения душевного единения. Плоть женщины не забывает то, что с нею происходило, и на ней, на самой ее чувственности, навеки лежит клеймо того мужчины, который разжег ее на себя.

Чем не целомудреннее женщина, тем меньше у нее шансов вступить через плоть в душевную связь с мужчиной. И это при том, что многие женщины не могут прилепиться душою к мужчине иначе, как через плоть. Конечно, это не нужно понимать узко и превратно. Существуют какие-то природные, но внесексуальные дороги замыкания мужчины и женщины в единое кольцо по плоти. Есть в близком общении двух людей разных полов особая тайна взаимопроникновения, основанная, видимо, на чувстве завинченности жизни своей плоти в жизнь плоти другого. По этому весьма властному чувству иногда живут вместе, годами не расходятся душевно ненужные, а то и ненавидящие друг друга супруги. Это же чувство сближает двух случайно брошенных друг на друга людей, мало или совсем несовместимых душевно. Годы прожившие в ладу или не в ладу, но в чистоте брачной жизни супруги становятся похожими друг на друга не только манерами, но и чертами лица. Они - вместе. Состыкованы телами и через запах, тепло, звуки, даже просто зрительно замкнуты один на другом. Он знает тепло ее тела, ощущение ее кожи, запах ее духов, шум ее дыхания, и этого оказывается достаточно, чтобы привычно замыкаться в единое кольцо, в котором соприкасаются, чувствуют прикосновение и их души. Пусть

такой контакт лишь намек на сторгическое благо, но душою он уже переживается как подлинное благо. Это и есть подлинное благо, только самое низшее - благо соприкосновения душ, ради которого люди часто и терпят те "всякого рода духовные и физические пороки супруга", те брачные страдания, о которых Толстой предупреждал молодых людей, мечтающих о будущем семейном счастье.

4(19)

«И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь — только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для любимого предмета, отдает ему свою жизнь — только это мы признаем все любовью и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир».

Это сказано в XXV главе «О жизни» об агапической любви. Но то же самое можно повторить и в отношении другого рода духовной любви – любви сторгической.

Неподлинная, мнимая любовь, любовь низшей души это, по Толстому, «только известные предпочтения одних условий блага своей личности другим». Истинная любовь, любовь высшей души «проявляется в душе человека, как чуть заметный, нежный росток среди похожих на нее грубых ростков сорных трав, различных похотей человека, которые мы называем любовью. Сначала людям и самому человеку кажется, что этот росток, — тот, из которого должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы, — и все другие ростки всё одно и то же. Люди даже

предпочитают сначала ростки сорных трав, которые растут быстрее, и единственный росток жизни глохнет и замирает».

Где явно, а чаще неявно Толстой создает впечатление, что к числу «сорных трав» он относит не только мнимолюбвные проявления «похотей животной личности», но и испокон века воспеваемую людьми возвышенную любовь-влюбление.

Мы говорим, что высшие души человека закупорены друг от друга и что для вхождения в сторгическое взаимодействие им нужно пробиться друг к другу. Пусть восторженная любовь-влюбление предельно увеличивает переживания блага личности, но тем самым она служит мощнейшей пробойной силой, позволяющей высшим душам выйти друг на друга из заключения и войти в сторгическое зацепление. В этом смысле счастье влюбленности служит благу сторгического единения.⁶⁸ Конечно, восторженная любовь-влюбление отвлекает от чисто агапического действия, но вполне законно предшествует собственно сторгической работе и, более того, включает ее в работу.

К тому же нельзя сказать, что любовь-влюбление порождается только низшей душой человека. Влюбление - не любовь «животной личности» и не любовь духовного существа человека, а целостное состояние жизни вместе духовного существа и низшей души. Это, быть может, есть их высшее состояние совместной жизни в человеке. Во всяком случае, жизнь-влюбленность, жизнь как влюбленность есть особое состояние жизни. Мы определим его как «предсторгическое состояние» всего внутреннего мира человека.

Любовью люди чаще всего называют предсторгический режим души. Во все времена тема любви в искусстве это тема переживания человеком разнообразных предсторгических бурь и обольщений. Ни одно состояние жизни человека не высвечено так ярко и многогранно, как

это. Но предсторгия не самоценна. Свойственная человеку потребность культивировать состояние предсторгии надобна для того, чтобы в конце концов добиться сторгического состояния жизни.

Предсторгическая любовь есть род той любви-пристрастия, о которой так много говорится в проповеди Толстого. С точки зрения агапической любви она не дает плодов и не имеет смысла. Но она, как правило, совершенно необходима для плода сторгической любви.

Предсторгическое состояние жизни есть тот росток, из которого, по слову Толстого, «должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы». «Должно вырастать», разумеется, не означает, что оно и впрямь вырастает.

Предсторгия совсем не обязательно предшествует сторгии. Можно всю жизнь бросаться из наслаждения одной предсторгии в другую и в сторгическом смысле прожить вхолостую.

В замысле человека наверняка предусмотрены как безрезультативные, так и результативные попытки осуществления сторгии из предсторгии.

Преддверие сторгии, предсторгия – обольстительнейшее состояние. Дай человеку выбор, и он всю жизнь провел бы в предсторгическом состоянии, не помышляя о том состоянии, которому оно предшествует. Предсторгия и может длиться многие годы, но не «всегда», как мечтают люди. У нее непременно есть конец. Она либо исчезает, либо переходит в сторгию. Но не подменяет, а только возвещает ее и призывает к ней. В предсторгическом восторге человек во всю силу души поет песнь любви и жизни; ему кажется, что волшебные звуки этой песни приглашают его испытать радости праздника жизни. И они явно завлекают его, но не на пиршество, а на тяжелый труд сторгии. Счастье предсторгии должно предшествовать благу сторгии и осуществлять его.

Иначе звук предсторгии - это не победный глас пробоя крепостных стен двух душ, а шум лопающегося раздутого пузыря или выстрела в никуда. В предсторгии должен быть слышен сторгический зов, иначе это не предсторгия, а пристрастие «животной личности».

Говорят, что «любовь» понять нельзя. В отношении предсторгической любви это действительно так, и так потому, что предсторгия - промежуточное состояние, нечто еще не выделанное, переходное, объявившее о себе, но несостоявшееся, только обещающее. Иногда напрасно обещающее. Например, тогда, когда попусту возбужденные участники предсторгической игры почему-либо (скажем, по душевному возрасту) не готовы к сторгии. По множеству причин режим предсторгии бывает холостым, к сторгии не ведущим. Далеко не всегда предсторгия устремлена к осуществлению сторгии. Как и многое другое во внутреннем мире человека, она может быть поглощена сама собой и вообще не настроена на переход в сторгию.

Ненастроенность режима предсторгии на осуществлении сторгии – одно из странных недоразумений человеческого существования. Еще одно недоразумение в том, что уже состоявшаяся сторгия неожиданно разрушается вхождением души в предсторгический режим с другим человеком. С точки зрения личной духовной жизни такая предсторгия порочна. Предсторгия продолжает заманивать (соблазнять) человека и тогда, когда он уже находится в сторгической связи. Драма такой любви стала темой «Анны Карениной».

Есть особый тип мужчины, обещающий женщине особенно острое наслаждение в предсторгии и тем властно и без промаха возбуждающий ее на связь с ним. Таков граф Вронский в романе Толстого. Таков был и сын Толстого Андрей Львович, о котором мы будем рассказывать ниже. Предсторгия возможна со многими встреченными на дороге

жизни людьми, сторгия же – с некоторыми, а то и с одним, единственным. Анна и Вронский совместно испытывали мощнейшее предсторгическое наслаждение, но такое, которое не могло перейти в сторгию. Возможно, что Анна и Вронский не были сторгически нацелены друг для друга. Возможно, что Вронский принадлежал к достаточно распространенному «предсторгическому типу мужчин», мало способных на сторгию.

Есть мужчины и другого, сторгического типа, которые не способны или не умеют завлекать женщину на предсторгию. Толстой в молодые годы, да и позднее, считал себя таким. Эта особая мужская драма угадывается и в Каренине и в Левине. Женщине хорошо с ними, если она сумеет угадать в них мужа. Но и сторонние заманки предсторгии соблазняют ее в замужестве острее. Это, как мы еще покажем, знал и учитывал Толстой, охраняя свою супружескую жизнь.

Драматизм любви человека состоит в том, что он в одно и то же время может жить и в сторгии (с одной, одним) и в предсторгии (с другой, другим). Но в каждый данный момент сторгия в душе, какого бы рода она ни была, только одна. И приходится решать – что разрывать: разрывать сторгию и, рискуя ею, идти на новую или разрывать предсторгию, дабы сохранить уже осуществленную сторгию. Сторгия должна уметь охранять себя от заманок предсторгии.

Женская душа умеет делать то, что не умеет мужская душа. Прежде чем вступить в предсторгию, женщина допускает себя до нее, сама разрешает своей душе предсторгически запуститься. Мужской душе это не свойственно. Мужчине приходится осуществлять контроль над собой не до вхождения в предсторгию, а после вхождения в нее. Ему приходится подавлять себя тогда, когда душа вне его воли (а то и желания) пустилась в предсторгический бег. Жена повинна в измене, в прелюбодеянии, так как не

убереглась и сама допустила себя до нее. Муж повинен, но иначе, - так как не смог подавить уже возникшее. Не всякий мужчина способен на такой подвиг ради сохранения сторгии. Я думаю, что Лев Николаевич, который никогда не изменял жене,⁶⁹ не раз в своей семейной жизни совершал мужские подвиги такого рода.

Душа чеховской Душечки знавала предсторгическое состояние, но она, в отличие от всех нас, обладала способностью разом, легко и свободно, входить непосредственно в сторгическое состояние и вводить в него мужчину. Она женщина огромного сторгического таланта. Необычайность Душечки в том, что душа ее была готова сразу заработать в сторгии, почти без предсторгических переживаний и наслаждений. Людям же кажется, что она пресно любила, любила без любви.

В последние два десятилетия жизни Толстой не жаловал предсторгию именно потому, что она не есть состояние высшей души, которая участвует в возбуждении предсторгии, так сказать, из-за кулис. Предсторгия, будучи состоянием жизни целостного человека, все же прежде всего вызывается самостью человека, а сторгия – только высшей душою и есть состояние жизни высшей души. Самость идет на соединение с другой самостью, но не может соединиться. Единство возможно только для высших душ людей. Но самости рвутся навстречу, и это не так мало в преддверии сторгической жизнедеятельности.

Эротическое (или, Уже, сексуальное) сближение людей само по себе способно приводить к сторгическому соприкосновению их высших душ. Здесь эрот исполняет роль предсторгии. Но секс мощно ассистирует и самой предсторгии, непомерно возбуждая и накаляя ее. В таком случае предсторгическое состояние влюбления перестает служить сторгии и начинает обслуживать сексуальные потребности плоти, облагораживая и возвышая их. Такая

предсторгия не способна на перевод в сторгию. Это уже не предсторгия, а нечто похожее на нее и осуществляющее антисторгические цели. Такая мнимая влюбленность сплошь и рядом культивируется искусством, создающим ее образцы для подражания и воссоздается подражанием. Зло не столько в том, что мнимая влюбленность прикрывает чисто сексуальные желания и возвеличивает их, сколько в том, что она уводит людей прочь от душевного единения, портит и разъединяет души людей. Тут Толстой совершенно прав.

Женщина так стремится к женитьбе потому, что в супружестве форсированно осуществляется сторгия, без которой душа женщины мертвоет. Брак – не условность общественной жизни. Сработать сторгию вне брака куда труднее. К тому же: если есть или вот-вот будет сторгия, то, в общем случае, нет причин не вступать в брак. Точнее – нельзя, преступно не вступать брак. Именно супружество должно реализовывать предсторгию в семейную сторгию. Если семейная сторгия так и не возникает, то предсторгическое состояние гаснет и семейная жизнь теряет сторгический смысл.

Душевный союз женщины и мужчины, как бы ни возник он, - союз религиозный. Особенно мужа и жены, замкнутых душами как по внутреннему, так и по внешнему, плотскому кольцу и вынужденных терпеть друг друга. "Семейная связь только тогда тверда и дает благо людям, - учил Толстой, - когда она не только семейная, но и религиозная, когда все члены семьи веруют одному Богу и закону Его. Без этого семья источник не радости, но страдания"/43.326/. Я подчеркнул слово "все", чтобы показать, сколь трудноисполнимо это условие. Каждый духовно инородный член в семье вызывает духовное страдание, лишаящее других их главного, сторгического блага.

Детей и родителей шлет природа. Сторгическое благо человек добывает сам, своей душой. Жизнь, невзгоды, свои же семейные, родные, близкие то и дело рушат его. Для блага мало войти в сторгическую связь, надо суметь сохранить ее в реальных условиях проживания, которые без конца экзаменуют ее на прочность. Спасение тут, как во всем и всегда, одно: рост, восхождение, все большее и большее увеличение сторгической воли и сторгического блага. Повторим еще раз: нет постоянного усиления прочности душевной связи, ускорения сторгического роста между двумя людьми, нет и не может быть сохранено само сторгическое благо. Одним и тем же междушественным благом нельзя пользоваться всю жизнь; оно вырабатывается, расходуется и исчезает.

Сторгическая любовь стремится к совершенному, нерушимому единению с другим Я. Ей должна предшествовать любовь-влюбление, но не мнимая, а подлинная. «Влюбление настоящее, поэтическое, только тогда, когда влюбленный не знает о различии и назначении полов»(55.205), – говорил Толстой.

У человека, вплоть до самых вершин духовной жизни, нет более высокого и властительного духовного наслаждения, как то, которое вызывается сознанием, что живешь и идешь по жизни вместе. Подменить в сравнении эту постоянную и совершенную радость нечем. Вот - рай. Общежитейские супружеские радости семейного единения тем так благодны и сладостны душе, что в них узнается несовершенный образчик, крохи от своего рая. Идеальный образ сторгического рая лежит в глубинах души и мужчины, и женщины, подвигая их на супружество. Отсюда же неистребимая, внеэмпирическая надежда на брачное счастье, по которой, как писал Толстой, "ождается то, что не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает". Пусть, брак - не есть

счастье. Но вложенная в нас свыше потребность сторгического блага не обман. Просто мы ожидаем осуществления не того, что должно быть по воле Бога, пустившего людей в земную жизнь. Бог послал нас для достижения сторгического блага, а мы ждем и хотим отдаленного и искаженного подобия этого блага - счастья своей психофизиологической личности, счастья, которое по параметрам земной жизни долго продолжаться не может.

Брак тогда становится благом, когда в семье вырабатывается общий, единый и свой особенный стиль одушевленности, когда всей семьей правит супружеская сторгическая связь. Это-то сторгическое единство семьи выковывает женщина. Мужчина отдает этому единству силу своей духовности, свой разум и свои идеалы, женщина - силу своей любви; но осуществляют единство, создают сторгический супружеский и семейный узел, не он и она, а только она.

5(20)

Делая одних людей близкими и отказывая в близости другим, я тем самым выбираю (должен был бы ответственно, но обычно безответственно, как поведет), отбираю, с кем мне быть единым в предстоящей жизни. Во многом наша жизнь есть этот выбор и отбор. Зрячесть такого отбора – основополагающая проблема жизни человека. Каждый знает об этом по тем извечным брачным сюжетам, которые во множестве поставляет и поставляет жизнь. Три первых попавшихся примера для уяснения.

Он и она знакомы со школы, учились в одном институте, потом часто встречались в том или ином кругу, но

всегда жили каждый своей жизнью. К тридцати годам взглянули друг на друга и решили соединиться. Обустраивали квартиру, строили дачу, рожали детей, потом пошли внуки. Каждый в совершенстве изучил житейские реакции другого, что позволяло им жить в мире и в заботах друг о друге. Жизнь словно впихнула и захлопнула их вместе. Друзья давно произносят их имена через «с» и в одно слово; но друзья не знают, как они страшатся неизбежных житейских ссор, в которых перед ними раскрывается пучина их исходного и безысходного взаимонепонимания...

Невзрачная молодая женщина невзначай примечена мужчиной, идеальным с точки зрения ее женского вкуса, и сразу же отдалась ему, не рассчитывая на продолжительную связь. Оказалось, что он одинок, ему нужна диета, а ее дом рядом с его домом. Он благосклонно позволил ей заботиться о себе и своем желудке, она же не обременяла его собою и не посягала на его свободу. Постепенно он привыкал к ней и года через два взял ее в жены. Она бросила мужа и детей, с радостью покорила ему и полностью отдала ему свою жизнь. Лет через двадцать она стала равноправной и даже стала управлять им. Он уступал, но за все годы так никогда не заинтересовался душевной жизнью жены. Наступила пора совместной одинокой старости и неизбежной связанности друг с другом. За день до смерти, в минуту последнего просветления сознания, когда ей, полуверующей женщине, нужно было поделиться предсмертными видениями, она позвала к себе не мужа, а его сестру, с которой иногда была близка. Оставшись без жены, он очень тосковал о ней...

Еще сюжет. Их бурный роман кончился тем, что она охладела. Долгое время он не хотел верить в это, а когда поверил, то пытался устроить жизнь без нее, но все безрезультатно. И она раз или два была готова выйти замуж за другого, но почему-то не случалось. Многие годы они продолжали вяло встречаться и наконец остались вместе. Не

потому, что хотели этого, а потому, что так жизнь сама распорядилась ими. Нельзя сказать, что они понимали друг друга с полуслова, но изловчились устроиться так, что стена непонимания не мешала их сосуществованию. Вначале они то и дело больно сталкивались душами друг об друга, потом свыклись и с этим. В старости она стала дорожить им так же, как он ею. Они так сжились, что и мысленно им было невозможно расстаться. И каждый тихо держал при себе множество тайн и обид на супруга, с которыми так и ушел из жизни...

Что общего между этими случаями? Как и великое множество других супружеских пар, супруги эти сделались любимыми родственниками, но не более того. Родственник может оставаться ближайшим человеком даже в том случае, когда он и чужд, и неприятен. Родственная любовь сама по себе не сторгическая и не агапическая. Толстой прав, не считая родственную любовь проявлением жизни высшей души. Родственной любовью любит природа в человеке и его самость. И все же родственная любовь отличается от других типов самостной любви тем, что она стыкуется со сторгической любовью. Сторгический ближний всегда становится родственным. Но далеко не всегда наоборот.

Во всех приведенных выше случаях возникала более или менее плотная и полная душевная состыкованность, но до сторгической свитости чего-то явно не хватало. Чего?

Сторгический ближний всегда сознается как «другое свое Я». В наших случаях «Я» супругов вначале разведены, изолированы друг от друга, затем стали сближаться, но сблизилась до определенного предела. Сблизилась и притерлись их боли и заботы, их тела и души – все то, что принадлежность «Я», что - «моё», но что все же - «не-Я». Наши супруги были слепы на жизнь высшей души друг друга и потому не озабочены ею. Один не знал, что переживает и мыслит другой - не знал, что такое это знание, или не

нуждался знать. При всей прилепленности душ друг к другу таинство сторгии так и не совершилось в супружестве этих пар. Не возникла, значит, и сторгическая связь между ними.

Супружеская сторгия – род духовной жизни человека. Человек всегда чувствовал, что в ней участвует (участвует и в ее зарождении, и в ее росте) некий третий субъект. Без участия этого третьего внечеловеческого и интердушевного субъекта сторгического единения супруги остаются, в лучшем случае, близкими родственниками.

В таинстве сторгии двух высших душ возникает нечто третье, которое начинает жить вместе с ними, а потом, после смерти, вместо них. В предварительном порядке назовем это образование сторгическим звеном между двумя высшими душами или сторгическим существом. При этом оговоримся, что «существо» мы понимаем здесь в том предельно расширительном смысле, в котором и про травинку позволительно сказать, что она – живое существо. Пока что нам удобнее говорить о «сторгическом существе» не в номинальном, а в условном и расширительном смысле, включая в это понятие и его заготовки, и узлы, уплотнения, клетки и процессы поля сторгической жизненности. В своем месте мы расставим правильные акценты.

Всякое вновь рожденное сторгическое существо создается перевязыванием узлов жизни образующих его высших душ. В общем случае это новое сторгическое существо обладает своим сознанием жизни (сознанием себя живущим, своим духовным сознанием, своей мудростью), взятым от высшей души одного друга или супруга (обычно от мужа), и своим чувством жизни (чувством себя живущим, характером любовной духовности, своей любовностью), взятым от высшей души другого друга или супруга (обычно жены).

Чем души полнее вырабатывают сторгию, тем полноценнее их земная работа. Сторгия – готовый продукт

высшей души. Но есть и полуфабрикаты. Мужская и, особенно женская, солидарность – никак не сторгия, но в ней есть явный, хотя и слабый налет сторгичности.

Юношеская мужская дружба напоминает предсторгическое переживание, но самозамкнутое и самоцельное, даже не требующее удовлетворения, хотя и всегда боящееся и оттого ревнивое. Конечно, дружба зрелых мужей куда более спокойна в этом отношении. К мужской дружбе душа стремится и переживает ее как свое богатство и богатство сторгическое, хотя в ней не перевязываются узлы жизни и, следовательно, не рождается новое сторгическое существо. Это уже сторгия, но сторгия не полная. В результате мужской дружбы возникают новые процессы сторгической жизни.

Женская дружба – загадка для мужчины. Она куда более разборчива и избирательна, чем мужская дружба. Для мужской дружбы достаточно уверенности в надежности друга, с кем в нужный момент свела судьба. Для женщин необходима особая близость душ, хотя бы в некотором отношении. Душевная потребность в женской дружбе часто удовлетворяется только в постоянном общении, а не от случая к случаю, как чаще всего в мужской. Кто-то в мужской дружбе играет роль первого лица, кто-то – второго лица. Что не обязательно в женской дружбе, в которой одна часто исполняет как бы мужскую роль в сторгии, а другая – женскую. Общее впечатление такое, что выдержавшая испытания жизнью женская дружба в сторгическом отношении глубже и более продуктивна, нежели мужская.

Редко, но бывает, когда в супружеской сторгии мужскую роль исполняет женщина, а женскую – мужчина. Столь же редко в женской дружбе происходит перевязывание узлов чувства и сознания жизни и возникает новое сторгическое существо. Такого нельзя совершенно

исключать в духовной работе мужской дружбы. В сторгических и даже полусторгических делах сам по себе пол не обладает абсолютной властью.

Хочу сказать еще, что солидарность – явление исключительно общедушевной жизни. В мужской дружбе уже присутствует элемент личной душевной жизни, вес которой обычно меньше общедушевного веса. В женской дружбе вес личной душевной жизни обычно больше общедушевного. Женская дружба нередко возносится на уровень личной духовной жизни. Супружеская сторгия – исключительно явление личной духовной жизни.⁷⁰

Сторгическая катастрофа означает смерть, уничтожение сторгического образования при жизни тех высших душ, которые породили его. Но оно не автономно, не независимо от них в земной жизни! В этом невообразимость произошедшей катастрофы. Ведь другого сторгического существа, во всяком случае, на том же месте, быть не может. Место есть, а никого на месте нет. Что же остается? Призрак. Призрак, связывающий так же, как погибнувшее сторгическое существо, но - призрачно. Конечно, призрак этот (призрак сторгического места) не растет. Возникает мнимая сторгия, оказавшаяся на месте умершего сторгического существа в качестве его действующего места.

Мнимосторгия на месте погибшей сторгии – распространенное явление и в частной, и в общедушевной жизни. Люди стремятся создать иллюзию действия места несуществующего сторгического братства, мнимосторгию на пустом месте. Некоторые общества создают мнимую сторгию через благовоспитанность и технику интердушевного комфорта. Мнимоближний – черта нашего времени. Об этом мы говорили в другой книге.⁷¹

В жизнедеятельности вновь образованного сторгического существа есть и иные опасности. Это и утрата ускорения сторгического роста и неестественная передышка движений сторгии. Есть в жизни сторгического существа и «аварийные остановки» жизни, когда волей одного из его родителей жестко и направленно выдается команда «стоп». Один из основоположников сторгического существа угрожает другому отказом от сторгии. Отсюда до сторгической ненависти – один шаг. После волевой аварийной остановки можно оправиться и оправляются, но след всегда остается. И это не только след в душе того и в душе другого супруга

(друга, подруги), но и след в самом сторгическом существе, след от что-то в нем ломающего удара, своего рода его дефект, травма, с которой ему придется существовать всегда.

Прочная сторгия редко возникает сама собой. Для нее требуются многие старания и с одной, и с другой стороны. Главная задача сторгии – сохранить себя. Прочная сторгия сознает свою высшую ценность и хранит себя. Но жизнь испытывает сторгическую связь, как испытывает всякое восходящее духовное движение. И испытывает так, что сторгия, бывает, не выдерживает. Что воспринимается и как «авария», и как ненормальность, и даже как рок, и как то, что не должно и не могло произойти. Как для духовного роста неизбежны и необходимы многие и трудные препятствия, так и для осуществления сторгии и ее сторгического роста нужны многие трудности, сложности и даже драмы сожизни. Все то, что рушит сторгию призвано ковать ее, еще более ее крепить; это есть те испытания и препятствия, которые должны быть, на преодолении которых ускоряется сторгический рост. Без них нельзя. Но они смертельно опасны для сторгического существа.

В сторгических существах нашей Обители могут происходить и дьявольские движения жизни. Среди них – отрицательный сторгический рост.

Отрицательный сторгический рост – явление ни с чем не сопоставимое в земной реальности. 5-летний ребенок может тяжело заболеть, но не стать 3-летним. Тут же живое сторгическое существо вырастает, вырастает, а потом, хотя и по иной колее, начинается обратный процесс антивзросления. Сторгическое существо съеживается, деградирует и в деградации своей словно стремится вернуться к состоянию, которое проходило раньше в духовном развитии, и так все дальше и дальше назад, до точки чуждости, когда оно еще не существовало. Вникните в это мучительное отрицательное состояние жизни, в котором

приходится жить сторгическому существу. Оно ведь и не настолько самостоятельно волящее существо, оно и покончить с собой не может, только страдать.

6(21)

Я пробую понять смысл сказанного Толстым, разобраться в том богатстве, которое он оставил людям, и пытаюсь осторожно продолжить его мысль в том направлении, в котором мне свойственно. Я говорю то, что в результате многолетних усилий вникновения в предмет мистических озарений Льва Толстого подсказала моя интуиция.

Одно из прозрений Толстого последних лет жизни состоит в том, что человек живет «двойной жизнью»: своей обособленной жизнью и одновременно жизнью «более обширного существа». Наверное, это положение можно отнести и к плотскому составу человека (относительно жизни Природы), и к его психической жизни (относительно некой космической сущности?), но ни то и ни другое - не наш предмет. Для нас, как и для Толстого, важны процессы духовной жизни, то есть жизни высшей души человека.

Будучи частицей высшего (общедуховного) пласта Общей души или все-общедуховного поля жизни, высшая душа одновременно живет и своей жизнью в отдельном человеке, и жизнью «более обширного существа», из которого она вошла в человека. Следуя за Толстым, мы можем назвать первым кандидатом на «более обширное существо» Сына человеческого, всечеловеческое духовное Начало, существующее в разделении на все множество высших душ людей. По мысли Толстого этот изначальный, разделенный в самом себе Сын человеческий живет в агапическом поле жизненности и помощью агапической любви опять восстанавливается, собирается в единое целое, становится восстановленным Сыном человеческим. Сын человеческий – Божественное агапическое Существо.

В процессе жизнедеятельности человека высшие души стараются создать «новое и рабочее духовное существо», которое мы назвали сторгическим существом, так как оно живет не агапической, а сторгической жизненностью. По представлениям Толстого 90-х годов, это «новое и рабочее

духовное существо» после смерти человека призывается к существованию в следующей Обители отделенности в качестве низшей души, то есть столь же обособлен, что и «животная личность» земного человека. Таким образом, более обширное сторгическое существо в следующей Обители не образуется. Оно создается в жизнедеятельности нашей Обители и, в общем случае, остается в ней.

Если сторгическое существо человека принадлежит жизни «более обширного существа», то существо это должно жить сторгической жизненностью. Я думаю, что под понятие обширного сторгического существа может подойти то всеобщедуховное Начало, которое включает в себя высшие пласты Общих душ человечества.⁷² Начало это не Божественное, а всечеловеческое. Его можно назвать сторгическим Сыном человеческим, существующим в нашей, земной Обители отделенности. Образованное высшими душами людей сторгическое существо живет как личной духовной жизнью в отдельном человеке, так и сторгической жизнью Общей души своего народа или всеобщедуховной сторгической жизнью, жизнью сторгического Сына человеческого.

Высший (сторгический) пласт Общей души можно мыслить в качестве участка всечеловеческого сторгического поля, области сторгического Сына человеческого. Но в отличие от последнего сторгический пласт Общей души исключительно состоит из общедуховных «скрытых сторон» высших душ. Ничто в нем не существует вне людей, в свободном от них состоянии.

Смерть исключает процесс сторгической жизненности из отдельной души, но процесс этот не исчезает, а продолжается либо в сторгическом Сыне человеческом, либо в Общей душе. В первом случае освободившееся по смерти одного человека сторгическое существо (или процесс сторгической жизненности) может в составе Сына

человеческого жить в свободном состоянии, не связанным с определенным человеком. Но, оставаясь в лоне Общей души, сторгическое существо после смерти одного человека не совершает «вторую часть круга», а тотчас, без перерыва становится высшей душой другого, вновь вошедшего в жизнь человека.⁷³ Сначала эта высшая душа живет общедуховной жизнью, затем и жизнью личной духовной, вступает в сторгическую связь с другой высшей душой, образовывает новое сторгическое существо, обладающее большей полнотой жизни, чем то, которое изначально образовало высшую душу того же человека.

Таким образом, сторгический пласт Общей души все больше и больше строится, наполняется водами сторгической жизненности, крепнет, ткет самого себя и расширяется. Каждое новое «воплощение» общедуховной частицы Общей души уплотняет ее и нацелено на ее упрочение. Крепость, достоинство и полноценность высшего пласта Общей души и, значит, всей Общей души зависит от продуктивности сторгической работы участвующих в ней людей.⁷⁴

Общая душа - самобытийственная инстанция человеческой жизни, обладающая свойством образовывать свои ячейки в отдельном человеке. Сторгические существа - духовное богатство Общей души. Находясь в составе отдельной человеческой жизни, они становятся все более зрелыми и самостоятельными. Так что в Общей душе должны бытовать сторгические существа (или сторгические образования) разной зрелости и, следовательно, разной общедушевной силы.

Сторгия входит в Замысел о человеке, прирождена ему. Это значит, что всякий, теоретически говоря, может вступить в сторгическое взаимодействие с каждым. Практически это, конечно, не так. В сторгическом взаимодействии не обязательно создаются сторгические существа, но

обязательно возникают разнообразные процессы сторгической жизненности, которые, как и сторгические существа, способны становиться высшими душами, пригодными для создания новых процессов сторгической жизненности или сторгических существ. Так, мужчина и женщина, ставшие супругами, не зная друг друга или не имея никаких чувств друг к другу, и затем, уже в супружестве, не имея потребности душевно сблизиться и не стремясь к этому, все же рано или поздно сторгически соприкасаются друг с другом, если, конечно, никто из них не производит явных и целенаправленных действий на разрыв супружества. Они обретают лишь благо сторгического соприкосновения, но и этого довольно для возникновения в поле взаимодействия их высших душ нового процесса сторгической жизненности.

Этот спонтанный процесс порожден без каких-либо специальных усилий с их стороны, только от соприкосновения их высших душ. Задача спонтанной сторгии – возникнуть, и только. Она порождает не сторгическое существо, а уплотнение сторгической жизненности, вяжет в ней узлы, которые многократно перевязываются в последовательном ряду человеческих «воплощений», чтобы в конце концов «дозреть» - стать эмбрионом, яйцом, зародышем сторгического существа, а затем и полноценным сторгическим существом. Зародыш сторгического существа уже не совершенно безличностен. Он индивидуален в той мере, которая необходима для того, чтобы различаться в массе таких же, как он, общедуховных сторгических существ и их зародышей.

Любая общедуховная клетка или частица Общей души способна качественно изменять себя в человеке – из некоторого процесса сторгической жизненности все более становится эмбрионом первичного сторгического существа, а затем и им самим. Такое становление в череде человеческих жизней вполне можно считать сторгическим ростом, актом

личной духовной жизни, созидаящим новое самобытнейшее сторгическое существо.

Сторгическое бессмертие или бессмертие подразумевает посмертную жизнь нового рабочего сторгического существа.⁷⁵ Супружеские пары, о которых мы рассказали в предыдущей главе, создали, некое новое движение сторгической волны в Общей душе или во все-общедуховном поле сторгической жизненности, но, несомненно, не создали свое общее сторгическое существо и не обрели в нем личностное сторгическое бессмертие. При этом кто-то из этих людей мог совершить иной и особый духовный труд, который обеспечил ему бессмертие в иных сферах духовной жизни. Но не бессмертие в сторгическом существе.

В мистике Толстого особое значение обретает представление о другом духовном существе, которое совершает полный «круг жизни» - выходит в полукруг земной Обители отделенности из Обители нераздельности Бога, возвращается в нее обратно и в ней совершает второй полукруг. Мы воспользуемся этими представлениями о духовном существе и круге его жизни. Мы будем говорить иначе: не о небесной Обители Бога и жизни в ней, а о ближайшем к человеку высшем духовном Мире, о следующей Обители, как сказал бы Толстой, – об Обители или Мире Эдена.⁷⁶ Духовные существа, выходящие в человека из этого Мира и возвращающиеся в него обратно, мы назовем эденскими существами.⁷⁷ Эденское существо это прежде всего существо самобытной духовной воли, назначающей по отношению всех других волей человека.

«Бог дышит нашими жизнями», - сказал Толстой. Бог или тот, кто так «дышит», откуда-то вдыхает и куда-то выдыхает. Общая душа выдыхает высшую душу в человека и вдыхает сторгическое существо (или, в общем случае, то или иное сторгическое образование). Эден выдыхает эденское существо в высшую душу человека и вдыхает его обратно обогащенным человеческой жизнью.

Между вдохом и выходом того, кто «дышит», есть «задержка дыхания» - промежуток, «внутренний полукруг», ради которого и дышит тот, кто дышит. В этом вне- или

надчеловеческим промежутке используются выработанные в продолжение земного существования результаты жизни высшей души человека.

В отличие от сторгического существа человек сам не производит эденское существо в себе. Он только способствует его росту. Эденское существо из своей Обители спускается в высшую душу человека. Если эденское существо не спущено в человека из Эдена, то его и нет в нем.

Самовоспроизводящийся сторгический пласт каждой Общей души занимает определенное место в океане всечеловеческой сторгической жизненности, в сторгическом Сыне человеческом. В таком качестве мы признали этот общедуховный пласт за то «более обширное существо», о котором говорил Лев Толстой. В Мире Эдена тоже должны быть некоторые локальные образования эденских существ, которые, как и Общую душу, можно признавать «более обширным духовным Существом», в недрах которого эденские существа проходят вторую часть «круга». Наружная часть круга жизни эденского существа – в человеке, на Земле; внутренняя часть круга его жизни – в Эдене.

Если высшая душа при рождении человека исходит от Общей души и по смерти человека возвращается в нее же, то Общую душу можно назвать родным Домом высшей души. Ровно так же и определенную область Эдена, из которой исходит эденское существо в человека и в которую оно возвращается по смерти человека, можно назвать его Эденским Домом. Эденский Дом – это «более обширное духовное Существо», с которым человек связан личной духовной стороной своей высшей души. Эденское существо в личной духовной жизни человека живет «двойной» жизнью – одновременно жизнью в составе человека и жизнью в составе Эденского Дома.

Высшая душа одного и того же человека призвана жить и общедуховной, и личной духовной жизнью. В общем случае человек живет не столько «двойной», сколько «тройной» духовной жизнью: и внутри одного себя, и в Общей душе (или в все-общедуховном пространстве), и в Эденском Доме.

Эденское существо куда более зрелое, свободное и могучее, чем общедуховное сторгическое существо. Эденское существо весьма редкий гость из Мира Эдена в человеческом мире. Полноценная личная духовная жизнь - это жизнь эденского существа в человеке. Именно поэтому она элитарна.

Сторгическое существо в основном живет сторгическим ростом. Главнейшее же условие жизни эденского существа в человека – ускорение духовного роста. Нельзя эденскому существу жить и не расти в человеке, не переходить из одного качественного состояния в другое. Эденскому существу, условно говоря, надо «поспеть» вырасти в пределах земного существования человека, многие аспекты жизни которого находятся вне поля его зрения.

Сторгическое же существо полностью и постоянно включено в вулканизирующие условия земной жизни.

Расти ускоренно оно постоянно не может. Ему надо сохранить себя на поле брани человеческой жизни.

Сторгическое существо, бывает, замирает, впадает в спячку, такое состояние регулярно повторяется в нем и не воспринимается с большой опаской, хотя оно и опасно.

Сторгическое существо переходит в Общую душу таким, каким оно стало, в любой стадии развития. Каждое сторгическое существо находит свое место и свою участь в материнской Общей душе или во всеобщедуховном поле сторгической жизненности. Не то эденское существо в Эдене.

Остановка сторгического роста в человеке для эденского существа не катастрофична, да и сам сторгический рост может не входить в его задание на земную навигацию. Остановка духовного роста для эденского существа это либо потеря путевого темпа, что трудно восполнимо, либо падение, крах, сход с его Пути восхождения, смерть при жизни. Главное же отличие эденского существа от существа общедуховного в том, что первое не может погибнуть, находясь в навигации нашего Мира, не может, выйдя из своего Эденского Дома, не возвратиться в него. Скорее, погибнет носитель эденского существа, человек. Во избежание аварийного случая эденское существо нисходит в человека с большой опаской. Оно не спускается в земную жизнь в начальный период жизни человека, как это происходит с общедуховным сторгическим существом. Прежде чем работать в человеческой жизни, эденское существо сначала выбирает человека, потом долго приглядывается к нему и только потом решается вступить в земное существование. Кривая Пути восхождения человека строится не только с расчетом на восхождение эденского существа, но и с учетом процесса его входа в навигацию и процесса его выхода из нее.

7(22)

"Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь – уж мало осталось времени, описать те различные фазы, возрасты духовные, которые мы все проходим..." – пишет Толстой в сентябре 1894 года. «Мы» в этой фразе – все духовно растущие люди. Ставя в центр учения живущего в духовном росте человека, Толстой понимал жизнь динамично и вместе целостно. Изучение духовных возрастов при таком взгляде на

жизнь необходимо для того, чтобы увидеть течение глубинной жизни души в общих для всех людей личной духовной жизни периодах и стадиях, подъемах и спадах – ступенях восходящего Пути жизни. Восхождение на Пути совершается в процессе непрерывной и на пределе сил душевной работы, что может происходить только в условиях ускорения духовного роста.

Напомним, что, по взглядам Толстого, важно не только "безостановочное движение", непрекращающийся духовный рост, но и ускорение движения этого роста. Ходам подлинной духовной жизни присуща особая динамичность, череда взлетов и падений, приливов и отливов, побед и поражений и опять побед – всего того, без чего нет совершенствования и что заложено в мысли о высшей полноте истинной жизни, обретаемой в ускорении (увеличении скорости) духовного роста.

Духовный рост человека, по учению о личной духовной жизни, идет в направлении к идеальному состоянию никогда не достигаемого совершенства⁷⁸. Что не значит, что человек духовно растет в бесконечность. "Живой", то есть растущий человек, восходит к некоторой поворотной точке Пути восхождения, после которой он входит в качественно иную стадию жизни. На новой стадии Пути духовный рост обретает иное содержание и направление. Только постадийный рост может обеспечить процесс постоянного и максимального ускорения духовного роста.

Каждый период жизни, каждый духовный возраст имеет позади и впереди себя такие точки перелома, которые могут быть поняты и как завершение утробного развития, и как проявление заданного, просветление уже имеющегося, т.е. могут быть поняты и как рождение, и как повторное возникновение, воскресение. Личная духовная жизнь есть рост. У каждого периода жизни свой рост (или свой характер роста), и именно рост ведет к путевому рождению. Можно сказать, что рост есть такие душевные движения, которые ведут к следующему на Пути скачку духовной жизни, в новую плоскость жизненности и разумности, на новую стезю путевого хождения.

Путей эзотерической жизни много есть разных. Есть Путь астрологический и монашеский, есть Путь даосский, суфийский, буддийский, индуистский - и разных типов,

манер, способов достижения, целей и возвещений. Но Путь восхождения эденского существа в человеке – один.

Не Господь Бог устанавливает и размечает Путь восхождения. Нормативный Путь восхождения постепенно и незримо становится в человечестве. Вчера в нем еще не было того, что есть сегодня и что в нем будет завтра. Но то, что уже есть, – есть. От нормативного Пути, установившегося в данный момент развития человечества, строится индивидуальная кривая Путепрохождения личной духовной жизни каждого человека. В этом смысле нормативный Путь – это Путь назначенный, обязательный для прохождения эденского существа в человеке. От возраста к возрасту по нему должен бы восходить всякий путевой (то есть потенциальный носитель эденского существа) человек. Но это не так. Большинство вступающих на Путь сходят с него раньше времени, даже не сознавая этого и не исчерпав возможностей своего собственного Путепрохождения. В общем случае люди живут не столько в ситуации хождения (восхождения) по Пути, сколько в ситуации схождения (нисхождения) с Пути, бесконечных срывов с него.

Наука психология и ученая журналистика, сами того не замечая, учат, как удобно человеку устроиться и прожить жизнь в условиях схождения с Пути. Не оттого ли нынешний человек более имеет дело с непроходимостью Пути? В такой ситуации продуктивно не столько изучать нормативный Путь, сколько изучать и предупреждать многочисленные схождения с него. Но для этого надо признать, что такой Путь есть, и знать общие контуры его. В любом случае, чтобы Путь состоялся, надо знать его. Проходимый Путь – это зримый Путь. Поэтому-то мы и стремимся его увидеть.⁷⁹

Смысл личной духовной жизни – в путевом прокладывании самого себя. Учение личной духовной жизни устанавливает свежий взгляд на человека как такового. Путь восхождения вводит особую градацию ценностей

человеческой личности, в соответствии с которой люди различаются по ступеням личной духовной жизни, по достигнутой каждым ступени Пути. В личной духовной жизни есть свой последовательный ряд рождений. Весь Путь восхождения идет от рождения к рождению и через рождение. На Пути этом кое-что отживает, но ничто не умирает, напротив, все — воскресает и воскресает, то есть неизменно происходит процесс, обратный смерти.

Путь восхождения, его кривая и его расписание имеет в виду только духовно высокоактивного путевого человека. Все возрастные путевые точки суть более или менее установленные вехи, которые ему предстоит проходить на Пути. Путь восхождения действителен для людей личной духовной жизни. Чем выше ступень Пути, тем элитарнее достигшей ее человек. Очень важно было бы узреть высшие ступени восхождения личной духовной жизни. Лев Толстой мог дать увидеть нам их. Во все годы своей жизни Лев Николаевич был нацелен на вершину Пути жизни человека, видел ее перед собой и предвкушал ее достижение. Он, видимо, выпущен на дистанцию земной жизни для достижения вершины Пути. И это, разумеется, определяет особый интерес к течению его духовной жизни.

Весь Путь восхождения мы (не только для удобства изложения) поделили на две части, разделенные точкой "духовного рождения". Это: естественный путь жизни и духовный путь жизни. Условно-нормативный возраст выхода из естественного пути мужчины (именно мужчины) – середина шестого десятилетия жизни. Кривая духовного пути жизни лишь намечена, еще не сработана в человечестве, и пока мы не будем говорить о нем. Кривая восхождения личной духовной жизни - это график изменений ускорения духовного роста на дистанции жизни. Она состоит из подъемов и уступов Пути. Духовный рост находящегося на Пути человека совершается на всей дистанции жизни, но на

подъемах Пути ускорение духовного роста возрастает, а на уступах ускорение духовного роста не изменяется или уменьшается. На подъемах человек живет полнее, чем на уступах, становится все более "живым", все более и более наращивает и приращивает духовную жизнь в себе.

Каждому уступу и каждому подъему на кривой Пути соответствует своя полнота духовной жизни и свое особенное состояние личной духовной жизни.

Кривая Пути идет волнами. Путевой прилив (подъем) сменяется путевым отливом (уступ). С каждого из уступов или подъемов Пути человек может сойти, сорваться, прервать свое восхождение. Дорог схождения с Пути великое множество, множество и соответствующих им душевных состояний. Но собственно путевых состояний у человека на естественном пути всего семь – на четырех подъемах и трех уступах Пути.

На волне душевного рождения путевой человек переживает состояние подъема взвода духовной жизни (13-17 лет), в начале которого (в 14 лет) происходит душевное рождение, и состояние уступа "чужой жизни" или уступа "чистилица" (17-26 лет).

На волне личностного рождения есть состояние личностного подъема (26-31) и состояние сторгического уступа (31-37).

На волне Пробуждения сначала наступает мощнейший подъем Пробуждения (38-42), вводящий душу через точки темного и светлого откровений на уступ плато Пути (42-48). Затем начинается подъем духовного рождения.⁸⁰

На Пути восхождения есть всегда таинственные критические точки жизни. Первая из них – нулевая развилка Пути жизни. Она наступает в два с половиной – три года. Впечатление такое, что есть Некто, кто обзирает маленького человека и обстоятельства, в которые он уже поставлен жизнью, и тут, в нулевой развилке Пути жизни,

принимает судьбоносное решение. Не при зачатии и не при рождении, а здесь, в нулевой развилке решается статус высшей души маленького человека. Быть ли его высшей душе бездомной? Сможет ли она жить со сторгическим или эденским существом? К какой Общей душе приписать его высшую душу? Делается все это, заметьте, заранее - до того, как ребенок станет способным воспринимать мощные духовные влияния извне и попадать под их власть.

Бесповоротны ли эти решения? Было бы странно, если вся дальнейшая духовная жизнь человека была жестко связана с раз принятым на заре жизни решением.

Возможно, что некий узел или зародыш сторгической жизненности или освободившееся сторгическое существо именно в нулевой развилке становится высшей душой, способной пока что жить лишь общедуховной жизнью. Способность эта начинает реализовываться во втором семилетии жизни. До подъема взвода духовной жизни высшая душа живет в несвободном режиме, полностью контролируется общедуховными установками Общей души или ее суррогатами. Душевное рождение⁸¹ это рождение личнодуховной «скрытой стороны» в высшей душе. При душевном рождении высшая душа, становясь двусторонней (и общедуховной, и личнодуховной), обретает автономию личной духовной жизни и в том числе - свободу сторгической взаиможизни.

Если в нулевой развилке принято решение на Путь, то душевное рождение всегда сопровождается возвещением эденского существа о себе в высшей душе. Но пока что это только возвещение «призрака» эденского существа о себе и его призыв к себе, но не собственное активное действие эденского существа в человеке.

После душевного рождения человек не горит, а вспыхивает духовно. Назначающая воля его высшей души работает в нем порывами, выхлопами, с большими или меньшими

промежутками. Подъем взвода духовной жизни совершается в годы буйства плоти и выхлопов духа. Противоречия и противоборства высшей и низшей души юноши полностью заполняют его существование. С одной стороны, бурный поток плотско-психической жизни, все затопляющий своими хотениями, с другой — свежепробужденные идеальные стремления высшей души, осуществление которых невозможно. Только что ставшая свободно волящей высшая душа всеми силами пытается тормозить разогнавшуюся плотскую жизнь. Все муки периода душевного рождения — в этой борьбе, от полноты победы в которой зависит, казалось бы, успех дальнейшего Пути. Но тут важно не столько победить, сколько бороться, преодолевать и побеждать.

На первом подъеме Пути жизни от человека требуется *самому завести пружину своей духовной жизни*. Происходит это в работе преодолевания, совершаемой мощью непрекращающихся попыток духовного взлета высшей души под влиянием «призрака» эденского существа. Взвод Пути восхождения человека зависит, как это ни странно, и от мощи его животной личности: чем она страстнее, то есть чем более упруга заводная пружина, тем больше требуется сил на преодоление ее, тем больше возможность полноценного духовного взвода на Путь восхождения.⁸²

Далеко не все люди проходят душевное рождение и переживают подъем взвода духовной жизни. Личная духовная жизнь элитарна с самого начала Пути. Между душевнорожденным человеком и душевнонерожденным — пропасть.⁸³ Первый вошел в другую стадию духовной жизни, стал двухстадийным человеком, второй же остался одностадийным.

При всем разнообразии натур и судеб, одностадийный человек во все дни жизни своей находится пусть каждый в своем, но в одном и том же состоянии духа — состоянии сознания жизни душевнонерожденного человека, никогда не

ведавшего, что такое автономная жизнь высшей души. Душевнонерожденный человек сам не может узнавать истинное, отличать ложное и правдивое, выделять главное из массы второстепенного, ставить перед собой глубокие вопросы, и тем более входить в состояние ответа на эти вопросы. Он - своеобразный характер под управлением Общей души. У него свой стиль одушевленности, но это стиль не его, а его Общей души или иной сплоченности. Единственное, что из личной духовной жизни все же не заказано ему, - это сторгия и сторгический рост.

Душевнонерожденный может быть человеком способным, даже одаренным. В умственной сфере он в состоянии много помнить, много знать и узнавать, обладать остротой мышления, иметь широкий обзор мыслей, быть богатым мыслями и своими, но более чужими. Но все то, что он запоминает и знает, то, над чем он трудится умом, вся его панорама мысли и её остронаправленность определяется не им, не изнутри, а извне - по указке Общей души, по культурным потребностям времени или прямым по требованиям и в интересах других людей. При всем богатстве природных умственных способностей, душе его все равно, о чем думать и на что прикладывать свой ум.

Течение жизни душевнонерожденного человека определяется психофизиологическим характером его самости и теми общедушевными и житейскими обстоятельствами, в которые он попадает. Плоть его чертит временную ось графика Пути восхождения, но самого восхождения в душе нет. Прошедший душевное рождение человек замечен эденским существом и намечен (только намечен) для восхождения на Пути.

Как человеческая жизнь высеяна и существует на жизни органической, животной и неразумной, так и душевнорожденные люди высеяны в массе душевнонерожденных. Масса эта составляет непрременную

обстановку прохождения Пути восходящего человека, которому в среде этой надо выжить, и иногда не только душевно, но и физически. Немудрено, что большая часть душевнорожденных сходят с Пути вскоре после душевного рождения. Но по состоянию жизни они уже отличаются от душевнонерожденных. Их высшая душа была введена в автономную жизнь, была призвана жить личной духовной жизнью, но недостаточно взвелась на нее и потому пребывает в полубоморочном состоянии. Она уже знает, что такое личная духовная жизнь и, что поделаешь, ищет её эрзаца.⁸⁴

Общедуховное существо в эту пору прочно вселено в высшую душу. Силой общедуховности человек держит данную ему высшую точку зрения на себя и, поднимаясь на нее, способен судить себя. Но в только что наметившейся личной духовной жизни не все так доступно и определено. Эденское существо при душевном рождении только возвещает и зовет к себе. От «призрака» эденского существа человек обретает силу предчувствовать и предвидеть возможность взгляда на свою душевную жизнь изнутри, с некоторой высшей точки зрения, которая пока что недоступна, но может стать доступной ему. С момента душевного рождения путевой человек (повторим: потенциальный носитель эденского существа) знает, что высшая точка себя есть и он обязан искать и должен найти ее. Для этого ему необходим духовный рост, хождение и восхождение на Пути жизни.

Путевой человек в состоянии взвода духовной жизни ищет "свой Идеал", Идеал самого себя, себя в совершенстве выраженного. Идеалотворчество такого рода строится на подсказываемой эденским существом духовной интуиции себя должного и совершенного. В душевном рождении высшая душа, говоря толстовским языком, "видит Бога своего" и тянется к этому видению, как к Идеалу себя. Истоки крупных мыслей и глубоких откровений зрелости

нередко лежат тут, во времена душевного рождения - тогда, когда они были чистым видением от лика духовности "Бога своего", своего эденского существа.

При душевном рождении Свет Идеалосознания светит не только для того, чтобы включить личнодуховную сторону высшей души в автономное существование, но и для того, чтобы своим лучом обратить взор человека к высшей и конечной точке Пути восхождения, показать ему задание на личную духовную жизнь и потребовать исполнения. С другой стороны, и эденское существо представляет себя человеку, само является ему, указывает направление Пути к себе, руководит им. Уже в самом начале Пути личной духовной жизни эденское существо в состоянии непосредственно руководить им. Это руководство становится путеводной интуицией, сигнализирующей высшей душе об опасностях схождения с Пути. В прежних работах мы называли эту путеводную интуицию "религиозным чувством" личной духовной жизни.

Другой несомненный признак душевного рождения – Искренность. В обиходе искренность – свойство душевной открытости, откровенности, прямотушия, нелицемерия. Для душевнорожденного человека Искренность – духовная сила, которой преодолеваются всевозможные препятствия душевного развития, утишаются духовные страдания и которая при необходимости возносит человека над самим собой. Потребность в духовной силе Искренности вызвана заочным присутствием эденского существа в высшей душе и его требованиями к ней.

Душевное рождение – одно из явлений волны душевного рождения на кривой восхождения и, быть может, не единственная задача первого подъема Пути. На первом подъеме не только личная духовная, но и общедуховная жизнь властно предлагает себя человеку. Если он принимает ее, то духовная Власть и Вера становятся в нем идеальными,

полноценными и рабочими узлами чувства и сознания общедуховной жизни. Обычно личная духовная жизнь вписывается в тот процесс, который предложен общедуховной жизнью, и в дальнейшем использует его для личностного рождения.

Душевное рождение без личностного рождения с точки зрения эденского существа и результативности личной духовной жизни происходит в значительной мере напрасно. В конце взвода духовной жизни эденское существо как бы оценивает результаты первого подъема Пути и в соответствии с ними дает или не дает разрешение на дальнейшее движение к личностному рождению. Это происходит в первой развилке Пути жизни, лет в 18, 19. Те, кому разрешен дальнейший Путь, подвергаются испытаниям на уступе «чистилища».

Весь естественный путь жизни человек пребывает в какой-либо душевной яме: или сидит в ней, или попадает в нее, или из нее выбирается. И, выбравшись из одной, тотчас попадает в другую. Оступился - выбрался, из одной ловушки - в другую, вылезешь - скатишься, вновь вылезешь, чтобы опять залезть, упасть. Из таких спотыканий, падений, взлетов, побед и поражений, из таких отдельных рабочих операций состоит вся душевная биография человека - и каждый его год, и каждый его период или стадия Пути жизни.

Подъем на волне душевного рождения после первой развилки сменяется уступом. Человек на этом уступе чаще всего идет по жизни, как по трясине, увязая и выбираясь, чтобы вновь завязнуть. В эти годы охотно руководствуются взятыми напрокат (и наугад) чужими представлениями о жизни и чужими идеями. Это вообще период "чужой жизни", в котором человек все время мечется, последовательно отрицая ряд направлений, которые он сам себе и задает. Человек ищет целостности самого себя и в результате может

найти нужное ему направление, а может в хаосе повседневности растратить весь ранее нажитый запас духовной энергии, отыскать тихий угол в жизни и уgomониться.

Все, что брак, должно быть своевременно выведено из работы Пути. И все, что вводится в нее, должно быть предварительно и в неблагоприятных условиях испытано на крепость хода. Наступает пора, когда человек испытывается на реальную мощь взвода духовной жизни в себе - проходит ходовые испытания личной духовной жизни. В результате таких испытаний в нем остается только то, чем действительно обладает высшая душа его и что ей действительно по силам. Остальное в значительной мере изживается. Чтобы быть допущенным к прохождению Пути, мало удачно взвестись на первом подъеме, надо в следующем за ним уступе доказать силу и стойкость путеводных сил и возможностей в себе.

Погрязая и выбираясь на первом уступе Пути жизни, человек тем самым совершает новый рывок духовного роста и становится более и более живым. Кроме того, каждый раз выбираясь и преодолевая, человек тем самым очищает себя. Этот уступ Пути мы называем "уступом чистилища", потому что тут - жерло, в котором души одних сгорают вовсе, другие выгорают до какой-то глубины, но кое-кто и очищается в огне. Духовно взведенный человек, прежде чем начать Путь, проходит очищение в огне беспутя.

8(23)

Всякий путевой мужчина к тридцати годам (женщина раньше) принуждается решать, что его, а что не его, что

несвойственно ему. Пора "чужой жизни" прошла, и наступает пора "своей жизни". Наступают годы смены жизненной позиции, когда в личной жизни многое рушится, меняется, создается заново. Путевой человек чувствует необходимость стать самим собой и ищет свой, одному ему свойственный курс развития душевной жизни. Решения в этом возрасте подсказывает эденское существо, которое, разумеется, не может жить "чужой жизнью". Установление "своей жизни" это перемещение центра тяжести внутренней жизни в сторону эденского существа. Ради этого вновь зажигается Свет Идеалосознания, который к тридцати годам иногда светит ярче, чем в юношеские времена душевного рождения. Все те духовные силы Искренности, Истинности и Идеала, которые человек знал в себе на подъеме взвода духовной жизни, включаются в нем на личностном подъеме.

Душевнорожденный человек знает "свой интерес", интерес своей Самости и животной личности и руководствуется в жизни этим интересом.

Душевнорожденный человек на уступе чистилища принимает "чужое" за "свое", берет некую "правду", меняет эти "правды" и каждый раз, как впервые, руководствуется ими. Ни там ни там человек не знает, что значит жить своей душевной жизнью, строить "свой мир", а тем более жить в нем и руководствоваться "своей истиной".

Жить своей душевной и духовной жизнью значит жить соответственно своей одухотворенности и своей особенной сторгической жизнью. Это и особость нравственных установлений, свое переживание добра, чуткость своей (а не надетой на себя) совести, особое сопереживание к определенному роду чужим бедам и свой, себе соответствующий выбор направления деятельности сердца, своя задача в сторгической связи и, наконец, своя сторгическая любовь, направленная навстречу тому, кого

сторгическая душа ждет и заранее знает в себе. Любовь на подъеме личностного рождения, любовь личностного рождения – неповторимое состояние жизни, в котором сторгическая связь осуществляется сама собой, без особых на то усилий. Достаточно узнать «свое другое Я» и не ошибиться.

Своя жизнь - это выявление и усиление характерных особенностей своего стиля одушевленности и интуиция на родную душу, вместе с которой только и можно создать новую совместную одушевленность и новое сторгическое существо. "Своя жизнь" неспроста приурочена к сторгическому осуществлению жизни высшей души.

Если человек и бывает целокупен и монолитен, то только в пятом периоде "своей жизни", на сторгическом уступе кривой Пути. Сама себя сознающая личность строит себе укрепленное жилище, которое ей надо будет еще обжить, и обжить непременно вдвоем, вместе, в сторгической связи с "другим своим Я".

Вскоре после личностного рождения в человеке наступает равновесие, примирение, необходимое прежде всего для сторгических дел. Личностно рожденный человек испытывает непреодолимое стремление продолжать жить душою непременно вместе, вдвоем - в сторгии с другим Я. Свой глубинный личностный мир создается на волнах сторгического осуществления. Без создания сторгических связей и сплетений человеку далее на Пути восхождения выжить трудно.

Волна личностного рождения возникает с личностным подъемом и отходит где-то в конце сторгического уступа. Мужское и женское, разъединенные Богом в Эдене, вновь собираются в пару на сторгическом уступе Пути жизни.

Личностное рождение - это вхождение в навигацию земной жизни избравшую определенную высшую душу эденского существа. Личностное рождение – вселение

Эденского Дома на новое рабочее место. В каждом случае он сам решает, какую из своих навигационных сущностей вывести в работу «наружного полукольца», в земную жизнь. Высшая душа вмещает посланца из Эдена в свою личнодуховную сторону и несет его по Пути жизни. При этом общедуховная сторона может уйти в тень или сотрудничать с эденским существом. Так или иначе, но человек с этих пор обретает и несет в себе сознание своей собственной одухотворенности. Обладая таким сознанием, прошедший личностное рождение человек становится способным узнавать и в душах других людей сродственный стиль одухотворенности. Люди, прошедшие личностное рождение, единичны и потому одиноки. В духовной одинокости личностно рожденный человек ищет людей того же, что и он, стиля одухотворенности, ждет вступить с ними в общение и находит или, вернее, угадывает их - чаще всего по книгам, среди давно умерших или далеко живущих от него людей. Эта выявленная в душевной практике острота сознания духовного сродства и есть первый и верный показатель состоявшегося личностного рождения.

Личностное рождение всегда предполагает служение. "Своя жизнь" для личностно рожденного (трехстадийного) человека это, прежде всего "свое служение" - не по очередной идее и не по веянию времени, а по найденному в себе, по узнанной глубинной душевной надобности, делающей сознательной назначающую волю вместе эденского и сторгического существа. Свойство идеального служения - еще один важный показатель состоявшегося личностного рождения.

"Своя жизнь" – это не жизнь эденского существа как такового и не жизнь высшей души самой по себе, а жизнь всего человека. С момента личностного рождения человек являет себя Лицом, помещенным в центр Структуры своего внутреннего мира.

На второй волне Пути жизни личная духовная жизнь и общедуховная жизнь не исключают друг друга и часто совмещаются. Та или иная общедуховная жизнь может быть очень близка и дорога человеку, поставленному в личной духовной жизни на Путь восхождения. Однако высшие субъекты общедуховной и личнодуховной жизни разные; различно и направление духовного развития. Но направления эти после личностного рождения еще отчетливо не расходятся.⁸⁵

После личностного рождения человек, вышедший в третью стадию жизни, впервые получает возможность идти по Пути в присутствии эденского существа, не особенно зная его и его нужды. Эденское существо в трехстадийном человеке признает его "своим" и начинает работать с ним - исподволь передавать ему "свою истину" и "свою жизнь", выковывать в нем его единственное, персоналистическое, неповторимое жизнесознание и мировоззрение.

Сторгическое существо, ставшее высшей душой в начале жизни, имеет не специальное, а общее задание от Общей души. Оно призвано для саморасширения в новом сторгическом существе и к большему наполнению всеобщедуховного сторгического поля жизни. Служение эденского существа это всегда служение своему Эденскому Дому. У Эденского Дома есть, видимо, типовые дела в земной жизни. Эденское существо получает от своего Дома некоторое задание на земную жизнь, соответствующее надобностям его роста или самосохранения. Это специальное задание включается в движение "своей жизни". Удача в образовании «своей жизни» зависит от исполнения поручения, принятого эденским существом. Особенно подчеркнем, что среди типовых заданий Эденского Дома может быть и специальное задание эденскому существу взрастить нечто важное для Общей души. Разумеется, задание такого рода не категорично и не выполнимо без сторгических дел, участия самой Общей

души и, главное, без решения свободной воли вышедшего в данную навигацию эденского существа или того, кто способен воздействовать на него.

При личностном рождении эденскому существу еще не назначена цель для дальнейшего восхождения. Эденское существо решилось выйти в навигацию, но окончательно не заложило на выбранного человека и не приняло к исполнению определенное задание от Эденского Дома. Это задание оно получит и примет позднее – на подъеме ли Пробуждения или на подъеме духовного рождения.

Для продолжения Пути, для его нового подъема, подъема Пробуждения нужно особое решение эденского существа (или его Эденского Дома?). Принимается это решение в "первой критической точке" Пути, на которой лет в 37 нормативно завершается сторгический уступ второй волны Пути. Сторгическое существо к этому времени должно быть создано и готово работать совместно с эденским существом.

Как принимается решение в первой критической точке – неведомо; этого, я думаю, узнать нельзя. Не исключено, что задача достижения высших ступеней Пути тут не ставится. Решается вопрос схождения с Пути после этой критической точки. Большинство личностно рожденных людей навсегда остаются трехстадийными людьми. Что, впрочем, достаточно высоко по меркам человеческой жизни.

Подъем третьей волны Пути - подъем Пробуждения. Это самый крутой подъем на Пути, на котором человек переживает максимальное ускорение духовного роста. Перед отвесной скалой подъема Пробуждения - в 39-42 года - останавливаются большинство тех, кто прошел личностное рождение. Да и для всех людей это всегда яркая пора жизни - по яркости ли процессов в сознании или обновленной и обостренной яркости чувств. Для идущего по Пути человека годы эти - время откровений и главных мыслей,

определяющих дальнейшую душевную и духовную жизнь.

Только теперь человек впервые подлинно осознает суетность своей жизни и земной человеческой жизни вообще. Он словно возносится на высокую скалу, оглядывается вокруг себя, на себя и стремится понять: где он и что с ним?

С момента личностного рождения, все четвертое десятилетие жизни человека эденское существо как бы находится в состоянии утробного развития. И выходит из него (как бы «рождается») в начале подъема Пробуждения. И тотчас впервые окунается своим разумом в земную жизнь. Идущий от эденского существа Свет Сознания заново озаряет жизнь на подъеме Пробуждения, вспыхивает так ярко, что человек по-новому зрит жизнь - зрит и ужасается на нее. Первое, что видит человек в полной яркости озаряющего Сознания, - это Тьма жизни. Откровения сорокалетнего путевого мужчины мучительны и трагедийны, они обращены к тайне Зла, его силе в Мире и, что надо отметить, обязательно находят свой ракурс взгляда на Зло и свою личностную тему его раскрытия. Эту точку на Пути мы называем точкой темного откровения (40 лет на нормативной кривой восхождения).

После состояния отчаяния и безысходности темного откровения и даже в результате его наступает светлое откровение, при котором человек в первый раз познает глубины своей души.

Для "познания себя" необходимо подлинное освещение – освещение Светом озаряющего Сознания. Только оно дает ясность взора. Но источник этого Света находится не в человеке, а в Эдене и в эденском существе. Ясность и яркость взора можно обрести только после. Лучи озаряющего Сознания многократно усиливают человеческие возможности постигновения своего внутреннего мира и дает взгляд, при котором только и могут ставиться основные вопросы человеческого существования.

В светлом откровении человек узнает, что в глубине его реально существует некто, кто не есть его душа сама по себе и к кому душа его способна быть только причастна. До светлого откровения это обстоятельство сколь угодно могло быть предметом умозрения, воображения или мистической интуиции. Но только здесь это узнается в прозрении. В силу этого прозрения человек сознает свою ответственность перед тем Существом, которое живет в нем. Духовная жизнь после светлого откровения – жизнь ответственная.

После тревог подъема Пробуждения, на уступе плато Пути наступает пора затишья, затишья в зрелости душевной. Вышедший на этот путевой уступ человек, несмотря на сознание своей высшей ответственности, стабилен и удовлетворен тем, что он есть и что есть в нем. Прекрасная пора для творчества! Кажется, что это ровное и глубокое течение жизни навсегда. Тут-то, в благодатную пору обладания полнотой душевных сил своих, мужчина незаметно для себя проходит то, что в учении о Пути мы назвали главным перевалом человеческой жизни. До этого он шел в гору, в жизнь и видел смерть где-то за горным перевалом. Теперь же он перешел рубеж и спускается с горы, сходит с жизни и видит смерть прямо перед собой, обретает ощущение своей смертности, ее законной, данной в самоощущении неизбежности, конечности своего срока жизни.

После 50 лет человек уже выходит из естественного пути жизни и входит в зону Пути, в которой оптимальное восхождение еще не установлено и в которой практически нет опорных точек. Кривая Пути восхождения человека пока размечена только наполовину. В путевом отношении человек как таковой не достиг такой зрелости, которая необходима для уверенного продвижения по духовному пути жизни.

«Вторая критическая точка» на кривой восхождения замечательна тем, что она делит всю дистанцию личного

духовного восхождения на размеченную и неразмеченную, только размечаемую. Именно здесь, лет в 50, человек окончательно определяет вектор своей духовной жизни: затухать ли ей, переключаться ли в Общую душу или далее восходить на Пути личной духовной жизни. Примечательно, что к этому времени приурочено угасание мужской сторгической воли, резкое ослабление которой началось в первой критической точке. Новые сторгические связи уже не образуются и сама способность к ним в значительной степени атрофирована.

С точки зрения Пути восхождения видно поразительное явление: явная преждевременность старения человека. Лишь к шестидесяти годам он становится на духовный путь жизни, то есть начинает жить настоящей духовной жизнью; но происходит это тогда, когда плоть, жизнь которой есть нечто постороннее для высшей души, уже отсчитывает человеку последние годы. Не может такого быть, чтобы смерть плоти обрывала только-только начавшуюся духовную жизнь, ради которой создан человек. Значит, субъект духовной жизни на Пути восхождения - эденское существо – проходит ряд навигаций земной жизни. Это не реинкарнация «животной личности», старение и смерть которой не преждевременна. Преждевременность земной смерти указывает на то, что для эденского существа назначена не одна навигация в высшей душе.

Новая навигация нужна эденскому существу для осуществления разного рода дел в человеке. Прежде всего – для достижения более высокой ступени Пути восхождения. Для этого-то эденскому существу необходимо начать сызнова и с иной нацеленностью. Каждый выход эденского существа в человека устремлен на свою путевую вершину и имеет свое место в ряду устремленности эденского существа на Пути восхождения. Не думаю, что имеется нацеленность на душевное рождение. Но есть исходная направленность на

установление связи эденского существа и сторгического существа в результате личностного рождения. И конечно, есть особая нацеленность на духовное рождение, на образование духовного Я. Есть у эденского существа и высшее предназначение, реализовываемое в его последней навигации. Последняя навигация не может быть сорвана человеком.

Нет сомнений в том, что эденское существо высшей души Льва Толстого вышло в последнюю навигацию земной жизни для достижения в ней высших ступеней общедуховной или личнодуховной жизни.

9(24)

Женщина, разумеется, не менее мужчины способна нести в себе эденское существо. Проходящее Путь эденское существо выходит в женскую душу столь же свободно, что и в мужскую. Путь восхождения у человека, женщина он или мужчина, один и тот же. Но кривая Пути жизни человека ориентирована не по хроносу, не по физическому времени, а в первом приближении по тому времени, в котором живет плоть, по плотскому времени. Уравнивание плотской жизни мужчины и женщины неправомерно. Ровесников мужчине и женщину нельзя сравнивать ни плотски, ни душевно. Они не сверстники. К тому же плотское время, в отличие от хроноса, течет неравномерно. Потрясения плоти (скажем, от болезни) и, следовательно, плотского времени неизбежны и нужны на Пути, как мужчины, так и женщины. Но у мужчины они одно из условий существования, "нормально" искажающих график его Путепрохождения. Для женщины же броски плотского времени /или их отсутствие/ - основа исчисления

расписания Пути, сам его график. По одному этому ясно, сколь сложно говорить о графике Пути жизни женщины.

В общем случае женщина, скажем, в 20 лет плотью прожила попросту больше, чем к этим годам прожил мужчина. Она старше его. У женщины иное плотское время, чем у мужчины, и оно не столь жестко и не столь линейно связано со временем физическим. График её Пути пластичен и в немалой степени зависит от процессов в её плоти: беременности, брачной жизни, развития чувственности и более всего, конечно, материнства. Есть отличие в самом течении плотского времени у замужней и незамужней, у рожавшей и воспитывающей детей женщины и у женщины не носившей, не рожавшей и не кормившей. У родивших в 15, 20, 30 лет течение плотского времени различно, женщина входит в беременность в одном возрасте плоти, рождает уже в другом, а кончает кормить грудью, наверное, в третьем. Никогда не знаешь и всегда страшно, какой она выйдет после родов, будет ли соответствовать себе, в чем и как. Роды для женщины, как правило, бросок из одного возраста в другой, и бросок, к которому она может быть душою готова или не готова.

Женщина, если психофизиологически она отреклась быть женщиной, способна идти по расписанию мужского Пути. И то с большими оговорками. Так, сторгический период мужчины, как мы уже говорили, длится лет 10, примерно с 27 - 28 до 37 - 38 лет. Чего не скажешь о женщине. Сторгическая воля женщины может быть реализована и в 50, и в 55 и даже в 60 лет. Сторгический период в жизни женщины длится лет 35-40 и может начинаться уже лет в 16. Это, правда, исключение. Большинство женщин готовы к сторгии только к 20 годам. Что все же на семь лет раньше, чем начинается сторгический период Пути мужчины.

Умозрительно говоря, плотское время женщины относительно физического времени идет быстрее, чем у

мужчины. И потому мужской график Пути женщины спрессован так, что ставит под вопрос саму возможность такого Путепрохождения. Женское душевное рождение – 13 лет, первая развилка - в 16, «низина» жизни лет в 18-20, начало второй путевой волны и личностное рождение – в 23-24 года. Никакой мужчина не выдержал бы такого темпа. На начало подъема Пробуждения обязательно сказывается сторгический сюжет жизни женщины. Темное откровение, если оно и бывает в женской жизни, то связано с ее сторгической жизнью, что, с одной стороны, более укореняет ее высшую душу в режиме личной духовной жизни, а с другой - делает неопределенной точку ее темного откровения на графике Пути. Третья стадия ее Пути совершенно размыта. Если первая критическая точка еще угадывается (к 30 годам), то вторая – совсем не видна. Сличение хода женского и мужского Пути жизни условно и непродуктивно.

Женский Путь восхождения и мужской Путь восхождения нельзя сравнивать и по другой, куда более веской причине: в мужской высшей душе и в женской высшей душе действуют разные эденские существа. Сторгические существа Общей души – бесполые. Иное дело эденские существа. Есть мужские эденские существа и есть женские эденские существа. Мужское эденское существо⁸⁶ призвано трудиться на Пути восхождения. Бывает, что в женскую душу вносится мужское эденское существо (как бывает и наоборот) и женщина принимается проходить Путь восхождения в мужском качестве, словно она мужчина. Но такой Путь, как и всякая духовная аномалия, склонен застревать или извращаться.

Женское эденское существо⁸⁷ призвано трудиться в другом, нежели мужское, роде Пути восхождения – в Сопутстве. Сопутство – не совокупность мужского и женского Пути и не приложение к мужскому Пути. Сопутство, по меньшей мере, равноценно, равносовершенно

и равнодостоинно Пути. Или выше его по духовному достоинству и по тем задачам, которые стоят перед ним.

Как мы говорим о «путевом» (или непутевом) мужчине, проходящем (или не проходящем) Путь восхождения, так мы можем говорить о «сопутевой» (или несопутевой) женщине, способной или не способной к Сопутству. Сопутство – двуединое духовное восхождения «путевого мужчины» и «сопутевой женщины». Сопутство в основном обеспечивается сопутевой женской душой. Об этом мы ниже будем говорить особо.

В значительной степени книга эта - о сторгии в тех видах, которые встречаются при изложении судьбы Льва Толстого. В предварительном порядке мы различим два типа сторгии: сторгию допутевую и сторгию путевую. К допутевой сторгии, принципиально говоря, способны все люди. Низшее состояние допутевой сторгии - допутевая «бытовая» сторгия. Она основана на сторгическом соприкосновении при постоянном присутствии одного человека в жизни другого, на продолжительной душевной и телесной близости друг к другу. Если не окончательно упущено время, отпущенное для сторгической самореализации, то благо сторгического соприкосновения того или иного рода доступно каждому. В сторгическом соприкосновении возникают разнообразные процессы, которые заполняют сторгическое поле жизненности, все-общедуховное или общедуховное. Сторгическое соприкосновение – еще не сторгия, а предварительный этап сторгического строительства, на котором застревает добрая половина человечества.

Сторгическое соприкосновение самопроизвольно. Для образования каждой последующей ступени сторгии должны быть приложены специальные и целенаправленные душевные усилия, тем большие, чем выше сторгия, ими создаваемая. Сформированное в сторгическом единении новое сторгическое существо возникает не само по себе, не по

натуральной необходимости, а в работе взаиможизни высших душ.

Высшее состояние допутевой сторгии достигается в процессе саморасширения сторгического узла до того предела, за которым сторгическое образование (узел или клетка в сторгическом поле жизненности) становится годным к принятию в себя эденского существа - несет в себе «место» эденского существа. Носитель «места» эденского существа склонен к душевному рождению, но восходить далее по Пути, стать двухстадийным человеком не способен. Одностадийные душевнорожденные люди выполняют сторгическую работу мощнее и продуктивнее, чем душевнонерожденные. Они свидетельствуют о наличии «эденских мест» в данной общности или Общей душе. Созданное в душевнорожденности новое сторгическое образование по мощи и полноте жизненности отличается от сторгического образования, порожденного душевнонерожденными людьми. Это высший род допутевой сторгии, сторгии уже предпутевой.

Выходить или не выходить в навигацию земной жизни, когда и в кого выходить, решает (при обязательном наличии «эденского места») само эденское существо и решает в своих целях. И все же недаром оно включается в высшую душу при личностном рождении мужчины, совпадающем с началом его сторгического периода. При нормальном Путепрохождении эденское существо участвует в зарождении нового сторгического существа и далее работает вместе с ним. Для описания совместного действия эденского существа в высшей душе человека или эденского и сторгического существ отчасти подходит с древности применявшийся к внутридушевной жизни образ всадника на лошади. Важно как взаимодействие всадника (эденского существа) и лошади (сторгического существа), так и глубина взаимодействия высших душ, порождающих сторгическое существо.

Строптивая лошадь сторгического существа способна не желать следовать поводам эденского существа. Но при достаточной глубине и полноте взаимодействия сторгических волей высших душ сторгическое существо не может не служить Пути восхождения эденского существа и становится необходимой ему. Вместе с этим и сторгическое существо получает от эденского существа не только направление развития, но и большую полноту и зрелость. Это и есть путевая сторгия - Сопутство. Сопутство резко увеличивает земные возможности эденского существа, делает его работу более напряженной и продуктивной.

В путевой сторгии участвуют двое. Один (обычно мужчина) является носителем эденского существа и проходит Путь восхождения. Другой (обычно женщина) осуществляет многообразные сопутевые функции. Но не только. В путевой сторгии возникает особый и отличный от Пути восхождения род духовного роста и восхождения двух сторгически связанных людей – вместе и всадника и лошади – восхождение в Сопутстве. Для Сопутства необходимы, с одной стороны, прошедший личностное рождение и далее активно восходящий мужчина – путевой мужчина и, с другой стороны, способная к Сопутству женщина – сопутевая женщина. Это совершенно особенный тип женской одухотворенности.

Всякая нормальная женская душа стремится к сторгическому единению с мужчиной. Но большинство женщин не годны для путевой сторгии, не способны на Сопутство. Есть среди них и антисопутевые женщины, пригодные к допутевой сторгии, но активно и агрессивно противящиеся сопутевым посягательствам мужской души. Они не переносят всадника на себе, брыкаются, сбрасывают его. Попасть на антисопутевую женщину – беда восходящего мужского духа. Кроме прохождения Пути у мужчины есть другая настоятельная духовная задача, связанная с

осуществленным Сопутством. Драматизм духовной жизни мужчины усугубляется его полной невозможностью самому и по своей воле создавать Сопутство. Мужской дух стремится свить гнездо в женской душе, но сделать это не может, пока на то не будет санкции ее духа. Когда мужская душа становится зависимой от антисопутевой женской души, то неизбежно возникает ситуация, серьезно угрожающая его Путепрохождению.

Сопутевой женщиной надо родиться и затем стать ею.

Это особая участь и особый процесс духовной жизни женщины.

На определенном этапе сторгического строительства зрелый мужской дух предлагает себя женской душе и ждет отклика. Не он ее, а она берет мужской дух в Сопутство. Она же и осуществляет Сопутство и за него ответственна. И сама постановляет, в какой степени Сопутства надлежит ей быть с ним. Эденское существо в мужской душе по большей части само решает, быть или не быть следующему этапу Пути. Но не его эденское существо решает, вызреть или не вызреть ему в недрах женской души. Женская одухотворенность сама становится эденское существо мужчины в своем лоне. Но прежде, правда, нуждается в духовном оплодотворении мужчиной. Драматизм личной духовной жизни женщины это драматизм зависимости духовно более автономного женского существа от духовно менее автономного мужского существа.

Сопутевая жизнь так же многообразна, как и любого рода сторгическая взаиможизнь. Женская душа в Сопутстве сторгически подключается к мужской душе и заодно с ней проходит его Путь. В сопутевом единении есть свои стадии и вершины, достигаемые во взаимоодушевлении и взаимоодухотворении мужской и женской души. Их свитость в Сопутстве сама обладает пробойной путевой мощью. Восхождение на Пути жизни несомненно рассчитано на дополнительную путеносную мощь свитости душ в Сопутстве. Без непосредственного участия женской одухотворенности мужской Путь однокбок, ослаблен и, как правило, неудачен.

Мужское начало в Сопутстве указывает женскому началу, что ему делать в жизни. Сопутство воспитывает в женщине душевную потребность, в силу которой она склонна внедрять (нередко прямолинейно) в практику жизни все то, что возвещает ей (не ей лично, так - всем) мужской дух.

В Сопутстве участвует одно эденское существо – как правило мужское, на котором и выставлено ударение сторгического взаимодействия. Но возможно и другое Сопутство, когда не только мужская, но и женская высшая душа несет в себе женское эденское существо. Тогда параллельность и взаимодействие Пути и Сопутства осуществляют два эденских существа, мужское и женское. Их свитость есть высший род сторгии. Следует различать Сопутство, в котором участвует одно мужское эденское существо, и земное Сопутство эденских существ, Сопутство эденской сторгии или эденскую сторгию.

Путевая сторгия и ее Сопутство – метафизичны. Сопутство эденской сторгии и ее результат – мистичны. На вершине эденской сторгии земной жизни добывается мистический результат для глубин сверхземной жизни.

Рождение сторгического существа – первейший и главнейший акт, жизненно необходимый для Общей души и ее общедуховного пласта. Свитость мужской эденской души и женской эденской души - иное и куда более высокое образование, чем общедуховная сторгия. В Сопутстве эденских существ образуется их двуединство, а не новое сторгическое существо. Вернее, и оно образуется, но не как результат эденской сторгии, а как побочный результат, как результат взаимодействия высших душ, столь важный для Общей души; или, быть может, как предварительный и промежуточный этап строительства Сопутства эденской сторгии. Двуединство эденской сторгии имеет сверхчеловеческие задачи. Оно рождает не в земной Обители. Мы еще будем иметь случай сказать об этом.

Сопутство любого вида - высочайшее благо, даваемое свыше и эденскому существу и человеку. Сопутство - Божья милость. Нужно особое благословение, чтобы найти спутевого ближнего и войти с ним в Сопутство.

Путь и Сопутство венчаются разными вершинами. И в присутствии эденского существа высшая душа может по каким-либо причинам не производить сторгическую работу или потерпеть неудачу в ней. Тогда эденское существо совершает полукруг земной жизни и возвращается в Эден, проходя одиночный Путь восхождения. Одиночный Путь восхождения – восхождение мужского (реже, женского) одинокого эденского существа, самого по себе стремящегося к своей вершине. Сопутство – и особый род Пути восхождения женского эденского существа, и высшей род сторгии. На этой вершине – вся полнота единения двух эденских существ, мужского и женского.

Без могучей сторгической поддержки одиночный Путь восхождения становится делом весьма и весьма рискованным. Хотя впечатление такое, что кто-то свыше вынуждает человека совершать почти непроходимый одиночный Путь. Множество неудачных попыток такого Путепрохождения только указывает, насколько величественно достижение его вершины. Может показаться, что Толстой неожиданно и поспешно покинул поприще личной духовной жизни для другого духовного поприща. На самом деле Толстой до конца дней оставался верен движениям личной духовной жизни и ее принципам. Переход на вселенскую духовную жизнь совершен им не по необходимости, продиктованной расписанием Пути восхождения, а в результате неудачи личной духовной сторгии.

На восьмом десятилетии жизни Толстой сменил ход своей духовной жизни и взял курс к вершинам вселенской духовной жизни, находящимся вне человеческой жизни как таковой. Я думаю, что такой поворот неизбежен для одиночного Пути восхождения; верха, достигнутые в лоне вселенской жизни, закономерны для Путепрохождения, совершаемого в одиночку. Сторгическая любовь к Богу –

абсолютная вершина Пути восхождения личной духовной жизни, не поддержанной созданным вместе с другим человеком сторгическим существом. То обстоятельство, что Толстой на поприще вселенской духовной жизни явил (хотя и по-своему) то, что не раз было явлено человечеству до него, с одной стороны, показывает, насколько одиночный Путь восхождения свойственен состоянию духовного развития человечества, а с другой, - указывает на неудачи в метафизической биографии Льва Толстого.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕХИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

(до начала 80-х годов)

«Жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь»(60.293).

1.(25)

Сторгическое существо, возникшее от двух высших душ, и эденское существо, спущенное в высшую душу, в Сопутстве слиты вместе, неразлучны. И посмертная участь их совместная. Если, оставаясь в Сопутстве, эденское существо мужчины, восходя на Пути, становится Птицей Небесной и выходит из этой жизни, то и рожденное в Сопутстве сторгическое существо переходит в Эден вместе с ним и вводится в состав Эденского Дома. Таков эденский результат Сопутства. Но рождение Птицы Небесной – феноменальный эпизод в человечестве. Мало кто дотягивает на Пути и до подъема духовного рождения. Обычно путевой человек застревает где-то на третьей волне Пути. И тут в Сопутстве возможен как

эденский, так и общедуховный исход. Сторгическое существо по своей природе стремится в Общую душу, эденское существо по своей природе – в Эден. Если скакун сторгического существа сам вынесет своего всадника в общедуховность, то они и окажутся вместе в Общей душе.

Что делать существу другого мира, эденскому существу, в человеческой общедушевности? Нельзя сказать, что личная духовная жизнь всегда имеет отношение только к Эдену, а общедуховная – только к Общей душе. Некоторые пласты, инстанции или личности мира Эдена связаны не только с личнодуховной стороной человека, но и его Общей душой. Эденское существо, попав в Общую душу, становится ее духом-путеводителем, заключающим в себе глубинную мистику Общей души, и, видимо, осуществляет ее связь с Эденом. Этот дух-путеводитель, обладающий некоторой властью в Общей душе, мы в книге об Общей душе называли Саром. Ивритское «Сар» соответствует «Престолу» первого ряда христианской ангелологии, хотя Сара, скорее, следует сопоставить «Властям» второго ангельского ряда.

Сар - самостоятельное, самобытийственное, бестелесное духовное существо, заключенное в метаматериальные пределы отделенности. Сар – всечеловеческое духовное существо в составе Сына человеческого. И вместе с тем Сар – та инстанция, которая принуждает высвободившееся по смерти одного человека сторгическое образование вновь и незамедлительно становится высшей душой другого человека, прибывшей от той же Общей души, в которой работает этот Сар. В этом смысле Сар есть организатор Общей души. Без его санкции ни одно сторгическое образование не становится общедуховной стороной высшей души человека.⁸⁸ Сар в этом смысле формирует Общую душу.

Сары структурируют создаваемое жизнедеятельностью человека всечеловеческое пространство сторгической жизненности, т.е. образуют конституционный стержень той или иной Общей души. Присутствие Саров отличает Общую душу от совместного проживания людских душ иного рода. Укоренившись в Общей душе, Сары устанавливают внутреннее направление ее развития и ее задачу в составе человечества. Они определяют особый склад Общей души, по которому она воспринимает свою грань религиозной Истины и имеет свое видение реальности. Они суть вершины и вместе корни души народа.

Сар вытруживается эденскими существами в личной духовной жизни и отсюда переносится на сторгической тяге в недра Общей души. Через Сара

Общие души сообщаются с Миром Эдена и в состоянии обслуживать его. Это означает, что между Общей душой и определенными Эденскими Домами по крайней мере существует соответствие.

Человек знает (чувствует и сознает) Сара по типу общедуховности, к которому он принадлежит - по стилю принятия в себя общедушевной Истины, по характеру работы Совести в душе, по переживанию Веры и Любви, по своему идеалочувствованию, по своеобразию хода своего общедуховного развития, короче, по особости своего одухотворения в общедуховной жизни. Сар переживается духовной ответственностью за каждую минуту своей жизни, за каждую мысль, чувство, слово, поступок. Такая же ответственность за свою жизнь, но перед самими собой (перед своим эденским существом), есть и в личной духовной жизни. Но в Общей душе люди одного и того же стиля переживания духовной ответственности чувствуют друг друга «ближними по Сару». Духовно ближними в Общей душе вообще чувствуют все люди, объединенные одним и тем же образом одухотворенности общедушевной стороны внутреннего мира. Общая душа индивидуальна по набору Саров и по тому особенному, только ей присущему чувству ближнего, которое составляет основу ее интердушевного единства и которое выковывают в ней весь набор ее Саров.

Теоретически говоря, вся Общая душа и все ее Сары присутствуют в общедушевной стороне каждого человека, вовлеченного в данную Общую душу. Фактически же одни люди крайне слабо чувствуют их присутствие, а другие испытывают влияние одного какого-то Сара. Первые практически неспособны на духовную жизнь, в том числе и на жизнь общедуховную, вторые годны для общедуховной жизни, имея свой особый стиль одухотворенности - тот стиль одухотворенности, который сообщает отдельной человеческой душе определенный Сар. Всякий стиль одухотворенности в Общей душе создается Саром и определяет его лик. Люди одного и того же стиля одухотворенности составляют ареал Сара по всему человечеству.

На практике у каждой Общей души есть свои – русские, французские, еврейские, китайские – родственные стили одухотворенности. Однако людей одного и того же стиля одухотворенности можно встретить где угодно. Ареал Сара размещен не в одной Общей душе, но распространяется на другие Общие души и даже на все-общедуховное пространство Сына

человеческого. Есть Сары, создающие в человечестве некоторую духовную семью, включающую в себя людей разных народов и исторических эпох, принадлежащих к разным культурам, к разным психофизиологическим типам, разным вероисповеданиям и прочее, - но объединенных общим для всех образом одухотворенности, родом рабочего укоренения во всеобщедуховных сферах. Такие люди, очно не зная друг друга, сообщены через одного и того же Сара, входят в орбиту его влияния и развиваются под его влиянием.

Сар - как тип одухотворенности человека или как людская общедуховная семья - фундаментальное качество целостной души человека. Как найти, различить и определить это качество? Я думаю, что систематизировать Саров легче всего, изучив виды святости человечества - общепризнанные и малопризнанные, признанные отдельными людьми и те, которые еще ясно не обозначили себя в мире людей. Толстой свят своею святостью, в чем-то похожей, а в чем-то никак не похожей на другие виды святости. Он являет новый вид святости, указывающий на него, как на потенциального носителя нового Сара русской Общей души.

Высшая душа, вынесенная из Общей души вскоре после рождения человека, это своего рода промежуточное звено между высшим пластом Общей души и исполняющей волей человека. Таковой она может сохраниться до конца дней. Но иногда в конце второго семилетия жизни высшая душа вдруг слышит призывный эденский голос, вдохновляется этим зовом, высвобождается из-под диктата Общей души, взводится на личную духовную жизнь и оказывается двухстадийным существом, то есть существом, прошедшим своего рода утробное развитие, пережившим душевное рождение и продолжающим самостоятельную жизнь. Чтобы стать трехстадийным существом, необходимо, чтобы в высшей душе объявилось эденское существо. Большинство душевнорожденных людей, услышавших в ранней юности глас Эдена, так никогда и не узнают присутствие эденского существа в себе, не пройдут личностное рождение.

Эденское существо, оказавшееся в высшей душе человека после личностного рождения, еще плавает по ее поверхности, пытается сконцентрировать на себя всю личностную жизнь человека. Это - предварительный этап его жизни, еще не нацеленный на исполнение задания,

которое будет им получено от Эденского Дома. Без определенного назначения эденское существо не задействуется в человеке, навигационный выбор которого должен соответствовать этому назначению. Узнать о нем эденское существо может не сразу и не вполне, во всяком случае, активно начинает готовиться к исполнению задания только после подъема Пробуждения (пробуждения к активной жизни), а приступает к исполнению после духовного рождения, когда входит в зрелый возраст и становится духовным Я.

Таким образом, весь путевой уступ «своей жизни», специально предназначенный для сторгических дел, путевой мужчина проживает тогда, когда эденское существо недостаточно активно участвует в его духовной работе. Сторгия осуществляется не эденским существом и почти без непосредственного его влияния. В сторгическом единении участвуют высшие души людей, некогда высеянные из общедуховного поля в личнодуховную сторону высшей души. Но результат сторгического взаимодействия высших душ – новое сторгическое существо – совмещается с эденским существом, образует целое с ним и в этой целостности выносятся в Эден.

Исключение одно: когда эденское существо предназначено для восседания в Общей душе, получило задание стать новым Саром и способно стать им. Есть особый род Сопутства – Сопутство нового Сара, Сопутство для зарождения нового Сара и вхождения его в Общую душу. Такое Сопутство мы назовем Сопутством Сара.

Путь к новому Сару – ход элитарной духовной жизни единичной души, нацеленной на вхождение в состав общедуховной жизни. Путь этот неизбежно разнится от нацеленного обратно в Эден Пути восхождения личной духовной жизни. Но в отличие от последнего Путь Сара проходим до конца в течение одной навигации земной жизни. Новый Сар являет себя в земной жизни редко. Никто из имеющих власть не ждет его. И не встречает. Сар поневоле посещает нас, людей, инкогнито. Кое-когда, правда, бывает иначе.

Трудно допустить, что способность к зарождению нового Сара может быть заметна у юноши уже после душевного рождения, но она может стать видимой после личностного рождения. В общедуховной жизни после личностного рождения такому человеку открывается прямая дорога стать новым Саром. Люди могут узнать нового Сара по конкретно осуществленному новому образу святости и вероисповедальности, тому

образу, в котором они и чтят всякого Сара Общей души. Человек, родивший нового Сара в себе, обладает огромной духовной властью, но не потому, что сделал карьеру и добрался до вершин церковной иерархии, не по статусу в религиозной сплоченности, а потому, что он есть еще неведомое, свежее выражение мощи духовной Власти, возбуждающей людей на радостное и добровольное послушание себе в общедуховном делании. В этом послушании нет ничего от интерпсихического подчинения сильной воле другого человека. Это есть самоотреченное служение прирожденному духовному лидеру - тому, кто с очевидностью несет в себе чувство жизни Сара как такового, духовную Власть. Конечно, такой человек становится и мощным общедушевым излучателем Веры – редко когда признаваемой действующими адептами.

Другой вопрос – как понимать «выход» уже существующего в Общей душе Сара в отдельную высшую душу. В прямом смысле говорить о навигации Сара в человека вряд ли верно. Общая душа существует не в «междушевно» пространстве (и вообще не в каком-либо пространстве), а в составе внутреннего мира каждого человека, который входит своей общедушевной и общедуховной стороной в Общую душу. В каждом есть всё, что есть в наличии в Общей душе, в том числе и все ее Сары. И все же одни люди – не более, чем своеобразные, но вполне безличностные ячейки Общей души, а другие несут в себе Сара - некоторое персоналистическое начало, укорененное в Общей душе. Работающий во всей Общей душе Сар особо высвечен и сам работает в людях, которые находятся не только под воздействием Общей души, но под властью того Сара, которого они являют.

Однако: что делать Сару в человеке и зачем человек нужен ему?

Бывает, наверное, по-разному. Нас здесь интересует только тот необыкновенный случай, когда в общедуховности высшей души человека действует Сар, а в личнодуховную ее сторону вышло в навигацию эденское существо. Такая встреча в случае противостояния их ничего хорошего эденскому существу не сулит. В борьбе Сара и эденского существа всегда побеждает Сар, имеющий возможность подавить эденское существо тогда, когда оно еще не вошло в силу. Это особый род духовной драмы человека, и мы касаться ее не будем.

Когда между Саром и эденским существом в одной душе нет противоборства, то их встреча означает то, что Общая душа активно ждет появление именно этого эденского существа – призывает его к себе. В таком случае Сар со своей общедуховной стороны пестует эденское существо в личнодуховной стороне человека. Сар тут существо родопринимающее, воспитывающее (с известной целью и в известном направлении) и, может быть, препровождающее эденское существо на его новый престол в Общей душе.

Сара можно представить «престолом» Эдена в Общей душе, предназначенным для установления в ней власти определенного Эденского Дома. Для осуществления власти Эдена Сар и идет навстречу эденскому существу в человеке. Такой Сар готов встретить эденское существо и указать ему на его личностное властное место в Общей душе. Но сам не может перевести его сюда. Для этого эденскому существу нужно сторгическое существо, порожденное в сторгическом росте, в Сопутстве Сара двух душ.

Присутствие общедуховного Сара в личнодуховной жизни персоналистически укореняет сторгическое существо. Как таковое сторгическое существо обладает своим чувством жизни и своим сознанием жизни. Теперь это чувство и сознание жизни становится чувством и сознанием Сара в сторгическом существе, его двумя крылами, осуществляющими взлет и полет этого пегаса из отдельной высшей души в Общую душу. Если сторгическая связь не того качества, которое нужно Сару, или она разорвалась, то Сар бессилен выполнять ту задачу, ради которой он вышел навстречу эденскому существу. Такого рода незримая духовная драма и произошла в жизни Льва Николаевича.

2(26)

Толстой говорил, что у него культ маменьки, которая умерла, когда ему было года два. В старости он без слез не мог говорить о ней и, гуляя

каждое утро, всегда вспоминал о матери (см. 56.133), знал все любимые ее места в яснополянском парке и восстанавливал их такими, какими они были при жизни матери. «Да, да, маменька, которую я никогда не называл, еще не умея говорить. Да, она, высшее мое представление о чистой любви – но не холодной Божеской, а земной, теплой, материнской. К этой тянулась моя лучшая, уставшая душа»(55.374 – 1906 год).

«По странной случайности не осталось ни одного ее портрета, - пишет Толстой в «Воспоминаниях» (34.345-393), - так что как реальное физическое существо я не могу себе представить ее. Я отчасти рад этому, потому что в представлении моем о ней есть только ее духовный облик, и всё, что я знаю о ней, всё прекрасно, и я думаю - не оттого только, что все, говорившие мне про мою мать, старались говорить о ней только хорошее, но потому, что действительно в ней было очень много этого хорошего».

Юная княжна Мария Волконская пережила драму, которая определила ее жизнь. Она с детства была обручена, но жених ее умер прямо перед свадьбой. Толстой полагал, что «любовь к умершему жениху, именно вследствие того, что она кончилась смертью, была той поэтической любовью, которую девушки испытывают только один раз». Замуж она вышла через 15 лет и не по любви. «Думаю, что мать любила моего отца, но больше как мужа и, главное, отца своих детей, но не была влюблена в него. Настоящие же ее любви, как я понимаю, были три или, может быть, четыре: любовь к умершему жениху, потом страстная дружба с компаньонкой француженкой ... Третье сильное, едва ли не самое страстное чувство было ее любовь к старшему брату Коко... Четвертое сильное чувство, которое, может быть, было, как мне говорили тетушки, и которое я так желал, чтобы было, была любовь ко мне, заменившая любовь к Коко, во время моего рождения уже отлепившегося от матери и поступившего в мужские руки. Ей необходимо было любить не себя, и одна любовь сменялась другой.⁸⁹ Таков был духовный облик моей матери в моем представлении. Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне».

В перечне сильных чувств матери Толстой упустил ее любовь к отцу, к князю Николаю Волконскому. Н.Н.Гусев читал ее письма и ее дневник. Вот что он сообщает:

«Весь дневник с первой страницы до последней проникнут чувством беспредельной преданности отцу и непоколебимой верой в его авторитет. Никакой розни в мирозерцании между отцом и дочерью, как мы это видим в «Войне и мире» (например в религиозных вопросах), в дневнике Марии Николаевны незаметно».

Н.Н.Гусев предполагал, что Мария Николаевна многие годы не выходила замуж из-за «нежелания оставлять старого и горячо любимого отца».⁹⁰ В жизни своей, судя по всему, она руководствовалась разумом своего отца, а не разумом Христа, как княжна Марья в «Войне и мире». Во всяком случае в тетради ее изречений переписаны не выдержки из Нагорной проповеди, а умные фразы из модных французских сочинений. Детей своих Мария Николаевна старалась воспитывать по образцу воспитания, которое получила сама. В сравнении с княжной Марией Болконской княжна Мария Волконская, по заключению Н.Н. Гусева, «больше жила реальной, окружающей ее жизнью». И даже с некоторым знанием дела занималась хозяйством. Она была очень хорошо образованной и высоконравственной женщиной. Но была ли она такой, какой воспринимал ее Лев Николаевич? Почему мать представлялась Льву Толстому не столько земной женщиной, сколько «чистым духовным существом»? В каком значении она оставалась для него «святым идеалом» (56.134), родоначальником и покровителем его духовной жизни? Есть ли основания для такого взгляда?

Мне долгое время казалось, что Толстой так чтит старшего брата Николая потому, что в детстве он заменял ему рано умершего отца. Теперь я начинаю понимать, что в духовном образе брата Николая Толстой воочию видел мать.

«У меня осталось несколько писем ее к моему отцу и другим теткам и дневник поведения Николеньки (старшего брата), которому было 6 лет, когда она умерла, и который, я думаю, был более всех похож на нее. У них обоих было очень мне милое свойство характера, которое я предполагаю по письмам матери, но которое я знал у брата - равнодушие к суждениям людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть те умственные, образовательные и нравственные преимущества, которые они имели перед другими людьми. Они как будто стыдились этих преимуществ. В брате, про которого Тургенев очень верно сказал, что у него не было тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть большим писателем, — я хорошо знал это. Ту же черту я замечаю в письмах матери. Она, очевидно, духовно была выше отца и его семьи, за исключением нечто Татьяны Александровны Ергольской, с которой я прожил половину своей жизни и которая была замечательная по нравственным качествам женщина. Кроме того, у обоих была еще другая черта, обуславливающая, я думаю, и их равнодушие к суждению людей, - это то, что они никогда, именно никогда никого, - это я уже верно знаю про брата, с которым прожил половину жизни, - никогда никого не осуждали. Наиболее резкое выражение отрицательного отношения к человеку выражалось у брата тонким, добродушным юмором и такою же улыбкой. То же самое я вижу по письмам моей матери и слышал от тех, которые знали ее.

В житиях Дмитрия Ростовского есть одно, которое меня всегда очень трогало, - это коротенькое житие одного монаха, имевшего, заведомо всей

братии, много недостатков и, несмотря на то, явившегося в сновидении старцу среди святых в самом лучшем месте рая. Удивленный старец спросил: чем заслужил этот невоздержанный во многом монах такую награду? Ему отвечали: «Он никогда не осудил никого». Если бы были такие награды, я думаю, что мой брат⁹¹ и моя мать получили бы их. Еще третья черта, выделявшая мать из ее среды, была правдивость и простота ее тона в письмах...»

Николай Николаевич был всего на 5 лет старше Льва и на 4 года Дмитрия, но младшие братья в первой молодости обращались к нему на «вы». «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек», - вспоминает в старости Толстой и продолжает: «Так вот он-то, когда нам с братьями было — мне 5, Митиньке 6, Сереже 7 лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья)».

Эти глубокие «сказки» Николай рассказывал братьям, когда ему самому было лет девять. Не слишком ли рано для столь яркого переживания идеала братства людей? И сам ли он их придумал или мать года два назад так умело приспособила их к детскому восприятию, специально переименовав моравских братьев в «муравейных»? Это так похоже на «сказочницу»⁹² Марию Николаевну.

«Расскажу только про одно душевное состояние, - продолжает Толстой вспоминать о брате, - которое я испытал несколько раз в первом детстве и которое, я думаю, было важно, важнее многих и многих чувств, испытанных после. Важно оно было потому, что это состояние было первым опытом любви, не любви к кому-нибудь, а любви к любви, любви к Богу, чувство, которое я впоследствии только редко испытывал; редко, но все-таки испытывал, благодаря тому, я думаю, что след этот был проложен в первом детстве. Выражалось это чувство вот как: Мы, в особенности я с Митинькой и девочками, садились под стулья как можно теснее друг к другу. Стулья эти завешивали платками, загораживали подушками и говорили, что мы муравейные братья, и при этом испытывали особенную нежность друг к другу. Иногда эта нежность переходила в ласку, гладить друг друга, прижиматься друг к другу. Но это было редко. И мы сами чувствовали, что это не то, и тотчас же останавливались. Быть

муравейными братьями, как мы называли это..., значило только завеситься от всех, отделиться от *всех и всего* и любить друг друга. Иногда мы под стульями разговаривали о том, что и кого кто любит, что нужно для счастья, как мы будем жить и всех любить... Мы называли это игрой, а между тем всё на свете игра, кроме этого... Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешенными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить всё зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

«Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня».

Истории с «муравейными братьями» и «зеленой палочкой» в сознании Толстого остались навсегда и навсегда совместились с духовным обликом брата. Впечатление такое, что Николай Николаевич принес брату Льву его Веру и тот был до конца дней благодарен ему за это.

Нет сомнений, что духовный облик матери унаследовал и внешне очень на нее похожий сын Николай Николаевич. Так считал Толстой, так можно понять и по другим источникам⁹³. Их духовный облик много раз воспроизводился Толстым, от капитана Хлопова («Набег»), солдата Бондарчика («Как умирают русские солдаты»), ямщика в «Три смерти» и до капитана Тушина, Каратаева и Кутузова.

В силу тенденции душевного наследования, о которой мы будем говорить ниже, Мария Николаевна Толстая передала детям – Николаю и Льву⁹⁴ – свойство духовного притяжения к тому Сару русской Общей души, в поле тяготения которого жила она сама. Николай Толстой в полноте являл этого Сара в себе. Лев Толстой по большей части вдохновлялся им. И это его вдохновение материнской общедуховностью пришло в него не непосредственно от матери, а через брата Николая.

Сар укоренен в Общей душе, существует в глубинах ее и сам не часто выходит наружу, являет себя в людях. Сар создает определенный стиль общедуховности и образ одухотворенности в Общей душе. Это не совсем одно и то же. Создаваемый Саром стиль одухотворенности широко распространен в Общей душе; к нему более или менее принадлежат многие люди, составляющие ареал Сара. Образ же одухотворенности Сара не создается, а наличествует; и проявляется некоторыми редкими людьми. Среди этих последних есть такие, которые являют полное и мощнейшее олицетворение одухотворенности Сара. Сар словно вселяется в такого человека, вполне выражает себя через него.

Старший брат Льва Николаевича граф Николай Николаевич Толстой ярко воплощал один из образов одухотворенности русской Общей души и жил в соответствии с ним. Сара брата Николая Лев Николаевич переживал духом скромности, «простоты и правды». Он сам принадлежал к ареалу этого Сара, был причастен его стилю одухотворенности, любил и ценил, когда встречал его в людях, проникновенно живописал их, но сам далеко не всегда чувствовал действие этого Сара в себе, хотя и пытался следовать ему в жизни. Сар Марии Николаевны и брата Николая был для Льва Николаевича центром общедуховного притяжения, к которому определенно сдвигалась его внутренняя жизнь.

В черновиках «Войны и мира» артиллерийский штабс-капитан Тушин богат («у него была тысяча с лишним душ вместе с двумя братьями»), европейски воспитан французом гувернером, высокообразован и «находился в несравненно высшем общественном положении, чем большинство офицеров и пехотных и артиллерийских, среди которых он жил». Однако, добавляет автор, «он незаметно для себя так скрывал это превосходство, что не только не возбуждал зависти, но находился со всеми в самых товарищеских отношениях». Офицеры часто приходили к нему за помощью, советом, с вопросом, а то и просто «поесть и выпить». Это черты Николая Толстого, который тоже «со всеми был одинаков, с полковниками и юнкерами». И не потому, что умел ясно «отличать действительную сущность от ее эфемерной оболочки» и оттого «с одинаковой иронией смотрел и на высший и на низший слой кавказской жизни», как представлялось Фету⁹⁵, а потому, что его Сар не допускал иного отношения к людям. Он побуждал Николая Николаевича жить в слитности с окружающими людьми, не выказывая при этом никакой

специальной деятельности «на благо народа» (вернее, своих крепостных крестьян, как по молодости одно время старались его братья Дмитрий и Лев). Душа Николая Николаевича не нуждалась в подтверждениях внешней деятельностью.

В отличие от брата Льва, Николай Николаевич не чувствовал в себе высокого предназначения, не искал в чем оно, не ожидал много от себя и не ставил себе целей в жизни. Прожив с ним долгое время на Кавказе, Льва Николаевича стало раздражать не только то, что Николай Николаевич много играл в карты, постоянно участвовал в офицерских попойках, не проявлял разборчивости в выборе друзей, но и не имел потребности в разумной и полезной деятельности и жил в праздности. «В нем страннее всего то, что большой ум и доброе сердце не произвели ничего доброго. Недостает какой-то связи между двумя этими качествами», - записал Толстой 13 ноября 1851 года в Дневнике.⁹⁶

В самом стремлении взлететь (духом ли, гением ли) Николай Николаевичу виделось что-то претензионное, что-то не показанное его внутреннему миру, ему чуждое. Он душевно отодвинулся от младшего брата как раз тогда, когда Лев Николаевич начал реализовывать то, что в нем было заложено, - когда опубликовал «Детство» и эта повесть стала пользоваться успехом в обществе. Сама по себе активность самореализации в родном брате была настолько далека от Николая Николаевича, что Лев Николаевич счел даже, что он разлюбил его. «Николенька очень огорчает; он не любит и не понимает меня» - пишет Толстой в Дневнике. Через год между братьями наступило охлаждение.⁹⁷ В полной мере прежние отношения между ними восстановились незадолго перед смертью Николая Толстого. Бюст его Лев Николаевич всегда держал в своем яснополянском кабинете.

Николай Николаевич Толстой - человек общедуховной жизни. Он воочию являл в себе того Сара, который брат Лев лишь чувствовал в себе. И все же они были общедуховно чрезвычайно близкими людьми. Нельзя сказать, что Сар брата Николая бездействовал в душе брата Льва. Он, во-первых, определял общедуховные ценности Льва Толстого, служил мерилom этих ценностей и, во-вторых, накрепко привязывал его к русской Общей душе, заставлял его в своей внутренней работе и внешней деятельности делать крен

из личной духовной и душевной жизни в жизнь общедушевную и общедуховную. Тот Сар, который определял духовную жизнь Николая Николаевича, был представлен в общедуховном строе высшей души Льва Николаевича и ждал нового Сара.

3(27)

Есть люди, которые и в погибели остаются «живыми». Главная черта таких людей, определяющая работу их душ и их личную одухотворенность, - чистота души. Но не та чистота духа, которая достигается действием очищения, преодолением прельщения или антикармическими духовными усилиями. Это та «Божественная чистота», с которой, как много раз говорил Толстой, человек был прежде, чем родился, и с которой он рождается на свет. Редчайшие из нас сохраняют что-то от изначальной детской чистоты души. В последние десятилетия жизни Толстой особенно ценил и любил таких людей, которые, видимо, представлялись ему избранниками Божьими.

Плотские силы в избранниках духовной чистоты бушуют обычно не слишком сильно. Таков был Толстой. Но есть и другие, наделенные могучими силами чувствилища плоти, противостоять которым даже им не в подъем трудно. Это всегда фигуры трагические. Им на земле уготованы муки. Людей таких совсем немного. Можно подумать, что наша земная Обитель не предназначена для их духовной работы.

Чистота души уходит куда-то вместе с детством и опять возвращается в человека при душевном рождении, но уже в качестве чистоты духа. Духовная чистота - свойство, вносимое эденским существом в душу человека. Поэтому до душевного рождения люди духовной чистоты мало проявляют себя. И брат Льва Николаевича Дмитрий Толстой «рос незаметно, мало общаясь с людьми, всегда, кроме как в минуты гнева, тихий, серьезный, с задумчивыми, строгими, большими карими глазами» –

вспоминает его Лев Николаевич. «Я помню, что он не влюблялся, как я и Сережа, не любил особенно ни танцев, ни военных зрелищ, о которых расскажу после, и учился хорошо, усердно... Кажется, он никогда не страдал обычными отроческими пороками. Он всегда был серьезен, вдумчив, чист, решителен, вспыльчив, мужественен и то, что делал, доводил до предела своих сил». И при этом он был человеком буйного темперамента и мог исколотить любого, кто осмелился оскорбить его.⁹⁸

Дальнейшая путевая судьба людей такого вида одухотворенности во многом зависит от того, насколько широко потребность в чистоте правит их повседневной жизнью. У Дмитрия Толстого она управляла всем и вся.

«Особенности его начались со времени вступления в университет (в 1842 году, в 15 лет – И.М.)... Не знаю, как и что навело его так рано на религиозную жизнь, но с первого же года университетской жизни это началось. Религиозные стремления, естественно, направили его на церковную жизнь. И он предался ей, как он всё делал, до конца. Он стал есть постное, ходить на все церковные службы и еще строже стал к себе в жизни... Особенность его первая проявилась во время первого говенья. Он говел не в модной университетской церкви, а в казематской церкви... В остроге тогда был особенно набожный и строгий священник, который, как нечто непривычное, делал то, что на страстной неделе вычитывал все Евангелия, как это полагалось, и службы от этого продолжались особенно долго. Митинька выстаивал их и свел знакомство с священником. Церковь острожная была так устроена, что отделялась только стеклянной перегородкой с дверью от места, где стояли колодники. Один раз один из колодников что-то хотел передать причетникам: свечу или деньги на свечи, никто из бывших в церкви не захотел взять на себя это поручение, но Митинька тотчас же с своим серьезным лицом взял и передал. Оказалось, что это было запрещено, и ему сделали выговор, но он, считая, что так надобно, продолжал делать то же самое. Мы, главное — Сережа, водили знакомство с аристократическими товарищами и молодыми людьми, Митинька, напротив, из всех товарищей выбрал жалкого, бедного, оборванного студента Полубояринова (которого наш приятель-шутник называл Полубезобедовым, и мы, жалкие ребята, находили это забавным и

смеялись над Митинькой). Он только с Полубояриновым дружил и с ним готовился к экзаменам».

Другой эпизод.

«К нашему семейству как-то пристроилась, взята была из жалости, самое странное и жалкое существо, некто Любовь Сергеевна, девушка, не знаю, какую ей дали фамилию. Любовь Сергеевна была плод кровосмешения Протасова... Это было жалкое, кроткое, забитое существо. У нее была комнатка, и девочка ей прислуживала. Когда я узнал ее, она была не только жалка, но отвратительна. Не знаю, какая была у нее болезнь, но лицо ее было всё распухлое так, как бывают запухлые лица, искусанные пчелами. Глаза виднелись в узеньких щелках между двумя запухшими, глянцевыми, без бровей подушками. Такие же распухшие, глянцевитые, желтые были щеки, нос, губы, рот. И говорила она с трудом, так как и во рту, вероятно, была та же опухоль. Летом на лицо ее садились мухи, и она не чувствовала их, и это было особенно неприятно видеть. Волоса у нее были еще черные, но редкие, не скрывавшие голый череп... От нее всегда дурно пахло. А в комнате ее, где никогда не открывались окна и форточки, был удушливый запах. Вот эта-та Любовь Сергеевна сделалась другом Митиньки. Он стал ходить к ней, слушать ее, говорить с ней, читать ей. И - удивительное дело - мы так были нравственно тупы, что только смеялись над этим, Митинька же был так нравственно высок, так независим от заботы о людском мнении, что никогда ни словом, ни намеком не показал, что он считает хорошим то, что делает. Он только делал. И это был не порыв, а это продолжалось всё время, пока мы жили в Казани (то есть около шести лет! – И.М.). Как мне ясно теперь, что смерть Митиньки не уничтожила его, что он был прежде, чем я узнал его, прежде, чем родился, и есть теперь, после того, как умер». Далее в рукописи стоит вычеркнутая Толстым фраза: «Как, где – я не знаю».

Брат Дмитрий со времен духовного рождения Толстого стал чуть ли не его путеводной звездой, кем-то впереди его шедшим, его ведшим, увлекающим за собой. Когда в трактате «О жизни» Толстому нужно было примерами подтвердить положение, по которому жизнь умерших людей не прекращается и в этом мире (гл. XXXI), он вспоминает брата, который был прежде рождения и есть после смерти.

«Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, увеличилась и сильнее, чем прежде, действует на меня. Сила его жизни после его плотской смерти действует так же или сильнее, чем до смерти, и действует как все истинно живое... Могу сказать, что не вижу того центра нового отношения к миру, в котором он теперь; но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себе ее силу... Но, мало того, эта невидимая мне жизнь моего умершего брата не только действует на меня, но она входит в меня. Его особенное живое Я, его отношение к миру становится моим отношением к миру. Он как бы в установлении отношения к миру поднимает меня на ту ступень, на которую он поднялся, и мне, моему особенному живому Я становится яснее та следующая ступень, на которую он уже вступил, скрывшись из моих глаз, но увлекая меня за собой» (26.413).

Дмитрий Николаевич был человек одной вершины жизни – вершины духовной чистоты. Чистейшую, преисполненную любви и сострадания душу брата Дмитрия исподволь, но постоянно молотили могущественнейшие силы плоти. При отсутствии и аналитического и отвлеченного ума ему нечем было остужать это нестерпимое пламя борения плоти и духа в себе. Яркость его духовного сознания, к несчастью, была не такова, чтобы помочь ему. «Очень слабый ум, большая чувственность и святое сердце. И все это свяжется таким узлом, что нельзя распутать — и разрывается жизнь» (63.105). Так впоследствии понимал драму его жизни Лев Николаевич.

«После выхода его, да и моего, из университета я потерял его из вида, — продолжает Толстой. - Знаю, что он жил тою же строгой, воздержной жизнью, не зная ни вина, ни табаку, ни, главное, женщин до 25 лет, что было большою редкостью в то время. Знаю, что он сходил с монахами и странниками».

В молодые годы Дмитрия Николаевича сверстники прозвали «Ноем», тогда как этой натуре с ее первозданным напряжением более подходило другое имя - Адама. Чтобы пришла беда, достаточно было разбудить его плоть, поднять бурю страстей в нем.

Грехопадение Дмитрия Толстого произошло в 24 года, то есть как раз тогда, когда он по нормативной кривой Пути восхождения должен был быть в низине жизни.

«Кажется, я был тогда уже на Кавказе, когда с Митинькой случился необыкновенный переворот. Он вдруг стал пить, курить, мотать деньги и ездить к женщинам. Как это с ним случилось, не знаю, я не видал его в это время. Знаю только, что соблазнителем его был очень внешне привлекательный, но глубоко безнравственный человек, меньшей сын Исленьева. Про него расскажу после, если успею. И в этой жизни он был тем же серьезным, религиозным человеком, каким он был во всем. Ту женщину, проститутку Машу, которую он первую узнал, он (словно следуя проповеди брата Льва. – И.М.) выкупил и взял к себе. Но вообще эта жизнь продолжалась недолго. Думаю, что не столько дурная, нездоровая жизнь, которую он вел несколько месяцев в Москве, сколько внутренняя борьба, укоры совести убили сразу его могучий организм. Он заболел чахоткой, уехал в деревню, лечился в городах и слег в Орле, где я в последний раз видел его уже после Севастопольской войны. Он был ужасен. Огромная кисть его руки была прикреплена к двум костям локтевой части, лицо было — одни глаза и те же прекрасные, серьезные, а теперь выпытывающие. Он беспрестанно кашлял и плевал, и не хотел умирать, не хотел верить, что он умирает. Рябая, выкупленная им Маша, повязанная платочком, была при нем и ходила за ним».

Любимый дядя Софьи Андреевны, ее «дядя Костя» потехи ради напоил «святого Дмитрия» и затащил его в публичный дом. Произошло это где-то осенью 1851 года. О том, что случилось с братом Дмитрием, Толстой действительно узнал на Кавказе, из письма брата Сергея. Письмо это он прочел в январе 1852 года. Но еще до этого, 21 декабря 1851 года, в то время, когда его брат Дмитрий бешено пил и гулял с девками, Лев Николаевич видел сон:

«Нынче 22 декабря меня разбудил страшный сон — труп Митеньки. Это был один из тех снов, которые не забываются. — Неужели это что-нибудь значит?..».⁹⁹

И далее, в той же записи, даже как-то торжественно, продолжает:

«21 декабря того же года в двенадцать часов ночи мне было что-то вроде откровения. — Мне ясно было существование души, бессмертие ее — (вечность) — двойственность нашего существования и сущность воли. — Свобода сравнительна, в отношении материи человек свободен, в отношении Бога нет»(46.240).

Удивительно не столько то, что молодому Толстому во сне открылось нечто похожее на его будущее учение, и не только то, что вслед за этим он увидел другой сон о смерти брата, действительно погибавшего в это время, человека, которого он, десятилетия спустя, признает в буквальном смысле своим духовным близнецом, - удивительно то, что Толстой тогда же, сразу, одним интуитивным движением совместил эти два своих сна в одно, единое откровение-видение. Быть может, Толстой уже тогда узнал своего духовного близнеца, трагедия жизни которого была и в нем самом?..

Брат Дмитрий остался для Толстого в полном смысле умершим живым, «живым трупом». Н. Гусев как-то подметил, что образ Феи Протасова через образ Валентина в незавершенной драме середины 50-х годов восходит к Дмитрию Толстому¹⁰⁰. Вряд ли Лев Николаевич за все те двадцать лет, с 1880 до 1900 года, когда создавалась драма о Федоре Протасове, так и не просматривал свои старые дневниковые записи, а просматривая, не наткнулся на свой давний вещий сон - «труп Митеньки». Протасов в драме (фамилия которого, как мы знаем, взята из биографии Дмитрия Николаевича) и брат Дмитрий, несмотря на явное несходство характеров, столь близки между собой духовно, что, видимо, составляли для Льва Николаевича одно и то же лицо и одну судьбу. Счастливый несчастливец, Федор Протасов не мог жить в мире по чистоте духа своего. Для него быть предводителем дворянства, служить в банке, даже трудиться стыдно, грязно. «А что я ни делаю, — говорит он, — я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно»... То же чувствовал, судя по «Воспоминаниям» Толстого, и Дмитрий Николаевич. Федя Протасов не может выдержать незаметной нечистоты своей семейной жизни, на которой лежала тень неосознанной любви его жены к другому. Но и не может он принять грязь развода и связанной с этим лжи. «Живой труп» - это драма духовной чистоты в реальном мире, которая вполне могла стать драмой жизни самого Льва Николаевича.

Брат Николай Николаевич при всей его снисходительности к людям до того не разумел брата Дмитрия, до того был ему чужд духовно, что считал его «в

высшей степени чудаком»¹⁰¹, да и только. Оно и понятно. Брат Николай, хотя и не был религиозным в церковном понимании, - человек наиполнейшей общедуховной жизни. Брат Дмитрий, несмотря на его преданность церковной вере, был человеком живой и страдающей личной духовной жизни. Между братьями не было раздора, но не было и взаимопонимания. Хотя они были не так далеки друг от друга. Сар брата Николая духовной чистотою в общедушевной жизни соответствовал воле к идеалу чистоты личной духовной жизни брата Дмитрия.

Брат Лев совмещал в себе и того и другого. Он был близок брату Николаю по Сару, по образу его общедуховной жизни. С братом Дмитрием они были близки по личной духовной жизни, по началу духовной чистоты в них.¹⁰² Эденское существо Дмитрия Николаевича какое-то не совсем мужское или совсем не мужское. И несмотря на это (а то и благодаря этому) Дмитрий Толстой являл эденское существо Льва Толстого, пусть и в оголенном, однобоком, женственном и в отношении земной жизни беспомощном виде. Толстой связал в своей высшей душе то, что было разведено в его братьях: Сара брата Николая в общедуховной стороне ее и эденское существо брата Дмитрия в личнодуховной стороне ее. Два этих духовных существа, из двух разных миров - один из Эдена, другой из Общей души - жили в нем рядом, жили вместе, и не противостояли, а, напротив, трудились друг для друга и помогали друг другу.

4(28)

«Николеньку я уважал, с Митинькой я был товарищем, но Сережей я восхищался и подражал ему, любил его, *хотел быть им*. Я восхищался его красивой наружностью, его пением, — он всегда пел, — его рисованием, его веселем и, в особенности, как ни странно сказать, его непосредственностью, его эгоизмом. Я всегда себя помнил, себя сознавал, всегда чувал, ошибочно или нет, то, что думают обо мне и чувствуют ко мне другие, и это портило мне радости жизни. От этого, вероятно, я особенно любил в других противоположное этому — непосредственность, эгоизм. И за это любил особенно Сережу — слово *любил* неверно. Николеньку я любил, а Сережей восхищался, как чем-то совсем мне чуждым, непонятным. Это была жизнь человеческая, очень красивая, но

совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная. На днях он умер, и в предсмертной болезни и умирая, он был так же непостижим мне и так же дорог, как и в давнишние времена детства. В старости, в последнее время, он больше любил меня, дорожил моей привязанностью, гордился мной, желал быть со мной согласен, но не мог, и оставался таким, каким был совсем особенным, самим собою, красивым, породистым, гордым, главное, до такой степени правдивым и искренним человеком, какого я никогда не встречал. Он был, что был, ничего не скрывал и ничем не хотел казаться. С Николенькой мне хотелось быть, говорить, думать; с Сережей мне хотелось только подражать ему. С первого детства началось это подражание. Он завел кур, цыплят своих, и я завел таких же. Едва ли это было не первое мое вникновение в жизнь животных. Помню разной породы цыплят: серенькие, крапчатые, с хохолками, как они бегали на наш зов, как мы кормили их и ненавидели большого голландского, старого, облезлого петуха, который обижал их. Сережа и завел этих цыплят, выпросив их себе; то же сделал и я, подражая ему. Сережа на длинной бумажке рисовал и красками расписывал (мне казалось, удивительно хорошо) подряд разных цветов кур и петушков, и я делал то же, но хуже. (В этом-то я надеялся усовершенствоваться посредством Фанфароновой горы.) Сережа выдумал, когда вставлены были окна, кормить кур через ключевую дыру посредством длинных сосисок из черного и белого хлеба — и я делал то же».

Все братья Толстые - художественно талантливые люди. Николай Николаевич создавал рассказы, которые ценились самыми взыскательными критиками. Дмитрий Николаевич писал размышления и стихи, не придавая этому значения. Один Сергей Николаевич, кажется, никогда ничего не сочинял. Художественная одаренность его была другого рода. Выражаясь словами Толстого (из «Что такое искусство?»), он был гениальным «потребителем искусства». От потребителя искусства Толстой требовал умения слиться своей душой с душой художника и через эту связанность различать подлинное искусство от подделок. Сергей Николаевич был гениальным потребителем «истинного искусства», и прежде всего и более всего - своего брата Льва.

Первое произведение Толстого, его «Детство», получило полное одобрение и у критиков и в широкой публике. Но Толстой писал брату Сергею, что он ожидал критики на «Детство» от него «с большим нетерпением, чем отзывы

журналистов». И так было всегда, во все времена, во все последующие 50 лет их жизни. Толстой, как известно, не особенно жаловал литературных критиков, часто и вовсе не читал критики на себя, но всегда ждал, что скажет на новое произведение Сергей Николаевич и особенно внимательно прислушивался к его словам, к словам человека, которому он многие годы хотел подражать во всем, что касалось эстетического качества жизни.

Со времен «Детства» Толстой, став писателем, чувствовал себя ближе к брату Сергею, чем к брату Николаю. Эстетические запросы, художественные требования и вкусы Толстого полностью совпадали с потребностями, запросами и вкусами брата Сергея. Толстой знал, что Сергей Николаевич, пожалуй, единственный, кто поймет, какие творческие задачи ставил перед собой брат и, следовательно, сможет определить то, что самому Льву Николаевичу оценить трудно, – насколько он сумел выразить то, к чему он сам как творец стремился. Один Сергей Николаевич мог определять это. И не потому, что был особо взыскательным ценителем и знатоком литературы (в которых недостатка у Толстого, разумеется, не было), а потому, что в нем действовала та же, что у брата, родственная брату художественная интуиция.

До 1853 года Сергей Николаевич смотрел на младшего брата Льва с сожалением и снисходительно, считая его «пустячным малым». Но после первых же публикаций Толстого сразу разгадал, с кем имеет дело.¹⁰³ Вот выдержка из письма Сергея Николаевича, написанного после того, как он в том же 1853 году прочел толстовский «Набег»:

«Твой «Набег» просто, как бы его назвать... очень, очень хорош... или я давно не читал ничего, что бы мне так пришлось по сердцу. Нет, и этим я не выражаю того, что хочу тебе сказать... да ну просто... малина, да и только... Зачем он так короток?»(59.227)

Мы говорили, что Льву Николаевичу был чрезвычайно близок образ общедуховности брата Николая, его Сар, хотя в нем самом этот Сар более присутствовал, чем властно проявлял себя. Ровно так же Сергей Николаевич был конгениальным художнику Толстому человеком, хотя сам и не пытался писать романы.

Как с братом Николаем Толстой был одноцентричен по Сару и с братом Дмитрием по эденскому существу, так он был одноцентричен с братом Сергеем по своему Гению.

Понятие "гений" обременено многими значениями. От смертного духа жизненной силы в религии Древнего Рима и до демона или ангела-хранителя христианских времен. В общепринятом смысле гением называется тот, кто обладает высшими для человека творческими способностями. Но в каждом гениальном человеке есть что-то таинственное, непостижимое, даже для него самого. Какой-то таинственный, непостижимый Гений говорит в нем.

Гений – это духовное существо из особого духовного Мира, которому человек причастен так же или еще больше, как причастен Миру Эдена. Гений – это дух, духовная сущность, это высшее творящее существо, образующее центр тяготения, альтернативный центру духовного тяготения эденского существа. Если эденское существо обладает своим ликом одухотворенности, то Гений обладает своим, уникальным образом творческой одухотворенности и одушевленности.

Уникальность личностной творческой жизни - черта Гения, который узнаваем с одного движения. Чрезвычайные способности самовыражения нужны Гению для самообнаружения вовне, однако сам он, принципиально говоря, может вселиться в каждого, даже в человека, не умеющего толком изъяснить себя или, как Сергей Николаевич Толстой, пользующегося Гением (или Гений им) для процесса сотворчества.

Редкостный случай в человечестве: в своем внутреннем мире Лев Толстой носил не одно (что тоже бывает далеко не часто) и не два, а три духовных существа: Сара Общей души, существо из Эдена и Гения. Метафизическая биография Толстого есть описание истории взаимоотношений этих трех духовных существ в событийном потоке его жизни. Мы постараемся найти подходы к такого рода биографии и предоставить фрагменты ее.

Моя задача – максимально поднять планку взгляда на Толстого, чтобы дать возможность людям думать о нем (и вести разговор о нем) с достойной его высоты. Для этого необходимо попытаться, пусть в первом приближении, осмыслить роль Гения относительно эденского существа в восходящем человеке.

Духовную жизнь человека составляет встреча, зацепление и сокровенная работа двух субъектов духовной жизни: человеческого, содержащегося во

внутреннем мире человека, и сверх- или надчеловеческого, включающегося в человеческую жизнь и так или иначе овладевающего ею. Жизнь Гения в человеке с точки зрения этого критерия есть духовная жизнь. Но не та, которой человек живет совместно с эденским существом, а та, которой он живет с Гением. Есть одна и есть другая личная духовная жизнь. Первая - путевая, вторая - внепутевая. Первая – редкое событие, вторая - всем достаточно знакомый (хотя бы понаслышке) случай жизни. Ни смешивать, ни путать их нельзя.

Гений входит в душу без труда со стороны человека, хотя потом и требует для себя трудов самовыражения от человека. И эденское существо ждет от человека напряженнейшей, на пределе сил работы восхождения в течение многих и многих лет жизни и воочию проявляется в нем в исключительнейших, чтобы не сказать легендарных, случаях. Полный выход эденского существа в земную жизнь - редчайший эпизод в человечестве. Человеку знаком Гений в себе, но он смутно и заочно знаком с "Богом своим", которого обычно принимает за кого-то другого.

Эденское существо тщательно и целенаправленно выбирает человека прежде, чем войти в него, и, раз выбрав, остается верным ему. В общем случае эденское существо ответственно по отношению к человеку и, вступив в него, без особой нужды не покидает его, принимает участие в его внутренних делах, не откажет в помощи, когда обратишься к нему, поддержит, когда падаешь, и научит жить.

Гений же вроде бы объявляется в ком попало, вслепую, как по капризу, лишь бы то в человеке, что приняло его, не было безнадежно бездарно. С другой стороны, мир полон в высшей степени одаренными людьми без признаков Гения.

Эденское существо приходит в человека, чтобы произвести в нем переворот. Гений же - такое впечатление, - чтобы поиграть в нем. Эденское существо заинтересовано в отдельном человеке и его судьбе. Гений - нет. Человек Гению вроде бы безразличен. Он для него – то "место", в котором можно порезвиться, повеселиться, полюбопытствовать, сорвать, что сорвется, или построить дворец и исчезнуть из него. Гений представляется залетным гостем в душе. Он по большей части играет и шалует, и подвигает человека

играть и шалить вместе с ним. Если человек - лошадь, а эденское существо - возница, то Гений смотрится праздным шалуном в коляске, который не знает куда и зачем править, которому все равно, куда ехать, лишь бы ехать.

На самом деле это не совсем так. Гению жизненно важно, явив себя, укорениться в мире людей. Потому он не нуждается в ином духовном существе в подвластном ему человеке, не желает существовать вкупе с эденским существом, отгоняет его или вообще предпочитает не вселяться в того, на кого претендует мощное эденское существо, с которым ему не справиться.

Другое дело, что эденское существо приходит в душу не на побывку, как Гений, а навсегда. Приписывая к себе высшую душу человека, эденское существо обеспечивает ее несмертие. Бывает даже, что эденское существо собирает многие высшие души, вяжет их друг с другом и с собой в большой узел и живит его. Гений же использует душу человеческую в своих целях, иногда дотла выжигая её, оставляя её ни с чем. Это одно из самых трагических явлений душевной жизни человека на Земле.

Работа, совершаемая душою по требованию эденского существа, - не игра, не пляска, не полет, а тяжелый труд, подъем на отвесную гору с риском в любой момент сорваться в пропасть.

Гений дарует человеку самые острые и восторженные наслаждения - наслаждения творчества, несторгической любви, работы интеллекта и прочее. Даже страдания Гения - род наслаждения для человека.

Человек с Гением счастлив. С эденским существом - благ.

Духовные наслаждения от эденского существа редки, хотя и учащаются с восхождением на Пути. Эденское существо наполняет внутренний мир человека всевозможными духовными страданиями - от уколов совести до мук покаяния и сознания своего ничтожества. В присутствии Гения человек любит себя и гордится собою. Во всяком случае, под воздействием Гения никто не ненавидит себя и не накладывает на себя рук.

Как эденское существо, так и Гений дает человеку ту высшую точку, с которой можно увидеть самого себя. Но увидеть по-разному. Смотря на себя от своего Гения, никогда не поймешь себя верно, напротив, обольстишься,

узрев и не то, и не так. Смотря с вершины эденского существа, увидишь свою подноготную, да так, что нужно немалое мужество, чтобы видеть. Гений и польстит (от безразличия к тебе?), и поможет скрыть от себя то, что само активно не просится на яркий свет. Эденское существо все высветит, вывернет наизнанку, ужаснет тебя тобою и пригнет, дабы возвысить. С точки эденского существа человек весь виден себе, и этот обзор в верном свете побуждает его искать свое место и ставит его на место.

Гений непрочно живет земной жизнью, сам ни с кем в ней не конкурирует, появляясь в ней ненароком - бывает, на одно мгновение, - и, как только того захочет, исчезает... Надо ценить и уметь ловить мгновения своей, и не только своей, гениальности. И везде, где становится возможным. К примеру, в любви. Есть мгновения гениальной любви, растягивающиеся на многие годы. Извечный и вечно завораживающий сюжет жизни: случайная краткая встреча и затем годы пылкой взаимной любви в разлуке. Что это? Не возгонка эротической чувственности и не сторгическая любовь. Разом слившись вместе, навеки влюбленные не нуждаются ни в том и ни в другом. Конечно, это - их Песнь. Не песнь земной или эденской жизни, а Песнь, взлетающая куда-то над земной жизнью. И поет ее в них - Гений. И мы все чувствуем, что он поет её для себя, не для эрота и не для сторгии, поет поверх живущих на Земле, в надмирной высоте своего Неба.

Гениальная несторгическая любовь никому и ничему не служит. Среди людей есть носители такой надмирной любви, в которых поёт, взмывая, Гений. Это он заставлял рыцаря и поэта служить Прекрасной Даме, философа - Предвечной Софии, псалмопевца - слагать гимны Всевышнему, а девицу - стать "невестой Христовой". В подлинном рыцаре Науки, Поэзии, Театра живет Гений. Он же вдохновлял великих героев на подвиг. Он вообще - вдохновляет. Вдохновение можно понять как дыхание Гения в человеке. Человек ждет прибытия Гения в себя и вдохновенно приветствует его в себе.

Гений и эденское существо обычно не встречаются в одной и той же душе. У эденского существа и Гения разные интересы в человеке, и они так или иначе, раньше или позднее сталкиваются в нем. Чем дальше на дистанции жизни, тем

менее эденское существо и Гений уживаются на Пути. И у Гения есть свой момент рождения в душу, подобный душевному рождению на Пути восхождения эденского существа. Душевное рождение от Гения совпадает или не совпадает с душевным рождением на Пути. Теоретически говоря, оно может произойти в любом возрасте. Обычно Гений пользуется путевым отливом кривой восхождения – в чистилище ли, сторгическом уступе или даже на плато Пути - и на этом уступе успевает укорениться рядом или вместо эденского существа во внутреннем мире человека. Если это происходит на уступе первой волны кривой восхождения, то под воздействием Гения душа наполняется стремлениями взлететь, взлетает и парит над собой и потому не производит впечатление попавшего в шторм корабля без руля, как это бывает с человеком на уступе чистилища. Гению ничего в человеке выжигать не нужно, напротив, он поддерживает и усиливает те личностные прельщения, которые обессиливаются в чистилище Пути.

Гениальный человек всегда живет «своей жизнью», в минимальной степени заражаясь чужими мыслями и чувствами и более стараясь воздействовать своими на других. Периода «чужой жизни» у Гения в человеке нет. Гений избежал бы и процессов чистилища, но ходовые испытания чистилищного уступа созданы на Пути для эденского существа, и помешать этому он не в силах.

Рывком входя во внутренний мир человека, Гений делает его обладателем "своей особенной творческой жизни" и своей особенной творческой воли. Для Гения это своего рода личностное рождение, для которого от человека не требуется предварительных трудов и испытаний. Гений сам решает: кто пригоден для его "личностного рождения", а кто - нет. Повлиять на него, я думаю, нельзя. Он – абсолютный властелин и подозрительно легко признан таковым в нашем мире.

Гений имеет безусловную поддержку в современном мире. Эденское существо такой опоры в Мире, где более всего ценится творческая сила Гения, не имеет. Это обстоятельство с особой остротой ставит перед нашим сознанием вопрос о взаимоотношении эденского существа и Гения в человеке. Такого вопроса не было в древнем языческом мире, где человек хорошо знал Гения в себе, но почти не ведал про эденское существо. Христианский мир, наследуя языческие представления о Гении, превратил

Гения в Демона и преследовал его. Что реактивно привело к "возрождению" Гения и вместе с ним античных ценностей культуры. Человек Нового времени, приравнивая себя к Гению, боготворит Гения в себе. Потребности личной духовной жизни ныне заставляют нас определиться, уяснив подлинное достоинство и значение Гения в человеке - самого по себе и в связи с его противостоянием эденскому существу на Пути. Это, конечно, важно и для уяснения проблем метафизической биографии Льва Толстого.

В отличие от эденского существа Гений ищет не "свою истину", а такую истину, которая была бы охотно принята людьми. Происходит это потому, что Гению, чтобы укорениться во внутреннем мире человека, нужен успех среди максимального числа людей, желательно у всего человечества. Гений прельщает не потому, что он "слуга Тьмы" и противостоит "силам Света", а потому, что только через прельщения он приживается в мире людей - получает пространство жизни и время жизни в человеке. Поэтому обольстительные химеры, как и соблазны, должны прийти в наш Мир.

Порождаемые Гением соблазны или прельщения сами по себе не беда, а одно из условий существования человека после того, как он вкусил от Древа познания. Гений ищет прельщения по вкусу времени, находит их и тем помогает человеку проживать в своем времени. Самые разные прельщения могут работать и продуктивно работают на утверждение подлинных ценностей человеческой жизни. Гений и его прельщения необходимы человеческой душе. Порождаемые Гением в отдельной душе и всеобщие распространяемые им соблазны и прельщения сами стремятся в душу отдельного человека и всех людей, который и которые, впуская их в себя, должны уметь управлять ими. Великую мудрость этого положения мало-помалу постигаешь с возрастом. Дело не в "соблазнах", в которые загнан человек, а в нормах правильного существования Гения в человеке. Метафизика истории жизни Толстого дает нам, я думаю, общие представления об этих нормах.

Когда человек служит своему Гению, то это само по себе не хорошо и не дурно. Но когда человек, живя, скажем, конфессиональной жизнью, не в силах совладать со своим Гением и служит в религии не

Ему, а своему Гению, то это неизбежно приводит к одной из самых опасных болезней души - болезни мнимодуховности, о которой мы, в связи с Толстым и без связи с ним, имели случай говорить в других работах. Мнимодуховные химеры пронизывают религиозные и общедуховные течения, обеспечивают успех им, но и губят духовную жизнь, не дают свершаться Замыслу Бога на человека. Я даже думаю, что на сегодня это основная причина того, что Дело Божье так медленно и так трудно совершается в человеке и человечестве.

Служение Гению под видом служения Господу - страшный грех, которым грешны многие из тех, кого чтят люди. Среди знаменитых деятелей всех религий, сект, учений всегда найдутся авторитетные лица, которые думали и учили, исходя более всего из потребностей разработки и самоизъянения своего Гения. При этом они, конечно, не лицемерили и искренне верили в то, что, как говорил Толстой, "они то самое, кем притворяются". Или искренне принимали свой Гений за глашатая высшего Начала в себе.

И нынешнее человечество заполнено такими людьми. Бывает, что в озарении (и ослеплении) своего Гения они выдвигают идеи такой прельстительной мощи, что перед ними, страшно сказать, бледнеют и отступают на задний план подлинные откровения Господа человеку.¹⁰⁴ Лев Толстой не из их числа.

5(29)

Прежде чем остановиться на «Детстве», Толстой вынашивал замысел другого произведения. 22 марта 1851 года он записывает в Дневник: «Хорошо можно написать книгу – жизнь Татьяны Александровны», тетушки Татьяны Александровны Ергольской, дальней родственницы (троюродной тетки) братьев Толстых, с детства воспитывавшейся в доме их деда. Воспоминание о ней старец Толстой начинает с такого эпизода:

«Очень рисует ее характер событие с линейкой, про которое она рассказывала нам, показывая большой, чуть не в ладонь, след обжога на руке

между локтем и кистью. Они детьми читали историю Муция Сцеволы и заспорили о том, что никто из них не решился бы сделать того же. «Я сделаю», сказала она. «Не сделаешь», сказал Языков,¹⁰⁵ мой крестный отец, и, что то же характерно для него, разжег на свечке линейку так, что она обуглилась и вся дымилась. «Вот приложи это к руке», сказал он. Она вытянула белую руку, — тогда девочки ходили всегда декольте, — и Языков приложил обугленную линейку. Она нахмурилась, но не отдернула руки. Застонала она только тогда, когда линейка с кожей отодралась от руки. Когда же большие увидели ее рану и стали спрашивать, как это сделалось, она сказала, что сама сделала это, хотела испытать то, что испытал Муций Сцевола. Такая она была во всем решительная и самоотверженная». К тому же она в юности «была очень привлекательная с своей жесткой черной курчавой, огромной косой и агатово-черными глазами и оживленным, энергическим выражением». Как было сомневаться, что впереди ее ждет яркая и полная до краев жизнь.

Татьяна Александровна на год моложе отца Толстого, Николая Ильича. Молодые люди полюбили друг друга и решили повенчаться после того, как Николай закончит службу в армии. 17 лет отроду он был зачислен корнетом в гусарский полк, а на следующий день началась война с Наполеоном. Вернулся он с войны (и плена) в 1814 году и был переведен в привилегированный кавалергардский полк, но через три года вынужден был оставить его по недостатку средств. Татьяне Александровне было уже 22 года, но она верно ждала его. Теперь оказалось, что семья разорена и жить не на что. Татьяна Александровна не пожелала изменять своей девичьей любви, хотя уже и не могла рассчитывать на замужество с любимым. Женский подвиг, прямо скажем, под стать мужскому подвигу Муция Сцеволы.

В Татьяне Александровне сочеталась огромная сила и любовь, и великая любовь. «Тетенька Татьяна Александровна – удивительная женщина. Вот любовь, которая выдержит все» (47.84), - понял Толстой в 1856 году. Она была для него идеалом женщины и женской любви. В 28 лет Толстой скажет, что она «Святая» (47.188) и таковой она останется для него навсегда. Татьяна Александровна «Святая» в чисто толстовском смысле слова, она – толстовская святая. «Истинная целомудренная девушка, которая всю данную ей силу материнского самоотвержения отдает

служению Богу, людям, есть самое прекрасное и счастливое человеческое существо. (Тетенька Т.А.)»(54.201).¹⁰⁶

Любовь Татьяны Александровны Ергольской для Льва Толстого – маяк сторгической любви.

«Должно быть, она любила отца, и отец любил ее, - пишет Лев Николаевич в воспоминаниях о ней, - но она не пошла за него в молодости для того, чтобы он мог жениться на богатой моей матери». Произошло это, когда Татьяне Александровне было 27 лет и она, видимо, уже твердо решила идти в своей любви до конца, то есть не выходить замуж и посвятить себя благу новой семьи любимого человека. Вот на что пошла вся ее могучая сила и вся ее чистая любовь.

Через некоторое время после смерти жены Николай Ильич сделал предложение Татьяне Александровне, она «не пошла за него потому, - объясняет Толстой, - что не хотела портить своих чистых, поэтических отношений с ним и с нами. В ее бумагах, в бисерном портфельчике, лежит следующая, написанная в 1836 году, 6 лет после смерти моей матери, записка: «16 августа 1836. Николай сделал мне сегодня странное предложение — выйти за него замуж, заменить мать его детям и никогда их не покидать. В первом предложении я отказала, второе я обещалась исполнять, пока я буду жива». Так она записала, но никогда ни нам, никому не говорила об этом. После смерти отца она исполнила второе его желание... Она, по праву любви к нам, как Будда с раненым лебедем, заняла в нашем воспитании первое место. И мы чувствовали это. И у меня бывали вспышки восторженно умиленной любви к ней. Помню, как раз на диване в гостиной, мне было лет пять, я завалился за нее, она, лаская, тронула меня рукой. Я ухватил эту руку, стал целовать ее и плакать от умиленной любви к ней».

Эту умиленную любовь к «тетеньке» Лев Николаевич продолжал испытывать и в зрелые годы. Вот выдержки из его писем ей с Кавказа. Никому, ни одной женщине Толстой не писал таких писем.

Письмо от 12 января 1852 года.

«Почему это я плачу, когда думаю о вас? Это слезы счастья, я счастлив тем, что умею Вас любить. И какие бы несчастья меня ни постигли, покуда Вы живы, несчастлив беспросветно я не буду. Помните наше прощание у Иверской, когда мы уезжали в Казань. В минуту

расставания я вдруг понял, как по вдохновению, что Вы для нас значите, и, по-ребячески, слезами и несколькими отрывочными словами, я сумел Вам передать то, что я чувствовал. Я любил Вас всегда, но то, что я испытал у Иверской, и теперешнее мое чувство к Вам - гораздо сильнее и более возвышенно, чем то, что было прежде... Случалось раньше, что, читая Ваши письма, когда Вы говорили о Вашей привязанности к нам, мне казалось, что Вы преувеличиваете, и только теперь, перечитывая их, я понимаю Вас - Вашу безграничную любовь и Вашу возвышенную душу. Я уверен, что всякий, кроме Вас, кто бы ни прочел сегодняшнее мое письмо и предыдущее, упрекнул бы меня в том же, но от Вас этого упрека я не боюсь; Вы меня слишком хорошо знаете, знаете, что, может быть, единственное мое достоинство это то, что я умею сильно чувствовать. Этому свойству я обязан самыми счастливыми минутами своей жизни. Во всяком случае, это последнее письмо, в котором я позволил себе выражать такие экзальтированные чувства, экзальтированные для равнодушных,¹⁰⁷ а Вы сумеете их оценить(59.163-4).

В этом же письме Толстой рисует картину своей будущей счастливой жизни вместе с ней в Ясной Поляне.

«Я женат — моя жена кроткая, добрая, любящая, и она Вас любит так же, как и я. Наши дети Вас зовут “бабушкой”; Вы живете в большом доме, наверху, в той комнате, где когда-то жила бабушка; все в доме по-прежнему, в том порядке, который был при жизни папа, и мы продолжаем ту же жизнь, только переменяя роли: Вы берете роль бабушки, но Вы еще добрее ее, я — роль папа, но я не надеюсь когда-нибудь ее заслужить; моя жена - мама, наши дети - наши роли: Машенька - в роли обеих тетенок, но не несчастна, как они; даже Гаши и та на месте Прасковьи Исаевны. Не хватает только той, кто мог бы Вас заменить в отношении всей нашей семьи. Не найдется такой прекрасной любящей души. Нет, у Вас преемницы не будет. Три новых лица будут являться время от времени на сцену - это братья и, главное, один из них - Николенька, который будет часто с нами. Старый холостяк, лысый, в отставке, по-прежнему добрый и благородный».

Мы еще будем говорить об этих толстовских мечтаниях о семейном счастье в доме, повторяющем дом его родителей. Этой мечте должна была соответствовать и жена, взятая, лучше всего, из семей, близких и к умершим

родителям. и в особенности Татьяне Александровне, осуществляющей преемственность семейного счастья. Валерия Арсеньева, Любочка Исленьева (мать Софьи Андреевны), Соня Берс не были для нее чужими людьми; она всех их знала с рождения, они были детьми или внуками ее (и Николая Ильича) друзей.

Выдержки из письма Толстого к ней от 15 декабря 1851 года:

«О Вас я думаю день и ночь и люблю Вас сильнее, чем сын может любить мать»(59.128)

Из письма, датированного 6 января 1852 года:

«Вы говорите, что пришло ваше время отойти к тем, которых Вы так горячо любили при их жизни, что Вы молитесь Богу о конце и что жизнь Ваша тяжела и одинока... Вы молитесь себе смерти, то есть величайшего для меня несчастья (и это не фраза: видит Бог, что большего несчастья я себе не представляю, как смерть Ваша и Николеньки, тех двух людей, которых я люблю больше самого себя). Ежели Бог услышит Вашу молитву, что со мной будет? Для чьего удовольствия стараться мне исправиться, иметь хорошие качества, иметь хорошую репутацию среди людей? Когда я строю планы счастливой жизни, мысль о Вас, что Вы разделите мое счастье, всегда у меня в голове. Хороший мой поступок меня радует потому, что я знаю, что Вы были бы мной довольны. Когда я поступаю дурно, я, главным образом, боюсь Вашего огорчения. Ваша любовь для меня все, а Вы молитесь Богу, чтобы Он нас разлучил. Я не умею высказать Вам своего чувства к Вам, и нет слов его выразить; боюсь, что Вы подумаете, что я преувеличиваю, а между тем я сейчас заливаюсь горячими слезами... Вы говорите о своем одиночестве; хотя я и в разлуке с Вами, но если Вы верите моей любви, это могло бы быть утешением в Вашей печали; при сознании Вашей любви я нигде не мог бы чувствовать себя одиноким. Однако я должен признаться, что в том, что я написал, мной руководит нехорошее чувство, я ревную Вас к Вашему горю. Сегодня со мной случилось то, что я уверовал бы в Бога, ежели бы уже с некоторых пор я не был твердо верующим»(59.149).

Вот как.

Татьяна Александровна отвечала своему любимцу в том же тоне. Но этих писем ему она не отправляла. Они остались в ее архиве. Неизвестно, читал ли их Толстой.

«Ты необходим для моей жизни, как дневной свет; я не могу жить без тебя. Если бы я говорила о своих чувствах, я сказала бы тебе многое, но не всегда возможно сказать то, что чувствуешь. Сердце так полно, что слов не хватает».

«Я люблю тебя больше, чем можно сказать, тебе принадлежит моя душа, тебе мои мысли, чувство самое нежное, тебе мои воспоминания во всем их объеме...»

Странное дело, несмотря на то, что Лев Николаевич совершенно не был похож на отца (ни внешне, ни внутренне), Татьяна Александровна чем дальше, тем больше отождествляла его с ним и любила сына, словно отца.

«Умирала она тихо, постепенно засыпая, и умерла, как хотела, не в той комнате, где жила, чтобы не испортить ее для нас. Умирала она, почти никого не узнавая. Меня же узнавала всегда, улыбалась, просияла, как электрическая лампочка, когда нажмешь кнопку, и иногда шевелила губами, стараясь произнести Nicolas, перед смертью уже совсем нераздельно соединив меня с тем, кого она любила всю жизнь».

Любовь родителей к детям слепа, и только особые обстоятельства душевной близости переводят эту любовь на уровень взаиможизни высших душ. Сами родители, при всем их желании, не способны установить сторгическую связь с детьми. Любовь взрослых чад к родителям может побуждаться высшей душой. Тут и благородство чувств, не позволяющее предъявлять родителям претензии, и чувство душевной верности (а не только моральных обязательств). Самих по себе этих побуждений и чувств для образования сторгической свитости недостаточно, хотя они и составляют какую-то основу, на которой может (теоретически говоря) возникнуть сторгическая связанность. Но и в этом случае дети должны в путевом смысле дорасти до сторгии, стать и сторгически взрослыми. А к этому времени связь с родителями обычно слабеет и заменяется прилеплением к другу или подруге. Между родителями и детьми сторгические связи образуются редко. Но сторгическая любовь в отношениях Толстого и Татьяны Александровны очевидна. Татьяна Александровна смогла передать молодому Льву чувство жизни своей высшей души.

«Я сказал, что тетенька Татьяна Александровна имела самое большое влияние на мою жизнь. Влияние это было, во-первых, в том, что еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня

этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни. Хотя это воспоминание уже не детства, а взрослой жизни, я не могу не вспомнить моей холостой жизни с ней в Ясной Поляне, в особенности осенними и зимними длинными вечерами. И эти вечера остались для меня чудесным воспоминанием... Этим вечерам я обязан лучшими своими мыслями, лучшими движениями души. Сидишь на этом кресле, читаешь, думаешь, изредка слушаешь ее разговоры с Натальей Петровной или с Дунечкой, горничной, всегда добрые, ласковые, перекинешься с ней словом и опять сидишь, читаешь, думаешь. Это чудное кресло стоит и теперь у меня, но оно уж не то... я был истинно счастлив, когда сидел на этом кресле. После дурной жизни в Туле, у соседей, с картами, цыганами, охотой, глупым тщеславием, вернешься домой, придешь к ней, по старой привычке поцелуешься с ней рука в руку... и сядешь на покойное кресло. Она знает всё, что я делал, жалеет об этом, но никогда не упрекнет, всегда с той же ровной лаской, с любовью».

Прервем Льва Николаевича, чтобы привести цитату из неотправленного письма к нему Татьяны Александровны:

«Когда ты сидел со мной на диване в Ясном, я глядела на тебя вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться, не могла ничего сказать: так душа была полна тобою, что все забыла».

«Главные два свойства ее жизни, которые невольно заражали меня, была, во-первых, ее удивительная всеобщая доброта ко всем без исключения. Я стараюсь вспомнить и не могу ни одного случая, когда бы она рассердилась, сказала резкое слово, упрек, осудила бы, и не могу вспомнить ни одного случая за 30 лет жизни... Никогда она не учила тому, как надо жить, словами, никогда не читала нравочений, вся нравственная работа была переработана в ней внутри, а наружу выходили только ее дела — и не дела — дел не было, а вся ее жизнь, спокойная, кроткая, покорная и любящая не тревожной, любящейся на себя, а тихой, незаметной любовью. Она делала внутреннее дело любви, и потому ей не нужно было куда торопиться. И эти два свойства — любовь и неторопливость — незаметно влекли в близость к ней и давали особенную прелесть в этой близости. От этого, как я не знаю случая, чтобы она обидела кого, я и не знаю никого, кто бы не любил ее... Не одна любовь ко мне была

радостна. Радостна была та атмосфера любви ко всем присутствующим, отсутствующим, живым и умершим людям и даже животным... Лаодзе говорит, что вещи ценны тем, чего в них нет. Также и жизнь: главная цена ее в том, чтобы не было в ней дурного. И в жизни тетеньки Татьяны Александровны не было дурного. Это легко сказать, но трудно сделать. И я знал только одного такого человека».

В глубинах души Толстой знал, что высшее духовное существо его не впервые явилось на этот свет, чувствовал, что был духовный родоначальник его на земле. Но не мать была тем духовным лоном, которое выносило эденское существо Льва Николаевича. Татьяна Александровна не только перенесла в высшую душу Льва Толстого свое чувство жизни, но и в некоторой степени сформировала сознание жизни его высшей души. Даже у позднего Толстого встречаются мысли, которые были навеяны ею в его молодости.

«Рассказываю я про то, что жена знакомого изменила мужу, и говорю, что муж, должно быть, рад, что освободился от нее. И вдруг тетенька, сейчас только говорившая с Натальей Петровной о том, что нарост на свече означает гостя, поднимает брови и говорит, как дело, давно решенное в ее душе, что муж не должен этого делать, потому что погубит совсем жену...»

«Никогда она не говорила про себя, никогда о религии, о том, как надо верить, о том, как она верит и молится. Она верила во всё, но отвергала только один догмат — вечных мучений: «Бог, который сама доброта, не может хотеть наших страданий».¹⁰⁸ Я, кроме как на молебнах и панафидах, никогда не видал, как она молится. Я только по особенной приветливости, с которой она встречала меня, когда я иногда поздно вечером после прощанья на ночь заходил к ней, догадывался, что я прервал ее молитву».

Татьяна Александровна метко называла Льва Николаевича «человеком, испытывающим себя». От нее впервые Толстой узнал всю жизнь им любимое изречение, то самое, которое он напоследок записал в дневнике перед смертью: «Делай что должно, пусть будет».

То, что Сергей Николаевич понял в брате после первой его публикации, то Татьяна Александровна знала задолго до того, как он стал писателем. Повинуясь своей интуиции, она активно внушала своему воспитаннику мысль о

писательстве тогда, когда он сам ещё и не помышлял об этом.¹⁰⁹ «Помните, добрая тетенька, что когда-то Вы советовали мне писать романы; так вот я послушался Вашего совета: мои занятия, о которых я говорю, литературные». Письмо это датировано 12 ноября 1851 года, в самом начале работы над «Детством». Никто, даже брат Николай, не знал об этом. В письмах же к тетушке Ергольской Толстой постоянно извещал ее о ходе своей литературной работы, и она поощряла его. Известил он тетеньку и об отправке рукописи Некрасову. «Итак, мой дружок, - написала она ему после публикации повести в «Современнике», - продолжай заниматься литературой; вот тебе открытый путь к славе» (59.210).

Как странно, что нам не осталось ни одного портрета не только матери Толстого, но и тетушки Ергольской...¹¹⁰

«Главная черта ее была любовь, но как бы я ни хотел, чтобы это было иначе - любовь к одному человеку - к моему отцу. Только уже исходя из этого центра, любовь ее разливалась и на всех людей. Чувствовалось, что она и нас любила за него, через него и всех любила, потому что вся жизнь ее была любовь».

Мать Льва Толстого, Мария Николаевна, не ревновала ее к мужу, и вскоре между ними установились отношения ближайших подруг.¹¹¹ «Я знаю, - пишет она Татьяне Александровне, - что Вы привыкли забывать о себе и думать только о других». Из других ее писем к тому же адресату: «Мне легко говорить с Вами, дорогая Гуанет, о моей материнской любви. Ваши дружеские чувства ко мне и Ваша любовь к моему птенчику позволяют мне думать, что, говоря о нем, я доставляю Вам столько же удовольствия, сколько и самой себе».¹¹² «Как можете Вы, милая Гуанет, думать, что я могу Вас забыть или не думать о Вас, когда у меня приятное общество? Вы знаете, что раз я полюбила, ничто не может вычеркнуть из моего сердца дорогих мне людей».

Близкая (еще с детства) дружба связывала тетушку Ергольскую с сестрой отца Толстого Александрой Ивановной Остен-Сакен, которая, находясь при смерти, срочно вызвала «дорогую друга», чтобы умереть на ее руках. Теплые отношения сложились у нее даже с любовницей Николая Ильича Ю.М.Огаревой. Вот редкостный человеческий документ – ее письмо Огаревой, написанное через четыре месяца после смерти Николая Ильича:

«Что должны Вы думать о моем продолжительном молчании, дорогой друг: или что я сошла с ума, или что я Вас забыла – ничего подобного не произошло, но я несчастна до последней степени. Я провожу свою жизнь в слезах, в страданиях, вечно сожалея о существе, взятом у нас Богом в Его бесконечном милосердии. Наше горе достигло своей высшей точки. Кто мог бы думать, что после такой потрясающей потери мы¹¹³ сможем жить. Да, мой милый друг, мы живем, и, более того, мы стараемся продлить наше существование ради этих несчастных сирот, не имеющих никакой поддержки, кроме нас, слабых, неопытных женщин, подавленных горем, болеющих и телом и душой и все же необходимых этим обездоленным существам: где найти выражения, чтобы передать Вам, до чего я страдаю, но слов не хватает...».¹¹⁴

Основной признак женской эденской сторгии есть самопроизвольное расширение ее любви с любимого человека на всех, и прежде всего на его близких. Татьяна Александровна Ергольская не была в эденской сторгии с Николаем Ильичом Толстым, но любила его эденской любовью. Так же она любила и юношу Льва Николаевича. В силу этой любви ее высокие качества «незаметно влекли в близость к ней и давали особенную прелесть в этой близости». То, что Толстой был связан с ней сторгически, многое решило в его духовной жизни. Недаром «при сознании Вашей любви я нигде не мог бы чувствовать себя одиноким».

Быть может, мужское эденское существо запускается в навигацию земной жизни в два такта. В первом такте зачаток мужского эденского существа зреет в женщине; во втором – осуществляется в мужчине. Ради этой двухтактности Ева в Эдене выделена из первочеловека в отдельное существо. И теперь, в земном существовании, посланник Эдена спускается для прохождения Пути восхождения не непосредственно в мужское существо, а через женщину. Сначала эденское семя неведомыми путями высевается в женщине и в ней набухает. Затем это набухшее эденское семя находит себе отрока, в котором оно может взрасти и возгореться. Без семени этого в нем не будет того самого главного, самого нужного, что ему перенять ни от кого нельзя, что он получает как бы даром и должен оправдать дар всей жизнью.

Если эта модель верна, то женщина, в которой мужское эденское семя, должна родиться на свет раньше, быть может за века до того, в котором это семя возрастает на Пути. Есть великая тайна в том, как пересаживается набухшее в женщине эденское семя на почву мужской высшей души. В общем случае это неведомо и невидимо. Но если это семя - в матери, то передача эденского существа в сына может состояться по особому каналу связи между нею и им. Такого канала вполне может и не быть. Это зависит не только от матери, которая невольно стремится создать его, но и от сына, способного, мало способного или вообще неспособного вместить в себя эденское существо.

Есть и другой видимый вариант переноса эденского существа от женщины к мужчине. Это даже не вариант, а уникальный случай в земной жизни вообще. Эденское существо Татьяны Александровны набухало в состоянии маточного первотактового эденского существа, которое обязательно реализовалось бы когда-нибудь в ком-нибудь. Но в ее жизни оно прежде попыталось непосредственно реализовать себя как женское эденское существо – в эденской сторгии с отцом Льва Николаевича. К чему, видимо, тот был совсем не готов. Уникальность случая, конечно, не в этом несоответствии и не в обычном холостом выстреле эденской любви женщины к мужчине, а в том, что Татьяна Александровна смогла перенести свою неосуществленную эденскую любовь к отцу на сына, и сын этот оказался в максимальной степени восприимчив именно к ее эденскому существу. «Ты восхитительно бесконечно добр, что лишь я одна могу оценить», - писала она ему в, как обычно, не отправленном письме. И действительно, кто только не писал о Толстом, но никто, кроме нее, не сказал так: «восхитительно бесконечно добр».

Понятно, почему впоследствии брат Дмитрий стал для Толстого кем-то впереди его идущим. Эденское существо вошло и в брата Дмитрия от Татьяны Александровны, но вошло нецеленаправленно и самопроизвольно. Эта-то неосторожная самопроизвольность выхода в навигацию наимоощнейшего эденского существа определила нежизнеспособность Дмитрия Николаевича.

Любовь тетушки Ергольской ко Льву Толстому не любовь матери к сыну и тем более не воспитательницы к воспитаннику, а род эденской любви, стремящейся к эденской сторгии со своим Богом в мужчине. И тем своим Богом, которого еще нет в нем, который может появиться в нем от нее же, реализоваться прямо из души в душу. Это сродни чуду. Татьяна Александровна должна была в глубине души заранее ожидать этого чуда. Не исключено, что поэтому она и отказалась от замужества с Николаем Ильичом за год до его смерти.¹¹⁵

Женское эденское существо Татьяны Александровны жаждало эденской сторгии и всею волею эденской любви устремилось в душу юного Льва Николаевича. Возможно, что она тем самым вытягивала в него из Эдена новое

мужское эденское существо себе на встречу; возможно и то, что она таким образом переносила свое эденское существо в него. Но так или иначе роль ее в обретении Толстым духовного статуса в человечестве огромна.

15 марта 1910 года Толстой сказал Маковицкому, что его письма к тетушке Ергольской - «один из самых лучших материалов» к его биографии.¹¹⁶ Его, добавим от себя, метафизической биографии, ибо Татьяна Александровна Ергольская - одна из центральных фигур в ней.

6(30)

До душевного рождения человек изнутри управляется эго «животной личности» (человеческой самостью), из вне - воспитанием и механизмом общедушевного уподобления. Следуя этим установлениям, человек в дальнейшем живет либо индивидуалистически, либо, и как правило, общедушевной (коллективной) жизнью. Таким образом, изначально он запрограммирован на общедушевное и отчасти на общедуховное развитие. Личная душевная и личная духовная жизнь исключительно обязана свободному решению высшей души, заявляющей о нем в пору душевного рождения. Новое состояние жизни, рассказывает Толстой в черновиках «Юности», «само собой, без постороннего влияния, со всей силой молодого самостоятельного открытия, пришло мне в душу».

«Я помню, когда мне было лет 15, - вспоминал Толстой в 1906 году, - как бы открылась передо мной какая-то завеса, я почувствовал что-то необычайное в своей жизни. Весь мир представлялся мне в каком-то особенном, чудном свете. Продолжалось это недолго, потому что люди, как всегда, постарались скорее все это замять, как что-то необычное, непрактичное, но помню хорошо, как это было все-таки чудно радостно».¹¹⁷

Высшая душа может находиться либо в пассивном состоянии, соответствующем утробному развитию, либо в автономном и активизированном состоянии. Активизация высшей души происходит при

душевном рождении. В душевнонерожденном человеке нет собственного горения духа, нет Света идеалосознания, нет интуиции себя должного, нет, собственно говоря, сознания духовной свободы, нет и внутренней самостоятельности. Нерожденная высшая душа оттесняется на периферию душевной жизни и, по сути, становится частью животной личности. Общедушевная жизнь и фрагменты общедуховной жизни остаются доступными душевнонерожденному человеку и целиком поглощает его. В момент душевного рождения Толстой, как и всякий человек, «пробудился от детской покорности чужим взглядам, в которой жил до сих пор, и в первый раз понял, что мне надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем Началом, которое дало мне ее ...». ¹¹⁸ Человек, не прошедший душевное рождение, никогда не будет жить личной духовной жизнью.

Свое душевное рождение человек переживает не ранее конца второго семилетия жизни. Мой читатель, надеюсь, помнит этот возвышенный и мучительный момент ранней юности, когда впервые обретается сознание душевной свободы и душевной osobости и вместе с этим чувство своей душевной оголенности, ранимости, незащищенности, когда очарованность красотой совмещается с мечтой прекрасной любви, а стремление "делать себя" сопровождается переживанием священного.

Душевное рождение подобно прозрению. Так и описывает его Толстой. «Случалось ли вам летом лечь спать днем в пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закате солнца, открыть глаза и в расширяющемся четырехугольнике окна, из-под полотняной шторы, которая, надувшись, бьется пружинкой об подоконник, увидеть мокрую от дождя, тенистую, лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освещенную яркими косыми лучами, услышать вдруг веселую жизнь птиц в саду и увидеть насекомых, которые вьются в отверстиях окна, просвечивая на солнце, почувствовать запах последождя воздуха и подумать: “Как мне не стыдно было проспять такой вечер”, — и торопливо вскочить, чтобы идти в сад порадоваться жизнью? Если случилось, то вот образчик того сильного чувства, которое я испытывал в это время».

При душевном рождении впервые в высшей душе вскрывается канал связи с «Богом своим», со своим эдемским существом. Самого его еще в

человеке нет, оно может так никогда и не войти в него, но теперь зримо само ли оно или его призрак или отблеск, слышен его нравственный призыв и его глас, зовущий к восхождению на Пути.

«Мне казалось так легко и естественно оторваться от всего прошедшего, переделать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всеми ее отношениями совершенно снова, что прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался в отвращении к прошедшему и старался видеть его мрачнее, чем оно было. Чем чернее был круг воспоминаний прошедшего, тем чище и светлее выдавалась из него светлая, чистая точка настоящего и развивались радужные цвета будущего. Этот-то голос раскаяния и страстного желания совершенства и был главным новым душевным ощущением в ту эпоху моего развития, и он-то положил новые начала моему взгляду на себя, на людей и на мир Божий. Благой, отрадный голос, столько раз с тех пор, в те грустные времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата, вдруг смело восстававший против всякой неправды, злостно обличавший прошедшее, указывавший, заставляя любить ее, ясную точку настоящего и обещавший добро и счастье в будущем, — благой, отрадный голос! Неужели ты перестанешь звучать когда-нибудь?»

Для эденского существа нет авторитета в этом мире. Носитель эденского существа всегда, начиная с душевного рождения – «автодиктат», как кто-то неудачно назвал характер Толстого. Постороннему наблюдателю такая независимость в суждениях, чувствах, оценках, взглядах, такая степень неподотчетности общему мнению кажется странной, и он объясняет ее «духом противоречия». Считается, что дух этот был особенно силен в Толстом во все времена жизни. Так, видимо, эденское существо свидетельствовало о себе в нем.

О душевном рождении старших братьев Толстого, Николая и Сергея, мы ничего не знаем. Глас «Бога своего» пронзил душу брата Дмитрия насквозь - пробил разум, дошел до чувства и воздействовал прямо на волю.¹¹⁹ В качестве установок своего разума и чувства Дмитрий Николаевич взял традиционные вероисповедальные предписания общедуховной жизни и десятилетие жил, руководствуясь ими. Обычно же мужское душевное рождение идет по ступеням. Лет в 14 - 15 юноша обретает душевную потребность в Истине, мечется, еще не зная, как работать своим разумом, начинает судить себя, предвидя возможность взгляда на свою внутреннюю жизнь с некоторой высшей точки зрения. В эту пору он способен в озарении провидеть вершину своего Пути восхождения. Потом, лет в 16, то есть на пике подъема взвода духовной жизни, мысли его формируют соответствующие им чувства и возбуждают волю. Этот момент перелома кривой Пути Толстой считал концом отрочества и началом

юности. В это время ему открылся новый взгляд на жизнь, который в общих чертах сохранился до конца жизни.

«Сущность этого взгляда состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно. Но до сих пор я наслаждался только открытием новых мыслей, вытекающих из этого убеждения, и составлением блестящих планов нравственной, деятельной будущности; но жизнь моя шла все тем же мелочным, напутанным и праздным порядком. Те добродетельные мысли, которые мы в беседах перебирали с обожаемым другом моим Дмитрием... еще нравились только моему уму, а не чувству. Но пришло время, когда эти мысли с такой свежей силой морального открытия пришли мне в голову, что я испугался, подумав о том, сколько времени я потерял даром, и тотчас же, в ту же секунду захотел прилагать эти мысли к жизни, с твердым намерением никогда уже не изменять им. И с этого времени я считаю начало юности».

Духовный рост юноши продолжается и в первые годы после пика первой волны кривой восхождения, но падает его ускорение. Активное влияние эденского существа не прекращается. Не прекращается и знакомство души со своим эденским существом. В 17 лет Толстой все более и более узнавал его и свое будущее с ним. «Передо мной открывалось бесконечное моральное совершенство, не подлежащие ни несчастьям, ни ошибкам, и ум со страстностью молодости принялся отыскивать пути к достижению этого совершенства... В голове моей происходила горячая усиленная работа... я видел и слышал во сне великие новые истины и правила».

Тетушка Ергольская внимательно следит за своим любимым воспитанником и подмечает, что «он думает только о том, как углубиться в тайны человеческого существования, и чувствует себя счастливым и довольным только тогда, когда встречает человека, расположенного выслушивать его идеи, которые он развивает с бесконечной страстностью».¹²⁰ Можно представить восторг молодого Толстого, когда он расслышал голос своего эденского существа в «Исповеди» Руссо. Не фигурально, а действительно ему представлялось, что это он написал сам. Высшие души Руссо и Толстого попали в резонанс, несмотря на то, что первый к моменту создания «Исповеди» далеко зашел на Пути, а второй только что вступал на Путь и издали воодушевлялся

Светом своего эденского существа. Видимо, эденские существа Толстого и Руссо происходили из одного Эденского Дома. Их встреча в земном существовании, на чужбине (не могу сказать, что встреча заочная) не могла не быть продуктивной.¹²¹

И все же первую волну Пути восхождения Толстой не прошел так удачно, как можно подумать. Первая его неудача – в том, как жизнь подготавливала его к ней. Отец Льва Николаевича умер, когда ему было 9 лет, и о детях стала заботиться «истинно религиозная женщина»,¹²² добрая тетушка Остен-Сакен. Но и она умерла, когда Толстому было 13 лет, дети оказались под опекой второй сестры отца, тетушки Юшковой, и по ее настоянию переселились к ней в Казань. Прямой необходимости в этом для Дмитрия, Льва и Маши не было. Они вполне могли несколько лет оставаться в Ясной Поляне под благотворным влиянием любящей и умной Татьяны Александровны. Но тетушка Юшкова не могла позабыть, что ее муж, прежде чем жениться на ней, несколько лет страстно добивался руки Татьяны Александровны, теперь захотела отомстить ей и, зная ее и ее отношение к детям, забрала их у нее, не думая об их благе. Таким образом, в Казани Лев остался не только без мужского сдерживающего влияния, но и вообще без столь необходимого в этом возрасте нравственного внушения. Вместо них внушались другие понятия. «Я не уважал бы ни знаменитого артиста, ни ученого, ни благодетеля рода человеческого, если бы он не был *comme il faut*. Человек *comme il faut* стоял выше и вне сравнения с ними». Такого рода идеал противостоит в душе тому Свету Идеала, который зажигается при душевном рождении и взводит пружину духовной жизни. Много лет Толстой прожил с таким отношением к людям.

Льву Николаевичу не повезло. «Я всей душой желал быть хорошим, - рассказывает он в «Исповеди», - но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался высказывать то, что составляло мои самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, - я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли». Выиграть сражение плоти и духа на первом подъеме Пути в таких условиях, даже для Толстого, было очень и очень трудно. Он и срывался больше, чем могло быть в других обстоятельствах жизни, срывался постоянно.

Подъем взвода духовной жизни еще не завершился в Толстом, когда с ним случилось то, что не должно быть с человеком в эту благодатную пору.

«Мне сказали, что смешно жить скромником,— и я отдал без сожаления цвет своей души — невинность — продажной женщине. Да, никакой убитой части моей души мне так не жалко, как любви, к которой я так был способен. Боже мой! Любил ли хоть один человек так, как я любил, когда еще не знал женщин!».¹²³

Отца Толстого, в те же 16 лет, сблизили «для здоровья» с дворовой девушкой, надо полагать, столь же невинной, что и он.¹²⁴ И это событие не оказало рокового влияния на развитие его духовной жизни. Чистота его была потеряна, но не поругана. Лев Николаевич же плакал, горько плакал не столько от «утраты невинности», сколько от нестерпимого поругания паскудным священной чистоты в себе. То же самое испытал в 25 лет его брат Дмитрий и потерял себя.

Мария Александровна Шмидт вспоминает, как Лев Николаевич в конце 90-х годов рассказал ей о своем первом падении: «Когда меня братья в первый раз привели в публичный дом, и я совершил этот акт, я потом стоял у кровати этой женщины и плакал!..»

Брат Николай уехал из Казани 1844 году, так что такого рода мужское «посвящение» произошло, видимо, в ознаменование 16-летия Льва Николаевича, то есть как раз в то время, когда он переживал состояние «пика чистоты» Пути жизни. Впрочем, Николай Толстой не Константин Исленьев. Какое затмение души нашло на брата Николая, что он привел невинного 16-летнего юношу, своего младшего брата, которому он заменял отца, в публичный дом? В это трудно поверить. Пересказывая слова Толстого, Мария Александровна не могла и представить себе, что такое могло произойти где-нибудь, кроме как в публичном доме.

Есть другая, более достоверная версия. И.И. Старининому Лев Николаевич за 10 лет до Марии Александровны рассказывал, что его первое падение произошло в Кизическом монастыре близ Казани – то есть не с проституткой, а в келье с монахиней.¹²⁵ В отношениях с женщинами Толстой всегда был застенчив, даже боязлив, и вполне может быть, что, учитывая это и боясь травмы брата, атеист Николай Николаевич решил, что женский монастырь для него - самое чистое и подходящее место для такого рода операций. Но он по

молодости лет ошибся. В ту жуткую минуту его брат Лев был потрясен не только тем, что отдал на поругание «цвет своей души». Толстой содрогался в рыданиях от кощунственности, с которой произошло поругание святыни чистоты в нем. И это навсегда оставило темный след в Толстом.

7(31)

Все нравственно невыгодные условия казанской жизни, все соблазны и развращения, и особенно его паскудное и кощунственное «первое падение», сказались на взводе духовной жизни Толстого. Его Путь восхождения искорежен в самом начале. Возможно, что в положенное время Толстой духовно недовзвелся.

«Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовал, что главная цель моей жизни это то, чтобы быть хорошим, - хорошим в смысле евангельском, в смысле самоотречения и любви. Помню, что я тогда же попытался жить так, но это продолжалось недолго. Я не поверил себе, я поверил всей той внушительной, самоуверенной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мне сознательно и бессознательно всем окружающим. И мое первое пробуждение заменилось очень определенными, хотя и разнообразными желаниями успеха перед людьми: быть знатным, ученым, прославленным, богатым, сильным – т.е. таким, которого не я сам, а люди считали хорошим».

С 16 и до 19 лет Толстого метало из стороны в сторону. Умственная деятельность его шла сама по себе, а жизнь с ее прельщениями – сама по себе. В 18 лет Лев Николаевич устанавливает для себя такие правила, которых без всяких формулировок придерживался в жизни его брат Дмитрий,¹²⁶ но которые он вроде бы и не пытается исполнять. Восемнадцати с половиной лет он заболел венерической болезнью, лег в университетскую клинику, оглянулся и ужаснулся на себя. Здесь, в клинике, он начал свой Дневник, который завершил за 4 дня до смерти. В первых же записях Дневника понято: «Я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души»(46.3).

Выйдя из клиники, Толстой бросил Университет и 1 мая 1847 года уехал в Ясную Поляну. В Ясной он пробыл 17 месяцев. Он много читает (в том числе получает большое сторгическое впечатление от «Поленьки Сакс»), много думает, музицирует и, главное, всей душою устремляется на конкретную деятельность добра. Его на это наставляет глас свыше - то «высшее чувство», которому он и повинуется. Так это описано в «Утре помещика», герой которого бросает Университет ради того, чтобы посвятить всю жизнь благу своих крестьян.

«Вдруг, без всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и Бог знает каким путем ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением, - мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина, и одно возможное счастье в мире... Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение и в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это – то, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга. «Итак, я должен делать добро, чтобы быть счастливым», думал он и вся будущность его уже не отвлеченно, а в образах, в форме помещичьей жизни живо рисовалась перед ним. Он видел перед собой огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро и в которой, следовательно, будет счастлив. Ему не надо искать сферы деятельности: она готова; у него у него есть прямая обязанность – у него есть крестьяне».

И брат Дмитрий за год до этого уехал в свое имение, чтобы устроить счастливую жизнь своим крестьянам. Но то была общественная деятельность, мотивируемая благородством и моральным долгом помещика перед крепостными. Львом Николаевичем же двигала любовь, сторгическое чувство, направленное на человека своего народа. Это было не полезное общественное дело, а выражение общедуховного жизнесознания.

«И какой отрадный и благодарный труд представляется ему: действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастью, я пользуюсь, исправить его пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность!».

Пережить идеал или идеальное чувство – это одно; войти же в состояние идеальной деятельности и со всей молодой энергией непосредственно взяться за труд по исполнению идеала добра в жизни – совсем другое. Так проявляет себя наивысшая энергия взвода духовной жизни. Практический результат - не важен. Общедуховная деятельность сама по себе многого стоит, особенно когда тебе 19 лет и ты бежишь от «раннего разврата души».

С момента душевного рождения человек становится существом двухполюсным, зажатым между двумя центрами жизни, неизбежные противоречия и противоборства которых полностью заполняют его существование. С одной стороны, бурный поток сил животной личности, затопляющий всего своими хотениями, с другой - идеальные стремления, порожденные либо Саром, либо призраком эденского существа (либо, в исключительных случаях, и тем и другим) в высшей душе. Родившаяся высшая душа всеми своими духовными силами тормозит все более разгоняющуюся жизнь животной личности. Когда-то ей это удается, когда-то – нет. Муки подъема душевного рождения и следующего за ним путевого отлива - в этой борьбе, от которой зависит успех дальнейшего продвижения по Пути. Важно не столько победить в этой борьбе, сколько на подъеме бороться, преодолевать, то есть заводить пружину своей духовной жизни и потом, на уступе, выдержать, выжигая то, что необходимо.

Разум на уступе первой волны Пути мечется, последовательно отрицая ряд направлений, которые сам себе же и задает. Человека тут мы некогда¹²⁷ уподобили попавшему в шторм кораблю, на котором не задействован или сломан руль управления. Такой корабль рискует потонуть и из-за силы бушующего шторма, и из-за своей нестроенности, некрепкости обшивки, неустойчивости, перегруженности и даже от столкновения с другим таким же дурно управляемым кораблем. И все же такое путешествие без руля в шторм важно и нужно на Пути: все, что брак, должно быть своевременно (то есть до личностного рождения) выведено из работы. И все, что вводится вновь, должно быть предварительно и в неблагоприятных условиях испытано на крепость хода. На уступе первой волны человек проходит ходовые испытания действительной ценности и стойкости своей высшей души. Чтобы быть допущенным к прохождению Пути, мало удачно взвестись на подъеме, надо еще на отливе доказать силу и стойкость путеводных сил и возможностей в себе.

Трудные и мучительные процессы на отливе первой волны Пути необходимы, во-первых, для того, чтобы, погрязая и выбираясь, совершая каждый раз новое духовное усилие, производя рывок духовного роста, человек становился более и более живым; во-вторых, каждый раз выбираясь и преодолевая, человек тем самым впрок увеличивает запас путеводных сил в себе. И в третьих, мучения противоборства плоти и духа необходимы для того, чтобы очистить себя. Духовно взведенный человек, прежде чем начать Путь, проходит очищение в огне беспутия, помещается в жерло, в котором души одних сгорают вовсе, другие выгорают до какой-то глубины, но кое-кто и очищается в огне. В эту пору ходовых испытаний в чистилище Пути из себя должно быть извергнуто то, что является главным прельщением именно этой личности и что в стратегических целях восхождения должно быть исторгнуто (или хотя бы решительным образом подорвано) в самом начале Пути.

Нормативный Путь не предусматривает катастрофы. И потому вход в чистилище - не обвал, а оползень. Человек постепенно сползает к наинижней точке Пути жизни, откуда столь же постепенно начинается подъем второй волны Пути, ведущий к личностному рождению. Впрочем, нормативной ход кривой Пути во втором 14-летию выдерживается далеко не всегда. Во всяком случае, у Толстого был свой, особенный ход ее.

Идеалистическая деятельность на благо крестьян девятнадцатилетнего помещика на практике не могла кончиться ничем иным, как полным крахом. Крах того, в чем Толстой видел свое спасение и свое счастье, потряс Льва Николаевича. Быть может, поэтому он разом сорвался в чистилище жизни. Началась, по его же воспоминаниям, «такая безалаберная, распущенная» жизнь, что он был готов бежать от себя куда угодно. В середине октября 1848 года, на 21-м году жизни, Толстой уехал в Москву. Но и тут продолжалась та же жизнь, хотя и несколько иного рода. Он стал играть, непомерно много проигрывая. Хотел было вернуться в деревню, но вместо этого уехал в Петербург с благими намерениями стать «практическим человеком»¹²⁸ - сдать экзамены в Университете и служить. Уехал он из Петербурга через 5 месяцев и эти первые месяцы 1849 года - несомненно – «низина» его Пути жизни. Таким образом, Толстой прямо с одной из наивысших точек взвода духовной жизни свалился в низину Пути восхождения. Вполне мог расшибиться насмерть.

«Впоследствии Толстой никогда не рассказывал об этой полосе своей жизни, - так тяжелы были для него эти воспоминания» - констатирует Н.Н.Гусев¹²⁹. В 1892 году Толстой обмолвился в письме к жене: «Я помню, как я в молодости ошалел особенным, безнравственным ошалением в этом роскошном и без всяких принципов, кроме подлости и лакейства, городе» (84.168).

Через несколько лет, живя на Кавказе, Толстой вспомнил (не без повода), происходившее с ним тогда в Петербурге и в невиданные для себя сроки, за четыре дня, создал «Записки маркера». Задним числом его особенно поразила сила порочного раздвоения человека, живущего на уступе чистилище Пути.

«Я ужаснулся, когда увидел, какая неизмеримая пропасть отделяла меня от того, чем я хотел и мог быть... А как я мог быть хорош и счастлив, ежели бы шел по той дороге, которую, вступая в жизнь, открыли мой свежий ум и детское, истинное чувство! Не раз пробовал я выйти из грязной колеи, по которой шла моя жизнь, на эту светлую дорогу. Я говорил себе: употреблю все, что есть у меня воли,— и не мог. Когда я оставался один, мне становилось неловко и страшно с самим собой. Когда я был с другими, я забывал *неволью* свои убеждения, не слыхал более внутреннего голоса и снова падал... Через четверть часа меня не будет, а взгляд мой нисколько не изменился... Я так же вижу, так же слышу, так же думаю; та же странная непоследовательность, шаткость и легкость в мыслях, столь противоположная тому единству и ясности, которые, Бог знает зачем, дано воображать человеку». И в конце неминуемый приговор столь дурно раздвоенному созданию: «Неестественное создание человек¹³⁰».

Быть может, всякое мощное эденское существо поджидает в низине Пути свой злой дух в образе конкретного ли человека или несчастного обстоятельства. Искусителем для братьев Льва и Дмитрия Толстых стал родной брат матери Софьи Андреевны, ее любимый «дядя Костя», К.А. Иславин. Братья знали его с детства, и Льва он преждевременно затолкал в низину жизни, но не смог сорвать его Путь, Дмитрия же он погубил. В «Воспоминаниях» Толстой называл его «очень внешне привлекательным, но глубоко безнравственным человеком». Он обладал особенным обаянием (напоминающим обаяние Стивы Облонского), был человеком остроумным, веселым, музыкальным и к тому же на пять лет старше Толстого. Он обольстил Льва Николаевича.¹³¹ «Любовь моя к Иславину

испортила для меня целые пять месяцев жизни в Петербурге. Хотя и бессознательно, я ни о чем другом не заботился, как о том, чтобы понравиться ему» (46.237).

«Костенька, - напишет Толстой через несколько лет, - всю жизнь пресмыкаясь в разных обществах, посвятил себя и не знает большего удовольствия, как поймать какого-нибудь неопытного провинциала и, под предлогом руководить его, сбить его совсем с толку /.../. Я говорю это по опыту. Несмотря на мое огромное самолюбие, в Петербурге он имел на меня большое влияние и умел испортить мне так эти пять месяцев, которые я провел там, что у меня нет воспоминаний неприятнее». (59.155-6).¹³²

В отличие от героя «Записок маркера» Толстой сумел вырваться из петербургского «безнравственного ошаления» и в начале лета 1849 года объявился в Ясной Поляне, где несколько пришел в себя, увлекся музыкой и открыл школу для крестьянских детей. Но подошла зима, началась, теперь уже в Туле, прежняя жизнь. То был еще один «период кутежей, охоты, карт, цыган»(34.8). Лето 50 года Толстой больше проводил в имении¹³³, куда вернулась тетюшка Ергольская. Но и при ней он «опять пустился в жизнь разгульную» (46.38), да так, что проиграл огромную сумму в 4000 рублей. Ему повезло, он отыгрался, и случай этот отрезвил его. Он решил еще раз переменить обстановку и в начале декабря 1850 года уехал в Москву. Но выбранный прежде Толстым в тупиках жизни прием перемены места перестал действовать.

В Москве он обнаружил, что «постарел и перебесился», и потому начал ставить перед собой совершенно несвойственные ему практические цели. Тут и «попасть в высокий свет и при известных условиях жениться», и найти выгодную службу, и играть, когда при деньгах. Толстого ждали еще несколько мучительных лет беспутья и всякого рода душевных испытаний. Нет уверенности, что он выдержал бы их и остался на Пути восхождения.

Пришла весна 1851 года. Через несколько месяцев ему будет 23 года. И вдруг он стал перерождаться, стал безжалостен к себе, заводит «франклиновский журнал» и ежедневно строго судит себя в нем. Пошлые цели, поставленные по приезде в Москву, позабыты. Прежнее житее неожиданно отошло в прошлое. Живет он одиноко, почти никого не принимает. Задача: «всестороннее образование и развитие всех способностей» сильного во всех отношениях

человека(46. 52). Такое совершенствование еще не духовный рост, но в сочетании с раскаянием в прошедшем отчетливо свидетельствует о начале нового духовного подъема. «Последнее время, проведенное мною в Москве, - пишет он 20 мая 1851 года, - интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней». Показательно, что как раз в это время у Толстого возник замысел написать историю высокой жизни тетушки Ергольской.

Еще более указывает на духовный подъем его отношение к добру и злу. Человек, на теперешний его взгляд, не неестественное и не противоестественное, а вполне доброкачественное существо: «Добро всегда в душе нашей, и душа добро; а зло привитое. Не будь зла, добро разовьется». Отсюда: «Сними грубую кору с бриллианта – в нем будет блеск; откинь оболочку слабостей – будет добродетель». Сильный человек - это человек добродетельный. Есть сведения о том, что в это время – в марте–апреле 1851 года - он был особенно религиозен и даже писал какую-то проповедь на Страстной неделе.

Духовный подъем, который начался весной 1851 года и длился года три, нельзя считать подъемом личностного рождения, хотя бы потому, что он им не завершился и не мог по возрасту завершиться. Процессы, происходившие на этом участке Пути Толстого, более напоминают духовный взвод, который, казалось бы, был в его жизни окончен два года назад. Приходится признать, что в 23 года на Пути восхождения Льва Толстого начался второй (резервный?) подъем духовного взвода. Об этом свидетельствует и то, что к этому времени отлив первой волны Пути вполне очевидно завершился в нем. В дальнейшем будут кратковременные рецидивы, но не более того.

Но если чистилищный уступ Пути завершен, то, значит, на этом отрезке Пути Толстой изжил основной соблазн всей жизни, соблазн, который ему необходимо было искоренить для дальнейшего путепрохождения. Какой же? Не вино. И не женщины. С одной стороны, Толстой вообще не любил флирт.¹³⁴ С другой стороны Лев Николаевич не был столь чувственен, как его брат Дмитрий, и с юности знал, что «сознанное сладострастье – чувство тяжелое, грязное»(1.133). Женский вопрос в жизни Толстого, как он понимается обычно, вообще преувеличен его недоброжелателями или людьми, защищающимися от стрел его проповеди целомудрия. Так карты, игра, азарт?

Что и говорить, Толстой был горячим и азартным человеком. Известен случай, когда он заигрался в шахматы, да так, что не пошел на награждение Георгиевским крестом (чего очень желал «для Тулы», как он говорил) и только поэтому не получил его. И под конец жизни, играя, он всплескивал руками, сокрушался, даже стонал, переживая каждый свой промах. Однако главный его соблазн это не губительное искушение героя «Записки маркера», рассказа во многом автобиографического, не непреодолимый азарт игры, а другой азарт, куда более неприступный для воли - азарт успеха, то есть «соблазн тщеславия» (по терминологии учения Толстого), забота о мнении людей, от которой Толстой вполне избавился только на восьмом десятке жизни, в результате непрекращающихся полувековых усилий в этом направлении.

«Пора человеку узнать себе цену. Что же, в самом деле, он какое-нибудь незаконно рожденное существо? Пора ему перестать робко озираться по сторонам – угодил ли или не угодил он людям? Нет, пусть голова моя твердо и прямо держится на плечах. Жизнь дана мне не напоказ, а для того, чтобы я жил ею. Я сознаю свою обязанность жить для своей души. И заботиться хочу и буду не о мнении обо мне людей, а о своей жизни, о том, исполняю я или не исполняю я свое назначение перед Тем, Кто послал меня в жизнь» («Путь жизни» XVI, IV, 7).

«Ни одна страсть не удерживает людей так долго в своей власти, не скрывает от них так прочно, иногда до самого конца, тщету временной мирской жизни и ни одна не отдаляет так людей от понимания смысла человеческой жизни и ее истинного блага, как страсть славы людской, в какой бы форме она ни проявлялась: мелочного тщеславия, честолюбия, славолюбия»(41.477).

Отсутствие личного тщеславия – неперемное условие, при исполнении которого Толстой, при его-то славе, мог совершать дело, свыше возложенное на него. Толстой часто повторял слова Гёте: «Истинная добродетель никогда не озирается назад на тень свою — славу». Отвержение тщеславия и стремления к славе исходило и от Сара брата Николая. Не только слава, но и популярность претила чувству жизни этого Сара.¹³⁵

Костенька Иславин обольстил Льва Николаевича не женщинами, картами и бильярдом, а тем, что он сам был уродливым воплощением «соблазна успеха». Достаточно сказать, что после шумного успеха «Детства» Сергей Николаевич рассказывал брату Льву, что «Константина страшно мучает, что это не он

написал». ¹³⁶ В незавершенном «Романе русского помещика» Толстой намеревался вывести К. Иславина как «представителя любви к изящному и дружбы, тщеславия». ¹³⁷

Константин Иславин был сыном друга отца Толстого А.М. Исленьева (деда С.А. Толстой), который вынужденно жил в гражданском браке с Заводовской, муж которой граф Козловский не давал ей развода и всячески шантажировал их. Формально Константин считался незаконнорожденным, был крайне ущемлен этим, оттого, видимо, крайне тщеславен, старался вращаться в великосветском обществе и имел соответствующие взгляды. Успех в обществе был нужен ему для решения задач, вызванных сознанием его социальной неполноценности. «Он умел меня убедить в том, что Кочубей, Нессельроды и все эти господа такие люди, что я должен пасть ниц перед ними, когда увижу, и что я с Костенькой, с Михайловым еще могу кое-как разговаривать, но что в сравнении с этими тузами я ровно нуль, погибший человек, и должен бояться их и скрывать от них свое ничтожество», - писал Толстой брату Сергею. Этим – крайним тщеславием – он более всего и подходил на роль искуителя Толстого и был его злым духом на чистилищном уступе Пути.

Глядя со стороны, нельзя не заметить, что в переживаниях Толстым самого себя обличение «соблазна тщеславия» во все времена вроде бы занимает неправомерное место. Тщеславие для него всегда было «моральной венерической болезнью». Борьбу с тщеславием он начал с 18 лет, то и дело с осуждением ловя себя на «желании выказать». Нельзя сказать, что в то время он полностью сознавал вред тщеславия вообще и для себя прежде всего. Вести борьбу с тщеславием требовало в нем одно из основополагающих начал личной духовной жизни, начало Искренности. Искренность, как духовная сила, гонит тщеславие из человека. С мелочностью и лживостью непомерного тщеславия Лев Толстой не состоялся бы ни как великий писатель, ни как великий пророк, ни как великий человек. В низине Пути жизни Толстого этот главный его соблазн ¹³⁸ не был, разумеется, изжит совсем, но был (при содействии К. Иславина) подорван в корнях - так, что не мог играть роковой роли в его духовной жизни.

Толстовское тщеславие – особого рода. В яму соблазна тщеславия толкало Толстого не только самостно-общедушевное начало, как у всех людей, но и

его Гений, который, как и всякий Гений, появляется в человеке, в частности, для того, чтобы внедриться в человеческое жизненное пространство. Для этого ему необходим успех среди людей, нужна слава, он ради этого трудится в человеке и, как следствие, прививает ему тщеславие. А тот, кто несет Гений в себе, человек Лев Николаевич Толстой, боится тщеславия в себе, переживает его как нечто не должное, как то, от чего ему следует избавляться. Что-то в Толстом противостояло воле его же Гения. И противостояние это возникло еще до того, как он сам осознал и публично явил свою гениальность. Гению приходилось бороться за место в душе Льва Толстого. Не этому ли обстоятельству мировая культура обязана тем, что имеет Льва Толстого?

И все же: кто же так упорно противостоял Гению во внутреннем мире Льва Николаевича? Эденское существо? Конечно. Однако до личностного рождения, на чистилищном уступе, особенно в низине жизни, волевое начало эденского существа энергично не задействовано. При душевном рождении возник его призрак и стал слышен его глас. Но и только. Выходит, что в Толстом загодя шла активная работа в видах еще неведомого будущего духовного развития его? Но под чьим влиянием производилась эта работа? Наверное, это более тонкий вопрос, чем тот, на который мы способны дать ответ.

8(32)

В чистилище Пути эденское существо еще безвольно, еще не в человеке и в нем всем заправляет животная личность. Только в конце уступа чистилища она как бы растрачивается, устает, успокаивается, отступает и тем создает условия для духовного подъема. Толстой же, как мы уже сказали, вышел из этапа ходовых испытаний тогда, когда его животная личность была в полной силе. Кто же, однако, столь чудесным образом помог Толстому вылезти из низины Пути, да так, что в нем начался духовный подъем?

В декабре 1850 года произошло знаменательное событие: началась литературная деятельность Льва Николаевича Толстого. Произошло это, как часто у него, «вдруг»¹³⁹ и было связано не с желанием обрисовать какой-то случай или потрясшее его лицо, а самим по себе желанием стать художником слова. Поразительно, но опытов художественного творчества до «Детства» у Толстого не было. Гений в нем стартовал сразу, да так, что нельзя было усомниться в нем.

Весь декабрь Толстой ищет тему, что-то начинает, не выходит, в растерянности бросает, ищет другой сюжет. Так продолжалось январь, февраль. В марте 1851 года Толстой много читает, выписывает, пишет заметки о прочитанном, думает о литературе, находит некоторые принципы литературной работы, которыми затем руководствуется всю жизнь¹⁴⁰, и, наконец, начинает «Детство» и всю вторую половину марта почти ежедневно пишет повесть.

Первые месяцы 1851 года - это и время начала нового духовного подъема, и время, когда в Толстом впервые настойчиво заговорил его Гений. Толстого вывел из виража животной личности его Гений, который как раз в это время заявил свои права на него и сделал то, что Толстой до этого столько раз пытался и не мог: переломил ход жизни Льва Николаевича, вывел его из состояния духовного отлива.¹⁴¹ В дальнейшем Гений Толстого не только ассистировал движениям его души на втором взводе его духовной жизни, но, заполняя пустоты и неизбежные спады, обеспечивал непрерывность этого процесса. Кроме того, Гений Толстого воспринял призывный глас правды и искренности эденского существа и мог при необходимости - «в те грустные времена, когда душа молча покорялась власти жизненной лжи и разврата», - подменить своим голосом тот «благий, отрадный голос», который «вдруг смело восставал против всякой неправды» и не давал переставать звучать ему в душе. Гений Толстого по собственной воле перенимал качества и функции еще нерожденного эденского существа и отчасти замещал его в душе Толстого. Не без накладок, конечно.

Много лет спустя Толстой, перечитывая «Детство» и «Отрочество» и обнаружив подмену Гением своего эденского существа, остался недоволен первыми своими произведениями, в которых он распознал талантливо прикрытое и корыстное стремление к публичному успеху. На втором подъеме духовного взвода Толстой все более и более попадал под власть Гения в себе. В известном смысле Гений в Толстом опередил на Пути эденское существо. Иначе

он вообще с большим трудом проник бы во внутренний мир Толстого. Там, где правит Эден, там иным духовным сущностям нет места.

В «Пути восхождения» (М. 1993) мы говорили, что как есть путевое и непутевое¹⁴² душевное рождение, так есть и путевое личностное рождение и мнимо путевое личностное рождение, которое не предполагает дальнейшее восхождение на Пути. Для человека гениального эта опасность многократно усиливается. Поставить Гений на его нормальное место в душе, восстановить его правильное существование в человеке как носителя эденского существа бывает не по силам. Гений способен узурпировать личностное рождение, и люди – и люди искусства и широкая публика – приветствуют это. Гений помог Толстому в чистилище Пути, но вполне мог сбросить его с Пути в пору личностного рождения. С путевой точки зрения Толстому было необходимо спасение от своего Гения.

Активный творческий процесс продолжался и в апреле 1851 года, когда Толстой жил в Ясной Поляне, но был прерван самым неожиданным образом. Брат Николай Николаевич после отпуска уезжал опять на Кавказ, где он служил. И Лев Николаевич вдруг решил поехать вместе с ним. Какие мотивы двигали им?

Сам Толстой не совсем понимал их. Поначалу он считал это решение своей фантазией. Потом решил, что он сам «угнал» себя на Кавказ, убежал от светского общества, чтобы в резкой перемене жизни поломать вредные привычки, о которых мы говорили выше. Ему нужно было «не быть больше свободным», как он писал Татьяне Александровне Ергольской. Но умная и любящая тетушка Ергольская чутье его самого поняла этот поступок: «Отправляясь на Кавказ, он не строил никаких планов. Его юное воображение говорило ему: в значительных обстоятельствах человек должен отдаваться на волю случая, этого искусного регулятора всего».

Через семь месяцев на Кавказе Толстой, в чем-то повторяя мысль тетушки, выразил в письме ей убеждение, «что мое легкомысленное решение поехать на Кавказ было мне внушено свыше. Мною руководила рука Божья, - и я горячо благодарю Его, - я чувствую, что здесь я стал лучше (этого мало, так я был плох); я твердо уверен, что что бы здесь ни случилось со мной,¹⁴³ все будет мне только на благо, потому что на то воля Божья»(59.162). Уезжая на Кавказ,

Толстой следовал своей путеводной интуиции. Позднее он и рационально понял мотив своего неожиданного решения.

В одном из вариантов «Казачков» его герой, как и автор, раздумывая над тем, с какой целью он прибыл на Кавказ, приходит к выводу, что это было ему нужно для того, «чтобы быть одному, чтобы испытать нужду, испытать себя в опасности, чтобы искупить трудом и лишениями свои ошибки, чтобы вырваться сразу из старой колеи, начать все снова – и свою жизнь и свое счастье»(6.250).

Еще позднее, в середине 70-х годов, Толстой говорил, что лучшие его воспоминания – о жизни на Кавказе, где он «вел самую чистую, спокойную, нравственную жизнь». Уединение кавказской жизни стало для Толстого необходимой школой нравственной жизни. Это было «время самоизгнания», самоизгнания для нужд еще одного подъема духовной жизни в себе. Вот подлинный мотив и основная задача пребывания его на Кавказе.

9(33)

29 апреля Николай Николаевич Толстой и Лев Николаевич Толстой выехали из Ясной Поляны в Москву. 2 мая они отбыли из Москвы и 8 мая 1851 года прибыли в Казань. На следующий день Толстой был на балу, образ которого через полвека всплыл (и не первый раз в его жизни) в рассказе «После бала». Дело в рассказе происходило в губернском городе, где герой жил вдвоем «с покойным братом», который, как и брат Николай, «и вообще балов не любил и не ездил на балы». И там и там бал давал местный предводитель дворянства.

«Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разлитое море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках... Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это

давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа... Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь».

Предметом этой любви, возникшей 9 мая 1851 года в Казани, была подруга и ровесница сестры Толстого Зинаида Модестовна Молостова, которую за два года до того стихотворно благословлял 36-летний В.А. Соллогуб:

Мечты давно мне изменили, и скоро зиму я начну.

Но прежде, осенью печальной,

Благословлю я путь Ваш дальний

И Вашу юную весну.

Зинаида Модестовна «отличалась миловидностью и грацией», «была удивительно стройна, обаятельна и интересна». «Ее наблюдения над людьми всегда проникнуты были юмором, и в то же время она была добра, деликатна по природе и всегда мечтательно настроена». ¹⁴⁴

«Она, - читаем далее в «После бала», - не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами, и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, ¹⁴⁵ я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: “Encore”¹⁴⁶. И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела».

«Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она... — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды... Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья».

Так в 1903 году повествовал Толстой в рассказе. А вот как он писал об этом 1851 году, через два месяца после отъезда из Казани. Совпадения поразительны.

«Ежели бы у меня спросили, зачем я жил в Казани, что мне было приятно, отчего я был так счастлив, я не сказал бы, что это потому, что я влюблен. Я не знал этого. Мне кажется, что это-то незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть ее. Как морально легко мне было в это время. Я не чувствовал этой тяжести всех мелочных страстей, которая портит все наслаждение жизни. Я ни слова не сказал ей о любви, но я так уверен, что она знает мои чувства, что ежели она меня любит, то я приписываю это только тому, что она меня поняла. Все порывы души чисты, возвышенны в своем начале. Действительность уничтожает невинность и прелесть всех порывов. Мои отношения с Зинаидой оставались на степени чистого стремления двух душ друг другу.

- Но, может быть, ты сомневаешься, что я тебя люблю, Зинаида? Прости меня, ежели это так, я виновен, одним словом мог бы и тебя уверить.

...Я не оставлю своих планов, чтобы ехать жениться на ней, я не довольно убежден, что она может составить мое счастье, но все-таки я влюблен. Иначе, что же эти отрадные воспоминания, которые оживляют меня, что этот взгляд, в который я всегда смотрю, когда только я вижу, чувствую что-нибудь прекрасное. Не написать ли ей письмо? Не знаю ее отчества¹⁴⁷ и от этого, может быть, лишусь счастья. Смешно. Забыли взять рубашку со складками, от этого я не служу в военной службе. Ежели бы забыли взять фуражку, я бы не думал являться к Воронцову и служить в Тифлисе. В папаше нельзя же! Теперь Бог знает, что меня ждет. Предаюсь в волю Его! Я сам не знаю, что нужно для моего счастья, и что такое счастье?

- Помнишь Архиерейский сад, Зинаида, боковую дорожку? На языке висело у меня признание, и у тебя тоже. Мое дело было начать; но, знаешь, отчего мне кажется, я ничего не сказал? Я был так счастлив, что мне нечего было желать, я боялся испортить свое... не свое, а наше счастье.

Лучшим воспоминанием в жизни останется навсегда это милое время... Все осмеяли люди! Смеются над тем, что с милым рай и в шалаше, и говорят, что это неправда. Разумеется, правда; не только в шалаше – в Крапивне, в Старом Юрте (где жил тогда Толстой, – И.М.) – везде. С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда».

Толстой нигде и никогда письменно не упоминал имени Молостовой, и тем более показательнее, что, когда через полвека Бирюков, составлявший его биографию, попросил его указать на предметы его любви, он вслед за детской любовью к Сонечке Колошиной вдруг назвал имя Зинаиды Молостовой. К этому времени он уже знал, что она продолжала любить его всю жизнь. Сохранился ее портрет. Всмотритесь в него, в ее глаза - толстовские глаза. Это – «она».

Дочь Зинаиды Модестовны писала о ней: «Училась моя мать очень хорошо, соединяя в себе способности с исключительной любовью к знанию и постоянным стремлением к усовершенствованию (явно толстовская черта. – И.М.). Юмор в ней шел об руку с глубоким умом и горячим сердцем. Я редко встречала человека, который мог так сильно страдать за других».¹⁴⁸ Это не просто толстовская, а сопутевая с Толстым черта женской души. Немудрено, что Зинаида Модестовна всю жизнь мечтала (не позволяя себе) встретиться с Львом Николаевичем, а в 80-х годах «всей душой увлеклась учением» его¹⁴⁹, которое она приняла в качестве своего мировоззрения, словно ждала его, и по мере сил старалась соответствовать ему в жизни. Она открывала сиротские дома, в том числе и в своем имении. До конца дней своих она так ни разу и не увидела Толстого¹⁵⁰ (скончалась она 10 февраля 1897 года в Казани), но и через полвека оставалась его, Льва Николаевича, женщиной. Что, если именно она была предназначена ему для Сопутства? Во всяком случае, другой кандидатуры на это место (которая должна же быть, раз есть такое место) во всей жизни Толстого не видно.

Судя по всему, Зинаида Молостова – первостепенная фигура в метафизической биографии Льва Толстого. Она единственный в своем роде пример заочного Сопутства, которое вполне могло стать очным, но не стало таковым.

Сестра Толстого вспоминала, что в их казанском доме Зинаиду Молостову очень любили и отличали от других.¹⁵¹ Лев Николаевич в то время жил на виду, вместе с братьями и сестрой, и странно, что до нас ничего не дошло о предмете его идеальной любви, которая должна же быть у него в юности, в бытность его в Казани. Некоторые исследователи (в их числе Александра Львовна и Сергиенко) считали, что именно З.М. Молостова была «первой любовью» Льва Николаевича и что по дороге на Кавказ он выбрал окольный путь через Казань для того, чтобы повидаться

с нею. Но это не соответствует записи Дневника Толстого, в которой сказано, что он «видал прежде Зинаиду институткой, но я мало знал ее»(46.79).¹⁵²

Несомненно, что теперь он узнал ее и, если бы задержался в Казани на какое-то время, то, надо полагать, их роман благополучно завершился женитьбой. Но брат Николай уезжал из Казани через несколько дней, 15 мая.¹⁵³ «Самоизгнание» в уединении кавказкой жизни, как подсказывала Толстому его путеводная интуиция, было совершенно необходимо для дальнейшего хода его духовной жизни. Толстой не остался в Казани, как требовала его любовь, но не переставал серьезно думать о Зинаиде Молоствовой. Что-то да значат его слова о том, что с милым рай и в Старом Юрте, где он жил на 10 рублей серебром – все, что он тогда мог себе позволить?..

С дороги, через несколько дней после расставания с любимой девушкой, он, опомнившись, что теряет ее, написал о любви к ней длинное письмо своей сестре, рассчитывая, наверное, на ее помощь и посредничество. Из этого большого письма сохранился (или кто-то счел нужным сохранить?) лишь листок с ироническими стихами Толстого по поводу нелепости событий, происходящих в тогдашней его жизни.¹⁵⁴

Еще через несколько дней Толстой отослал письмо А.С. Оголину, добивавшемуся руки младшей сестры Зинаиды Модестовны. Оголин игриво сообщил ему в ответ, что его помнят в Казани. «Вы шутите, - отвечал ему Толстой, - а я, читая Ваше письмо, бледнел и краснел; мне хотелось и смеяться и плакать... ежели не найдете неприличным, лучше скажите Зинаиде Молоствовой, что я прошу вспомнить обо мне»(59.109). По прибытии на Кавказ Лев Николаевич хотел и сам писать ей письмо, но то был бы весьма ответственный шаг: в ту пору Зинаида Модестовна слыла невестой другого человека. Конечно, он мог написать ей личное письмо, но в Казани это не могло быть воспринято иначе, как его предложение.

В начале апреля 1852 года Зинаиду Модестовну постигло большое горе: заболела и умерла горячо ею любимая младшая сестра Елизавета, девушка «по свойствам своей души совсем не от мира сего».¹⁵⁵ Вслед за этим потрясением молодую девушку постигла еще одна беда. Тяжело заболел тифом любящий ее Н.В. Тиле, считавшийся ее женихом; он изменился

неузнаваемо и на некоторое время потерял память. И хотя это был вполне заурядный и чуждый ей человек, подавленная и жалостливая Зинаида вышла за него замуж. Лев Николаевич узнал об этом в конце июня 1852 года¹⁵⁶ и записал в Дневнике: «Мне досадно, и еще более то, что это мало встревожило меня»(46.126). Толстому жаль упущенного, но еще более – что мало жаль. Когда за полгода до этого, в письме к тетушке Ергольской, которое мы выше приводили, он мечтал о тихой семейной жизни с нею в Ясной Поляне, то, скорее всего, в качестве своей жены он воображал Зинаиду Молостову.

Год назад Толстой думал, что Зинаида Модестовна поняла и полюбила его. «Надо привыкнуть, – пишет он теперь, - что никто никогда не поймет меня. Эта участь, должно быть, общая всем людям, слишком трудным». Через полгода после известия о замужестве Молостовой, 19 октября 52-го года Толстой решает: «Любви нет. Есть плотская потребность сообщения и разумная потребность в подруге жизни»(46.146)

Не кажется ли вам, что вся эта история похожа на нестыковку или на недоразумение? Если это так, то надо признать, что недоразумение это произошло в метафизической или даже мистической сфере человеческого существования.

Через 50 лет после нелепого расставания с Зинаидой Молостовой к Толстому по своим делам пришел ее племянник журналист А.П. Мертваго. В первый раз его не приняли. Но во второй раз его ждали, встретили с всею предупредительностью (чем немало его удивили) и сообщили, что граф велел разбудить его, если он придет еще раз. Вошедшая Софья Андреевна попросила разрешения пока не будить с дороги уставшего мужа. Как только Толстой открыл глаза, так тотчас спросил, не пришел ли Мертваго, велел привести и ласково встретил его. Толстой начал разговор издалека, и, наконец,

«после короткой паузы Лев Николаевич каким-то, точно нерешительным тоном спросил:

- Вам кажется Молостовы близкая родня? Где теперь находится Зинаида Молостова?
- Она три года как скончалась.
- Скончалась... - повторил грустно и удивленно Толстой и после продолжительной паузы спросил:

- А муж ее?
- Он скончался в 80-х годах.

Толстой как-то безразлично отнесся к моему ответу и, видимо, над чем-то задумался».¹⁵⁷

Диалог этот происходил в 1900 году, то есть через несколько лет после постигшей Толстого сторгической катастрофы. О чем задумался Лев Николаевич? О своей судьбе в супружестве и о том, какова бы она могла быть, женись он на Зинаиде Молостовой?

В те далекие времена Толстому было 23, 24 года. До наступления сторгического периода мужской жизни оставалось несколько лет. Если бы он повстречал ее через три-четыре года... Почему судьба предложила ему сопутевую женщину так рано? Как произошло, что Толстой не воспользовался предложением распорядителя сторгической судьбы и тем самым упустил шанс провести жизнь в Сопутстве?

"Без шуток, очень, очень вам благодарен за любезное письмо Ваше, – читаем мы в процитированном выше письме Толстого Оголину. - Напишите еще под веселый час, хотя Вы и говорите, что в Казани скучно. Верю и соболезнаю. Завидуйте теперь мне; Вы имеете полное право; когда же воротятся, о, как я буду Вам завидовать. – Я живу теперь в Чечне около Горячеводского укрепления в лагере, - вчера была тревога и маленькая перестрелка, ждут на днях похода.¹⁵⁸ Нашел-таки я ощущения. Но поверите ли какое главное ощущение? Жалею о том, что скоро уехал из Казани; хотя и стараюсь утешать себя мыслью, что и без того бы они (сестры Молостовы – И.М.) уехали, что все приедается и что не надо собой роскошничать. – Грустно"(59.109).

Почему-то Толстой не дал взмыть зародившемуся предсторгическому чувству. В душе его, видимо, еще не заработала сторгическая воля. Он поневоле выжидал. Но, выжидая, никак не облегчил для Зинаиды груз неопределенного положения в жизни (сам в Дневнике просил у нее за это прощение). И Зинаида Модестовна под бременем несчастий не выдержала сознания бесперспективности, сдалась и в дальнейшей жизни была несчастна.

Попытка обрести соответствующую себе сопутевую женщину носит черты однократности.¹⁵⁹ Потом, конечно, всякое может случиться, но то будет именно случай, случайность встречи, что-то сверх назначенного. Вторая попытка

сопутевой связи все же не первая, и значит, следовая, вялая, как бы безнадежная. Но можно ли всю надежду возлагать на первую, где во всю запущен предсторгический процесс? Ведь неосуществленность сторгии в таких условиях уже есть своего рода сторгическая катастрофа. Как может допустить ее обслуживающая нужды эденского существа фортуна?

Весомое значение имеет то, что Гению, который занял пока пустующее тронное место эденского существа в душе Толстого, сопутевая женщина не нужна. Он не против нее, но и не заинтересован в ней. В 24 года Толстой был именно в таком состоянии жизни.

Гений в Толстом спас его тем, что прервал его путевое нисхождение, предотвратил гибель его на Пути, он мог ассистировать его восхождению, но сам по себе не мог ввести его в состояние духовного подъема, тем более – в состояние еще одного взвода духовной жизни. Высокая предсторгическая любовь к Зинаиде Модестовне Молостовой – вот та подъемная сила, которая подняла душу Толстого и обеспечила его второй взвод, без которого вся дальнейшая жизнь его высшей души была бы неполноценной. Любовь эта как нельзя более кстати возникла в Толстом, хотя сам он после двух лет беспутия вряд ли был готов к ней. Конечно, это – фортуна. Однако силы, которые держат человека на Пути, не способны посылать ему любовь, они могут в событийном ходе жизни предложить ему того или ту, отказаться от любви к которой душа не вольна - не потому, что оболщена, а потому, что встреча с ним или с нею уготована для души и любовь подлинна. Таким образом, оказавшийся единственным сопутевым шансом жизни Льва Николаевича был использован для нужд его второго духовного подъема. Что показывает насколько Толстой перед этим был близок к краху путевой жизни.

Есть и еще одно важное обстоятельство, которое воспрепятствовало использованию данного свыше сопутевого шанса по прямому назначению. Вскоре по приезде на Кавказ сердце Льва Николаевича переметнулась совершенно в другую сторону. Место Зинаиды Молостовой в нем заняла казачка из станицы Старогладковской – женщина по всем статьям супротивная аристократической казанской барышне. Толстой влюбился в женщину, с которой личная сторгическая связь была для него невозможна.

Чувство его к ней не могло привести к сторгии и не было предсторгической любовью.

«Я знаю, что со мной, - сказано в «Казаках». - Я не боюсь унизиться своим чувством, не стыжусь своей любви, я горд ею. Я не виноват, что полюбил. Это сделалось против моей воли... Может быть, я в ней люблю природу, олицетворение всего прекрасного природы; но я не имею своей воли, а через меня любит ее какая-то стихийная сила, весь мир Божий, вся природа вдавливает любовь эту в мою душу и говорит: люби. Любя ее, я чувствую себя нераздельной частью всего счастливого Божьего мира».

Обольщение ли это? Или что-то другое, столь же законное, что и сторгия? Во всяком случае, именно это чувство захоронило в Толстом Зинаиду Молостову.

10(34)

Путеводная интуиция не подвела Льва Толстого. Уединение самоизгнания на Кавказе стало и школой для его Гения и для его высшей души. Разум, запущенный призраком эдемского существа при душевном рождении, заработал в эти годы второго взвода по прямому назначению.

«Убеждения человека, не те, которые он рассказывает, а те, которые из всей жизни выжиты им, трудно понять другому, и Вы не знаете моих, – писал Толстой много лет спустя А.А.Толстой. - И ежели бы знали, то нападали бы не так. Попробую, однако, сделать мою profession de foi¹⁶⁰. Ребенком я верил горячо, сантиментально и необдуманно, потом, лет 14, стал думать о жизни вообще и наткнулся на религию, которая не подходила под мои теории, и, разумеется, счел за заслугу разрушить ее... Потом пришло время, что все стало открыто, тайн в жизни больше не было, но сама жизнь начала терять свой смысл. В это же время я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записи того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до

такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением. Я не могу иначе. Из двух лет умственной работы я нашел простую, старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, - я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно. Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их в Евангелии, но нашел мало. Я не нашел ни Бога, ни Искупителя, ни таинств, ничего; а искал всеми, всеми, всеми силами души, и плакал, и мучался, и ничего не желал, кроме истины. Ради Бога, не думайте, чтобы Вы могли чуть-чуть понять из моих слов всю силу и сосредоточенность тогдашнего моего исканья. Это одна из тех тайн души, которые есть у каждого из нас; но могу сказать, что редко я встречал в людях такую страсть к истине, какая была в то время во мне. Так и остался со своей религией, и мне хорошо было жить с ней. Надо сказать еще.

3 мая. Это было написано тотчас после получения Вашего письма. Я остановился, потому что убедился, что все это болтовня, которая не даст Вам понятия о сотой доле того, что есть, и нечего продолжать. А так как я дал себе слово никогда не переделывать Вам писем, посылаю Вам и это. Дело в том, что я люблю, уважаю религию, считаю, что без нее человек не может быть ни хорош, ни счастлив, что я желал бы иметь ее больше всего на свете, что я чувствую, как без нее мое сердце сохнет с каждым годом, что я надеюсь еще и в короткие минуты как будто верю, но не имею религии и не верю. Кроме того, жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь. Когда я живу хорошо, я ближе к ней, мне кажется, вот-вот совсем готов войти в этот счастливый мир, а когда живу дурно, мне кажется, что и не нужно ее... У каждой души свой путь, и путь неизвестный, и только чувствуемый в глубине ее»(60.293-4).

Приступы религиозного экстаза начались сразу же по прибытии на Кавказ, с июня 1851 года, но всякий раз продолжались недолго, сменяясь «пустой стороной жизни». То, о чем пишет Толстой в только что приведенном письме, завязалось, видимо, в декабре 51 года с видения двух снов – сна о бессмертии и сна с трупом Митеньки (см. выше гл. 3). Если любовь к Зинаиде Молоствовой – подъемная сила, то эти сны – своего рода спусковой крючок духовного подъема.

Прошло два месяца. 18 февраля 52 года в колесо орудия, которое наводил Толстой, попало ядро. Лев Николаевич увидел смерть прямо перед собой и чудом остался жив. Этот день Николай Николаевич считал «днем именин» брата Льва. То был один из тех моментов жизни, которые делали у него религию, то есть жизнь его высшей души. Дневник показывает, что процесс этот шел, во-первых, на фоне активного изживания в себе дурного (тщеславия в первую очередь) и, во-вторых, - самопознания. 29 марта 1852 г. в Дневнике появляется запись: «Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким, как все»(46.102). От этого мелочность своей жизни мучает его еще больше.

В последних числах июня 1852 года записано семь положений о добре. Первое: «Цель жизни есть добро. Это чувство присуще душе нашей». Третье: «Мы будем добры тогда, когда все силы наши постоянно будут устремлены к этой цели». Пятое: «Всякое добро, исключая добра, состоящего в довольстве совести, то есть в делании добра ближнему, условно непостоянно и не независимо от меня». Шестое: «Удовлетворение собственных потребностей есть добро только в той мере, в которой оно может способствовать к добру ближнего. Оно есть средство». И наконец, седьмое: «Не искать пользы ближнего и жертвовать ею для себя есть зло». В тех же записях: «Я верю в добро и люблю его, но что указывает мне его, не знаю»(46.128-130).

Личнодуховное переживание добра и удовлетворение собственных потребностей в добре (позиция Царства Божьего, которое внутри есть) вызывает эденское существо после личностного рождения человека. Сейчас же, до личностного рождения, добро для Толстого всего лишь средство для удовлетворения нужд общедуховности. Принципы добра Толстой находит в установках общедуховного бытия на «добро ближнему». Но одновременно это есть и прикладной результат его первичной личной духовной работы. Толстой еще не смеет осознать себя полноценным объектом духовной работы и видит этот объект в «ближнем».

Такая же предварительность прослеживается и в его первичных мыслях о сторгической связанности. Мать героя во второй редакции¹⁶¹ «Детства» в предсмертном письме мужу спрашивает кого-то: «Зачем лишать детей любимой матери? Зачем тебе наносить такой ужасный удар? Зачем умирать, когда я в этой

жизни счастлива?» И отвечает: «Вы слишком меня любите, чтобы воспоминания обо мне когда-нибудь умерли в сердцах ваших... И я слишком сильно чувствую мою любовь к вам, чтобы думать, чтобы то чувство, которое было моей жизнью, которым я одним существовала, могло исчезнуть со смертью. Моя душа не может существовать без любви к вам. Теперь я в этом убеждена. Мы только не будем вместе, но любовь наша не прекратится». ¹⁶² Вопрос смерти, как видите, решается через любовь, и именно сторгическую любовь. ¹⁶³

6 августа 1852 года возникла уже совершенно толстовская мысль: «Жизнь в настоящем, то есть поступать наилучшим образом в настоящем, вот мудрость»(46.137).

3 сентября 1852 года впервые появляется мысль о двуначальности человека: «Влечение духа есть добро ближним. Влечение плоти есть добро личное. В таинственной связи души и тела заключается разгадка противоречащих стремлений»(46.140).

19 октября (весь октябрь очень продуктивен) записано: «Сущность души есть самосознание. Душа может измениться со смертью, но самосознание, то есть душа, не умирает»(46.146).

Такие мысли дали повод некоторым исследователям заявлять, что записи этих дней кажутся выписанными из дневников Толстого последних лет. На наш взгляд, мысли кавказского периода жизни Толстого так же похожи на мысли старца Толстого, как распускающийся цветок схож с плодом того же растения. Эденское существо выходило в активную жизнь души Толстого толчками и возвещало о себе озарениями, которые душа того, в кого оно входило, еще не могла вместить.

На Кавказе Толстой впервые осознал и пережил свое одиночество в мире людей. И попытался осмыслить это. «Я чувствую, что не могу никому быть приятен, и все тяжелы для меня. Я невольно, говоря о чем бы то ни было, говорю глазами такие вещи, которые никому не приятно слышать, и мне самому совестно, что я их говорю» (46.149). Наверняка так это и было. Но в ближайшей перспективе его чувство одиночества связано с обретением в себе существа не от мира сего, эденского существа. Люди личной духовной жизни обычно одиноки и потому-то, кстати, так тянутся к сторгической жизни.

Духовный подъем, как и указал Толстой, продолжался в нем два года (вернее, два с половиной года), до отъезда с Кавказа в январе 1854 года. Со слов

Льва Николаевича в 1905 году П.И. Бирюков сообщает, что «Лев Николаевич с радостью вспоминает это время, считая его одним из лучших периодов своей жизни, несмотря на все уклонения от смутно сознаваемого им идеала. По мнению Льва Николаевича, последующая военная служба его, а особенно литературная деятельность, была постепенным нравственным падением...».¹⁶⁴

Достаточно заглянуть в его Дневник 1854-55 годов, чтобы убедиться в этом. «Мысли об усовершенствовании» (47.5) не покидают его, но мысли эти не имеют ничего общего с нравственным самоусовершенствованием и, тем более, духовным ростом. Он борется с нерешительностью, непостоянством, непоследовательностью, раздражительностью, невоздержанностью в себе, с праздностью и пылкостью, с недостатком скромности, терпимости, храбрости, аккуратности, трудолюбия. Борьба с самолюбием и тщеславием предусмотрена, но, будучи поставлена в этот ряд, теряет прежнее значение. Показательно, что «франклиновский журнал» в это время совершенно заброшен.

В Дунайской армии Толстой вел рассеянный и праздный образ жизни. Армией командовал его дальний родственник князь Горчаков. «То, чего я больше всего желаю, - пишет Толстой тетушке Ергольской 5 июля 1854 года, - это быть адъютантом такого человека, как он, которого я люблю и уважаю от всей души»(59.275). И это – Толстой?

Командующий покори́л Льва Николаевича тем, что он «человек, посвятивший всю свою жизнь служению родине, - и не ради тщеславия, но по долгу» (59.274). Бескорыстное служение Родине и воинская доблесть, на взгляд Толстого того времени, - добродетели самого высшего разряда. Никогда после этого Толстой не был так патриотически и националистически настроен. И в Севастополь он поехал, как видно из письма к Сергею Николаевичу, «из патриотизма, который, признаюсь, сильно напал на меня»(59.321).

В защитниках Севастополя Толстой отмечает «главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства». Но сверх этого, он на каждом солдатском лице различает ни больше, ни меньше, как «следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства». И далее: «Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа... То, что они делают, делают они так просто, так мало напряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз

больше... они все могут сделать». Причина этого «есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого,— любовь к родине». «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...». ¹⁶⁵

Толстой слагает гимн русскому народу. Общедушевное воодушевление во время войны вполне естественно. Однако для личной духовной жизни времен личностного рождения оно очень опасно, так как легко может установить центр тяжести высшей души на общедуховной жизни и сорвать или подорвать процесс личностного рождения. ¹⁶⁶

Среди носителей личной духовной жизни встречаются люди, которые способны на общедушевные (в том числе и, скажем, патриотические) чувства, но которым чужда всякая общедуховная жизнь. Толстой не принадлежал к их числу. До 24 лет он не чурался конфессиональной жизни, хотя и был равнодушен к ней; и в церковь ходил иногда, и говел. Да и в кавказские годы (то есть годы второго духовного взвода) он не стремился к опровержению церковных устоев. Он не находит для них оснований в себе. Другое дело внеконфессиональное общедуховное сознание и чувство, которое легко обнаружить во всех кавказских рассказах Толстого. Сар брата Николая во весь голос заговорил во Льве Николаевиче: «Велики судьбы славянского народа! Недаром дана ему эта спокойная сила души, эта великая простота и бессознательность силы!..». ¹⁶⁷

Постоянно живя вместе с братом на Кавказе, Толстой впитывал в себя его образ одухотворенности и благодаря этому приобрел свою позицию в отношении русской общедушевной жизни. Именно здесь Сар брата Николая стал и его Саром. До этого в Толстом жила любовь к идеализированному общедушевному «ближнему», русскому человеку, было желание помочь ему, слиться с ним, но не было определенной точки, которая давала возможность личного взгляда на свой народ, не было позиции, относительно его ценностей и приоритетов этих ценностей. По слову Льва Николаевича, народ был первой его любовью. При первой любви не видят предмета своей любви, любят по потребности любить. Теперь Толстой не только полюбил, но и с некоторой высоты раз и навсегда увидел русского человека и оценил его дух.

Николай Николаевич органично жил со своим общедуховным существом, он и был им, жил с ним, как с самим собой, один принадлежал другому, и ни тот,

ни другой не нуждался в особом провозглашении. Лев Николаевич знал и переживал это общедуховное существо, этого Сара иначе - не только в себе, но и несколько со стороны. Мироззрение Николая Николаевича вытекало из его жизнечувствования. У Льва Николаевича – наоборот. В отсутствие эденского существа (то есть до личностного рождения) это давало высшую точку зрения толстовскому Гению и тем самым возрастало его. Все последующее десятилетие Гений в нем неразрывно трудился вместе с Саром.

4 марта 1855 года у Толстого возникает мысль о создании новой религии. Мы уже говорили о том, что эта полуслучайная мысль не имеет отношения к религиозной проповеди Толстого¹⁶⁸ последних десятилетий жизни.¹⁶⁹ В ту же пору, о которой мы говорим, Лев Николаевич твердо решил отдаться никак не религиозной, а исключительно литературной деятельности. Гений его поймал отлив, вошел в возраст и завладел им. 11 марта Толстой решает, что «военная карьера не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше» (47.38). Через два с половиной месяца: «Планы сочинений и толпы мыслей» (47.43). Примерно в это же время вновь появились записи во франклиновском журнале. Летом 1855 года с глубокого неудовлетворения своей внутренней и внешней жизнью¹⁷⁰ начался подъем личностного рождения. Год назад Толстой отмечал, что любит славу больше, чем добро; теперь, в 27 лет, вопрос славы и добра разрешается иначе: «Единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература. Моя цель – литературная слава, добро, которое я могу сделать своими сочинениями»(47.60).

Если героем первого севастопольского рассказа был "народ русский", то героем второго севастопольского рассказа стала "правда" – не антиложь, не та правда, которая отталкивается ото лжи, а та, которая основывается на личнодуховной силе Искренности. Война дала возможность развиваться проницательности Толстого на людей, обогатить свою душу знанием чужих душ, без чего немислима работа писателя и что принуждает включаться в жизнь, пусть и издали, эденское существо в человеке.

В ноябре 1855 года Толстого встречал литературный Петербург.

Если бы люди вдруг принялись за изучение своего Пути восхождения, то переживания Толстого и его состояние жизни в 1856-7 годах могло стать хрестоматийным примером личностного рождения человека. "Душевную ломку" лета 1856 года не преминул подметить в Толстом Некрасов.¹⁷¹ "Самые благодатные перемены" обнаружил в нем тогда и Тургенев. Еще точнее высказался Анненков в письме Тургеневу от 26 сентября 1856 года: "Толстой неузнаваем, и путь, который он пробежал в течение лета и осени, просто огромен... Работа в нем идет страшная...".¹⁷² В конце 1856 года эта работа и привела Толстого к личностному рождению. «Я решительно счастлив все это время, упиваясь быстротой морального движения вперед»(47.109), - записывает Толстой в начале января 1857 года. Это подтверждает и Анненков в письме к Тургеневу от 25 января 57 года: «В последнее время я пришел к такому убеждению, что между нами нет лица более *нравственного*, чем Толстой. Он способен к героизму внутренней честности или по крайней мере понимает ее в героических размерах»¹⁷³. «В душе его кипит ненасыщаемая жажда, – читаем в письме Боткина А. Фету, - говорю ненасыщаемая жажда, потому что, что вчера насытило его, ныне разбивается его анализом». Из другого письма Боткина - Тургеневу 3 января: «Ты удивился бы, сколько цепкости и твердости в этом уме и сколько идеальности в душе его. Великий нравственный процесс происходит в нем...» Тургенев – Дружинину 5 декабря 56 года: «Вы, говорят, очень сошлись с Толстым, и он стал очень мил и ясен. Очень этому радуюсь. Когда это молодое вино перебродит – выйдет напиток достойный богов». Он же самому Толстому 3 января 1857 года: "Разрастайтесь в ширину, как Вы до сих пор в глубину росли, а мы со временем будем сидеть под Вашей тенью – да похваливать ее красоту и прохладу".

В старости Лев Николаевич не раз высказывал мысль, что все уже есть во внутреннем мире человека и только с годами все более и более раскрывается в нем. Положение это следует относить к эденскому существу, и верно оно не всегда и не во всех, а в основном для тех, кто прошел личностное рождение и после него живут на Пути. За полгода до смерти Толстой, перечитывая одно из писем 1857 года, с удивлением обнаружил, что и "теперь ничего не сказал бы другого".

И на Кавказе Лев Николаевич, бывало, высказывал то, в чем ретроспективно угадываются мысли его далекого будущего. Дневниковые мысли 24-летнего Толстого напоминают мысли его духовной зрелости так же, как призрак напоминает подлинное. Четыре года спустя в его Дневнике и письмах появляются те самые положения, которые он выработает в 60 – 70 лет. Круг мыслей, взглядов и чувств, который Толстой усвоит три десятилетия спустя, после духовного рождения, ставились в работу именно в эту пору.¹⁷⁴ Несколько примеров:

"Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек... Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, не человеческого, а ОТТУДА"(60.230-1).

«Истина в движении – только»(47.201).

"Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни – это: без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало, и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального"(47.71).

«Человек желчный, злой – не в нормальном положении; человек любящий – напротив; и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи»(46.132).

"Цель моя 1) добро ближнего (а не "общее благо", как было не так давно. – И.М.) и 2) образование себя в такой степени, чтобы я был способен делать его"(47.61).

«Любовь душит меня, любовь плотская и идеальная... Я сам себя интересую чрезвычайно. И даже люблю себя за то, что любви к другим во мне много"(47.129).

«Любовь, любовь (а не благо, как было прежде – И.М.) – одно безошибочно дает счастье»(47.56).

"Христос не приказал, а открыл нравственный закон, который навсегда останется мерилем хорошего и дурного"(48.12).

«Единственно возможное, единственно истинное, вечное и высшее счастье дается тремя вещами: трудом, самоотвержением и любовью»

«У каждого свои наслаждения, но высшие наслаждения, которые даны человеку, — наслаждения добра, которое делаешь, чистой любви и поэзии».

«Я не люблю нежного и высокого, а люблю честное и хорошее».

Последние три цитаты взяты из писем Льва Николаевича к Валерии Владимировне Арсеньевой, на которой он в 1856 году чуть было не женился. То была любовь особого рода. Выше я назвал ее любовью личностного рождения. Это не предсторгическая любовь и не самая сторгическая любовь, а остронаправленное стремление души к добыванию ее, не нуждающееся в предваряющей любви-влюблении и предполагающее непосредственное осуществление сторгии.

После личностного рождения мужчина начинает иначе смотреть на женщину. То, что совсем недавно заманивало его - власть женской привлекательности - перестает быть запалом любовного чувства и уходит в тень. На первый план души отчетливо выдвигается настойчивое сторгическое желание. Оно начинает править в ней. Любовь личностного рождения рвется к полноценности сторгии. Раньше душа требовала счастья и только; теперь ей нужно не одно счастье влюбления, а непременно счастье плюс добро, то есть сторгическое благо. Это различие Толстой предельно ясно выражает в письме к Валерии от 2 ноября 1856 года. В нем, объясняет он ей в третьем лице свое состояние, живут и борются два человека: «глупый» и «умный».

«Глупый человек» желал бы никогда больше не расставаться с нею.

“Ведь ты счастлив, когда ты с ней, смотришь на нее, слушаешь, говоришь? — говорил глупый человек, — так зачем же ты лишаешь себя этого счастья, может, тебе только день, только час впереди, может быть, ты так устроен, что ты не можешь любить долго, а все-таки это самая сильная любовь, которую ты в состоянии испытывать, ежели бы ты только свободно предался ей. Потом, не гадко ли с твоей стороны отвечать таким холодным, рассудительным чувством на ее чистую, преданную любовь”.

Я призываю молодых читателей не верить тем исследователям, которые определяют чувство Толстого к Валерии Арсеньевой как рассудочное и неживое. Так, кстати, казалось и ничего не понимавшей в Толстом Валерии. Вот как на упреки «глупого человека» (и Валерии) отвечает «хороший человек» в письме Толстого:

“Во-первых, ты врешь, что с ней счастлив; правда, я испытываю наслаждение слушать ее, смотреть ей в глаза, но это не счастье и даже не хорошее наслаждение, прощительное для Мортье, а не для тебя; потом, часто

даже мне тяжело бывает с ней, а главное, что я нисколько не теряю счастья, как ты говоришь, я теперь счастлив ею, хотя не вижу ее. Насчет того, что ты называешь моим холодным чувством, я скажу тебе, что оно в 1000 раз сильнее и лучше твоего, хотя я и удерживаю его. Ты любишь ее для своего счастья, а я люблю ее для ее счастья”... Ежели бы я отдался чувству глупого человека и Вашему, - продолжает Толстой в первом лице, - я знаю, что все, что могло бы произойти от этого, это месяц безалаберного счастья... Вам простительно думать и чувствовать, как глупый человек, но мне бы было постыдно и грешно... Любить, как любит глупый человек, это играть сонату без такту, без знаков, с постоянной педалью, но с чувством, не доставляя этим ни себе, ни другим истинного наслаждения. Но для того, чтобы позволить себе отдаться чувству музыки, нужно прежде удерживаться, трудиться, работать, и поверьте, что нет наслаждения в жизни, которое бы давалось так. Все приобретается трудом и лишениями. Но зато, чем тяжелее труд и лишения, тем выше награда. А нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение. Неужели Вы думаете, что, ежели бы мы отдались чувству глупого человека, мы теперь бы поняли друг друга? Нам бы показалось, но потом мы бы увидели громадный овраг и, истратив чувство на глупые нежности, уж ничем бы не заровняли. Я берегу чувство, как сокровище, потому что оно одно в состоянии прочно соединить нас во всех взглядах на жизнь; а без этого нет любви».

Из другого письма:

"Прощайте, милая барышня, глупый человек любит вас, но глупо, хороший человек est tout disposé¹⁷⁵ любить вас самой сильной, нежной и вечной любовью. Отвечайте мне подлиннее, пооткровеннее, посерьезнее, кланяйтесь вашим. Христос с вами, да поможет он нам понимать и любить друг друга хорошо. Но чем бы все это ни кончилось, я всегда буду благодарить Бога за то настоящее счастье, которое я испытываю, благодаря Вам — чувствовать себя лучше и выше и честнее».

Тому, кто проходил личностное рождение, наверно, знакома любовь, которую Толстой переживал в 1856 году.

«Главное чувство, которое я имею к Вам, это еще не любовь, а страстное желание любить Вас изо всех сил».

«Я спрашиваю себя беспрестанно: влюблен ли я в Вас или нет, и я отвечаю: нет, но что-то тянет к Вам, все кажется, что должны мы быть близкими людьми и что Вы лучший мой друг».

Вспомним еще раз слова второй главы книги Бытия, из которых следует, что Господь сделал женщину из адама в качестве "помощника, соответственного ему", то есть его сторгического ближнего – «эзер кенэгдо» на языке подлинника. Б.И. Берман так объясняет смысл этого понятия:

«Одно значение "кенэгдо" - "быть лицом друг к другу", быть вместе и вместе делать работу, но каждый свою, стоять в одной линии, хотя и в разных ее точках. Другое значение "кенэгдо" - быть партнером, имеющим право и силу стоять против другого партнера, протестовать против его действий, останавливать или корректировать его. "Эзер кенэгдо" - это нераздельно связанный и полноправный соратник в труде и жизни. Человеку нужна такая "подмога", которая всегда вместе с ним, лицом к его лицу, состоящая с ним в единстве душ и в единстве разных душевных содержаний».¹⁷⁶

Рожденное в процессе личностного рождения эденское существо словно не в силах ждать и в нетерпении побуждает мужчину взяться за сторгический труд жизни - обрести для себя и для него нераздельно связанного и полноправного соратника для дальнейшей духовной работы и совместной духовной жизни. Он ищет «ее». А если видит, что она не совсем «она», то стремится сделать ее совсем такой, какая нужна. Он призывает – страстно призывает, бывает со страстью влюбления – быть «соответственной ему». Призывает, не считаясь с тем, что сделать это нельзя, что это или уже есть или нет и не будет. Вот если бы сейчас в жизни Толстого появилась Зинаида Молостова...

«Не хорошо» высшей душе после личностного рождения «становиться» одной, и далее проходить Путь восхождения в одиночку. Необходима женщина, «соответствующая ему», состоящая с ним в единстве душ. Этого мужская высшая душа и домогается любовью личностного рождения. В этом главное дело мужской жизни теперь.

Какая была она, Валерия Арсеньева, сказать трудно. Все (кроме одного) письма ее ко Льву Николаевичу исчезли куда-то. (Спросить бы Софью Андреевну?) Мысль жениться на ней подал Толстому его друг молодости Д.А. Дьяков, который был на пять лет его старше. Произошло

это 15 июня 1856 года. Несколько месяцев Лев Николаевич присматривался к Валерии и вроде бы ничего особо замечательного не обнаружил в ней. Она фривольна и любит свет, невежественна и ленива, не совсем хорошо воспитана, пуста и не умна, и к тому же «отсутствие внимания ко всему серьезному». «Вам это непонятно (может, будет понятно со временем) то неописанное великое наслаждение, которое испытываешь, понимая и любя поэзию», - пишет он ей и в другом письме добавляет: «... многого, что занимает меня, Вы не поймете никогда...»

И все же Валерия начинает нравиться ему. Она привлекла его своим добрым сердцем, искренностью и честностью: «умнее Вас я знаю много женщин, но честнее Вас я не встречал». Трогала его и ее улыбка "болезненно покорная"(47.82). Дело ускоренными темпами шло к браку. За брак с ней ратовала тетушка Ергольская, против – брат Сергей Николаевич, которому Лев Николаевич объяснял, что «главное мое чувство это сильная любовь к известному роду семейной жизни, к которой эта девушка подходит лучше всех тех, которых я знал... Вопрос только в том, такая ли она, как я думаю...».

В конце лета Арсеньева поехала в Москву на коронацию Александра III и там увлеклась музыкантом Мортье, легкомысленно вступила с ним в переписку, но вскоре опомнилась и разорвала с ним отношения. Толстой, сверх ожиданий, вскоре простил ее. Он называет ее «мой голубчик» и утверждает, что «это слово так идет к тому чувству, которое я к Вам имею. Именно голубчик». В этой девушке главное дело его жизни теперь.

«Главное, живите так, чтоб, ложась спать, можно сказать себе: нынче я сделала 1) доброе дело для кого-нибудь и 2) сама стала хоть немножко лучше. Попробуйте, пожалуйста, пожалуйста, определять себе вперед занятия дня и вечером поверять себя. Вы увидите, какое спокойное, но большое наслаждение — каждый день сказать себе: нынче я стала лучше, чем вчера».

«Не отчаивайтесь сделаться совершенством».

«Как Вы живете? работаете ли Вы? ради Бога, пишите мне. Не смейтесь над словом работать. Работать умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку строгать, что-нибудь, — но в этом первое

условие нравственной, хорошей жизни и поэтому счастья... Ах, ежели бы Вы могли понять и прочувствовать, выстрадать так, как я, убеждение, что единственно возможное, единственно истинное, вечное и высшее счастье дается тремя вещами: трудом, самоотвержением и любовью! Я это знаю, ношу в душе это убеждение, но живу сообразно с ним только каких-нибудь 2 часа в продолжение года, а Вы с вашей честной натурой, Вы бы отдали себя этому убеждению так, как вы способны себя отдавать людям — m-Ile Vergani и т. д. А 2 человека, соединенные этим убеждением, да это верх счастья. Прощайте, словами это не доказывается, а внушает Бог, когда приходит время».

Себя и ее он в письмах именует супругами Храповицкими, о совместном житье которых полушутливо рассказывает ей.

«Г-н Храповицкий будет исполнять давнишнее свое намерение, в котором г-жа Храповицкая, наверное, поддержит его, сделать сколько возможно своих крестьян счастливыми, будет писать, будет читать и учиться и учить г-жу Храповицкую и называть ее “пупунькой”. Г-жа Храповицкая будет заниматься музыкой, чтением и, разделяя планы г-на Храповицкого, будет помогать ему в его главном деле. Я воображаю ее в виде маленького провиденья для крестьян, как она в каком-нибудь поплиновом платье со своей черной головкой будет ходить к ним в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело, и просыпаться ночью с довольством собой и желанием, чтобы поскорее рассвело, чтобы опять жить и делать добро, за которое все больше и больше, до бесконечности, будет обожать ее г-н Храповицкий».

«Подумайте об этом — без уважения, выше всего, к добру нельзя прожить хорошо на свете».

И вдохновенные, такие толстовские слова:

«... по письму мне показалось, что Вы и любите меня и начинаете понимать жизнь посерьезнее и любить добро и находить наслаждение в том, чтобы следить за собой и идти все вперед по дороге к совершенству. Дорога бесконечная, которая продолжается и в той жизни, прелестная и одна, на которой в этой жизни находишь счастье. Помогай Вам Бог, мой голубчик, идите вперед, любите, любите не одного меня, а весь мир Божий, людей, природу, музыку, поэзию и все, что в нем есть прелестного, и развивайтесь

умом, чтобы уметь понимать вещи, которые достойны любви на свете.

Любовь — главное назначение и счастье на свете».

«Отлично можно жить на свете, коли уметь трудиться и любить, трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься». Эти общеизвестные слова Толстого впервые сказаны им Валерии Арсеньевой.

По-видимому, Валерия Владимировна не была и умна по-женски. По совету своей компаньонки (француженки, воспитанной сестрою Льва Николаевича) она решила поиграть с женихом, разжечь его чувства нарочитой холодностью, дать отпор его унылым моралям и не отвечать на его письма. Толстому пришлось убедиться, что она не такая, как он думал, и, хуже того, не любит его, а только обманывает себя, что любит. «Последний раз пишу Вам... Какой-то инстинкт давно говорит мне, что, кроме Вашего и моего несчастья, ничего из этого не выйдет». 12 декабря 1856 года Толстой окончательно объясняется с ней:

«Вы гневаетесь, что я только умею читать нотации. Ну вот, видите ли, я Вам пишу мои планы о будущем, мои мысли о том, как надо жить, о том, как я понимаю добро и т. д. Это все мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не со слезами на глазах (верьте этому), а для Вас это нотации и скука. Ну что же есть между нами общего? Смотря по развитию, человек и выражает любовь... Любовь и женитьба доставили бы нам только страдания, а дружба, я это чувствую, полезна для нас обоих. И я не знаю, как Вы, но я чувствую в себе силы удержаться в границах ее».

Впрочем, еще за два с половиной месяца до этого Толстой прозрел и записал в Дневник:

«А что, ежели я не знал еще любви, тогда, судя по тому маленькому началу, которое я чувствую теперь, я испытываю с ужасной силой. Не дай Бог, чтобы это было к В. Она страшно пуста, без правил и холодна как лед».

В дневниковой записи этого же дня есть еще одно прозрение — прозрение значения связи с Валерией для всей будущей его жизни:

«Я не влюблен, но эта связь будет навсегда играть большую роль в моей жизни».

Что же эта за роль?

В своих отношениях с Арсеньевой Толстой несомненно стремился образовать Сопутство. «Моя сила, за которую Вы меня любите, — ум, Ваша сила — сердце. И то и другое вещи хорошие, и будем стараться развивать с взаимной помощью и то и другое: Вы меня выучите любить, я Вас выучу думать».

Мы уже говорили, что сопутевая женщина, как правило, встречается в жизни единожды. Но и любовь личностного рождения возможна только в определенный путевой момент. Стремления этой любви осуществляются или не осуществляются. И в том и в другом случае она отрабатывается. Любовью личностного рождения можно либо выстрелить в воздух, либо попасть в цель. Второй попытки не дано. Хотя еще раз скопировать любовь личностного рождения возможно (это и будет копия, а не подлинник), но не воспроизвести ее. Трудно представить Толстого, который и другой женщине еще раз все так же «преподавал» бы (его слово) «чем заставить меня любить Вас» и как ей следует налаживать с ним сторгическую связь.

"Как я готов влюбиться, что это ужасно"(47.127), – пишет он через несколько месяцев после разрыва с Валерией. Однако повторить попытку нельзя. Так проходит и 1857 и 1858 год. "Надо жениться в нынешнем году – или никогда"(48.20) – встречает он новый 1859 год. Но летом того же года: "Мне грустно на себя. – Сердце мое так молчит нынешний год на всё. Даже грусти нет"(48.21). Еще через полгода: "И вот я дома и почему-то спокоен в своих планах тихого морального совершенствования"(48.22).

Затем, в сентябре 1860 года умирает брат Николай. "Страшно оторвало меня от жизни это событие"(48.29), – писал он А. Фету. В книге «На вершинах жизни» мы подробно останавливались на тех мыслях о смерти и смертной жизни, которые завладели им в ту пору. Какая ж тут женитьба...

Рождение эденского существа в высшей душе - чрезвычайно ответственный момент. Драма любви Льва Толстого началась не с этого момента. Но и в этот торжественный и роковой час на Пути жизни он ошибся, не попал в цель, опрометчиво запустил всю душу свою на

двуединство с девушкой, для которой, как оказалось, сторгическая связь с Львом Толстым была непонятна и непосильна.

Конечно, Льву Николаевичу могло тогда повезти или не повезти. Что ж, ему просто не повезло? Но зачем он сразу бросает душу на нее так, словно это последний шанс. Или сторгия не входила в обязательное задание жизни Льва Толстого? А если входила, то как ему могло не повезти? Выходит, что эденское существо желает и требует, но само настолько слепо в земной жизни, что позволяет человеку – и какому человеку! – легко ошибаться в главнейших путевых делах его (человека) и своей (эденского существа) навигации земной жизни? Нет, это уже не драма любви личностного рождения одного какого-то человека. Как, однако, устроена человеческая жизнь... Роман 28-летнего Толстого дает всем практический урок, серьезно предупреждая нас об опасности, подстерегающей человека на личностном подъеме Пути.

В живо действующих мечтах добывания сторгической любви Толстой выработал на Валерии наиболее мощный и свежий ресурс своей души к целенаправленному обретению Сопутства. Это недоразумение в осуществлении Сопутства, как и прозрел Толстой, сыграло огромную роль в его дальнейшей судьбе. Крах любви личностного рождения – большая неудача личной духовной жизни. Чем-то она сходна сторгической катастрофе, которую Толстому придется пережить через сорок лет.

12(36)

Вновь прибывшее эденское существо проявило себя в Толстом не только «своей истиной» и любовью личностного рождения.

Служа в действующей армии, Лев Николаевич высоко чтит солдата и воинскую доблесть. Да и за несколько месяцев до личностного рождения, в апреле 1856 г Толстой считал, что «военное общество есть одно из орудий, которым осуществляется современная правда». В июле 1856 года Тургенев

после разговора с Толстым сказал про него: «Хоть в щелоче вари три дня русского офицера, а не вываришь из него юнкерского ухарства; каким лаком образованности ни отполируй такого субъекта, все-таки в нем просвечивает зверство».

Прошло 8 месяцев. «Вся военная обстановка, – решает Толстой сейчас, – как будто выдумана для того, чтобы из разумного и доброго создания – человека сделать бессмысленного, злого зверя». «Стоит надеть на человека мундир, отдалить его от семейства и ударить в барабан, чтобы сделать из него зверя» (47.204). «Солдаты – ученые звери, чтобы кусать всех» (47.118). Мысли проповеди Толстого середины 90-х годов (когда он в воинской повинности видел главное общественное зло) зародились у него за 40 лет, сразу же после личностного рождения. Ни эденское ли существо принесло их с собой?

Взрослея на Пути восхождения, эденское существо Толстого на подъеме первого Пробуждения пройдет точку темного откровения – через эпизод суда над солдатом Шабунинным к откровению темного ОНО Пьера Безухова, сыгравшего основополагающую роль в духовной жизни и проповеди Льва Толстого. Мы видим, что направление развития мысли к этому темному откровению было взято за 10 лет до него, сразу же после вхождения эденского существа в высшую душу Льва Николаевича. Каждое эденское существо обладает своим особенным «разумным сознанием», своим исходным сознанием жизни, которое по мере восхождения на Пути становится сознанием жизни человека, его носителя.

На Кавказе и в Севастополе Толстой видел столько крови, страданий, убийств и смерти, что, казалось бы, никакая гибель человека не могло испугать его. Но вот 6 апреля 1857 года Толстой, будучи в Париже, пошел смотреть казнь преступника, ограбившего и убившего двух своих приятелей. Толстой, как пишет он в «Так что же нам делать?», «ахнул и понял – не умом, не сердцем, а всем существом моим, что все рассуждения, которые я слышал о смертной казни, есть злая чепуха...». Против смертной казни Толстой теоретически возражал и в 19 лет. Но то были политические суждения. 29-летний Толстой осудил смертную казнь Совестью, которая вошла в столкновение с политическими взглядами как таковыми. «Я не политический человек», – понял Толстой после казни. «Я понимаю законы нравственные, законы морали и религии, не обязательные ни для кого, ведущие вперед и обещающие

гармоническую будущность; я чувствую законы искусства, дающие счастье всегда; но политические законы для меня такая ужасная ложь, что я не вижу в них ни лучшего, ни худшего». «Я во всей этой отвратительной лжи вижу одну мерзость, зло и не хочу и не могу разбирать, где ее больше, где меньше» - в республике ли, или в монархии, или в каком другом государственном устройстве. И наконец, вывод:

«Уж верно с нынешнего дня я не только никогда не пойду смотреть этого, - никогда не буду служить нигде *никакому* правительству».

Некоторые государства нашего времени не применяют смертную казнь, но это никак не изменило бы решение Толстого, живи он сегодня, не служить *никакому* правительству. Юридический запрет смертной казни вызван общими рассуждениями и обусловлен даже не общедушевной совестью (основанной на нравственном чувстве Общей души данного народа), а ныне принятой нормой общественной морали, которая не имеет прочных оснований в человеке, каков он на сегодня есть, и легко может измениться в любой момент, как только общества, поставленные Историей в иные обстоятельства, решат отменить эту норму.

Лев Николаевич вдруг стал смотреть на дело не с общественной точки зрения, а совсем с другой, личностно-духовной стороны, и обнаружил абсурд происходящего. В Дневнике он объясняет, чему он так ужаснулся: «Толстая, белая, здоровая шея и грудь. Целовал Евангелие и потом – смерть, что за бессмыслица! – Сильное и не даром прошедшее впечатление». Толстой не пылал в моральном негодовании, как может на первый взгляд показаться. Но и не разум его выявил абсурд казни после целования Евангелия, и не разумом Толстой ужаснулся, а, как он объяснял, «всем существом своим». «Бессмыслица» для Толстого тут вообще не нонсенс, а ложь, нравственная ложь. Зрелище казни породило прозрение, откровение, в результате которого он испытал ужас перед нравственной ложью как таковой.

Откровение потому и откровение, что возникает не от человека, а от того, кто сверх человеческого существа. Только-только явившееся эденское существо озарило Толстого новым Светом сознания и, взглянув на мир наш через него, открыло ему зло политической морали и тем привело его в состояние нравственного ужаса и духовного отвращения. Эденское существо Толстого прежде всего заработало в нем Правдой-Совестью. Это - особенная

персоналистическая черта его эденского существа. Потому-то режим правды и совести стал с тех пор (со времен личностного рождения) постоянным рабочим режимом высшей души Льва Толстого.

Зрелище парижской казни привело Толстого и к другому откровению того же ряда.

«Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, - пишет Толстой Боткину, - но ежели бы при мне изорвали на куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека. Там есть... человеческое чувство страсти, а здесь до тонкости доведенное спокойствие и удобство в убийстве и ничего величественного». «Искусно и элегантно» сделанная гильотина явила Толстому духовное состояние людей той цивилизации, в которой это орудие было изобретено.

На следующий день он уехал из Парижа, в котором намерен был жить долго. И с дороги написал Тургеневу: «Вчера вечером, в 8 часов, когда я после поганой железной дороги пересел в дилижанс на открытое место и увидел дорогу, лунную ночь, все эти звуки и духи дорожные, всю мою тоску и болезнь как рукой сняло или, скорей, превратило в эту тихую, трогательную радость, которую Вы знаете. Отлично я сделал, что уехал из этого содома. Ради Бога, уезжайте куда-нибудь и Вы, но только не по железной дороге. Железная дорога к путешествию то, что бордель к любви, — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно».

Толстой не был заранее предубежден против западной цивилизации. «За два месяца до первого путешествия за границу, - отмечает Н.Н.Гусев, - он был еще такого высоко мнения о заграничной жизни, что в письме к В.В. Арсеньевой 19 ноября 1856 года, строя планы их будущей совместной жизни, считал необходимым зимние месяцы проводить «непременно в Петербурге или за границей, для того, чтобы не отставать от века». Пробыв же, в общей сложности, около полутора лет за границей, его уже не тянула туда более, и он ни разу ни в одном сочинении не помянул Европу добрым словом».¹⁷⁷

Толстой увидел Запад не со славянофильской позиции, не с позиции русской Общей души и не с высоты дворянской культуры, презирающей культуру буржуазную, а исключительно с личной духовной точки зрения. В

какой-то момент эденское существо его пришло в ужас от того, куда оно попало. Эденское существо устанавливает в человеке идеал «инстинктивной и любовной ассоциации людей». В полную противоположность этому Толстой обнаружил «себялюбивую ассоциацию людей, которую называют цивилизацией» и которая сама выставляет себя высшим достижением человечества. Подлинную духовную ценность западноевропейской жизни определило своего рода прозрение Толстого в ее подноготную. Толстого интересует не то, что происходит в сфере юридического закона, а то, что происходит «вне его, в сфере нравов и воззрения общества», что и составляет подлинную жизнь людей. Через неделю после отъезда из Парижа он пишет о «разврате и мерзости биржи, железных дорог и т.п.», которыми «умеют пользоваться» «только шельмы и дурные люди» (47.204).

Вместо свойственного человеку выражения духовного благосостояния Толстой видит на лицах одно застывшее выражение «сознания собственного благосостояния», несомненно происходящее от ненавистного ему состояния духовного равнодушия. «Всем им, казалось, так было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свете, такое в их движениях и лицах выражалось равнодушие ко всякой чужой жизни и такая уверенность в том, что швейцар им посторонится и поклонится, и что, воротясь, они найдут чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это имеют полное право». «Отчего эти развитые, гуманные люди, способные в общем на всякое честное, гуманное дело, не имеют человеческого, сердечного чувства на личное доброе дело? Неужели нет этого чувства, и место его заняли тщеславие, честолюбие и корысть, руководящие этих людей в их палатах, митингах и обществах?»

Знающие люди говорят, что в русской подцензурной печати того времени толстовский «Люцерн»,¹⁷⁸ из которого мы приводим цитаты, был единственным художественным произведением, в котором выражалось такое отношение к западной цивилизации. Толстой же остался верен своему взгляду до конца жизни. «Очень чиста материально эта европейская жизнь, - писал он полвека спустя, - но ужасно грязна духовно»(76.128). С тех пор прошел целый век, и европейская жизнь стала еще чище материально и еще грязнее духовно – особой мнимодуховной и мнимонравственной грязью, из которой выбраться куда труднее, чем прежде, во времена Льва Толстого.

Надо сказать, что Лев Николаевич не почувствовал облегчения и тогда, когда возвратился летом 1857 года в Россию. «Но Россия противна, и чувствую, как эта грубая, лживая жизнь со всех сторон обступает меня» (47.150). Он долго боролся с чувством отвращения к родине и понял, «что в России жизнь – постоянный, вечный труд и борьба со своими чувствами» (60.22). Ничего похожего с Толстым раньше не было. Недаром Некрасов, которому Толстой сообщил свои российские впечатления, ответил ему: «Ну, теперь будете верить, что можно искренно, а не из фразы ругаться».

Эденское существо человека предназначено править в его личной духовной жизни. Выглянувшее же на свет эденское существо Толстого, ужасаясь на жизнь людей друг с другом, то есть их общедушевной и общедуховной жизнью, вроде бы вошло не в свою сферу, а в ту, где духовно правит Сар. Но не Сар брата Николая, воспринятый душой его брата Льва, прозрел зло общедушевной нравственной лжи и духовную пустотелость западной цивилизации, - Сар этот вообще не способен на обличение, - а эденское существо Толстого, которое в некотором роде замещало его функции. Отметим эту уникальную черту духовной жизни Льва Николаевича. Эденское существо его высшей души постоянно стремилось в подмену или в поддержку Сара участвовать в общедуховной жизни. И прежде всего и более всего в русской общедуховной жизни.

Подъем личностного рождения продолжался в Толстом весь 1858 год и, возможно, первую половину 1859 года. В середине этого года Толстой почувствовал упадок духовных сил. Наступили сумерки.

«Мне так гадко, грустно теперь в деревне. Такой холод и сухость в душе, что страшно. Жить нечем. Вчера мне пришли эти мысли с такой силой, как я стал спрашивать себя хорошенько: кому я делаю добро? Кого люблю? – Никого! И грусти даже, и слез над самим собой нет. И раскаяние холодное. Так, рассуждения. Один труд остается. А что труд? Пустяки, - копаешься, копаешься, хлопчешь, а сердце суживается, сохнет, мрет» (60.294). Это сказано в мае. Через месяц: «Я забавляюсь или, скорей, стараюсь отуманиться делами, хлебопашеством... Дни убавляются с нынешнего дня. А для меня без пользы и без счастья уж сколько убавилось дней и все еще убавляются, а все кажется, что на что-то можно бы их употребить» (60.300-301). Еще через четыре месяца: «Беспорядочен, желчен, скучлив, безнадежен, ленив». (47.160).

В октябре 1859 сошла с ума любимая жена друга Толстого, а затем неожиданно умерла молодая племянница другого его друга Александры Андреевны Толстой. «Да, мой друг, - пишет ей Толстой, - Ваше горе – и это горе, и с таким злым, изысканным горем велит Бог жить людям»(60.312).

Нелишне вспомнить, что и весной 1856 года, то есть незадолго до его личного рождения, была пора, когда Толстой, тяжело живя с самим собою, «совсем впал в праздность и материальность» (47.70). Такой момент предрассветной мглы непременно присутствует перед всяким духовным подъемом или путевым рождением или переключением души на другое поприще духовной жизни и свидетельствует о наступлении либо того, либо другого, либо третьего. Вслед за Толстым эти моменты можно называть «остановками жизни».

13(37)

Откровением Толстой называл «то, что открывается перед разумом, дошедшим до последних своих пределов, - созерцание Божественной, то есть выше разума стоящей истины». На каждом духовном подъеме есть момент наибольшего ускорения духовного роста, в котором и возникают самые значительные откровения. Такое откровение, - одновременно откровение-истина и откровение-видение, - раскрылось перед Толстым на пике подъема личного рождения, в конце ноября 1857 года, и было зафиксировано им в форме небольшого этюда под названием «Сон». В нем три части и три откровения. В первой части представлено состояние величия и счастья, даруемое человеку воздействующим на толпу Гением его.

«Я во сне стоял на белом, колеблющемся возвышении. Я говорил людям все то, что было в моей душе, и чего я не знал прежде. Мысли мои были странны как во сне, но невольно облекались вдохновенным, размеренным словом. Я удивлялся тому, что говорил, но радовался, слушая звуки своего голоса. Я ничего не видал, но чувствовал, что вокруг меня толпились незнакомые мне люди и все мои братья. Вблизи они дышали. Вдали бурлило море, темное, как толпа. Когда я говорил, от моего говора по всему лесу пробегал ветер. И этот ветер возбуждал восторг в толпе и во мне.

Когда я замолкал, море дышало. И море, и леса была толпа. Глаза мои не видели, но все глаза смотрели на меня, — я чувствовал их взгляды. Я бы не мог устоять, ежели бы они не держали меня своими взглядами. Мне было тяжело и радостно. Они двигали мною, также как я двигал ими. Я чувствовал в себе власть и власть моя над ними не имела пределов».¹⁷⁹

Кроме первоначального сохранились еще два варианта «Сна». Написанная через месяц вторая редакция помещена в письме В.П. Боткину от 4 января 1858 года. Еще через пять лет, весной 1863 года, Толстой в последний раз редактирует этюд и отправляет его в печать, подписавшись именем подруги тетушки Ергольской. Первая часть «Сна» во всех редакциях примерно одна и та же. Смыслы второй части меняются от редакции к редакции.

В варианте письма к Боткину:

«Вдруг я почувствовал сзади себя чужое счастье и принужден был оглянуться.¹⁸⁰ Это была женщина. Без мыслей, без движений, я остановился и смотрел на нее. Мне стало стыдно за то, что я делал. Сжатая толпа не расступалась, но каким-то чудом женщина двигалась медленно и спокойно посередине толпы, не соединяясь с нею. Не помню, была ли эта женщина молода и прекрасна, не помню одежды и цвета волос ее; не знаю, была ли то первая погибшая мечта любви или позднее воспоминание любви матери, знаю только, что в ней было всё, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила.¹⁸¹ Она отвернулась. Я смутно видел очертания полуоборотившегося лица и только на мгновение застал на себе ее взгляд, выражавший кроткую насмешку и любовное сожаление.¹⁸² — Она не понимала того, что я говорил; но не жалела о том, а жалела обо мне. Она не презирала ни меня, ни толпу, ни восторги наши, она была прелестна и счастлива».

Б.И. Берман, всесторонне исследовавший этот этюд, отметил, что здесь «на «возвышение» поставлен сам статус творчества», что «Толстой испытывает внутреннюю ценность состояния творчества»¹⁸³ или, что то же самое, достоинство величия и жизнедеятельности (восторга вдохновения) Гения в человеке. И, конечно, прежде всего в себе самом. Гений не только меркнет перед ликом женщины «Сна», но и изображается лживым духом, взобравшимся на шаткое возвышение.¹⁸⁴ Таково откровение истины толстовского этюда. Сама же женщина «Сна» есть откровение-видение некоего духовного существа. Какого?

Во всех редакциях женщина «Сна», возникает не изнутри человека, а «сзади», из среды толпы. «Сжатая толпа не расступалась, но каким-то чудом женщина двигалась медленно и спокойно посередине толпы, не соединяясь с нею». Чуть ниже мы найдем четкое подтверждение тому, что она представлялась Толстому общедуховным существом. В первом варианте этюда видение общедуховного «духа простоты и правды»¹⁸⁵ сходствует Сару брата Николая.¹⁸⁶ В двух последующих редакциях она превращается в видение общедуховного духа совести и милосердия, перед ликом которого Толстой вершит нравственный суд над собою и своим Гением: «Мне стало очень стыдно... Я не мог обманывать себя... Она не презирала меня. Она видела наш восторг и жалела... Она ничего не понимала из того, что я говорил, и не жалела о том, что не понимает, а жалела обо мне». «Она равнодушно отвернулась, и я только на мгновение застал на себе ее ясные глаза, на которых готовились слезы. Во взгляде ее была жалость и любовь, на устах была легкая улыбка».

От редакции к редакции видение женщины «Сна» все яснее обретает черты исполненного высокого спокойствия женского христианского Божества, в котором счастье, добро, любовь и «все, что любят». Она - «светла, блаженно-равнодушна, как подобает Божествам»¹⁸⁷ и «своим законам лишь послушна». Основное событие этого произведения: свободный взгляд «ее» вошел в авторское Я и навсегда остался в нем. «Я не мог вынуть из себя ее взгляда... Она была полна счастья. Ей никого не нужно было, и по этому я чувствовал, что без нее нельзя жить». Все во внутреннем мире рассказчика, в том числе и жизнь его Гения, теперь должно вершиться под воздействием «Ее» величественно-спокойного, преисполненного надмирной любви взгляда.

Вскоре после написания этюда Толстой отказался от литературной работы. Может сдаться, что «Сон» свидетельствует об этом перевороте в душе Толстого, и, следовательно, есть символическое выражение его отречения от своего Гения. Это не совсем так. Ни тогда и ни потом Лев Толстой не отступался от своего Гения. Откровение «Сна» - откровение «своей жизни» и его блага. Оно - в ряду откровений личностного рождения.

Года два-три назад (еще до личностного рождения) Лев Николаевич определился в жизни, решив отдать себя литературе и обрести славу. Откровение «Сна» запретило Льву Николаевичу служить своему Гению, а,

тем более, признавать его власть над собой. Видение женщины «Сна» в буквальном смысле слова дало Толстому «взгляд» (который остался в нем) и высшую точку этого взгляда. Глядя с этой точки, Толстой открыл для себя, что его Гений должен не бездействовать, а работать, но непосредственно пред взором некоторого высшего духовного существа в себе.¹⁸⁸ И что же в результате?

Финальную часть этюда можно разбить на три положения.

Первое положение: под действием «ее» взгляда «все исчезло: и толпа, и мысли, слова, и восторг».

Второе положение: «Но и она не осталась со мною. Осталось одно жгучее, безжалостное воспоминание» (вторая редакция). «Осталась одна сила, одно желание... Одного желало все существо мое - еще раз проникнуться этим взглядом, понять его и жить его жизнью, но она незаметно неподвижно удалялась от меня. Я звал ее, умолял хоть еще раз оглянуться на меня и сказать мне... Она удалялась... Она исчезла» (первая редакция). «Дрожащий мрак закрыл от меня ее всю» (окончательная редакция).

Третье положение - плачь. В варианте ноября 1857 года: «Я заплакал о невозможном счастье, но слезы, эти были мне слаще прежних восторгов». В варианте января 1858 года: «Я заплакал во сне, и слезы эти были мне слаще прежних восторгов. Я проснулся и не отрекся от своих слез. В слезах этих и наяву было счастье». В окончательной редакции 1863 года: «Я сбросил с себя стыд и плакал о прошедшем, невозвратимом счастье, о невозможности будущего счастья, о чужом счастье... Но в слезах этих было и счастье настоящего...».

Мы пытаемся разобрать очень серьезный текст. «Сон» схож с сакральным религиозным текстом, хотя и имеющим чрезвычайное значение только для автора и никого больше. Тут каждое слово или его изменение исполнено смысла. Смысл первого положения финальной части этюда более или менее ясен. Незаконная деятельность Гения на «колеблющемся возвышении» остановлена. Но и автор вроде бы остался ни с кем. Каков смысл в том, что «она» прошла мимо, исчезла, не осталось с ним, как он желал? Вопрос неправомерен, будь он обращен к стихотворению в прозе. Но эта «штука» (как называл свой этюд сам Толстой) определенно выражает состояние жизни автора - его состояние

полуоставленности тем духовным существом, присутствие которого совершенно необходимо для его внутренней жизни. Но к какому времени отнести это его состояние: к прошедшему, настоящему, грядущему?

В первом варианте сказано о «невозможном счастье» (с нею? вообще?), хотя его слезы о ней «слаще» того, что «она» сама разрушила – «прежних восторгов». Результат вроде бы положительный. Во втором варианте добавлено, что «в слезах этих и наяву было счастье», - надо полагать, счастье воспоминания о ее мимолетном присутствии в его жизни.

Последний вариант отличается от предыдущих тем, что в нем говорится не о «невозможном счастье» вообще, без привязки ко времени, а о бывшем когда-то, но уже «невозвратимом счастье» и «о невозможности будущего счастья», то есть в каком-то смысле не «своем», а «о чужом счастье», в слезах о котором «было и счастье настоящего...». И все это прямое следствие того, что «Я сбросил с себя стыд», который вызван был тем, что он принял в себя взгляд прошедшего мимо него видения женщины «Сна». Не подводит ли Толстой черту под своею жизнью, в том числе и под откровением «Сна»?

Самое простое объяснение состоит в том, что если первые два варианта «Сна» написаны тогда, когда Толстой стал отходить от литературной деятельности, то последний – тогда, когда он уже возвратился к ней и приступал к «Войне и миру». Гений, нравственно осужденный женщиной «Сна», вновь реабилитирован им. Положим, это так. Но ведь так потому, что счастье быть с «нею», счастье в себе нести «ее» могучие духовное существо объявлено «чужим счастьем», ему не свойственным и для него невозможным. Что совершенно не похоже на Льва Толстого. В тексте «Сна» есть какая-то тайна, до конца вряд ли разгаданная самим автором. Льву Николаевичу что-то чудится в прошлом, настоящем и будущем своей жизни и глубинах своей души, он старается угадать, что именно, и не может вполне угадать. Сакральный текст и предназначен для изъяснения такого рода невнятных тайн. Отметим только, что сам уход женщины «Сна» в сознании Толстого так или иначе связан с темой несостоявшегося или «чужого счастья».

Впрочем, и после 1863 года Толстой пытался использовать «Сон» в «Войне мире», и никак не в значении «чужой жизни» и сброшенного стыда,

а как раз наоборот.¹⁸⁹ В 1864 году, в одном из черновиков «Войны и мира» юный Николай Ростов переживает то же потрясение поругания чистоты, которое некогда испытал Толстой в Казани. После этого, по плану автора, Ростову должен был сниться известный нам сон. Немаловажный для восприятия «Сна» штрих: роль женщины «Сна», роль женского христианского Божества отдана Соне, то есть молодой Татьяне Александровне Ергольской.

Б.И.Берман понимает «Сон» «как род исповедания перед кем-то и как установление высшей точки душевного зрения». Он убедительно показывает, что и то высокое, спокойное, торжественное и бесконечное небо, которое раскрылось перед раненым князем Андреем на поле Аустерлица в противовес тому, как он перед тем бежал в атаку, восходит к образу женщины «Сна». Перед лицом Неба для князя Андрея «все пустое, все обман», «ничего нет, кроме него» и «кроме него ничего не нужно».

В ранних вариантах перелом в мирозерцании Пьера должен был наступить в результате его встречи со стариком. То было «олицетворение старости – спокойствия, отрешения от земной жизни, равнодушия. Взгляд его, звук и смысл его речей – все говорило это. Пьер в восторженном созерцании стоял перед ним»(14.358). Вариант оставлен, и место этого старика в романе занимает «Сон». Пьер видит сон: «Он стоит на возвышении и говорит, и она пришла; и ему стало стыдно»(14.298).

Написанный десять лет назад этюд Толстой предполагает использовать в несколько ином осмыслении. Теперь в первой части «Сна» нравственно испытывается не статус человеческого творчества, а статус земного человеческого величия как такового, величия не Гения, а Героя - Наполеона или того, кто собрался, как Пьер, спасая мир, убить великого полководца. Во второй части «Сна» - видение подлинного небесного величия, величие носительницы небесной Любви, Совести и Милосердия. Переворот в Пьере должен был произойти под воздействием этого видения «Ее». Но вместо «Сна» в «Войне и мире» возникает Платон Каратаев. Пьер, как и герой «Сна», никогда не смог вынуть из себя его взгляда.

Вместе с Тушиным (прототипом которого, как мы помним, был брат Николай) Каратаев – центральный общедуховный образ в толстовском романе. Произошедшее в творческом процессе превращение «Сна» в

Каратаева с несомненностью подтверждает общедуховность существа, явленного в видении женщины «Сна». Но что означает эта смена образов в одном из основных узлов романа?

В образах этих, если поискать, есть кое-что общее. Пьер то же склонен обсуждать себя с точки зрения того взгляда, который внес в него Каратаев. Но это оценка себя с позиции земного человеческого «духа простоты и правды», а не высший нравственный суд над собой с надмирной высоты духа любви, совести и милосердия. Про Каратаева, при всей его духовной женственности, нельзя сказать, что в нем «было все» или «было все, что любят» или что к нему «сладко и больно тянула непреодолимая сила». Соотнесите Каратаева и женщину «Сна», и вы увидите, что образы эти не соответствуют, что Каратаев, при всем значении его в русской культуре, понижает Божественное достоинство того образа, место которого он занял в романе. Так что ж, Лев Толстой не справился с задачей адекватного выражения женского христианского Божества в образе земного человека? Или это невозможно и у него не было такой задачи?

После первого падения Николай Ростов впечатлился своим сном, в котором перед ним явилась «она», но «суета дня рассеяла впечатление» и видение «Сна» не произвело действие на него. Примерно то же случилось и с Пьером Безуховым. Утром Пьер «с новым жаром» принялся искать пути убить Наполеона, хотя и с большой опаской за прочность своего намерения. Он, «как наполненный жидкостью какой-нибудь сосуд, быстро и осторожно нес свое намерение, боясь, наученный опытом прошлой ночи, как-нибудь растерять» его. Героическое намерение Пьера, основанное на убеждении в праве решать судьбы людей за них, поблекло, надорвалось, но не уничтожилось. С некоторой натяжкой (мало заметной для читателя) Толстой, конечно, мог представить необратимый переворот в душе Пьера под воздействием откровения-видения женщины «Сна». Но не сделал этого, наверное, потому, что тогда, в конце работы над «Войной и миром», такое радикальное действие было недостоверно для него самого.

Толстой предчувствовал появление, но еще не видел в себе то высшее общедуховное существо, которое олицетворено им в лице женщины «Сна». Оно еще не вошло в него, не стало в нем и не могло быть решающим действующим лицом в его жизни и в его романе.¹⁹⁰

Осмысливая «Сон», Б.И.Берман писал:

«Речь идет о том первичном образе, существующем в творческом воображении художника, который можно было бы назвать *порождающим* образом в трудах художественного творчества. Это – некоторое образное *зерно*. Нужно очень много, чтобы напитать и взрастить его; быть может, то, что вырастет, мало чем будет напоминать его, но оно дает импульс зарождению, оно потенциально уже уготовило будущее творение».

И в завершении статьи Б.И. Бермана читаем:

««Сон» для Толстого акт самопостижения... Этот образ лежит в самом глубинном пласте творческого мышления, и глубинный его анализ позволил бы нам прикоснуться к таким заповедным областям творческой жизни, какие редко удается видеть воочию».¹⁹¹

Все сказанное Б.И. Берманом совершенно верно, но хорошо бы расширить область применения его мысли и говорить не только о творческой жизни Толстого, но и о процессах всей его духовной жизни. Мы будем иметь не один случай подумать об этом.

14(38)

Людей, способных на личную духовную жизнь, совсем не много. Куда больше способных на общедуховную жизнь. Люди же, пригодные как к личной духовной, так и к общедуховной жизни, встречаются очень редко. Но и из них только немногие сохраняют эту способность до зрелости и умеют жить на обе стороны духовной жизни. Толстой – редчайший человек и в этом отношении.

Восхождение личной духовной жизни это процесс все большего и большего включения эденского существа в высшую душу человека. Восхождение общедуховной жизни это процесс все большего и большего включения своей высшей души в духовный пласт своей Общей души. Для чего необходимо, чтобы высшая душа несла в себе один из образов одухотворенности, существующих в Общей душе, то есть была бы причастна одному из организующих Общую душу Саров, обладала им и жила по его одухотворенности.

Вообще говоря, процесс личной духовной жизни не противоречит процессу общедуховной жизни, хотя в разные мгновения жизни между Саром и эдемским существом могут сложиться всевозможные отношения совместного действия и противодействия. В такой весьма динамичной ситуации та и другая духовная жизнь должны быть как-то согласованы. В одном и том же человеке они в основном согласуются посредством перехода из одной в другую. Но перехода без разрыва. Лучше всего, если личная духовная жизнь при этом переводе заводит общедуховную жизнь, и наоборот.

Путь восхождения личной духовной жизни в основном вершится на приливах. На отливах же сохраняется и разрабатывается то, что в ней добыто на приливах. Отлив личной духовной жизни есть самое подходящее время для переключения на жизнь общедуховную и ее прилива в человеке.

Общедушевная сторона внутреннего мира человека задействуется задолго до душевного рождения, тогда как общедуховная сторона высшей души вскрывается после душевного рождения. В Толстом это произошло на исходе не слишком для него удачного подъема взвода его личной духовной жизни. Полнота и энергия его духовной жизни в те полтора года, когда он, бросив Университет, жил в своем имении и пытался устроить жить крестьян, была обеспечена редкостным обстоятельством: это был одновременно и подзавод личной духовной жизни и первичный взвод общедуховной жизни. В тот критический момент перехода на рельсы чистилищного уступа высшая душа Толстого нашла спасение - перевелась на общедуховную жизнь. Что продлило общее время духовного взвода и дало возможность лично духовной стороне души сохранить себя на Пути.

Переключение с личной духовной жизни на общедуховную и обратно происходит в метафизической биографии Льва Толстого постоянно. Эта ее особенность не только придает силу и обеспечивает полнокровность жизни высшей души Толстого, но и указывает на то, что ее назначение прочно связано как с восхождением личной духовной жизни, так и энергетикой общедуховной жизни.

Тайна предназначения Толстого сокрыта во взаимодействии двух сторон его духовной жизни. Поэтому движения его личнодуховной и его общедуховной жизни никогда не сталкивались и даже не мешали друг другу. Чтобы

выразить себя в «Войне и мире» Толстому потребовались два героя: князь Андрей в качестве носителя его эденского существа в личной духовной жизни и Пьер Безухов в его общедуховной жизни. У каждого из них - своя задача, свои движения и своя вершина, только ему уготованная и неприемлемая для другого. И тем не менее они – верные друзья. В некотором смысле Пьер и князь Андрей бесконфликтно сосуществовали во внутреннем мире уже двадцатилетнего Толстого. Но даже совместными усилиями они, как мы знаем, не смогли выручить его, когда наступила пора беспутия.

Во времена второго взвода личной духовной жизни его общедуховная жизнь не отошла на второй план, а, напротив, обрела черты, ей свойственные. На Кавказе Толстой нашел опору общедуховной жизни в Саре брата Николая; от него он на многие годы вперед усвоил в качестве своего стиль русской одухотворенности, изначально свойственный его душе, и принял – еще до личностного рождения – соответствующий взгляд и общедуховные критерии оценки достоинства, высоты и полноценности человека.¹⁹²

В столь привлекательной для него жизни казаков он, с одной стороны, видел идеал русской жизни: «Будущность России – казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого»(47.204). С другой же, казачья жизнь сливались с природной жизнью, но так, что эта «могучая, неистощимая, ясная природа» была созвучна образу одухотворенности Сара его и его брата. Все тут дышало «какой-то полнотой, изяществом себя вполне удовлетворяющей жизни». «Любя ее, я чувствую себя нераздельной частью всего счастливого Божьего мира» («Казачество», гл.33). «Пантеизм» Толстого, о котором так много говорилось в первой половине XX века, не философского, а общедуховного происхождения.

Второй взвод духовной жизни Толстого, как мы знаем, длился года два. В следующие два-три года, вплоть до подъема личностного рождения, Толстой вполне во власти общедушевности и общедуховности. В результате трудов духовного роста на личностном подъеме Пути человек обретает и с тех пор несет в себе сознание своей *собственной* одухотворенности. С момента личностного рождения эденское существо теряет свою призраковость и, кроме того, что включает в человеке все те духовные силы Искренности, Истинности и Идеала, которые он знал в себе после душевного рождения, являет себя центром сферы,

объемлющей и животную личностность, ее самость и плоть, и Общую душу, и другое сторгически связанное Я. В личностном рождении эденское существо как бы собирает человека в единое гармоничное целое. Основанная на интуиции «себя» гармония для личностно рожденного человека часто становится одной из высших ценностей жизни, чуть ли не религиозным представлением и высшим началом. Личностно рожденный мужчина хорошо чувствует гармоническое и целостное жизни и чтит его. Присутствие эденского существа становится осязаемо прежде всего в работе собирания целостного человека.¹⁹³

Повторим, что свой личностный мир наиболее продуктивно создается в сторгических устремлениях высшей души человека. Толстой после личностного рождения был вынужден обходиться без полноценной сторгической связи. Может быть, поэтому подъем личностного рождения в нем не был продолжителен и уже на 31 году жизни сменился отливом.

«Самый светлый период моей жизни дала мне не женская любовь, а любовь к людям, к детям. Это было чудесное время, особенно среди мрака предшествующего»(74.239).

Личностное рождение, как мы уже говорили выше, всегда подразумевает служение. Но – кому? Эденское существо еще не стало полноценно жить в человеке, и потому служить ему, жить по его назначающей воле, затруднительно. Обычно личностно рожденный человек ищет, как удовлетворить свою потребность духовного служения вслепую. Сначала Лев Николаевич избрал свой Гений предметом своего служения. Но по откровению, зафиксированному в «Сне», сам же отверг это. Лев Николаевич обладал редкой возможностью переключения с личной духовной на общедуховную жизнь. В которой и нашел область служения. Во второй половине 1859 года 31-летний Толстой взялся за «педагогическую деятельность».

Многие русские люди того времени чувствовали, что с русским народом происходит или произошел перелом, давший начало новому этапу его развития. Говорили, что русский народ спал и теперь проснулся. Считалось, что его «пробуждение» состоит в стремлении явить себя миру и начать свой путь в Истории. Для Толстого это пробуждение заявляло о себе «насушной потребностью русского народа» в народном образовании. Один из учителей

толстовской школы будущий федоровец Н.П. Петерсон вспоминал, что русский народ «казался тогда Льву Николаевичу источником истины, блага, красоты, но источником закрытым, за отсутствием органов, способных проявить внутреннее содержание. Внося в среду народа грамотность, мы должны были способствовать, помогать народу выразить его внутреннюю сущность, сказать *свое слово*, и мы должны были прислушиваться к этому слову, а не вносить в народ что-нибудь свое». Русский народ, свидетельствует слушавший Толстого Юлиус Фребель, это «таинственное, иррациональное существо, из недр которого являются удивительные вещи – новое устройство мира».

Педагогика, на взгляд Толстого, стремится воспитывать ребенка наподобие взрослого человека, воспитывать себе подобного, пролонгировать взрослого в ребенке и через него. У Толстого противоположная задача: не исправленное издание одного и того же, уже имеющегося, а создание нового. Замысел Толстого – не преобразование педагогики, а преобразование, «образование нового», формирование духовно иного русского человека. Это, конечно, задача не педагога, а общедуховного лидера. То, чем Лев Николаевич занимался с детьми в школе, трудно назвать «педагогическим творчеством»; скорее, это похоже на творение в духе и духом. И в трудах этих Толстой, разумеется, пользовал свой Гения, но так, как это следует из мифологемы «Сна», - под обязательным наставлением некоего духовного существа. Видимо, поэтому школьные воспитатели в массе своей не поняли и до сих пор не понимают «образование» по Толстому.

Замысел Толстого одновременно и земной, практический, и общедуховный, метафизический. Он задумал деятельность по образованию духовно свободного русского человека, способного вознести русскую Общую душу на духовную высоту. Что, на взгляд его, должно иметь вселенское значение.

«Народное образование в настоящее время для нас русских есть единственная законная деятельность для достижения наибольшего счастья всего человечества», - писал он, открывая новое поприще.

«Народ казался ему каким-то мистическим существом, - констатирует Р. Левенфельд, - из таинственной глубины которого должны возникнуть непредвиденные теперь порядок и новый строй жизни». ¹⁹⁴

Педагогическая деятельность Толстого нацелена на изменения в общедуховной сфере и вместе с тем опиралась на личную духовную жизнь. Формирование духовно свободного человека, возможно только в личной духовной сфере, но результаты этого - глубинные изменения в русской Общей душе - ожидалось в сфере общедуховной. Организовывать Общую душу есть дело Сара, а не человека. Все преобразования в общедуховной сфере способны производить только Сары, действующие в ее глубинах. Никакими внешними воздействиями на народ (его Общую душу) свершить его духовное восхождение невозможно.

Самому Толстому представлялось, что он лишь способствует пробуждению того, что есть, выявлению неиспорченной и закрытой духовной сущности Общей души русского народа; но, по сути дела, толстовская педагогика призвана была выполнять работу Сара и, более того, - нового и могучего Сара в Общей душе, которого до того в ней еще не было и который способен на локальные общедуховные преобразования вселенского масштаба и значения. Добиться такого общедуховного эффекта Толстой рассчитывал через раскрепощение личной духовной сферы жизни отдельных людей и целевое воздействие на нее.

35 лет спустя Толстой учил, что для принятия людьми истины и переустройства общей жизни совсем не нужно убеждать их всех разом или поодиночке – достаточно, чтобы небольшой процент всех людей через усилия своей личной духовной жизни достиг определенной степени духовного сознания, принял истину и стал руководствоваться ею; вся масса же примет от них истину по доверию. Иными словами, это означает, что преобразования происходят тогда, когда в Общей душе поселится новый Сар, который, создавая свой общедуховный ареал, дойдет наконец до такой мощи и такого расширения, при которой он сможет решительным образом воздействовать на Общую душу в целом. В самом ходе от личной духовной жизни в глубины общедуховной жизни – или: от эденского существа к Сару – несомненно, есть нечто свойственное и толстовской мысли, и всему внутреннему миру Льва Николаевича.

По замыслу Толстого, в русском народе должны начать действовать «свободно сложившиеся заведения, имеющие своим основанием свободу учащегося поколения». Русский народ может тогда сказать свое слово миру,

тогда укажет ему путь к счастью, когда в нем вырастет новое, внутренне раскрепощенное поколение. Способствовать пробуждению нации, значит способствовать росту Общей души, ее активному становлению, ее возмужанию и самосознанию – всему тому, без чего невозможно движение к зрелости. Начавшийся рост нации, подобно росту ребенка, идет сам собой. Стремиться убыстрить его рост не нужно и вредно. Нельзя портить изначальную правильность линий Общей души. Что возможно только при свободном образовании.

Еще в 19 лет, в 1847 году, Толстой понял, что для того, чтобы деятельность на благо народа смогла быть успешной, «нужно дождаться нового поколения и образовать его». И теперь, через 14 лет, он убежден, что «новое поколение одна надежда». Новое поколение – поколение пробужденного народа – должно состоять из душевно и духовно свободных русских людей, которые введут русскую Общую душу в новое и высшее состояние духовной свободы. Вся практическая педагогическая деятельность Толстого направлена на защиту и возвращение свободной души ребенка. «Табунное чувство уже давно исчезло в учениках, - радуется он. - Мне с каждым днем кажется, что все самостоятельнее и самостоятельнее делаются личности и резче характеры». Любое насилие над душой ввергает ее в состояние, противоположное пробуждению: ввергает ее в апатию, где душа забывает себя и человек духовно засыпает.¹⁹⁵ Отсюда и толстовская метода свободного образования души ребенка.

В 1862 году Толстым было учреждено 13 школ. Он издавал педагогический журнал «Ясная Поляна». Ездил по Европе, знакомясь с разными методами образования. Пытался он и основать всероссийское «Общество народного образования». Деятельность была задумана широко, разнопланово и надолго. Но произошло непредвиденное. По ложному доносу в отсутствие Льва Николаевича в яснополянском доме был сделан жандармами обыск. Искали подпольную типографию и антиправительственную литературу. Ничего не нашли. Но педагогическое дело Толстого было испорчено. Обвиненный в нелояльности режиму Толстой был дискредитирован настолько, что ему стало практически невозможно продолжать деятельность народного образования. Однако

Толстой не отказывается ни от «мысли народной», которая лежала в основе ее, ни от своей работы в соответствии с этой мыслью. Он опирается на свой Гений, который дождался в нем своего часа.

15(39)

Понятно, что побудило Толстого сесть писать «Детство» или «Севастопольские рассказы». Известно зачем, по какой душевной необходимости Толстой работал над «Кзаками», «Семейным счастьем», «Альбертом». Все эти литературные труды по разным, но ясным причинам были нужны самому Толстому. Конечно, масштаб «Войны и мира» соответствует масштабу личности и одаренности Льва Толстого. Но что подвигало его именно к этому произведению?

17 января 1863 года напечатано объявление о прекращении издания журнала «Ясная Поляна». Тогда же Толстой записывает в Дневник, что у него много замыслов художественных работ, но «ни один не просится особо». Прошел месяц, и в конце февраля Софья Андреевна сообщает сестре, что муж «начал новый роман». Еще через полгода Толстой активно ищет материалы по истории 1812 года. Работа над «Войной и миром» хронологически пришла на смену педагогическим трудам и заботам Льва Николаевича. Есть ли преемственность между ними?

В ответ на вопрос: как случилось, что Толстой стал писать «Войну и мир», - обычно рассказывают про оставшееся в черновиках авторское Предисловие, в котором Толстой хотел предупредить читателя, что действие его нового произведения ведет героев из 1805 года в современность и что, следовательно, задача автора не только очерк времен наполеоновских войн, но и современность – в ее становлении, через Историю. В Предисловии сказано, что началу повествования послужила «повесть с известным направлением, героем которой

должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию». Первые и единственные главы этой повести были созданы как раз в то время, когда Толстой отвергал литературу как «прекрасную ложь». Нужны были веские основания, чтобы Лев Николаевич в конце октября 1860 года переключился на повесть о декабристе.

Толстой, разумеется, нуждался в том, чтобы его дерзкие начинания по народному образованию были приняты значительной частью русского общества. Но в обществе считали, что России нужны прогрессивные реформы, а не «свобода образования» и что вообще на Руси не пришло время для реального осуществления душевного (о духовном нечего и говорить) раскрепощения народа. Такие воззрения нельзя опровергнуть рассуждениями и доказательствами, но можно опровергнуть художественно. И Толстой решает создать повесть, в которой предполагает показать современную Россию, увиденную свежими, но сочувствующими глазами старого декабриста, возвращающегося после 30-летней ссылки и не изменившего взглядам своей молодости. Здесь, конечно, не апология декабризма, а спор о русской Общей душе и ее тогдашнем состоянии.¹⁹⁶

Одно из писем Толстого Герцену содержит скрытые намеки на то, что Герцен знает душевное состояние русского народа таким, каким оно было в прошлом, знает «Россию Рыльева», а не настоящее состояние народного самосознания. Быть может, беседы, которые вел Толстой с Герценом в 1861 году, навели его на мысль перевести начало повествования в 20-е годы, чтобы по контрасту с душевным состоянием народа тех лет более убедительно доказать читателю произошедшее внутреннее пробуждение нации. Затем он пробовал начать действие с событий 1812 года, то есть отнес его к истокам пробуждения русского национального духа в пору его величайшего торжества. Ведя действие от истоков пробуждения к современности, писатель предполагал написать книгу истории душевного пробуждения русского народа.

Толстой сам объясняет, почему он все же начал свой роман не с войны 1812 года, а с 1805 года: «...ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа, то характер этот должен выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений». Таким образом, на художественное произведение перекладывается еще и проблема, близкая той, которую Толстой полагал разрешить в конкретном опыте своей школы: сознать, понять, выразить те основные законы душевной жизни, которыми живет русский народ, и тем самым содействовать его становлению и самосознанию.

Не одно и то же сказать: «Война и мир» и «Мир и война». Когда мы говорим «добро и зло», «жизнь и смерть», «свет и тьма», «спокойствие и борьба», «мир и война», то мы склонны предполагать либо два полюса и противоборство (добра со злом, света с тьмой), либо два различных, несовместимых, противоположных состояния. Говоря же «зло и добро», «тьма и свет», «тревога и спокойствие», «война и мир», мы видим переход одно в другое, замену одного состояния другим, превращение или перерождение.

«Война – состояние высшего напряжения и наибольшей агрессии; «мир» - состояние успокоения. «Война и мир» - освобождение от состояния войны и переход в состояние «мира». Превращение «войны» в «мир» для Общей души есть процесс становления, ее собственного и правильного роста, ее «свободного образования». Отдельный человек формируется в течение его жизни, народ же образовывается в Истории. Но не той Истории, что пишут историки, которые «имеют дело до результатов события», а той, что пишет художник, который имеет дело «до самого факта события».¹⁹⁷ В отличие от историков у художника Толстого должна быть представлена душа народа в ее борьбе, в движении, в росте. Вот та «мысль народная, вследствие войны 1812 года», которую так любил в своей эпопее Толстой.

Любой писатель, учил Толстой, создавая подлинное произведение искусства, выражает в нем свое чувство, которое воспринимает читатель и заражается им. Благодаря этому сторгическому воздействию писатель в состоянии просвещать чувство читателя. Действие слова самого Толстого несет еще дополнительную функцию. Читателю Толстого сообщается не только его чувство, но и вместе с ним мощный заряд духовной энергии, помещенный им в слово и через него донесенной читателю. Толстой заряжает читателя душевной энергией, исходящей от его собственной духовной работы в момент творчества. «Потребителю искусства» (по выражению Толстого) достаточно суметь прильнуть к этому источнику, и он получит дополнительный ресурс

духовной силы, производящий толчок для усиления жизни в его душе. Толстой не просто просветитель, он пробудитель души человека – того человека, душа которого пробуждения ждет.

Пробуждение человека к личной духовной жизни есть первейшая задача всякого входящего в его высшую душу эденского существа. Однако эденское существо Толстого особого рода. Оно нацелено не только на него самого, но и на души других людей. Эденское существо Толстого норовит привить многим людям (человеку вообще) образ одухотворенности своей личной духовной жизни. Но само по себе оно не в состоянии сделать это. С ар Общей души непосредственно сообщает отдельным душам свой стиль одухотворенности по общедуховным каналам, к которым так или иначе подключен всякий человек в Общей душе. Любому эденскому существу для такого же действия необходимы отдельные и специально созданные сторгические каналы. Для удовлетворения особой тяги к всеобщему пробуждению у эденского существа Толстого таких каналов должно быть множество. Гений Толстого служил эденскому существу Толстого тем, что создавал для него каналы сторгических связей, по которым оно могло воздействовать на другие души. Особый дар толстовского Гения как нельзя более подходил его эденскому существу и в целях заряжения душ входил с ним в рабочее зацепление. Огромное творческое поле «Войны и мира» впервые позволило Льву Толстому в полную силу явить содружество его эденского существа и его Гения. Их совместное действие, нацеленное на пробуждение внутреннего мира человека как такового, принесло уникальные плоды.

Толстой редко обращался к теме человеческого падения. Его тема – духовное восхождение и преображение. «Главное – работа внутренняя, душевная, и чтоб показана была не окончательная работа, а процесс работы на самом деле» – то есть пути становления души, восходящей через пробуждение к своей вершине. В строе языка Толстого выражается неосознанная и неконтролируемая рассудком душевная деятельность, через которую вскрывается истинное знание о сокровенных и алогичных мотивах душевного состояния. Слово Толстого – и художественное, и проповедническое – пробуждает к душевному и духовному действию потому, что оно стремится воздействовать не на то, что определяет застывшие, «ставшие» качества («добродетель» в том числе), которые всегда налицо, а на невидимые мотивы души человека, определяющие ее пробуждение и становление. Ровно так же и в педагогической деятельности Толстой настаивал на «образовании» по потребностям каждой души, а не на ее «воспитании» на «благо общества» и в соответствии с его житейскими потребностями.

Ставшее или неподвижное не ценит мгновения. Толстой изображает движения души в динамических мгновениях изменения, из которых складывается история души человека и народа. Ткань прозы Толстого соткана из непредсказуемых моментов-точек, в которых жизнь не была и не будет, а есть и в которых происходит пробуждение и становление души. Толстовские «вдруг», «что-то», «странно», «как-то» обретают статус слов-сигналов, наиболее драматически напряженных мигнов, которые у него всегда моменты полукротости, неоконченности, текучести душевных состояний. «Война и мир» – эпос, но в нем течет не «эпическое» время, а время, сгущенное возле душевных превращений. Именно такое сгущение, уплотнение времени вокруг точки настоящего и его наполнение личной духовной работой автора и создает мощный импульс на «усиление жизни», на дополнительное заряжение читателя энергией душевной жизни. Переживание и изображение мгновения стоит в центре художественного творчества «Войны и мира». Это есть та точка напряжения, которая формирует мир романа.

Без сознания свободы, сказано в «Войне и мире», «немыслимо никакое представление о человеке». В этом сознании «непостижимая сущность жизни». Внутренняя свобода есть основа жизнечувствования и творческой самобытности Толстого. Общение с героем «в мгновении» спасает художника Толстого от взгляда сверху вниз, от авторитарности, неизбежной при вынесении приговора о человеке как таковом. Толстой не бывает едок к людям, их недостатки он выявляет без желчи и никогда не возбуждает себя на злость. Великий обличитель создал уникальный мир художественного милосердия, где непредсказуемо и свободно в любую секунду во «власти тьмы» может наступить просветление и пробуждение. Без художественного милосердия не было бы и Толстого-Пробудителя. Родившееся эденское существо всегда нацелено на пробуждение в других сил и качеств высшей души. И общаясь с Толстым, читатель чувствует на себе действие какой-то доброй и могучей силы, небезразличной к нему и его к себе зовущей. Духовно живой человек доверяет этой силе, пытается следовать за ней в себя, ею себя очищает и ею себя постигает. Именно качество художественного милосердия позволяет Толстому и

рисовать человека становящегося, и быть пробудителем высших начал в человеке, подвигать его от низшей человечности к высшей.

Сам по себе Гений, внедряясь в человека, не имеет задач добра или зла. Хотя он и способен в своих целях вступить в самостный союз с человеческой животной личностью и брать от нее качества и стремления, в том числе и злые, но тем более укореняющие Гения в мире людей. Общая душа тоже нуждается в Гении, сплошь и рядом присваивает его, ставит его себе на службу, склоняя его как к злу, так и к добру, как к милосердию, так и к жестокосердию. Только соответствующим образом настроенное духовное существо способно сообщить Гению милосердие в качестве творческого принципа. Художественное милосердие Толстого есть результат откровения-истины и откровения-видения, по которому Гений его, как это следует из этюда «Сон», отдан в распоряжение носителя Любви, Совести и Милосердия. В роли этого носителя может выступать и общедуховное существо и личностное эденское существо. Художественное милосердие Толстого времен «Войны и мира» обусловлено влиянием его эденского существа, несущего те же качества Совести и Милосердия, что и общедуховное существо женщины «Сна». Художественное милосердие Толстого привито его Гению его эденским существом. Для чего необходимо, чтобы эденское существо и Гений проникли друг в друга, образовали единство самостоятельно работающей инстанции в Структуре внутреннего мира Льва Толстого.

Такого рода единство не создается в миг. Работая и работая над своими произведениями, множество раз переделывая их (и, переделывая, часто начиная заново), Толстой не только и не столько добивался художественной полноценности, сколько вытравливал единство эденского существа (вначале лишь призрака его) и Гения в себе, все больше и больше спаял их. И наконец спаял - и стал Львом Толстым. Для этого ему потребовалась четверть века – от времени писания «Детства» и до времени создания последних томов «Войны и мира». Как тяжело давались ему «Казаки», «Альберт», «Семейное счастье» - произведения, создавшееся после личностного рождения, но тогда, когда единства между эденским существом и его Гением еще не было. И как легко переливались в художественное творчество темные и светлые откровения Толстого на подъеме Пробуждения; что и сказало на тексте «Войны и мира», вторая половина которого выгодно отличается от первой половины и по смыслонаполненности и по художественности, достигшей непревзойденных высот. Я думаю, что в глубинах своих Толстой сознавал иррациональную необходимость совмещения Гения и эденского существа в себе, и исполнение этой задачи стало в определенную пору внутренним мотивом его жизнедеятельности. И осталось таковым даже тогда, когда он, отойдя от собственно художественного творчества, отдался делу образования нового поколения русских духовно свободных людей.

Не каждый гениальный человек знает перед собой такую задачу, хотя она, видимо, всегда поставлена и поставлена свыше. Но и тот, кто знает и желает, далеко не всегда способен выполнить ее. Тогда это духовная драма, духовная драма гениального человека. Гений, предоставленный самому себе, либо сразу же покидает душу, либо начинает мучить и разрушать человека, в которого он с особо серьезной целью вселился, а потом покидает. Гений Толстого никогда бы не смог оставить его, хотя бы потому, что он научился держать его на поводке.

Прежде чем завладеть исполняющей волей (как это произошло через пятнадцать лет, на подъеме духовного рождения) эденское существо сорокалетнего Толстого на подъеме Пробуждения вполне завладело его Гением. Иногда оно давала Гению волю жить, играть, являть себя так, как ему хотелось. Иногда Гений принуждался жить и являть себя так, как в данный момент нужно было эденскому существу. Но единожды Толстой самовольно попытался заставить свой Гений делать то, что делать Гению в нем уже не было свойственно. И потерпел неудачу.

16(40)

На самом пике подъема Пробуждения, в разгар трудов по «Войне и миру», в 1868 году сорокалетний Толстой, как записала в дневнике Софья Андреевна, задумывает «книгу для детского чтения для четырех возрастов, начиная с азбуки», и таким способом намеревается продолжить прерванную педагогическую деятельность. В следующем году он замысливает нечто совсем удивительное: роман из современной жизни, герои которого повторяют характерные черты русских богатырей от Ильи Муромца до Миколушки-мужика. Можно ли придумать более яркое и явное произведение о русской Общей душе?.. Сразу же после завершения «Войны и

мира» Толстой готовится к работе над романом из эпохи Петра и даже написал начало романа. Потом «вдруг» взялся за изучение греческого языка.

Энергия подъема Пробуждения иссякла в нем к середине 1871 года. В очередной раз начался процесс перехода с личной духовной жизни на общедуховную. Процесс этот, как всегда в нем, ознаменовался и болезнями, и общей подавленностью, и ожиданием близкой смерти.¹⁹⁸ В июне Толстой писал Фету, что он «был и есть болен, сам не знаю чем, но похоже что-то на дурное или хорошее, смотря по тому, как называть конец. Упадок сил, и ничего не нужно и не хочется, кроме спокойствия, которого нет». Толстой переживал момент «остановки жизни», такой же, что и девять лет назад. И как и тогда он отправился в башкирские степи пить кумыс и даже остановился в той же, что тогда, деревне. «На все смотрю, как мертвый, – пишет он отсюда жене, – то самое, за что я не любил многих людей. А теперь сам только вижу, что есть; понимаю, соображаю, но не вижу насквозь, с любовью, как прежде. Если и бывает поэтическое расположение, то самое кислое, плаксивое, – хочется плакать». Это состояние прошло к осени 1871 года, когда ударение сознания вполне переключилось на общедушевную жизнь. Лев Николаевич активно взялся за «Азбуку» и книги для детского чтения. Работа шла хорошо. В январе следующего 1872 года возобновились и школьные занятия с крестьянскими детьми. Тогда же он стал членом-учредителем предполагаемого «Общества любителей русского народного пения».

Работа над «Азбукой» продолжалась без перерыва около года и сразу же по завершении ее Толстой в феврале 1872 года с радостью взялся за роман о Петре Первом. Он называет его своим «задушевым сочинением»(61.271), «большой вещью», «о которой я давно мечтаю»(61.323).

Еще два года назад, при первом приступе к роману о Петре, Толстой среди прочего читал капитальный труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Из чтения этой книги само собой выходило, что «рядом безобразий совершалась история России». Лет через 20 Толстой согласился бы с этим, но тогда он думал иначе. С.М. Соловьев ненамеренно создает ложное впечатление, решает он, и создает потому, что у историков нет и быть не может данных о народной жизни, необходимых для всеохватывающего описания. Историки опираются на «памятники-вехи», между которыми волей-неволей им приходится протягивать «воздушные, воображаемые линии». Задача историка сделать так, «чтобы все было ровно и гладко и чтобы никто не заметил, что под этой гладью ничего нет». Поэтому место истории-науки должна занять история-искусство, «которая не имеет той связанности и невыполнимой цели, которую имеет история-наука. *История-искусство*, как и всякое искусство, идет не вширь, а вглубь, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужика в XVI веке»(48.126).

Толстой возвещает не «правду жизни», не «правду науки» истории и не «правду искусства», а правду истории через искусство. Создать образец истории-искусства и создать, разумеется, толстовскими художественными средствами – одна из сверхзадач романа о Петре Первом. Другая сверхзадача выражена в словах письма к Н.Н.Страхову от 17 декабря 1872 года: «Весь узел русской жизни сидит тут». Эпоха Петра для Толстого – это время, когда завязался узел для дальнейшего развития русского народа и его Общей души. «Петр, т.е. время Петра, – разъясняет себе Толстой, – сделало великое, необходимое дело» - открыло «путь к орудиям европейской цивилизации». Иное дело, что орудиями этими следовало пользоваться «для развития своей цивилизации. Это и делает народ. Во времена Петра сила и истина были на стороне преобразователей, а защитники старины были пена, мираж». Век же спустя – наоборот: «защитники русского – истина и сила, а западники – пена старого, бывшего движения»(48.123). Своим искусством Толстой намерен был раскрыть силу

и истину преобразователей петровского времени и его самого. Видимо, он рассчитывал и на то, что верное изображение переломной исторической эпохи позволит увидеть в ней – как бы со стороны – нечто важное в самой по себе русской Общей душе. Гению как духовному существу, настроенному на такое дело, надобна установка.

«Народ живет, и в числе отправлений народной жизни есть необходимость людей разоряющих, грабящих, роскошествующих и куражащихся. И это правители – несчастные, долженствующие отречься от всего человеческого»(48.124). Однако исторически, объективно, они выполняют свою общедушевную миссию. Сам царь Петр для Толстого «был орудием своего времени, ему самому было мучительно, но он судьбою был назначен вести Россию в сношения с европейским миром». Изначально Толстой был вполне лоялен не только к деятельности Петра, но и сочувственно постигал его самого. «Любопытство страстное в пороке, преступлении, чудесах цивилизации. До чего могут прийти? Материально только... Роковое – это страсть изведать все до пределов. Бес ломает... Анатомировать, операции, зубы дергать. Щекотать, заставлять делать противное»(17.437). Толстой в восторге от толкований Декалога Моисея, сделанных Петром I под конец жизни: «Объяснение заповедей гениальное»(17.391). Вызывает у него уважение и Меншиков – «чисто русский и сильный характер, только такой мог быть из мужиков».¹⁹⁹

Прошел год усиленной работы над романом. Гостивший 18 и 19 февраля 1873 года в Ясной Поляне Страхов обнаружил, что Толстого постигает творческая неудача. «Всею душою желаю, чтобы пошла наконец Ваша работа, которая так глубоко и серьезно Вас занимает (как я люблю эти Ваши волнения, и как они меня самого волнуют!), – пишет Страхов Толстому через месяц, 15 марта 1873 года. - Но помните, Лев Николаевич, что, если Вы и ничего не напишете, Вы все-таки останетесь творцом самого оригинального и самого глубокого произведения русской литературы. Когда русского царства не будет, новые народы будут по «Войне и миру» изучать, что за народ были русские».

Вполне может быть, что одна из сверхзадач Толстого состояла в том, чтобы на века дать миру понять, «что за народ были русские» в момент взрыва их исторического существования. Замысел не удался. Отчего?

Одному собеседнику Толстой говорил потом, что «царь Петр был от меня очень далек», другому, что ему было «трудно уловить дух того времени по отдаленности эпохи», третьему, что ему – Льву Толстому! - воображения не хватило, что он, досконально изучив тот век, все же «не мог в своем воображении восстановить обыденную жизнь в ту эпоху русских людей, народа, общества, двора и пр.». Вряд ли это достоверно; тогда и правда истории через искусство невозможна, и исторический роман незаконен в литературе.

В середине 60-х годов у Толстого возник замысел романа о Павле 1, в котором он, по его словам, «нашел своего исторического героя». Лет через пять он «нашел своего исторического героя» в Петре I. Но, вникая и вникая в образ первого русского императора, Толстой понял, что, как он говорил своему шурину С.А. Берсу, «личность и деятельность Петра 1 не только не заключали в себе ничего великого, а напротив того, все качества его были дурные». Толстого не могла не поразить несусветная жестокость Петра, его нарочитая умопомрачительная кощунственность и его страсть к глумлению.²⁰⁰ Конечно, он и раньше знал об этом, но полагал, что Петр исполнял исторический заказ и «ему самому было мучительно». Теперь Толстой увидел убогость личного внутреннего мотива всех нововведений Петра.²⁰¹ Гений Петра был поставлен на службу не нации и ее Общей душе, а всевозможным его похотям и прежде всего его похоти власти. Каков бы ни был исторический результат петровских реформ, сам Петр преследовал низменные индивидуальные цели и ничего иного.²⁰² И через четверть века Толстой с отвращением упоминал о «зверски жестоком пьяном Петре, ругающемся со своей пьяной компанией над всем, что свято людям» (36.169). Толстовский метод художественного милосердия в изображении такого лица не работал. Петра и людей его окружения Толстой стал воспринимать как нечто неправдоподобное. И через много лет объяснял Г.А. Русанову, «что мне трудно проникнуть в души тогдашних людей, до того они не похожи на нас».

Нам же, читателям, нелегко поверить в творческое бессилие Льва Толстого. Тем более, что через семь лет Толстой приступит к другому огромному роману из петровской (а то и более ранней) эпохи, вовсе не считая, что у него не хватит воображения вникнуть в людей шестнадцатого - семнадцатого веков. Во всяком случае в личность Аввакума он вошел вполне свободно.

Толстой утверждал, что тогда, в начале 1873 года вся петровская эпоха «сделалась ему несимпатичной». Пусть так. Хотя и много лет спустя он считал, что «какое бы оно (время Петра I. – И.М.) ни было, в нем начало всего»(61.291).²⁰³ Пусть писатель понял, что ошибся в выборе героя и темы. Но почему же на осознание своей ошибки Льву Толстому потребовался целый год гигантских творческих усилий? И какой год! 44-летний Толстой, вступив на плато Пути, жил в благословенную пору равновесия всех сил души, ровного и глубокого течения внутренней жизни, в лучшее время для творчества. И тем не менее Лев Николаевич приступал писать роман по меньшей мере тридцать три раза и ни разу не продвинулся дальше начала.²⁰⁴ Это огромный материал, занявший большую часть 17-го тома Юбилейного издания. Гений Толстого на полных оборотах пробуксовал целый год. И все без толку. Стопор какой-то. Что за напасть нашла не него?

В «Войне и мире», как и во всех других законченных произведениях, Толстой прежде всего ставил перед собой личнодуховные задачи. История народа в «Войне и мире» увидена с откровенно субъективной точки зрения – если, конечно, взгляд эденского существа в человеке можно назвать «субъективным». В романе о Петре задача другая: историческая и общедушевная. Такова была принципиальная установка автора. Толстой занимает здесь не личную позицию, связанную с давлением свободной воли эденского существа, а своего рода объективную историческую позицию, дающую, на его тогдашний взгляд, возможность голосом истории-искусства неискаженно говорить самой Истории о себе. Это единственный случай, когда Толстой как бы разъял эденское существо и Гения и вознамерился услатить последнего на дальний промысел - поработать на Историю, дабы послужить Общей душе как таковой. Но Гений его, как не мучился Толстой с ним, отказывался трудиться. Толстой не так пользовал его. Видимо, для каких-то высших целей симбиоз Гения и эденского существа в Толстом не только не должен быть нарушен, но и не ослаблен. Разумеется, Гений Толстого мог работать на Общую душу, но не иначе, как вместе с его эденским существом.

Как только Толстой в муках расстался с замыслом романа из эпохи Петра, так он не медля, буквально в ту же неделю, с радостью и

облегчением взялся за «Анну Каренину» - роман, по большей части обращенный к личной душевной и лично духовной жизни.

17(41)

Каждое эденское существо нацелено на свою конечную точку дистанции Пути. Одно только издавек показалось высшей душе при душевном рождении и не вошло в нее, когда наступила пора личностного рождения. Другое спустилось в человека при личностном рождении, помогло ему обрести себя и свое и далее предоставила его самому себе. Третье одолело подъем Пробуждения и, словно выполнив свою миссию, встало на Пути. Происходит это, быть может, потому, что эденское существо способно не единожды пускаться в навигацию земной жизни; и каждая последующая его навигация имеет некую путевую точку, с которой начинается та задача, для исполнения которой это эденское существо выпущено в человеческую жизнь.

Толстой легко и незаметно (даже для самого себя) прошел личностное рождение, столь же свободно преодолел крутой подъем Пробуждения, о котором следует сказать несколько слов. В моменты прозрений на подъеме Пробуждения человек видит и постигает то, что было недоступно ему прежде. Темное и светлое откровение могут служить указателем задания, которое получило эденское существо, и цели, к которому оно стремится. Но только в том случае, если содержание и того и другого откровения относится либо к области общедуховной, либо к области личнодуховной жизни. Но бывает и не так. Темное откровение Толстого – откровение темного ОНО, откровение Власти и подвластности – несомненно общедуховное, светлое же откровение Толстого – откровение Птицы Небесной – внеобщедушевное откровение бессмертия, достижимое на вершинах личной духовной жизни.

Эденское существо Толстого не получило однозначного задания на подъеме Пробуждения; ему, видимо, была дана возможность свободно определиться после него.

Подъем духовного рождения – самый тяжелый и продолжительный на Пути жизни. Мы знаем, как тяжело преодолевал его Лев Толстой. Подъем духовного рождения и есть, видимо, то место Пути восхождения, где Толстой сам, по своей духовной силе сначала решал к какой духовной вершине ему идти и на котором затем его эденское существо должно было свершить то, что ему назначено.

Подъем духовного рождения возник со знакомой по «Исповеди» остановки жизни. «Жизнь мне опостылела – какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от нее»(23.12). Но эта остановка жизни, в отличие от прежних, несет на Пути особый смысл.

Впоследствии Толстой много раз возвращался мыслью к тому времени. Иногда его можно понять так, что в нем сразу же после указанной остановки жизни произошло духовное рождение. Это не верное впечатление. После подъема Пробуждения центр тяжести всей жизни прочно водворяется на высшей душе человека. При путевом духовном рождении этот центр тяжести переносится на эденское существо высшей души человека, и это вызывает в нем нечто вроде отвращения к себе. Не столько за свои пороки, грязь, эгоизм, не по стыду за прошлые мерзости, не в преддверии очищения себя, а в преддверии отречения от "самости".

В момент прозрения, озарения истиной душа пребывает в сознании душевного восторга, но на прозрение это заявляет права самость, высунувшаяся откуда-то и сразу же, одним своим присутствием лишая душу духовного наслаждения. Так, разумеется, бывает всегда, во всех чистых, высоких, душоуполненных состояниях. Самость, которая тщеславится, обижается, влюбляется, выкручивается, боится, этот крошечный, в любой момент готовый лопнуть пузырек земной жизни, внутри которого человек живет с младенчества, вдруг начинает мешать ему, заслонять только что появившейся неземной Свет. На подъеме духовного рождения человек пытается отделаться от него, позабыть его, но еще не может и тогда начинает ненавидеть свою самость, за всегдашнюю ее настырность в себе, из-за которой не видно Света. Хочешь отречения от самости и молишь об этом. Она лишает блага.

Всё это навеки обрисовано Толстым в «Исповеди». Процесс духовного рождения мужчины начинается с отречения от самостности и сопровождается родовыми муками «личности», которое заполняет своими тщетными страданиями всего человека, не давая ему духовно видеть и дышать. Самость, погибая, захлебывается собою, и центр тяжести жизни в акте самоосвобождения и самоотречения в итоге перемещается в эденское существо. С акта духовного рождения эденское существо обретает «Я» человека, выставляет на себе ударение сознания и становится тем, кого Толстой называл «духовным Я» или

«отцом». При этом назначающая воля высшей души из "своей" становится "моей и твоей" и подлинно правит волей исполняющей.

С началом подъема духовного рождения процесс духовного рождения только начитается. В эту пору, как об этом говорил и сам Толстой, человек (и не только путевой человек) определяет вектор всей дальнейшей внутренней жизни. В путевом же человеке, вышедшем на старт непосредственного восхождения к духовному рождению, окончательно выбирается направление его дальнейшей духовной жизни. Пятидесятилетие - одна из «критических точек» на Пути, вторая его «критическая точка». Решение в ней принимается не только свободной волей человека, и не только эденским существом, но тем, кто послал эденское существо с определенной задачей в навигацию человеческой жизни. Иными словами, во второй критической точке подтверждается, корректируется и окончательно устанавливается должный результат всей духовной работы эденского существа в человеке. Как же в ней решалась духовная жизнь пятидесятилетнего Льва Толстого?

Подъем духовной жизни Левина начался со встречи с «правдивым стариком» мужиком Федором, который жил по правде-совести. Поиски этой правды-совести и привели Левина в Церковь; ему казалось, что «под каждое верование Церкви могло быть поставлено верование в служение правде вместо нужд».

Летом 1877 года Толстой каждый день становится на молитву, рано утром ездит к заутрене, пешком ходит к обедне, по средам и пятницам ест только постное, посещает в Оптиной пустыни отца Амвросия, которого называет «удивительным человеком», устраивает в Ясной Поляне двухгодичную «учительскую семинарию» на шесть зимних месяцев, «университет в лаптях», с полусотней слушателей.²⁰⁵

«Если бы я был один, я бы не был монахом, - сообщает он Страхову в ноябре 1877 года, - а был бы юродивым – т.е. не дорожил бы ничем в жизни и не делал бы никому зла». В эти месяцы создается «Христианский катехизис», где говорится о «вселенской церкви», которая составляется из всех верующих в добро, без различия вероисповедания. «Верую во единую истинную святую церковь, живущую в сердцах всех людей и на всей земле и выражающуюся в знании добра моего и всех людей и в жизни людской»(17.363).

В марте 1878 года Толстой каждое утро навещает всю жизнь преданно церковноверующую А.А. Толстую. Она свидетельствует: «После многих лет искания истины, он наконец у пристани. Эта пристань, конечно, построена им по-своему...» Эта - пристань «вселенской Церкви», но она же и пристань Церкви Православной. Толстой объяснял, что последняя была необходима ему для духовного сближения со своими предками и единения со своим народом. Мотив единения с народом движет Толстым столь же властно, что и мотив служения правде-совести. Поэтому и известный по «Исповеди» эпизод с причастием, хотя и произвел на Толстого сильное впечатление, но заметно не повлиял на его отношение к Православию.

Эпизод этот произошел в апреле 1878-го. «Но когда я пошел к царским дверям и священник заставил меня повторить то, что я верю, что то, что я буду глотать, есть истинное тело и кровь, меня резануло по сердцу». Смущенному этими словами читателю хорошо бы понять, что Толстой взглянул на таинство причастия со свойственной ему личнодуховной точки зрения и потому ощутил то, что с общедуховной конфессиональной позиции не ощущается. Носитель совести и милосердия в нем, его эденское существо содрогнулось, но не только от «фальшивой ноты» священника, а от жестокости требования съесть тело и пить кровь кого бы то ни было. Тот, кто установил это «жестокое требование», определил Толстой, «очевидно, никогда не знал, что такое вера». Впрочем, Толстой тогда никому не рассказал о своем переживании причастия. Он весь был наполнен милосердием ко всему на свете. Милосердие - главная черта его духовной жизни того времени.

В январе 1878 года начат роман «Декабристы». Задача: «Смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать».²⁰⁶ Художественное милосердие становится в «Декабристах» высшим религиозно-художественным принципом. «Я хочу показать, - разъяснял он А.А.Толстой, - что в деле декабристов никто не был виноват – ни заговорщики, ни власти». В новом романе Толстой решает дать своему Гению возможность развернуться и показать все, на что он способен, и на созданным им огромном творческом полотне вполне явить религиозное сознание своего эденского существа на подъеме духовного рождения.²⁰⁷

Надо отметить, что весь 1878 год на Толстого ни с того ни с сего накатывали состояния упадка сил, унылости, ощущения убитости духа. Что предвещали ему эти остановки жизни? Как обычно в таких случаях он в июне уехал в Самару на кумыс, в августе возвратился обратно и почувствовав себя «очень бодро, особенно духовно»(62.434).

Вполне Толстой включился в работу через три месяца, в ноябре 1878 года. А еще через два месяца, в начале января 1879 года – новый поворот. Именно с этой минуты Толстой стал мечтать о том, чтобы закончить жизнь бездомным странником. Его захватил образ знатного человека, уходящего из дома ради того, чтобы раствориться в народе. Образ этот затем преследовал его всю жизнь и чуть было не реализовался в 1905 году в «Посмертных записках старца Федора Кузмича».

В «Исповеди» Толстой упоминает о своей «странной физической любви к народу». С юности он душой и телом стремился слиться с ним. Духовный подъем последних месяцев 1878 года совершил в его высшей душе нечто фундаментальное. Это не было очередное переключение с лично духовной на общедуховную жизнь. Лев Толстой во второй критической точке Пути должен был решить направление развития своей дальнейшей духовной жизни. И, как это ни странно, он не выбрал восхождение эденского существа к вершинам личной духовной жизни самой по себе. Не выбрал он и путь внедрения общедуховной стороны своей высшей души к своему общедушевному Сару. Толстой метафизически внедрял всего себя – и своего Гения, и свое эденское существо – в лоно общедуховности, отдавал свою личную духовную жизнь русской Общей душе. К этому он шел всю свою жизнь. Теперь его эденское существо приводилось к семье Саров русской Общей души и помещалось в недрах общедуховности вместе с ними. Так Толстой в 50 лет решил направление течения своей духовной жизни. В этом смысл фразы, написанной им в одном из писем того месяца: «Дело, которое занимает меня (то есть разработка образа растворяющегося в народе человека. – И.М.), для меня теперь почти так же важно, как моя жизнь».²⁰⁸

Уже в январе 1879 года Толстой приступил к новому произведению, содержание которого соответствовало выбранному направлению его духовной жизни, и вскоре совершенно прекратил работать над

«Декабристами». О замысле и построении эпопеи «Сто лет», пришедшей на смену «Декабристам», мы уже подробно рассказывали.²⁰⁹ И в «Сто лет» Толстой не намеривался «судить людей» в их борьбе. Но тема его - не та борьба людей между собой, при описании которой действенен метод художественного милосердия. Это борьба духовных сущностей в человеке и в Общей душе. «И об этой борьбе между похотью и совестью отдельных лиц и всего народа я хочу написать то, что я знаю» (17.229).

Во внутреннем мире зрелого путевого человека такая борьба идет между его эденским существом и его животной личностью. Такую же борьбу в Общей душе народа ведет Сар. Толстой становится исследователем духовной битвы в русской Общей души за истекшее столетие. На эту битву он смотрит с точки зрения своего эденского существа, погруженного в общедушевную и общедуховную жизнь. На творческом поле, создаваемым Гением Толстого, эденское существо его высшей души выступает в роли Сара русской Общей души особого рода – Сара Совесть.²¹⁰ Его носитель – простой русский крестьянин, и особенно крестьянка²¹¹, описание души и жизни которой вызывает такое восхищение и сочувствие, как никогда раньше у Толстого. Все происходящее в «Сто лет» предполагалось рассматривать с точки зрения мужика. Сохранившиеся страницы этой эпопеи и написаны языком, который был бы понятен и близок ему.

Пришла весна 1879 года. Чуть ли ни каждый день Толстой на киевском шоссе, со странниками, паломниками, просто прохожими. Постоянные разговоры с ними много значили для Льва Николаевича. Лучший знаток жизни Толстого Н.Н. Гусев пишет, что «религиозное настроение паломников вполне гармонировало с настроением Толстого, который переживал тогда такой подъем религиозного чувства, до которого он, быть может, уже не доходил во всю свою дальнейшую жизнь». Принятое в глубинах души решение о внедрении эденского существа на новое место, в общедуховность, приводилось в действие. Перед нами ближайший результат его. Эденское существо Толстого полнокровно зажило в общедушевной и общедуховной жизни. Чего стоят его капитальные занятия русским народным языком - носителем общедушевной культуры и мудрости. Толстой, писал Страхов, «бранит наш литературный язык,

называя его не русским, а испанским». Надо ли говорить, что в это время Толстой твердо верит в истинность Православной Церкви.

В середине июня 1879 года Толстой поехал в Киев и посещал местных архиереев. Они произвели на него совсем не то впечатление, что старец Амвросий два года назад. Толстой имел вид приказчика и ни прозорливец-схимник, ни знаменитый старец не разглядели в нем значительного человека и отказались беседовать с ним. Тут он узнал о том, что мощи святых набиваются соломой, подделываются. Возмущение Толстого вызвал не примитивный обман ради поощрения веры, не кощунственность в благих целях, а бессовестность тех, кто приказал делать это. Видимо, с этого момента Толстой стал «разворачивать сам себя»(62.492), но не против Веры Церкви, а против ее иерархов.

В августе 1879 года Толстой в «удивительном духе», «в самом расцвете своих сил», как писал друзьям Страхов. Он ходит в церковь, соблюдает посты. И, видимо, внутренне ощущает себя полноправным церковным деятелем современной действительности. И в таком качестве у него возникают сомнения, сомнения его воцерковленного эденского существа, сомнения его совести. Все они вызваны событиями текущей общественной и государственной жизни. Это и вопрос об отношении Церкви к войне, и вопрос об отношении Церкви к смертной казни, и вопрос о духовной власти, возникающий в связи с нетерпимостью Церкви к другим христианским конфессиям. По всем этим мучившим его вопросам совести²¹² Толстой в октябре решил побеседовать в Москве с высшими иерархами. Беседовал Толстой с московским митрополитом, с викарным архиереем, с наместником Троице-Сергиевой лавры. «Все трое прекрасные люди и умные, но я больше еще укрепился в своем убеждении» (62.499) - т.е. в неправильной позиции Церкви по вставшим перед ним вопросам совести.

Страхов разъяснял Толстому, почему архиереи не могли дать ответ на его вопросы: «Они не признают за собой право решать вопросы, а умеют только все путать, все сглаживать, ничему не давать ясной и отчетливой формы, много говорить и ничего определенного не сказать». После беседы с иерархами, которые не помогли и, как Толстой понял, не могли помочь ему, он решил сам «дойти до корня» в догматическом и нравственном учении Церкви. Он пишет так и не получившее названия (и доселе

неопубликованное) сочинение религиозного содержания, в котором есть и мотивы «Исповеди», и критика богословской веры и «Соединения и перевода четырех Евангелий» и разбор «Катехизиса» Филарета. В этом сочинении дается убийственная характеристика Церкви. «Церковь – все это слово – есть название обмана, посредством которого одни люди хотят властвовать над другими. И другой нет и не может быть Церкви».

За несколько месяцев Толстой резко развернулся против Церкви. В другой книге мы объяснили это неприятием Толстым духовной Власти как таковой. Неприятие духовной Власти - свойство личной духовной жизни самой по себе. В общении с людьми духовной власти эденское существо Толстого возмутилось и отвергло похоть властвования и бессовестность властвующих.

Всего через полтора месяца, в начале декабря 1879 года Толстой беседует на те же темы с тульским архиереем и ставит перед ним свои вопросы. Тот рекомендует ему обратиться к тульскому ученому богослову, который, в свою очередь, посоветовал ему обстоятельно ознакомиться с наиболее тогда авторитетным «Православным догматическим Богословием» митрополита Макария и «Догматическим Богословием» Филарета Черниговского. Толстой тотчас нашел книги и сел штудировать их. «Если бы мне рассказали то, что я там нашел, я бы не поверил»(63.13), – пишет он по прочтении этих книг.

«Я читывал так называемые кощунственные сочинения Вольтера, Юма, но никогда я не испытывал того несомненного убеждения в полном безверии человека, как то, которое я испытал относительно составителей катехизисов и богословия... И я понял, наконец, что всё это вероучение, то, в котором мне казалось тогда, что выражается вера народа, что все это не только ложь, но сложившийся веками обман людей неверующих, имеющих определенную и неизменную цель»(23.62).

Русский народ обманут. Его надо спасать от «обмана людей неверующих».

«В исповедании веры, - пишет Толстой в первой своей антицерковной работе, - я нашел ложь хуже, чем я ждал, - яркую, режущую глаза ложь. Но вера в эту ложь – вот чудо... Чудо, совершающееся на наших глазах. Бессмысленно так, что петух не стал бы верить, а верят...» Можно

ли спасать тех, которые верят в то, во что, казалось бы, невозможно верить?

Ведь что поразительно: «чудо» это происходит не только с каким-то одним народом, а всегда и везде. И происходит, я думаю, потому, что к конфессиональной Вере неприменимы критерии правды и лжи, истины и заблуждения, достоверности и недостоверности. Конфессиональная Вера обслуживает Общую душу, солидаризирует ее, держит ее в целостности и в отграничении по отношению к другим Общим душам и в этом смысле образует ее; и потом охраняет ее такой, какой она сложилась. Ее роль в Общей душе прикладная, а не стержневая, как в личной духовной жизни, которая, напротив, стремится не отграничить и ограничить высшую душу человека, а соединить и объединить ее с другими высшими душами и всем миром. Конфессиональная Вера, какая она есть, существует для нужд, сохранения и охранения Общей души, и иной она стать не может. Это интуитивно знает каждый верующий человек. Хранить Веру - то же самое, что хранить Общую душу, ее структурное целое.

Общедушевная Вера в бестелесной сфере есть то же самое, что для людей одной нации есть Государство, занимающее определенную поверхность Земли, границами отделенную от других государств, и устанавливающее на своей территории свой Порядок – то «темное ОНО», на котором держится светская Власть. Ровно так же и духовная Власть призвана установить в Общей душе Порядок, чтобы прочно обеспечить свое существование. Общедушевная жизнь не может без духовной Власти – без Церкви, Мечети, Храма, национальной идеи и прочее. Не так давно, всего год-два назад, Толстой признавал это.²¹³ Что ж теперь? Почему он с открытым забралом пошел и на церковную Веру, и на церковную Власть?

Чтение Макария и особенно исследование этой книги так удручало Толстого, было для него столь нравственно мучительной задачей, что он не раз готов был захлопнуть книгу и прекратить работу, но с трудом преодолевал себя и продолжал, полагая, что он перед народом обязан завершить ее. Мука его видна на каждой странице текста. Что было бы понятно, если Толстой смотрел исключительно с личной духовной точки зрения, то есть с позиции эденского существа, стороннего по отношению к общедуховности. Если бы дело обстояло именно так, то и вопросов у нас не

было. Однако в то время эденское существо Толстого уже было введено внутрь общедуховности. В том-то и дело, что в 1880 году Толстой смотрел на церковную Веру и духовную Власть не столько с личной духовной, сколько с общедуховной точки зрения и общедуховно опровергал и то и другое. В чем тут дело?

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо дать себе отчет вот в чем.

Лев Николаевич Толстой, конечно, человек наиредчайший. Тут нет спора. Но четко ли мы представляем - в какой степени?

Способных на душевное рождение людей не много, положим, один на сто, десять тысяч на миллион, из которых добро бы половина в свое время станет двухстадийными душевнорожденными людьми. Из этих 5000 тысяч в лучшем случае каждый десятый пройдет личностное рождение, станет человеком трехстадийным. Таких, скажем, человек 500. После подъема Пробуждения на Пути останется едва ли каждый десятый. Это - 50. Из них войдут на подъем духовного рождения далеко не все. Кто-то и вообще не доживет до 50 лет. На подъеме духовного рождения остается, быть может, человек двадцать. Вряд ли мы ошибемся, если решим, что духовное рождение пройдут и станут четырехстадийными несколько человек на миллион.²¹⁴ Но это еще не все. Толстой – человек гениальный. Сколько же из духовно рожденных людей несут еще и Гения в себе? А тех, у кого Гений, как у Толстого, смог в реальных условиях человеческой жизни зримо для всех реализовать себя и быть всеми признанным?²¹⁵ Во всем человечестве такое возможно раз на много и много поколений. А если говорить только об одной Общей душе, даже самой людной? Дай Бог, если подобный Льву Толстому человек может за ее тысячелетнюю историю возникнуть в ней единожды. При таком раскладе он вообще может не появиться в ней...

Но если произошло, если Лев Толстой объявился в человечестве, то это не может быть игрой случая. Он пришел сюда с задачей по крайней мере общечеловеческого масштаба. Его назначение метафизического свойства и исполнение или неисполнение им этого назначения имеет существенные последствия и в духовном мире, и в мире земных людей. Жизнь Льва Толстого и ее результат - предмет не столько литературоведческий или философский, сколько мистический и религиозный.

Толстовский вопрос, как мы уже говорили, должен быть поставлен на высоту, достойную Льва Толстого.

18(42)

Из Эдена в земную навигацию время от времени должны направляться эденского существа такого достоинства и мощи, чтобы они могли быть использованы для общедуховной жизни - либо для руководства некоторой существующей семьей Саров и всех душ, находящихся в ее ареале, либо для закладки фундамента новой семьи Саров и ее общедуховного ареала. Если влияние нового Сара распространится на всю Общую душу или на значительную часть ее, то такой Сар становится в ряд уже существующих в Общей душе Саров.²¹⁶

Своей общедушевной стороной человек служит Сару. Это свое идеальное служение люди переносят на Страну, Государство, Вождя, Царя, через которых они выражают свою принадлежность не всем Сарам Общей души и не каждому, а какому-то одному из них, который и является в Общей душе Саром Власти.

Тип одухотворенности Сара Власти берется на вооружение всей Общей душой для того, чтобы превратить его в нормативный образец общедуховной жизни. Как метафизически более сильный, он давит на более слабых, подавляет их своей мощью, тормозит их развитие, не дает им проявить себя. Человека привлекает Сар Власти, и он стремится стать под его знамена, чтобы воспользоваться его мощью для духовного самоутверждения в Общей душе.

Место Сара Власти - в центре структуры Общей души. Этот центр более всех других Саров единит Общую душу, сцепляет части ее в совокупно живущую и работающую цельность. Без Сара Власти ничто не мешает Общей душе начать разваливаться по частям.

Сар Власти - высшая инстанция Общей души, ее несущий стержень, ее глубинное выражение и духовная персонификация. Через него народ получает Имя, которое, по Библии, намеревались обрести Вавилонские строители. Сар Власти - основание персоналистической цельности Общей души. Без всей семьи

Саров, и Сара Власти прежде всего, Общая душа безличностна, духовно безвольна, живет, как человеческая стая.

Сар Власти - источник духовной власти в Общей душе, власти не светской и не Божьей, а высшей общедуховной инстанции над собственной Общей душой. Властная сила Сара призвана быть властью духовной, "небесной", необходимой в качестве противовеса светской власти. Сила Сара Власти должна править, диктовать, являть жесткую волю и узду – всё то, что человек в себе переживает как Власть. Чтобы поставить себя под управление Сара Власти, никаких особых духовных усилий делать не нужно. Напротив, его господство опирается на некоторое духовное бессилие людей, которые в общем случае никакого Сара в своей душе не знают, чувствуют этот свой изъян и потому охотно подчиняются.

Через свою высшую духовную инстанцию, через Сара Власти, Общая душа обращена к Богу. Через него душа каждого народа по-своему переживает Бога, религиозно-персоналистически воспринимает и чувствует Его. Если Бог может сообщаться и обращаться к Общей душе, то, надо думать, только через Сара Власти. Чувство Сара Власти в Общей душе есть жизнеощущение Общей души перед Господом. Сар Власти - носитель особого, только данной Общей душе присущего отношения к Всевышнему. Общедушевное чувство Сара Власти - религиозное чувство Общей души. У каждой Общей души свой стиль религиозного чувства. Общая душа знает присутствие своего Сара Власти в себе, чувствует себя в его присутствии и под его присмотром. Общая душа изнутри ощущает духовное ярмо Сара Власти.

Сар Власти не отграничивает Общую душу, как общедуховная Вера, он внутренне скрепляет ее, создает ее структурное качество - осуществляет цельность и целостность Общей души, обладающей своей общедушевной Верой и, хорошо бы, - своей общедушевной Совестью. На Сара Власти возложена работа отбора ценностей для Общей души, соответствующих его образу одухотворенности. Сар Власти определяет основы Общей души, дает им волевою установку, включает их в Веру и, властно присутствуя в конкретном течении общедуховной жизни, понуждает исповедовать ее. Без Сара Власти вся Общая душа тускла и духовно аморфна. Существовать без Сара Власти Общая душа может, но - в Богооставленности.

Когда толкователи Библии разъясняли, что Господь во времена строительства Вавилонской башни спустился Сам и «спустил» по Сару в каждую из 70 Общих душ, то они, надо полагать, имели в виду Сара Власти. Но Сар Власти не всегда один и тот же в Общей душе. Время от времени в Общей душе необходима смена Сара Власти. Каждый новый Сар Власти, как и любой Сар, создается - не без решающего участия надчеловеческих сил - в человеческой сторгической взаиможизнедеятельности высших душ некоторых людей.

Сначала кто-то из людей проходит духовное рождение на Пути, при котором эденское существо его высшей души обретает «Я», становится духовным Я, обладающей всей полнотой назначающей воли в составе человека. Претендента на Сара Власти может выковать в себе только четырехстадийный, то есть прошедший духовное рождение человек. Затем духовно рожденный человек должен перенести его в глубь Общей души.

Сар – попавшее в Общую душу эденское существо, обладающее человеческим «Я». Личность тогда личность, когда несет в Себе «Я». Как и всякое «Я», Сар – выделенный центр, центр Общей души. Сар – личностен в глубинном смысле слова. Он пришел из Эдена в безличности и через определенного человека персоналистически укореняется в Общей душе и во все-общедуховности. Сар несет на себе черты личности высшей души того человека, через которого он вошел в общедуховный мир. Можно ли оставить за Саром человеческое имя? Можно ли говорить о Саре Авраама, Саре Мухаммеда, Саре Иисуса, Саре Гаутамы (Будды) во все-общедуховном пространстве жизни, о Саре Моисея в израильской Общей душе, о Саре Толстого, если таковой оказался бы в русской Общей душе? Не берусь сказать.

Во всяком случае, в общедуховных глубинах не обходится без борьбы за место Сара Власти. Кандидат становится Саром Власти, когда Общая душа принимает его, когда новый Сар Власти становится единым с Общей душой - мучительный как для него, так и для всей Общей души процесс.

Общая душа, как и все одухотворенное и живое, внутренне развивается и растет. Смена Саров Власти обеспечивает в данный исторический момент тот стиль и тип одухотворенности, который необходим Общей душе для ее дальнейшего восходящего развития. Это значит, что в Общей душе должны иметь возможность открыто проявлять себя все Сары, которые в силах заявить о

себе. Конечно, это идеальное требование. Но и в реальности для перехода в новое качество Общей душе непременно потребуются соответствующий этому ее качеству еще неведомый Сар, достаточно развитый и окрепший, чтобы в нужный момент перехватить духовную власть; или - что не менее важно - способный духовно возродить нацию после стагнации или краха, вызванного (обычное дело) ослаблением влияния семьи Саров в Общей душе.

Здоровье Общей души не в последнюю очередь зависит от ее стремления включить в себя из личной духовной сферы наибольшее число Саров. Общей душе крайне важна инакодуховность относительно Сара Власти. Институты общественности и государственности должны служить свободе выражения своеобразной одухотворенности.²¹⁷ Это тем более важно, чем выше степень духовного развития Общей души. Широкий выбор Саров обеспечит Общей душе и развитие и самовосстановление. В семье Саров наверняка существуют особый Сар, Сар возрождения. Весь вопрос - есть ли он в необходимую минуту в распоряжении Общей души.

Каждый работающий в Общей душе Сар действует не для блага или благополучия Общей души. У него своя задача во всеобщедуховном хоре Саров. Сар живет через Общую душу, но выражает определенное общедушевное направление развития в человечестве, этим направлением заведует, за него отвечает, его собой представляет и его преуказывает. По разным причинам заданное Саром Власти направление развития в реальности общедуховной и общедушевной жизни раньше или позже исчерпывает себя. Потому-то смена Сара Власти и, следовательно, смена или коррекция направления духовного развития есть жизненная необходимость всякой Общей души.

Хотим мы того или не хотим, но развитие Общих душ замыслено Господом в смене Саров вообще и Сара Власти в том числе. Эта последняя смена имеет основополагающее значение в жизни Общих душ. Духовное восхождение Общих душ - ломаная кривая, на каждом сломе которой новый Сар Власти перехватывает у прежнего духовную власть.

Сразу после встречи с московскими архиереями в октябре 1879 года Толстой написал Страхову: «Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю; но благодарю Бога за это состояние»(62.499). Он знает, что это состояние родов духовных. Кто рождается?

В эпопее «Сто лет», намерение трудиться над которой не оставляло Льва Николаевича ни в августе, ни в сентябре, ни в октябре 1879 года, Толстому необходимо было обдумать произошедшие за столетие духовные процессы в русской Общей душе, и обдумать с точки зрения своего эденского существа, погруженного в общедуховность, то есть с позиции нового Сара русской Общей души. Толстой, очевидно, стремился понять предысторию духовной борьбы народа, борьбы, которую ему в качестве носителя нового Сара предстояло продолжить.

Начиная с кавказских и севастопольских рассказов Толстой стремился понять для себя и выразить, что такое русская Общая душа сама по себе и каковы ее основополагающие ценности. Эту же необходимость разобраться в том, что было до него в русской Общей душе, Толстой чувствовал, когда создавал роман о Петре. Но тогда рано было, да и откомандированный на это Гений его отказался служить ему. Теперь другое дело.

Дело не в переживании жестокости причастия, не в мощах, набитых соломой, и не в конформистских взглядах архиереев Православной Церкви, а в том, что Толстой всю жизнь шел к рождению нового Сара в себе, и это «духовное рождение» Сара произошло в нем осенью 1879 года. В это время эденское существо Толстого вдруг почувствовало себя Саром русской Общей души и соответствующим образом стало действовать. В ноябре Толстой пишет «Церковь и государство» и тем наносит основной удар по властным позициям Церкви. В начале следующего 1880 года он за несколько месяцев создает труд под названием «Исследование догматического Богословия», в котором крушит идеологический фундамент действующего Сара Власти и тем самым стремится обессилить его. Так Толстой расчищает дорогу новому Сару. «Исповедь», написанная по старым черновикам за несколько последних дней декабря 1879 года и предварявшая книгу о догматическом Богословии, имела целью «возбудить к своей жизни отвращение всех читателей»²¹⁸ и тем самым исключить из восприятия читателей личностный момент в его критике догм Церкви. С конца марта 1880 года Толстой уже трудится над «Соединением и переводом четырех Евангелий». Настал самый светлый и самый радостный час его жизни. На каждой странице этого гигантского труда Толстой с разных сторон выявляет и раскрывает нового Сара.

Темное откровение Толстого, - откровение темного ОНО – если и не прямо направлено против Сара Власти, то против того «порядка», которое эффективно ассистирует Сару Власти в человеческой жизнедеятельности. В начале же 80-х годов Толстой – олицетворение нового Сара Власти, идущего на смену. Вот доминанта всей его проповеднической деятельности. Толстой не новый мыслитель, художник, учитель нравственности и прочее, а новый Сар, претендующий стать Саром Власти. Исследуя догматическое Богословие и заново переводя Евангелия, Толстой берет на себя работу нового Сара Власти. Но - какого? Как назвать его?

Толстой словно создан моральным разоблачителем и нравственным судьей человека и его мира. И не только человеческого мира, в котором ему довелось жить, но вообще мира людей. Он обличает порок, изобличает лицемерие и ложь, выставляет идеал и не только призывает, но и пробуждает человека, подвигая его расти к этому идеалу. В сознании людей Толстой навсегда остался человеком, который разоблачает и судит мир людей судом Совести. Совесть – заглавная и господствующая черта одухотворенности Льва Николаевича Толстого. Новый Сар, как только родился в нем, так сразу стал вносить бескомпромиссность Совести в общедуховную жизнь. Это – Сар Совести. Или - Сар Совести и Милосердия. Нравственная и, шире, духовная чистота – вот что более всего нужно эденскому существу для того, чтобы стать Саром Совести. Все усилия по самосовершенствованию Толстого с молодости нагружены задачей рождения Сара Совести.²¹⁹

В бездонной глубине толстовской души – той глубине, глядя откуда игра Гения представляется действием на наружности, зародился новый Сар Совести и Милосердия и задолго до его рождения был угадан в образе женского христианского Божества в этюде «Сон». Видение Сара Совести первоначально возникло у Толстого в бестелесном и обобщенном образе простой русской женщины.²²⁰ Как чистое видение Сара Совести женщина «Сна» не могла совершить переворот в непонимании Пьера Безухова – олицетворении общедуховных устремлений автора «Войны и мира», - но, родившийся, ставший Сар Совести совершил решающий перелом всей внутренней и внешней жизни самого Льва Толстого.

Толстой желает переорганизовать русскую Общую душу на началах Совести. Общая душа, конечно, не приветствует такое рискованное

мероприятие, как реорганизация. Тем более когда она сопряжена с борьбой Саров Власти. Однако борьба правящего Сара Власти с Саром Совести – не борьба за духовную власть, как это приходится понимать, судя по деятельности Толстого в начале 80-х годов. Сар Совести не принуждает. Он воздействует на души иначе. Результат победы Сара Совести над Саром Власти - не обязательно смена установленного традицией твердого и косного Порядка Вероисповедания (своего рода духовного «темного ОНО»), а добровольное подчинение общедуховной Совести. Это то самое, о чем мечтаются веками и что считается утопией. Это и есть утопия, пока в Общей душе нет полноценно действующего Сара Совести.

Сар Совести не гарантирует Общую душу от срывов и падений, но оберегает ее от самобезответственности и ручается за то, за что ручается совесть в отдельном человеке – за нравственный самоконтроль в Общей душе и за нравственное самовосстановление и развитие ее. Сар Совести схож с Саром Власти и работает параллельно ему.

Сар Власти отбирает, устанавливает и усиливает воздействие общедушевного разума на общедушевные поля жизни, придавая этому воздействию идеальный статус должного, непререкаемого. Сар Власти - носитель Веры и генератор исповедальной мощи Общей души. Но он не вершит суд над ней. Только Сар Совести способен будить Общую душу Совестью. Только он исполняет свои властные полномочия не тем, что приказывает, а тем, что судит. Сар Совести – не Гегемон, а внутренний Судья Общей души. Он накладывает узду общедушевной Совести и подает Общей душе сигнал нравственной боли, как только требования общедушевной Совести нарушаются ею. Чем полнее звучит Сар Совести внутри Общей души, тем слышнее в ней призыв и сигнал общедушевной судебной инстанции. По силе и слышимости этого сигнала можно, наверное, судить о степени присутствия Сара Совести в Общей душе и о ее зрелости.

Сар Совести – судебная власть в Общей душе. Он - Судья, который судит Общую душу высшим судом в ней самой. Суд Сара Совести потому и высший суд, что это суд Эдена над Общей душой. Понятно, что и Судья Совести приходит в Общую душу из Эдена. Не непосредственно из Эдена, а через внедренное в предназначенного человека эденское существо,

становящееся общедушевым Саром. Таким человеком во времена своего «духовного рождения» и стал Лев Толстой.

Новый Сар Совести - это новый стиль одухотворенности в Общей душе – одухотворенности Совести. Люди, близкие толстовскому духу совести, всегда и везде были, есть и будут. Как и Лев Николаевич они вдохновенно переживают работу свободного нравственного чувства, любят Добро и мучаются Злом, обличают его в себе и других, искренне сострадают и в сравнении с другими без особых затруднений входят в благосостояние покаяния. Но всё это суть качества и свойства их приватной духовной жизни, схожей с личной духовной жизнью Льва Николаевича. Для того, чтобы в народе возник общедушевный тип людей, одухотворенных совестью, нужно, чтобы в Общей душе сначала объявился Сар Совести. Когда в Общей душе рождается Сар Совести, тогда он, во-первых, более или менее открыто живет в каждом человеке, причастном к этой Общей душе, и, во-вторых, создает в Общей душе более или менее широкий, сплоченный и боевой фронт людей общедуховной Совести, которые не из-за особенностей своей духовной личности и не по свободному вдохновению ее, а по естественному общедушевному принуждению обладают качествами и свойствами толстовского духа.

Мудрено представить себе существование такого фронта в каком-либо народе, и в том числе народе европейского мира. Сар Совести может существовать далеко не во всякой Общей душе, даже высоко развитой в других отношениях. Обрести Сара Совести – большая удача для Общей души. Судя по нынешнему нравственному состоянию западноевропейских народов, в их Общих душах нет Сара Совести. Нынешние западные общества, любя судить нравственным судом других, более всего не любят судить себя – верный признак зараженности болезнью моральной мнимодуховности, в которой мимикрируется действие Сара Совести.

Народ, востребовавший Сара Совести, создавший его в общедушевных корнях своих и тем более сделавший его своим Саром Власти, стал бы воистину избранным (избранным Эдемом) народом в человечестве. Таким, возможно, мог стать русский народ, но не стал. Престол Сара Совести русской Общей души остался пуст. Не потому ли русская Общая душа сегодня находится в катастрофическом состоянии? Без Сара Совести - без контроля и суда своей

Совести - она в нынешних обстоятельствах может и погибнуть. И не только она одна. Не исключено, что из-за отсутствия Сара Совести в германской Общей душе смог в свое время возвеличиться фашизм, а в русской – большевизм Ленина и антиленинский небольшевизм Ельцина.

Толстой решает, что понимание Евангелия искажено и надо раскрыть в Евангелиях чистое учение Христа. В отношении Общей души такой труд бесплоден, но нужен для становящегося Саром Совести эденского существа высшей души Толстого. Некогда мы уведомляли читателя, что учение Толстого самодостаточно, не нуждалось в подпорках и могло быть представлено миру как самостоятельное учение, без опоры на евангельского Христа. Зачем Толстому работать на уже возвращенном и засеянном поле, очищать его пусть и от сорняков, а не попробовать посадить новое и взрастить свое? Зачем ему евангельское поле?

Рожденному в Толстом Сару Совести следовало утверждать себя в общедуховности через причастность к главенствующему в Общей душе (и в собственной душе Льва Николаевича) Сару Власти, связанному в общедуховном сознании с образом и именем Иисуса Христа. Толстой берет Христа в напарники своему эденскому существу, вводимому в русскую Общую душу и становящемуся ее Саром Совести. Он пытается явить Сара Совести и Милосердия как Сара Власти или, по крайней мере, поставить его рядом с ним. Иными словами, воздвигнуть становящееся Саром Совести эденское существо на место Сара Власти. Отсюда его борьба под Христовым знаменем, его проповеднический накал и пророческий дух. Такова же и сверхзадача «Соединения и перевода четырех Евангелий». Главный религиозный труд Толстого призван раскрыть основанное на Евангелии внецерковное непонимание. Это «новое непонимание» - из-за ненужной борьбы Сара Власти с Саром Совести и Милосердия – антицерковное по форме изложения и предъявления читателю. Но не по априори поставленной и не сразу же ясно понятой Толстым задаче.

Как Иисус пришел к заблудшим овцам дома Израилева, так и Толстой пришел к русскому общедушевному дому, к заблудшим овцам русской Общей души и сам хорошо сознавал это. Но, как и Христос, Толстой пришел не только сюда. А и во всечеловеческое пространство высшей жизненности. Сочинение о Евангелиях «было поворотным пунктом всей моей жизни»(68.54).

Одновременно это был поворот всечеловеческого толстовского Сара Совести на свое место в русской Общей душе.²²¹

Сар Совести не может родиться иначе, как в какой-то Общей душе, к которой относится человек, его выносивший. Но, родившись в человеке, Сар Совести принадлежит всему человечеству и обитает во всечеловеческом поле сторгической жизненности, где жительствоуют многие сторгические существа, которым не нашлось места в определенной Общей душе. Из этого всечеловеческого сторгического поля Сар Совести, теоретически говоря, может быть востребован как любой Общей душой, так и отдельным человеком. Сар Совести и Милосердия – не общедушевный, а всечеловеческий Сар. Поэтому породивший его Толстой поневоле перешел от общедуховной жизни к всечеловеческой духовной жизни. Вернее, Толстой занял позицию всечеловеческой духовной жизни, не выходя из русской общедуховной жизни. Это возможно потому, что Сар Совести (а я думаю, и всякий Сар) входит в отдельную Общую душу только в качестве общечеловеческого духовного начала.

Мы говорили об уникальности Толстого в человечестве. Плохо верится, что Сар Совести, возникший при таких исключительных обстоятельствах, мог по какой-либо причине навеки исчезнуть. То, что он не укоренился в русской Общей душе – ее беда. Но он уже рожден, он уже есть в мире человека и может быть им востребован. Он, как женщина «Сна», прошел мимо Общей души, в которую мог быть внедрен, и удалился, – но не исчез совсем.

Из всего того, что мы знаем о векторе духовной жизни Льва Толстого, можно решить, что толстовское эденское существо было способно возвысить русскую Общую душу, внести в нее струю более высокой жизненности,²²² которую по глубочайшему убеждению Льва Николаевича она напряженно ждала и искала. Возвышение русской Общей души не состоялось. И произошло падение ее. Вся русская история двадцатого века могла быть иной. Но сам по себе вход Сара Совести в общедуховность и в общечеловеческую духовную жизнь²²³ – чрезвычайно значительное явление. Это эра в духовной истории человечества.

Толстовский образ одухотворенности не превратился в Сара Совести русской Общей души, не назначает ей свою волю, не стал ее общедуховной властью (властью Совести). Едва ли в ближайшее историческое время

объявится еще один Лев Толстой. Но если целенаправленными духовными усилиями людей будет воздвигнут престол, ждущий Сара Совести и зовущей его к себе, то все может случиться. Помощью своего Гения Толстой полноценно сохранил для последующих поколений свой лик одухотворенности, остался в культуре в качестве образа одухотворенности Совестью, на основании которого в каждой Общей душе может выковываться свой Сар Совести. Уже сейчас любой желающий человек в состоянии востребовать его для своего духовного роста. Стиль одухотворенности Толстого, вообще говоря, может быть внедрен в качестве одного из ведущих фрагментов любой Общей души. Толстой сделал как бы задел Сара Совести в человечестве, в любой Общей душе. Он же оставил нам инструменты, которыми можно воспользоваться при строительстве престола Сара Совести. Дело только за материалом, из которого может быть построен этот престол, то есть людьми, собой стремящимися создавать его.²²⁴

Одно время Лев Николаевич воспринимался в русском обществе совестью России. Сразу после смерти Толстого Дм. Мережковский предрек: Совесть России ушла из нее, и теперь наступают бессовестные времена. Предвидение Дм. Мережковского осуществилось в действительности. Совесть России должна была не уходить из русской Общей души со смертью Толстого, а, напротив, приходить из него в нее. Отчасти это не произошло из-за срывов в метафизической биографии Льва Толстого. Но про саму попытку Толстого внедрить всечеловеческого Сара Совести на его место нельзя сказать, что она неудачна. Она - сорвана. И в этом центральный пункт драмы любви Льва Толстого.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЧУЖОЕ

СЧАСТЬЕ

(Лев Николаевич и Софья Андреевна)

<p>стыд и плакал о прошедшем, счастью, о невозможности счастья, о чужом счастье...» «Сон». Последний вариант жить, вдруг народ полюбит опять, Дневники. Запись 23 ноября 1862 года.</p>	<p>«Я сбросил с себя невозвратимом будущего Л.Н.Толстой. «Страшно с ним а я пропала». С.А.Толстая.</p>
---	---

1.(43).

Через полтора года после разрыва с Валерией Арсеньевой, в середине 1858 года, Толстой пишет повесть «Семейное счастье». Автор определенно узнается в герое повести Сергее Михайловиче, и по портретному сходству, и по мыслям. Есть в повести и кой-какие мотивы неудавшегося романа Льва Николаевича. Но что до героини, то кроме внешних совпадений²²⁵ в ней нет ничего, что связало бы еще не вошедшую в женскую жизнь Машу с игравшей со своим женихом Валерией. Юной героине повести не надо специально внушать, ей достаточно дать понять, и она сама с радостью воспринимала то, что Лев Николаевич полгода безуспешно пытался вселить в душу Валерии.

«Недаром он говорил, что в жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого. Мне тогда это странно казалось, я не понимала этого; но это убеждение, помимо мысли,

уже приходило мне в сердце. Он открыл мне целую жизнь радостей в настоящем, не изменив ничего в моей жизни, ничего не прибавив, кроме себя, к каждому впечатлению».

Автор любит героиню так, как любят свою мечту. Эта авторская любовь-мечта о женитьбе зрелого мужчины на только-только начинающей жить девушке, которую он близко знал с раннего ее детства, которая, выросши, полюбила его, не подлежит сомнению. Видимо, она озаряла брачные устремления Льва Николаевича после неудачи с Арсеньевой.

«И ведь за что я получала тогда такие награды, наполнявшие мое сердце гордостью и весельем? За то, что я говорила, что сочувствую любви старого Григория к своей внучке, или за то, что до слез трогалась прочитанным стихотворением или романом, или за то, что предпочитала Моцарта Шульгофу. И удивительно, мне подумалось, каким необыкновенным чутьем угадывала я тогда все то, что хорошо и что надо бы любить; хотя я тогда еще решительно не знала, что хорошо и что надо любить».

«Семейное счастье», на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к биографии Толстого. Но не к тому, что было за два года до ее создания (как принято считать), а к тому, что будет в жизни Толстого через четыре года, когда он женится на Софье Берс. Двадцатилетняя Валерия Арсеньева и двадцативосьмилетний Лев Николаевич - ровесники. Расставшись с Валерией, Толстой через некоторое время увидел свою будущую жену значительно моложе себя. Создается впечатление, что Толстой рисует общую ситуацию своей женитьбы за несколько лет до нее. Софья Андреевна, читая письма мужа к Валерии, так восприняла их:

«И, прочтя его письма, я как-то не ревновала, точно это был не он и никак не В., а женщина, которую он должен был любить, скорее я, чем В.». «Бедный, он еще слишком молод был и не понимал, что если прежде сочинишь счастье, то после

хватисься, что не так его понимал и ожидал. А милые, отличные мечты»²²⁶.

Софья Андреевна не совсем права. То, что переживал Толстой, устремляясь душою к Валерии, не назовешь мечтами. То были не мечты, и не сочиненное счастье, а вера в действительность своих усилий и действительность осуществления сторгического блага. Валерия Арсеньева – не столько будущая любимая жена для впечатленного ее женским обликом мужчины, сколько объект для блага (счастье + добро) супружеской жизни. Ко времени работы над «Семейным счастьем» что-то изменилось в Толстом. Теперь он, в значительной мере отказавшись от той внутренней установки на Сопутство в супружестве, которая вдохновляла его в любви личностного рождения, мечтает; мечтает не о сопутевом благе, а, как это следует из названия повести, о семейном счастье. И исследует, что может получиться от претворения в жизнь мечты счастья, без надежды на осуществление которой он через несколько лет не смог бы жениться.

Запечатленная в «Семейном счастье» мечта супружества на молодой девушке из родственного дома сыграла свою роль в драме семейной жизни Льва Толстого. Любовь к ней не предполагала быстрое формирование Сопутства. Лев Николаевич определенно был настроен на совместные предсторгические переживания, ведущие к сторгии, центром которой, желает он того или нет, будет он один. Он нацелен не на Сопутство, а на одноцентровую сторгия.

Сергей Михайлович, как сказано в повести, «был человек уже немолодой». Ему было 29-30 лет – ровно столько, сколько Толстому, когда он писал «Семейное счастье». Он «был близкий сосед наш и друг покойного отца», и Маша «с детства привыкла любить и уважать его». И Софья Андреевна вспоминает, сто «детьми мы все очень любили Льва Николаевича: он играл с нами, заставляя нас петь и прекрасно рассказывал. Помню, когда началась Севастопольская война, мне было лет

одиннадцать, он приехал прощаться с нами. Мы с сестрой страшно плакали»²²⁷. Старшим девочкам Берс в то время было лет 11-12, и Толстому так хорошо было в Покровском с ними. «Как я люблю ваше Покровское»,— говорит Сергей Михайлович в повести Толстого.— Так бы всю жизнь и сидел тут на террасе». Вполне может быть, что, создавая «Семейное счастье», Лев Николаевич держал в душе трогательный образ девочек Берс в Покровском,²²⁸ видел их и себя через несколько лет, неосознанно грезил о будущем счастье с одной из них и не отказал себе в удовольствии писать от имени некой им воображаемой любимой девушки.

Толстой как будто написал повесть о сторгической неудаче изначально счастливой супружеской пары. Читатель закрывает «Семейное счастье» в убеждении, что ему поведали жизненно верную, грустную и высокую историю о том, как сами собою рушатся идеальные мечты искренне любящих друг друга людей, что вроде бы это и неизбежно.

Герои повести поженились и остались наедине друг с другом.

«Дни, недели, два месяца уединенной деревенской жизни прошли незаметно, как казалось тогда; а между тем на целую жизнь достало бы чувств, волнений и счастья этих двух месяцев».

После столь мощного предсторгического вступления сторгическая свитость, казалось бы, обеспечивается сама собой. Но в реальности то и дело возникает нечто, схожее с предшествующей сторгическому краху остановкой сторгического роста.²²⁹ Эта заминка нужна в качестве препятствия на пути сторгического восхождения. Ее надо преодолевать изнутри, ресурсами душ, а не внешними мероприятиями.

Сергей Михайлович заметил состояние жены, решил, что она засиделась в деревне, и они поехали в Петербург. Это была первая его ошибка.

«Я очутилась вдруг в таком новом, счастливом мире, так много радостей охватило меня, такие новые интересы явились передо мной, что я сразу, хотя и бессознательно, отреклась от всего своего прошедшего и всех планов этого прошедшего... Светская жизнь, сначала отуманившая меня блеском и лестью самолюбия, скоро завладела вполне моими наклонностями, вошла в привычки, наложила на меня свои оковы и заняла в душе все то место, которое было готово для чувства».

Остановка сторгического роста перешла в состояние сторгического застоя. За этим неизбежно следует сторгическая авария.

«Так прошло три года, во время которых отношения наши оставались те же, как будто остановились, застыли и не могли сделаться ни хуже, ни лучше». Даже рождение первенца ничего не изменило. Супруги уехали за границу. Там произошла история с итальянским маркизом Д., который «был молод, хорош собой, элегантен и, главное, улыбкой и выражением лба похож на моего мужа, хотя и гораздо лучше его». Она позволила ему поцеловать себя, и только случай спас ее от окончательного падения. Она тотчас выехала с мужем в Россию, в свое имение.

«Мы жили каждый порознь. Он с своими занятиями, в которых мне не нужно было и не хотелось теперь участвовать, я с своею праздностью, которая не оскорбляла и не печалила его, как прежде». «Все та же и я, но нет во мне ни любви, ни желания любви. Нет потребности труда, нет довольства собой. И так далеки и невозможны мне кажутся прежние религиозные восторги и прежняя любовь к нему, прежняя полнота жизни».

Что это: сторгическая катастрофа? Или еще нет?

В финале повести жена спрашивает мужа, не жаль ли ему прошедшего и не упрекает ли он себя и ее? И когда он отвечает, что «все было к лучшему», она перечисляет его ошибки. Одноцентровая сторгия имеет свои законы.

Ведущему в ней нельзя давать волю другому, нельзя перестать руководить им. Она предъявляет ему счет, который имеет значение для понимания семейной жизни Льва Толстого.

« - Послушай, отчего ты никогда не сказал мне, что ты хочешь, чтобы я жила именно так, как ты хотел, зачем ты давал мне волю, которою я не умела пользоваться, зачем ты перестал учить меня? Ежели бы ты хотел, ежели бы ты иначе вел меня, ничего, ничего бы не было,— сказала я голосом, в котором сильней и сильней выражалась холодная досада и упрек, а не прежняя любовь... Разве я виновата в том, что не знала жизни, а ты меня оставил одну отыскивать... Разве я виновата, что теперь, когда я сама поняла то, что нужно, когда я, скоро год, бьюсь, чтобы вернуться к тебе, ты отталкиваешь меня, как будто не понимая, чего я хочу... Зачем ты мне позволил жить в свете, ежели он так вреден тебе казался, что ты меня разлюбил за него?.. Зачем не употребил ты свою власть, не связал, не убил меня? Мне бы лучше было теперь, чем лишиться всего, что составляло мое счастье, мне бы хорошо, не стыдно было».

« - Всем нам», - отвечает Сергей Михайлович, - «а особенно вам, женщинам, надо прожить самим весь вздор жизни, для того, чтобы вернуться к самой жизни; а другому верить нельзя. Ты еще далеко не прожила тогда этот прелестный и милый вздор, на который я любовался в тебе; и я оставлял тебя выживать его и чувствовал, что не имел права стеснять тебя, хотя для меня уже давно прошло время... ты и хотела бы, но не могла бы поверить мне; ты сама должна была узнать, и узнала».

«- Ты рассуждал, ты рассуждал много, - сказала я. - Ты мало любил».

Мы опять помолчали.

- Это жестоко, что ты сейчас сказала, но это правда,— проговорил он, вдруг приподнимаясь и начиная ходить по террасе,— да, это правда. Я виноват был! — прибавил он,

останавливаясь против меня. — Или я не должен был вовсе позволить себе любить тебя, или любить проще, да».

Он признал вину. Нельзя ли теперь еще раз попытаться наладить по ошибке несостоявшееся семейное счастье?

«- Забудем все,— сказала я робко.

- Нет, что прошло, то уж не воротится, никогда не воротись,— и голос его смягчился, когда он говорил это.

- Все вернулось уже,— сказала я, на плечо кладя ему руку.

Он отвел мою руку и пожал ее.

- Нет, я неправду говорил, что не жалею прошлого; нет, я жалею, я плачу о той прошедшей любви, которой уж нет и не может быть больше. Кто виноват в этом? не знаю. Осталась любовь, но не та, осталось ее место, но она вся выболела, нет уж в ней силы и сочности, остались воспоминания и благодарность, но...

Маша пыталась возражать, но сама «чувствовала уже, что невозможно то, чего я желала и о чем просила его. Он улыбнулся спокойною, кроткою, как мне показалось, старческой улыбкой».

«Не будем стараться повторять жизнь,— продолжал он,— не будем лгать сами перед собою. А что нет старых тревог и волнений, и слава Богу! Нам нечего искать и волноваться. Мы уж нашли, и на нашу долю выпало довольно счастья. Теперь нам уж нужно стараться и давать дорогу вот кому,— сказал он, указывая на кормилицу, которая с Ваней подошла и остановилась у дверей террасы. — Так-то, милый друг,— заключил он, пригибая к себе мою голову и целуя ее. Не любовник, а старый друг целовал меня».

Предсторгия, так и не перейдя в сторгию, выгорела в родственность.

Мужская мечта – взять совсем молоденькую девушку и из нее воспитать себе жену – обычно не осуществляется в жизни. Толстой берет мечту брачного счастья с молодой женою, художественно осмысливает ее и делает выводы, в том числе и себе в науку. Жениться на молодой девушке – предприятие рискованное. Надо, надо употреблять свою власть и тем самым сохранить то, к чему вело счастье, намечавшееся вначале. Теперь же она молода, а он стар – «зачем обманывать себя?» Это урок пригодится Льву Николаевичу, когда он будет строить семейную жизнь.

Есть поразительные совпадения в «Семейном счастье» и в Дневнике первого года семейной жизни Толстого.

Из повести:

«- Что ты нынче шепчешь? - спросила я. Он остановился, подумал и, улыбнувшись, отвечал два стиха Лермонтова:

...А он, безумный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

“Нет, он больше, чем человек; он все знает! — подумала я,— как не любить его!”»

В записи Дневника 3 марта 1863 года, через полгода после свадьбы, совсем другая интонация:

«Нынче ей скучно, тесно. - Безумный ищет бури - молодой, а не безумный. А я боюсь этого настроения больше всего на свете».

Сам Лев Николаевич несколько лет назад высветил эти настроения и их печальный результат. Утверждения о том, что «надо прожить самим весь вздор жизни, для того, чтобы вернуться к самой жизни», как оказалось, непригодны для «самой жизни», которая редко допускает переэкзаменовку. Сергей Михайлович в повести «рассуждал» и «был виноват», прежде всего в том, что оказался слабым человеком и «не употребил власть». Сохранить то, что не сохранили герои повести, можно, но для этого мужу надо действовать твердо и «вести ее иначе».

Еще значительнее сходство некоторых мотивов «Семейного счастья» и «Сна».

Видение женщины «Сна», которому через много лет предстоит явить себя в Саре Совести, в сознании 30-летнего Толстого не без оснований связывалось с драмой его личного счастья. Первая редакция «Сна», созданная за полгода до начала работы над повестью, завершается, как и «Семейное счастье», плачем по невозвратимому, уже невозможному счастью. В окончательном варианте «Сна», написанном через пять лет, вскоре после женитьбы, герой плачет не только о прошедшем и

невозвратимом счастье и не только о невозможности будущего счастья, а о «чужом счастье», то есть о неосуществленности и невозможности своего, себе свойственного счастья.

Слова из этюда «Сон», вынесенные эпиграфом к этой части, провидческие не только в метафизическом плане, но и в отношении супружеской жизни Льва Толстого.

2.(44)

В 34 года Лев Николаевич еще, конечно, не накопил опыт духовного страдания и не достиг уровня духовного сознания, который необходим для того возвышающего отчаяния, которое вплотную приблизило пятидесятилетнего Толстого к перелому духовной жизни. Однако в «Исповеди» рассказано, что уже во времена, предшествующие женитьбе, он находился в духовном тупике, вырывался из него, и это более всего двигало его тогдашней жизнью.

О своей женитьбе и духовных перспективах семейной жизни Толстой в «Исповеди» рассказывает в таких тонах, что можно подумать, что семейная жизнь остановила его в духовном развитии, перекрыла ему дорогу, на целых 15 лет отодвинула то, что неминуемо должно было случиться. Если верить «Исповеди», то женился он исключительно по необходимости, в поисках выхода из тупика жизни.

В 23 года Толстой не воспользовался посланной путевой судьбою встречей с Зинаидой Модестовной Молоствовой. В 28 лет он безуспешно пробовал реализовать любовь, которая возникает на подъеме личностного рождения. При неудачной попытке запал любви личностного рождения продолжает гореть, но все слабее и слабее и к 35 – 38 годам гаснет совсем. Толстой все ближе и ближе подходил к этому порогу и сам

чувствовал, как уходит отпущенное для создания супружеской сторгии время мужской жизни.

На исходе пятого семилетия Лев Толстой вполне знал себе цену, знал, что ему предстоят великие свершения и чувствовал ответственность за свою жизнь. Но жил уже на излете сторгического периода жизни и, как всякий мужчина в «середине жизни», ощущал, что срок для создания семьи вот-вот кончится. Этот срок давил на его сознание, подавая ему сигнал бедствия. Дневниковые записи августа-сентября 1862 года свидетельствуют, что Толстой терзался не столько вопросом, жениться ли ему на Софье Берс, сколько тем, жениться ли ему вообще.

«Нынче один дома, и как-то просторно обдумывается собственное положение... Монастырь, труд, - вот твоё дело, с высоты которого можешь спокойно и радостно смотреть на чужую любовь и счастье, - и я был в этом монастыре и опять вернусь».²³⁰ За этими мыслями скрыто опасение: если упустить случай страстного влечения к женщине, не жениться сейчас, то рискуешь не осуществить тот «свой» семейный образ жизни, о котором он мечтал и который необходим ему для предстоящих трудов.

Родители Толстого жили уединенно, даже замкнуто, круглый год не выезжая из своего имения. Это, как ни странно, сказалось на судьбе их младшего сына.

Ясную Поляну навещали всего несколько помещичьих семей. Языковы, Огаревы, Исленьевы и двое-трое приятелей отца Толстого. С.И. Языков был крестным отцом Льва Николаевича и после смерти Николая Ильича стал опекуном его детей. Но через несколько лет совершил подлый поступок, и отношения его с семьей Толстых прекратились навсегда.

Имение отставного подполковника Ивана Михайловича Огарева и его супруги Юлии Михайловны находилось всего в трех верстах от Ясной Поляны. Иван Михайлович был своим

человеком в доме Толстых. Юлия Михайловна – близкая подруга матери Толстого. Мария Николаевна и умерла на ее руках. «Тетушка» Т.А. Ергольская в письмах называла ее «дорогой друг» и делилась с ней внутрисемейными делами. Юлия Михайловна рано вышла замуж, родила четверых детей, но с мужем (видимо, по обоюдному согласию) жила в свободном браке. Многие годы она была в связи с отцом Толстого²³¹ и, по-видимому, любила его. Отдавшая свою жизнь Николаю Ильичу Т.А. Ергольская после его смерти писала Юлии Михайловне: «Кто мог бы думать, что после такой потрясающей потери мы сможем жить!»²³²

В 1909 году Толстой по какому-то поводу вспоминает об отце: «Мысль о старой жизни отца с Телятинками и Судаково»(57.148). Телятинки – имение Огаревых, где на правах дружбы часто бывал Николай Ильич. Судаково – родовое имение Арсеньевых, где в то время жили родители Валерии, отец которой Владимир Михайлович был родным братом Юлии Михайловны Огаревой, в девичестве Арсеньевой. Судаково, видимо, служило местом частых встреч Николая Ильича и Юлии Михайловны. Более чем вероятно, что Николай Ильич, соблюдая приличия, брал с собой в Судаково сыновей, в том числе и младшего Льва. В сознании Льва Николаевича дом Огаревых-Арсеньевых был ближайшим к семье его родителей. В нем, еще при жизни отца, родилась Валерия. Вероятно, в память отца Лев Николаевич в 1854 году, после смерти Владимира Михайловича Арсеньева, взял на себя хлопотливые обязанности опекуна его детей. Еще через два года Толстой выбрал себе невесту из этого ближайшего к родительской семье дома. Что, быть может, не имело бы особого значения, если бы в следующий раз, еще через пять лет Толстой не стал выбирать себе невесту из другого ближайшего к родительской семье дома – дома Исленьевых. Третьего такого же дома в окружении родителей Толстого попросту не было.²³³

Почему-то Толстому особенно важно, чтобы его собственная будущая семья уходила корнями в родительскую семью. Мечты о своем семейном счастье в его душе сливались с воспоминаниями о родительском доме. «Что делать с собой, когда воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничего не подходит, все становится *не то...*»(60. 260) – пишет он А.А.Толстой в конце 50-х годов.

«Какие же конкретно «воспоминания и мечты» составили его идеал? – спрашивает Б.И. Берман в книге «Сокровенный Толстой». - Воспоминания - о «семействе, которое я потерял», «семействе моего воображения», хотя это то семейство, которое жило в Ясной Поляне, его родители и его дед, что как воспоминание и действительность представилось тогда на подъезде к дому. Мечты же - о семействе, могущем жить тут же, в той же Ясной, его собственном семействе, *его* жизни, чей идеал в его воображении зиждется на том «прелестном семействе», о котором ему тихими зимними вечерами рассказывала три месяца назад семидесятитрехлетняя В.А. Волконская. Ее рассказы легли в основу образов княжны Марьи и старого князя Болконского. В Эпilogе «Войны и мира» все «семейство» и оказывается в Лысых Горах - Ясной Поляне. В романе, разумеется, герои живут в том мире и пространстве, какое нельзя путать с миром прототипов; однако тогда, когда складывается не столько замысел, сколько «зерно», жизнеощущение романа, «семейство моего воображения» было тем *своим* образом, тем образом *своего* счастья, без которого немислима «Война и мир»²³⁴. И добавим, идеал своей семейной жизни.

Толстой, по-видимому, из тех мужчин, которых влечет к браку с похожей на мать женщиной. Но Толстой не помнил образ матери и, возможно, поэтому и искал невесту из семей, близких к «прелестному семейству» его родителей.²³⁵ Хотя они, живя столь замкнуто, оставили своему сыну крайне ограниченный выбор невесты. При такой установке на

супружескую жизнь Толстой мог взять в жены совершенно чуждого себе человека, с которым потом вообще не смог бы жить.

Александр Михайлович Исленьев - отец матери Софьи Андреевны, Любови Александровны Берс, - был соседом и ближайшим другом отца Льва Николаевича. Для матери же Любови Александровны дом графов Толстых был, в силу разных обстоятельств, единственным дружеским домом, с которым она поддерживала близкие отношения. Эти семьи постоянно и неделями гостили друг у друга со всеми чадами и домочадцами. С домом Исленьева у Льва Николаевича связаны теплые, домашние впечатления детства. Фамилия героя трилогии Толстого - Иртеньев – подчеркнута перекликается с фамилией Исленьев. Да и сам Александр Михайлович выведен в «Детстве» и «Отрочестве» в образе отца Николеньки Иртеньва. И прототипы некоторых других героев этих произведений обнаруживаются в доме Александра Исленьева. Так что его будущая жена для Льва Николаевича была не из «рода Берс», а из семейства Исленьевых, к которому он давно прикипел и был навсегда связан почти родственными отношениями.

Особенно Толстой привязан к Любочке, Любови Александровне, другу детства его и, особенно, его сестры. Приезжая в Москву, Лев Николаевич всегда бывал в ее доме. В нем с удовольствием сживал и его старший брат Николай Николаевич. У Любови Александровны Лев Толстой всегда чувствовал себя свободно, по-домашнему, уютно. Будучи всего на два с половиной года старше его, она относилась к нему любовно снисходительно, как относятся к оставшемуся сиротой младшему брату. Мы знаем ее в образе графини Ростовой, жены графа Ильи Ростова, то есть деда Толстого по отцовской линии. В начале 60-х годов, на одном из переломов своей жизни, Толстому была необходима решимость вопроса семейной жизни, предполагавшая уверенность в ответственности и

надежности брака. Семья Любови Александровны Берс давала ему такую уверенность.

Дочь Любови Александровны, Татьяна Андреевна Кузминская, так рассказывает о ней:

«Хозяйственные заботы и частые дети поглощали всю жизнь Любовь Александровны... Вся ее молодая жизнь протекала в заботах о нас... для нас, детей, в семье мать была всё... Она не любила свет, никуда почти не ездила, очень трудно сходилась с людьми... мы никогда не слышали возвышенного голоса матери».²³⁶ Любовь Александровна твердо знала, что «назначение женщины – семья»²³⁷ и так учила чувствовать и жить своих дочерей. Она – «хорошая женщина», по любимому слову Толстого поздних лет жизни.

Лев Николаевич с ранних лет грезил о семейной жизни, о своей семье и о себе в семье. "Любовь к женщине он (Левин. – И.М.) не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одной из многих общежитейских дел; для него это было главным делом в жизни, от которого зависело все его счастье".

Молодая жена и супружеская любовь для Толстого ценны не только сами по себе, но и в качестве необходимого приложения к своему, себе свойственному образу семейной жизни. В Соне Берс, кроме ее молодости, было нечто такое, что соответствовало его представлениям о жене. Она и внешне была отчетливо похожа на свою мать и переняла ее установки на женскую жизнь.²³⁸ В отличие от старшей сестры Лизы, которая «с легким презрением относилась к семейным, будничным заботам» и более напоминала отца, чем мать, Соня «часто сидела в детской, играла с маленькими братьями, забавляла их во время их болезни, выучилась для них играть на гармонии и часто помогала матери в ее хозяйственных заботах».²³⁹

Льва Николаевича привлекали наследственные черты сестер Берс. И, продолжая тему, скажем несколько слов и о душевной наследственности вообще и душевной наследственности жены Толстого.

3.(45)

Жизнь - многообразна. Однако в ней полно схем. Есть в ней и схема наследования детьми высших душ родителей. Это не генетическое наследование. Если бы качества высшей души передавались полупринудительно, то в человечестве возникла каста металюдей. Чего, видимо, не должно быть. Впрочем, и так люди в духовном отношении поразительно отличаются друг от друга.

Необходимая оговорка: чтобы говорить о наследовании высшей души надо иметь перед собой Структуру внутреннего мира человека. Иначе любой разговор на эту тему носит сугубо предварительный характер и не претендует на цельность.

У всякого сторгического существа в все-общедуховном поле есть свои «родители»: высшие души ушедших из жизни сторгически ближних людей. Сторгическое существо – «сын» кого-то. Сторгическое существо – один из сынов человеческих.²⁴⁰ Этот «сын» во-душевляется, становится высшей душой появляющегося на свет человека, обретает родителей по плоти. До во-душевления он имел родителей, имел наследственность от высших душ породивших его людей. Теперь он включен внутрь психофизиологической структуры, возникшей от мужчины и женщины, которые кроме генетических параметров обладают высшими душами, возникшими в результате во-душевления неких сторгических

существ. При во-душевлении сторгическое существо не остается самим собой, оно должно обрести новое качество – качество высшей души определенного человека. Но этот человек от своих родителей имеет генетическую наследственность, с которой в продолжение всей жизни предстоит работать высшей душе этого человека, и не просто работать, а быть в единстве, и не просто в единстве, а в едином целом, создаваемым человеком. Высшие души людей, давшие генетическую наследственность, не могут быть исключены из этого единого целого и из процесса возрастания этого целого. Во-одушевившееся сторгическое существо имеет своих родителей и теперь обретает кого-то, кого родителями нельзя назвать, но от кого это сторгическое существо становится зависимым по во-душевлению. Чтобы стать высшей душой оно должно что-то воспринять от них. Иначе сторгическое существо не состоится как новое образование в составе человека, как высшая душа, и не сможет жить, расти и работать в этой «чужой» структуре. Чтобы эта структура, этот человек стал «своим» для него, нужно, чтобы во-душевившееся сторгическое существо восприняло что-то от высших душ психофизиологических родителей человека, в единое целое которого оно вошло. Наследственность ли это?

Восприятие от высших душ отца и матери происходит тогда, когда сторгическое образование из все-общедуховного поля уже стало высшей душой в человеке, который, возможно, еще непосредственно не воспринимает своих генетических родителей. При этом уже возникла тенденция формирования высшей души, основанная не на свойстве родителей передавать по наследству, а на свойстве наследника наследовать. Это есть свойство ставшего высшей душой сторгического существа перенимать одно и не перенимать другое от высших душ родителей по плоти. Воля к самообретению качеств высших душ родителей по плоти впоследствии может поддерживаться или не поддерживаться непосредственным влиянием этих родителей, но поначалу она существует сама по себе, как тенденция,

осуществление которой не зависит от этих родителей. Высшая душа ребенка в определенной тенденцией мере свободна в выборе наследственных черт.²⁴¹ Конечно, это происходит еще и под влиянием Сара, в ареале которого содержалось сторгическое существо или сторгическое образование низшего, нежели оно, вида.

Собственно инструментальные возможности высшей души (например, пронизательность ее разума или сила сторгической воли) – не наследуются, а обретаются или не обретаются. Когда обретаются, то происходит наследование особой направленности высшей души вглубь себя и всего на свете, ее работы на раскрытие горизонтов внутреннего зрения. Это наследование положительное. Когда же эти возможности не обретаются, то происходит отрицательное наследование - на ограничение, сужение взгляда, обуславливающие чуждость откровениям, озарениям, ненужность своей истины, направленность, скажем, земного практицизма, взвешенности, ограниченности всякого рода и прежде всего пространства работы разума-мудрости. Конечно, отрицательное наследование не исключает прочих ценимых людьми достоинств в человеке. Отрицательная наследственность высшей души – особая и большая тема, и мы касаться ее здесь не будем.

При положительном наследовании так или иначе передается «характер» (в смысле, употребляемом в толстовском трактате «О жизни») любовной духовности, «вкусы» «разумного сознания», области, где то и другое получают духовное наслаждение, как и области, которые тому или другому чужды. Это, собственно говоря, не наследственность, а предрасположенность и восприимчивость к образу или стилю родительской одухотворенности. Наследование по высшей душе - не закон, а тенденция, но она тем четче, чем выше духовный статус родителей.

Напомним, что высшая душа обладает своим чувством жизни - чувством себя живущим. Это чувство жизни

характеризуется личностным стилем любовной духовности, в том числе глубиной и манерой сторгических переживаний, качествами сторгических возможностей, полнотой и нравом сторгической воли. Высшая душа обладает своим сознанием жизни (сознанием себя живущим), «разумным сознанием», как говорил Толстой, характеризуемым образом мышления, стилем разума-мудрости, все более и более выясняемой и выявляемой в процессе жизни «своей истиной». Строительство высшей души идет по этим двум линиям. Чувство жизни высшей души больше наследуется от одного родителя, ее сознание жизни - от другого. Естественно было бы предположить, что ребенок берет образ разума, «разумного сознания» от того, у кого он сильнее - от отца, а стиль чувства жизни высшей души - от матери, женщины, душа которой преимущественно и работает любовной духовностью. Но это не так. Устроителю человеческой жизни нужен, видимо, не отбор "наилучшего", а что-то другое.

Говорят, что мы являемся на свет каждый со своей натурой. Но в процессе жизни на нашу натуру наложена печать той или иной предрасположенности высшей души, которая затем лучше или хуже строится в соответствии со своими склонностями. Общая тенденция наследования высшей души (душевного наследования) в том, что ребенок наследует ее чувство жизни от родителя одного с ним пола, а ее сознание жизни и его возможности от родителя другого пола. Эденские функции хранения, зафиксированные в любовной духовности высшей души, передаются отдельно в мужских поколениях и отдельно в женских поколениях. Эденские функции возвращивания, определяемые возможностями разума-мудрости, перекрещиваются в каждом новом поколении: от отца к дочери и от матери к сыну. Душевная связь между отцом и дочерью, матерью и сыном не желательность, а необходимость для нормальных взаимоотношений.

Подчеркнем, что душевное наследование надо понимать как большую готовность души сына воспринять разумное

сознание от матери, а дочери - от отца. В этом смысле можно сказать, что сын наследует от отца (вернее, по мужской линии) стиль работы высшей души в добре и любви, который в основном формируется в детстве и который, следовательно, конкретно в нем развивает мать. Таким образом, мать (её силы любовной духовности) имеет прямую возможность корректировать наследственный характер души сына²⁴² и - при искренней и глубокой любви к мужу - улучшать породу мужской души.

Разум, характер вдумчивости и переживания мысли сын берет от матери, которая по рассматриваемой модели получает это качество высшей души от своего отца. Сын, схематически говоря, наследует разум деда по матери. Разум передается от деда к внуку через мать. Отец имеет возможность воздействовать на разум сына, когда его характер мышления уже развит. Чаще всего отцу остается только наполнить конкретным содержанием то, что создано без него. В целом получается, что сын наследует в определенном смысле ослабленные линии - разум у женщины и любовную духовность у мужчины. Такое наследование увеличивает свободу выявленности того, что не передается по душевной наследственности. Высшая душа мужчины исходно определена в меньшей степени, чем высшая душа женщины. Поэтому в путевом отношении мужчина более свободен, чем женщина.

Дочь, напротив, особенно восприимчива к тому, что в высших душах родителей наиболее выражено: разум у отца, любовь у матери. Тут уместно вспомнить, что и «сторгическое существо», возникающее в полноценно свитой супружеской паре, обладает сознанием жизни мужчины и чувством жизни женщины. Высшая душа дочери наследственно строится по модели «сторгического существа», выносимого в общедушевное пространство. Но общедуховное сторгическое существо не обладает «Я», которым обладает каждый человек. Дочь, в силу душевной наследственности, есть своего рода

образчик персонифицированного общедуховного существа. В этом смысле можно сказать, что общедуховное существо по своей структуре женственно (это и зафиксировано в видении женщины «Сна»). Как можно сказать и то, что в общем случае высшая душа женщины – общедуховна и передает по наследству сыну стиль своей общедуховности. В отличие от нее высшая душа мужчины, стремящегося к восхождению личной духовной жизни, передает по наследству дочери свой стиль личной духовной жизни.

«Ошибка феминизма в том, - пишет Толстой в мае 1903 года, - что они хотят делать все то же, что мужчины. Но женщины - отличные от мужчин существа, со своими совершенно особенными свойствами; и потому, если они хотят усовершенствоваться, занять высшее положение, им надо развиваться в своем особенном направлении. Какое оно - я не знаю; к сожалению, и они не знают, но верно то, что оно иное, чем мужское».

Эта инаковость женщины определяется и иной, чем у мужчины, тенденцией наследования ею качеств высших душ родителей. Собственная натура высшей души дочери может быть сильнее наследственных влияний родителей или одного из них, но обычно зависимость дочери от родителей видна более четко, чем у сына.²⁴³ Мать не только изначально передает дочери свой характер любовности, но и активно формирует его в продолжение трех, а иногда и четырех периодов её жизни.²⁴⁴ Отец почти бессилён влиять на процесс становления двигателя жизнечувствования дочери. Зато отец способен дать ей то, что управляет этим двигателем, – свое мировоззрение. Отец может что-то усилить в душе дочери, что-то ослабить (но не образовать новое) и, главное, дать установки разума на жизнь, в жизни, для жизни, ориентировать и направить её в будущую жизнь.

«Женщина делает большое дело: рождает детей, но не рождает мыслей, это делает мужчина. Женщина всегда только следует тому, что внесено мужчиной и что уже распространено, и

дальше распространяет. Так и мужчина только воспитывает детей, а не рождает»(56.120).

Сын живет с отцом, правится матерью и направляется в большей мере сам; дочь живет с матерью, а правится и направляется отцом. Сама же по себе дочь свободна в наименьшей степени. Принцип душевного наследования способствует вынужденности женского путепрохождения.

Религиозное отношение девушки к отцу порождено как раз тем, что она принуждена спрашивать у него его разум, который нужен ей для получения направления в жизни. Взгляды на жизнь потом, разумеется, меняются, но заданное ей в детстве и ранней юности общее направление жизни консервативно и изменяется труднее всего. Мать дать это направление, практически говоря, не может, и если у дочери нет отца или у отца нет разума, то дочь направляется со стороны, либо мечется, подверженная всем случайным толчкам жизни.

Есть мысли, не выделяющиеся особой глубиной, но их хочется повторять и повторять. Вот одна из них: то, что мужчина переживает разумом, то переходит в женщину душевной болью. Редкая женщина в любом возрасте воспринимает от мужчины его видения разума, но многие девушки в пору душевного рождения вполне восприимчивы к мужским мучениям мысли. Отец, рождающий мировоззрение, найдет полное сочувствие у начинающей жить (и любящей его) дочери. Страдающая на глазах дочери мысль отца не сделает её мудрой, но останется в ней робостью духовной перед горением разума в мужчине. Пусть она не поймет запросы эденского существа, но и не понимая станет уважать их носителя. Ошибаюсь я или нет, но у легкомысленных отцов, будь то доильщик коров или нобелевский лауреат, не бывает дочерей, способных на Сопутство с духовно восходящим (путевым) мужчиной.

Мать может выучить дочь по-женски функционировать при ком угодно, но именно отец призван преподать ей знание

общих ценностей жизни и человеческой души. Если у отца болит разум за народ ли, веру, за поругание красоты, за гонения и унижения, из-за зла мира или людского непонимания истины, то дочь в 9 из 10 случаев переймет его боль болью своего сердца и - заметьте! - переймет точку приложения и направление работы его души. Её душа в любви и совести, жалости и сострадании направляется туда и на то же, на что направлен разум отцовской души.

Женщина призвана воплощать разум в любви.

«Разумная духовность» исходно ослаблена в женской душе. Почти любая женщина, даже самая "умная" и ученая, с детства и до старости предпочитает общаться примерами, случаями жизни, передавать целые диалоги, и только так, изображая и рассказывая случившееся, объясняться душою. Она старается показывать, а не осмысливать. Так ей легче.

За разумом женщины всегда стоит мужчина.

Свое «разумное сознание», "свою истину" женщина воспринимает от того, к кому тянется душою и в ком признает властительную направляющую силу разума-мудрости. Разум она получает сторгически или полусторгически, сначала от отца, потом от мужа или от тех, кто заменяет того и другого. Отец заготавливает разум дочери, задействует в ней канал разума, учит ее обращаться с ним как со своим орудием и расставляет для неё первые ориентиры разума. Сколь внимательно и доверчиво дочь ни слушала бы отца, она не внемлет ему, а учится внимать. Часто ей все равно, о чем слушать его, лишь бы был контакт. Она впитывает не ту или иную его мысль, а непосредственно ей родственный характер его мышления, образ мысли, стиль работы духовного сознания в его душе - отцовскую атмосферу разума. Ей надо дышать этой атмосферой. Надышалась ли она и сколь надышалась, отчасти будет видно по тому, кого она свободным решением примет своим мужем.

Муж - установитель того, чего заготовителем был отец.

Из сказанного ясно, что для осуществления прочной сторгии в супружестве крайне желательно, чтобы вектор духовного сознания мужа не особенно расходился с тем направлением разума, который задан женщине отцом. Андрей Евграфович Берс был во многих отношениях достойным человеком, но его духовное сознание, его разум и его мировоззрение совершенно чуждо Льву Толстому. Лев Николаевич брал невесту из дома друга детства Любочки Исленьевой, но получил жену из дома Андрея Берса.

Софья Андреевна оставила себя в письмах, дневниках, обширных литературных работах. Это огромное письменное наследство, в котором, как ни удивительно, толстовского разума, толстовского мировоззрения, толстовского влияния на ее разум совсем не видно. Они исходно не могли смотреть и не смотрели в две пары глаз.²⁴⁵ А это – первейший признак сторгии.

Лев Николаевич наверняка делился с женою (или при ней) своими главными мыслями о жизни, о мире, о человеке. Где они в ее записях? Если и есть кое-что, то узнать по ним Толстого нельзя; она не умела (да и не пыталась) передавать его язык, его интонацию мысли (как умел, скажем, Гусев), так как в ней самой такой интонации мысли не было. Она ухитрилась за полвека совместной жизни не перенять ее у мужа. В ней исходно звучала другая интонация, совершенно чуждая ментальному стилю Толстого, – интонация добротной утилитарной мысли Андрея Евграфовича Берса.

Софья Андреевна женщина умная, но умная «своим» умом, а не умом мужа. С сопутевой точки зрения это вовсе не достоинство. Именно благодаря этому Софья Андреевна могла столь успешно противостоять могучей воле Льва Николаевича, пытавшегося внедрить в семью свое новое мировоззрение. Толстой не раз сетовал на то, что у сыновей не его разум, а разум матери, «разум Берсов»²⁴⁶. Поэтому общесемейного стиля одухотворенности в доме Толстого не было. Проповедь и учение

Толстого Софья Андреевна приняла так, как воспринял бы его отец, незримо присутствовавший в Ясной Поляне.

Разнонаправленность разума Толстого и его жены вышла наружу тогда, когда установки их разума стали определять практическую жизнь семьи. В результате в доме Толстого образовались два клана, клан отца и клан матери.

Разум жены Толстого унаследовали сыновья Толстого. Направление сознание жизни самого Толстого получили его дочери,²⁴⁷ которое они должны бы передать своим сыновьям. Толстой ждал внуков от дочерей. Но по какому-то року внуков от всех трех дочерей Толстому дано не было. Двое из них бездетны. Третья родила Льву Николаевичу внучку. После смерти Ванечки искра сознания жизни толстовской высшей души исчезла в веренице потомков Толстого.

4.(46)

Толстой женился по модели своей мечты. Сначала он задумал жениться на молоденькой девушке, затем выбрал дом, из которого брать невесту, а потом – решал на ком.

Две младшие сестры Берс, Таня и Соня, в начале 1861 года казались Льву Николаевичу детьми. Но старшая Лиза уже подросла, и он решил взять ее в жены. Если в мае 1861 года он пишет, что "на Лизе *не смею жениться*"(48.61), то в сентябре того же года изъясняется вполне откровенно: "Лиза Берс искушает меня; но этого не будет. – Один расчет недостаточен, а чувства нет"(48.38). Так значит – расчет? Выше мы говорили о том, что и на что рассчитывал Толстой, планируя женитьбу на невесте из дома Любочки Берс. В феврале следующего 1862 года он вроде бы влюблен в Лизу, его почти считают женихом ее. И она, судя по всему, всерьез увлеклась им и старалась быть во всем ему помощником. Зашло так далеко, что родители Лизы со

дня на день ждали от него предложения. Но чувств к ней у Льва Николаевича так и не возникло. А возникала трудная и двусмысленная ситуация.²⁴⁸

Весной 1862 года у Льва Николаевича усилился кашель. Памятуя об участии отца и братьев, Толстой резонно опасался наихудшего развития болезни и потому находился в подавленном состоянии. По совету своего будущего тестя он в конце мая уехал лечиться, пить кумыс в башкирские степи. Возвратился с кумыса он бодрым и здоровым, с сознанием, что смерть перестала грозить ему. Он вновь видит целую жизнь перед собой. Но не даром жизнь есть любовь. И не только при метафизическом взгляде на то и другое. Испытываемая Толстым радость возвращения к жизни вызывает потребность любви и само собой выливается в состояние влюбления. Нужен только предмет.

Лев Николаевич приехал обратно в Москву в последних числах июля и тут узнал, что в Ясной Поляне произведен обыск, что жандармы перерыли весь дом и рылись в его бумагах. Он возмущен и оскорблен. Он едет в имение, узнает детали обыска, которые еще больше распаляют его. Он, боевой офицер, заряжает пистолеты и ждет следующего налета жандармов. Он более не желает жить в России. 7 августа он заявляет в письме к Александре Андреевне, что он либо получит «такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление», либо экспатрируется. «Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имения, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут, - и уеду». Все это весьма серьезно. Тем более что обыск означал крах его педагогической деятельности.

Именно в эти трудные дни Любовь Александровна Берс для встречи с сестрой Толстого посетила Ясную Поляну вместе с дочерьми. В результате никакого «гласного удовлетворения» от правительства Толстой не получил, но за то экспромтом женился и из России не уехал.

После романа с Валерией все связи Толстого не имели значение душевно и общественно обязательных отношений. Но в гневе тех дней Лев Николаевич, видимо, потерял контроль над собой и событиями. Мучительнее всего было то, что Толстой в глубине души, наверное, сознавал свое бессилие перед тем, что произошло и рад был утешению от самого присутствия в его доме молодых девушек. И каких!

«Все они, - вспоминает Фет о сестрах Берс, - несмотря на бдительный надзор матери и безукоризненную скромность, обладали тем привлекательным оттенком, который французы обозначают словом «du chien“». ²⁴⁹ Что означает «с огоньком», «с изюминкой», шармом, пикантностью. В определенном контексте эти французские слова означают нечто резвое, порывистое, ласковое, игривое, страстное, заводное, привлекающее к себе. ²⁵⁰ Оговорка Фета о «бдительном надзоре матери» и о «безукоризненной скромности» в таком контексте более чем уместны. Такой тип девушек был, видимо, во вкусе Льва Николаевича. Во всяком случае, Толстой и нас заставил полюбить его, когда вывел этот тип (основательно и со всех сторон облагородив) в Наташе Ростовой.

Надо отметить давление на Толстого и его сестры Марии Николаевны, настойчиво советовавшей ему жениться на дочери своей подруги, и благожелательные пожелания на этот счет тетушки Ергольской. Вокруг Толстого ненароком образовался женский заговор. ²⁵¹

«Увидев меня, - рассказывает героиня «Семейного счастья» о своей встрече с будущим мужем после разлуки, - он остановился и несколько времени смотрел на меня, не кланяясь. Мне стало неловко, и я почувствовала, что покраснела.

- Ах! неужели это вы? — сказал он со своею решительною и простою манерой, разводя руками и подходя ко мне.— Можно ли так перемениться! как вы выросли! Вот те и фиалка! Вы целый розан стали».

В момент этого разговора героине повести 18 лет. То же самое и Лев Николаевич мог бы сказать 18-летней Соне, когда в августе 1862 года увидел ее у себя в Ясной.²⁵² За каких-нибудь три месяца средняя сестра Берс не просто распустилась фиалкой, но переменялась так, что сразу же возбудила страсть 34-летнего Толстого. Что же изменилось в ней? Да, она повзрослела, но и теперь не перестала видаться Толстому еще «ребенком». И вместе с тем в «ребенке» этом появилось нечто такое, чисто женское, что сразило мужское существо Льва Николаевича. Ребенок-то ребенок, но какая непреодолимая, словно специально предназначенная для него чувственная сила притягивает к ней!

Через два дня семья Берс уехала в Ивицы, в имение деда А.М.Исленьева. Толстой поспешил за ними. Здесь-то, в доме самого близкого друга отца, Толстой сделал опасный шаг. На грифельной доске он написал Соне начальными буквами фразу, которая, будь она высказана вслух, была бы равносильна брачному предложению.

«В(аше) п(рисутствие) с(лишком) ж(иво) н(апоминает) м(не) м(ою) с(тарость) и н(евозможность) с(частья), и и(менно) В(ы)²⁵³» (а не Лиза).

Левин писал Кити начальными буквами, желая сделать предложение, и прощупывал почву для этого; Толстой же намеренно писал Соне начальными буквами, чтобы его слова, будучи прямым объяснением в любви, все же не обязывали его. В отличие от Кити Софья Андреевна не поняла написанное, Толстой подсказал ей отдельные слова, и только тогда она осознала их значение. До этого она вряд ли думала о Толстом, как о возможном женихе.²⁵⁴ Лев Николаевич выдал ей аванс, сам завел ее на любовную игру, в которой становился в положение ведомого. Он сам знал это, и оттого не мог верить, что она любит его – основной мотив его любовных мучений до женитьбы, в день женитьбы и после женитьбы.

Всему московскому окружению Берсов были известны слова, сказанные Львом Николаевичем своей сестре: "Машенька, семья Берс мне особенно симпатична, и если я когда-нибудь женился, то только в их семье".²⁵⁵ Знала это и Соня. Знала она, конечно, и об отношениях сестры Лизы и Льва Николаевича. Но не подавила спровоцированное им чувство, а, напротив, сделала все, чтобы Лев Николаевич все более ощущал обращенный к нему вопрос ее женского чувства. Лиза все видела, страдала и попрекала сестру. А та специально не желала отбивать жениха у старшей сестры; все происходило само собой. И Соня Берс и Лев Николаевич шли навстречу своей судьбе.

На обратном пути Берсы заехали в Ясную Поляну и 21 августа 1862 года, теперь уже в сопровождении Льва Николаевича, прибыли в Москву. 23 августа Толстой ночевал у Берсов. Опять, как и шесть лет назад: «Я боюсь себя, что ежели это – желание любви, а не любовь». Но «похоже». Но «все-таки оно»(48.40). 26 августа она «занимает» его, не более. «Я успокоился. Все это не про меня». На следующий день она «смущена нехорошо, но крепко сидит (здесь Толстым зачеркнуто: в голове) где-то». 28 августа, в день своего рождения, он второй раз пробует объяснить с ней начальными буквами. Но напрасно: несмотря на то, что он пишет ей примерно то же, что и в Ивицах, она ничего или почти ничего не поняла.²⁵⁶ И словно вывод из этого неудачного эпизода: «Скверная рожа, не думай о браке, твое призвание другое, и дано зато много». Свое чувство к ней он несколько раз определяет как «сладкое чувство». Предсторгическая сладостность овладевает его душой.

29 августа сестра Мария Николаевна пеняет ему: «Ты все ждешь». «Как не ждать», - в Дневнике возражает ей Толстой. Но на следующий день он влюблен в Соню страстно и безоглядно. Через три дня: «Никогда так ясно, радостно и спокойно не представлялось мне будущее с женой... Главное, кажется, так

бы просто, ни страсти, ни страху, ни секунды раскаянья». Ночь не спал, «так ясно представлялось счастье». Несколько дней им владеют сомнения. Но он уже понимает, что дело сделано и ловит себя на неискренности Дневника, на задней мысли, «что она у меня, подле меня будет сидеть и читать и... и это для нее». 8 сентября А.Е. Берс открыто демонстрирует ему свое отцовское недовольство. «Уехать из Москвы *не могу, не могу*». А что делать? Он не знает. Опять бессонная ночь. «Как 16-летний мальчик мечтал и мучался». На следующий день, 10 сентября: «Надо, необходимо надо разрубить этот узел». 12 сентября: «Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться». В 4 часа ночи 14 сентября написано предложение. Письмо не отдал, но говорил с ней. 16 сентября сделал предложение. И упорно настаивал, чтобы свадьба была как можно скорее. Свадьба состоялась 23 сентября, и в тот же день молодые уехали в Ясную Поляну. Таким образом, история женитьбы Льва Толстого на Софье Берс длилась полтора месяца. Н. Бондарев точно отметил, что Толстой женился так, словно за ним гнался кто-то.

В женитьбе Толстого совсем не было того, что было с Валерией. Но и не «милые, отличные мечты» владели им. Всего вероятнее, что две-три недели перед свадьбой Толстой находился на грани сексуального помрачения. Что, вообще говоря, входит в состав предсторгической игры души и плоти. Он и молился, и ругал себя, но ничего не мог с собой поделаться и убедился, что «никто не может помочь мне, кроме Бога». Все его мысли - на то, «как разрубить этот узел».

Раскрывая семейные тайны, Софья Андреевна давала впоследствии понять всем желающим,²⁵⁷ что он взял ее, не дожидаясь приезда на место, прямо в карете.²⁵⁸ Да и все последующие десятилетия супружеской жизни сексуальный аппетит к жене никогда, сколь он не корил себя, не покидал Льва Николаевича. В этом смысле он прожил вполне счастливую и долгую супружескую жизнь. И при том никогда не

изменял жене.²⁵⁹ Но во все времена настойчиво предостерегал вступающих в брак молодых людей, когда видел, что ими движет неутоленная чувственность.

Запись из "тайного дневника" Толстого от 6.07.1908 года:

"Мучительно тяжело испытание или расплата за любострастие. Ужасно тяжелая расплата"(56.172).²⁶⁰

В "Дневнике для одного себя", в записи от 20 августа 1910 года сказано:

"Нынче думал, вспоминая свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда даже не был влюблен. А не мог не жениться»(58.134).

Рукой Софьи Андреевны подле этого места вписано: "В старых дневниках того времени написано: «влюблен, как никогда. Я застрелюсь, если она мне откажет»". На самом деле в Дневнике Толстого от 12 сентября 1862 года сказано: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится... Так и хочется сейчас идти назад и сказать всё и при всех. Господи, помоги мне». И на следующий день. «Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать и вместе быть счастливым, и каждый день я становлюсь безумнее... Завтра пойду, как встану, и всё скажу или застрелюсь». Последнее слово в рукописи зачеркнуто.

Дело вовсе не в этом, что «она мне откажет»,²⁶¹ а в том, что сводившие его с ума сексуальные и психические мучения таковы, что от них в пору было застрелиться, «если это так будет продолжаться», что при таком сумасшествии уже надо идти и делать предложение, каковы бы ни были резоны против этого. «Господи, помоги мне».

Толстой чувствует себя «сумасшедшим» от любви и тут нет обычно связанного с этим словом иносказания чего-то высокого или поэтического. «Ничего нет в ней для меня того, что всегда было и есть в других – условно-поэтического и привлекательного, а неотразимо тянет», - констатировал Толстой за неделю до брачного предложения. Первая часть этой

записи подтверждает то, что Толстой писал 48 лет спустя: что он «никогда даже не был влюблен». Вторая часть этой фразы указывает, казалось бы, на природу той страсти, которая овладела Толстым. Недаром сразу же после слов «неотразимо тянет» в скобках отмечено: «(С Сашей зашел в деревню – девка крестьянская кокетка, увы, заинтересовало)».

Но, видимо, было еще что-то, что неудержимо влекло его к ней. Да так, что он уже не мог выждать. Он «не мог уехать» (как и его герой в «Семейном счастье») и «не мог не жениться» немедленно, хотя «даже» не был влюблен. Поверим Льву Толстому: в его женитьбе «было что-то роковое». Этому «Року» определенно помогала мужская мечта, высвеченная в «Семейном счастье», но не она создала его. Будем исходить из того, что основные события жизни таких людей, как Лев Толстой, не обуславливаются мечтами, случайными вспышками чувств или стеченьями обстоятельств. В их жизни правит что-то неумолимое, что обеспечивает особую целостность сюжета их жизнепроектирования. Лев Николаевич знал это и, принимая решения, часто загадывал на пасьянсах или разных предзнаменованиях. И 16 сентября 1862 года он тогда решился сделать предложение, когда оказалось, что сошлась задуманная им примета.

5.(47)

Супружеская сторгическая связь обеспечивается (и то не всегда) не тогда, когда "выбираешь ее", а когда "узнаешь ее". Путеносному мужчине хорошо бы не столько выбирать женщину для семейной жизни, сколько узнавать свою жену в женщине – и тогда жениться. В известном смысле Толстой – неудачник. Он верно представлял какая «соответственная ему»

женщина, какая «она» была нужна ему, но не встретил (или, как мы понимаем, пропустил) ее. Толстой женился на С.А. Берс, отчетливо не прочувствовав возможность сторгического единения с ней, не зная ни действительных своих чувств к ней, ни ее к себе, толком не понимая, на ком женится. «Похоже» - вот все, что оно мог сказать себе. Вплоть до дня свадьбы его мучили сомнения: какая она, верно ли, что любит его, и вообще: его ли эта женщина, та ли, которая одна ему нужна, «она» ли или «не она». Да и мудрено это понять за месяц, прошедший с момента, когда он впечатлился вдруг повзрослевшей Соней, и до того, как сделал ей предложение.

Пять дней после свадьбы Толстой не открывал Дневник и только 24 сентября, уже в Ясной Поляне, фиксирует то, что случилось за эти дни. «В день свадьбы страх, недоверие и желанье бегства. Торжество обряда. Она заплаканная. В карете. Она всё знает и просто. В Бирюлеве. Ее напуганность. Болезненное что-то. Ясная Поляна... — Ночь, тяжелый сон. Не она».

Вся запись сделана задним числом, и в ней стройный сюжет, зачин которого - то, что происходило с ним в день свадьбы, - и до финала: того, что он почувствовал в Ясной Поляне. После первой брачной ночи в Ясной Поляне, когда естественно схлынул порыв чувственной страсти, Толстой утренним мужским взглядом увидел и сделал почти не закамуфлированную запись: «Ночь, тяжелый сон.²⁶² Не она»(48.46). «Не она» - не моя мечта, не Маша «Семейного счастья». «Не она» - это, собственно, и есть не свое, а «чужое счастье». И Софья Андреевна, как свидетельствует ее дневник, вскоре это почувствовала и страдала. И в страданиях своих уже через две недели после свадьбы поняла то, что долго не мог понять великий мудрец, ее муж: «У нас есть что-то очень непростое в отношениях, которое нас постепенно совсем разлучит в нравственном отношении».²⁶³ Сам же Толстой после женитьбы был деморализован, да так, что в первые месяцы

женатой жизни не знал, что с собой делать, и с головой ушел в хозяйство. «Дома мне с ней тяжело. Верно, незаметно много накопело на душе; я чувствую, что ей тяжело, но мне еще тяжелее, и я ничего не могу сказать ей — да и нечего. Я просто холоден и с жаром хватаюсь за всякое дело» (48.49). Это видела «тетушка» Ергольская, к которой Софья Андреевна отнеслась весьма враждебно. Что более чем показательно.

Вполне искренне писать Дневник Толстой не может. Кое-какие записи он делает исключительно для нее.²⁶⁴ В Дневнике множество реверансов любви к жене и появляются они, как правило, после фраз, которые неприятно читать ей. Через неделю после приезда в Ясную Поляну: «В Ясной. Я себя не узнаю. Все мои ошибки мне ясны. Ее люблю всё так же, ежели не больше. Работать не могу. Нынче была *сцена*. Мне грустно было, что у нас все, как у других. Сказал ей, она оскорбила меня в моем чувстве к ней, я заплакал.²⁶⁵ Она прелесть. Я люблю ее еще больше. Но нет ли фальши»(48.46).

Слова «все мои ошибки» камуфлированы множественным числом. Читать надо «ошибка» - ошибка брака. За это говорит и заранее отвергающая такое толкование следующая за этой фразой о любви к ней. Но «работать не могу». От чего? От любви? Или от того, что себя не узнает и от «сцен»? Опять следует запись, подтверждающая «ошибку». И откровенный камуфляж о любви в дальнейшей фразе (он, оскорбленный ею, «заплакал», а «она прелесть», но «нет ли фальши»). Весь текст выстроен так, что для чужого чтения невинно, а Толстому ясно.

В январе 1862 года у Толстого возник сюжет - столкновение мужа и жены из-за различия в чувствах. Любовь мужа «строгая к себе, все поглощающая, сделавшаяся делом всей жизни» и любовь жены «с увлечением вальса, блеска, тщеславия и поэзии минуты». Весь интерес жизни восемнадцатилетней Любочки в «Зараженном семействе» состоит в том, чтобы полюбить, выйти замуж, и больше ничего.

Между образами молодой жены князя Андрея Болконского и молодой жены графа Льва Толстого нет – и, понятное дело, – ничего не могло быть общего. Одни глухие намеки, не предполагающие узнавание. И все же, взгляните на рисунок Софьи Андреевны, сделанный Толстым в начале 1863 года (см. во вкладке), и сравните его с описанием маленькой княжны: «Ее хорошенькая с чуть видными усиками верхняя губка, как будто была коротка, но тем милее она открывалась и тем еще милее стягивалась иногда и опускалась на нижнюю». И еще: «Всем казалось весело смотреть на эту брюхатую, полную здоровья и живости, хорошенькую женщину». То же самое Лев Николаевич не раз говорил и о своей молодой жене. Как и порой Толстой, так и князь Андрей «стал несправедлив и зол, убеждаясь, что он только справедлив». «Она не в состоянии ни почувствовать, ни понять моих страданий, – думает герой Толстого. – А я не в состоянии унизиться, чтоб сказать ей. Боже мой, зачем я женился».²⁶⁶

Мать Александра Михайловича Исленьева Дарья Михайловна, узнав о том, что ее внучка Люба выходит за врача, выговаривала своему сыну: «Ты, Александр, будешь скоро своих дочерей за музыкантов отдавать».²⁶⁷ Жена князя Андрея – дочь музыканта, так что старый князь Волконский был бы недоволен выбором внука ровно так же, как старый князь Болконский – выбором сына. Князя Андрея постигла та же участь мигом возникшей и после брака прошедшей страсти, что и Толстого. Маленькая княжна, как и молодая жена Толстого, сразу же забеременела, что ограничивало мужу свободу выбора дальнейшей жизни. Отношение князя Андрея к жене, по-видимому, создано по резко усиленной модели ситуации, пережитой самим Толстым в самое первое время после свадьбы.

Монолог князя Андрея о роковой ошибке брака существует в самых ранних черновиках романа. Основные тезисы его таковы. Во-первых, князь Андрей признает, что его жена «прекрасная женщина, я ни в чем не могу упрекнуть ее, но

чтобы я дал, чтобы разжениться». Во-вторых, князь Андрей утверждает, что такому человеку, как он, который «ждет от себя чего ни будь впереди», нельзя жениться «до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал всё, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно; а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда негодным... А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого. Всё истратится по мелочам». И в-третьих:

« - Ты не понимаешь, отчего я это говорю, — продолжал он. — Ведь это целая история жизни. Ты говоришь, Бонапарте и его карьера, — сказал он, хотя Пьер и не говорил про Бонапарте. — Ты говоришь Бонапарте; но Бонапарте, когда он работал, шаг за шагом шел к цели, он был свободен, у него ничего не было, кроме его цели, — и он достиг ее. Но свяжи себя с женщиной — и как скованный колодник, теряешь всякую свободу. И всё, что есть в тебе надежд и сил, всё только тяготит и раскаянием мучает тебя»(13.28-29, 84-85).

Чтобы критики не думали об этих словах героя Толстого, все же ясно, что мысль Толстого 1910 года о роковом значении своей женитьбы в «Дневнике для одного себя» не была совершенно нова для него.

Княгиня Мария в «Семейном счастье» - прирожденная аристократка и вела себя соответственно. Графиня Софья Толстая умела «обмелчить, opakостить отношения так, что я как будто жалею дать лошадь или персик». «С утра я прихожу счастливый, веселый, и вижу *Графиню*, которая гневается и которой *девка Душка* расчесывает волосики, и мне представляется Машенька в ее дурное время, и все падает, и я, как ошпаренный, *боюсь* всего и вижу, что только там, где я один, мне хорошо и поэтично. Мне дают поцелуи, по привычке нежные, и начинается придиранье к Душке, к тетеньке, к Тане, ко мне, ко всем, и я не могу переносить этого спокойно, потому

что всё это не просто дурно, но ужасно, в сравнении с тем, что я желаю».²⁶⁸

Старший сын Толстого Сергей Львович четко определил, в чем тут дело. Вот что, по записи Д.Маковицкого, он говорил в 1910 году:

«Сергей Львович объективно говорил про родителей, какая у них разница характеров, умственного, нравственного склада. Софья Андреевна происхождением буржуа, с городскими буржуазными взглядами, которых Л. Н. терпеть не мог».²⁶⁹

Примерно о том же самом говорила и старшая дочь Толстого Татьяна Львовна.²⁷⁰

Софье Андреевне в первые годы, конечно, нелегко. Легко ли быть самым близким человеку, который видит все – и тебя – насквозь; у тебя же, молодой девушки, нет и не может быть таких пронизательных возможностей. Легко ли быть супругой человеку такой мощи, которой нельзя не подчиняться. Легко ли быть женой человека, высоко возвышающемуся над всеми другими, и над тобой в том числе. Да и без всего этого: легко ли для девушки быть наравне с мужчиной на 16 лет тебя старше и другу детства твоей матери? Молодая жена сразу же стала звать своего мужа так, как его звали семейные в детстве и как при ней звала его ее мать: "Левочка".

И князь Андрей и Пьер Безухов женились случайно. И тот и другой живут с сознанием сделанной ошибки и беды супружества. Для князя Андрея в супружестве заключена угроза погубить себя, ничего достойное его не совершить в жизни. Супружество для Пьера – это постоянная и неустраняемая угроза поругания мужского достоинства, угроза, перед которой невозможно жить, особенно такому человеку, как Лев Толстой. Это видно из его Дневников.

«Нынче ее видимое удовольствие болтать и обратить на себя внимание Эрленвейна и безумная ночь вдруг подняли меня на старую высоту правды и силы. Стоит это прочесть и сказать: да, знаю — ревность, и еще успокоить меня и еще что-нибудь

сделать, чтобы успокоить меня, чтобы скинуть меня опять во всю, с юности ненавистную, пошлость жизни. А я живу в ней 9 месяцев. Ужасно». «То, что ей может другой человек, и самый ничтожный, быть приятен — понятно для меня и не должно казаться несправедливым для меня, как ни невыносимо, — потому что я за эти 9 месяцев самый ничтожный, слабый, бессмысленный и пошлый человек».

«Изредка и нынче всё страх, что она молода и многого не понимает и не любит во мне, и что много в себе она задушает для меня, и все эти жертвы инстинктивно заносит мне на счет».

«Одно, что меня может спасти, ежели она не полюбит никого другого, и я не буду виноват в этом».

Надо ли говорить, что позиция Толстого в отношении светских развлечений жены кардинально отличается от той, которую занял Сергей Михайлович в «Семейном счастье». В отличие от героя его повести Толстой никогда не стеснялся «проявлять власть», чтобы устранить потенциальную угрозу супружеской измены. Что же до угрозы погубить себя (то есть не совершить то, что мог и должен был совершить), которой опасался князь Андрей, то и эту беду он отвел от себя.

Вот что он пишет 2 июня 1863 года, после 9 месяцев совместной жизни:

«Всё это время было тяжелое для меня время физического и оттого ли, или само собой нравственного тяжелого и безнадежного сна. Я думал и то, что нет у меня сильных интересов или страсти (как не быть? Отчего не быть?²⁷¹). Я думал и что старею и что умираю, думал, что страшно, что я не люблю. Я ужасался над собой, что интересы мои – деньги, или пошлое благосостояние.²⁷² Это было периодическое засыпание. Я проснулся, мне кажется. Люблю ее и будущее²⁷³, и себя, и свою жизнь. Ничего не сделаешь против сложившегося. В чем кажется слабость, в том может быть источник силы»(48.53-54).

Слабость – в приземленности жены, ее бесполезности в качестве жены-соратника и соратника духовной жизни Льва

Толстого. Это может стать источником его силы, если поставить ее в известные и жесткие рамки, приспособить ее к себе в чисто семейном отношении, дать ей, рядовой земной женщине, верную и посильную установку, то есть направить все ее силы на воссоздания того образа семейно-писательской жизни,²⁷⁴ который ему нужен на многие годы, для работы над «Войной и миром». У Софьи Андреевны были потенциальные возможности для этого. Она была человеком долга.

23 марта 1863 года исполнилось полгода со дня их свадьбы. Словно подводя итоги, Толстой в письме к младшей сестре жены в полушутливой импровизационной форме сочинил не то сказку, не то притчу. Софья Андреевна в ней вдруг сделалась маленькой фарфоровой куколкой. «Но все было так хорошо (сделано. – И.М.), натурально, что это была все та же наша Соня. И рубашка, та, которую я знал, с кружевцом, и черный пучок волос сзади, но фарфоровый, и тонкие милые руки, и глаза большие, и губы – все было похоже, но фарфоровое. И ямочка на подбородке, и косточка перед плечами. Я был в ужасном положении, я не знал, что сказать, что делать, что подумать, а она и рада была бы помочь мне, но что могло сделать фарфоровое существо. Глаза полузакрытые, и ресницы и брови – все было как живое издалека...»

«Сказка о фарфоровой кукле» была впервые опубликована в 1926 году и вызвала споры. Одни полагали, что это - незначущая шутка, другие пытались угадать заложенный в ней глубокий смысл. Н.Н. Гусев считал, что сказка эта – «письменный след глубочайшего переживания Льва Николаевича в его взаимоотношениях с Софьей Андреевной в первый период его брака с ней», его ощущения отчужденности от нее и, в этом смысле, переживания ее «фарфоровой».²⁷⁵ В.Жданов находил, что здесь «бессознательно отразилась интимная сторона отношений», осложненная тогдашним болезненным отношением Софьи Андреевны к «физическим проявлением любви».²⁷⁶ Я думаю, что в читательском

восприятию «сказки» неверно выставлялось ударение на «фарфоровости» (то есть холодности ее или отчужденности его), тогда как тут вернее ставить акцент на «кукольности».²⁷⁷ Да и кем первое время семейной жизни могла быть молоденькая жена, почти ребенок, в яснополянском доме? Своего рода «куклой», которая делать ничего не умеет (или умеет быть куклой), ничего не делает, с которой не о чем разговаривать, а только играть. Так ее и должен был воспринимать рядом с собой Лев Толстой. Вопрос только в том как ее воспринимать: любимой или не любимой куклой? Князь Андрей разлюбил «свою куклу» и тяготился ею. Что-то похожее временами переживал и Лев Толстой. Но «сказка» написана уже в другое время совместной жизни и смысл ее не в том, что она «фарфоровая» и даже не в том, что она - «кукла», а в том, что, несмотря на все, они счастливы. Об этом-то Толстой и сообщает в письме свояченице:

«Я испытал странное чувство. Мне вдруг стало приятно, что она такая, и я перестал удивляться, - мне всё показалось натурально. Я ее вынимал, перекладывал из одной руки в другую, клал под голову. Ей все было хорошо... Она не тяготится этим, и я тоже. Признаться откровенно, как ни странно это, я рад этому, и, несмотря на то, что она фарфоровая, мы очень счастливы...».

На следующий день, 24 марта 1863 года, Толстой записывает в Дневник:

«Я ее все больше и больше люблю. Нынче 7-й месяц, и я испытываю давно не испытанное сначала чувство уничтожения перед ней. Она так невозможно чиста и хороша и цельна для меня. В эти минуты я чувствую, что я не владею ею, несмотря на то, что она вся отдается мне. Я не владею ею, потому что не смею, не чувствую себя достойным. Я нервно раздражен и потому не *вполне* счастлив. Что-то мучает меня. Ревность к тому человеку, который вполне стоил бы ее. Я не стою»(48.53).

Тут, как и в некоторых других обращенных к жене дневниковых записях Толстого той поры, немало литературского. Но здесь Толстой объясняется с читавшей его Дневник женою по поводу своего раздражения и своих мучений, разясняя ей (как видите, не совсем достоверно), почему он не вполне счастлив с нею. И все же из всего вышеприведенного можно сделать определенный вывод, что уже через полгода содружество в супружестве Льва Николаевича и Софьи Андреевны состоялось.

Жизнь много раз доказывала, что Софья Андреевна, как и ее мать, была в высшей степени обязательным человеком. Одним этим обеспечивалось благополучие семейной жизни, которая так была важна для Толстого. К тому же вскоре оказалось, что Софья Андреевна отменная мать, и прежде всего мать. На ее фотографии 1863 года лицо не открытое, но и не закрытое, властность уже наметилась, но общий вид еще смятенной, не установленной в жизни женщины. На фото 1866 года - строгая и умная мать, достоинство и совершенная женская устойчивость, доля упрямства, но без кокетства. Идя на вершины жизни, Толстой мог быть уверен в тылах своей семейной жизни, пока жена его живет жизнью матери, - той жизнью, «которую он для нее избрал» и которую по потребностям своей женской природы она избрала сама себе. Толстой, чтобы потом ни происходило с ними, не в умозрении, а по собственному опыту знал то, что через много лет запишет в «Круг чтения»:

«То, что муж и жена становятся одной плотью, не есть предписание, но подтверждение того состояния, в которое вступают муж и жена, живущие нравственной жизнью».

6.(48)

Как нельзя смотреть на высокие художественные образы с точки зрения бытовых отношений, так нельзя смотреть на взаимоотношения Льва Николаевича и Софьи Андреевны с позиции заурядных мужчин и особенно заурядных женщин. Супружеская драма Толстого, кроме того, что она несет специальный смысл, столь поучительна, что заслуживает особого внимания.

Лев Николаевич выбирал себе молоденькую жену из родственного дома, женился, а потом узнал: "не она". Что делать? «Ничего не сделаешь против сложившегося». Значит надо не думать «в своих семейных отношениях», а чувствовать, и самому «избрать жизнь для жены», сделать ее и ее жизнь такой, какая ему нужна. Первейшая задача Толстого: переделать чужое в свое, сделать из «чужого» «свое счастье». Человек способен осуществить сторгическую свитость сам - даже тогда, когда к этому нет особых оснований; и тем более способен, когда он, как Лев Николаевич в то время, живет в сторгическом периоде жизни.

Сторгия предусмотрена в Замысле человека. И потому ее можно создавать искусственными приемами (в том числе внушения и самовнушения), но это опасно. Искусственно созданная принудительная сторгия то и дело подвергается испытаниям, результат каждого из которых может быть катастрофическим.

В дневниках Софьи Андреевны за первую половину 63 года, констатирует Гусев, «видна любовь к мужу и одновременно требование полной отдачи его ей». Это – борьба: кто кого или, вернее, кто под кого. Мы кое-что уже знаем об этой борьбе. Рождение первенца (28 июня 1863 года) не успокоило борьбу, а, напротив, обострило ее.

«Ее «несправедливость и спокойный эгоизм пугают и мучают меня... Я пересмотрел ее дневник — затаенная злоба на меня дышит из-под слов нежности. В жизни часто тоже, - пишет Толстой в дневниковой записи 6 августа 1863 года.— Если это так, и всё это с ее стороны ошибка — то это ужасно. Отдать всё — не холостую кутежную жизнь у Дюссо и метресок, как другие женившиеся, а всю поэзию любви, мысли и деятельности народной променять на поэзию семейного очага, эгоизма ко всему, кроме к своей семье, и на место всего получить заботы кабака, детской присыпки, варенья, с ворчаньем и без всего, что освещает семейную жизнь, без любви и семейного тихого и гордого счастья. А только порывы нежности, поцелуев и т. д... Нет, она не любила и не любит меня».

Толстой пишет в сердцах, но рассчитывает на то, что она прочтет и сделает выводы. Это не единственная запись такого рода. Еще в конце декабря 1862 года в Москве, впервые увидав ее в обществе в качестве жены, он выговаривает ей в Дневнике: «Я очень был недоволен ей, сравнивал ее с другими, чуть не раскаивался» (48.47). Серьезное предупреждение. В какой-то момент ей, надо полагать, стало страшно за свою дальнейшую супружескую судьбу. Она начала стараться. Через два года после женитьбы она называет себя «старшей дочерью» мужа, обещает

«все время помнить твои родительские наставления». «Я такое ничтожное существо без тебя», - пишет она ему и считает минуты разлуки с ним «моим нравственным заключением».

В свою очередь, и Лев Николаевич пошел по всему фронту жизни на серьезные уступки ей. Мы приводили его слова о слабости, которая может стать источником силы. Он смирился за мир в семье. «Выбирать незачем, – решает он. - Выбор давно сделан: литература – искусство, педагогика и семья».

«Отношения наши с Соней утвердились, упрочились, – заносит он в Дневник 16 сентября 1864 года. - Мы любим, то есть дороже друг для друга всех других людей на свете, и мы ясно смотрим друг на друга. Нет тайн, и ни за что не совестно». Возникло семейное содружество двух людей, нашедших верный характер взаимоотношений, ровный и спокойный. И Софья Андреевна отмечает, что «нам все делается лучше и лучше жить на свете вместе».

В 1866 году Софья Андреевна первой испытала то, что потом испытали великое множество читателей «Войны и мира». «А нравственно меня с некоторого времени очень поднимает твой роман, – пишет она мужу. - Как только сяду переписывать, унесусь в какой-то поэтический мир, и даже мне покажется, что это не роман твой так хорош (конечно, инстинктивно покажется), а я так умна». Она духовно растет от мужа, и это доставляет ей наслаждение такого рода, которое она вряд ли бы познала без него.

«Теперь я все время и нынче переписываю (не читая прежде) роман Левы. Это мне большое наслаждение. Я нравственно переживаю целый мир впечатлений, мыслей, переписывая роман Левы. Ничего на меня так не действует, как его мысли, его талант. И это сделалось недавно».

Это написано 10 ноября 1866 года, то есть тогда, когда Толстой завершал работу над вторым томом «Войны и мира».²⁷⁸ Наверное, в это время и образовалась сторгическая свитость их.

Супружеская сторгия Льва Николаевича и Софьи Андреевны, судя по всему, возникла через его роман.

«Я теперь стала чувствовать, что это – твое, стало быть, и мое детище, и, отпуская эту пачку листиков твоего романа в Москву, точно отпустила ребенка и боюсь, чтоб ему не причинили какой-нибудь вред. Я очень полюбила твое сочинение. Вряд ли полюблю еще другое какое-нибудь так, как этот роман».

В девятнадцатом веке культура супружеской сторгии – во всяком случае, в соответствующей среде – была неизмеримо выше, чем в наше время. Вскоре сторгия «через роман» перешла в непосредственную сторгию. В конечном счете Софья Андреевна вполне покорилась могучей силе мужа, так что через 10 лет смогла на своем опыте сделать общий вывод о супружеских потребностях Льва Толстого:

"Левочка привык бы к самому безобразному лицу, лишь бы жена его была тиха, покорна и жила бы той жизнью, которую он для нее избрал".²⁷⁹

Середина 60-х годов – время сторгического роста супругов Толстых, то есть такого духовного действия, в котором только и создается совместное сторгическое существо.

Прошло еще четыре года семейной жизни и десять лет со времени создания «Семейного счастья». Дневник Софьи Андреевны:

"Скоро 6 лет я замужем. И только больше и больше любишь. Он часто говорит, что уж это не любовь, а мы так сжились, что друг без друга не можем быть. А я все так же беспокойно и страстно, и ревниво, и поэтично люблю его, и его спокойствие иногда сердит меня". Вот когда стали отчетливо слышны мотивы первых глав «Семейного счастья», мотивы большой толстовской мечты. Победа?

Дабы ответить на этот вопрос, напомним читателю так поразившее Толстого в старости его письмо к А.А.Толстой от 18 октября 1857 года. Письмо это – своего рода манифест, в котором

впервые объявлена чисто толстовская стратегия личной духовной жизни. Одна из основных мыслей этого письма в том, что душевное спокойствие, которого мы ищем, губительно прежде всего для нашей души.

«Мне смешно вспомнить, как я думывал, и как Вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь все только хорошее. Смешно!» «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек». Для роста души необходимо преодоление. «Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называется счастьем. Да что счастье — глупое слово; не счастье, а хорошо», так как «бесчестная тревога, основанная на любви к себе, это — несчастье». «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться». Приспособленчество душевное или даже любовь как средство достижения душевного комфорта есть своего рода подлость внутреннего мира человека. «А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, нечеловеческого, а *оттуда*».

23 января 1865 года, во времена семейной идиллии, Толстой в письме тому же адресату прямо отказывается от того, что он постиг десять лет назад и что будет исповедовать всю жизнь:

«Помните, я как-то раз Вам писал, что люди ошибаются, ожидая какого-то такого счастья, при котором нет ни трудов, ни обманов, ни горя, а все идет ровно и счастливо. Я тогда ошибался. Такое счастье есть, и я в нем живу третий год (!! – И.М.). И с каждым днем оно делается ровнее и глубже... Я страшно переменялся с тех пор, как женился, и многое из того,

что я не признавал (и душевную подлость спокойствия? – И.М.) стало мне понятно, и наоборот».

Прошло еще десять месяцев и Толстой прочно «вошел в ту колею семейной жизни, которая, несмотря на какую бы то ни было гордость и потребность самобытности, ведет по одной битой дороге умеренности, долга, нравственного спокойствия. И прекрасно делает! Никогда я так сильно не чувствовал всего себя, свою душу, как теперь, когда порывы и страсти знают свой предел»(61.114-115).

Много позднее Лев Николаевич определял свою жизнь с 34 до 50 лет как «глубокий сон, сон душевный, от которого особенно трудно пробуждение»(34.347). То, что происходило в нем в 36 и 37 лет, – не сон, а в лучшем случае обморок души, в худшем же – падение души и духовная измена самому себе. В низину своего Пути жизни Лев Толстой спустился не в 21 год в Петербурге с Костенькой Ислантьевым, а в 37 лет в Ясной Поляне с племянницей Костеньки.²⁸⁰ Тому немало свидетельств.

В 34 года Толстой в «Казаках» определял человека как «рамку, в которую вставилось часть единого Божества» и полагал, что «счастье есть наибольшее захватывание Божества в ширину и глубину». Теперь от этих мудрых мыслей о счастье не осталось ничего.²⁸¹ На четвертом году семейной жизни, в октябре 1865 года, он пишет удивительную статью о религии, в которой утверждает, что религия не есть потребность человеческой души, как таковой, а есть только «произведение человеческого ума, отвечающая на известную склонность» некоторых людей иногда задавать себе главные вопросы своей жизни. В противовес этим «верующим», которые всегда испытывают «темное чувство сомнения», люди неверующие честны перед собой и «взамен успокоительных ответов» обладают «гордым сознанием того, что человек сам себя не обманывает».

Вспоминая эту пору своей жизни, 80-летний Толстой говорил, что он тогда «был глуп до невозможности».²⁸²

В «середине жизни», в 35 – 77 лет для личностно рожденного человека наступает ответственный момент – первая критическая точка Пути восхождения, где решается участь его Путепрохождения до второй критической точки лет в 50. Удачно прошедшему первую критическую точку разрешен подъем Пробуждения (в 40 – 42 года) и далее уготованы благодатные годы на плато Пути. В первой критической точке Толстой явно изменил своему эденскому существу и, казалось бы, должен сорвать свой Путь восхождения. Но это определяет не человек и не по понятиям человеческим. В каком состоянии души оказался человек при прохождении критической точки – пусть и в глубоком душевном обмороке – может иметь, а может и не иметь решающего значения. Само по себе это состояние проходящее. Срыв Пути зависит от чего-то другого, определяемого тем эденским существом, которому предстоит возрасть в человеке.

Определяя себя в эти годы, Толстой не раз говорил, что это «была только эгоистическая жизнь»(34.347). Если это и верно, то с существенной оговоркой. В первые годы работы над «Войной и миром», пишет Н.Н.Гусев²⁸³, Толстому «удавалось отгонять все мучавшие его ранее сомнения и колебания в разрешении главных вопросов жизни и современной ему действительности. Его умственные силы направились по одному единственно открытому для него руслу: они целиком уходили на художественную деятельность». В «эгоистической жизни» середины 60-х годов в Толстом безраздельно господствует Гений. Его душевное спокойствие не душевная подлость, так как оно возникло не ради животной личности или самости, а нужно было Толстому для свободной работы Гения в себе. Примечательно, что в 1866 –67 годах на Пути Толстого не обнаруживается «остановка жизни», которая должна быть при переходе к подъему Пробуждения. Ее проглотил его Гений. «Поэт лучшее своей жизни отнимает от жизни и кладет в свое сочинение. Оттого сочинение его прекрасно и жизнь

дурна»(48.116). Это сказано в конце 1866 года, на 39-м году жизни.

Экспромтом женившись, Толстой, вынужденный бороться за «свою жизнь», на непродолжительное время загнал сам себя в ненормативную низину Пути жизни. Толстого, как это уже бывало в его метафизической биографии, выручил его Гений.²⁸⁴

В начале 80-х годов Тургенев в известном письме к Толстому утверждал, что художественное творчество происходит из того же источника, что религиозная и нравственная жизнь. И был не прав. Мы уже говорили, что художественный (и любой другой) Гений вовсе не оттуда, откуда эденское существо, не из Эдена и не откуда психофизиологическая личность человека, а из другого источника. Жизнь Гения до определенного путевого предела - это резервная духовная жизнь. Такова она была для Толстого на четвертом и пятом десятке его жизни. Культурно-интеллектуальная работа в эти годы совершенно законна и восхождению на Пути не мешает. Переключение центра тяжести души на работу Гения эденское существо, видимо, не воспринимает (во всяком случае, в определенное время жизни) как признак путевой ненадежности того человеческого лона, в котором оно обитает. Именно поэтому на Пути Толстого вслед за душевным обмороком в «середине жизни» последовал мощнейший подъем Пробуждения, - потому, быть может, и мощнейший, что ему ассистировал Гений.

Забегая вперед, скажем, что предпочтение между духовным развитием эденского существа и Гения определяется во второй критической точке, в конце пятого десятилетия жизни, когда решается направление развития внутренней жизни человека до выхода его из земной жизни. Выбирать тут приходится между духовным ростом высшей души, ростом культурно-интеллектуальной жизни и жизнью психофизиологической личности, внутренне связанной с общекультурной и ученой деятельностью. Особое пристрастие, скажем, к художественной или научной жизни после 50 лет в путевом смысле есть дурной признак – признак схода с Пути восхождения. Одновременно с решением движения к духовному рождению Гений во второй критической точке уходит в тень духовной жизни высшей души и более не претендует на ударное положение во внутренней жизни. Это – нормальный путевой процесс, в результате которого окончательно определяется законное место Гения рядом с духовно рожденным эденским существом. В этом отношении толстовский «Сон» идеально подходит для описания состояния

жизни в момент второй критической точки Пути. Написанный Толстым в 29 лет «Сон» еще и в этом смысле произведение провидческое.

Эденское существо не карает человека за его переключение на работу в той сфере, где обитает Гений, не драматизирует его выбор. Оно вообще не борется за человека, а спокойно продолжает в нем свой обратный Путь в Эден. Во второй критической точке эденское существо ведет себя в человеке так же, как женщина толстовского «Сна»: смог вместить ее взгляд и оставить его в себе – хорошо, не смог – она прошла мимо и удалилась, предоставляя человеку жить той духовной (или недуховной) жизнью, которую он избрал.

7.(49)

В отношениях между Толстым и его женою есть скрытая сторона, скрытая прежде всего самим Львом Николаевичем. И говорить о ней не следовало, если бы мы разбирали семейную жизнь Толстого как таковую и искали виноватых. Мы же наблюдаем за хождением великого человека к вершинам жизни, что имеет, по меньшей мере, всечеловеческое значение и рассчитано на читателя, способного осознать это значение. Только потому мы решаемся входить в подноготную его семейной жизни.

Софья Андреевна была вторым ребенком у матери, которая сначала рожала ежегодно и после дочери Сони носила еще 11 раз. Так что многодетность не могла смущать жену Толстого. За первые 8 лет супружеской жизни она выкормила четырех детей. В начале 1871 года Софья Андреевна тяжело носила и тяжело рожала пятого ребенка, дочь Машу, заболела родильной горячкой и чуть было не умерла. Врачи советовали

ей воздерживаться от беременности. Ей и самой рожать стало страшно. Нежелание жены продолжать рожать²⁸⁵ произвело на Льва Николаевича ошеломляющее впечатление. Он стал настаивать. И в случае отказа был готов даже к разводу. В конце концов Софья Андреевна, как это всегда было в ту пору, покорилась. Но остались вопросы.

Любимая жена подвергается смертельной опасности. Муж, который постоянно говорит, что уже не мыслит жизни без нее, должен был, казалось бы, ужаснуться и больше не подвергать ее такому испытанию. К тому же Толстой всю жизнь думал о своей матери, чтил ее образ и хорошо знал, что такое вырасти без нее. И рисковал оставить своих пятерых детей без материнской любви и воспитания? Ради чего? Ради будущих детей? Что-то несуразное. Возможно, что в отличие от героини «Семейного счастья» жизненную позицию Софьи Андреевны в дальнейшем определяла и ее обида на то, что он жестоко обошелся с ней тогда, когда она была в полной его власти, что он жестоко воспользовался своей властью над ней.

В середине 900-х годов П.И. Бирюков, писавший биографию Льва Николаевича, расспрашивал его о том времени его жизни. По свидетельству Н.Н. Гусева, Толстой попутно говорил и об интересующих нас событиях: «У меня на душе лежало большое сомнение, поводом которого было расстройство семейных отношений. Жена после тяжелой болезни, под влиянием советов докторов, отказалась иметь детей. Это обстоятельство так тяжело на меня подействовало, так перевернуло все мое понятие о семейной жизни, что я долго не мог решить, в каком виде она должна была продолжаться. Я ставил себе даже вопрос о разводе». «Толстой не представлял себе семейной жизни без ее последствий - детей»²⁸⁶, - комментирует этот рассказ Н.Н.Гусев.

В апреле 1886 года Толстой пишет письмо В.Г. Черткову, которое потом было оформлено в маленькую статью. «Служение человечеству, – читаем здесь, – само собой разделяется на две

части: одно – увеличение блага в существующем человечестве, другое – продолжение самого человечества», то есть рождение, кормление и возвращение детей. «Для женщины средства служению Богу суть исключительно (потому что кроме нее никто не может этого сделать) – дети». Впрочем, это служение «будет полезно человечеству только тогда, когда она будет выращивать не просто детей для своей радости, а будущих слуг человечества». Отрожавшие же женщины или те, у которых детей нет, могут участвовать в мужском труде для Бога и человечества. Хотя «видеть такую женщину – все равно, что видеть драгоценный чернозем, засыпанный щебнем для плаца или гуляния»(25.413-414). Это, конечно, крайняя позиция, обеспеченная специфическим религиозным взглядом на призвание человека. Такого обеспечения у Толстого в начале 70-х годов не было, но и тогда, видимо, он говорил жене что-то похожее. Но говорил не столько о всякой женщине и ее обязанностях в отношении человечества, сколько о позиции конкретного мужа в отношении его жены.

Конкретные представления Толстого в отношении его собственной семейной жизни того времени едва ли зиждились на его теоретических взглядах на назначение женщины как таковой. Взгляды эти могли служить подпоркой для установок семейной жизни, не более того. Да и Софья Андреевна к 27 годам по всем меркам выполнила свое материнское назначение и легко могла быть признана «отрожавшей» женщиной. Пять малолетних детей – немало для семейных трудов на всю оставшуюся жизнь. Не рожать же без передышки, пока не помрешь, только для того, чтобы не видеть «драгоценный чернозем, засыпанный щебнем для плаца или гуляния» - пусть даже этому чернозему грозит уничтожение? Ради умозрения о служении непрерывным деторождением Толстой не стал бы думать о разрушении столь для него важной и налаженной семейной жизни. Если

он при всем этом «ставил перед собой вопрос о разводе», то здесь что-то кроется.

Дети для Толстого – далеко не смысл жизни. Как многие мужчины, Лев Николаевич интересовался своими детьми с двух-трехлетнего возраста. Да и скажем прямо: дети – оправдание брака, когда в нем больше ничего нет или то, что есть, не имеет определяющего значения. Не растущий на Пути сам, пусть растит детей, то есть передает себя в грядущее, работает на возможный будущий удачный Путь. Но грех путеносному служить на будущее. Цепь поколений финиширует в вершащем Путь человеке - в том одном, который сможет свершить (за себя и за своих предков) всю полноту труда Божьего, предназначенного человеку в земной Обители.

Пусть материнство "школа самоотречения" (так не раз писал Толстой), но оно не само самоотречение - отречение от своей самости, от своей "животной личности" ради духовно высшего Я, в себе ли или в том, кому душою сопричастна; материнский (родительский) режим души более плотский и общедушевный, чем духовный; правда, в нем природное уподобляется душевному, но это уподобление по действию, не по содержанию.

Вряд ли Толстой заставлял бы сопутевую ему женщину беспрерывно плодить детей, рожая столько, сколько позволяла ее женская природа. Возможность единой жизни с такой женщиной была бы ему дороже всех рожденных и еще не рожденных детей. Брак с ней, одной, вообще без детей, был бы для него величайшим духовным благом. Но при тогдашней семейной ситуации для Толстого, превратившего «слабость» в «силу», на первый план жизни выходила безусловная надежность семьи и бесспорная верность жены.

До женитьбы у Толстого не видно желания иметь множество детей. Об этом предмете вроде бы ничего нет ни в письмах к Валерии, ни в других биографических источниках.

Даже после рождения первого ребенка Толстой заносит в Дневник такие слова: «Ужасно, страшно, бессмысленно связать свое счастье с материальными условиями — жена, дети, здоровье, богатство. Юродивый прав. Могут быть жена, дети, здоровье и др., но не в том». Хотя «свои дети», несомненно, важный пункт в деле создания «своего семейного счастья».

Я думаю, что мысль непрерывного рожания окончательно оформилась у Толстого тогда, когда он увидел жену матерью. Он понял, что, пока она вынашивает, рождает, кормит, семья надежна и он в полной мужской безопасности.

Мы рассказываем об одном из самых напряженных моментов семейной жизни Льва Николаевича и, казалось бы, не должны испытывать недостатка в источниках. Пусть создавать цитатами видимость достоверности – дело не совсем почтенное, но в данном случае исследователю и цитировать нечего.

Дневники молчат. При почти сверхчеловеческой напряженности и динамичности внутреннего мира Льва Толстого его письма к жене (и 60-х, и 70-х, и даже 80-х годов) эмоционально очень ровные, с накатанной интонацией, написанные с одним и тем же годами выработанным чувством. В самой этой интонации словно навеки заложено: все благополучно между нами, живи спокойно. Определить по ним, что происходило между супругами в ту или иную пору жизни, когда кризис, а когда тишь да гладь в семье – невозможно.

Переписка между супругами в драматическую пору, о которой мы говорим, «так убедительна, - констатирует В. Жданов, - что трудно поверить, чтобы она происходила как раз в то время, когда семейные отношения были особенно усложнены, когда Толстой думал даже о разводе»²⁸⁷. Впрочем, один несомненный источник у нас имеется. Это роман «Анна Каренина».

Считается, что в "Анне Карениной" "автор воспел свое счастье", по слову В. Жданова.²⁸⁸ Хотя именно В. Жданову лучше, чем кому-либо, было известно, что роман задумывался

Толстым не как апология семейного счастья, а как дьявольское разрушение его. Линия Левин - Кити в первых вариантах не предусмотрена вовсе. Героине романа, будущей Анне, столько лет, сколько в то время было Софье Андреевне. Будущий Каренин первых редакций почти ровесник Толстому и нравственно приближен к нему.

«Она меня разлюбит. Я почти уверен в этом... - сказано в Дневнике 6 августа 1863 года. - Она говорит: я *добр*. Я не люблю этого слышать, она за это-то и разлюбит меня». Именно по этой причине Анна (тогда – Татьяна) в первых набросках к «Анне Карениной» разлюбила своего мужа. Случайно ли сына Анны звали, как и первенца Толстого, Сережей, и ему, как и Сереже Толстому, было в начале 1871 года семь лет. "Левины – это Толстые", – пишет В.Жданов. Но не договаривает. Каренин в некотором смысле столь же Толстой, что и Левин.²⁸⁹ Толстой наградил Каренина своими ушами, которые так раздражали Анну. История супружества Левина – то ангельское, о чем Толстой мечтает²⁹⁰, хотя и иначе, чем в «Семейном счастье». Произошедшее с Карениным – то дьявольское, что в реальности может случиться в супружеской жизни Толстого, который на своем опыте понимал опасность типа женщин, к которому Фет относил сестер Берс.

Две линии «Анны Карениной» - это не столько «линия Анны» и «линия Левина», сколько «линия Каренина» и «линия Левина», то есть счастливая и несчастная семейная жизнь двух мужчин в двух возможных вариантах развития семейной ситуации в жизни самого автора.

В "искреннюю, умную, кроткую" жену по первоначальному сюжету «Анны Карениной» вдруг "вселится дух зла", и муж, видя ее "преображенное, мелкое, веселое и ужасное выражение лица", понял, "что действительно случилось что-то неожиданное и страшное". Для Льва Толстого было вполне достаточно раз увидеть такое лицо жены, чтобы

прозреть, что "неожиданное и страшное" может вступить в их жизнь. Здесь есть что-то личное.²⁹¹

Тема романа, который, как-никак, назван по имени его героини - душевная измена супруги. Уже тогда она рассматривалась автором с высшей, то есть с личнодоуховной точки зрения. Кроме разрушения глубинной душевной связи супругов, никаких оснований для «отмщения Мне» в «Анне Карениной» нет. Внутренняя связь, которой Анна связана с мужем, не столь прочна и вовсе не исключает супружеской измены. Вот история, рассказанная Толстым в романе. Важная, видимо, для него самого история.

На Толстого, практически говоря, не было женских притязаний. И сам не давал жене повода для ревности. Не то у Толстого в отношении жены. В ту пору она, как и Анна Каренина, вошла в полный женский возраст²⁹² и еще более стала тяготиться замкнутым стилем жизни Ясной Поляны. Иногда это ужасало ее. Вот запись ее дневника начала 1873 года: «И вдруг иногда заглянешь в свою душу во время тревоги и спросишь себя: чего же надо? И ответишь с ужасом: надо веселья, надо пустой болтовни, надо нарядов, надо нравиться, надо, чтоб говорили, что я красива, надо, чтоб все это видел и слышал Левочка, надо, чтобы он тоже иногда выходил из своей сосредоточенной жизни, которая и его иногда тяготит, и вместе со мной пожил той жизнью, которой живут так много обыкновенных людей. И с криком в душе отрекаюсь я от всего, чем и меня, как Еву, соблазняет дьявол, и только еще хуже кажусь я сама себе, чем когда-либо. Я ненавижу тех людей, которые мне говорят, что я красива...».²⁹³

«Молодая женщина начинает мечтать о веселье, о светских удовольствиях», - констатирует В. Жданов. Софью Андреевну тянуло туда, где она, как жена знаменитого автора «Войны и мира» и женщина «с огоньком», была в центре внимания и неизбежно стала бы объектом мужского напора такой силы, которой позавидовал бы и граф Алексей Вронский и маркиз Д. «Семейного счастья». Выдержит ли она?

«Я не шутя говорил, - писал Толстой Арсеньевой, - что ежели бы моя жена делала бы мне сюрприз — подушку, ковыряшку какую-нибудь, и делала бы от меня тайну, я бы на

другой день убежал бы от нее на край света, и мы бы стали чужие. Что делать, я такой, и не скрываю этого и не преувеличиваю». Чем бы в таком случае могла быть для Толстого измена жены? Верхом унижения и оттого конец самоощущения себя Львом Толстым? Или, как у Каренина, краткий духовный взлет перед падением?

Толстой не мог допустить, чтобы вся его жизнь, в том числе и творческая и духовная его жизнь, находилась в зависимости от произвола страсти другого человека. У жены его, как только она очутится там, куда явно стремится, окажется множество тайн от него. Она может и изменить ему - если и не плотски, то душевно. И это непременно произойдет, когда она освободится от семейных забот, перестанет рожать, кормить, сидеть при маленьких детях и опять рожать.

В подтверждение приведем суждение 70-летней Татьяны Львовны Толстой, которую Н.Н.Гусев считал «не только лучшим, но и единственным знатоком Софьи Андреевны и ее отношений ко Л.Н. Никто не мог так ясно и тонко в ней разобраться, как вы, потому что вы женщина (мужчинам трудно разобраться), притом близкая и состоявшая с ней, несмотря на разницу лет на равной ноге».²⁹⁴ «Если принять во внимание, что С.А. всегда была истеричной и что состояние повышенного нервного возбуждения сдерживалось и заглушалось постоянным деторождением и огромными заботами, - пишет Татьяна Львовна, - то ничего нет удивительного в том, что, когда она оказалась свободной и праздной (и освободившей себя от влияния мужа), - ее истеричность приняла уродливую форму. Недаром отец говаривал, что для нее нужно изобрести гуттаперчевого мальчика, у которого был бы вечный понос».²⁹⁵ Мнение это высказано по поводу «танеевской истории», но тем более справедливо для того, что могло произойти за четверть века до нее.

В середине 900-х годов Толстой в записной книжке развивает замечательно продуктивную мысль о том, что «у

каждого человека есть высшее для него мирозерцание, то, во имя чего он живет. И он воспринимает только то, что согласно с этим мирозерцанием, нужно для него (для мирозерцания), остальное проскальзывает, не оставляя следа». И разъясняет это положение на примере ближайших ему людей. «Мирозерцание *Сергеи* – европейская жизнь. *Андрюши* – барина. *Лев* – личное сочинителя гениального». Высшее же мирозерцание «*Сони*», Софьи Андреевны – не благо семьи, детей, внуков, а «жизнь в высшем свете с романом».²⁹⁶

Поругание супружеской изменой – кошмар жизни женатого Толстого. Это не ревность, а ужас перед надругательством великого духа в себе.

«*Анна Каренина*» в личном смысле, для автора, это роман о его жене: о той, какой она должна быть (*Кити*), и о том, что с ней могло случиться (особенно если вспомнить о ее «высшем мирозерцании») и чем это должно кончиться (*Анна*). Заставляя жену рожать и кормить, Толстой спасал не только себя, но и ее оберегал от «дьявола», который, «как *Еву*», соблазняет ее, - спасал ее от неминуемой гибели, от «*Мне отмщение*».

Одна опасность, на одном развороте супружеской жизни, - умереть при родах. Другая опасность, на другом развороте супружеской жизни, – гибель всех: детей, мужа и сама под поезд. Вот та «мысль семейная», которая, по словам Толстого, положена в основание «*Анны Карениной*». Требования Толстого к жене объясняются этой мыслью. Льву Николаевичу необходимо было объясниться с самим собой на этот счет, и он сделал это так, как это свойственно ему, в романе.

Анна Аркадьевна умирает дважды: при родах и под поездом. Первая, несостоявшаяся смерть, смерть *Анны* при родах, от родов – это смерть всех бесконечно духовно возвысившая. Другая ее смерть, означающая крах жизни, - унижительная гибель под поездом. Роман Толстого построен на этих двух смертях. Сопоставление их и вывод из этого

сопоставления напрашивается по прочтении романа. Анна не умерла при родах, когда она была «высшим существом», в высшем духовном состоянии любви, возвысившись над всеми людьми.²⁹⁷ Тут – на вершине ее жизни, которая есть и одна из вершин человеческой жизни как таковой, - могла быть поставлена точка ее земного существования. Но она выжила, опять окунулась в земную жизнь со всем тем, что есть в ней, опять возненавидела мужа, оставила его и ребенка, ушла к Вронскому и в результате бросилась под поезд. Что лучше: рожать и умереть при родах на вершине жизни или жить так, как жила и умерла Анна после своего чудесного выздоровления? Вопрос этот обращен автором не столько к нам, читателям, сколько к самому себе и находится в связи с тем, что происходило в его собственной жизни.²⁹⁸

В замысле «Анны Карениной», в его глубинах заложено неведомое читателю личное и трагическое переживание автором своей супружеской судьбы. Таким способом он объяснял жене и себе свою непримиримость по вопросу рожания детей и отношения к ней. Но Софья Андреевна, отнеся на свой счет одну линию романа, приняв (как должное) себя в Кити, так и не поняла, какое отношение к ней имеет судьба Анны.

Через много лет Толстой скажет, что разлад его супружеской жизни начался не после его духовного перелома, а во времена рождения Маши - тогда, когда «лопнула струна, и я осознал свое одиночество». И Анна Аркадьевна в романе Толстого говорит: «Я – как натянутая струна, которая должна лопнуть». Если «струна лопнула», то, значит, когда-то она была специально (и искусственно) натянута, потом все более и более натягивалась и, наконец, не выдержала и лопнула. Струна «принудительной сторгии» стала стягивать супругов Толстых тогда, когда Лев Николаевич понял, что «ничего не сделаешь против сложившегося» и решил строить семейную жизнь с той женой, на которой по стечению «роковых» обстоятельств женился. Толстой сам, специальными усилиями своей

сторгической воли создал семейную сторгию и потому-то так боялся стихии, способной разрушить ее. Натянутая им струна напружинивалась все последующие годы потому, что супружеские отношения не выходили за рамки брачного содружества, не становились сопутевой духовной связанностью. Это и создавало скрытую, невыраженную (следовательно, неразряженную) напряженность и глубинную неудовлетворенность совокупной жизнью, оправданную только семейным очагом и детьми.

Связанность во внутридушевных взаимоотношениях двух разных (и даже мало совместимых) людей – обычная история, но исходы ее различны. У некоторых пар связь эта никогда не рвется, хотя и не свивает их души на духовном уровне. Здесь есть нечто загадочное, мало доступное разуму, но это так. Лев Николаевич и Софья Андреевна разнятся, как небесная душа и душа приземленная. Первая – высшая душа, вторая – низшая (пусть и весьма доброкачественная). Струна в супружеской связи Толстых была натянута так же, как в каждом человеке натягивается струна между двумя его душами. Что примерно то же самое, что лобовое столкновение требований высшей и низшей души, описанной в «Анне Карениной». И тот же рок.

Двум полярным линиям "Анны Карениной" соответствуют два полярных прозрения автора: темное и светлое. Темное прозрение "отмщения Мне", кары Божьей за гибель того, что, по существу, неразрушаемо – прозрение в крушение и поругание состоявшейся свитости высших душ. И светлое прозрение-греза - "Аз воздам" по Высшей Воле осуществленное в личной действительности супружеское единство. Как совмещение того и другого прозрения, так и сопровождение одного прозрения другим - что-то да значит в личной жизни автора.

Прозрение – всегда еще в неизвестное. Прозрение всегда больше того, что знаешь. Таковы и прозрения романа Толстого в глубинную жизнь мужчины и женщины. В свете этих

прозрений иначе и по-новому значительно звучат слова Левина о том, что для него женитьба "была главным делом жизни, от которого зависело все его счастье". "Анна Каренина" задумывалась во времена, когда уже началось (зримо или еще незримо) душевное отдаление супругов. Что дальше? Что в результате? От этого зависит жизнь.

«Осознать свое одиночество» и стать одиноким в супружеской сторгии – не одно и то же. В первой половине 70-х годов Толстой, конечно, еще не знает, какое из указанных прозрений осуществится в его жизни: темное или светлое? Но у него есть предчувствие. Предчувствие краха. «Анна Каренина» для Толстого - это роман-предвидение грядущей сторгической катастрофы в супружестве. Или, что то же самое, сознание рока в своей жизни. «Анна Каренина» - это далеко не только роман о роковой страсти. Он - о роке супружеской измены, висевшем, как меч, над семьей Карениных. Библейская фраза «Мне отмщение и Аз воздам» в эпиграфе романа Толстого означает, во-первых, закон воздаяния и отмщения за создание и разрушение чего-то чрезвычайно важного в душевной и в духовной жизни и, во-вторых, рок.

Анна не могла не изменить. То был рок (мужик-кузнец, кующий железо и говорящий по-французски), заложенный в ее жизнь. Толстой опасался краха семейной свитости и семейного благополучия так, как боятся рока, пытался избежать, обойти его. Но так и не избежал. В глубине души он, наверное, знал, что рок, как и положено, достигнет его, но не догадывался когда и как. Рок настиг его в самой уродливой форме - тогда, когда, казалось бы, прошли все его сроки – когда ему было под 70, а ей за 50...«Моя жизнь» Софьи Андреевны Толстой написана женой, совершившей наиглубочайшую духовную измену мужу. Что же до последних пяти лет семейной жизни в Ясной Поляне, то это

очевидная дьявольщина. Так странный мужик сна Анны ковал свое железо в жизни Льва Толстого.

8.(50)

«Давно как-то мне случилось прочесть в «Новом времени» прекрасный фельетон господина Ата о женщинах - рассказывает Толстой в Послесловии к чеховской «Душечке». - Автор высказал в этом фельетоне замечательно умную и глубокую мысль о женщинах. «Женщины, — говорит он, — стараются нам доказать, что они могут делать всё то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю с этим, — говорит автор, — но готов согласиться, что женщины могут делать всё то, что делают мужчины, и даже, может быть, и лучше, но горе в том, что мужчины не могут делать ничего, близко подходящего к тому, что могут делать женщины».

Да, это несомненно так, и это касается не одного рождения, кормления и первого воспитания детей, но мужчины не могут делать того высшего, лучшего и наиболее приближающего человека к Богу дела, — дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины. Что бы было с миром, что бы было с нами, мужчинами, если бы у женщин не было этого свойства и они не проявляли бы его?» (41.375)

С течением времени образ «Душечки» стал восприниматься не так, каким предполагал выставить его Толстой. Для разоблачения идеи женской эмансипации трудно выбрать менее удачный образ, чем героиня Чехова. Публика, как разделяющая, так и не разделяющая лозунги женских движений, давно уже нашла, что персонаж этот вознесен Толстым на такую высоту исключительно в силу его парадоксального взгляда на людей и их жизнь. Так ли это?

Летом 1909 года Толстой получил письмо от одного из своих посетителей, в котором тот упрекал писателя за непоследовательность религиозно-нравственной позиции, за то, что он в своем "Послесловии" подобно Тургеневу воспекает любовь между мужчиной и женщиной. Толстой ответил, что он "совершенно согласен с тем, что Вы пишете по поводу "Душечки" о целомудрии"(80.25). Это письмо не было отправлено адресату и не стало известно публике. А между тем, если признать, что Душечка любила нецеломудренной любовью, то слова Толстого о том, что "любовь не менее свята, будет ли ее предметом Кукин, или Спиноза, Паскаль, Шиллер, и будут ли предметы ее сменяться так же быстро, как у "Душечки", или предмет будет один во всю жизнь" (41.375), по меньшей мере двусмысленны и соблазнительны.

Толстой, как мы помним, предрекал, что чеховская Душечка "навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем её сводит судьба" (41.377). В разъяснение этого он причисляет Душечку ко многим тысячам тех "безызвестных, самых лучших, как всё безвестное, женщин, утешительниц пьяных, слабых, развратных людей, тех, для которых нужнее, чем кому-нибудь, утешения любви". Пусть так. Но, кроме того, он ставит Ольгу Степановну еще и в другой ряд женщин: вместе с "Марией и Магдалиной у Христа", с "Кларой у Франциска Ассизского", с женами декабристов на каторге, с женами духоборов, "которые не удерживали мужей, а поддерживали их в их мученичестве за правду". Что общего между этими женщинами? И, главное, что общего между «Марией и Магдалиной» и Душечкой? Между Кларой и чеховской героиней? Или между нею и женами духоборов? И при чем тут жены декабристов?

Весь приведенный ряд столь разных женщин значим для Льва Николаевича лично: в нем нет места для той женщины, которой для блага его собственной жизни необходимо было в

этом ряду быть – для его жены. Каждая из этих женщин, следуя за судьбой и душой мужчины, которого она любила, коренным образом ломала всю свою жизнь. Толстому дорого то, что Душечка строила свою жизнь в соответствии с судьбой и движениями жизни того мужчины, кого она полюбила. И тут не важно кто предмет ее любви, Кукин или Паскаль, как неважно, сменяются ли эти предметы или предмет любви один во всю жизнь.

Конечно, Софья Андреевна, случись с мужем несчастье, не бросила бы его в беде. Но она, в отличие от Ольги Степановны, не взяла мировоззрение мужчины, которого она любила, и не только не пошла вместе с ним по им заданному направлению жизни, но восстала и против него, и нового направления его жизни, и его мировоззрения. В один из самых мучительных моментов в их отношениях, в конце 1885 года, она записала: "А пока я могу сказать: да, я хочу, чтобы он вернулся ко мне так же, как он хочет, чтобы я пошла за ним" (выделено С.А. – И.М.).

Включаясь в обсуждение взаимоотношений Льва Николаевича и его жены, надо помнить, что в обществе за такими обсуждениями кроется столкновение двух мировоззрений, двух взглядов на ценности человеческой жизни, двух идеологий и двух служений жизни.

В последнее время всё чаще слышишь, что люди разных вероисповеданий молятся одному и тому же единому Богу. Я думаю, что люди молятся разным богам; и это не зависит от вероисповедания. Подавляющее большинство людей, независимо от того, верят ли они в Бога или нет, независимо от конфессии, к которой они принадлежат, молятся богу земной жизни. Этому богу - и вовсе не эгоистично, не для себя одной - служила С.А.Толстая. Лев Николаевич же с некоторых пор стал молиться другому Богу и, продолжая проживать свой срок на земле, стал служить Богу вечной жизни. В духовном смысле они принадлежали к разным человеческим типам; он мог понимать ее, но не она его.

Софью Андреевну понять не трудно. Она жила так, как ее в ранней молодости поставил на жизнь сам Лев Николаевич. Как других женщин приучают к мужской деятельности, так Лев Николаевич приучил жену к служению богу земной семейной жизни. Софья Андреевна служила богу земной жизни не только потому, что была особенно пристрастна к этой жизни, но и потому, что служить этому богу призвал ее сам Толстой.

Потом он сменил свою установку на жизнь. Ее же мировоззрение не переменилось. С точки зрения ценностей земной семейной жизни не видно, почему надо жертвовать благами детей и внуков ради всем непонятных требований мужа.

Противостояние супругов, как известно, привело жену к истерии, а мужа к уходу из дому и смерти. Могло ли быть иначе? Могла или не могла Софья Андреевна сделать своего великого мужа счастливым в выбранной им новой жизни, как она делала его счастливым в прежней, им оставленной? Могла ли она, следуя за мужем, изменить свое, им же прежде выкованное мировоззрение? Возможно ли это? Или дело сделано, и Лев Николаевич не имел права ждать от жены ничего иного? - Вот его мучительный вопрос к себе, к ней, к своей жизни, к жизни вообще.

В старости Лев Николаевича не считал, что его отношения с женой определяются различием их мировоззрений.²⁹⁹ На его взгляд, их семейные взаимоотношения зависели не от совместимости или несовместимости мировоззрений, а исключительно от достоинства любви в супружестве. И прежде всего – женской любви. Софья Андреевна любила мужа не так – не той любовью, какой любила Клара Франциска Ассизского, какой любили мужей жены духоборов. Каким же родом женской любви должна была любить жена, чтобы вне зависимости от своей прежней жизни пойти за своим супругом туда, куда он вновь повел ее? Высший "образец" такого рода земной женской любви Толстой обнаружил в рассказе Чехова и объяснил себе,

отчего не состоялась прочная супружеская связь в его жизни. Читая Чехова, Лев Николаевич узнал решение своего, личного вопроса о том, могла ли или не могла Софья Андреевна, воспитанная мужем в определенных устоях, вслед за мужем изменить свою жизненную установку и остаться заодно с ним даже тогда, когда он столь круто поменял свое мировоззрение и весь курс жизни. Героиня Чехова, прозванная сослуживцами мужа «мы с Ванечкой», ни при каких случаях не пошла бы войной против своего супруга. Разбирая рассказ Чехова, Толстой «поумнел» оттого, что нашел в нем тот тип женской души (пусть «приземленной», как и у его жены), которая не только не противилась бы ему на крутых поворотах его духовной жизни, но и всей душой поддержала его.

Вся история с чеховским рассказом показывает нам, до какой степени Льву Николаевичу нужна была Софья Андреевна, как страдал он от разрыва с ней и как мучился вопросом несостоятельности своей супружеской жизни. Ему нужна была не только ее поддержка, не только мир в семье, не только душевная устойчивость и даже не только осуществление того, чему она столь активно препятствовала. Я думаю, что Льву Николаевичу была совершенно необходима духовная связь с ней, только с ней, с ней одной.

На семейную жизнь Льва Николаевича можно смотреть с разных точек зрения. Мы выбрали точку зрения сторгиической взаиможизни. Сторгия есть важная сторона личной духовной жизни. На жизнь первого пророка личной духовной жизни надо смотреть с позиций этой же духовной жизни.

Толстой возвестил личную духовную жизнь как особую сферу духовной жизни человека, не менее важную, чем другая, общедуховная ее сфера. Он же впервые разработал основные принципы личной духовной жизни, активно и весьма успешно воплощал эти принципы в жизнедействии. Не только теоретическая, но и практическая работа Льва Толстого над личнодуховной стороной своей жизни имеет всечеловеческое

значение. И следовательно, всечеловеческое значение имеет и то, что случилось в его супружестве. Но это как раз понимают плохо.

Можно по любому поводу обличать Льва Толстого, можно и клеветать на него, не боясь быть опровергнутым, и публично оболгать или объявить, что он тайный лазутчик Антихриста, – слова никто не скажет. Но безнаказанно упрекать Софью Андреевну Вам, скорее всего, не позволят. У нее обязательно найдутся страстные защитники. Позиция Льва Николаевича чужда и неясна широкой публике, позиция же его жены удобопонятна каждому; и потому обычно не он, а она вызывает сочувствие.

С ныне повсеместно правящей либеральной точки зрения у каждого свои ценностные установки и в плане конкретного жизнедействия одни ценности в отношении любых ценностей других людей неправомерно рассматривать как низшие и высшие. Каждый, не ущемляя других, в праве исповедовать свои установки жизни, не ставя их в ряд установок другого человека, пусть и самого близкого. С этой точки зрения Лев Николаевич, исповедуя и проповедуя свои нравственные и метафизические ценности, не вправе требовать от жены отказа от тех ценностей семьи, детей и лично своих, которые отстаивала она. Выходит так, что, защищая свои земные интересы, Софья Андреевна боролась против деспотизма мужа, за свои человеческие права.

Для подавляющего большинства людей нынешнего европейского общества важно не то, что волею судеб Софья Андреевна оказалась женой Льва Толстого (и хотя бы должна была соответствовать судьбе великого человека, с которым она провела полвека), а то, что она такой же человек, как и он, и наделена такими же правами распоряжаться своей жизнью, что и он. Все слова о высоте, величии, человечестве, Боге и высших побуждениях тут неуместны.

С другой точки зрения, в споре ценностных установок прежде всего принимается во внимание себестоимость и достоинство мотива поведения человека. И в семейных отношениях (как и во всех других сферах жизни³⁰⁰) Лев Николаевич исходил из соображений о высшем и подлинном назначении жизни человека и Воле Бога. Для жены же Толстого, с ее позиции служения богу земной жизни, требования мужа к ней, по меньшей мере, конкуренты с требованиями жизни других ее родных. Имения для сынов графа Толстого, приданое для его дочерей и благо ее, как матери и бабушки, столь же важны для каждого из них, сколь важна для мужа его религия. Она была хорошей земной женщиной. Она не знала вечной жизни, не понимала, что это такое и не могла служить тому, чего не знала и не понимала.

Служа богу земной жизни, Софья Андреевна руководилась чисто земными интересами - соображениями житейского благополучия многочисленных детей и внуков - и именно этим привлекает тех, кто активно (и даже агрессивно) защищает ее позицию в столкновениях с мужем.

В истории мировой культуры Софья Андреевна Толстая стала значительной и самостоятельной фигурой. Что никак не соответствует ее личности самой по себе или соотнесенной с личностью Льва Толстого. Но люди отличаются друг от друга еще и тем, что одни способны понимать и переживать масштаб личности подлинно большого человека (и соизмерять себя с ним), а прочие – нет. Жена Толстого – не исключительная женщина и не крупный человек - как бы защищает этих прочих от им непонятных и для них непосильных нравственных (и иных) требований Льва Толстого, позволяет им бесстрашно и с полным самоуважением оппонировать Толстому по основным вопросам жизни или не принимать во внимание его речи. Толстой мешает людям – и людям верующим, и людям общественным, и людям искусства и науки, и вообще всем, желающим жить, как живут. Им во все времена жизненно

необходимо убедить себя в том, что все, что говорят такие люди, как Лев Толстой, не имеет значения или, во всяком случае, не имеет значения для них. Позиция, открыто занятая Софьей Андреевной в отношении мужа, помогает многим представлять Льва Толстого так, как они желают его представить себе. Поэтому она негласно стала знаменем и первейшим орудием антитолстовских настроений в самых разных слоях общества³⁰¹.

Пусть в той ситуации жизни, в которой Софья Андреевна оказалась с 1881 года, почти все женщины вели бы себя так же, как она, или еще хуже, менее достойно, но это говорит только о том, что далеко не всякая женщина способна и достойна быть супругой величайшего человека. Житейски Софье Андреевне вполне можно посочувствовать, как и любой другой женщине в трудных обстоятельствах жизни. Но она не любая женщина, а жена Льва Толстого. В этом качестве и с ее жизненными устремлениями она не на своем месте. Что если Софья Андреевна прожила не свою жизнь и не с тем мужем?

Рядом с Толстым должна быть женщина, которая, по крайней мере, иначе расставляла приоритеты жизни. Семейные, материнские, личностные интересы Софьи Андреевны, несомненно, преобладали перед интересами общечеловеческими и Божескими.

Вот фрагмент переписки Софьи Андреевны и Льва Николаевича 1987 года:

"Ты совершенно прав, говоря, что тебе важно уединение для работы, - пишет жена Толстого, - что тебе не долго, может быть, осталось жить, и ты дорожишь и временем своим и досугом своим, - весь мир, все человечество, которому ты служишь своим писательством, найдут, что ты совершенно прав. Но мне, как отдельной личности, как жене твоей, надо делать большие усилия, чтоб признать, что то, что немного лучше или хуже, меньше или больше написано статей, важнее моей личной жизни, моей любви к тебе. Мое желание жить с

тобою и находить в *этом* счастье, а не *вне* этого. Это я пишу тебе как рассуждение, а не как вызов".

Лев Николаевич отвечает:

"Во-первых, вопрос совсем не в том, что важнее; во-вторых, живу я здесь не потому, что будут немного лучше написаны какие-нибудь сочинения; в-третьих, присутствие мое в Москве, как ты очень хорошо знаешь, не может помешать ни Андрюше, ни Мише жить дурно, если они этого хотят... В-четвертых, если бы даже вопрос стоял так, что важнее: написать то, что я пишу и что я, по крайней мере, думаю, и надеюсь (иначе бы я не работал), будет читаться миллионами, а на миллионы может иметь доброе влияние, или жить в Москве без всякого дела, суетно, тревожно и нездорово – то и тогда всякий решит вопрос в пользу неезды в Москву".

Как видите, Софью Андреевну нельзя поставить в один ряд с великими женами великих мужей. И не об этом у нас речь.

Софье Андреевне не нужно было поддерживать мужа в безвестности, не было необходимости совершать подвиги верной сподвижницы, которые совершали другие жены: скажем, первой признать гений мужа, угадать его великое предназначение и своей верой помогать ему. Никогда, ни в какую пору жизни ей не нужно было быть его опорой и тем влиять на его литературную или общественную судьбу. Ей отведена домашняя роль, и она исправно исполняла ее. Ее муж, хотя и не сделал всего того в свой внутренней и внешней жизни, что мог и желал бы, но сумел высказать многое из того, что хотел высказать. И жена, создававшая ему условия жизни и творчества, не помешала и ему. А еще как могла бы! Даже во времена острых столкновений она все же была озабочена созданием и сохранением условий для его работы. Да и противостояние с ней было одной из сторон духовного труда Льва Николаевича. Всего этого могло и не быть, будь на ее месте другая, не столь доброкачественная женщина.

Ну и что до того, что ей, молодой жене, бывало скучно рядом с мужем зимой в Яснополянском доме, что ей тоскливо без развлечений светской жизни, что ей нужно общество? Если бы у ее мужа в конце 70-х годов не было духовного перелома, то есть если Лев Толстой не состоялся бы на века как фигура сверхчеловеческого масштаба, то Софья Андреевна оставила о себе самые светлые воспоминания.

Софья Андреевна понимала, конечно, что ее распрю с мужем будут обсуждать потомки. Ей казалось, что очернить мужа есть единственный способ избежать строгого приговора потомков над нею. Ей и в голову не могло войти, что этого не потребуется, что почитающая Толстого образованная публика будущего сама собою, по внутреннему побуждению займет ее сторону и осудит ее великого мужа.

А так, подумать только: действующая (а не бывшая, брошенная, отвергнутая) супруга гения, по горло обремененная домашними заботами, все же выбирала время для того, чтобы, находясь в соседней комнате и, быть может, слыша его знакомое дыхание, во всю силу старается публично разоблачить великого мужа перед всем миром! Она хорошо знала, что основная человеческая сила Толстого – его искренность, и сознательно была на разрушение ореола толстовкой искренности! И все это для того, чтобы загодя реабилитировать себя в глазах потомков.

Отвратительная (иначе не назовешь) «Моя жизнь» Софьи Андреевны создавалась не истеричной, а нравственно деградированной женой великого человека. К старости Софья Андреевна сделалась еще и гениальной притворщицей. Она притворялась истеричкой, и столь удачно, что почти все, в том числе и врачи-психиатры, признали ее болезнь и считали необходимым жалеть ее и сочувствовать ей (чего она, видимо, и добивалась). Сверхпроницательный Лев Николаевич с ужасом видел, как его жена притворяется перед всеми в том, что любит его – и именно это ее притворство любви к нему перед людьми

(притворство, о котором он говорил не раз) особенно тяготило его.³⁰² Любви нет, есть одна ревность, понимал Толстой:

"Это не любовь: любовь уважает, верит, желает блага, любит то, что любит любимый, забывает себя ради блага любимого. А когда не уважаешь, не веришь, не желаешь блага, не любишь, а ненавидишь то, что он любит, когда помнишь только про себя, то это не любовь, а ревность, требование любви к себе — чувство самое противоположное любви и очень близкое к ненависти, и часто переходящее в нее"(58.211-12).

Софья Андреевна пожелала притворяться не только перед мужем, но и перед всем миром, обманывая – грандиозная в своем роде попытка! - все человечество. Как ни странно, это ей в немалой мере удалось.

Конечно, Софья Андреевна не всегда была такой, какой она стала под конец жизни. Диагноз того, что случилось с ней, поставил сам Толстой:

"Человек добрый, если только он не признает своих ошибок и старается оправдывать себя, может сделаться извергом"(53.218).

И еще, близко к той же теме:

"Есть добрые люди, которые до такой степени лишены духовной жизни и вследствие этого - понимания духовной жизни в других, что они были бы в отчаянии, если бы сознали себя виновниками телесного страдания других, особенно близких людей, но которые с совершенно спокойной совестью наносят самые тяжелые страдания духовной стороне жизни других людей: ставят их в необходимость тяжелой борьбы, оскорбляют самое святое, дорогое им»(57.159).³⁰³

«Говорят: она не в силах понять, – недоумевал Лев Толстой. - А если она не в силах понять, то зачем же она не слушается. А то хочет, не понимая жизни и зная, что жизнь эта осуждается, руководить ею»(53.34).³⁰⁴

Софья Андреевна, как подметил Вересаев, с головы до пят являла жену великого человека. Всем существом своим она с

молодости сжилась с этой ролью, в совершенстве исполняла ее и общество признало ее в этой роли. Она царила рядом с Толстым как совладелица его общечеловеческой славы и его совершенства.

Любила ли она своего «Лёвочку»? Любила, как могла. Но более любила свою роль жены великого человека. Отсюда, от этой своей роли, её властность, категоричность, самоуверенность, её патологическая ревность и истеричность. Амплуа любимой и любящей жены Толстого предполагало демонстрацию великих чувств к великому мужу, полного единения с ним и вместе с тем некоторой, желательной величавой, независимости от него. Она ровня ему. И такой же великий человек; в таком качестве она должна быть самовластной и, значит, в чем-то противостоять ему. Иначе она только обслуживающая мужа жена, его жена и только.

Современная эмансипированная женщина потому еще так горюет за Софью Андреевну, что она смогла успешно противостоять мужчине, и мужчине огромной силы духа, таланта и энергии. Софья Андреевна продемонстрировала равнодостоинство мужчине, супругой которого она по воле случая оказалась, и при этом выставила себя его женской жертвой.

Мы уже отмечали (см. главу 3), что Толстой в разных вариациях определял внутреннее достоинство человека по своего рода дроби. По одному из вариантов в знаменателе надо выставлять то, как человек сам мнит о себе, а в числителе – кто он есть на самом деле. В многолетнем общении с Толстым Софья Андреевна росла и выросла в числителе. Но совместная жизнь с великим человеком и всеобщее внимание к ее скромной персоне сделали то, что жена Толстого, все более и более отождествляла себя и свое положение в мире людей с великим мужем и его положением. Ее «знаменатель» непомерно рос, понижая достоинство ее души. На фотографиях Софьи Андреевны начала 80-х годов мы видим не очаровательную зрелую женщину, а самовластную домашнюю императрицу. В активном противостоянии с Львом Толстым у Софьи Андреевны при скромном числителе неправоммерно вырос знаменатель (т.е.

самолюбие), и в итоге она превратилась в агрессивно-истеричную женщину.

Беда Толстого, его жены (да и всех нас) в том, что Софья Андреевна видела себя в роли жены величайшего писателя, а не человека, носящего и взрастившего в себе эденское существо вселенского достоинства. Она – жена его Гения. Он же хотел, чтобы она была спутником его высшей духовной жизни. Но быть спутевой женщиной – кого бы то ни было – она не могла и не знала, что значит быть ею. В этом драма супружеской любви Льва Толстого.

9.(51)

Мы уже говорили, что всем заповедям «В чем моя вера?» Толстой придает силу обязательных для исполнения правил и установлений, силу закона.³⁰⁵ Теперь подчеркнем, что такое восприятие заповедей не недоразумение, связанное с первичным просветлением истины, как об этом впоследствии говорил сам Толстой, оно свойственно общедуховной жизни и необходимо для нее. Заповедь-закон противопоказана личной духовной жизни, жизни эденского существа, но действительна в общедуховной жизни, в жизни Сара.

В 50 лет, во второй критической точке Пути восхождения, Толстой выбрал направление развитие своей духовной жизни – к Сару Совести. Всякий Сар в Общей душе стремится поставить этнос (понимаемый как низшая, психофизиологическая составляющая Общей души) под надзор высшего (сторгического) пласта Общей души. Сар Совести же норовит лишить низшую составляющую ее значения в Общей душе. Это-

то его стремление предельно ярко выражено в «В чем моя вера?»».

Символ Веры Толстого, возвещенный в последних главах «В чем моя вера?», это символ Веры общедуховного Сара Совести. Голос Сара Совести во «В чем моя вера?» так громко заявляет о себе, что его нельзя не расслышать - он обладает гипнотической силой. Но люди не готовы узнать и слушать его. Звучание этого голоса до сих пор вызывает ненависть или раздражение, прикрываемое философским или каким-либо другим разговорным интересом.

В процессе работы над «В чем моя вера» (1883 год) Толстой не только вплотную подвинул, но и совместил свое эденское существо с Саром Совести, и затем, в начале 1884 года, сам прошел духовное рождение. Духовное рождение есть вроде бы основное событие личной духовной жизни. Однако Толстой после духовного рождения и в результате его стремился в наиполнейшей степени включиться в всеобщедуховную жизнь. Он выпестовал в себе нового Сара Власти и ему нужно включить его туда, где он бы был на своем месте и работал. Только теперь, на духовном пути жизни, когда назначающая воля его эденского существа получила власть над его исполняющей волей, Толстой был в состоянии осуществить предназначенное ему дело: устремить и установить в духовной реальности свое эденское существо в качестве нового Сара Власти - Сара Совести.

Лев Толстой выносил в себе всечеловеческого Сара Совести, непосредственно предназначенного для русской Общей души, но не внедрил его в нее. Почему же? Не смог? Возвращенный в душе отдельного человека Сар, собственно говоря, есть в действительности, он вошел в существование, и ему, казалось бы, некуда деваться, как только занять свое место в общедуховности. Особенно если сама Общая душа ждет его и делает движения навстречу. Но оказывается, что внедриться новому Сару в Общую душу совсем не просто, что он может как

попасть из личнoдуховной сферы отдельной души в общедуховную сферу, так и не попасть в нее. Для такого перехода есть две возможности.

Становление эденского существа новым Саром Общей души это сложный и нелегкий процесс, который лишь подготавливается на естественном пути жизни и по сути начинается только после духовного рождения. Для внедрения нового Сара нужна и личная жертва, и личная святость. Льву Николаевичу предстояло много испытать, принести не одну жертву, пройти долгий и долгий путь, о котором люди могут знать только тогда, когда он пройден на их глазах. Несомненно, однако, что путь этот был связан с установлением определенного образа жизни, соответствующего Сару Совести.

Уже на пороге духовного рождения барская жизнь стала тяготить Толстого. Все дальнейшие годы жизни Лев Николаевич неизменно желал уйти и «жить на земле» - природной народной жизнью, какой живут люди из народа. Но образ жизни, соответствующий Сару Совести, не натуральный, а общедуховный. Для Толстого это образ жизни бродяги, странника, нищего.³⁰⁶ В первой неозаглавленной религиозной работе Льва Николаевича (конец 1879 года), где нет еще и намекa на непротивление, особо подчеркивается странничество Христа и отсутствие семьи. Христос «учит, - сказано там, - что надо бросить жену и детей и идти за ним, и сам не женится и не имеет семьи». В таком образе жизни Толстой видел непосредственное и наибольшее слияние себя с Общей душой русского народа. Поэтому-то он всегда так привлекал Льва Николаевича.

Когда Толстой стремился прочь от барской жизни к образу жизни простого народа, то им двигало не только то, что настоятельно требовало его учение опрощения, не только необходимость практического исполнения своего учения о жизни, но и, настоятельнее всего, потребность существования в глубинах общедушевной жизни сообразно своей Вере, Вере Сара

Совести. Он сознавал необходимость уйти *в* народ – в самом непосредственном смысле слова.

Как носитель Сара Совести Толстой полагал, что час Царства Божьего вот-вот пробьет и ему надо уметь подвигать людей к нему.³⁰⁷ «Я грущу, что дело не растет. Это все равно, что грустить о том, что посеянное не всходит сейчас же, что зерен не видно. Правда, что поливки нету. Поливка была бы — дела твердые, ясные, во имя учения. Их нет, потому что не хочет еще Бог».

Только делами Истины одного человека, учил Толстой, может передаваться истина другому человеку. Мало возвещать истину Совести, надо свидетельствовать о ней делами Истины и Совести — заражать людей своей духовной страстностью, возбуждать в них душевную энергию примером исполнения истины-совести на деле, в своей жизни. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16) – таков девиз Толстого того времени.

По всеобщему уважению, нравственному авторитету и славе гениального человека никто не мог лучше Толстого исполнить это дело. Оно поручено ему, и он обязан приступить к исполнению своего назначения. Так думал Лев Николаевич. «Я верю, - пишет он в своем «символе веры», - что я - Ниневия по отношению к другим Ионам, от которых я узнал и узнаю истину, но что и я Иона по отношению к другим ниневитянам, которым я должен передать истину. Я верю, что единственный смысл моей жизни - в том, чтобы жить в том свете, который есть во мне, и ставить его не под спуд, но высоко перед людьми, так, чтоб люди видели его» (23, 461-462).

Первая возможность внедрения своего эденского существа Саром Совести в Общую душу в том, чтобы, оставив семью, с одним посохом уйти *в* народ и раствориться в нем. Это путь «Федора Кузмича», о котором мы говорили выше (см. гл. 40). Другая возможность внедрения Сара Совести в Общую душу

основывается на помощи сторгического существа, возникшего в сторгической свитости двух высших душ. Рано или поздно вновь возникшее сторгическое существо само собой переходит из личной духовности в общедуховность и обитает там. Сторгия нужна всякому человеку, чтобы оставить свое сторгическое существо либо в общедушевном пространстве жизни, либо в общечеловеческом пространстве сторгической жизненности. Сторгическое существо – естественный переносчик, возчик, средство передвижения из одной стороны духовной жизни в другую. Эденскому существу Толстого, вполне готовому стать Саром Совести в Русской Общей душе, необходим был такой возчик, посредством которого он мог естественным путем пересадить себя в Общую душу.

Конечно, в таком механизме внедрения есть узкое место – зависимость от своего сторгического ближнего. Но о каком реальном воздействии пророка на мир может идти речь, когда он не может сдвинуть с места свою собственную жену? «Вчера я лежал и молился, чтобы Бог ее обратил, – пишет Толстой 17 мая 1884 года в Дневнике. - И я подумал, что это за нелепость. Я лежу и молчу подле нее, а Бог должен за меня с нею разговаривать. Если я не умею поворотить ее, куда мне нужно, то кто же сумеет?»

Включение столь властительного, как у Толстого, эденского существа в Общую душу могло дать начало нового направления общедуховного развития, развития на новой ступени Общей души. Это упущено. Упущено в значительной мере потому, что вмешалась жена и не дела Толстому так делать «дела Истины», чтобы установить Сара Совести на предназначенное ему место в Общей душе. Роль Софьи Андреевны если и не во всечеловеческом, то в общедуховном процессе, воистину огромна. Как такое возможно?

Любой из нас легко признает то или иное влияние великого человека на жизнь и судьбу всей нации или человечества. Никто не может не признать и зависимость великого человека от его жены, с которой он же сам связал свою жизнь. Но сама мысль о зависимости общедуховной и, следовательно исторической судьбы огромного народа не от Екатерины Великой, а от рядовой женщины из толпы (как сама назвала себя Софья

Андреевна), представляется не только не достоверной, но и совершенно несуразной. В мысли этой поражает несоразмерность следствия (участь нации и ее Общей души) и ничтожность причины ее вызвавшей - оказывается вот от чего может зависеть Общая душа народа!

История, не менее, чем судьба отдельного человека, сплошь и рядом ломается от несчастных случаев в ней происходящих. Но людям кажется достоверным, что исторические ломки обуславливаются какими-то действующими в самой Истории фундаментальными причинами. Возможно это и так. Однако в духовной жизни как отдельной, так и Общей души, все зависит от неприметных, «чуть чуточных изменений» (как говорил Толстой), казалось бы, незначительных явлений или движений, приводящих к глобальным результатам. Как в личной, так и в общедушевной жизни многие и многие беды происходят от недооцененности значения сторгических изменений и самой сторгии в жизни людей. Надо понимать, что в общедуховной жизни важен не только Аввакум,³⁰⁸ но его жена.

Срыв задания на жизнь Толстого в известной мере законен, неизбежен при царящем в мире непонимании и соответствующем отношении к сторгическим делам жизни человеческой. Из-за вообще-то рядовой женщины не совершены дела всечеловеческого значения. Да и она вроде бы не сделала ничего особенно злого. Беда не в Софье Андреевне Толстой, урожденной Берс, а в том, что в результате сторгической катастрофы у духовно рожденного и устремленного в Общую душу эденского существа Толстого не было для этого средства передвижения. Сторгия, которая в общежитейском сознании представляется ничтожной для того, чтобы служить причиной глобальных процессов, есть на самом деле нечто такое, от чего зависит глубинные движения всечеловеческого духа. Понимал ли это Лев Толстой?

С самого начала Толстой указал жене на идеал женской любви – любви в семье, к мужу и детям. Софья Андреевна

приняла этот идеал и стала своей любовью служить этому идеалу. Муж всячески поддерживал ее в этом, всячески культивировал семейную сторгию и, казалось бы, был в полной гармонии со сторгическими и общесемейными устремлениями жены. Знал ли Толстой, что этого мало, по крайней мере для него? Или он исходил из минимальных требований, установленных из расчета на то, что жизнь в супружестве не должна мешать его духовной и творческой жизни?

Минимизация сторгических требований была одной из причин семейной драмы Льва Толстого. Расчет на то, что «этого достаточно» и большего не нужно, оказался губительным. И ему и ей казалось, что у каждого есть своя сфера жизни, и что ту и другую можно сочетать. Это - ошибка и, видимо, ошибка извечная.

На Пути восхождения Толстого не преминул наступить момент, когда эта роковая ошибка дала знать о себе. Толстой оказался без той поддержки, которую должна вручать путевому человеку супружеская сторгия. Жена не могла не то что разделить, но и понять его муки, ведущие к духовному рождению. Искусственно натянутая и потом перетянутая «струна» семейной сторгии «лопнула», и Толстой задним числом понял, что она, по сути дела, лопнула много лет назад. Он, Лев Толстой, один из самых искренних и проникательных людей в человечестве, в свое время скрыл это от себя. В результате семейный вес Софьи Андреевны непомерно увеличился, власть ее рядом с Толстым становилась все больше и больше и в конце концов образовалась противоестественная ситуация, когда жена стала деспотической хозяйкой в доме великого мужа. Толстой согласился и с этим. И очень удивился, когда ситуация взорвалась и оказалось, что все, в том числе и исполнение требований его духовной жизни, уже не под его контролем. Тыл духовной жизни, семейная сторгия, стал в противовес боевой духовной жизни. Старший сын Толстого Сергей Львович точно заметил, что его родителям нужно было развестись сразу же

после духовного перелома отца и не мучить друг друга еще три десятилетия.

Создавая принудительную сторгию, Лев Николаевич рисковал, искусственно натягивая струну сторгической взаиможизни. Когда струна лопнула, он стал перетягивать ее, видимо, ожидая, что теперь она будет держаться прочно.³⁰⁹ Следует ли поражаться тому, что струна эта в конце концов превратилась в цепь, которой Лев Николаевич, по его же словам, приковал себя к жене. На месте, где должна быть сторгическая свитость, Лев Николаевич и Софья Андреевна образовали кандалы, которыми приковали себя друг к другу. При этом их сторгическая связь могла существовать только на психофизиологических подпорках, что не давало возможности развития сторгическому существу. Когда сторгический рост прекратился оно застыло если и не в младенческом, то детском возрасте и должно было погибнуть. Но даже если не погибло бы, то вряд ли смогло исполнить работу возчика Сара. В метафизическом смысле супружеская сторгия Толстых оказалось бесплодной. Это бесплодие и составляет драму совместной жизни Софьи Андреевны и Льва Николаевича, а в конечном счете русской Общей души.

Драма жизни и любви Льва Николаевича в том, что он вроде бы в холостую родил в себе Сара Совести, которого он попытался внедрить в Общую душу способом, который из-за ошибки супружеской жизни от него уже не зависел.

Драма жизни и любви Софьи Андреевны в том, что, будучи супругой Льва Толстого, она не могла не чувствовать, пусть и смутно, какую-то огромную метафизическую ответственность, пусть и случайно свалившуюся на нее, ответственность, которой она не в состоянии была соответствовать.

Драма русской Общей души в том, что она желала и ждала Сара Совести, призывала его к себе, в некотором смысле родила его в недрах своих, но не смогла принять и установить его на властное место в себе.

Достоинство собственно женской жизни определяется по тому, сделала ли она счастливым кого-нибудь. Если никому она так и не принесла счастье, то, будь она замечательным художником или ученым, жизнь ее не удалась, а то и прошла вхолостую.

В последние годы счастливой семейной жизни Софья Андреевна была "проста, умна, искренна и сердечна", как сказала, познакомившись с ней в 1877 году, А.А.Толстая. И еще – она талантлива, деятельно добра, трудолюбива, любит мужа и верна ему, ведет хозяйство, рождает и рождает детей, выкармливает и воспитывает их, а бывает, и хоронит... Надо полагать, что ко времени духовного перелома Лев Николаевич был совершенно удовлетворен своей женою. Ему нужна была именно такая Софья Андреевна, какой она стала в конце 70-х годов – самостоятельная, властно-ответственная, энергичная, способная взять на себя и отдавать столько, сколько нужно семье и мужу. Она вполне обеспечивала великому мужу тот образ жизни, который ему необходим. Хотя совершенно не понимала его состояние: «Я одного желаю, - писала она 7 ноября 1879 года сестре, - чтоб уж он поскорее это (религиозные работы. – И.М.) кончил и чтоб прошло это, как болезнь».

Софья Андреевна была склонна прикладывать мирские мерки для объяснения проявлений (или последствий) духовной жизни Льва Николаевича. Например, в 1871 году, в арзамасской гостинице Толстой впервые испытал темное духовное потрясение, которое потом не раз повторялось, было названо читателями «Записок сумасшедшего» «арзамасским ужасом», а в переписке мужа и жены называлось «тоскою». Об этой «смертной тоске» Толстой писал жене еще с дороги и по приезде делился с ней. Софья Андреевна посочувствовала мужу, даже испугалась, искала причину напасти и нашла: такое действие на Толстого оказало, на ее взгляд, активное изучение им мертвого

древнегреческого языка. О своих выводах она сообщила мужу, и тот – что показательно - не расстроился оттого, что его 27-летняя жена после десятилетия жизни бок о бок с ним столь дурно понимает напряженные процессы его духовной жизни, не стал требовать от нее невозможного, счел ее соображения в порядке вещей и отшутился. Другой пример. Когда в конце 70-х годов Лев Толстой переживал острейший духовный кризис, жена его всерьез полагала, что причина тому отчасти переутомление, а более всего тот замкнутый образ жизни, который он вел последнее время и от которого, добавим от себя, прежде всего страдала она сама.

В противовес Маше «Семейного счастья», Софья Андреевна не вникала в духовную жизнь мужа, но первые 20 лет супружества вполне сочувствовала, а потом не сочувствовала ему.

Когда у Толстого стали рушиться прежние установки жизни, Софья Андреевна ничего не понимала в происходящем. Не понимала даже нависшей для ее супружеской жизни угрозы. Но и Толстой, что удивительно, не предвидел реакцию жены, которая, как ему казалось, пойдет за ним туда, куда он поведет ее.

"Перелом в мировоззрении Толстого произвел самое сильное, какое только можно себе представить, воздействие на его отношения с женой, - констатировал Н.Н. Гусев. - С.А. не могла не видеть перемены в характере мужа и сначала не могла не радоваться этой перемене". 26 декабря 1877 года она записывает в дневнике: "Характер Л.Н. тоже все более и более изменяется. Хотя всегда скромный и мало требовательный во всех своих привычках, теперь он делается еще скромнее, кротче и терпеливее. И эта вечная, с молодости еще начавшаяся борьба, имеющая целью нравственное усовершенствование, увенчивается полным успехом".

18 июня 1877 года Толстой писал жене: "Что бы ни случилось независящего от нас, я никогда, ни даже в мыслях, ни себя, ни тебя упрекать не буду. Во всем буде Воля Божья, кроме наших дурных или хороших поступков. Ты не сердись, как ты иногда досадуешь при моем упоминании о Боге. Я не могу этого не сказать, потому что это самая основа моей мысли".

Подготавливая незадолго до смерти, в 1919 году, новое издание писем к ней Льва Николаевича, Софья Андреевна к данному письму сделала примечание: "Досадовала я за упоминание о Боге потому, что этим отстранялась всякая житейская забота". Ослабление интереса Толстого к хозяйским делам (ее сфера деятельности) Софья Андреевна приписывала перемене мирозерцания мужа и сердилась на него за это. Не сочувствовала Софья Андреевна и многим другим переменам в его жизни, вызванным его новым жизнепониманием. Она активно не желала «переменять жизнь», то есть отказываться от того, что она выработала в результате всей предыдущей жизни. Но при этом в лучшие минуты понимала, что к чему.

«Левочка очень спокоен, работает, пишет какие-то статьи; иногда прорываются у него речи против городской и вообще *барской* жизни, – пишет она сестре в то время, когда Толстой работал над «В чем моя вера?». - Мне это больно бывает, но я знаю, что он иначе не может. Он человек передовой, идет впереди толпы и указывает путь, по которому должны идти люди. Я *толпа*, живу с течением толпы, вместе с толпой вижу свет фонаря, который несет всякий передовой человек и Левочка, конечно, тоже, и признаю, что это *свет*, но не могу идти скорее, меня давит и толпа, и среда, и мои привычки. Я так и вижу, как ты смеешься моим *в высшей степени* словам, как дети говорят, но это тебе немножко уяснит, как мы относимся друг к другу».

И тогда же в Дневнике:

«Пишет Левочка все еще в духе христианства, и эта работа нескончаемая, потому что не может быть напечатана. И *это* нужно, и *это* воля Божья, и, может быть, для великих целей». ³¹⁰

Но вопросы семейной жизни уже решались Толстым совсем не в той плоскости, в которой они были поставлены автором «Анны Карениной». Высшее благо человека "зависит не от его семейных отношений, а от жизни духа"(24.419), решил Толстой в «Соединении и переводе четырех Евангелий» и теоретически исключил супружескую взаиможизнь из жизни истинной. Во всяком случае, супружество для Толстого уже не "главное дело жизни", оно выведено на обочину и стало делом житейским, необходимым лишь для того, чтобы мужчина и женщина, как всякие природные существа, могли жить в паре и иметь детей. Супружество нерушимо по прагматическим соображениям: разведенные супруги накаляют сексуальную атмосферу в обществе, порождают прелюбодеяния и, следовательно, всевозможные раздоры в мире. По такому воззрению у Софьи Андреевны нет достойного места в душе и жизни мужа.

И все же надо помнить, что Лев Николаевич, как сказала Софья Андреевна, «сделал» свою жену – сделал счастливой, даровал ей редкостное земное счастье. Следуя ему, она два десятилетия была счастлива сама и приносила счастье ему. Но потом, когда он сменил установку жизни, пришел ее черед давать то счастье, вернее, благо, которое ему так стало необходимо теперь. Но она отказала ему, напротив, стала причиной его несчастья.

Можно понять, как трудно было Софье Андреевне, которой на все хватало воли, но в конце концов не достало веры. Если мы, бывало, упрекали её, то не за то, что душа её религиозно не выдержала могучую душу Льва Толстого, а за то, что, не выдержав, она пошла в бой против него. Срыв веры внешне выражается чаще всего в том, что женщина - открыто или скрытно - становится в оппозицию к руководящему началу мужчины, так или иначе отказывается от руководства его

разума в себе. Сторгическая связь при этом может сохраниться или не сохраниться, но об усилении сторгического роста и о благе Сопутства не может быть и речи. Самость подстерегает женскую душу при любой задержке ее сторгического роста, без которой не обходится ни одна супружеская жизнь. Подстерегла она и Софью Андреевну.

Прошло два десятилетия семейной жизни, и Льву Николаевичу стало нужно другое, он избрал совершенно иной путь жизни, по которому жена последовать за ним не могла. И вновь: "не она". И опять надо сделать ее такой женой, которая ему нужна теперь. Он попробовал переделать ее, но ничего не вышло и не могло выйти.

Конфликт между супругами принял бескомпромиссные формы, когда остро встал вопрос о собственности. Толстой не предлагал своей жене взять котомку и идти бродяжничать вместе с ним. Он предлагал жить с малыми детьми в Ясной, себе «оставить пока доход от 2-х до 3-х тысяч» рублей. «Прислуги держать только столько, сколько нужно, чтобы помочь нам переделать и научить нас и то на время, приучаясь обходиться без них. Жить всем вместе: мужчинам в одной, женщинам и девочкам в другой комнате. Комната, чтоб была библиотека для умственных занятий, и комната рабочая, общая. По баловству нашему и комната отдельная для слабых». «Жизнь, пища, одежда все самое простое». «Взрослым (детям – И.М.) троим предоставить на волю: брать себе от бедных следующую часть Самарских или Никольских денег, или, живя там, содействовать тому, чтобы деньги эти шли на добро или, живя с нами, помогать нам». «Цель одна - счастье, свое и семьи - зная, что счастье это в том, чтобы довольствоваться малым и делать добро другим».

Сам по себе конфликт этот свидетельствует не о неразрешимости его в кругу семьи, а о внутренней несовместимости супругов, о глубинном и неустранимом, хотя и глубоко сокрытом, противостоянии этих, сошедшихся вместе душ. Если бы было не так, то взаимоприемлемое решение в вопросе собственности непременно нашлось, как оно нашлось через несколько лет. Но не Льву Толстому же было искать его! Это могла и должна была сделать его жена. Во всяком случае, ничто не мешало обсуждать проблему и искать совместное решение. Но как раз такое обсуждение между супругами не состоялось. Софья Андреевна и не думала искать приемлемое для мужа решение, а так

ошеломилась, что сочла стремления мужа "безумством", не пожелала серьезно рассуждать об их реализации и ополчилась на него. Разумеется, это произвело на Толстого то впечатление, которое должно было произвести. Наступил 1884 год.

В конце мая 1884 года Толстой решает, что «надо любить, а не сердиться, надо ее заставить любить себя. Так и сделаю». Толстой понимает причину своего трудного положения в жизни. Вот как в контекст всей записи звучат приведенные выше слова о лопнувшей струне: «Я ужасно плох... Мучительная борьба. И я не владею собой. Ищу причин: табак, невоздержание, отсутствие работы воображения. Всё пустяки. Причина одна — отсутствие любимой и любящей жены. Началось с той поры, 14 лет, как лопнула струна и я сознал свое одиночество. Это всё не резон. Надо найти жену в ней же. И должно, и можно, и я найду». Он верит в то, что «родись духом одна из наших женщин — Соня или Таня, что бы это была за сила. Это вспыхнул бы огонь, который теплился».

И в то же время он уже знает тщетность своих попыток, чувствует крах и оттого желает смерти. В 1884 году Толстой хотел смерти совсем не так, как раньше (когда он страшился смерти при жизни), и не так, как в последние годы жизни (когда смерть для него означала переход в состояние жизни Бога), а как освобождение от невыносимых духовных мучений, вызванных несчастными обстоятельствами, в которые он был поставлен в жизни.

«Во сне видел, что жена меня любит. Как мне легко, ясно всё стало! Ничего похожего наяву. И это-то губит всю жизнь. И не пытаюсь писать. Хорошо умереть».

«Господи, избави меня от этой ненавистной жизни, придавливающей и губящей меня. Одно хорошо, что мне хочется умереть. Лучше умереть, чем так жить».

«Мне тяжело. Я ничтожное, жалкое, ненужное существо и еще занятое собой. Одно хорошо, что я хочу умереть»

15 мая он случайно находит какое-то письмо жены.

«Бедная, как она ненавидит меня. - Господи, помоги мне. Крест бы, так крест, чтобы давил, раздавил меня. А это дерганье души — ужасно не только тяжело, больно, но трудно. Помоги же мне!»
 Отчуждение с женой все растет. «И она не видит и не *хочет* видеть». В начале июня Толстой спрашивает себя: «И в самом деле, на что я им нужен? На что все мои мучения? И как бы ни были тяжелы (да они легки) условия бродяги, там не может быть ничего, подобного этой боли сердца». «Только бы мне быть уверенным в себе, а я не могу продолжать эту дикую жизнь. Даже для них это будет польза. Они одумаются, если у них есть что-нибудь похожее на сердце». В конце июня: «Стараюсь сделать, как бы я сделал перед Богом, и не могу избежать злобы. Это должно кончиться». «Убедить никого нельзя, но я долблю, безнадежно, но долблю... Вечером тоже. Попытки разговора с Соней, ужасно мучительные».

Вечером 17 июня он с котомкой за плечами уходит из Ясной Поляны, дабы по долгу пророка поставить свой свет «высоко перед людьми, так, чтобы люди видели его». Произошло это 30 июня по новому стилю. Вот как сам Толстой рассказывает об этом дне.

«Пошел купаться. Вернулся бодрый, веселый, и вдруг начались со стороны жены бессмысленные упреки за лошадей, которых мне не нужно и от которых я только хочу избавиться. Я ничего не сказал, но мне стало ужасно тяжело. Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу... И пошел к себе, спать на диване; но не мог от горя. Ах как тяжело! Все-таки мне жалко ее. И все-таки не могу поверить тому, что она совсем деревянная. Только что заснул в 3-м часу, она пришла, разбудила меня: «Прости меня, я рожаю, может быть, умру». Пошли наверх. Начались роды, - то, что есть самого радостного, счастливого в семье, прошло как что-то ненужное и тяжелое... Если кто управляет делами нашей жизни, то мне хочется упрекнуть его. Это

слишком трудно и безжалостно. Безжалостно относительно ее. Я вижу, что она с усиливающейся быстротой идет к гибели и к страданиям душевным ужасным».

Лев Толстой понял, что ему нельзя уйти из дому.

«Я скован с другим человеком цепью, которую я сам сковал и которую считаю священной. Мне хочется пить, и я знаю, что тут под горой источник; но тот, с кем я скован, думает, что под горой пропасть, в которой мы оба погибнем. Что же мне делать? *Разорвать цепь? Не могу.* Я считаю эту связь не своим делом, а исполнением Воли Бога. Насильно тащить этого другого под гору? Не могу. Я знаю, что я этим не привлеку его, а оттолкну от источника, который нужен ему, как и мне. Что ж мне делать? Ничего. Т.е. не делать того, что противно моему разумению и Воле Бога. И будет то самое, что должно и нужно. Жажда, которая есть во мне, не уничтожится, а только увеличится. Сострадание к тому, кто лишает себя блага, точно так же и стремление мое останется тем же. Всегда, во всякую минуту, когда я, не разрывая связи и не причиняя боли, могу приблизиться к тому, в чем я вижу благо, я буду приближаться и приближать его».³¹¹

Весь июль – первый месяц жизни дочери Саши, Александры Львовны Толстой, всю свою жизнь посвятившей отцу – «разрыв с женою, уже нельзя сказать, что больше, но полный».³¹² 9 июля Софья Андреевна «начала истерическую сцену, — смысл тот, что ничего переменить нельзя, и она несчастна, и ей надо куда-то убежать. Мне было жалко ее; но вместе с тем я сознавал, что безнадежно. Она до моей смерти останется жерновом на шее моей и детей. Должно быть, так надо. Выучиться не тонуть с жерновом на шее. Но дети? Это, видно, должно быть. И мне больно только потому, что я близорук. Я успокоил, как больную».

24 июля Лев Николаевич решил обставить свой уход из дома иным образом, но жена поняла его замысел. «Объявил, что пойду в Киев. Ночью вошел наверх. Объяснение. Не понимаю,

как избавиться себя от страданий, а ее от погибели, в которую она со стремительностью летит». Прошли сутки. «Я не спал всю ночь. И ночью собрался уехать, уложился и пошел разбудить ее. Не знаю, что со мной было: желчь, похоть, нравственная измученность, но я страдал ужасно. Она встала, я всё ей высказал, высказал, что она перестала быть женой. Помощница мужу? Она уже давно не помогает, а мешает. Мать детей? Она не хочет ей быть. Кормилица? Она не хочет. Подруга ночей. И из этого она делает заманку и игрушку. Ужасно тяжело было, и я чувствовал, что праздно и слабо. Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную. Хотя ужасно жаль детей. Я всё больше и больше люблю и жалею их». И - вновь мотив смерти: «Желаю умереть, и когда физически плохо, и еще больше, когда в душе сумбур».

Однако вскоре семейная ситуация, хотя и ненадолго, разрядилась. «Сознание добра и мира мало, но вошло в семью». «Соня хороша...» «Говорил наверху с Ге. О том, что у нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного всё гладко... Дома дружно. Думал: мы упрекаем Бога, горюем, что встречаем препятствия в осуществлении учения Христа. — Ну, а что, если бы мы все были без семей несогласных. Мы бы сошлись и жили счастливо и тускло. Ну, а другие? Другие бы и не знали. Мы хотим собрать огонь в кучу, чтоб легче горел. Но Бог раскидал огонь в дровах. Они занимаются, а мы тоскуем, что они не горят». «С женой тихо и дружно, но боюсь всякую минуту». «Утром начали разговор и горячо, но хорошо. Я сказал, что должно... Пришел домой, Соня помирилась. Как я был рад. Именно, если бы она взялась быть хорошей, она была бы очень хороша». «Приятно, дружно с женой. Говорил ей истины неприятные, и она не сердилась»

Но уже в начале сентября: «Утром разговор и неожиданная злость. Потом сошла ко мне и пилила до тех пор, пока вывела из себя. Я ничего не сказал, не сделал, но мне было тяжело. Она убежала в истерике. Я бегал за ней. Измучен страшно». (49, 70-120).

Начиная с 1883 года (с публикации в Париже «Краткого изложения Евангелия») Толстой неоднократно говорил о своем желании пострадать за свою Веру. «Я очень, очень хотел бы, чтобы меня сослали куда-нибудь, или куда-нибудь засадили, очень хотел бы!»³¹³ Это нужно ему и как Жертва, и как Испытание, решил бы не только метафизические, но и семейные проблемы, которые перед ним стояли. Может быть Толстой, возвращаясь обратно домой в июле 84 года, надеялся на репрессии в ответ на свою антицерковную и антиправительственную деятельность. Тогда бы Софья Андреевна, скорее всего, подобно женам декабристов и

духоборов, пошла за ним. Но Александр III, не желая делать из него мученика, запретил трогать Толстого.

В первые же годы совместной жизни у Софьи Андреевны появилось двоякое чувство к мужу: острое чувство принадлежности его себе (и отсюда ее беспричинные приступы ревности) и чувство принадлежности себя ему. Первое чувство никогда не покидало Софью Андреевну, напротив, с годами усиливалась. Другое чувство угасало. И потому она более всего противилась тому, что он вместе с нею не живет ее жизнью, ушел куда-то, куда она последовать за ним не может. Эту свою драму жизни она навязала мужу в качестве его – Льва Толстого! - драмы жизни, его «креста своего», на котором он страдал последние 30 лет жизни.

В каждой человеческой жизни есть «крест свой» и степень совершенства человека во многом определяется тем, как он несет его. Толстой утверждал, что «крест свой» дается каждому по его силам.³¹⁴

По природе вещей великий человек для сторгических ближних – всегда «крест». И Лев Николаевич после духовного рождения должен был стать для Софьи Андреевны (если уж вышло так, что она не пошла за ним по жизни), ее «крестом своим». Но она не пожелала нести его и в конце концов стала такой, какой стала, какой и положено стать в таких случаях.

Что же до Толстого, то он воспринимал ее и всю семейную ситуацию свою в качестве «креста своего», который он сам звалил на себя и который нес вплоть до последних дней своей жизни. Человек толпы понимает тяжесть жизни Софьи Андреевны, но не способен сопереживать мукам Льва Николаевича, так как ему не бывает больно той болью, которой страдал Лев Толстой.

«Господи, помоги мне.³¹⁵ Научи меня, как нести этот крест... Главная особенность и новизна его та, что я поставлен в положение невольного, принужденного юродства, что я должен своею жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой

жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни. Должно быть, что я дрянь. Я не могу разорвать всех этих скверных паутинок, которые сковали меня. И не оттого, что нет сил, а оттого, что нравственно не могу, мне жалко тех пауков, которые ткали эти нити"(52.108 - 109).

"Кажется, что запутался, живу не так, как надо (это даже наверное знаю), и выпутаться не знаю как: и направо дурно, и налево дурно, и так оставаться дурно, – пишет Толстой Черткову 5 июля 1892 года. - Одно облегчение, когда подумаешь и почувствуешь, что это крест, и надо нести. В чем крест, трудно сказать – в своих слабостях и последствиях греха. И тяжело, тяжело иногда бывает"(87.154).

Толстой продолжал жить в семье потому, что уход из Ясной Поляны считал слабостью, самовольным снятием с себя «креста своего». Софья Андреевна же под конец жизни стала так черства и глуха, что постоянно упрекала его в непоследовательности и даже в лицемерии. Толстой молчал многие годы, но за месяц до смерти Толстой ответил ей и всем тем, кто уличал его в неискренности:

«Самый обыкновенный упрек людям, высказывающим свои убеждения, что они живут несогласно с ними и, что поэтому убеждения их неискренни. А если подумать серьезно, то поймешь совершенно обратное. Разве умный человек, высказывающий убеждения, с которым жизнь его не согласуется, может не видеть этого несогласия? Если же он все-таки высказывает убеждения, несогласные с его жизнью, то это показывает только то, что он так искренен, что не может не высказать то, что обличает его слабость и не делает того, что делает большинство – не подгоняет свои убеждения под свою слабость»(58.114).

Общеизвестно, что Толстой перед женитьбой имел неосторожность показать будущей жене свои дневники.

«Помню, как, уже будучи женихом, я показал ей свой дневник, из которого она могла узнать хотя немного мое прошлое, главное - про последнюю связь, которая была у меня и о которой она могла узнать от других и про которую я потому-то и чувствовал необходимость сказать ей. Помню ее ужас, отчаяние и растерянность, когда она узнала и поняла. Я видел, что она хотела бросить меня тогда».

Воспоминание это взято нами не из личных записей писателя и не из его писем, а из повести «Крейцера соната». Произведение это, написанное почти через два десятилетия после свадьбы, в некотором роде автобиографическое. Недаром Софья Андреевна в ответ на нее и в пику мужу написала свою автобиографическую повесть на ту же тему. Приведем еще цитаты из «Крейцеровой сонаты». Софья Андреевна хорошо помнила свои первые реакции на «физические проявления любви», как она говорила.

«Кажется, на третий или на четвертый день я застал жену скучною, стал спрашивать, о чем, стал обнимать ее, что, по моему, было все, чего она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чем? Она не умела сказать. Но ей было грустно, тяжело. Вероятно, ее измученные нервы подсказали ей истину о гадости наших сношений; но она не умела сказать».

И далее такой эпизод:

«Она сказала мне, что видит, что я не люблю ее. Я упрекнул ее в капризе, и вдруг лицо ее совсем изменилось, вместо грусти выразилось раздражение, и она самыми ядовитыми словами начала упрекать меня в эгоизме и жестокости. Я взглянул на нее. Все лицо ее выражало полнейшую холодность и враждебность, ненависть почти ко мне. Помню, как я ужаснулся, увидав это. “Как? что? - думал я. – Любовь - союз душ, и вместо этого вот что! Да не может быть,

да это не она!”³¹⁶... Впечатление этой первой ссоры было ужасно».

Позднышев, конечно, не Лев Толстой, но все равно Софье Андреевне было наверняка неприятно читать в повести мужа такие пассажи:

«Я называл ссорой то, что произошло между нами; но это была не ссора, а это было только вследствие прекращения чувственности обнаружившееся наше действительное отношение друг к другу. Я не понимал, что это холодное и враждебное отношение было нашим нормальным отношением, не понимал этого потому, что это враждебное отношение в первое время очень скоро опять закрылось от нас вновь поднявшеюся перегонной чувственностью, то есть влюблением».

Или такое:

«В глубине души я с первых же недель почувствовал, что я попался, что вышло не то, чего я ожидал, что женитьба не только не счастье, но нечто очень тяжелое, но я, как и все, не хотел признаться себе (я бы не признался себе и теперь, если бы не конец) и скрывал не только от других, но от себя».

О самой женитьбе:

«Ну, вот так я и жил до тридцати лет, ни на минуту не оставляя намерения жениться и устроить себе самую возвышенную, чистую семейную жизнь, и с этой целью приглядывался к подходящей для этой цели девушке,— продолжал он. — Я гваздался в гное разврата и вместе с тем разглядывал девушек, по своей чистоте достойных меня. Многих я забраковывал именно потому, что они были недостаточно чисты для меня; наконец я нашел такую, которую считал достойной себя. Это была одна из двух дочерей когда-то очень богатого, но разорившегося пензенского помещика».

«Мне показалось в этот вечер, что она понимает все, все, что я чувствую и думаю, а что чувствую я и думаю самые возвышенные вещи. В сущности же, было только то, что джерси было ей особенно к лицу, также и локоны, и что после

проведенного в близости с нею дня захотелось еще большей близости».

«Не будь, с одной стороны, катаний на лодках, не будь портних с галиями и т. п., а будь моя жена одета в нескладный капот и сиди она дома, а будь я, с другой стороны, в нормальных условиях человека, поглощающего пищи столько, сколько нужно для работы, и будь у меня спасительный клапан открыт,³¹⁷ - а то он случайно прикрылся как-то на это время, - я бы не влюбился, и ничего бы этого не было».

«...я женился не на деньгах — корысть была ни при чем, не так, как большинство моих знакомых женились из-за денег или связей,— я был богат, она бедна.³¹⁸ Это одно. Другое, чем я гордился, было то, что другие женились с намерением вперед продолжать жить в таком же многоженстве, в каком они жили до брака; я же имел твердое намерение держаться после свадьбы единобрачия...».³¹⁹

Впрочем, Софья Андреевна встретила в повести и то, что могла принять за слова самообличения и раскаяния.

«Как же не преступление, когда она, бедная, забеременела в первый же месяц, а наша свиная связь продолжалась? Вы думаете, что я отступаю от рассказа? Нисколько! Это я все рассказываю вам, как я убил жену. На суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. Дурачье! думают, что я убил ее тогда, ножом, пятого октября. Я не тогда убил ее, а гораздо раньше».

«И вот для женщины только два выхода: один — сделать из себя уroda, уничтожить или уничтожать в себе по мере надобности способность быть женщиной, то есть матерью, для того чтобы мужчина мог спокойно и постоянно наслаждаться; или другой выход, даже не выход, а простое, грубое, прямое нарушение законов природы, который совершается во всех так называемых честных семьях. А именно тот, что женщина, наперекор своей природе, должна быть одновременно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тем, до

чего не спускается ни одно животное. И сил не может хватить. И оттого в нашем быту истерики, нервы, а в народе - кликуши».

У Софьи Андреевны была знакомые по повести Толстого привычки раскачивать ногу или мерно стучать ногой о пол и вбирать в себя пищу губами. У жены Позднышева, как и у Софьи Андреевны, «в восемь лет родилось пять человек детей». В связи с этим такое признание мужа:

«Я только говорил про то, что она прекрасно сама кормила детей и что это ношение и кормление детей одно спасало меня от мук ревности. Если бы не это, все случилось бы раньше. Дети спасали меня и ее».

«Все», которое «случилось бы раньше», - это убийство жены мужем. История, о которой рассказывает Позднышев, началась с эпизода, о значении которого в жизни Толстого мы кое-что знаем.

«Прожили одну зиму, и в другую зиму случилось еще следующее никому не заметное, кажущееся ничтожным обстоятельство, но такое, которое и произвело все то, что произошло. Она была нездорова, и мерзавцы не велели ей рожать и научили средству. Мне это было отвратительно. Я боролся против этого, но она с легкомысленным упорством настояла на своем, и я покорился; последнее оправдание свиной жизни - дети - было отнято, и жизнь стала еще гаже».

Софья Андреевна, как мы помним, покорила мужу, героиня же повести Толстого «настояла на своем». И что вышло из этого?

«Так прожили мы еще два года. Средство мерзавцев, очевидно, начинало действовать; она физически раздобрела и похорошела, как последняя красота лета. Она чувствовала это и занималась собой. В ней сделалась какая-то вызывающая красота, беспокоящая людей. Она была во всей силе тридцатилетней нерожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Вид ее наводил беспокойство.³²⁰ Когда она проходила

между мужчинами, она притягивала к себе их взгляды. Она была как застоявшаяся, раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду. Узды не было никакой, как нет никакой у 0,99 наших женщин. И я чувствовал это, и мне было страшно».

«Она пополнела с тех пор, как перестала рожать, и болезнь эта - страдание вечное о детях - стало проходить; не то что проходить, но она как будто очнулась от пьянства, опомнилась и увидела, что есть целый мир Божий с его радостями, про который она забыла, но в котором она жить не умела, мир Божий, которого она совсем не понимала. “Как бы не пропустить! Уйдет время, не воротишь!” Так мне представляется, что она думала или скорее чувствовала, да и нельзя ей было думать и чувствовать иначе: ее воспитали в том, что есть в мире только одно достойное внимания - любовь. Она вышла замуж, получила кое-что из этой любви, но не только далеко не то, что обещалось, что ожидалось, но и много разочарований, страданий и тут же неожиданную муку - детей! Мука эта истомила ее. И вот благодаря услужливым докторам она узнала, что можно обойтись и без детей. Она обрадовалась, испытала это и ожила опять для одного того, что она знала, - для любви. Но любовь с огаженным и ревностью и всякой злостью мужем была уже не то. Ей стала представляться какая-то другая, чистенькая, новенькая любовь, по крайней мере, я так думал про нее. И вот она стала оглядываться, как будто ожидая чего-то. Я видел это и не мог не тревожиться».

В автобиографическом смысле «Крейцера соната» своего рода продолжение и «Семейного счастья», и «Анны Карениной». К смерти жены при родах и смерти ее под поездом еще добавилась смерть от руки ревнующего мужа. Повествуя «как я этой любовью самой был приведен к тому, что со мной было», к убийству жены, Позднышев нещадно обличает не ее, а себя и «свинство» своей женатой жизни. Несомненно, что Софья Андреевна охотно согласилась бы со многими из этих обличений. Что же тогда так возмутило ее? Возмутила ее не

«Крейцера соната» (о печатании которой она хлопотала аж на аудиенции у Государя), а Послесловие к повести мужа.

Не раньше и не позднее Толстой не объяснялся с читателем по поводу своих художественных сочинений. Предисловие к «Крейцеровой сонате» - совершенно самостоятельное сочинение, написанное в жанре проповеди и только соприкасающееся с художественным произведением, по поводу которого оно написано. Основная задача Послесловия – возвестить миру об одном из фундаментальных принципов личной духовной жизни³²¹ - принципе руководства идеалом. Мысль целомудрия тут, по сути дела, служебная. Но именно она сейчас нас интересует.

В 1886 году Толстой, как мы помним, говорил о женщине, как о «чернозем», предназначенном по воле Бога для служения человечеству рождением и выращиванием детей. Прошло два года. Толстой Черткову в марте 1888 года:

"Скопцы правы, когда они говорят, что сожитие с женой, если оно делается без духовной любви, только для похоти и потому не во время, что это блуд, но они не правы в том, что общение с женой для рождения детей и в духовной любви – грех. Это не грех, а воля Божья"(86.139).

А еще через полгода – совсем другое:

"Я думаю, что для блага человека ему, мужчине и женщине, должно стремиться к полной девственности и тогда выйдет с человеком то, что должно быть. Метить дальше цели, чтобы попасть в цель. Если же человек сознательно стремится, как это среди нас, к половому общению хотя бы в браке, то он неизбежно попадет в противузаконие, в разврат" (86.177).

В основной практической идее толстовского учения начала 80-х годов (времен «В чем моя вера?») было нечто одностороннее. "Жизнь истинная" по тогдашним его взглядам достигается преимущественно отрицательными усилиями - отречением от блага животной личности. Если сумеет достаточно уменьшить значение, которое придается своей

животной личности и всему, что связано с ней (на это и работают все пять заповедей Нагорной проповеди), то дело Божье делается почти само собой – и в личной, и в общей жизни. В общей жизни от проповеди Толстого ничего, вроде бы, не сдвинулось с места. И в самом себе Толстой не чувствовал удовлетворения. Что-то, по любимому слову Толстого, было "не то". Вскоре Толстой поймет, что Царство Божие берется столь же положительными, сколь и отрицательными усилиями. Но тем не менее во времена работы над последними редакциями "Крейцеровой сонаты" Толстой стал "метить дальше цели" и еще более усилил отрицание. Жертвой этой новой ступени отречения от блага личности и стали брачные отношения и сам брак.

Миновало еще полгода и в апреле 1889 года Толстой разъясняет 18-летней девушке (особая ответственность) в ответ на ее вопрос о браке:

"Безбрачие или семья сами по себе не могут влиять на человека. Может быть святое и греховное безбрачие, может быть святая или греховная семья. Девушке же всякой и Вам в особенности, как человеку, в котором начинается внутренняя духовная работа, советую как можно больше удаляться от всего того, что в нашем обществе поддерживает в девушке мысль о необходимости и желательности брака и располагает к нему: романы, музыка, праздная болтовня, танцы, игры, карты, даже наряды... Главное же, распространенное в свете понятие, что не выйти замуж, остаться в девках стыдно, так же и совершенно противоположно истине, как и все светские суждения о вопросах жизни. Безбрачная жизнь, наполненная делами добра, безбрачная потому, что дела, выполняющие эту жизнь, все выше брака (а такие дела все дела любви к ближнему, напоения чашей воды), в бесконечное число раз выше всякой семейной жизни. Мф.19;11: не все вмещают слово это, но кому дано... Всякой девушке и Вам советую поставить себе идеалом служение Богу, т.е. соблюдение и возвращение в себе искры Божьей, и потому

безбрачие, если брак мешает этому служению; если бы случилось, поддавшись себялюбивому чувству к одному человеку, выйти замуж, так не радоваться и не гордиться, как это обыкновенно бывает, своим положением жены и матери, а, не упуская из виду главной цели жизни - служения Богу, всеми силами стараться о том, чтобы исключительная и эгоистическая привязанность к семье не мешала бы служению Богу" (64.289).

Раньше Толстой, совмещая 2-ю и 3-ю заповеди Нагорной проповеди, делал все же упор на третьей - "не разводись", теперь же основной стала вторая – "не вожделяйся даже в мыслях". А отсюда и правило, по которому следует жениться на той, с которой мужчина был в первый раз, то есть поступать так, как поступил брат Дмитрий. "Если же хотеть жениться, то это хуже, чем падение, это отступление от идеала, образца, указанного Христом, принижение его. И последствия такого отступления ужасны.³²² Я это знаю по себе" (65.157).

Об этом самом – об отступлении от идеала целомудрия – и написано Послесловие к «Крейцеровой сонате».

Как, спрашивается, Софья Андреевна могла встретить такие выпады мужа? Мало того, что им решительно отрицалось достоинство брака даже по любви, то есть все их прошлое, да еще она, его жена, как-то приравнивалась к первой попавшей женщине.

Любящий её муж некогда говорил, что ей следовало продолжать носить и рожать, несмотря на смертельную опасность, которая ей угрожала. Свое решение Толстой обосновывал, надо полагать, и принципиальными соображениями о назначении женщины и естестве человеческой природы. Тогда Софья Андреевна поверила ему. Что же она почувствовала лет через 20, когда он, по сути дела, сам упразднил эти соображения и, следовательно, оправдания ее мук? Ведь одно из двух: либо ее обманули, и она прожила никчемную жизнь, либо то, что он проповедует теперь, - ложь.

Софья Андреевна поняла толстовскую мысль целомудрия лучше, чем многие знаменитые критики учения Толстого. В подтексте этих мыслей лежит мысль о назначении женщины. Раньше Толстой считал (и внушил это жене), что назначение женщины – рождение и воспитание детей. Этому соответствовала жизнь Софьи Андреевны. Идея целомудрия (а, значит, нерожания) меняет представление о назначении женщины. Если ее назначение не в рождении детей, то – в чем оно? Идея целомудрия – предвозвестник того, что женщина предназначена не для потомства, а либо, как и мужчина, для непосредственного служения Богу, либо для мужа (его и своей духовной жизни), а не для земной жизни детей. Это сразу осознала Софья Андреевна и встала на дыбы: всю жизнь рожал и рожал, нарожал 13 детей, а теперь отрекаешься от них ради себя. На Послесловие к «Крейцеровой сонате» Софья Андреевна и пишет разоблачительную повесть, в основу которой положены некоторые интимные подробности их супружеской жизни.

"Он убивает меня очень систематично и выживает из своей личной жизни, и это невыносимо больно, – пишет Софья Андреевна в ноябре 1890 года, то есть тогда же, когда Толстой писал Послесловие к «Крейцеровой сонате». - Бывает так, что в этой безучастной жизни на меня находит бешеное отчаяние. Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить кого-нибудь, - все, только не жить с человеком, которого, несмотря ни на что, всю жизнь за что-то я любила... Проходят дни, недели, месяцы – мы слова друг другу не скажем. По старой памяти я разбегусь со своими интересами, мыслями – о детях, о книге, о чем-нибудь – и вижу удивленный, суровый отпор, как будто он хочет сказать: "А ты еще надеешься и лезешь ко мне со своими глупостями?". Возможна ли еще эта жизнь вместе душой между нами? Или все убито? А, кажется, так бы и вошла по-прежнему к нему, перебрала бы его бумаги, дневники, все перечитала бы, обо всем пересудила бы, он бы мне помог жить; хотя бы только говорил не притворно, а во всю, как прежде, и то бы хорошо. А теперь, я,

невинная, ничем его не оскорбившая в жизни, любящая его, боюсь его страшно, как преступница. Боюсь того отпора, который больше всяких побоев и слов, молчаливого, безучастного, сурового и не любящего. Он не умел любить, и не привык смолоду"³²³.

В том же самом Лев Николаевич упрекает и Софью Андреевну:

"Как бы я счастлив был покориться Соне, да ведь это так же невозможно, как гусю влезть в свое яйцо. Надо бы ей, а она не хочет – нет разума, нет смирения и нет любви" (52.131).

Записная книжка мая 1893 года: "Вспоминал: что дал мне брак? Страшно сказать. Едва ли не всем то же". И в Дневнике: "Вспоминал: что дал мне брак? Ничего. А страданий бездна". Далее: "Как ужасна жизнь для себя, жизнь, не посвященная на служение Божьему делу! Ужасно, когда понял тщету и погибельность личной жизни и свое назначение служения. Эта жизнь не ужасна только для тех, кто не увидел еще пустоты личной, семейной жизни " (52.110).

Этот ужас перед "пустотой личной, семейной жизни" неизбежно предвещал полную катастрофу той «жизни вместе душой между нами», о которой горевала Софья Андреевна. И эта катастрофа должна была бы произойти в начале 90-х годов. Но в ту пору, в начале 1894 года, когда Толстой писал в Дневнике о «пустоте» семейной жизни, этой пустоты в ней уже не было.

12.(54)

Утром 31 марта 1888 года сорокачетырехлетняя Софья Андреевна родила Льву Николаевичу последнего отпрыска – сына Ванечку.

Роды длились два часа. «Два часа эти я неистово кричала почти бессознательно, - пишет она сестре через 10 дней. –

Никогда я так не безумела от страданий. Левочка и няня рыдали оба – они только и были при мне, но потом всё пошло отлично, и я уже теперь поправилась. Родился мальчик без четверти девять. Левочка взял его на руки и поцеловал; чудо, еще невиданное доселе! – и рад, что мальчик, и относится к нему как-то особенно ревниво и заботливо».³²⁴

Высшая душа в человеке (по твердому убеждению Льва Толстого) не связана с зачатием человека и его плотским рождением. По наследству и воспитанием отец может передать сыну свои таланты, сообщить ему чувство жизни своей высшей души, но не свой духовный образ, не свой Свет. Такое дается не человеком человеку, получаемо не от людей и решается не ими.

Уже к пяти годам стало ясно, что Ванечка Толстой не просто особой духовной высоты и чистоты ребенок³²⁵, но что он наследник духовного образа Льва Толстого на этой земле,³²⁶ что произошло чудо, что Бог через Ванечку послал Льву Николаевичу еще одну навигацию земной жизни. Это видели все. Свое особенное глубинное сходство с отцом отчетливо сознавал даже сам Ванечка.

Лев Николаевич знал, кто пришел, когда взял только что родившегося младенца на руки, поцеловал его и с первых же дней его жизни относился к нему «как-то особенно ревниво и заботливо». Из приведенной чуть ниже цитаты видно, что он просил Бога о даровании ему такого сына. После Лев Николаевич признавался жене, что он "мечтал, что Ванечка будет продолжать после меня дело Божье!".³²⁷ Иван Толстой должен был стать достойным преемником и продолжателем миссии Льва Толстого. Быть может, и восполнить упущенное отцом – стать Саром Совесть. Просто так, по игре случая, такого не бывает.

Невероятное в человечестве явление: в семье великого человека в след ему рос еще один великий человек. Софья Андреевна родила мужу второго Толстого, наследника его великого духа. Пусть деторождение не главное и вообще

незначительное дело, не имеющее высшей ценности, как говорит он. Но рождение и воспитание Ванечки – все окупает, все обеспечивает смыслом: и разнообразные муки Софьи Андреевны, и никчемность других сынов ее (на которых «природа решила отдохнуть», по ее словам), и все ее заботы и тревоги, и вообще всю ее жизнь. Она подарила миру Ванечку! Это ее заслуга. Она его мать. Она, как ни смотри, выполнила великое предназначение. Это ставило ее вровень с Толстым.

Софья Андреевна Толстая через 26 лет после замужества оказалась рядом с мужем и вместе с ним с самой неожиданной стороны. Она подарила ему и миру то, что только может дать великая жена великому мужу, то, о чем он и мечтать не мог.

Ванечка со всех сторон оправдывал и наполнял высшим смыслом жизнь Софьи Андреевны. Даже с точки зрения ее мужа.³²⁸ Проповедь – проповедью, а дарованный свыше через нее наследник его духа – совсем другое, одновременно личное и всемирное дело. Теперь, чтобы там ни было, как ни расценивай ее жизнь, ее отношение к мужу и ее борьбу против него, ее женское, материнское величие с рождением Ванечки уже никому и никогда нельзя поколебать. Она с лихвой выполнила свою женскую миссию спутника жизни Льва Толстого. Все остальное – уже не в счет. Ванечка значил для нее все. Он – ее защита, ее величие, ее неприкосновенность. Не мог это не понимать и Толстой. И это заново приковывало («зашнуровывало», как он говорил) его к жене.

Ванечка скрепил души своих родителей как раз тогда, когда сторгическая связь между ними ослабла окончательно, и, казалось бы, невозвратно. Вот две выписка из Дневника Толстого. Запись от 19 декабря 1891 года; Ванечке через три с половиной месяца будет четыре года:

«Был в Москве. Радость отношения с Соней. Никогда не были так сердечны. Благодарю Тебя, Отец. Я просил об этом. Все, все, о чем я просил, дано мне. Благодарю Тебя. Дай мне ближе сливаться с волей Твоею. Ничего не хочу, кроме того, что

Ты хочешь. Здесь работа идет большая. Загорается и в других местах России. Хороших людей много. Благодарю Тебя»(52.59).³²⁹

Запись в Дневнике от 15 мая 1894 года; Ванечке идет седьмой год:

«Целую неделю и больше нездоров. Началось это, мне кажется, с того дня, как меня расстроила печальная выходка Сони о Черткове.³³⁰ Все это понятно, но было очень тяжело. Тем более что я отвык от этого и так радовался восстановившемуся, даже вновь установившемуся доброму, твердому, любовному чувству к ней. Я боялся, что оно разрушится. Но нет, оно прошло, и то же чувство восстановилось»(52.117).

Слава Богу, что то, что я скажу сейчас, уже не дойдет до слуха Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Всякий читатель "Анны Карениной" ощущает, что, несмотря на "Мне отмщение", несмотря на правомерность и законность кары Божьей за разрушение супружеской сторгии, Толстой любил свою героиню, и сам глубоко сочувствовал ей. В темном прозрении "Анны Карениной" и в самой смерти Анны для автора есть нечто личное и пророческое. Это знала Софья Андреевна:

"И если спасение человека, спасение его духовной *жизни* состоит в том, чтобы *убить* жизнь ближнего, то Левочка спасся. Но не погибель ли это двум?"³³¹ (запись 11 декабря 1890 года). Мудрая, конечно, мысль. Но Софья Андреевна и думать не думала, кто эти двое, которые так должны пострадать.

5 января 1895 года Ванечка заболел, но быстро выздоровел. «Левочка говорил, что он часто, глядя на то, как поправляется Ванечка, захлебывается от счастья» - сообщает Софья Андреевна своему постоянному адресату, сестре Татьяне Андреевне. Через полтора месяца Ванечка «пошел гулять с Сашей, - пишет Софья Андреевна в том же письме,³³² - очень вспотел, но отлично обедал. Вечером Маша им читала вслух переделанный Верой Толстой рассказ Диккенса «Большие

ожидания»... Когда Ванечка пришел со мной прощаться, я спросила его о чтении. Он ужасно глядел и говорит: «Не говори, мама, так все грустно ужас! Эстела вышла замуж не за Пипа!» Я его хотела развеселить, но вижу лицо у него ужасное... Я положила градусник – 38 и 5. Ночью он очень горел, но спал. Утром послали за доктором, он сейчас же сказал, что скарлатина. Уже жар был больше 40 гр.... К вечеру стало гораздо хуже. Ночью, в три часа, он опомнился, посмотрел на меня и говорит: «Извини, милая мама, что тебя разбудили». Я говорю: я выспалась, милый, мы по очереди сидим. – «А теперь чей будет черед, Танин?» - Нет, Машин, - я говорю. – «Позови Машу, иди спать». И начал меня целовать так крепко, нежно, вытягивая свои сухие губки, и прижимался ко мне. Я спросила его, что болит. Он говорит: «Ничего не болит» - Что же, тоска? – «Да, тоска». После этого он уже почти не приходил в сознание. Весь день, среду, он горел, изредка стонал... Жар достиг до 42 градусов. Сыпь с утра скрылась. Его обвертывали в простыню, намоченную в горчичную холодную воду; потом сажали в теплую ванну, - ничего не помогало. Он всё тише и тише дышал, стали холодеть ножки и ручки, потом он открыл глазки и затих. Это было 23 февраля в 11 часов вечера. При нем были: Маша, Машенька (сестра Левочки)... няня – и больше никого. Таня все убегала. Я сидела в другой комнате с Левочкой, и мы замерли в диком отчаянии... Три дня он стоял, не изменяясь ни капельки... На третий день, 25-го, его отпели, заколотили и в 12 часов отец с сыновьями и Пошей³³³ вынесли его и поставили его на наши большие 4-местные сани... Да, подумай, Таня, естественно ли нам, седым, хоронить всю самую светлую нашу будущность в этом ребенке?»³³⁴

В общем случае люди приходят в мир наш случайно, кто когда, в порядке природного самодвижения. Пришедший сюда случайно, обычно и уходит отсюда случайно или по истечении отпущенного природой срока. Но есть редкие люди, которые специально выпущены в этот мир и несут в нем свое особое

задание. Эти люди не умирают просто так, как все остальные, по несчастному стечению обстоятельств или от скарлатины.

Смерть их имеет особенный смысл и содержит в себе неразрешимую загадку, особо мучительную потому, что, мы чувствуем: разгадка есть. Мы, люди, только не знаем ее. И гадаем – за что?! В ком или в чем вина? На трагедию невосполнимой потери навешивается анонимная вина. Что им или всеми нами или кем из нас сделано не так, против Высшей Воли?

Всего мучительнее и безответнее: за что умирают дети? В особо трудную минуту Толстой пытается отвечать на этот вопрос:

"Смерть детей с объективной точки зрения: Природа пробует давать лучших и, видя, что мир еще не готов для них, берет их назад. Но пробовать она должна, чтобы идти вперед. Это запрос. Как ласточки, прилетающие слишком рано, замерзают. Но им все-таки надо прилетать. Так Ванечка. Но это объективное дурацкое рассуждение. Разумное же рассуждение то, что он сделал дело Божье: установление Царства Божия через увеличение любви – больше, чем многие, прожившие полвека и больше"(53.12).

Со смертью Ивана Толстого человечество потеряло многое и потеряло то, что могло и не терять. И всё же: можно ли проникнуть в тайну его ранней смерти? Возможно, прав Толстой, он прилетел слишком рано, как, впрочем, и сам Лев Николаевич. Но есть и другое. Прежде, чем стать наследником духа и дела отца, ему предстояло окрепнуть, обитая в любви, в надышанной семьею атмосфере душевного счастья и здоровья, затем войти в полную духовную силу и принять на себя громадный груз или, как сказал бы его отец, крест свой, и понести его. Даже при той «вновь установившейся» любви между родителями, этот восприимчивый и чистейший ребенок со дня рождения произрастал в атмосфере семейного разлада, обитая в которой нельзя было состояться тем, кем должен был

стать Ванечка - великим человеком и преемником духовной
 мощи Льва Толстого. И он был снят с дистанции жизни.³³⁵

Впрочем, если это правда, то не вся.

Своим пришествием в мир Ванечка поддержал душевную
 связь родителей, не дал ей разрушиться окончательно. Софья
 Андреевна сломалась на смерти Ванечки. Толстой в 1910 году
 уходил не от той жены, которая родила ему Ванечку, а от той,
 которая потеряла Ванечку и, быть может, не могла простить
себе его смерть.

После смерти Ванечки ничто уже не могло предотвратить
 супружескую катастрофу в родительском доме.

13.(55)

Не женитьба, не рождение первенца и не раздоры на
 переломах жизни, а смерть Ванечки – главное событие всей
 супружеской жизни Льва Николаевича и его жены. То был удар,
 от которого невозможно оправиться. Всякое исключительное
 потрясение способно производить двойное воздействие. Одну,
 духовную сторону человека, его высшую душу, оно возносит,
 другую, животную личность его, заставляет невыносимо
 страдать. Но и последнее, как и первое – значительно и свято в
 человеке в это время.

7 марта, через 12 дней, Софья Андреевна о муже и о себе:

«Левочка совсем согнулся, постарел, ходит грустный с
 светлыми глазами, и видно, что и для него потух последний луч
 светлой его старости. На третий день смерти Ванечки он сидел,
 рыдал и говорит: «В первый раз в жизни я чувствую
безвыходность». Как больно было смотреть на него, просто
 ужас! Сломало и его это горе...». Надо ли говорить, что и для
 самой Софьи Андреевны «вдруг кончилась жизнь».³³⁶

В тот же день Лев Николаевич пишет друзьям о состоянии жены:

«Под влиянием этой скорби в ней обнаружилось удивительное по красоте ядро души ее»(68.43).³³⁷ «В особенности первые дни я был ослеплен красотой ее души, открывшейся вследствие этого разрыва. Она первые дни не могла переносить какого-нибудь к кому-нибудь выражение нелюбви»(87.320).³³⁸ «Боль разрыва сразу освободила ее от всего того, что затемняло ее душу. Как будто раздвинулись двери и обнажилась та Божественная сущность любви, которая составляет нашу душу»(53.10).³³⁹

И о себе:

«Мне бывает минутами жаль, что нет больше здесь с нами этого милого существа, но я останавливаю это чувство и могу это делать (знаю, что жена *не может* этого), но основное, главное чувство мое – благодарность за то, что было и есть, и благоговейного страха перед тем, что приблизилось и уяснилось этой смертью»(87.320).³⁴⁰

«Для меня эта смерть была таким же, еще более значительным событием, чем смерть моего брата.³⁴¹ Такие смерти (такие в смысле особенно большой любви к умершему и особенной чистоты и высоты духовной умершего) точно раскрывают тайну жизни, так что это откровение возмещает с избытком за потерю»(68.43).

Еще через 10 дней о себе и о ней:

«И хотя как будто перед людьми совестно, радуюсь и благодарю Бога, - не страстно, восторженно, - а тихо, но искренне, за эту смерть (в смысле плотском), но оживление, воскресение в смысле духовном, - и ее и мое»(68.52).

Лев Николаевич убежден: его жена наконец-то на подходах к духовной жизни и Сопутству с ним. Это означало бы кардинальный перелом в их отношениях.

«И она невольно приведена к необходимости подняться в другой духовный мир, в котором она не жила до сих пор... Она

поражает меня своей духовной чистотой – смирением, особенно. Она еще ищет, но так искренне, всем сердцем, что я уверен, что найдет. Хорошо в ней то, что она покорна воле Бога и только просит Его научить ее, как ей жить без существа, в которое вложена была вся сила любви. И до сих пор еще не знает как»(68.70).

Впервые за 33 года супружеской жизни между ними начали устанавливаться равные и полноценные сторгические взаимоотношения.

«Никогда мы все не были так близки друг другу, как теперь, и никогда ни в Соне, ни в себе я не чувствовал такой потребности любви и такого отвращения ко всякому разъединению и злу. Никогда я Соню так не любил, как теперь. И от этого мне хорошо».(68.71).³⁴²

«И удивительно, как ее материнство сохранило ее чистой и способной к восприятию духовных истин», - писал Лев Николаевич о ней 31 марта. И – через месяц, в конце апреля:

«Страшно трагично положение матери... Женщина, хорошая женщина, полагает всю свою душу на детей, отдает всю себя, усваивает душевную привычку жить только для них и ими (самый страшный соблазн; тем более, что все не только одобряют, но восхваляют это); проходят года, и эти дети начинают отходить – в жизнь или в смерть; первым способом медленно, оплачивая за любовь досадой, как на привешенную на шее колоду, мешающую жить, или вторым способом, смертью, мгновенно производя страшную боль и оставляя пустоту. Жить надо, а жить нечем. Нет привычки, нет даже сил для духовной жизни, потому что все силы эти затрачены на детей, которых уже нет»(53.24).³⁴³

Пока что это сказано не о жене, это мысли к «роману матери», который в те дни обдумывал Толстой. Мне думается, что он непременно написал бы его. Но прошел еще месяц и «все то прекрасное духовное, что открылось тотчас после смерти Вани, и от проявления и развития чего я ждал так много, опять

закрылось, и осталось одно отчаяние и эгоистическое горе»
(68.89)³⁴⁴

Софье Андреевне «все стало все равно, и только жду, жду, с болезненным нетерпением, что кончится когда-нибудь моя мучительная жизнь, жизнь тела, томящегося без души, а душу унес с собой Ванечка».³⁴⁵

Пусть Ванечка унес с собой ее душу, но вследствие этого в ее жизни проявилось нечто столь ценное, что для нее, как и для мужа в другом отношении, могло «возместить с излишком за потерю» сына.

Октябрь 1895 года. «Сейчас уехала Соня с Сашей. Она сидела уже в коляске, и мне стало страшно жалко ее: не то, что она уезжает, а жалко ее, ее душу. И сейчас жалко так, что насилу удерживаю слезы. Мне жалко то, что ей тяжело, грустно, одиноко. У ней я один, за которого она держится, и в глубине души она боится, что я не люблю ее, не люблю ее, как могу любить всей душой, и что причина того – наша разница взглядов на жизнь. И она думает, что я не люблю ее за то, что она не пришла ко мне. Не думай этого. Еще больше люблю тебя, всё понимаю и знаю, что ты не могла, не могла придти ко мне,³⁴⁶ и оттого осталась одинока. Но ты не одинока. Я с тобой, я такую, какая ты есть, люблю тебя и люблю до конца, так, как больше любить нельзя»(53.64)³⁴⁷

Никогда еще Толстой не кричал ей так пронзительно и с такой болью любви.

Через несколько дней Лев Николаевич рассказывает жене о своем возникшем исключительном чувстве к ней:

«Чувство, которое я испытывал было странное умиление, жалость и совершенно новая любовь к тебе, любовь такая, при которой я совершенно перенесся в тебя и испытал то самое, что ты испытывала. Это такое святое, хорошее чувство, что не надо бы говорить про него, да знаю, что ты будешь рада слышать это, и знаю, что от того, что я выскажу его, оно не изменится.

Напротив, начавши писать тебе, испытываю то же. Странно это чувство наше, как вечерняя заря»(84.242).³⁴⁸

Вот так, под конец жизни, на вечерней заре ее проявилось истинно сторгическое чувство, в силу которого «я совершенно перенесся в тебя и испытал то самое, что ты испытывала».

После утраты Ванечки Лев Николаевич предлагает ей себя, свою душу и такое единение душ, выше которого нет на свете. И в ответ на его призыв в Софье Андреевне возникла сторгическая тяга в душу мужа:

«Письма твои, ласковые и добрые как свет изнутри, мне всё освещают». «Точно ты мне открыл свои душевные двери, которые долго были заперты от меня крепким замком; и теперь мне все хочется входить в эти двери и быть душевно с тобой. В прежних наших разлуках нам часто хотелось сойтись для жизни совместной материальной;³⁴⁹ теперь же естественно и непременно должно прийти к тому, чтоб нам врозь было душевно одиноко, и чтоб душевно хотелось жить одной жизнью».³⁵⁰

Множество раз они писали друг другу о своих чувствах и только теперь, на склоне дней, объясняются друг другу в стремлении к подлинной сторгической любви. Это не декларация и не декорация. Такая любовь – их вечерняя заря, заплавшая после смерти Ванечки. Она могла бы вознести их вместе на вершины Сопутства. Смертью своей Ванечка, как не страшно сказать, «спасал» или, лучше сказать, «воскрешал» своих родителей. Но не спас и не воскресил.

Софья Андреевна, которая всю жизнь говорила о ценности взаимной любви,³⁵¹ не смогла жить подлинной сторгической жизнью, когда ей, наконец, предложили ее. Быть может, потому, что в ней, как и боялся Толстой, «нет привычки, нет даже сил для духовной жизни, потому что все силы эти затрачены на детей, которых уже нет».

Когда в особые моменты возникает потребность в сторгической любви, но нет для нее у человека сил (уже нет или

не было никогда), тогда эта потребность реализуется в суррогатах сторгической жизни. В «Крейцеровой сонате» Толстой вплотную подошел к этой теме. Мельком знакомым с биографией Толстого людям вполне может показаться, что «Крейцера соната» написана не за 5 лет до смерти Ванечки и не за 6 лет до событий в его семейной жизни, о которых у нас пойдет сейчас речь, а после того и другого

14.(56)

«Крейцера соната» оказалась пророчеством. Как и жена Позднышева, так и жена Толстого изменяла мужу не сексуально, а душевно, и изменяла именно с музыкантом и «его музыкой», как сказано в повести. Трудно поверить, что это только совпадение, что Толстой, зная свою жену и работая над повестью, не предчувствовал подобную ситуацию в своей собственной жизни.

То, чего так стремился избежать 43-летний Толстой, догнало его на 68-м году жизни. Но не по сценарию «Анны Карениной», а почти по сценарию «Крейцеровой сонаты». Как только жена его прекратила рожать и потеряла сына Ванечку, так ей - при многих детях, требующих ее внимания, - нечем стало жить, и она изменила так, как смогла в свои 52 года – влюбилась в известного композитора Сергея Ивановича Танеева, который был на 12 лет моложе ее и по своей сексуальной ориентации был равнодушен к женщинам. Толстой пережил то, что пережил герой его повести. Но не по причине эротического «свинства» своей жизни (так утверждает Позднышев), а потому, что в свое время ничего направленно не предпринял для духовного воспитания своей молодой жены, а подделывал ее под себя и специально исключал из их жизни условия, в которых возможна была супружеская измена. Но рок настиг. Про этот рок говорит и Позднышев.

«Но, странное дело, какая-то странная, роковая сила влекла меня к тому, чтобы не оттолкнуть его, не удалить, а, напротив, приблизить».

«Мучался я особенно тем, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прорываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне, и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить ее, свить из нее веревку, сделать из нее все, что захочет. Я этого не мог не видеть, и я страдал ужасно. Но, несмотря на то или, может быть, вследствие этого, какая-то сила против моей воли заставляла меня быть особенно не только учтивым, но ласковым с ним».

«Это своего рода помешательство, - понимает Софья Андреевна, - но чего же и ждать от моей разбитой души? Я так и не пришла в нормальное состояние после смерти Ванечки, а жила и живу изо дня в день, не интересуясь ничем, а убиваю время и, главное, развлекая себя, чтоб забыться в чем-нибудь, увлечься, хотя бы самым диким образом».³⁵² И в другом письме: «Душа продолжает томиться, искать утешения, новых ощущений совсем в других областях, чем те, в которых я жила при жизни моего милого мальчика. Куда меня вытолкнет, совсем не знаю».³⁵³

Софья Андреевна решила, что муж не любит ее за то, что она не пошла за ним и... пошла к другому.

Сначала Толстой относился к «музыкальным увлечениям» жены со снисхождением. Но Софья Андреевна чем дальше, тем больше вела себя вызывающе. «Сейчас разговор об искусстве, - пишет Лев Николаевич в Дневник 20 декабря 1896 года, - и рассуждение (Софьи Андреевны. – И.М.) о том, что заниматься

искусством можно только для любимого человека. И пожелание сказать это мне. И мне не смешно, не жалко, а больно. Отец, помоги мне».

И дальше: «Впрочем уже лучше. Особенно успокаивает задача, экзамен смирения, унижения. Совсем неожиданного, исключительного унижения. В кандалах, в остроге можно гордиться унижением, а тут только больно, если не принимать его, как посланное от Бога испытание». На следующий день: «Гадко, что хочется плакать над собой, над напрасно губимым остатком жизни. А может быть, так надо. Даже наверное так надо» (53.127).

Дело доходит до отвращения к своему, созданному ими гнезду:

«Бывает в жизни у других хоть что-нибудь серьезное, человеческое: ну, наука, служба, учительство, докторство, малые дети, не говорю уж заработок или служение людям, а тут ничего, кроме игры всякого рода и жранья и старческий *flirtation* или еще хуже, - отвратительно. Пишу с тем, чтобы знали, хоть после моей смерти».

Настали времена, когда «еще хуже» не зависит от него.

Могучий человек, Лев Толстой, до того теперь обессилел от унижения, до того исстрадался, что ищет сочувствия и поддержки, и у кого – у дочери, у Маши. Такого с ним никогда не было.

Письмо Толстого дочери Марье Львовне не принято цитировать. Я приведу его целиком.

"12 января. Утро.

Читай одна.

Милая Маша, хотя, когда ты тут, я редко говорю с тобой, теперь, когда мне очень скверно на душе, хочется твоего сочувствия. Из всех семейных ты одна, как ни сильна твоя личная жизнь и ее требования, ты одна вполне понимаешь, чувствуешь меня. Жизнь, окружающая меня и в которой я по

какой-то или необходимости, или слабости, участвую своим присутствием, вся эта развратная отвратительная жизнь с отсутствием всяких не то что разумных или любовных к людям, но просто каких-либо, кроме самых грубых животных интересов нарядов, сладкого жрания, всякого рода игры и швыряния под ноги чужих трудов в виде денег, и это даже без доброты, а, напротив, с осуждением, озлоблением и готовностью раздражения на всё, что против шерсти, до такой степени временами становится противна мне, что задыхаюсь в ней и хочется кричать, плакать, и знаешь, что всё это бесполезно и что никто ни то, что не поймет, но даже не обратит внимания на твои чувства, - постарается не понять их, да и без старания не поймет их, как не понимает их лошадь. Вчера, сидя за обедом, слушая эти разговоры без единого живого слова, с невеселыми шутками и недобротой друг к другу, эти бессвязные монологи, я взглянул на M-lle Aubert³⁵⁴ и почувствовал, что мы с ней одинаковы лишни и нам одинаково неловко оттого, что мы чувствуем. Ужасно гадко, и гадко то, что я не могу преодолеть себя и не страдать и не могу предпринять что-нибудь, чтобы порвать это ложное положение и последние года, месяцы или дни своей старости прожить спокойно и не постыдно, как я живу теперь. Не знаю что от чего: от того ли, что я не могу увлечься работой, чтобы не так больно чувствовать это, или оттого, что я так больно чувствую, я не могу работать, но мне тяжело, и хочется сочувствия, чтоб меня поняли и пожалели. Таня бедная хотела бы жить ближе ко мне, но она ужасно слаба и вся завлечена этим безумным водоворотом: Дузе, Гофман, красота, выставка, старость подходит, Сухотин, скверно. Сережа, Илюша, Миша все то же. Даже нет детей, чтоб на них отдохнуть, Черткова и Поши³⁵⁵ тоже нет. Ты сама вся изломана и измучена своими делами, а я тебе еще свою выставляю болячку. Давай болеть вместе. Ты мне свое все скажи. Я приму близко к сердцу, потому что это может быть и страдание в будущем, но это

серьезное. Мучает же напряженность пустяков и мелких гадостей"(70.16-17).

Тут, как видите, нет ни слова о жене, о старческом флирте ее матери, только чувство постыдности и гадости происходящего в своей жизни и сознание того, «что никто ни то, что не поймет, но даже не обратит внимания на твои чувства».

Толстой не выстрелил в свою жену из пистолета и не ударил ее ножом, как сделал Позднышев. Он хотел сделать другое. Через пять месяцев после письма Маше он совсем уже собрался уйти из дома и оставил серый пакет с двумя письмами жене. Одно – для объяснения миру своего ухода. Другое – исключительно для нее. Лев Николаевич наметил дату ухода (4 августа 1897 года), но не ушел, а только записал в Дневнике: «Пережил очень много. Экзамена не выдержал. Но не отчаиваюсь и хочу переэкзаменовки. Особенно дурно держал экзамен потому, что имел намерение перейти в другое заведение. Вот эти мысли надо бросить, тогда будешь лучше учиться»(53.384).

Серый пакет передали Софье Андреевне после смерти мужа. Прочтя второе письмо, Софья Андреевна тут же, при всех, боясь промедлить и мгновение, не желая перечитывать слова умершего мужа к себе, в клочки разорвала его письмо. Этим прощальным письмом Толстой, надо полагать, и «выстрелил» в свою жену. О чем же он тогда писал ей? И что так перепугало ее? Какую ее тайну раскрыл Толстой в нем?

«Это было самое обыкновенное нормальное увлечение, - со всеми теми особенностями, какие имеет «последняя любовь». Недаром Софье Андреевне так нравилось это стихотворение Тютчева, – писал впоследствии Н.Н. Гусев семидесятилетней дочери Толстого Татьяне Львовне. – И как вы объясняете то, что чувство С.А., продолжавшееся до последнего года жизни Л.Н., со смертью его, по-видимому, совершенно прекратилось?». ³⁵⁶ Татьяна Львовна ответила ему, что, по ее впечатлению, «уже давно об этом (о чувстве матери к Танееву. –

И.М.) не было и речи». Н.Н. Гусев два года и не наездами, как дети, а изо дня в день изнутри наблюдал семейную жизнь Льва Николаевича и, надо думать, знал, что говорил. Что, если он прав? Горячо любивший Льва Николаевича Гусев не слишком сочувствовал Софье Андреевне и, по-видимому, полагал, что «последняя любовь» ее использовалась ею (или даже возникла в ней) в пику мужу. О чем свидетельствует и приведенная чуть выше цитата из Дневника Толстого от 20 декабря 1896 года. Но это еще не то, обнаружение чего могло так испугать Софью Андреевну и что, надо думать, и составляло то «совсем неожиданное, исключительное унижение», от которого страдал Толстой.

Уходу Толстого из дома и написанию тех писем, одно из которых разорвала Софья Андреевна, предшествовал ночной разговор Льва Николаевича с женой. Толстой записал этот свой разговор для только что уехавшей из Ясной Поляны Татьяны Андреевны Кузминской, которая неделю пыталась примерить супругов. Дело происходило в ночь с 28 на 29 июля 1898 года, а за две недели до этого Софья Андреевна по дороге в Киев к сестре заехала к знакомым специально для встречи с С.И. Танеевым.

«Нынче ночью был разговор и сцена, которая подействовала на меня еще гораздо более чем последняя ее поездка». Так начинается запись этого документа, который в толстоведении принято называть «Диалогом».

Толстой очень устал и не хотел разговаривать. Но Софья Андреевна ждала в Ясную Танеева, и ей нужно было обговорить его приезд с мужем. «Ты будто приготавливаешь меня к неприятному ожиданию», - понимает Толстой. «Что же мне делать? – отвечает С.А. - Я не звала».

«Заедет он или не заедет, не важно, даже твоя поездка не важна, важно, как я говорил тебе, два года назад говорил тебе, твое отношение к твоему чувству. Если бы ты признавала свое

чувство нехорошим, ты бы не стала даже и вспоминать о том, заедет ли он, и говорить о нем».

Спор в Диалоге идет не о поведении Софьи Андреевны и не вокруг приезда Танеева, а вокруг ее чувства к музыканту. Лев Николаевич в очередной раз призывает ее «обсудить самой с собой, хорошо ли то чувство, которое ты испытываешь к этому человеку, или дурное». Софья Андреевна сначала утверждает, что у нее нет никакого чувства, «ни хорошего, ни дурного», потом, что «чувство это так неважно, ничтожно», потом, что «нет в нем ничего дурного», потом, что «у меня нет чувства к мужчине, есть чувство к человеку», затем, что «он для меня не мужчина. Нет никакого чувства исключительного, а есть то, что после моего горя мне было утешение музыка, а к человеку нет никакого особенного чувства»³⁵⁷ и, наконец, пытается перевести разговор со своих чувств на свое поведение и признает, что она «сделала дурно, что заехала, что огорчила тебя. Но теперь это кончено, я сделаю всё, чтобы не огорчать тебя».

Толстой возвращает разговор на прежние рельсы:

«Ты не можешь этого сделать потому, что всё дело не в том, что ты сделаешь — заедешь, примешь, не примешь, дело всё в твоём отношении к твоему чувству». Нет никакого чувства, возражает она. «И вот это-то и дурно для тебя, что ты хочешь скрыть это чувство, чтобы удержать его... Если ты признаешь, как ты признаешь теперь, что чувство это хорошее, то никогда не будешь в силах не желать удовлетворения этого чувства, т. е. видеться, а, желая, ты невольно будешь делать то, чтобы видеться. Если ты будешь избегать случаев видеться, то тебе будет тоска, тяжело». «Ты раскаиваешься в поступках, а не в том чувстве, которое ими руководит».

Он хочет, чтобы она вытравила из души чувство к другому мужчине, она же готова раскаиваться в поступках, но не в своем чувстве – оно для нее свято, в нем нельзя раскаиваться. Софья Андреевна отчетливо понимает, о чем ей говорит муж: о том, что

она любит Танеева так, как никогда не любила или не любит мужа. И она отвечает:

«Я знаю, что я никого больше тебя не любила и не люблю. Я бы желала знать, как ты понимаешь мое чувство к тебе. Как же бы я могла любить тебя, если бы любила другого?»

«Твой разлад, - отвечает Толстой, - от этого-то и происходит, что ты не уяснила себе значения своих чувств», то есть кого и как ты любишь.

Толстой пишет не себе в Дневник, а делает запись для только что уехавший свояченицы и потому не высказывается прямо и до конца. «Пьяница или игрок очень любит жену, а не может удержаться от игры и вина и никогда не удержится». Это сравнение супружеской любви и любви пьяницы к вину несколько разряжает разговор, так как эти «любви» несопоставимы и ставят чувства Софьи Андреевны в разряд несчастных пристрастий по слабости, что ее сейчас устраивает. И она спрашивает: «Ну что же будет, если я признаю чувство дурным?»

Ответ Толстого бьет в самую больную точку:

«Будешь уничтожать всё то, что было связано с ним», связано с этим чувством, то есть будешь уничтожать Танеева в своей душе. «Без этого наши мучения не кончатся» - говорит Толстой ей.

Софья Андреевна попалась и активно протестует: «Да это всё к тому, чтобы лишить меня единственного моего утешения музыки».

Продолжать далее разговор не имеет смысла, и Толстой обрывает его.

«Долгое молчание». Но Софья Андреевна затеяла ночной спор с мужем, не для выяснения своих чувств, а чтобы разрешить практический вопрос приезда Танеева, и она возвращается к началу разговора:

«Ну вот, я спрашиваю себя совершенно искренно: какое мое чувство и чего бы я желала? Я желала бы больше ничего,

как то, чтобы он раз в месяц приходил посидеть, поиграть, как всякий добрый знакомый».

Но перехитрить Толстого трудно. «Ведь нет никакого другого человека, ежемесячное посещение которого составляло бы для тебя радость... Ты невольно этим самым говоришь про свое исключительное чувство».

В лексиконе Толстого есть два значения «исключительного чувства». Первое – в противоположность равному ко всем христианского чувства. И второе – в обычном смысле чувства редкостного, особенного. В этом втором значении он и употребляет его здесь. Толстой уверен, что его жена не просто привязалась к другому человеку в трудную минуту жизни, но любит Танеева исключительной любовью.

«Ах, всё одно и одно. Мученье, – восклицает Софья Андреевна - Другие изменяют мужьям, столько их не мучают, как меня. За что? За то, что я полюбила музыку. Можно упрекать за поступки, а не за чувства. Мы в них не властны. А поступков никаких нет... Ты хочешь измучить меня и лишиться всего. Это такая жестокость».

«Она приходит в полуистерическое состояние». Толстой начинает понимать, что «она не может отречься от своего чувства», и он «с жалостью к ней и желанием успокоить ее» говорит, что «я, может быть, ошибаюсь, так по-своему ставя вопрос, что она, может быть, придет к тому же своим путем и что я надеюсь на это. Но в это время в ней раздражение дошло до высшей степени».

Софья Андреевна, надо полагать, довела себя до высшей степени раздражения, чтобы заблокировать этот тяжелый разговор с мужем.

«Всё это ложь, всё фарисейство, обман. Других обманывай, я вижу тебя насквозь... Нет в тебе доброго. Ты злой, ты зверь. *И буду любить добрых и хороших, а не тебя. Ты зверь*».

В финале – окарикатуренная шекспировская сцена:

«Тут уж начались бессмысленные, чтобы не сказать ужасные жестокие речи: и угрозы, и убийство себя, и проклятия всем, и мне и дочерям. И какие-то угрозы напечатать свои повести, если я напечатаю «Воскресение» с описанием горничной. И потом рыдания, смех, шептание, бессмысленные и, увы, притворные слова: голова треснет, вот здесь, где ряд, отрежь мне жилу на шее, и вот он, и всякий вздор, который может быть страшен. Я держал ее руками. Я знал, что это всегда помогает, поцеловал ее в лоб. Она долго не могла вздохнуть, потом начала зевать, вздыхать и заснула и спит еще теперь».

«Она очевидно как жизнью дорожит этим своим чувством и не хочет признать его дурным».

Вот сделанный Толстым вывод из только что прочтенной нами сцены, «которая действовала на меня еще гораздо более, чем последняя ее поездка», чем ее отравлявшие жизнь мужу встречи с Танеевым. Тут не ревность. Оказалось, что она, его жена, относится к своему чувству любви к другому мужчине как к единственно подлинной любви в жизни. Танеев, а не Толстой есть единственная исключительная любовь Софьи Андреевны. Главная любовь ее жизни. Да и как же не главная, когда она ни при каком раскладе и в мечтах даже не могла надеяться на взаимность, и тем не менее она, графиня Софья Толстая, жена Льва Толстого, не страшась стыда за себя своих детей, заделалась «консерваторской дамой»³⁵⁸ только для того, чтобы лицеизреть недоступный объект своей любви. «Она очевидно как жизнью дорожит» этой своей любовью. «Как жизнью» дорожат только истинной любовью, обычно одной во всю жизнь. Вот та страшная тайна Софьи Андреевны, о которой никто и никогда не должен был знать и которая при оглашении могла погубить ее в глазах всего мира. Совсем не исключено, что именно об этом на другой день (или через день) писал ей Лев Николаевич в письме, которое она на глазах всех немедленно и судорожно разорвала после его смерти.

Не пророк Толстой собрался 4 августа 1898 года³⁵⁹ покинуть свой дом, а муж, который через 36 лет семейной жизни убедился, что женской подлинной любви в душе его жены до той поры не было и что в итоге прожитой жизни не он оказался предметом ее. Он-то был с ней «зашнурован плотно», а она, выходит, - нет. В этом и состоит его «совсем неожиданное»³⁶⁰, исключительное унижение». Такое же унижение испытывал и Алексей Александрович Каренин, когда выяснилось, что не он, муж, оказался главной любовью Анны, ради которой она жертвовала всем. Такое же унижение предчувствовал 27 лет назад, в 1871 году, и сам Лев Толстой, когда поступил не так, как

поступил Позднышев - не позволил жене, несмотря на требования докторов, воздерживаться от деторождения. То, что вышло наружу в душе Софьи Андреевны только в 53 года, неизбежно обнаружилось бы в ее 28 лет.

В январе следующего 1899 года Толстой прочел «Душечку» Чехова. Теперь мы точнее можем разобраться в том, почему Толстой «поумнел от этой вещи». Он догадался, что жена не любила его истинной женской любовью³⁶¹ (не разлюбила, а не любила!), иначе она в пору его духовного рождения не задумываясь, переменила свою жизнь и пошла бы за ним. Все дело в этом. Не в детях и внуках, и не в данной им ей раньше установке на семейную жизнь, а только в этом. Вполне может быть, что и об этом самом Толстой писал жене в разорванном ею прощальном письме его. Позднее Толстой не раз говорил, что она его не любит, но ей обязательно нужно, чтобы люди думали про нее, что она любит его. То же самое замечали и другие.³⁶²

Тем летом 1898 года сторгическая связь супругов Толстых окончательно разорвалась; они оставались вместе только как родственники. Боль этой сторгической катастрофы никогда не утихала во Льве Николаевиче. И, что особенно важно, именно в эти годы супружеской катастрофы в духовной жизни Толстого произошло то Пробуждение, которое вывело его из поприща личной духовной жизни на поприще вселенской духовной жизни.

15.(57)

В последние годы жизни Льва Николаевича в его семье произошла история, напоминающая персонажей и сюжет «Анны Карениной». Герой этой истории – сын Толстого Андрей Львович, откровенный защитник матери в ее борьбе с отцом. Внешне он не походил на отца, по убеждениям откровенно враждебен ему. Это он в последний год жизни Толстого вместе с

матерью, братьями Львом и Михаилом вынашивал планы «объявить Л.Н. душевнобольным при помощи врачебной экспертизы»³⁶³. Это он по наущению матери в 1909 году устроил через Столыпина высылку Черткова подальше от Толстого. Он писал отцу хамские письма и Лев Николаевич, опасаясь дурной славы сына, уничтожал их. Кто-то рассказывал Ивану Бунину, что однажды Андрей Львович крикнул с ненавистью: «Если бы я не был сыном его, я бы его повесил!». ³⁶⁴ Маковицкий слышал, что Андрей за глаза называл отца «старым дураком» и что измученный семейными сценами Лев Николаевич временами страшился приезда сына в родной дом. ³⁶⁵

И вместе с тем он, видимо, был любимым сыном не только Софьи Андреевны, но и Льва Николаевича. ³⁶⁶ Проводив сына Андрея на японскую войну, Толстой записал 13 июня 1904 года: «Удивительно, почему я люблю его. Сказать, что оттого, что искренен, правдив – неправда. Но мне легко, ³⁶⁷ хорошо с ним, люблю его. Отчего?» Через три месяца он объясняет себе: «Странная вещь: очень часто я по чувству влеком больше к безнравственным, даже жестоким, но цельным людям (Вера, Андрюша и мн. др.), чем к либеральным, служащим людям и обществу людям. Я объяснил это себе. Люди не виноваты, если они не видят истинного смысла жизни, если они еще слепы — не как совы, но как щенята. Одно, что они могут делать хорошего, это не лгать, не лицемерить, не делать того, что похоже на настоящую человеческую религиозную деятельность, но не есть она. Когда же они лицемерят, делают для людей, но не для Бога, оправдывают себя, они отталкивают»(55.88). ³⁶⁸

Одно из общих нравственных поветрий той эпохи было «спасать падших или падающих» - по модели ли толстовского «Воскресения» или по модели, которая избрала Ольга Константиновна, женщина, судя и по фотографиям и документам, во всех отношениях самого высокого класса. Андрей Львович имел репутацию ловкого оболъстителя женщин, кутилы и пьяницы. И она решила поддержать собою

добрую душу сына Толстого, перевоспитать его и, видимо, без особой любви вышла за него замуж. На некоторое время ей удавалось осуществлять задуманное, во всяком случае, он захотел «быть хорошим», чем в очередной раз пленил Льва Николаевича. «Недаром по Евангелию одна пропавшая и найденная овца дороже 99» (84.329), – писал он жене о нем.

Добропорядочная жизнь Андрея продолжалась не очень долго. Андрей Львович затеял бурный роман с женой тульского помещика, и Ольга Константиновна, узнав об этом, решительно и навсегда разорвала с ним. От их брака остался сын Илья и дочь Соня, Софья Андреевна-внучка, которая стала последней женой Есенина и – в конце 30-х – 40-х годах, в самое трудное время – директором Государственного музея Л.Н.Толстого в Москве.

Расставшись с первой женой, Андрей Львович задумал жениться на соблазненной им жене тульского помещика, но муж соглашался на развод только после годичного испытательного срока. Так Андрей Львович уехал на русско-японскую войну. Вернувшись обратно, он узнал, что она воспылала страстью к другому мужчине. Стреляться граф Андрей не стал, но, как бывает в таких случаях, перестал верить женщинам. И все же через несколько лет он женился на жене тульского губернатора Екатерине Васильевне Арцимович, которая ушла к нему, бросив шестерых детей. Вот эта-то скандальная история и заставляет тех, кто знаком с ней, вспоминать «Анну Каренину».

Муж Екатерины Васильевны Михаил Викторович Арцимович, как и Позднышев, словно повинясь року, сам попросил жену наставить на путь истинный своего чиновника по особым поручениям Андрея Толстого, быть его «добродетельной советчицей», старающейся нравственно возродить и вернуть его в семью, к жене и детям. Такого рода интимные душевные разговоры способствуют сближению мужчины и женщины не хуже их совместного музицирования.

Впрочем, образ Михаила Викторовича напоминает не Позднышева, а (по крайней мере, на первый взгляд) Алексея Александровича Каренина.

Михаил Викторович вроде бы никогда – ни до женитьбы, ни после нее – не мучался сомнениями, любит ли его жена или нет, он и сам никогда не заявлял о своей любви к ней, а просто спросил ее: «Хотите ключ от моего сердца?» - и, получив положительный ответ, сказал: «Тогда пойдите и скажите папа и мама». Он владел майоратом и желал иметь наследников его. Знакомый сюжет: немолодой мужчина берет девушку из близко знакомого ему дома и рассчитывает воспитать ее так, как ему нужно. Он не жаловал разговоров на высокие темы и быстро усмирил идеальные притязания юной жены на союз их душ в браке.

Михаил Викторович Арцимович и Алексей Александрович Каренин совпадают больше по оболочке, в которую Толстой одел своего героя. Но такие совпадения есть. Михаил Викторович - рациональный, на вид мрачноватый, крайне сдержанный, до молчаливости, человек, трезвый и умный чиновник, неукоснительно соблюдавший все светские и этические правила поведения своего круга. «Он ничего не читал, ничем не увлекался, у него не было ни одного друга», - рассказывает Екатерина Васильевна, которой, разумеется, в оправдание себя нужно было внушить читателю полную нереализованность своего женского чувства в первом браке. «Он мог молчать целыми часами, днями. Все мои попытки открыть ему свою душу и понять его душу, внутренне сблизиться с ним не встречали отклика. Напротив, я всегда натыкалась на глухую стену, которую ничем нельзя было прошибить. Мое стремление разобраться в себе и узнать его он называл совершенно ненужным и вредным душекопанием». Многих читателей такие описания вполне могут привести на образ толстовского Каренина.

Но, как и Каренин, он, видимо, был куда более сложным и глубоким человеком, чем казался людям и своей бывшей жене. Во всяком случае, нет сомнений ни в его благородстве, ни в его любви к жене и детям. Будучи губернатором в Польше в 1905 году, он не позволил произвести ни одного выстрела и вообще стремился не прибегать к репрессиям. Когда это стало совсем невозможно, он подал в отставку. И это притом, что он, по-видимому, чрезвычайно тяготился без дела.

Когда жена объявила ему, что желает уйти к Андрею Львовичу, он «пришел в бешенство», но быстро взял себя в руки и «начались нудные объяснения, сухие и догматические; ...Я горела как в огне, а он, следя за картами, говорил спокойно, холодно, монотонно». Сначала он отказывал в разводе, потом потребовал год испытания, потом полгода. Говорил, что детей не отдаст и позволит видеться с ними только через три года. Говорил, что они обязаны «соблюдать приличия». И все время питал надежды, что безумие жены пройдет, она опомнится и вернется в семью, к нему и шестерым детям. Он умолял ее вернуться и обещал ей все, чтобы она ни захотела. И все только ради детей? Конечно, он любил ее.

Екатерина Васильевна в прямом смысле сбежала от мужа. После бурной реакции Михаил Викторович смирился и дал развод.³⁶⁹ Она написала ему благодарственное письмо. «Он ответил мне письмом, в котором говорилось, что двери его дома навсегда остаются открытыми для меня и что он готов принять меня и моего ребенка». И после смерти Андрея Львовича в 1916 году он предлагал ей вернуться к нему вместе с новыми детьми. Конечно, он страдал без нее.

Екатерина Васильевна писала свои воспоминания в 82 года, но они обдают неподдельной и непреходящей и все еще не погасшей любовью к Андрею Львовичу. Это несомненно была

истинная женская любовь, одна на всю жизнь.³⁷⁰ «Я закрывала глаза на все прошлое Андрея Львовича. Теперь я знала его как совершенно нового, переродившегося человека и могла относиться к нему только как к самому мне близкому, как к мужу, с которым не хотела бы разлучаться никогда, ни при каких условиях, хотя мы были бы с ним совсем нищими и всеми гонимыми».

О себе времен возникновения чувства к Андрею она говорит словами Пьера: «У меня впервые открывались глаза на жизнь. Я чувствовала себя окрыленной, возвысившейся, очистившейся и теперь, в 82 года, продолжаю думать, что душевно я была тогда выше, чем когда-либо». «Слова любви, которых я ждала всю жизнь, окрыляли меня». «Вот она, настоящая любовь! Я чувствовала себя окрыленной. Видевшие меня говорили, что я вся сияла». «Я в первый раз в моей жизни услышала настоящие слова любви и почувствовала, как я нужна этому человеку и как он нужен мне. Я помню каждое его слово. Да были ли там слова? Это была скорее песня без слов. Одни глаза говорили. И с этого первого вечера я ему отдала свое сердце навсегда и безраздельно».

Екатерина Васильевна, как и Анна Аркадьевна, «в глубине души чувствовала нечто грозное и прекрасное, перед чем я была бессильна». Никогда Анна Каренина не доверилась бы человеку такой репутации, как Андрей Львович. «Я подумала: а его прошлое, его необузданность? Но у меня явилась гордая уверенность: «Со мною он будет другим. С такой любовью, какая у нас с ним, он не может не переродиться, не сделаться совсем иным»». Наверняка так думали об Андрее Львовиче женщины до нее. И, заметьте, ей казалось, что он переродится не в силу ее нравственного влияния (как считала первая жена Андрея Львовича), а исключительно в силу «нашей» любви, а, реально говоря, в силу его любви к ней. В новой семейной жизни она не собиралась ставить никаких целей, кроме «своего счастья» (она не умела назвать иначе), не признавала, даже

через полстолетие, что в браке должны быть цели, превышающие счастье супружеской свитости тел и душ.

Сюжет женской жизни Екатерины Васильевны был бы тривиален, если бы она не бросила шестерых детей.³⁷¹ Поступок свой Екатерина Васильевна никогда не считала нужным оправдывать. «Я испытывала непреодолимую потребность иметь мужа-друга, а его-то у меня и не было». Но уже через полгода новой семейной жизни произошло то, о чем можно было предположить с самого начала. «Да, он любил меня, в этом я никогда не сомневалась и не сомневаюсь, но это не мешало ему срывать попадавшиеся ему на пути цветы, без всякого зазрения совести... Было это очень кратковременно и мною безжалостно прекращено. Потом были объяснения, слезы, и все как обычно бывает в таких случаях, но надрыв в наших отношениях был сделан, и, увы, бесповоротно; в сущности, не надрыв, так как любовь наша не изменилась, но во мне прибавился какой-то постоянный подсознательный страх, и душевная безмятежность и спокойствие мое, которыми я так наслаждалась до этого, исчезли безвозвратно. Гроза пролетела, и все, омытое моими слезами, вновь засверкало, и мы казались еще счастливее и ближе». Екатерина Васильевна – женщина чрезвычайно искренняя, и ей грех не верить.

Был в жизни Екатерины Васильевны и ее супруга момент, который контрастирует с великой толстовской сценой у постели умирающей Анны. Анна умирала при родах, Екатерина Васильевна – от внематочной беременности. «Я болела, находясь между жизнью и смертью, шесть недель». Потом облегчение. Потом стало совсем плохо и «...я чувствовала, что все не надеются больше меня выходить. Послали телеграммы родителям и зачем-то Михаилу Викторовичу. Меня причащали, привели Машеньку (дочь ее от второго брака. – И.М.) со мной проститься (как сейчас помню ее испуганное личико и смешно торчавшие косички). Но я совершенно не помню, чтобы я думала о смерти, боялась ее или что-нибудь подобное. Помню

только, что каждую ночь у меня был кошмар: я видела в углу комнаты громадную мохнатую фигуру и пугалась, звала на помощь. Душан Петрович впрыскивал мне морфий, и я засыпала. Однажды я услышала шепот Душана Петровича, который говорил Андрюше: «Это агония, уже пульс еле прощупывается». Я лежала с закрытыми глазами, такая слабая, что говорить не могла, но у меня мелькнула озорная мысль: «И ничего подобного, и вовсе не собираюсь умирать...» И с этого дня мне постепенно стало легче. Приезжали родители и сестра Аня, спрашивали меня, не хочу ли я видеть детей, что Михаил Викторович предлагает их прислать с учителем. Но я отказалась, и все это проходило как-то мимо меня. Мне нужен был только Андрюша, и только с ним мне было хорошо и спокойно. Я выздоравливала осторожно и очень постепенно, долго еще лежала на спине и почти не двигалась. Андрюша был счастлив, и любовь наша, пройдя через это испытание, казалось, достигла лучезарных высот. Мы снова, как будто впервые, переживали свое счастье».

Это совсем другая сцена, чем в романе Толстого. Не потому ли в дальнейшем Екатерина Васильевна не бросилась под поезд, а Андрей Львович не стрелял в себя?

16.(58)

Между высшей душой человека, обладающей назначающей волей, и его низшей душой, долженствующей исполнять повеления высшей, должен, как говорил Толстой, быть накинута передаточный ремень. Тогда во внутреннем мире человека кипит работа и дает результат. Бывает, однако, что передаточный ремень снят с махового колеса высшей души и жизнь психофизиологической личности крутится вхолостую -

от похоти, славы людской и всего прочего, отчего она крутится сама по себе. "Колесо вертится, и они радуются и даже гордятся, что колесо их быстрее вертится, чем колесо работающее"(57.117). Но и высшая душа в этом случае по большей мере кружится впустую, не работает. Жить в такого рода аварийной ситуации внутреннего мира нелегко.

Поэтому Андрей Львович Толстой чаще, чем другие, импульсивно совершал то, что вовсе не хотел совершать, и потом искренне раскаивался. "Передаточный ремень снят, один Бог может его надеть"³⁷², – говорил про него отец.³⁷³

Стремление Андрея Львовича освободиться от зла, сидящего в нем, это стремление накинуть передаточный ремень с высшей души на низшую – то, что самому ему, одному ему было не под силу. В этом душевная мука сына Толстого. В этом и мотив его второй женитьбы.

В глубине души Андрей Львович чувствовал, что любящая и любимая женщина своей нравственной волей может заместить бездействующую назначающую волю его безвольной высшей души, заменить своим влиянием на него тот передаточный ремень, который снят в нем. «Всегда он надеялся найти настоящую подругу жизни», - пишет Екатерина Васильевна, считая, и не без оснований, что именно она более всего годилась к этой роли. Так решил и Андрей Львович, который в то время переживал личностное рождение.³⁷⁴

Безупречно добродетельная молодая светская женщина, губернаторша, да еще доселе никого не любившая, по-мужски до него не востребованная, чуть ли не ежедневно на протяжении полутора месяцев ведет сердечные разговоры с молодым мужчиной, вместе с ним переживает нравственные идеалы жизни, убеждает его в непреходящих ценностях семьи и брака, и так «понимает его», так искренне хочет помочь ему и, что не скроешь от него, многоопытного мужчины, уже

готова полюбить его. Шестеро детей? Ну и что? Неодолимые препятствия? Пустое. «Мы бросим вызов всему свету и будем открыто жить не венчанные». Андрей Львович любил Екатерину Васильевну с неотвратимостью любви личностного рождения.

Первая жена Андрея бросила его после первой же супружеской измены. Вторая его жена прощала его похождения. Но один раз и она не выдержала. Она ушла к матери, но сообщила ему, что если он одумается, то все будет забыто. Через полтора месяца Андрей Львович вернулся к ней раскаивающийся и любящий. «Конечно, мы помирились и снова были счастливы» - писала Екатерина Васильевна. - «Я ничего не требовала и до смерти буду благодарна ему за то счастье огромное, которое он мне дал и которое, во всяком случае, покрывает с избытком все его грехи».

Ольга Константиновна (первая жена Андрея Львовича) попыталась своими руками нравственно «возродить» сына Толстого. Сам по себе Андрей вряд ли был нужен ей. Екатерине Васильевне же был нужен именно он, с его порывистым чувством жизни, с предсторгией такого накала, которая в состоянии обеспечить женское счастье. Терпеть и терпеть его измены, быть на пороге сторгии и дотерпеть до нее – вот сверхзадача ее новой супружеской жизни.

Сродство Анны Карениной и Екатерины Васильевны в том, что и та и другая с головой бросились в заманку предсторгии. Различие той и другой ситуации в том, что в первом случае сторгия не могла состояться, тогда как во втором сторгическая интуиция не подвела жену Андрея; он, действительно, был «ее мужчина» - тот, который ей нужен для полноценной сторгической связи.

Как ко всему случившемуся отнеслись Лев Николаевич и Софья Андреевна? Лев Николаевич понимал сына и всю ложную и греховную ситуацию его новой семейной жизни.

Софья Андреевна, при всей любви к сыну, лучше понимала его жену.

Перед второй женитьбой Андрей Львович посвятил отца в то, что надумал. Беседы отца с сыном в общей сложности продолжались шесть часов. В Дневнике Толстого 1 июня 1907 года записано: «Приехал Андрюша. Хорошо говорил с ним». Скорее всего, Лев Николаевич говорил ему о том, что он в очередной раз обольщается, опять лезет в ловушку жизни, что так дела душевного возрождения не делаются и много другое, о чем мог сказать Лев Толстой сыну. Расстались они дружно и любовно. И в тот же день Толстой пишет письмо Екатерине Васильевне. Вспоминал ли он в тот момент о своем, законченном 30 лет назад романе? Читая это письмо мы не можем не сознавать, что оно адресовано старцем Толстым к героине его великого романа, к его Анне, собирающейся совершить непоправимое. Сам Лев Толстой пробует в роковую минуту остановить ее.

«Милая Екатерина Васильевна,

Сегодня Андрей был у меня и рассказал мне все про ваши отношения и ваши намерения.

Не сердитесь на меня, милая, несчастная сестра, если слова мои покажутся вам резки; дело, о котором я буду говорить, так огромно важно, что надо оставить все внешние соображения для того, чтобы можно было ясно высказать то, что имеешь сказать».

Анна Аркадьевна разгадала бы, почему в последние недели ее жизни с Карениным ее видят несчастный и почему великий старец называет ее своей «сестрой». Екатерина Васильевна не захотела понимать это: «Почему я ему сестра и почему я несчастная, тогда как я такая счастливая тем, что люблю и любима?» - недоумевала она, и, быть может, имела веские основания.

Лев Николаевич не понимает Екатерину Васильевну, и она не понимает его - они разговаривают каждый о своем.

«Вы совершили одно из самых тяжелых и вместе с тем гадких преступлений, которые может совершить жена и мать, и, совершив это преступление, Вы не делаете то, что свойственно всякой, не говорю христианке, но самой простой, не потерявшей всякую совесть женщине, не ужасаетесь перед своим грехом, не каетесь в нем, не сознаете свое падение, унижение, не стремитесь к тому, чтобы избавиться от возможности повторения греха, а, напротив, хотите какими-то лживыми средствами (развод) сделать возможным продолжение греха, сделать, чтобы грех перестал быть грехом, а сделался чем-то дозволенным».

Следующие строки письма читаются как поздний авторский комментарий к «Анне Карениной».

«Милая сестра, Вы больны, Вы не понимаете всего значения того, что Вы сделали и намерены делать. Когда Вы очнетесь, Вы сами ужаснетесь на себя такую, какая Вы теперь, и на то упорство в грехе, которое Вы выказываете теперь. Опомнитесь и поймите всю низость Вашего поступка и всю жестокость того греха, который Вы намерены сделать, воображая, что новое преступление — оставление мужа и детей — как-то загладит прежнее. Опомнитесь, милая сестра, и поймите, что совершенный грех, как сорванный цветок, ничем нельзя сделать несовершенным. И грех неизбежно несет за собой наказание и извне, а главное, наверно внутри. И средство против греха одно: покаяние и удаление от греха, а совсем не то, что Вы думаете делать: оставление мужа, детей, развод, соединение с сообщником греха. Это только в бесконечное число раз увеличит Ваше бедствие: и казнь в душе, и казнь во внешних условиях».

Сам тульский губернатор В.М. Арцимович не был симпатичен Толстому. Но и в художественном воображении, и в своей жизни Толстой пережил то, что теперь переживает он. Ему - сочувствие и уважение Толстого.

«Сегодня, прощаясь с Андреем, который был у меня и оставил во мне тяжелое впечатление совершенной нравственной тупости, непонимания значения своего поступка, я сказал ему совершенно искренно, что мне очень жалко его. Так же мне жалко и Вас. Как мне ни жалко Вашего мужа, я бы ни минуты не задумался, если бы было возможно и у меня спросили бы, в чью душу я хочу переселиться: Вашу или Андрея, или Вашего

мужа? Разумеется, Вашего мужа. Он страдает жестоко, но страдания его возвышают, очищают его душу. Ваши же страдания гадкие, низкие, все больше и больше принижающие и оскверняющие Вашу душу».

Что ждет ее и Андрея?

«Жалко мне и его и Вас за ваше духовное падение, но жалко мне и его и Вас особенно за то будущее, которое ожидает вас. И это будущее я вижу так же ясно, как я вижу перед собой стоящую чернильницу. И это будущее ужасно. Особенно тесное сожителство вследствие исключительного семейного положения с человеком с праздными, роскошными и развратными привычками, самоуверенным, несдержанным и лишенным каких бы то ни было нравственных основ, и при этом бедность при привычке обоих к роскоши и у каждого брошенные семьи и или закупоренная совесть, или вечное страдание».

О каком нравственном возрождении посредством новой жены может идти речь, когда ей самой, еще более чем ему, сейчас следует искать возрождения душою? В беседе с сыном Толстой наверняка говорил это.

«Простите, милая сестра, что так резко пишу Вам. Мне истинно жалко Вас и его: Вас жальче. Разорвав всё и вернувшись к прежнему, Вы не только можете возродиться душой, но все вероятия за то, что при сознании своего греха возрождение это совершится, но, избави Бог, осуществится ваш нелепый и преступный план, и вы наверное погибли и духовно и материально.

Я около месяца болею и теперь очень слаб, и потому письмо мое так бессвязно и бестолково. Но, несмотря на бестолковость его, я надеюсь, что Вы почувете в нем то чувство истинной любви и жалости к Вам, которое руководило мной.

Забудьте, что я старик, что я писатель, что я отец Андрея, и читайте письмо, как будто оно ничье, и, пожалуйста, ради Бога, подумайте о том, что в нем написано, подумайте одни со своей

совестью, перед Богом, устранив хотя на время всякие воспоминания об Андрее, о муже, обо мне, а подумайте только об одном, что Вам перед Богом надо сделать, что бы Вы сделали, если бы знали, что завтра умрете.

Простите, вот именно простите, и верьте моей искренней любви и жалости к Вам.

2 июня. Лев Толстой» (77.126).

Прочитав это письмо, Екатерина Васильевна перепугалась: «А вдруг на Андрея эти его слова подействовали так, как желал бы Лев Николаевич? И вдруг Андрей решил послушать отца и порвать отношения со мною? Меня объял ужас».

Толстой не все предугадал точно. Материально они не погибли, благодаря случаю и помощи. Если говорить о сходстве их интересов, то дальше чтения по очереди общих любимых мест в разных романах и стихах дело, кажется, не пошло. В последние годы семейной жизни Екатерина Васильевна предалась теософии, «массу читала, и это очень помогало мне не падать духом». Ее мужа это интересовать не могло. Но они были счастливы одним, счастливы тем, что они всегда вместе и всегда рядом.

8 января 1909 года Толстой записал в Дневнике: «Вчера думал о том, что надо поговорить с Катей о том, что жизнь ее ужасна, но прошедшее — прошедшее, в настоящем же ей предстоит хорошее дело: свою душу спасти и вместе с нею душу Андрея, который так любит ее. Она мало поняла и приняла. Может быть, я не прав. Дай Бог».

Правдивая Екатерина Васильевна прочла эту запись много лет спустя и удивилась:

«Мне казалось, что наш разговор просто не состоялся благодаря моей поглощенности градусником пастеризатора... Что греха таить — конечно, мы тогда были очень далеки от «спасения наших душ». Тогда мы были только счастливы и жили нашим счастьем на земле». Более того, «мы считали нашу жизнь в это время добродетельной, а Лев Николаевич в дневниках этих лет характеризует ее как «ужасную»».

Екатерина Васильевна твердо знала что-то такое, что не вызывало отклика в Толстом, и потому она, если бы и хотела, не смогла примерить его призывы к своей душе. Куда и зачем рвалась душа ее? Воля к чему двигала ею? Толстой не понимал или не принимал. Но то, что он не понимал или не принимал, то сочувственно поняла - и приняла в себя - Софья Андреевна.

17.(59)

Вначале, когда Андрей сказал матери о предстоящей женитьбе на Екатерине Васильевне, она, чадолюбивая мать 13 детей, возмутилась и «наговорила ему много гадостей, чуть не доходящих до проклятья, - вспоминает Екатерина Васильевна, - и запретила ему когда-либо переступить со мною порог яснополянского дома». Но когда они поженились, Лев Николаевич сам позвал их. Они приехали в Ясную Поляну в тридцатилетний юбилей Андрея и, конечно, встретили радушный прием.

«Софья Андреевна, как только мы остались наедине, стала говорить и расспрашивать обо всем очень ласково и мягко. Куда девались резкость и непримиримость, которые так обидели Андрея Львовича? Я совершенно растаяла от ее ласки и участия и только дивилась, почему такая перемена. В конце концов, она мне сказала, что она очень рада, что поговорила со мной по душам, так как теперь она меня понимает и надеется, что мы с Андрюшей будем счастливы».

Они скоро стали задушевно близки.

«Софья Андреевна с первых же дней стала посвящать меня во все свои горести: она откровенно высказывала мне свое огорчение и возмущение тем, что ее отстраняют ото Льва Николаевича «темные силы», что он с ней перестал быть близким и откровенным, собирается потихоньку написать завещание, вместо того чтобы собрать семью и просто объявить свою волю. Все это говорилось страшно взволнованно, со слезами, и возбуждало большую жалость. Другой же лагерь был для меня закрыт, так как в нем, очевидно, мне не доверяли, как жене Андрюши, хотя я в душе, может быть, была гораздо ближе к ним, чем к Софье Андреевне».

И это чистая правда. В записках Маковицкого говорится, что «Екатерина Васильевна упрекала мужа, что он с матерью

против отца, что участвует в этом недостойном напоре»³⁷⁵.

Именно со слов Екатерины Васильевны «другой лагерь» узнавал о тайных замыслах Софьи Андреевны: «Софья Андреевна сказала Екатерине Васильевне, что она уже не будет угрожать самоубийством и не будет по злему вымогать завещания от Л. Н., но что будет ласковая, добрая к нему и таким способом склонит Л. Н. написать завещание»³⁷⁶. Екатерина Васильевна, как это и не удивительно, стала ее доверенным лицом. Они часто гуляли вместе. Софья Андреевна была с ней «всегда ласковая и доброжелательная». По-видимому, она полюбила невестку. И та отвечала ей взаимностью. «Я ее очень любила и за ее удивительно нежную любовь к Андрюше, и за доброе отношение ко мне».

Наверное, Софья Андреевна хотела бы написать о своей жизни то же, что Екатерина Васильевна о своей:

«Конечно, мы Бога постоянно не искали и о «добре» мало думали. Дела у нас было по горло. Но, правда, это, по учению Льва Николаевича, было дело эгоистичное — для себя, для своего гнезда. Жили мы как птицы небесные, не очень заботясь о будущем, но старались в настоящем делать все, что казалось верно и хорошо. А главное, тогда мы жили нашей любовью и были счастливы, не раздумывая, не оглядываясь и не копаясь в каких-либо «учениях»».

Тут слышны слова и даже голос Софьи Андреевны.

Софья Андреевна на 35 лет старше Екатерины Васильевны. Но если говорить о первой половине семейной жизни Софьи Андреевны, то между их судьбами много общего. Как и Софья Андреевна, Екатерина Васильевна вышла замуж восемнадцатилетней девушкой за 34-летнего мужчину, который был, как и герой «Семейного счастья», близким товарищем ее отца. После замужества обе вели строго установленный их мужьями образ жизни, рожали детей, кормили и опять рожали. И ту и другую любили мужья. Все вокруг считали их

добропорядочными матерями, верными женами и счастливыми хозяйками аристократических домов среднего достатка. В их семьях вроде бы царили мир и благополучие. И та и другая являли пример, хотя и вынужденной, но вполне удачной женской судьбы, на которую, казалось бы, грех жаловаться. Они (чтобы ни говорила потом Екатерина Васильевна) и не жаловались, а принимали свою судьбу, как должное и достойное.

За первые 10 лет семейной жизни Екатерина Васильевна, превзойдя Софью Андреевну, родила мужу не пятерых, а шестерых детей, по болезни прекратила рожать и, точно в подтверждение Толстого, вскоре бросила и мужа и детей, воспылав любовью к Андрею Львовичу. В это время она была чуть старше Анны Карениной.

Не страшась всеобщего осуждения, Екатерина Васильевна сменила, пусть надежную и завидную, но вынужденную и «чужую» женскую участь на «свою». Она поняла, что муж ее – не «ее мужчина» и брак с ним – может быть и счастье, но не ее, а какой-то другой женщины. Она повстречала «своего мужчину», нашла в себе силы и решилась сломать вынужденность своей судьбы, и сломать тогда, когда это казалось уже невозможным. Она восстала против «чужой» женской доли и сменила ее на свою и свободную – с тем, кого она сама выбрала себе в супруги и с которым готова была жить столько, - месяц, год, всю жизнь – сколько позволит им быть вместе свободно выбранная ими судьба. Этим женским своим подвигом она и заслужила расположение, а потом и любовь Софьи Андреевны.

Из конфликта Софьи Андреевны с мужем легко может создаться впечатление, что она прежде всего любящая, добросовестная и ответственная мать и бабушка. И вот на склоне лет, четверть века провоевав с мужем, она поняла и приняла себе в душу женщину, которая бросила шестерых детей ради «большой любви», ради земного женского счастья. Жена Толстого желала любить всей полнотой земной любви и сердцем поняла все жертвы, которые ради такой любви принесла ее

невестка. Екатерина Васильевна в своей трудной жизни осуществляла то, что Софья Андреевна никогда бы не решилась на деле, но в воображении не раз (пусть только во второй половине 90-х) поступала так же, как и она. Не поэтому ли она так хорошо понимала и любила ее?

Конечно, для Софьи Андреевны особое значение имело то, что Екатерина Васильевна полюбила не кого-нибудь, а ее любимого сына, первейшего защитника ее в семье, «моего ласкового и доброго Андрюшу», оценила его непутевую душу. Дружба между двумя женщинами происходила от того, что старшая понимала младшую как самую себя, - как женщину, решившую ту проблему жизни и судьбы, которую она, хотела или не хотела, но не могла решить в своей жизни; может быть, потому, что всю жизнь не осознавала ее. Невестка заставила Софью Андреевну зримо осознать, что она прожила «не свою» жизнь, пусть и с великим мужем и в атмосфере всемирного почитания, но «чужую».

Не только Сопутство, но и приближение к нему, далеко не каждой и далеко не каждому дано. Лев Николаевич сторгически был не под силу Софье Андреевне. Сторгия с Львом Толстым – не ее сторгия, хоть удавись. Поэтому она «не могла», сколь ни желала бы, «пойти за ним» туда, куда он много раз звал ее, «не могла» состоять с ним в сторгической свитости столь высокого ранга, «не могла» изжить в себе «исключительное чувство» к другому мужчине, не могла, не была в состоянии отречься от себя ради него, не могла не бороться с мужем четверть века, не могла, наконец, удержать его в родной его Ясной Поляне.

Бывают исключения, но, вообще говоря, узнать мужчине «свою женщину» так же сложно, как женщине «своего мужчину». Хотя бы потому, что для этого надо, если и не пройти личностное рождение, то хотя бы его метку, вступить в волну личностного рождения, достичь возраста этой волны. Для мужчины этот возраст совпадает с началом сторгического периода, и ему легче быть зрячим. Женская путевая кривая

устроена иначе. Сторгическое время жизни наступает у женщины (16-19 лет) значительно раньше, чем в ней начинается подъем личностного рождения (23-25 лет). Женщина стремится к сторгической связанности на несколько лет раньше, чем становится способной выделить «соответственного себе» мужчину из многих, претендующих на сторгическое единение с нею. Только волей случая (или чего-то более могущественного, чем случай) вышедшая замуж в 18 лет девушка может в результате оказаться в «своей сторгии». Вынужденная судьба остальных прямиком ведет их в объятия сторгии, которая много лет спустя оказывается «чужой». Так это произошло и Софьей Андреевной Толстой, и с Екатериной Васильевной Арцимович.

Софья Андреевна всю жизнь охраняла себя от своей сторгии, уклоняясь от ситуаций, которые могли бы овладеть ей. А Екатерина Васильевна, напротив, как только услышала зов своей сторгии, так и пошла на этот зов. И Софья Андреевна в глубине души стала понимать, что, быть может, в жизни права не она, а ее решительная невестка.

Последний секретарь Льва Николаевича и доверенное лицо его жены Валентин Булгаков вспоминает эпизод, произошедший через 4 года после смерти Толстого:

"Проезжали возле речки Воронки.

- Как это красиво! – говорит С.А. – Это сочетание: белые стволы, янтарная листва и на фоне воды...³⁷⁷ Так и просится зарисовать. Взять сейчас краски и нарисовать. Ах, отчего меня не сделали живописицей! А сделали меня самкой и переписчицей.

Я молчу. С.А. глядит на меня, определенно "провоцируя", и повторяет:

- Ведь я была всю жизнь только самкой и переписчицей!

- Ну, зачем же так ограничивать свою роль, С.А.?

- Ничего не ограничивать... Меня сделали только самкой и переписчицей! – вновь повторяет С.А., капризно сморщив губы... ".³⁷⁸

Став женой великого человека, Софья Андреевна переписывала его рукописи, рожала и рожала детей ему и воспитывала их. А после смерти мужа жалела, что ее не сделали «живописицей», то есть совершенно ненужной Толстому женщиной.

Под конец жизни с Львом Николаевичем Софья Андреевна угадала правду о себе и соболезновала себе. Поздние упреки Софьи Андреевны о том, что она должна была стать не той, какой стала, какой ее сделал муж, справедливы. Она прожила не свою жизнь не со своим мужем. Софья Андреевна совсем не антисторгическая женщина. Профессор истории Попов, притязания которого она отвергла ради Льва Николаевича, куда более, по всей вероятности, подходил ей. Вышло недоразумение, одно из обыкновенных недоразумений в жизни.

Не «живописицей», конечно, хотела бы она быть, а женой человека, который был «ее», который сторгически подходил ей и не мог требовать от нее того, что она не могла дать. Она, видимо, признала, что ей, ее натуре свойственна совсем не тот тип сторгической свитости, который навязывал ей Лев Николаевич. Для плодотворной супружеской жизни Софье Андреевне необходим был равный ей сторгический ближний, «свой муж», а не тот, которого навязала ей судьба. Отсюда и ее истеричность, и ее стремление обелить себя, и ее злоба на него, совмещенная с нерушимой родственной привязанностью, нажитой десятилетиями существования бок о бок.

Лев Николаевич после женитьбы думал, что он ошибся и попался. Софья Андреевна, возможно, с еще большим основанием могла сказать, что доля у нее ошибочная, что она попала в завидную, но не «в свою» ситуацию брачной жизни. А могла бы попасть, пусть и совсем в незавидную и даже крайне для женщины тяжелую (как жизнь с ее Андрюшей) брачную жизнь, но в «свою», а не в «чужую сторгию». Вот в чем дело.

«Чужое» и «сторгия» вроде бы понятия не совместимые. Но несовместимость человеческих понятий обычна в попытках выражения реальностей духовного мира. Например: «любовь к врагу». Чужая сторгия - вовсе не то же самое, что сторгия несостоявшаяся. Сторгия – состоялась; но не своя, а чужая. Сплошь и рядом чужие друг другу люди соединяются в браке, и в результате сторгического соприкосновения в них начинаются процессы сторгической жизненности. В общем случае совсем не обязательно, чтобы один супруг был «соответственен ему» (Быт. 2:18), другому супругу. Достаточно и доли ответственности и совместимости, пусть даже и искусственной. В супружеской сторгии сплошь и рядом сначала образуется сторгия, а потом она оказывается чужой сторгией. Лев Николаевич за многие годы прикипел к Софье Андреевне телом и душой, но то была чужая сторгия. В 1871 году струна чужой сторгии не лопнула, а дала трещину и перестала натягиваться. И держала еще 17 лет, могла и вообще не лопнуть, а когда все же разорвалась, то оказалось, что под ней и на месте ее давно образовалось другое крепление, прочное крепление родственности, не подлежащее разрушению в старости.

Большинство людей живет чужой сторгией, не зная этого или скрывая это от себя. Чужая сторгия раскрывается, когда либо произошел перелом, либо возникла возможность осуществления своей сторгии (с другим человеком), либо повзрослел настолько, что увидел: «не свой» или «не она». Не случись с мужем духовного перелома и Софья Андреевна, скорее всего, никогда не поняла бы, что она жила и живет чужой сторгией.

Сторгические образования – одно из немногих всем зримых оснований существования высшей души человека. Основание не было бы основанием, если бы оно не воздействовало принудительно. Сторгия принудительна в человеке и оттого подслеповата. Есть «чужое», которое может становиться

родным. Но все же не «своим». Можно любить чуждого человека, как своего, но от этого чужая сторгия не становится своей сторгией.

Сила натяжения сторгии у каждого своя. Но вот что удивительно: в чужой сторгии эта сила такая же, как в своей. Сила эта, словно слепая природная сила, натягивает и натягивает струну лука, безразлично к тому, куда, в кого и зачем полетит стрела из него.

То, что произошло с Львом Николаевичем и Софьей Андреевной, не такая уж редкость в практике человеческой взаимоотножности, где сторгию возможно создать принудительно. Чужая сторгия - широко распространенное явление супружеской жизни. Хотя бы потому, что свою сторгию человек находит и узнает невзначай. Предсторгическая любовь обыкновенно возникает к тому, кого во время подсунула жизнь. Возможность своей сторгии сплошь и рядом упускается. Своя сторгия – удача душевной жизни и зарождается она редко или очень редко.

Своя сторгия прямиком ведет к Сопутству, но не гарантирует его, так как для него, кроме осуществления своей сторгии, необходима сопутевая женщина, которой, как было сказано, можно только родиться и, родившись, стать ею. Чужая сторгия не может перерасти в Сопутство, даже если женщина по природе сопутевая. Чужая сторгия принципиально иное сторгическое образование, чем своя сторгия. Она ограничена, в том числе (или в первую очередь) в сторгическом росте. Но не только.

Во взаимосвязях чужой сторгии можно быть жертвенным человеком, но в ней невозможно самоотречение.

Самоотречение смиренно, так как оно означает перенос и подчинение своего "Я" другому «Я», признаваемому высшим. Никто не погибает на Пути от душевного перенапряжения самоотречения. Но, бывает, сходят с Пути жизни при перенапряжении экстаза самопожертвования. Жертвование своими потребностями, желаниями, интересами, даже своей жизнью может быть гордо и по сути бездуховно. Софья

Андреевна - женщина саможертвенная - и по-женски, и по-человечески, и особенно по-матерински, - но не самоотверженная, что и сказалось, когда жизнь потребовала отречения от своего "я" ради духовного Я своего мужа. Она, как и абсолютное большинство женщин на ее месте, предпочла служить своим детям, жертвуя, чем могла их потребностям, желаниям, интересам. Софья Андреевна не стала самоотреченной женой потому, что чужая сторгия не требует самоотречения. Она «не могла» пойти за мужем, разделить его взгляды и прочее не из-за дефектов своей души, не потому что вообще не могла, не была способна на веру и самоотверженность (о ее нереализованных возможностях в этом отношении мы так ничего и не знаем), а потому, что этого не требовалось чужой сторгией, в которой она состояла.

Из-за чужой сторгии Софья Андреевна и не могла удержаться после смерти Ванечки на той сторгической высоте, на которую она хотела и уже могла бы встать. Чужая сторгия не предусматривает и такой возможности. Сторгическая катастрофа угрожает чужой сторгии всегда, как только ее пытаются перевести на недоступный для нее уровень. Смена душевных состояний жены Толстого после смерти Ванечки говорит сама за себя. Сначала мощный сторгический порыв вверх, потом невозможность реализовать этот порыв в чужой сторгии и, в результате, - стремление открыть новое и «свое» сторгическое движение.

Сторгическая катастрофа, то есть гибель третьего сторгического звена (а не родственных связей двух людей), в жизни супругов Толстых произошла потому, что это сторгическое звено было рождено в чужой сторгии. При своей сторгии катастрофы – в том высоком состоянии духа, в котором они были после смерти Ванечки, - быть не могло. Софья Андреевна открыла новое сторгическое поле деятельности, но только в своем воображении. Танеев, конечно, мираж своей

сторгии. Но мираж этот стал возможен потому, что чужая сторгия способна многократно возникать в жизни. Только своя сторгия – однократна. Я не имею в виду возможность осуществления своей сторгии; бывает, что такая возможность представляется не раз. Но реализуется своя сторгия единожды в продолжение человеческой жизни.

Теперь мы по-новому можем взглянуть на «Анну Каренину», из анализа которой мы некогда вывели мысль об однократности сторгии. Роман это не о супружеской измене, а о чужой и своей сторгии. У Левина и Кити – своя сторгия, и это большая удача и большое счастье.³⁷⁹ У Анны и Каренина – чужая сторгия, но сторгия осуществившаяся, разрывать которую – великий грех. Крах состоявшейся сторгической связи, пусть и «чужой», оборачивается отщением, бедой. Но Анна бросается под поезд не из-за этого, а потому, что не состоялась и ее сторгическая связь с Вронским, что и она опять «оказалась» чужой сторгией.

Анна и ее муж в действительности состояли в чужой сторгии, кончившейся сторгической катастрофой. Этим «Анна Каренина» в жизни ее автора оказалось произведением провидческим.

Словно рок чужая сторгия заложена в ситуации жизни, в которой человек поставлен на Земле. Рок жизни Анны - говорящий по-французски и кующий железо мужик ее сна - тот же рок, что и жизни Толстого: рок чужой сторгии, который висит над каждым человеком.³⁸⁰ Чужое в данном случае то же, что чужеродное. Кто и от чего чужеродны: высшая душа, низшая душа, животная личность? Своим женским обликом и характером женственности (то есть на уровне животных личностей) Софья Андреевна не только соответствовала мужу, но и обладала властью над ним. Их чужеродность - на уровне высших душ. Она предрешена чуждой Толстому ментальностью А.Е. Берса, унаследованной его дочерью. Но не только. Они не сходились в основах жизнесознания. Вот еще одна сторона дела.

В первый же месяц после женитьбы Толстой обнаружил, что жена склонна во всех обстоятельствах жизни, даже самых счастливых, болезненно жалеть себя, всегда сознавать себя жертвой, сетовать на «свою мнимую несчастную судьбу», как писал Толстой в Дневнике того года. Со временем это ее переживание себя все более усиливалась и под конец жизни совсем овладела Софьей Андреевной. «Свойство ее, над которым еще в молодости подтрунивала ее сестра Таня, - жалость к себе и убеждение, что она несчастная жертва, - обострилось до предела» - свидетельствует Александра Львовна.³⁸¹ Домашние не могли не видеть этого, но не совсем понимали значение этой ее черты.

Агапическое чувство жизни, как мы говорили выше, выражает себя в жалости, жалостью к другим.³⁸² Жалость к себе – антиагапическое чувство жизни. Толстому оно совершенно не знакомо. Жалость к себе неизбежно сопровождается претензиями к другим. Это было свойственно Софье Андреевне, но совсем не свойственно Льву Николаевичу, который во все периоды жизни был склонен предъявлять претензии только к самому себе, и особенно когда агапическое чувство после духовного рождения стало чувством жизни его высшей души. Векторы развития высшей души у Толстого и его жены были изначально направлены в разные стороны. Что совершенно исключало вхождение в свою сторгию.

Разнонаправленность и чужеродность высших душ не вскрывается мигом. Может и не открыться, если мужчина не дойдет на Пути до определенного предела. Невозможность своей сторгии не раскрывает себя до подъема Пробуждения, после которого необходим переход к Сопутству. Для путевого человека чужая сторгия неминуемо обнаруживает себя уже на плато Пути. И у супругов Толстых «струна лопнула» в момент, когда Лев Николаевич входил на плато Пути.

Однако, и в отличие от Анны Аркадьевны своего романа, и от жены своего сына Екатерины Васильевны, и от своей

собственной жены Лев Николаевич так до конца и не дал себе отчета, что его с женой связывала чужая сторгия. Произошло это, конечно, не от недостатка проницательности.

Толстой – жертва им же созданной чужой сторгии. И это отчетливо сказалось на его Путепрохождении.

Есть двухцентровая и одноцентровая сторгия. При двухцентровой сторгии один перенимает у другого его чувство жизни, а этот у первого – его сознание жизни. В одноцентровой сторгии ведущее лицо не перенимает у ведомого ни его чувство, ни его сознание жизни, а само является единственным носителем и того и другого в сторгической взаиможизни. Часто чужая сторгия это одноцентровая сторгия. Для единственного носителя ее чувства-сознания, для того, на ком все центры сторгии, сама сторгия не переживается своей или чужой. Степень же «чуждости» другого лица одноцентровой сторгии, - того, чье чувство-сознание жизни оказалось безударными в сторгической связи, - возрастает и тем вызывает тенденцию к отрицательному сторгическому росту.

Одноцентровая сторгия по существу вынужденная и на практике рискованная. Она всегда нарождается, пусть и не всегда отчетливо, когда в образовании сторгического единства участвуют люди, достаточно резко различающиеся по духовной силе и возможностям высших душ.

Одноцентровая допутевая чужая сторгия – вот тип сторгической связи, которую в своей супружеской жизни вытрудили Лев Николаевич и Софья Андреевна.

Нам, смертным людям, чужая сторгия может показаться чем-то вроде самообмана. Но Силам, создавшим человека, все равно как представляется нам. В жизни человеческой они предусмотрели сторгический результат. И результат этот достигается - как угодно. Сторгия включена в Замысел человека, и чужая сторгия создается в соответствии с этим Замыслом. Своя сторгия так или иначе возникнет среди океана чужой сторгии и этого, видимо, достаточно.

Чужая сторгия – вовсе не плод недоразумения, а один из неизбежных и законных результатов сторгической работы высшей души, и куда более распространенный результат, чем

своя сторгия. Попытаемся понять роль и значение чужой сторгии в общем сторгическом сюжете человеческой жизни.

В своей сторгии строятся сторгические существа, которые нельзя назвать безличностными. Они вкраплены в всеобщедуховное поле и выходят в качестве соединяющего звена сторгии или высшей души человека тогда, когда предоставляются соответственные им личностные условия навигации.

А в чужой сторгии? Чужая сторгия есть нечто промежуточное, что-то только наклюнувшееся, неопределившееся, в том числе индивидуально.

Резонно предположить, что чужая сторгия создает нечто вроде заготовки сторгического существа для новой навигации, в которой на основе этой заготовки может родиться полноценное сторгическое существо. Это еще не зародыш, а то, что может стать зародышем – сторгическая яйцеклетка, которая при оплодотворении становится зародышем сторгического существа.

В отличие от плотской фолликулы, оплодотворение сторгической яйцеклетки происходит с двух сторон – чувством жизни женщины и сознанием жизни мужчины. Такое оплодотворение происходит при своей сторгии. Зародыш сторгического существа возникает при образовании своей сторгии и развивается в процессе ее сторгического роста. Это не значит, что он в течение одной человеческой жизни обязательно разовьется в сторгическое существо.³⁸³ Полуфабрикат сторгического существа возвращается во всеобщедуховное поле, откуда он в том или ином качестве вновь востребуется для следующей сторгической операции и дозревает в своей сторгии. Окончательно созревшее сторгическое существо выносится в Эден. Тут его конечная точка и задача Восьмого Дня Творения.

Иногда кажется, что основное препятствие для восхождения личной духовной жизни не немощь духовной воли в человеке и не непроходимость завалов соблазнов на его Пути, а трагедии при попытках осуществить не чужую, а свою

сторгию, роковая неосуществленность своей сторгии в человеке.

При этом нет недостатка в сторгически талантливых (и даже способных к Сопутству) женщин. Нет недостатка и в мужчинах, обладающих свободной сторгической волей, необходимой для осуществления своей сторгии. Каждому восходящему на Пути жизни мужчине нужно если и не Сопутство, то своя сторгия. А ее нет. Одиночно восходящему мужчине кажется, что ему не повезло на свою сторгию. Сопутевой женщине кажется, что ее сторгические потенции не востребованы мужчиной, что она ему сторгически не нужна. Очень странная ситуация.

Дело, я думаю, в невостребованности, неразработанности и в малой внедренности личной духовной жизни в человеческую жизнь. Если она уже и поставлена на верстак Бога, то как-то с краю. Центр тяжести духовной жизни все еще установлен на жизни общедуховной и никак не может сместиться в сторону духовной жизни отдельной души. Люди не знают, как искать друг друга для осуществления своей сторгии, мечтают о ней, но не умеют найти, у них нет рабочих навыков делать это, нет и четких представлений о безусловной духовной ценности сторгии и о том, что сторгия есть законная и неустраняемая сторона духовной жизни, личной духовной жизни. Людям все еще кажется, что сторгию не надо добывать тяжелым трудом душ, что она сама «приложится». Стереотип беструдности осуществления чужой сторгии слепо переносится на свою сторгию. От этого недоразумения и слепоты сторгические ближние винят друг друга в несостоятельности своей сторгии, не умея ни создавать, ни хранить, ни как следуют ценить благо и необходимость ее. Люди женятся и находят себе друзей полуслучайно, по психофизиологическим вкусам или в силу обстоятельств жизненного потока, а не по интуиции, которой снабжена всякая добротная сторгическая воля. Надо уметь слышать голос этой интуиции, а слыша, желать и уметь следовать ей.

Чужая сторгия образует сторгические яйцеклетки, которые толпой заполняют общедуховное поле, находясь в полной готовности к очередной навигации природной жизни. Сторгическими заготовками, скорее всего, мостится мостовая верхнего пласта Общей души. Общедуховная область, где обитают Сары, для сторгической заготовки недоступно высока. И потому сторгическая фолликула, возникшая в чужой сторгии, не в состоянии служить возчиком Сара из личной духовной жизни в общедуховность.

С момента женитьбы Толстой оказался в метафизической западне. Не создавать сторгию (какая выйдет) нельзя. Но потом никак нельзя и разрывать сторгию, пусть и «чужую». Крепость связи в чужой сторгии может быть такова, что человеку не по силам порвать ее – даже, когда пришла пора. Лев Николаевич в полной мере вкусил эту муку. Толстой – не только жертва, но и мученик им же выкованной чужой сторгии.

Эденское существо Толстого вышло в земную навигацию в том числе и в расчете на включение в Общую душу в качестве Сары Совести. Такая возможность дается Эденом для земной жизни и ее Общей души. Другой вопрос - воспользуется ли земная жизнь и Общая душа данной ей возможностью? Для

самого по себе эденского существа это не столь существенно. Не воспользуется Общая душа – эденское существо уйдет обратно в Эден. Сар для эденского существа не задание, а шанс, предоставляемый Общей душе (или общедуховному всечеловеческому пространству жизни) для ее упрочения и духовного роста.

Надо различать срыв общедуховного дела Сара Совести из-за отсутствия возчика в составе чужой сторгии и сторгическую катастрофу, распад чужой сторгии и гибель образованной в ней сторгической яйцеклетки или его заготовки. Сторгическая катастрофа произошла в супружеской жизни Толстого во второй половине 90-х годов. Чужая сторгия объявила о себе за 20 лет до того, в начале 70-х и стала явной в 1884 году. Сторгический кризис 1884 года вызван тем, что сторгия супругов Толстых оказалась чужой. Дело Сара Совести сорвалось. Произошло это как раз в то время, когда в жизнь Льва Николаевича вошла Мария Александровна Шмидт. Далее метафизическая биография Толстого продолжалась в составе эденской сторгии с ней. Сделаем небольшое отступление и потом поговорим об этом подробнее.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПУТЬ И СОПУТСТВО.

женщина - те две ноты, без
струны человеческой души не дают
полного аккорда».

/Мадзини/

«Мужчина и
которых
правильного и

Можно представить житие существ высших, самых одухотворенных, обитающих бок о бок и друг с другом взаимодействующих. Пусть они сходятся и расходятся, даже проникают друг в друга, но одно нельзя сказать про них – что они встречаются. Мир человека и человеческая жизнь обладают специфической особенностью, которой нет в мирах других одухотворенных и разумных существ. Только люди способны встречаться один с другим. Лишь в человеческой жизни может происходить Встреча. И понятно почему.

«Я» - выделенный центр Всего существующего. Один Бог обладает «Я». Человек – уникальное существо, которое обладает подобием «Я» Господа. Своим «Я» человек подобен Господу. Через Господа «Я» одного человека родственно «Я» другого человека. Встреча - это когда одно человеческое «Я» сигнализирует о своем существовании другому, которое по сродственности с первым не может игнорировать его сигнал, хотя и обладает свободой отвечать на него добром или злом. Такое возможно только в мире людей - уникальных носителей «Я» - и нигде еще.

На человеческое существование можно смотреть как на череду встреч. Тогда ударение в нем переносится с «человек и общество» на «человек и человек». Человек не столько общественное существо, сколько существо встречающееся. Человек – существо Встречи, встречающееся существо, способное к Встрече и не могущее уклониться от ее осуществления.

Плотское и животное не гибнет от голода, подпитываясь от плотского и животного, потребляемого и перерабатываемого в пищу. И душа одного человека не погибает от душевного голода потому, что питается от душ других людей. В каждом из нас есть нечто такое, что предназначено не для себя, не для внутреннего пользования, а для Встречи, на произвольное отдавание, для другого человека. Встреча означает переток содержимого из человеческой души в человеческую душу.³⁸⁴

Вся наша жизнь основана, питывается и подпитывается встречами одного человека с другим человеком. В каждой

человеческой душе есть ресурсы, необходимые для собственной жизнедеятельности, и другие ресурсы, которые для себя человек не использует (или пользуется в аварийных случаях) и которые он невольно и бессознательно готов передать в другую душу. При встречах происходит трата специально на это предназначенного резерва души, осуществляющая подпитку душевной жизни от одного лица к другому. При этом, удивительное дело, резервы души не утрачиваются, а от траты и передачи только увеличиваются.

Встреча – не взаимодействие в общезитии, не взаимодействие в солидарности клана, социума, общества, племени, народа и прочее. Встреча - это «встречное» вневременное взаимодействие и взаимодействие человеческого в человеке, произвольное принятие в себя чего-то от другого человека, взаимодействие потоками жизни, на котором основана постоянная подпитка, совершенно необходимая для жизни души всякого человека.

Встреча таинственна и свободна, как ничто другое в человеческой жизни. Встреча не контакт, не соприкосновение, не притирание, не слияние, не воздействие, а сверхъестественное озарение узнавания, включающее признание или непризнание себя в другом, притяжение или отталкивание, одновременное притяжение и отталкивание людских душ.

Моменты встреч – основополагающие моменты собственно человеческой жизни. В эти моменты совершается нечто, что не может случиться нигде, ни с какими существами, и ни в каких Мирах. Сказать, что происходит в человеческой жизни в момент Встречи, значит сказать, что есть человек как работник Божий. Мы относимся к встречам своей жизни так безответственно, пренебрегаем ими потому, что ложно считаем данную нам жизнь своей.

Встреча – в ряду основных ценностей человеческой жизни. Она предоставляет исходный материал работы горения человека на Земле. Материал этот поставляется ему во множестве. Недостаток материала возможен разве что в самых суровых условиях существования - в одиночном заключении.

Встреча совершается в любой момент и в любом месте, где есть люди - в зале, на улице, в трамвае, на поле боя. Она происходит

непроизвольно, часто не фиксируется в воспоминаниях, по видимости, не имеет продолжения и последствий. Но составляет базисное условие собственно человеческого способа жизни. Человек без встреч – не совсем человек. Человек задуман для Встреч. Встреча включена в Замысел человека, исполнение которого без нее невозможно.

Мы, люди, прибыли сюда на Встречи. И обязаны использовать каждую встречу как приказ и дар Божий.

Самым высшим своим состоянием человек испокон веков почитает состояние своей встречи с Всевышним. Религии различаются по тому, какими путями человек предпочитает добиваться этой Встречи. Основная цель молитвы и ее результат – не мольба и не выявление своего отношения к Нему, а Встреча человека с Богом. Вопрос: как веруешь Богу? - тождественен вопросу: в чем и как полагаешь Встречу с Богом?

Особым статусом обладает первая встреча человека – встреча младенца с матерью.³⁸⁵ Младенец растет и люди стараются следить за его восприятием окружающего мира, за принятием им его в себя. Это, разумеется, важно. Но еще важнее для него – не мир вокруг, а другой человек, интердушевное общение ребенка, то, что он принимает в себя при встречах с людьми. Душа ребенка это каркас, который обстраивается тем, что он получает от многочисленных встреч. И слово для ребенка – необходимый канал Встречи. Любовь взрослых (особенно матери, конечно) это наибольшая открытость канала Встречи и интердушевного общения. Ребенок таков, каковы встречи ребенка.

С младенчества ребенок способен на интердушевный взаимообмен. Он ищет встреч как пищи душевной. Но и душа его матери страдает от голода без общения с ним. Любой взрослый получает от встречи с ребенком нечто такое, что ему неоткуда больше получить – чистые струйки агапической жизненности.

Встреча включена в человеческую жизнь как ее неустранимое и основополагающее свойство. Душевная потребность Встречи

иррациональна. В душевно активную пору человеку необходимо расширять и расширять круг встреч. Без них душа портится, скисает. Молодость живет в круговороте встреч. И только в старости, когда жизнь уходит, когда и встреченные в земной жизни уходят из нее (из жизни вообще и из течения твоей жизни), потребность во встречах несколько угасает.

Жизнь человеческой души протекает во встречах. Мы живем в создаваемом встречами дискретном времени. Подавляющему большинству людей нечем жить между встречами, и они живут от одной встречи до другой. И только от встречи оживают. Жизнь души могла бы остановиться в промежутках между встречами и, если она не останавливается, то потому, что люди, хуже или лучше, умеют встречаться сами с собой; и это, несомненно, есть одно из самых продуктивных состояний душевной и духовной жизни.

Встреча – человекообразующее явление. Она формирует человека, делает человека человеком. У первобытного человека (на наш сегодняшний взгляд) дефицит встреч и, следовательно, недостаток интердушевного питания. Ограничивало ли это обстоятельство его духовное развитие? Возможно, что в те далекие времена каждая встреча была предельно значима. Чем ближе к нашим дням, тем больше Встреча теряет свое звучание в душе, становясь более и более незначущей, неполноценной. Эта большая беда человека Нового времени.

Мы не ценим наши встречи потому, что сегодня во встречах недостатка нет, напротив, их переизбыток составляет нашу жизнь. Современный человек живет в переизбытке, случайности и девальвации встреч – прямой путь к духовной деградации. Во встречах наших нет встречности. Душа современного человека не в состоянии переработать и выдержать такое множество каждодневных встреч. И вынуждена закрывать себя от Встречи. Отсюда склонность либо к чрезмерному индивидуализму, либо к чрезмерной обобщественности человека нашего времени, либо к тому и другому вместе. И все же Встреча так важна человеку, что он умудряется устраивать мир фиктивных встреч, в которых пытается жить так же, как во встречах подлинных. В таком мнимодушевном и мнимодуховном мире происходит «как бы» Встреча,

которая, вроде бы оставаясь Встречей, в действительности не нагружает душу. Что-то да значит, что нынешний человек ничего не желает воспринимать без печати мнимодушевности.

В условиях тесноты, вынужденного сверхтесного сближения людей происходит деградация самой Встречи. Потоки взаиможизни мешают друг другу, перебивают друг друга. Каналы Встречи в душе человека не способны справиться с многочисленными и путающимися потоками, не могут реализовать их и потому отказываются служить по назначению. Люди с заблокированными каналами Встречи агрессивны друг к другу, так как без Встречи они друг другу не нужны, лишни или излишни один для другого и агрессией выражают это. Агрессия строится на отрицании Встречи, она есть то, что остается в человеке, если из его жизнедеятельности вычтеть возможность Встречи. Агрессия – стремление к взаимоуничтожению людей, лишенных мистического взаимодействия Встречи.

Каждый народ вырабатывает свою культуру Встречи. Она, несомненно, коренится в Общей душе и имеет особое значение для нее. При падении культуры Встречи резко повышается уровень агрессивности в обществе и во внутреннем мире отдельного человека.

Душевная пища, которую ненароком воспринимаешь во встречах, бывает вкусная и невкусная, вредная и полезная. Отчасти человек способен отгораживаться от отравленной душевной пищи, поступившей через дурную встречу, способен не впускать ее в себя, но только отчасти. Есть люди, ужас мимолетной встречи с которыми помнишь всю жизнь. Невкусную, вредную, даже зловредную, ядовитую встречу не просто вытащить из себя. Да и куда ее вынуть? Только в другого. Вот и мотив разнородных душевных движений, приносящих и разносящих зло в человечестве.

Момент Встречи и сама Встреча пропитана Добром и Злом. Встреча – мгновение схватки Добра и Зла. Человеческое Зло в огромной степени порождено Злом во Встрече. Во всяком случае, без нее не было такой изощренности человеческого Зла, и само Зло было бы сведено к несчастью.

Есть люди нацеленные на Зло Встречи, есть – на Добро Встречи. Добро вообще творится только во встречах, пусть и заочных. Одна из самых важных внутренних задач Общей души это регулировать Добро и Зло встреч людей.

Люди безответственно относятся к встречам своей жизни и совсем не понимают, что Встреча как таковая имеет метафизическое значение.

Можно ли ликвидировать состоявшуюся Встречу? Встреча всегда означает, что кто-то пришел в твою жизнь, чтобы остаться в ней навсегда, хочешь ты этого или нет. Разлука - не антоним встречи в ее метафизическом смысле, а один из ее ходов. Человек способен своими усилиями стереть не стереть, а затереть встречу по соображениям ума. Но наш ум или разум, решающий судьбу той или иной встречи, вовсе не пригоден для этого, так как, подменяя собой Замысел Бога, он всегда лжет человеку. Каждая аннулированная встреча - катастрофа в истоках человеческой жизни. Благо в полной мере такое невозможно.

Встреча есть встреча; если она состоялась, то она есть. Хотя может быть и отработана в душе. Отработанная Встреча – одно из самых обыкновенных, но и самых мучительных переживаний человеческой жизни. Скрытый ужас отработанной встречи происходит оттого, что в человеческой душе не предусмотрен выход для нее; когда кто-то вошел в открытый для него вход души и умер внутри нее, то умер, оставаясь в душе. Каждая отработанная встреча – мертвец в душе человека. Мучительность отработанной встречи мы не замечаем потому, что притерпелись к ней. В этом же ряду и мучительность отработанной (нерезультативной) предсторгической любви, и мучительность сторгической катастрофы. Любая встреча не уничтожается в душе, не стирается окончательно, так, чтоб ее «не было», - она «была» и остается, она «есть» всегда, пусть даже как дыра души, как область смерти при жизни.

Что происходит в момент Встречи? Сталкиваются материки двух душ и от этого столкновения высекается неведомое, является что-то новое. Это новое и неведомое не вносилось в жизнь человека с рождением

и, значит, смерть над ним не властна. Это то, что помещается в бессмертный итог всей человеческой жизни.

Со-общение, полученное при всякой встрече, в качестве сырого материала входит в общую картину, которую тклет высшая душа во все моменты своей жизнедеятельности. Каждая встреча помещается в основной капитал, накопленный в человеческой жизни. Встреча заносится в результат прожитой на Земле жизни, составляет ту ее картину, с которой каждый выходит из жизни. Встреча – сырой материал для того, что возделывает, вырабатывает высшая душа в человеке, и то, что она после его смерти выносит либо в общедуховное пространство земной жизни, либо в Эден.

Встреча – одна из центральных категорий жизни человеческой. Ничто, ни смерть, ни разлука не может уничтожить ее. В том числе и то Зло или Добро, которое она породила и ввела в общий нетленный багаж жизни человека.

Во Встрече людей участвуют их «Я». Отсюда метафизичность Встречи. Разработка религиозного и философского учения Встречи – дело будущего. Сторгия – праведное в учении Встречи. Сопутство – вершинное в нем. Эденская сторгия – Божественное в нем.

Встреча человека с человеком совершается на разных уровнях. Встреча мужчины и женщины - высокий уровень Встречи, предусмотренной и земной и небесной природой человека. Встреча мужчины и женщины - более чем встреча двух людей, их «Я». Это, во-первых, взаимодополняющая Встреча и, во-вторых, Встреча, захватывающая всецелого человека, в ней участвует весь человек, человек как целое всех его инстанций. В человеке нет ничего, что не могло бы участвовать во встрече мужчины и женщины. Если удалось бы рассмотреть человека со стороны, то открылась грандиозная панорама

встречи двух «Я» сразу во многих Мирах, входящих в Структуру человека.

Жизнь вообще есть Любовь. Человеческая жизнь есть Встреча и Любовь. Сначала Встреча, за ней Любовь. Так должно бы быть, но бывает редко.

Никакая другая Встреча, кроме встречи мужчины и женщины, не обещает «свое счастье». Надежда обретения «своего счастья» входит в установку Встречи мужчины и женщины. В установку «своего счастья» входят и «свои дети». Существенно, что само продолжение рода человеческого предусмотрено как результат Встречи, а не так, как у животного, в результате соития.

Встреча мужчины и женщины может не состояться, а может стать сторгической любовью. Сторгическая встреча еще не сторгия, но то, из чего выделяется сторгия.

Мы прибыли сюда на Встречу, и прежде всего на сторгическую встречу. Сторгия – тот высокий уровень Встречи, который соответствует Замыслу на человека. Поэтому сторгия и образуется в полупринудительном порядке. Правда, при этом она может оказаться не «своей», а «чужой сторгией». «Чужая сторгия» и возможна-то потому, что Встреча пронизывает всю жизнь человека, составляет ее условие и сама обладает исполняющей волей. Человек затягивается в сторгию как таковую, в любую сторгию, что практически означает – в чужую сторгию. Свою сторгию всегда приходится добывать. Своя сторгия предоставляется жизнью, но не дается в дар. Почти даром (не без труда, конечно) предоставляется чужая сторгия. Отсюда и вынужденность сторгической судьбы человека. Особенно женщины.

2(63)

В крайне урезанном виде стержневая мысль сторгического процесса человеческой жизни видится так.

Мы прибыли сюда для встреч. Именно во встречах человека с человеком возникает то, что заполняет поле, в котором живет высшая душа человека.

Высшая душа человека есть элемент все-общедуховного (сторгического) поля жизненности. Она выделена из него и погружена в него. Все, что обитает в нем, способно во-душевляться, становиться высшей душой человека. Высшая душа порождена Встречей, есть прямой результат работы Встречи в сторгическом поле жизненности.

Испокон веков действующая сторгическая воля высшей души человека создает сторгические новообразования во все-общедуховном поле жизненности – сторгические процессы и клетки, разнообразные уплотнения и узлы, отдельные струи сторгической жизненности, сторгические существа, их зародыши, зерна, ядра и прочее. Эти сторгические образования, во-душевляясь в высшую душу и проходя человеческий путь, обретают новое качество, возводятся на новую, более высокую ступень сторгической жизненности. По смерти человека они возвращаются в межчеловеческое духовное пространство и в следующем во-душевлении, в следующем поколении высшей души являются в новом и высшем качестве. В последовательном ряду во-душевлений духовное достоинство высшей души постоянно растет из поколения в поколения.

Встреча мужчины и женщины состоялась тогда, когда сторгическое взаимодействие их встречи породило супружескую сторгию. Супружеская сторгия трехчленная. В сторгическом триединстве кроме двух высших душ участвует и их соединяющее звено, находящееся во все-общедуховном поле. Все сторгические образования этого поля способны не только во-душевляться, становиться высшей душой человека, но и включаться в его супружескую сторгию в качестве соединяющего звена ее. Качество и достоинство соединяющих звеньев сторгии растет с развитием человечества так же, как и высших душ людей.

Все-общедуховное поле наполнено разного рода сторгическими образованиями. В качестве третьего в сторгической супружеской связи можно заполучить как то, которое создано вчера, так и то, которое создано тысячелетия назад. Правда, в последнем случае все вероятия за то, что оно более дозрело, стало полноценнее и, значит, в состоянии обеспечить большее совершенство супружеской сторгии мужчины и женщины.

Чужая сторгия – весьма и весьма высокая ступень сторгического единения мужчины и женщины. Она возникает в результате длительного, неизбежного и продуктивного процесса роста высших душ и соединяющего их сторгического звена. Чужая сторгия – поворотная веха в развитии процесса супружеской сторгии в человеке.

Чужая сторгия создает из исходного материала сторгической клетки качественно новый вид сторгического образования - сторгическую яйцеклетку, способную к оплодотворению и превращению в зародыш, пригодный к развитию в сторгическое существо.

Судьба сторгической яйцеклетки замысловата и разнолика. В каких-то особых случаях она способна стать высшей душой (только ли женщины?) и в таком качестве участвовать в сторгическом процессе. Но основное ее предназначение другое - быть соединяющим сторгическим звеном. В качестве соединяющего звена сторгии она может служить в новой сторгии, где она либо оплодотворяется и переходит в высшее состояние, состояние развивающегося сторгического существа, либо вновь оказаться в ситуации чужой сторгии, либо участвовать в неудавшейся сторгии. В последнем случае она сохраняется в исходном виде.

Естественно предположить, что сторгическая яйцеклетка включена в исходящую от создавших ее высших душ наследственную сеть, в которой она вновь готова стать соединяющим звеном сторгии. Если и в следующий раз она оказалась соединяющим звеном в чужой сторгии, то она перевязывается, становится уже другой яйцеклеткой, выходит из прежнего наследственного ряда (обедняя его

возможности) и переставляется в другой наследственный ряд. Сторгическая яйцеклетка есть образование многократного использования. Но она не бессмертна. В чужой сторгии она может перевязаться в другую сторгическую яйцеклетку, остается в сторгическом поле жизненности в состоянии готовности к дальнейшему употреблению, а может и погибнуть в результате сторгической катастрофы. С каждым перевязыванием вероятность сторгической катастрофы возрастает. Кочуя из одного сторгического триединства в другое, сторгическая фолликула приближается к смерти.

Но если сторгическая катастрофа произошла, если сторгическая яйцеклетка умирает, то что такое труп этой яйцеклетки? Совсем исчезнуть он не может. Деваться из поля сторгической жизненности трупу этому некуда. Он не живой, не способен к оплодотворению, но, коли все же существует, то - может ли, пусть и по ошибке, быть востребован в сторгии высших душ людей? И что ж тогда? Чуть-чуть зная людей, можно предположить, что все-общедуховная жизнь основательно наполнена трупами сторгических яйцеклеток, которые обманывают и обманывают сторгическую волю человека.

Своя сторгия состоялась тогда, когда сторгическая фолликула, некогда возникшая в чужой сторгии, оплодотворяется с двух сторон – чувством жизни одной (женской) высшей души и сознанием жизни другой (мужской) высшей души. В сторгической связи того типа высшая душа женщины принимает сознание жизни от мужской высшей души не непосредственно (как, скажем, от своего отца), а через сторгическое существо или его зародыша. Так же, через то же, и мужчина перенимает от женщины ее чувство жизни.

Своей сторгии непременно предшествует чужая сторгия или множество чужих сторгий. Оплодотворенная в своей сторгии сторгическая яйцеклетка постепенно, как в материнской утробе, превращается в сторгическое существо, которое растет и развивается в сторгическом росте триединства супружеской сторгии, все более становясь зрелым сторгическим плодом. В одной и той же своей сторгии этот процесс не завершается. Сторгическое существо

созревает во многих во-душевлениях, как в высшие души мужчины, так и женщины. Сторгическое существо может использоваться в качестве связующего звена сторгии. Но предназначено оно к дальнейшему развитию в высшей душе мужчины или женщины, находящихся в триединстве своей сторгии.

В отличие от сторгической яйцеклетки сторгическое существо на любой стадии своего развития и в любом во-душевлении бессмертно. Во всяком случае, по Замыслу должно быть таковым. Однако сторгическое перевязывание из одной сторгической операции в другую вообще есть крайне опасный момент. Сторгическое перевязывание – и сторгического существа, и его зародыша и сторгической яйцеклетки – рискованное мероприятие. Катастрофа чужой сторгии – дело рук человеческих. Крушение своей сторгии – дьявольское дело, при котором гибнут и во-душевившиеся сторгические существа мужчины и женщины, и связующее их сторгическое существо. Это не несчастный случай человеческой жизни, а катаклизм, повреждающий высший пласт Общей души и оказывающий разрушающее влияние на состояние все-общедуховного поля жизненности.

Всечеловеческое сторгическое поле жизненности есть лоно, в котором зачинаются и вынашиваются сторгические существа. Описать варианты осуществления сторгии значит описать все варианты сторгической жизни человека. Своя и чужая сторгия – маркирующие цвета на одном и другом краю сторгического спектра.

То, что в нашей Обители видится самостоятельным сторгическим существом, становящимся высшей душой человека и возвращающимся во все-общедуховное поле жизни, то для Эдена – своего рода полуфабрикат, недорощенный и недоношенный и потому вынужденный многократно во-душевляться плод. Всякий плод в конце концов созревает и рождается, выходит в иное и автономное существование. Вызревшее сторгическое существо в последнем своем во-душевлении покидает нашу Обитель и переходит в Мир Эдена, становится эденским существом. Между сторгическим существом и

эденским существом есть преемственная связь. Наша Обитель – лоно или утроба, где созревают существа для Эдена.

Как таковое сторгическое действие нацелено в сверхчеловеческий Мир Эдена. Сторгия необходима для «творения через рождение»³⁸⁶ нового (то есть никогда еще самостоятельно не жившего) существа в Эдене. Человек заселяет Мир Эдена сторгическими существами. Сторгическое существо – то новое, что Эден получает из человеческого мира.

Высшая душа работает на два фронта: для воспроизводства высших душ через сторгическое действие и для нужд Эдена.

Рожденное из нашей Обители эденское существо начинает во «внутренней части круга» неведомую нам эденскую жизнь. Однако эденская жизнь ставит многообразные задачи, ради исполнения которых эденское существо выходит в навигацию человеческой жизни, высевается в качестве зерна на родную почву человеческой высшей души - в свой родительский дом.

Условно говоря, эденское существо пускается в навигации земной жизни за добычей. Сторгическое существо для эденского существа есть боевой трофей, который оно выносит с собою обратно в Эден. Несомненно, что ему крайне важно добыть то, чем по подобию с Господом обладает только человек, – человеческое «Я». В мире человека одно эденское существо способно слиться с другим эденским существом и образовать нечто такое, что само по себе не может, видимо, образоваться в Эдене. В «наружной части круга» эденское существо растет особым ростом и обретает то, что может обрести только на Пути восхождения человека.

На определенной степени своего развития (созревания) сторгическое существо, ставшее высшей душой человека, привлекает к себе эденское существо, обращает его внимание на себя. Наступает момент душевного рождения на Пути восхождения. И для душевного рождения и особенно для личностного рождения сторгическое существо должно не раз во-душевляться, набрать достаточную полноту и качество жизни в опыте человеческого существования. В

конец концов сторгическое действие в человеке создает такую высшую душу, в которую эденское существо не может не выходить.

Большинство эденских существ в земной навигации нацелены только на выход в человеческое существование, то есть на достижение вершины личностного рождения Пути восхождения. Но есть и такие, которые нацелены на дальнейшее прохождение Пути, на духовное рождение, после которого эденское существо обретает «Я» и становится духовным Я в человека. На этом, кроме самых исключительных случаев, завершается одиночный Путь восхождения. Для прохождения дальнейшего Пути к вершинам личной духовной жизни духовному Я нужна помощь и поддержка специально для этого предназначенной высшей души другого человека, находящегося в состоянии Сопутства с ним. Восхождение на Пути жизни несомненно рассчитано на дополнительную путеносную мощь свитости душ в Сопутстве. Если эденское существо действует в мужской душе, то ему после духовного рождения необходима высшая душа сопутевой женщины.

Свою сторгию можно рассматривать как начальный этап Сопутства. Но между тем и другим есть существенные различия. Своя сторгия – сторгическое триединство. Сопутство – трехчленная сторгия под эгидой сторгического существа. В Сопутстве не три, а четыре участника. Сопутевая высшая душа женщины работает не на сторгическое существо любой степени зрелости, как при своей сторгии, а на эденское существо в высшей душе другого человека. Женская сопутевая душа находится в сторгии с эденским существом мужчины. Она в себе не несет эденское существо, но создает дополнительные путевые возможности эденского существа в высшей душе мужчины, увеличивает мощь навигации его эденского существа. Сопутевая женщина удесятерит силы мужского Путевосхождения на духовном пути жизни.

Кроме путевого Сопутства есть и другой вид Сопутства, Сопутство Сара. И то и другое осуществляется напрямую, без промежуточного звена. Основные участники путевого Сопутства - высшая души сопутевой женщины и эденское существо мужчины.

Остальные два участника – высшая душа мужчины и сторгическое существо, выращенное в сторгии высших душ мужчины и женщины – ассистируют процессу путевого Сопутства. В Сопутстве Сара два основных участника, достигших соответствующего уровня развития. Это – эденское существо и бессмертное сторгическое существо, порожденное в своей сторгии. Два других участника этого Сопутства – высшие души мужчины и женщины, состоящие в своей сторгии, - вспомогательные и решающем образом в Сопутства Сара не участвуют. Ставшее духовным Я эденское существо выносятся сторгическим существом во все-общедуховное поле, внедряется в него и становится его Саром. Сар – не инородное, а родное для нашей Обители и ее Общих душ эденское существо.

Наивысшая степень сторгии – эденская сторгия, в которую вступают высшие души, несущие в себе эденское существо. Эденская сторгия – сторгия эденских существ в нашей, внеэденской Обители существования. Эденская сторгия указывает на то, что есть мужские и есть женские эденские существа, которые посредством человеческой среды обитания призваны образовывать сторгическое двуединство, имеющее особенное назначение. Для осуществления эденской сторгии в навигацию человеческой жизни специально отправляются эденские существа, соответствующие этому назначению.

3.(64)

Женщина - существо сопутное, любит ходить шаг в шаг. Что столько же облегчает ей жизнь, сколько и утяжеляет.

Желает ли того женщина или противится, но душа её всю жизнь находится в чьих-то руках или переходит из рук в руки. Душевное отлепление, женская самость - бедствие женской души. Не к кому прилепиться - незачем жить. Отец, брат, муж, герой, идол - любой "он" нужен ей для удовлетворения её насущной потребности – потребности душевного тяготения. Надобность в душевном тяготении столь сильна в женщине, что вынуждает её выходить замуж не любя, жить чуждыми ей

интересами, доверять без веры, ласкать не глядя, прилаживаться, корежить себя, потакать чему угодно, даже порочности, лишь бы как-то обмануть нужду своей души в тяготении.

В душе женщины голод, насыщаемый мужским. В плоти её жажда детей. Чтобы напитать душу и напоить плоть, она ищет прибежища - дом, семью. Свой дом, свою семью. А значит - свою судьбу. Для живущей духовной жизнью мужской души семья и жена - тылы его продвижения на Пути личной духовной жизни, путевые условия, возможно, и путевая задача, но не путевая судьба. Для женщины же выбор семьи - выбор судьбы. И возможности такого выбора у неё весьма невелики. Женщина потому так ценит свою привлекательность и молодость, что, чем больше мужского внимания к ней, тем шире выбор встреч и, ей кажется, большая свобода самоосуществления и устройства своей судьбы. Она горда богатством встреч, которые чаще всего обольщают её и тем самым лишают её той свободы выбора, которой она добивается женской манкостью.

Обычно женщине или приходится сдаваться тому, кто её добивается (многие женщины любят сдаваться), или самой добиваться замужества с тем, кто дает ей надежду, или принимать одно из брачных предложений. Судьба – у многих и многих женщин - вынужденна. Почти всегда жизнью женщины правит случай. Вынужденность судьбы - условие её жизни.

Мужа и встретить и выбрать можно. Но не детей, от которых так зависит судьба её жизни. Детей женщине посылает рок, и она заранее готова встретить и любить любого, кто будет дан ей. Через неё может появиться на свет совсем ей чуждая душа, и эту душу она обязана принять и желать возвращать. И не так, как это делает птица, которая по инстинкту плоти отдает себя птенцам, оберегает их и выкармливает до взрослого состояния.

Самка, охраняя и выращивая звереныша, лишь воспроизводит из предыдущего, копирует следующее издание своего вида. Женщина же, отдавая всю себя, воспитывает ребенка, то есть, храня свое дитя, силится выправить, сделать лучше, исправить вновь прибывшего через неё человека. Она встречает мужчину, выходит замуж, рождает кого пошлют

ей и старается воспитать его: если сын и похож на мужа - улучшить мужа. Каков бы ни был ее ребенок и отец её ребенка, она вынуждена (и вынуждена с любовью!) делать это. Рожать и улучшать посланного через неё в мир человека - судьба её.

У одностадийных, то есть душевнонерожденных людей нет своей путевой судьбы, они статисты в этой жизни. Путевая судьба, и прежде всего путевая Встреча, дается как привилегия. И потому легкой путевой судьбы не бывает. Легче всего - без судьбы и без Пути. У каждой народившейся высшей души свой рисунок грядущего Пути, своя судьба личной духовной жизни, ею в глубине своей знаемая. Знание это дается оттуда, откуда, оставляя душе её свободу, никогда не загоняют на свой Путь.

Голос оттуда одним слышнее и ясней, для других глуше, но всегда нужны специальные усилия, чтобы расслышать веления его. Человек может не пожелать слушать, уйти от своей путевой судьбы и тем облегчить душу. И может слушаться, быть в повиновении и нести свою судьбу. Чем судьбоноснее душа, тем тяжелее живется человеку, но в тяжести его – его благо.

Работа души - её свобода, судьба же предполагает вынужденность. Конечно, свобода души не только в том, чтобы повиноваться своей судьбе, т.е. предустановленному рисунку Пути. Свободное начало человека имеет множество других путевых задач, не ограниченных рамками заготовленного для него начертания судьбы. Работа высшей души более или менее слита с делом судьбоношения. Женщина вообще неотделима от своей судьбы. Женская судьба и есть по большей части её встречи. Её мужа, её дети и не только они, но и все те, кого она любила, хранила, за кого болела душой, - все входят в цельность той картины, которую она выносит из жизни. Женщина парадоксальна, как Ева: и плотски и духовно она сама стоит в жизни и вместе с тем всегда "скрытая сторона" кого-то, кто встречен ею в жизни.

Знаки судьбы подаются в потоке встреч, состоящем из бесчисленных случайностей. Сами эти случайности, сам житейский поток встреч сплошь и рядом организывает судьбу женщины, чем ещё более усугубляется вынужденность ее путевой жизнедеятельности. Судьба и Встреча для

женщины – почти одно и то же. Она может оказаться недостойной своей же собственной судьбы или не выдержать её благодатной тяжести. Софья Андреевна Толстая была во многих отношениях достойнейшей женщиной, но оказалась недостойной своей нелегкой судьбы. При другом муже она, возможно, не заслужила бы и упрека. Но то уже была бы не она. Пусть не изменился бы ни её характер, ни стиль женственности, ни устои, в которых она воспитывалась; изменилась бы главная встреча ее жизни, изменилась бы и ее судьба - и она стала бы иной, не той. Она была бы на другом (возможно, что и на своем) месте. И - совсем другой женщиной, душевное достоинство которой оценивалось бы иначе.

Душу женщины редко можно понять и обсудить как таковую, вне её конкретной судьбы. Обычно она нераздельно слита со своей судьбою, включена в судьбу свою и потому именно так, только вместе с её судьбою нужно судить о ней. У высокой душою может быть низкая судьба, которая умаляет её. Низкой душою может быть предложена высокая судьба, которая вознесет её или еще более унизит.

Как нынешние сутки не есть каждая минута, а все минуты вместе, вместе составляющие не вчера, не завтра, а сегодня, так и человек есть Путь в том смысле, что он не есть то, чем он является на каком-либо отрезке жизни, а есть то, что совершилось с его высшей душою в продолжение всей жизни от душевного рождения и до отмирания плоти. Человек есть то единое, что в результате всей прожитой жизни сходится в одно. Однако, мужское и женское "слагаются" различно. Мужское - совокупность потрясений и состояний "Я" всей жизни. Женское - через неё преломленная совокупность всех тех, кого она во все дни своей жизни встретила и обжила душою. Недаром мужчина вспоминает себя, тогда как женщина вспоминает, что с ней происходило во встречах, вспоминает других в соотнесенности с собой, свою биографию, историю жизни своей души: события жизни (всегда ставящие печать на её душу), её встречи, столкновения, взаимоотношения, служения.

Женщина существо сопутевое, и это пронизывающее всю её жизнь состояние не несвобода, а путевая самобытность души. Она не возница, ей нужен возчик, её, в духовном смысле, везут куда-нибудь, и она может или помочь ходу, или противодействовать ему, затормозить, или его

выправить. Или пересесть из повозки в повозку. Но всегда она - в повозке, единое целое со своей судьбой; поэтому и руководствуется она в жизни чем угодно, только не разумом. Принято говорить о братьях по разуму потому, что не бывает сестер по разуму. Обычно службу разума в женщине несет авторитет, но это для неё не признак мертвенности души, как для мужчины.

Человек явно не получает знаки для руководства его поступками, никто специально не подсказывает в делах его, не угадывает событий и не предрекает будущее. Знаки жизни и знаки встреч - для душевной работы, и надо уметь различать эти знаки судьбы, замечать их и понимать: они поданы тебе. Но помышлять расшифровывать их на язык событийного потока житейской реальности, а тем более руководствоваться знанием, приобретенным таким способом, нельзя. Любая попытка конкретного действия, непосредственно сообразованного сигналами судьбы, бедственна. Путевая судьба не происшествие, не конкретные события и тем более не случай, а предустановленный характер испытаний, путевые назначения для души. Не то, что должно случиться и кем тебе предназначено быть, а то, что ты должен претерпеть, душою снести и перенести, и в какой последовательности.

До определенного момента восхождение и мужчины и женщины идет от соблазна к соблазну, через душевные ловушки. Но идет по-разному. И задачи у них разные. Мужчина должен через испытания жизни найти истинный Путь и выйти на него. Такой проблемы на женском Пути нет. Жизнь часто не дает женщине права выбора направления Пути, где немало участков, через которые она сама, самостоятельно, пройти не может, через которые нужно кому-то протащить её. Мужчина заманивается в ловушки жизни для того, чтобы смочь из них выбраться, идет в псевдопути, чтобы через свой отрицательный опыт найти истинный Путь. Женщине ее Путь (душевное направление) может быть ясен или не ясен, но она его не ищет и мужских мук поиска Пути не знает. Мужчине надо пройти через ловушки, войти и выйти, попасть и выбраться, чтобы и найти заранее не известное, неведомое - свой Путь личной духовной жизни. Женщине же надо не найти неведомое, а одолеть

ведомое - те преграды, которые ставятся ей жизнью. Задача мужчины - нахождение должного, женская задача - преодоление.

Путевая судьба женщины не та, что у мужчины: мужчине она наперед задает уроки, женщину - экзаменует. Жизнь может предложить мужчине и женщине одни и те же испытания и соблазны. Но для мужчины они будут иметь значение "ходовых испытаний" на способность дальнейшего прохождения Пути или удержания на нем, для женщины же - значение экзаменов на способность преодолевания того, что предложено судьбою.

Мужчина ищет тропу, сбивается, падает и вновь влезает. Остается рубец, который даст о себе знать на следующей стадии кривой Пути. Кривая на каждой стадии его Пути ломаная. У неё же - плавная или прямая. Гора перед ней - она лезет в гору, завал на тропе - пробивается через завал, взвалилась тяжесть - несет её. Где мужчина сходит с Пути, там женщина сваливает ношу.

Когда мужчина завяз, попал в душевную ловушку, то для него это указатель ложного направления; он должен выбираться «вперед», на другую, новую дорогу. Если то же произойдет с женщиной, то и она должна выбираться, но выбираться «обратно». Жизнь, однако, редко предоставляет женщине возможность пересдать экзамен судьбы. Мужская задача - выучиться и выбраться, женской - не попасть, выдержать, вынести. Что ей надо вынести и выдержать, устанавливают встречи жизни (которые отменить нельзя), её путевая или сопутевая судьба. От ее судьбы не менее, чем от нее самой, зависит, состоялась она в личной духовной жизни или нет.

Не обладая достаточной энергией духовного сознания, душа женщины, как правило, не способна на те броски роста, которыми мужчина вырывается из очередной ямы Пути жизни. Женщина, живущая по-мужски, в мужских соблазнах ложного роста, несмотря ни на какие достоинства своей души, в путевом отношении практически обречена. Выйти из самодвижения к цели (а еще более без цели) ей не по силам. Вот почему так бесперспективно путевосхождение женщины, включенной в соблазн борьбы – скажем, женщины-чиновника, бизнесмена, общественного деятеля, администратора.

Женский труд охранителя сопутствия требует не подвига, а выносливости, не героизма, а терпения, не жертвы, а надежности. Это определяет лицо женщины как хранительницы Пути. Женщине не обязательно жертвовать своею жизнью, но обязательно не предать и не изменить - даже когда этого вроде бы потребует жизнь. Верность, терпеливость, выносливость, выдержка, устойчивость, твердость, надежность в жизни - вот основные путевые черты души женщины, основанные на крепости её воли, преодолевающей преграды жизни. Стабильность женщины в некотором смысле дороже, чем ее изменяемость.

Женщине в личной духовной жизни нужно вынести и выдержать то, что взваливается на неё. Женщина потому так ценит крепость, силу и твердость исполняющей воли мужчины, что, как ни парадоксально, все эти качества - ее путевые качества, её женские ценности, недостаток которых ей должен компенсировать мужчина. Он - опора её и надежда, действующая в продолжение её женских качеств и трудов. Когда в личной духовной жизни мужчине достается женщина, не желающая брать свое на себя, нести свой крест, то часто мужчине приходится гибнуть с её крестом.

Конечно, находящийся в сторгической связи с женщиной мужчина обязан облегчать труд женщины, беря на себя ту или иную часть её труда преодоления всякого рода тягот. Но нельзя считать, что прикрытие слабости исполняющей воли женщины, провала ею экзаменов жизни входит в главную задачу и основной труд жизни мужчины. На совместном двуедином Пути мужчина должен страховать женщину в житейских трудах её, но это для него дополнительная задача, дополнительный труд, который он берет на себя за неё, собственно уже не как мужчина, а как женщина на Пути.

«Сколько ни старался жить только перед Богом - не могу. Не скажу, что забочусь о суждении людей, не скажу, что люблю их, а несомненно и неудержимо произвольно чувствую их, так же, как чувствую свое тело, хотя слабее и иначе. (Верно)»(58.51).

Сторгия прирождена человеку. Человек – недостаточно человек, когда в нем нет стремления к сторгии.

Мир сторгии бесконечно разнообразен, и каждый призван творить его по-своему. Но подавляющее большинство всех, кто вступает в сторгию, в результате входят в состояние чужой сторгии. К своей сторгии пригодна не каждая женщина и не любой мужчина.

Женщине от мужчины для своей сторгии нужен некоторый уровень проявленности духовного сознания, которое она смогла бы вобрать в себя. Конечно, она прежде должна желать этого и быть способной получать ответ мужского разума. Ответ же предполагает душевный запрос. Совесть в женщине возбуждает вопросы разума, с которыми она идет к мужчине и принимает в душу его ответ, решение, веру - его семья. Без женского запроса совести и мужского ответа разума их сторгические воли гоняются вслепую и в лучшем случае образуют чужую сторгию.

Человек обычно видит жизнь тускло; поэтому ему нужен другой человек, близкий ему по душевному взгляду, глазами которого можно видеть жизнь словно своими другими глазами, смотреть вместе, яснее и полнее. Человек желает глядеть глазами «своего другого Я». Все дело в том, сколь важно ему глядеть вокруг себя глазами того человека, с которым состоялась встреча. При своей сторгии двое смотрят не только друг на друга, но и в одну и ту же сторону. Когда жизневоззрение другого неприятно, не нужно, чуждо, то о своей сторгии с ним речи быть не может.

Сначала из всех людей кто-то один, одна душа выделяется в близости. Потом, по мере развития сторгической связанности возникает интердушевное поле взаимного тяготения, в котором вырабатывается общий стиль одушевленности – предтеча своей сторгии. Только в этой общей, совместной одушевленности другая душа постепенно становится «другим своим «Я», другом, партнером в своей сторгии. Совершается это по большей части трудом сторгической воли женщины, при том или ином

участии мужской души. В свитости своей сторгии женщина, растущая сторгическим ростом, способна отдать всю себя, свою душу, отречься от себя, чтобы смочь сказать: "мы".

Для того, чтобы в сторгии перестать больше всего любить самую себя и полюбить другого как самую себя необходимо самоотречение - победа над самостью. Женская победа над самостью возможна только в своей сторгии или на подходах к ней. Меня без тебя не существует - вот условие существования в единстве своей сторгии, где уже нет места самости и где можно только все больше и больше отдавать себя.

Своя сторгия побуждает женщину к участию в самостоятельной и самозначительной жизни мужчины - в его внутренних трудах и его внешних делах. При этом женщине вовсе не обязательно ориентироваться в политике, смыслить в метафизических вопросах, знать экономику или право, разбираться в ученых спорах или вместе с мужем пылать борьбой за свободу и справедливость. Во всем этом она принимает участие иначе, по-своему - не совершая, а предохраняя совершающего. В сражениях своих он может легко довериться, она - нет. Это она, его женщина, должна «разбираться» в тех людях, с которыми имеет дело мужчина, и, не судя об их достоинствах (это больше дело мужского разума), понимать их мотивы, их опасность как попутчиков или партнеров и их надежность как друзей. Что ему нужно и что ему нельзя - знает она. В известном смысле такая женщина руководит жизнью мужчины. На определенных ступенях своей сторгии женщина, если прямо и не руководит духовной жизнью мужчины, то наставляюще опекает его.

Состояние блага самоотречения женщина сама по себе достигнуть не может и достигает его не иначе как через сторгического ближнего, который должен быть ведомым их общего сторгического роста. Задача восхождения в своей сторгии двусторонняя: с одной стороны, духовное восхождение мужчины, и с другой - сторгическое восхождение женщины и мужчины. Крепость сторгического единства обеспечивает женщина, восхождение духовной жизни - мужчина.

Возникающая в земных условиях сторгическая любовь работает в ураганных условиях нашего существования и, конечно, недостаточно

крепка; но она и не должна быть таковой. Все в этой работе на грани исполнения, неудачи, краха, разрушения, кончины. Угроза разрушения – условие сторгического созидания на земле. Именно поэтому сторгическое хранение есть одно из важнейших дел духовной жизни человека. И оно-то, как правило, возложено на женщину.

Бог посеял, человек должен сохранить и взрастить посев Его. Человек создан и помещен в Сад Эденский не для праздности, а для работы: ему предписано "возделывать его и хранить его» (Быт.2:15). Не разделенный на мужчину и женщину Первочеловек мог выполнять как работу взращивания, так и работу хранения Эдена. Наблюдая душевную жизнь мужчины и женщины, трудно не заподозрить, что при эденском разделении на мужчину и женщину произошло и разделение рабочих обязанностей между Адамом и Евой по труду Эдена. Адам разгружен, ибо предназначен преимущественно возделывать, производить более работу духовного взращивания посева Бога. Женщина же, Ева, предназначена более "хранить" высеянное. Разграничившись, Адам и Ева могли одновременно и возделывать и хранить. Но в высшем Замысле труд их как был, так и остался, един и целокупен.

Библия говорит об эденской драме Адама как об обольщении Лукавым, хитроумно искусившим не его самого, а его жену, женщину, Еву. Ева и плотски, и духовно существо самостоятельное. Адам зависит от неё не менее, чем она от Адама. Есть духовная зависимость мужа от жены, и ее не следует умялять. Если Ева призвана была хранить (держать в чистоте и охранять) сад Эдена, то она не выполнила своего назначения. Как и бесконечное количество женщин после неё, она обольстилась хитростью и умом, погибла сама и погубила мужа. Как не есть яблоко, когда его тебе подает Хранительница сада! У возделывающего Адама свои труды; он слушается Еву, которая любит его и желает ему блага. Такая чисто супружеская дорога схождения хорошо известна и в практике нашей, внеэденской жизни.

Адам и Ева - не бессмертны, они живы, покуда выполняют заданную работу. Нарушив заповедь Бога, Адам и Ева не утратили способность к духовной работе, но, внося путаницу в «добро и зло», извратили ее. Извращение труда возделывания и хранения Эденского посева Бога само

по себе означает "умирание". Извращение это и это умирание может увеличиваться или уменьшаться.

В женской душе усилена любовь и ослаблен разум. В мужской душе – наоборот. Отрицая эти различия, женская эмансипация наделала много зла, прежде всего самим женщинам.

"Везде одна и та же открытая или скрытая, глухая борьба с упирающимися женщинами, - пишет Толстой в одном из писем 1891 года. - Что может быть глупее и вреднее для женщин модных толков о равенстве полов, даже о превосходстве женщин над мужчинами. - Для человека с христианским мирозерцанием не может быть, само собой разумеется, вопроса о том, чтобы представить какие-нибудь права исключительно мужчине, о том, чтобы не уважать и не любить женщину так же, как и всякого человека; но утверждать, что женщина имеет те же духовные силы, как и мужчина, - особенно то, что женщина может быть так же руководима разумом - может так же верить ему, как и мужчина, это значит требовать от женщины того, чего она не может дать (я не говорю об исключениях, а о средней женщине и среднем мужчине), и вызывать к ней раздражение, основанное на предположении, что она не хочет делать того, чего она не может делать, не имея для этого категорического императива в разуме. - Я много пострадал и погрешил от этого заблуждения и потому знаю, как оно опасно"/65.318/.

Тут урок не столько женщине, сколько мужчине. Путевой мужчина не может не ждать от женщины понимания мучений и радостей трудов его мужского духа, но требовать от нее, чтобы она в повседневной жизни непосредственно руководствовалась истиной (а тем более "его истиной"), нельзя. Для свободного руководства истиной её надо уметь возвращать в своей душе. А это труд мужчины. Душа женщины от века предназначена к другой работе: хранить, оберегать, держать в чистоте. К делу этому она приспособливается с самого раннего детства, да так, чтобы быть готовой охранять все, что ей может поручить жизнь.

В женском кругу испокон века более почитаемы те, у которых, хотя бы по внешним признакам, более забот оберегания, и всего менее чтимы одинокие и бездетные, которым по-женски нечего делать в жизни. Женщине надобно волноваться душою, она жива, живет, покуда

волнуется за кого-нибудь. Если ей недостает этого, то она либо гримасничает в позе сострадания и сочувствия, либо жалуется о внутреннем беспокойстве, дабы зачеркнуть обратное, либо вдруг становится чрезвычайно "чуткой" к общественной жизни, к искусству, к чужим людям.

Для женщины важнее всего надежность, устойчивость, защищенность, безопасность существования - все те условия, которые облегчают задачу оберегания. Сама она осторожна и вместе впечатлительна, осмотрительна, даже подозрительна, наблюдательна, внимательна к случающемуся, как к школе реальной жизни. Реализм, чувство опасности и опасения дурного, нюх на дурное, зыбкое, некрепкое, несоответствующее, чуждое - вот женские достоинства, признаваемые ею самой. Когда она расчетлива и хитра, то и хитрость ей нужна для целей охранения и сохранения. Всеми средствами женщина стремится сделать из себя убежище, чтобы предоставить это убежище рук и души своей всему ей доверенному судьбой, - и прежде всего детям. Но и блажен тот мужчина, муж, который хорошо знает, что такое душевное убежище любимой женщины. Приди и вселись в меня, зовет душа женщины, стремящаяся к сторгическому взаимодействию с мужской душой.

Для мужчины женщина порука и надежда, и потому от неё, как от тылов наступающей армии, всегда требовалась самоотверженность, верность, надежность. Чтобы идти в любое наступление в жизни, надо быть уверенным в тылах своих, и особенно в том, что создано единым с тобой и что душевно и телесно причастно тебе. С другой стороны, поскольку Ева хранит при возделывающем Адаме, то и требования к женской работе охранения и сохранения не могут не находиться в зависимости от мужской способности и активности духовного взращивания. Мужчина, не имеющий недоступных женщине целей, посвятивший себя делам мирского обеспечения, процветания, проживания (всё условия наилучшего хранения) неизбежно становится добывающим средства существования придатком женщины, мужским выражением женской установки на жизнь. Обладает ли он при этом мужской властью, волей, силой - не имеет основополагающего значения. Оба они вместе и по-женски проживают на земле. В таком случае душе

женщины в отношении мужской души почти нечего делать, что приятно для ленивой душой, но в полном смысле убийственно для женщины, душа которой стремится исполнять свое предназначение в сторгии.

Женщина – хранительница. Это означает, что она одна, без того, что нужно хранить душой, как бы не существует. Пусть это что-то - только прошлое; женщина куда лучше мужчины помнит бывшее, она хранит прошлое и хранит память. В сопутевой женщине - Путь или часть Пути жизни мужчины, сохраненная не в точках настоящего, как для него самого, а в динамике пройденных восхождений и падений. Память сопутевой женщины это наматывающаяся лента, на которой записывается, в которой хранится мужской Путь. Даже став вдовой и храня память о муже, женщина тем самым сохраняет его среди живых, еще существующих на земле; здесь её хранилище памяти продлевает его земную жизнь, дает ее и, более высвечивая (как всегда после смерти), её далее осуществляет. Я умру, меня не будет, но я продолжу свое земное существование в душе любящей меня женщины: жены, сестры, дочери, друга.

Как таковая женщина приставлена хранить жизнь во всех её видах: бывшую, настоящую и будущую, отдельную, семейную и общую. Женщина последняя опора Общей души, её характера, традиций и устоев. Отсюда стойкий женский консерватизм, необходимый для устойчивости и преемственной сохранности Общей души. Из поколения в поколение она должна передать те верования и нравственные ценности, которые получила сама. Общая душа и женщина завинчены друг на друга, женщина более общедушевное существо, нежели мужчина, но её общедушевность зиждется на других, нежели у мужчины, основаниях: Общая душа защищает женщину, придает ей крепость в жизни. Женщина сама опирается на общедушевный этический закон, и закон этот опирается на неё. Ей нужна четко повелевающая Общая душа. Сила общедушевной совести более всего обеспечивается женщиной. Она - держательница акций морали, но не законодательница их. Рост духовного сознания в обществе, свободная душевная работа в нем производится почти без женщин, стерегущих Общую душу, оберегающих её от разрушения.

Женщина-мать, разумеется, формирует душу своего чада, но не свободу его души. Поэтому, чем старше ребенок, тем больше она переключается на дело материнского оберегания и ко времени душевного его созревания знает только это дело оберегания в настоящем и приготовления к будущему проживанию, т.е. оберегания сына или дочери в будущем. Для матери важнее всего оградить свое дитя от опасного, дурного, враждебного, а что из этого огражденного дитя выйдет - то выйдет. Рулить собой отпрыск обычно учится без матери, мать лишь удерживает его. И другого требовать от неё нельзя.

В сознании вины большинства женщин нет того, что не свершилось (доброе), почти всегда она чувствует за собой вину только за то, что случилось дурного.³⁸⁷ Узнайте, в чем и как винит себя, в чем и как раскаивается, а в чем считает себя правой женщина, и вы, хотя бы ориентировочно, оцените ее духовное достоинство.³⁸⁸

5.(66)

Высшая душа женщины призвана хранить не детей, внуков, не семью даже, а сторгическую связь саму по себе и то новое сторгическое существо, которое из нее возникает. Судьба сторгии и сторгического существа куда более зависит от женщины, чем от мужчины. Растить сторгическое существо для женщины означает хранить его. Она за него в ответе. Сторгическое действие в этом смысле есть центральная сфера личной духовной жизни женщины.

Учение о сторгическом и эденском существах в мужчине и женщине заслуживает самого пристального внимания. Но подробно развивать это учение в книге о Толстом неуместно. Мы указываем только на те его моменты, которые необходимы для дальнейшего изложения.

Сторгическое существо, раз возникнув в своей сторгии, выходит из существования в исключительных и вряд ли предназначенных Замыслом случаях. В практическом смысле оно бессмертно. Человек, носящий бессмертное сторгическое существо в качестве своей высшей души, побуждаем к своей сторгии, не мыслит свою жизнь без нее. Но это не всегда получается. Тогда бессмертное сторгическое существо,

ставшее его высшей душой, возвращается обратно тем же изначально вошедшим в него сторгическим существом, обогащенным, конечно, всеми теми духовными страданиями и наслаждениями, которые выпали на его жизнь в человеке. Затем это сторгическое существо во-душевляется следующий раз. Если здесь ему все-таки удастся осуществить свою сторгию, то оно восходит на качественно новую ступень, становится сторгическим существом более высокого класса. Огромное духовное различие между людьми обусловлено в том числе и классом тех сторгических существ, которые работают в людях их высшими душами.

И сторгические яйцеклетки, и особенно сторгические существа весьма редкие гости в всеобщедуховном поле. Они нарасхват в любой Общей душе. Их на всех не хватает и, видимо, не может хватать. Высшие души подавляющего большинства людей происходят не от сторгических существ. В своей непрерывной сторгической жизненной практике люди бесперебойно создают процессы сторгической жизни, разного рода сторгические процессы, клетки и узлы, заполняющие всеобщедуховное поле и способные к во-душевлению. Эти сторгические образования возникают не только от супружества, но и от мужской дружбы, женского подружничества, воинской солидарности и прочее и прочее. Мужская сторгия, видимо, не порождает новое сторгическое существо. Но порождает сторгические процессы такой мощи, которые не часто возникают и в полноценной супружеской сторгии. Именно они, я думаю, определяют сторгический климат в Общей душе.

Женщина, вступив в свою или чужую сторгию, уже решила сторгическую судьбу своей жизни. Для нее важно, что сторгия осуществилась и теперь может быть прервана не иначе, как в сторгической катастрофе. А для мужчины? Одни мужчины, чтобы не произошло в супружеской жизни, не способны разорвать состоявшуюся сторгическую связь. Другие в состоянии сделать это по душевному недоразумению или в расчете на другую свою сторгию, что как раз и невозможно. Своя сторгия возникает в жизни единожды. Мужчина, в отличие от женщины, в общем случае способен со своей стороны разрубить узел состоявшейся сторгии, своей или чужой, но связать потом свою сторгию он может только взамен чужой.

Никогда нельзя быть уверенным в том, что чужую сторгию многими трудами можно превратить в свою. Это не исключено. Но для этого требуется перерождение уже созданной сторгической яйцеклетки в сторгическое существо, переход ее из одного, низшего и смертного класса сторгических образований в другой, высший и бессмертный. Это похоже на чудо воскресения. Кто-то из двух

сторгических ближних должен совершить в своей короткой жизни сторгический подвиг. Короткой потому, что времени человеческой жизни для такого дела не хватает; и потому чудо сторгического превращения происходит (когда происходит) уже к старости. Женщине, пожалуй, свершить такой подвиг куда труднее, чем мужчине.

После духовного рождения Лев Николаевич, я думаю, в своей супружеской жизни добивался перехода из состояния чужой сторгии в состояние своей сторгии. Но Софья Андреевна «не могла», была не способна на свою сторгию с ним. Если мужчина и может превратить чужую сторгию в свою, то только тогда, когда женщина будет в состоянии вступить в свою сторгию с ним.

В своей сторгии зарождается только одно сторгическое существо. И поэтому не может быть так, что сторгия для одного из сторгических ближних оказывается своей, а для другого – чужой. Случается, что на какое-то время или, что реже, навсегда, человек принимает чужую сторгию за свою и свою за чужую, но своя сторгия – своя для того и для другого.

В годы личностного рождения Андрею Львовичу Толстому захотелось начать «свою жизнь», и он женился на Екатерине Васильевне. Свою жизнь он создать не смог, но в первые счастливые годы между ними состоялась своя сторгия, что не помешало ему время от времени возвращаться к тому образу жизни, который он вел до женитьбы. Екатерина Васильевна же, несмотря ни на что, хранила и возвращала их сторгическое существо, даже и после смерти мужа. Быть может, и тот и другой вели не ту жизнь, которую желали бы вести, которая им была нужна, но они были в состоянии своей сторгии и не разрушили ее. Жизнь с любимым мужем иногда была пыткой для Екатерины Васильевны. Другая женщина на ее месте могла не выдержать оскорблений и порвала или попыталась порвать отношения с мужем. Это особой мучительности момент сторгической жизни женщины, когда она не по своей воле вынуждается разрывать узел состоявшейся сторгии. и особенно своей сторгии. Самый мучительный момент сторгической жизни мужчины наступает тогда,

когда женщина по своей воле не желает далее возвращать их сторгическое существо и разрывает сторгию с ним.

Единение в своей сторгии, создающее сторгическое существо, обладающее своим особенным характером одушевленности и своим стилем одухотворенности не внесено в земное существование, а вновь образовано в нем свободными душевными усилиями и сторгическим ростом. Это-то новое духовное образование, новое и самобытное сторгическое существо - не смертно. Своя сторгия обеспечивает если и не личное бессмертие, то по крайней мере несмертие. Это, пожалуй, самое достоверное знание о человеческом несмертии и самая верная возможность его. То обстоятельство, что это несмертие принадлежит не одному тебе, что оно одно на двоих, что ты разделяешь его с другим человеком, только усиливает его притягательность, так как этот другой человек – как раз тот, без которого жизнь невыносима, без которого не мыслится свое существование, земное или иное. Потому так ужасна и непереносима сторгическая катастрофа – распад уже состоявшейся сторгической свитости. Сторгическая катастрофа – кончина становящегося бессмертным существа. Драматизм нашей жизни в том, что земная жизнь допускает сторгическое несмертие, но не обеспечивает его.

У Чехова есть рассказ «О любви» - о нелепо несостоявшейся любви, о драме упущенной своей сторгии, о том, «что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению..., мы всякий раз прощались и расходились, как чужие». Им мешало то, что она была замужем, но, судя по рельефному описанию мужа, жила в чужой сторгии. Когда она уехала, и они простились, то герой рассказа, словно возражая автору «Анны Карениной», понял, «что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе».

Своя сторгия столь благое и столь значительное – мистически значительное – явление в человеческой жизни, что перед ней не встает вопроса о счастье или несчастье кого бы то ни было. Все нравственные представления (в ходячем или не в ходячем смысле)

меркнут перед осуществлением своей сторгии. Но как угадать свою сторгию до ее осуществления и не ошибиться? Как мужчине распознать то, что нужно ему? Как с самого начала (потом – уже поздно!) столь полно и глубоко вникнуть во внутренний мир женщины, чтобы разобраться: «она» или «не она». Это не удавалось даже уникально пронизательному Толстому. Валерия Арсеньева особенно не старалась скрывать себя от него, и он - и то только через полгода! – понял что к чему. Потом он женился, не ведая на ком. Конечно, на холодную голову мужчина может осознать: «не она» - и отвергнуть. Но определить, что перед ним «она» - невозможно. Это надо уметь угадывать. Что Толстому, видимо, дано не было. Лев Николаевич, я думаю, сам чувствовал это и стремился обезопасить себя. Поэтому он бессознательно искал жену из дома, близко знакомого ему с детства.

Сама по себе сторгическая воля в человеке направлена исключительно на свою сторгию. Предсторгическое состояние всегда зовет душу в свою сторгию. Не бывает предсторгии, предвещающей осуществление чужой сторгии. Женщина, в которую влюблен, никогда не производит впечатление партнера по чужой сторгии. Предсторгическое влюбление обещает свою сторгию и только ее. И обычно, как мы знаем, обещает зря. Женское искусство душевного обольщения и состоит в том, чтобы уметь создавать видимость своей сторгии и завлекать ею мужчину, который, как водится, «сам обманываться рад».

Герой чеховского рассказа с первой встречи угадывает: «она». «Дело прошлое, и теперь бы я затруднился определить, что, собственно, в ней было такого необыкновенного, что мне так понравилось в ней, тогда же за обедом для меня все было неотразимо ясно; я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и я сразу почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоду у моей матери». И Толстой искал образ жены в альбоме своих родителей, искал ту, которую он как бы «видел уже когда-то в детстве».

Уехав по своим делам, герой чеховского рассказа постоянно держал в себе ее образ. «Я не думал о ней, но точно легкая тень ее лежала на моей душе». Через несколько месяцев он встретился с ней, и «опять то же самое неотразимое, бьющее впечатление красоты и милых ласковых глаз, и опять то же чувство близости... Ее взгляд, изящная, благородная рука, которую она подавала мне, ее домашнее платье, прическа, голос, шаги всякий раз производили на меня все то же впечатление чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного».

Чеховское описание предчувствия своей сторгии так ярко, что у читателя нет сомнений в том, что героев действительно ожидало то благо, которое предвещало их чувство. Но обратите внимание на такие слова рассказчика: прошли годы «и теперь бы я затруднился определить, что, собственно, в ней было такого необыкновенного, что мне так понравилось в ней». Почему же? Не потому, что исчезло воспоминание о «чувстве близости», о котором он сам только что поведал нам. А потому, что в его зрительной памяти поблек ее женский образ. Это очень важно.

Это только по расхожим представлениям предсторгическая или сторгическая связь возникает ниоткуда, из «ничего» и беспричинно. В высшей душе женщины изначально должно содержаться что-то такое, что способно притягивать к себе из все-общедуховного поля некоторое сторгическое образование, которое желанно для ее сторгической воли и по ее качествам пригодно стать соединяющим звеном будущей сторгии. Это не какое-то качество или свойство высшей души самой по себе, а нечто так или иначе воздействующее на ее свойства и качества, некоторое принадлежащее высшей душе «сторгическое место», возникшее не в процессе ее формирования и развития в человеке, а высеянное в высшую душу вместе с нею (см. выше гл. 24).

Нельзя сказать, что женщина создает сторгическую Встречу. Но именно она стремится или не стремится вывести состоявшуюся встречу на сторгический уровень. Бывает, что он вроде бы всем хорош, да не любит его она, то есть не желает впускать его на свое сторгическое место. Это глубинное женское чувство совершенно

иррационально. Оно-то и создает впечатление непознаваемости тайны позыва влюбления.

Вынужденность женской сторгической судьбы происходит оттого, что сторгическое место в ее душе не может быть пустым и настойчиво требует реализации. Выдержать это давление так трудно, что женщина, бывает, предлагает его кому попало, кто возьмет. Что за досада: основная сторгическая нагрузка человеческой жизни падает на женщину, сторгическая судьба которой вынуждена...

Предсторгическое влюбление необходимо для того, чтобы пробить души и тем самым дать простор сторгическому месту, создать для него канал, связующий высшие души мужчины и женщины. Собственно сторгический рост начинается только тогда, когда сторгическое место высшей души женщины заполняется. С этого момента женщина приняла свою или чужую сторгию на попечение.

До сторгической поры жизни, сопряжена ли она с личностным рождением или нет, мужская душа, как правило, не в состоянии проникнуть в сторгическое место женщины, во всяком случае, его высшая душа недостаточно созрела до этого. В любви личностного рождения мужчина жаждет найти свое, ему предназначенное женское сторгическое место и начинает охоту не него. Когда мужчина идет на свою сторгию, он полностью обращен к женщине, стремится жить ее жизнью, прошедшей и настоящей. Помню знакомого, физика по образованию, который в любви личностного рождения стал серьезно изучать медицину, чтобы быть ближе к интересам своей жены-хирурга. Жажда слиться душою с любимой женщиной нередко приводит мужскую душу к слепоте на свою и чужую сторгию и может стать роковой для него.

Мужская сторгическая воля – это всегда воля к овладению сторгическим местом женщины. Каждый стремящийся к сторгии мужчина пытается узреть сторгическое место в образе женщины. Душа мужчины ждет мгновения узнавания своего сторгического места в женском образе и чаще всего, конечно, обманывается.

Желанное сторгическое место в душе женщины мужчина зрит в чертах и выражении лица женщины, в ее женском облике и воспринимает сторгическое место неотделимо от ее образа и через него. Его прозрение в свою сторгию это прежде всего прозрение в буквальном смысле слова: в то, что он видит глазами, прозрение в ее вид. Это, конечно, тайна, а не прихоти мужского вкуса. Сторгическое место женщины переживается мужской душой не иначе как в женском облике, неотделимо от женского образа. Предвестник своей сторгии, «чувство близости» неразрывно совмещено и не возникает отдельно от «неотразимого, бьющего впечатления красоты и милых ласковых глаз». Это-то впечатление у героя Чехова и стерлось с годами, оставив не живое и потому тягостное воспоминание об ушедшей душевной близости с той, которую он любил.

Если сторгическая судьба чеховских героев распорядилась бы иначе, и они, как желали, жили вместе и смогли осуществить свою сторгию, то ее живой женский образ вплоть до глубокой старости олицетворял для него их сторгическую свитость. До конца дней он любил бы этот ее образ, и любил совершенно особенно, как еще не умел любить его в молодости. Что-то в загадочном образе любимой действительно несет и сторгическое место, и сторгическую любовь, и сторгическое существо от своей сторгии. Этот образ и любят иначе, уже не только, как женщины, но - как икону. Впрочем, и любовь личностного рождения заставляет воспринимать женщину как «мою мадонну». Так было у Пушкина, так было и у Толстого.

Сторгическое место для мужчины явлено в женском образе. Женский образ обладает могучей силой и, когда воздействует на мужчину, то воспринимается им как или как бы ему предназначенное сторгическое место, которое содержится или не содержится в этом образе.

«И сказал Бог: сделаем человека в образе Нашем как подобие Наше» (Быт. 1:26).³⁸⁹ Мужчина принимает сторгическое место в женском образе, узнает его в нем, как подобие грядущего сторгического существа. То есть в себя принимает «в образе как подобие». Зачатие сторгического существа производится по матрице сотворения человеческого существа в Шестой День Творения. Возможно, что тут последовательные стадии одного и

того же процесса. Не входит ли сторгическое существо в следующую стадию Творения - стадию Восьмого Дня Творения,³⁹⁰ в котором мы мало помалу начинаем жить?

Мы знаем, что сторгическая яйцеклетка, возникающая в чужой сторгии, явление промежуточное и заготавливающее. Она подготавливает и предваряет возникновение «настоящего» (как сказал бы Толстой) сторгического существа, сторгического существа от своей сторгии, весь ряд ступеней развития которого ведет его туда, куда определено Замыслом Восьмого Дня Творения. Туда, где оно, во всяком случае с нашей человеческой точки зрения, становится бессмертным. В нашем мире оно лишь несмертно, так как каждый раз после смерти человека возвращается в общедуховность или все-общедуховность. Такое несмертие еще не есть бессмертие, то есть выделенное, ограниченное от Всего остального существование, существование в условиях собственной отделенности и в своем собственном центре. Несмертие сторгического существа в нашем Мире состоит том, что оно способно многократно вызываться из Общей души к во-душевлению в человека. Прекращение существования несмертного сторгического существа есть убийство, но не человеческого существа, создания Шестого Дня Творения, а сторгического существа, создаваемого на Восьмой День Творения.

6.(67)

В личной духовной жизни женской высшей души мы выделим не семь стадий, как у мужчин, а четыре.

Одностадийная женщина или не способна на сторгию, или живет в досторгическом состоянии души. Двухстадийная женщина живет в состоянии чужой сторгии. Трехстадийная женщина осуществила свою сторгию. Четырехстадийная состоит в Сопутстве.

Эденская сторгия – наивысшее состояние сторгической взаиможизни, но она не высшая (пятая) стадия ее, так как для ее осуществления не нужны предварительные стадии.

На Сопутство нельзя смотреть как на высший тип сторгии. Для сторгии пригодна всякая женщина, высшая душа которой обладает сторгическим местом.³⁹¹ Сопутство же способна осуществлять редчайшая женщина, обладательница необычного сторгического места. Высшая душа сопутевой женщины несет в себе место, предназначенное для эденского существа – эденское место. Эденское место есть и в высшей душе путевого мужчины; иначе эденское существо не смогло бы поселиться в ней. Эденское место есть у сопутевых женщин, только у них и есть изначально. Поэтому-то сопутевой женщиной нельзя стать, ей надо родиться и стать.

В Сопутство входит не любая, а только сопутевая женщина. Первое ее отличие - в образовавшем ее высшую душу бессмертном сторгическом существе. Оно обладает высшим духовным достоинством, нажитым, надо думать, во многих во-одушевлениях. Эденское место женской высшей души – высшее, что создается в этой жизни и остается в ней. Эденское место - исключительная ценность человеческой жизни, но, несмотря на это, и оно по вынужденности женской сторгической жизни может быть не востребовано.

Другое отличие сопутевой женщины - в том сторгическом существе, которое разовьется из ее взаимодействия с мужской высшей душой и которое на первых ролях участвует в Сопутстве Сара. Далеко не всякое бессмертное сторгическое существо способно быть в паре с эденским существом. Для Сопутства Сара высшая душа сопутевой женщины должна суметь привлечь к себе такое сторгическое существо, которое способно стать партнером в работе эденского существа в земной жизни. Именно в такой сопутевой жизни – тайна включения Сара в Общую душу. Если эденское существо назначено стать Саром, то Сопутство, в котором оно участвует, вносит его в Общую душу. Если эденское существо не годно для этого, то все, что в Сопутстве (высшие души мужчины и женщины и их

сторгическое существо) обрабатывает свое и выносятся обратно в Эден вместе с ним.

Мы различаем эденскую сторгию – сторгию двух эденских существ - и путевое Сопутство, в котором действует одно - мужское - эденское существо. В путевом Сопутстве может участвовать только сопутевая женщина. Сопутство женщины, Путь жизни сопутевой женщины – стадии вхождения в жизнь не своего эденского существа, как в мужском Пути, а эденского места своей высшей души. Это эденское место сначала заявляет о себе, затем укореняется в душе женщины и ждет судьбы и осуществления.

Эденское место в сопутевой женщине только одно. Если есть в ней сторгические зерна, то они - не в счет. И потому основная забота и задача сопутевой женщины: как задействовать эденское место в себе? До чего мучительная задача! И далеко не всегда разрешимая. Общая неготовность женщин к Сопутству еще большая, чем мужская к Пути.

Стезя женского сопутевого восхождения мало что трудна (она и не может быть иной), но и рискованна, зависима от случая и специфической женской удачи. Сопутевая судьба редко посылает женщине кого надо и тогда, когда надо. Да и когда посылает, то не одаривает, не балует, а предлагает для воли и веры женщины особенные душевные испытания, которые находятся на грани ее возможностей. Ей за все и за каждый подарок путевой судьбы надо платить самоотречением. Риск большой, угроз и препон множество, а надежды на успех мало.

Женщина, в зрелости достигающая Сопутства, рождается на свет с такими качествами души, которые исходно даются не часто, а осуществляются еще реже. Она должна быть и должна остаться способной хранить душевную чистоту и излучать тепло сторгической любви. Совесть, смирение, кротость, добролюбие, самоотречение - во всех этих явлениях и состояниях выражается отправное свойство разомкнутости души самой по себе, ее изначальной готовности выйти из себя, лишиться самости, разорвать отделенность. Во всех сторонах внутреннего мира сопутевой женщины явно понижена и все более и более понижается агрессивность; в том числе и в тех низших

(животных, звериных) пластах, где наличие агрессивных черт закономерно. Это понижение агрессивности в природном существе - уже чудо.

Мужчина в личной духовной жизни проходит Путь восхождения и участвует в Сопутстве. Женщина в личной духовной жизни тклет картину Сопутства, хотя ей вовсе не заказан и Путь восхождения. Выходит, что в путевом смысле женщина «богаче» мужчины: ей доступно (и, бывает, доступно одновременно) как прохождение Пути, так и прохождение Сопутства. В начальных своих этапах кривая женского Пути восхождения такая же, как и мужская, хотя нормативный график прохождения точек Пути у женщины иной, чем у мужчины.

Прохождение (восхождение) Сопутства – по большей части дело женской личной духовной жизни. Сопутство имеет свои волны, свои подъемы и спады, отливы и приливы. В какой-то мере сопутствующие волны накладываются на путевые или соответствуют им. Мы можем говорить о путевом и о сопутственном душевном рождении или о путевом и о сопутственном взводе духовной жизни. Это далеко не одно и то же, пусть даже и происходит в одном и том же человеке, в одно и то же время жизни и перемешивается так, что не всегда разберешь, где какое.

С путевой волной личностного рождения мужчина вступает в сторгическую пору жизни. Сторгическая пора женщины настает с ее сопутственным душевным рождением. Женская сопутственная волна личностного рождения запускает процесс Сопутства, начинает осуществлять его практически. Женское личностное рождение в Сопутстве не исключает личностное рождение на Пути. Но это разные события личной духовной жизни.

По необходимости упрощать первоначальное изложение и его удобства мы в дальнейшем будем говорить о Пути восхождения как о ряде событий исключительно мужской личной духовной жизни и о восхождении Сопутства как о ряде событий женской личной духовной жизни.

7(68)

И на Пути (у мужчины) и в Сопутстве (у женщины) первый подъем - подъем взвода, но у мужчины - взвода духовного сознания, а у женщины - взвода любви.

В периоде идеалов юноша обретает сознание отделенности высшей души. Свою высшую душу - кто отделен - он узнает по религиозному чувству в сознании призрака "Бога своего", в Идеалосознании. Свою же отделенность и душевную особость он выражает отталкиванием от других душ, Общей души и всего того, что посягает на его душевное самостояние. Юноша при душевном рождении опровергает и бунтует, стремясь вырваться из-под имевшейся до того душевной опеки любого рода.

Девушка в эту пору переживает посягательства на свою душу иначе. Она не столько отталкивается, сколько отгораживается. Чем острее девушка чувствует свою душевную отделенность, тем больше она стыдится, стесняется, обижается, боится оголенности своей души. Сознание душевной отделенности выражается в ней стыдом; в стыде душа её чувствует свою отделенность, и им отгораживает сама себя.

На вершине первого подъема Сопутства, лет в 12, 13, 14, девушка пуглива душою, ей от всего неловко, она дрожит стыдом и готова на обиду. Она неприкасаема. Она постоянно корит, обвиняя, защищаясь, жалуясь: "как не совестно!", "как не стыдно!". Слова эти имеют для нее такую силу потому, что ими она апеллирует к некоторому идеалу, к какой-то высшей точке, на которую можно встать, или опереться, или сослаться.

Девичье переживание идеала не похоже на юношеское, хотя, конечно, то, что свойственно ей, отчасти присуще ему, и наоборот. Юноша переживает идеал воплощения «Бога своего» и чувствителен ко всему тому, что не соответствует его представлению совершенства. Девушка переживает идеал совести, состояние тяготения души и чувствительна ко всему тому, что нарушает ее представление об идеальном тяготении. У него - идеальное чувство должного, у нее - идеальное чувство недолжного.

В душевно рожденной девушке светит свет идеала прилепленности. Где юноша чувствует поруганность "Бога своего", там девушка трепещет от разлепленности, от надорванности нитей тяготения. Чувство идеала девушки - не в себе, а на себя и от себя, и есть одновременно продукт и средство выражения душевной отграниченности - границ "Я". Все с ней происходящее она мерит сторгическим идеалом душевных взаимоотношений.

Предметному переживанию идеала или идеальных стремлений и представлений должна предшествовать жажда идеала, которую вызвать специально нельзя. Вызываются воспоминания этой жажды, если идеалы когда-нибудь населяли душу. По ним путевые мужчины помнят свою душу в юности. Женщина помнит свою юную душу не так. Обычно она вспоминает давние события, лица, страсти вокруг себя, себя в них и, главное, то, что лежало подо всеми душевными её движениями - свою девичью тоску. Девичья тоска - фундаментальный режим души девушки, то состояние готовности, на которое встала её душа в преддверии сопутевой работы, для душевного рождения Сопутства. Тоска эта тихая и грустная.

Чувство девичьей тоски есть, с одной стороны, чувство одинокости, оставленности, неприкаянности, и с другой, - требовательное ожидание чего-то и возвешение о чем-то. Душевно взведенной девушке знакома эта неопределенная жажда и нетерпеливое предвкушение, скоро превращающееся в желание любить и быть любимой. У толстовской княжны Марьи глаза смолоду грустные, теплые, кроткие, и в них всегдашний укор себе. Девичья тоска, быть может, есть общее, исходное состояние виноватости, на фоне которого работала душа сопутевой женщины в юности.

На подъеме душевного рождения мужчина взводится для трудов сознания, на мучения истины и духовное восхождение на Пути. И женщина взводится, но для трудов любовной духовности, на мучения добра и сторгическое восхождение в Сопутстве.

Тихая, смиренная, послушная, скромная, терпеливая - вот женский образ, испокон века (скрытно и до сих пор) ценимый людьми. Мужчине казалось, что эти её свойства гарантировали ему

её верность, создавали душевный комфорт, обещали надежность семейного существования, и он в прежние времена культивировал их в женщине. Свойства эти назывались кротостью, под которой понималось удобная для мужчины и уместная в женщине слабость и отсутствие таких качеств, как вспыльчивость, гневливость, самоволие, непокорность воле отца или мужа. Собственным положительным значением кротость не наполнялась, или наполнялась в условно положительном смысле "укрощения", т. е. женской способности утишения чужой лютости, унимания мужского буйства или чего-то подобного. В языческой среде женская кротость есть черта характера, одним милая и симпатичная, для других несимпатичная. Нам же важна кротость как стиль женской одушевленности, как облик её личности и даже образ духовности.

В стиле одушевленности рождающейся высшей душой девушки есть какая-то сокровенная грусть и тянущая тоска, напоминающая мужскую "тоску раскаяния" при личностном рождении. Только мужчине к 30-ти годам обычно есть в чем раскаиваться и винить себя, девушка же безотчетно виновата без вины. И там и там - духовное тяготение, которое заставляет мужчину чувствовать виноватость и ответственность своей души перед кем-то, кто потом осознается (после духовного рождения) "отцом" или духовным Я. В тоске душевно взводящейся девушки есть видение кого-то и чей-то взгляд, от которого она не может отвернуться, перед которым она живет, которого боится и любит и перед которым винится. Девушка взводится на Сопутство как бы под наблюдением "небесного жениха", чье эденское место заранее устанавливается в ее высшей душе. Если в тоске её - грусть и вина, то это грусть и вина трепетной невесты, готовой почувствовать себя недостойной, недостаточно чистой, греховной, слабой духом. Она трепещет, как бы страшась оставленности, покинутости, духовной одинокости. Это глубинное чувство невесты, обращенное к призрачному "небесному жениху", есть религиозное чувство девичьей личной духовной жизни.

Когда княжна Марья входила в комнату брата в Ярославле и увидела его лицо и его взгляд, то она вдруг оробела и почувствовала вину перед ним за свои низшие земные интересы. Её виноватость сродни сознанию

греховности, падшести, и её робость духовного свойства. Эту духовную робость мы, смотря по ситуациям, можем называть когда кротостью, когда смирением.

В душевном смысле кротость - не слабость и не отсутствие каких-то свойств, а сила сознания духовного величия кого-то родственного и любимого, перед которым нельзя не умяться душою. Взгляните на духовно взвоящуюся девушку. Уловите её духовную робость, почувствуйте её всегашнею самопридавленность пред какой-то могущественной и строгой силой, которую она несет в себе и которая властно следит за ней. В истоках её душевной кротости лежит трепет благоговения невесты перед женихом. Кротость - выражение того чувства девушки, которым она готовится к будущему Сопутству.

Душа девушки взводится в то время, когда основное сопутное препятствие - ее самость - еще далеко не набрало силу. Сторгический взвод души женщины при душевном рождении предшествует ее взводу самости. Взведясь сперва высшей душою, затем самостью, женщина сторгически взводится в любви, где она должна отречься от самости.

Юноша в периоде идеалов зрит высшую точку себя впереди себя и стремится подняться на нее. В это же самое время девушка в самоумалении кротости видит высшую точку над собой, стремится стать сопричастной ей и желает быть достойной ее. Он слышит сторгический призыв и идет на голос, её - судят, она отдает себя на суд и идет по голосу и на голос.³⁹²

"Чтобы быть сильным, надо быть как вода – гласит даосская мудрость. - Нет препятствий - она течет, плотина - она остановится; прорвется плотина - она снова потечет; в четырехугольном сосуде она четырехугольна; в круглом она кругла. Оттого, что она так уступчива, она нежней всего и сильней всего".³⁹³ Такова мудрость кротости, по которой доверяют жизни и на которой держится и мудрость неделания, и мудрость смирения, и мудрость противления ненасилием. Это очень толстовская тема.

Ступени ненасилия /непротивления/ с полным правом можно назвать "линией кротости" человеческой жизни; состояние души

человека наиболее отчетливо характеризуется по её месту в последовательном ряду заповедей кротости: око за око /за око не более, чем око/ - не мсти /"не плати злом за зло"/ - отвечай добром на зло - не поддавайся на душевную провокацию борьбы - никогда не употребляй никакого насилия ни для какой цели, не противляйся. Ни одна из этих ступеней не принадлежит душевнонерожденному (одностадийному) человеку, всегда хотящему за своё око более, чем око другого - большего отмщения.

Кротость - образ внутренне прекрасной девушки, в которой непротивление - черта девичьей одушевленности. Кротость - то, в чем она духовно, в сопутевом смысле, уже женщина. Отсюда берет начало стрела ее сторгического восхождения.

То ли сделала, так ли? права - не права? справедливо ли то-то и то-то? виновата ли и где? достойна ли? - вот как живет рожденная на Сопутство девушка, так она тревожится, страдает, боится, ищет. Она не судит, лишь сожалеет и все же видит жизнь в ракурсе Вины. Она чувствительна и к своей вине, и к вине другого; ее девичьи обиды - признание вины за другим, обостренное переживание его вины и требование раскаяния, которое она тотчас принимает. И сама она всегда готова каяться. Подъем кротости - школа самоосуждения и индикации виноватости.

Душевно взводимой девушке обычно претит столь понятное в юноше самовозвеличивание, которое она высмеивает. Этим она как бы укорачивает, укрощает его и тем, одновременно, защищается от него. Она умеет обуздывать другого, и тем больше умеет, чем больше потребность её души в самообуздании. Она не столько ищет, что можно, сколько боится сделать, что нельзя, за что ей будет стыдно. Подъем душевного рождения сопутевой женщины - школа кротости и сдерживания себялюбия, то есть смирения.

Основной показатель состоявшегося взвода личной духовной жизни сопутевой женщины есть потребность и способность её души вступать в полноценную связь с другой душой. Вынужденность женского Пути и беда его более всего в том, что эта её душевная потребность и способность может не реализоваться, либо реализоваться неполноценно

или ложно. Но сама возможность душевной вовлечённости в духовную жизнь другой высшей души она иметь должна. Из первого взвода Сопутства девушка выходит с потенцией на духовную вовлеченность, степень которой определяет степень взведенности её души. Женское душевное рождение не акт, а процесс взвода ее высшей души, процесс, который никогда, собственно, не прекращается в ней, покуда она "жива" как сопутевая женщина.

На старте Сопутства девушка находится в некоторой степени взведенности, от гипотетически наибольшей до гипотетически наименьшей при бесчисленном количестве переходов. Какой уровень взведенности соответствует и какой не соответствует ее душевному рождению? Ответить на этот вопрос трудно потому, что если такая пограничная черта взведенности и существует, то ведь она - потенция, которая становится зримой тогда, когда женщина сторгически вовлекается в духовную жизнь другого Я. В большинстве случаев мы можем знать о полноте жизни высшей души женщины только при её сторгической реализации, догадываясь, насколько высшая душа конкретного мужчины реализует потенцию ее духовного взвода. Но и это угадать совсем не просто. В одних случаях женщина сторгически осуществляется в мужчине, который явно ниже ее сопутевых возможностей, но насколько ниже - неведомо и ей самой. В других случаях реализующее её эденское существо мужчины уже столь высоко взшло на Пути, что она сама кажется значительно ниже тех возможностей, которые имеет. У каждой сопутевой женщины - свой путевой мужчина. Душевное рождение Сопутства, умозрительно говоря, прошла та женщина, уровень взвода души которой таков, что она удовлетворяется сторгической самореализацией с помощью лично рожденного (трехстадийного) мужчины. Она, собственно, его ждет, его и ищет. Это трудно, ей очень трудно. Ей надо помочь.

Некогда юношей долго и тщательно закаляли и потом подвергали мучительным инициациям, чтобы проверить их готовность стать воином, охотником. Только выдержавшего муки тела признавали взрослым, перешедшим в самостоятельную жизнь мужчиной. Те времена прошли, отроков никто не мучает, и они входят в жизнь когда подошла пора, без

вступительного экзамена. О зрелости тела без нас заботится Природа. Как помочь взвестись душе юноши, более или менее ясно. Но девочку, девушку только держат, ограждают, закупоривают, "сохраняют", лишь бы не было беды. Когда наступают сроки, её выпускают или она вырывается сама.

Душа сопутевой женщины рождается в слезах, через стыд, боль душевную, сострадание, вину, обиду, муки совести и жалости. В эту пору душа женщины и должна быть больна. Девушка должна болеть душой, и чем больше будет боли в её душе, тем для её души лучше.

Жизнь экзаменует сопутевую женщины. Весь сторгический рост женского Сопутства - в преодолении. И чтобы взвестись, сопутевой женщине нужно пройти через жестокие душевные инициации.

Воспитывать женщину надо не на ограждающих душу возвышенных представлениях (пусть так, но совсем не в первую очередь), а на страданиях совести, жалости к ближнему и дальнему, боли за несправедливость, унижение, гадость, зло. Стремитесь как можно больше расширить девичью душу, не страшась разорвать её, как люди в древности не боялись повредить плоть проходящих надлежащие испытания юношей. На мелочах повседневной внутрисемейной жизни её родителей раздвинуть девичью душу сложно, а то и невозможно. Не надо ограждать душу девушки от всегдашних кошмаров действительности. Пусть в ранней юности она вместит столько, сколько может вместить. Она должна знать если не все, то много: и зло, и жестокости, и поругания, и ложь власть имущих. Будет больно? Конечно, жалко. Но тогда она, вся избитая, даже надорванная, она тогда взведется.

Если женщина в любви воплощает разум мужчины, то помочь девушке взвестись, преподать ей знание общих ценностей человеческой души и жизни должен, как мы говорили, мужской разум отца. Женская душа всегда, и тем более на подъеме кротости, готова к расширению, но разом во все стороны раздвигаться не может, а куда именно - не знает. И отцовский разум дает её душе направление для её жалости и сострадания, душевной ответственности и любви. Подъемная сила

кротости вполне может пойти на пустяки, вылиться на "ахи" по поводу житейских происшествий мужа, детей, подруг, любовников, и может пойти на Божье дело хранения того, кто спущен из Эдена.

В храме мудрости входная дверь низкая, объяснял Толстой, и "войдут в храм только те, которые пригнутся" /45.411/. "Обретешь кротость, одолеешь мудрость". Мудрость есть в мире, уже нажита прежде жившими людьми, она под руками, рядом, но сама не дается в руки: её нужно или, ища, найти и взять, или притянуть себя к ней душевной кротостью. Мудрость, душа мудреца - магнит. Не кротость делает душу магнитом. Кротость сама не магнитит, но придает душе способность намагничиваться, притягиваться магнитными силами, вбирать в себя мудрость и через неё духовно питаться. Редкой женщине удастся войти в храм мудрости без кротости.

От мужчины на Пути восхождения требуется непрерывный труд все время возрастающей скорости духовного роста. От женщины для восхождения Сопутства требуются другие качества. Во-первых - абсолютная вера в того, чьей духовной невестой она признаёт себя и кому готова отдать свое эденское место. Во-вторых - несгибаемая душевная воля, назначающая и сторгическая. Однако своей "молитвы разума" у женщины нет, и она принимает истину от мужчины, зачинает от разума его и вынашивает плод волей и в вере.

Кротость ведет сопутевую женщину к двери мужской высшей души, которая раскрывается, не сразу раскрывается или не раскрывается перед ней. Найдется ли тот лично рожденный и восходящий мужчина, который хоть как-то не откликнется душою на стремление и готовность женщины к духовному притяжению?.. В её присутствии он всегда озаряется (ему часто кажется, что она его озаряет) от ощущения возможности узнания ею магнита его мужского разума, благодарит её душою и, значит, готов любить. Мужское духовное сознание чутко к женской потенции восприимчивости его. Душевно взведенная (и хотя бы чуть-чуть направленная) женщина ищет свою дверь. Ей только надо узнать свой вход, сдать и, сдавшись, войти в него.

Одностадийной, душою невзведенной женщине незнаком труд одоления самости. Как всякий человек толпы, она не более чем характер, подвластный Общей душе. По условиям жизни, своему характеру или общедушевным требованиям женщина может быть и покорна, и послушна. Но покорна без самоотречения и послушна без смирения. Духовная работа, и в том числе сторгическая работа, свободна. Только низшая ступень сторгического блага достается душе в неволе. На более высоких ступенях сторгический рост есть результат исключительно свободной работы души. Так что только взведенная на подъеме душевного рождения женщина способна преодолевать самость.

В 18, 19 лет девушка строптива в самом сознании себя живущей. Девушка, на которой в эти годы не лежит печать независимости и своенравия - редчайшее исключение. И у сопутевой женщины подъем кротости, надо думать, сменяется отливом своенравия. На подъеме кротости - виноватая, на отливе своенравия - правая и гордая. Вместо смирения - надменность. И претензия - там и в том, где только возможно. Женщина не может не думать о будущем и завтрашнем, даже если ей кажется, что она живет настоящим. В каждой, даже самой своенравной девушке, мольба: обеспечьте жизнь, дайте судьбу. Главный соблазн этого времени - соблазн устроительства своей судьбы. Силу свою этот соблазн черпает не столько из чувства страха перед будущим, сколько от нетерпения поскорее решить свою судьбу. Ужасом одиночества девушку пугают люди, но сама она, пугаясь или не пугаясь, дрожит от душевного нетерпения в себе. Она голодна душою, сидит за столом с яствами и хочет есть. Но в отличие от чистилища мужского Пути, желания в чистилище женского Сопутства не должны удовлетворяться.

На спаде первой волны Пути мужчину ждут топи, в которых он может завязнуть, ловушки, где можно застрять, заманки, из которых потом не выберешься. Но все эти препятствия и заслоны не загораживают его Путь. Они не искушения, ему не нужно "побеждать" их, напротив, он должен в них побывать, даже зарыться - чтобы выбраться и изжить. Проверяется его способность путевого восхождения, а не его выдержка.

Женщина на спаде первой волны Сопутства должна терпеть и выдерживать. Здесь, на отливе своенравия, подвергается испытанию одна из главных черт натуры восходящей женщины - крепость её душевной воли, которой потом предстоит охранять эденское существо своего мужчины.

В прежние времена родители, боясь упустить выгодный момент женской жизни, стремились пораньше выдать дочь замуж. Повседневная практика жизни менее всего рассчитана на сопутевую женщину, которая в молодости сопротивляется собственной душевной устремленности на заманки счастья. Не потому, что ждет лучшего предложения судьбы, а потому, что в душе ее тихий путеустанавливающий голос шепчет: жди, не пора, не сейчас.

Блажены нищие, но те, которые не захотели, а не те, которые не смогли стать богатыми. Блага та женщина, которая, не заманившись, прошла отлив своенравия, но не потому, что соблазны были недостаточно напористы, а потому что сама не позволила себе, выдержала, зная: чтобы найти и войти в свою дверь, надо иметь волю и смелость пройти мимо многих распахнутых дверей, сдерживать себя, не сдаться душою и телом.³⁹⁴

Как мужчина до личностного рождения ясно не знает, что в его душе свое и что чужое, так и женщина до личностного рождения Сопутства не знает, где своя дверь, а где не своя. Выдержать экзамен на выдержку, вытерпеть душою, выждать, дожидаться сопутевого личностного рождения – вот ее задача. Не выдержавшая этот душевный экзамен женщина либо тыкается в разные двери, безответственно входит и выходит из них, либо выбирает себе - себе, а не свою - какую-то дверь, входит в нее и пытается устроиться получше там, куда вошла. И то и другое лишает её блага Сопутства. Душа сопутевой женщины должна уметь терпеть самую себя - действие душевной воли, не известное мужчине вплоть до духовного рождения.

Если мужская душа в чистилище проходит ходовые испытания на выносливость в Пути, то женская душа в соответствующем периоде жизни выдерживает экзамен на терпение. Мужчина призван везти воз Пути, женщина - крепить Сопутство. И потому необходимая для духовного роста выносливость мужской души соответствует

необходимой для сторгического роста выдержке, терпению души женщины. Выносливость жизнепрхождения - вообще качество мужской души, мужского характера, мужского тела. Терпение - специфически женское качество, качество женской души, женского характера и женского тела. Не вынести (трудов, бед, опасностей), тягот, похвал, различных соблазнов для мужчины то же, что для женщины не вытерпеть: не дождаться, поддаться давлению плоти, взорваться самостью, устать от несения женских обязанностей, уступить соблазну и прочее. Люди, собственно, так всегда и понимали дело, требуя, при всем сходстве качеств выносливости и терпения, первого преимущественно от мужчины и второго преимущественно от женщины.

Каждой любящей женщине нужно, чтобы в ней нуждались. Но - как? Все дело в том, как нуждались. Некоторые желают быть драгоценным подарком, царственно даровать себя мужчине, быть его целительницей или руководительницей³⁹⁵ - той, от которой мужчина в восторге или кому поклоняется, нуждаясь. Отвечая на такую мужскую любовь, легко в буре страстей и самой явить самопожертвование. В основе страстной жертвенности такого рода лежит сладостное тщеславное чувство: я - высшее существо, способное возбуждать восторг и жертвовать собой. В исполненной гордостью любви женская душа подчеркивает свою самоценность, желает быть вечным соблазном мужчине, но не спутником ему.

График женского Сопутства текуч и расплывчат. Отлив своенравия длится у женщины до тех пор, пока душа её, устав или удовлетворившись, не отдаст себя. Следующий подъем Сопутства для женщины наступает не тогда, когда, как у мужчины, он должен быть по годам путевого расписания или индивидуальных отклонений от него, а когда скомандует сторгическая судьба. Но отлив своенравия не должен затянуться; это опасно: без активной сторгической работы что-то атрофируется в женской душе.

Раньше или позднее придет время, когда судьба предложит душе женщины поработать сторгически. С этого момента начинается спутевой

прилив личностного рождения женщины. Сторгическое у женщины есть и личностное.

Женское личностное рождение – в режиме любви, а не разума. При личностном рождении мужчина в глубине души знает «свою истину» и уже как-то может руководствоваться ею, женщина же при личностном рождении в глубине души узнает «свою любовь» - то есть любовь для своей сторгии - и пытается послужить ей. Ведет ли женское личностное рождение к Сопутству? Только если женщина плюс к этому достаточно развилась в своей, женской, линии сторгического восхождения.

Как и для личностного рождения мужчины, так и для сопутственного личностного рождения женщины необходимо знание или узнавание себя подлинной, нужд и чаяний своего эденского места. Но знание это она обретает через мужчину. Личностное рождение женщины наступает тогда, когда ее высшая душа принимает эденское существо, выращенное в мужской высшей душе. Сама пройти личностный подъем Сопутства женщина не может. Ей должен помочь мужчина. Но не любой, а ее, свой. Его она ждет, для него терпит, но когда приходит время узнать его, то, часто либо не узнает, либо принимает другого за него. И часто потому, что еще до сопутственного личностного подъема душа её ленилась трудиться разумом. Добрая половина душевно взведенных женщин сходят с сопутственной линии своей жизни не потому, что не смогли вытерпеть душевные инициации Сопутства, а из-за лени души. У сопутственной женщины должен быть большой опыт труда своего разума, накопленный на отливе своенравия.

Конечно, и без предварительного труда души разумом женщине может повезти на свою дверь. Что ж, такова её судьба, которая еще возьмет своё. Своего мужчину хорошо бы знать заранее, уметь угадывать его, быть готовой к его приходу. Для предуготовления Сопутства женщина сама должна загодя обрести направление сторгического тяготения.

Показательно, что у личностно рожденных в Сопутстве женщин резко возрастает интерес к творческому процессу самому по себе (в том числе, конечно, своего мужчины) и заметно падает как нужда в

зрелищах, так и бесперебойном общении с подругами. Душа её утолила голод. Меняется и её отношение к мужчине. Из основного условия исполнения мечты будущего счастья (а следовательно, объекта игры, борьбы, заботы, прельщения, влюбленности) он становится кем-то, кого она понесла в себе, кто с ней не ради нее.

До сопутевого личностного рождения в женщине нет серьезности по отношению к горению мужского разума. Она присутствует (пусть даже цenia и восторгаясь) при нем, но не сопутствует ему. Бывает и так, что женщина желает руководства разума одного мужчины, а отдавать себя предпочитает другому. Такой раздвоенности у лично рожденной в Сопутстве быть не может. Она любит того, от кого зачала духом. Её любовь к нему не только пристрастие души, но и род духовного благосостояния, в котором она, как сказал бы Толстой, находится в "нормальном состоянии духовного существа". До него она была - она точно знает! - в ложном состоянии души, теперь, через него, она нашла свое верное духоположение, да так, что любой намек на возможность утраты его доставляет ей духовное страдание. Причина серьезного и глубокого отношения к оплодотворившему её разумом мужчине в том, что он для неё - свой источник света, по отношению к которому она сознает духовную ответственность по чувству любви, возведенному на ступень духовного благодарения.

Прошедшая сопутевое личностное рождение женщина с ужасом оглядывается на себя: Боже, кем я была до него! Если это сознание воскрешения, прозрения, спасения своей души устойчиво и ужас воспоминания себя прежней не ослабевает, а все усиливается, то это верный признак успешного личностного рождения в Сопутстве. Для мужчины личностное рождение прежде всего не перелом, а смена чужого на свое, нахождение себя среди чужого. Для женщины личностное рождение Сопутства в полном смысле "рождение", вхождение в новый, иной мир, различающийся от прежнего, отвергнутого, как свет от тьмы, от отсутствия света. Она входит в дверь, перед которой слепота, глупость, самопоругание и самообольщение, зло, не-жизнь. Оказывается, что только за входом начинается жизнь, добро, зречность, разум.

Всякая женщина с годами обретает опыт, "знание жизни", с позиции которого она снисходительно оглядывает свое прошлое. Личностно рожденная в Сопутстве женщина отвергает себя бывшую не потому, что тогда не знала жизнь, а потому, что сама была другой. Трехстадийная женщина воспринимает свое душевное состояние до сопутственного личностного рождения как порочное и темное, не высвеченное. Различие между состояниями сознания двух уступов восхождения женщины, разделенных сопутственным личностным подъемом, огромно. Высшая душа личностно рожденной женщины переходит на совершенно другой уровень одухотворенности, выходит в личной духовной жизни на качественно новое, высшее поприще сторгического роста.

Личностный подъем Сопутства – еще одно кладбище женских душ. Любую душевно взведенную девушку в принципе можно провести через сопутственное личностное рождение: было бы соответствующее этому мужское эденское существо и его разум. Его-то и нет: не найден, не послан, упущен. Возможно, что путевой мужчина должен сам уметь притягивать к себе сопутственных женщин.

Сопутевой женщине необходим, она ищет и так часто не находит своего путевого мужчину. А ему надобна сопутственная женщина. Нужно особое благословение, чтобы открыть вход в Сопутство. Сопутство само по себе - высочайшее благо, даваемое свыше. Войти в Сопутство трудно, но и не так легко, войдя, сохранить его в жизни. Первое - Божья милость, второе - дело двух свитых вместе человеческих душ.

9.(70)

В периоде «своей жизни» (в процессе личностного рождения и после него) мужчина как бы испытывается на свободу высшей души. Сопутственная женщина в такую же пору жизни сдает экзамен на веру - на душевную преданность, на стойкость доверия своей души в Сопутстве. Духовный рост включает в себя рост свободы высшей души, и в таком качестве он преодолевает ранее внушенные верования души, верования всегда несущие несвободу душе

мужчины. Мужской душе свободу доставляет вера-идеал, а не вера-доверие, столь необходимая для душевного единения. Но именно в такой вере ("в него" и к нему) осуществляется свобода женской души. Свобода женщины и её вера сродни ее терпению. Можно, пожалуй, говорить отдельно о мужской (духовной) и о женской (сторгической) свободе в личной духовной жизни. Но и там и там свобода есть основная, путевая или сопутевая работа высшей души - духовного роста для мужской души и сторгического роста для женской.

Вера и идеал в личной духовной жизни суть две стороны работы души религиозным чувством. Состояние видения идеала, - указателя направления Пути - есть путенаправляющая сторона религиозного чувства. Другая, двигающая сторона религиозного чувства есть вера.

Идеал (как, отчасти, и разум) - предугадывающее обобщение в видении и в этом смысле душевное знание, определяющее направленность души, вектор ее устремленности. Вера же - та мощь, которая руководит действием душевных воль и придает высшей душе сознание ее могущества. Вера личной духовной жизни, как и общедушевная вера, переживается в душе как нечто абсолютно могущественное, способное одолеть все.

Чувство Веры в личной духовной жизни исходит от не знающей преград назначающей воли человеческого «Я», восходящего к «Я» Всевышнего. Поэтому исходно, без контроля разума и в чистоте работы религиозного чувства, человеческое «Я» твердо знает, что ему, одним волевым усилием, под силу сдвигать горы и разрушать крепости. «Я» - по самосознанию - может все. Человек сознает себя слабым в исполняющей воле, ослабленным в воле назначающей, но только не в назначающей воле «Я» - основной для личнодуховной Веры. Никакое самознание, дающее сознание своей "правоты" и своей «правды», не дает такого самосознавания могущества. Крепость веры придает силу и сторгической воле.

Чем мощнее взвелась душа сопутевой женщины и чем тверже она выдержала первое сопутевое испытание, испытание душевной воли на

отливе своенравия, тем легче для неё второе сопутное испытание, испытание веры при сопутном личностном рождении.

Верность, куда бы ни заманивалась, твердость совместности, во что бы то ни стало, кротость и смирение, что бы ни произошло - вот религиозные испытания, которые предлагаются женщине при входе в Сопутство. Сопутной женщине придется либо выдержать экзамен веры, либо отказаться от Сопутства. Причем в этом случае тяготы испытаний зависят не от крепости сторгической связи, а от энергии путевого восхождения мужчины, который предлагает сопутную судьбу женщине. Нет восходящего мужчины, нет Сопутства, нет и женского испытания веры. Чем путеноснее мужчина, тем ярче сопутная судьба женщины, тем тяжелее её труд в Сопутстве.

Люди чаще всего не выдерживают испытаний именно в тот пиковый момент, когда их выдержка и терпение должны принести плоды. Происходит это оттого, что в душе нет твердого решения (акта веры) вытерпеть во что бы то ни стало, чтобы ни происходило, любой ценой; не выдерживают люди не столько потому, что нет воли выдержать, сколько потому, что на пике испытаний им кажется, что дальше терпеть бесперспективно. Сознание бесперспективности - вершина испытания веры. На этой вершине, по-видимому, и сломалась Зинаида Молостова. В решительный момент она, верно ли, не верно ли, сочла, что ее встреча-судьба с Толстым бесперспективна, и, быть может, продолжала так считать во всей дальнейшей своей жизни.³⁹⁶ Только дотерпевшая до конца вводится в сопутную фазу женской жизни.

Вера, смирение и самоотречение завязаны в сопутной женской душе в единый узел. Как можно сказать, что самоотречение в любви от веры, так можно сказать, что вера в смирении из-за самоотречения, или смирение - от веры и самоотречения.

Поправим ли срыв веры? Как в женской, так и в мужской душе есть сила самовоскрешения, которой часто выправляются многие огрехи на Пути и в Сопутстве. Сила эта - сила покаяния. Покаяние столь же присуще религиозному чувству, как вера и идеал. Покаяние, вера, идеал - три стороны религиозного чувства личной духовной жизни. Идеал направляет и устремляет высшую душу. Вера удерживает и двигает ее.

Покаяние удерживает и восстанавливает ее. Воля души к покаянию не только очищает, возвышает и восстанавливает душу, но и сторгически связывает ее с той душою, на которую она обращена. Во многом покаянии много смирения, много веры, много самоотречения, а значит, много и сопутевой благодати.

Нет любви без отдачи, но одни любят того, кому жертвуют свое, перед кем геройствуют в жертве; другие любят того, перед кем смиряются, для кого отрешаются от себя. Любовь первого рода полна женской самости, в ней женщина мнит себя высшей, главной; в любви второго рода женщина не принадлежит себе и в сторгической связи сознает себя руководимой. Только такая, смиренная любовь сторгически жизнеспособна, только такая, самоотрекающаяся женщина проходит испытание верой, выдерживает экзамен на преодоление любовной гордости, душевной самости и корысти в сопутевой связи.

Ускорение сторгического роста производится смирностью любви сопутевой женщины, склонной не столько к самопожертвованию по страсти, сколько к самоотречению по вере. Важно понять, что самоотречение это – не ради мужчины. Без такого самоотречения женщина в своей сторгии не сможет хранить и растить их совокупное сторгическое существо от его младенчества к зрелости. Самоотречение женщины в Сопутстве – признак ее сопутевого личностного рождения и принятие ею эденского существа мужчины на материнское попечение.

Если "ближний" не "все и каждый" и не человек своего народа, своего вероучения, своего села, а тот, с кем женщина сторгически связала себя, чьи немощи несет на себе как свои, чей разум и чью волю делает своею, то единая заповедь «люби Бога и ближнего» в первой своей части более обращена к мужчине, во второй - к женщине.

Разумеется, прежде надо иметь такого "ближнего". Это должен быть тот, кто, заняв эденское место женщины, провел ее через сопутевое личностное рождение. Выдержать душевный экзамен веры и означает в сопутевом смысле перестать любить самую себя больше

всего, полюбить "ближнего" как самую себя. Полнота женской победы над самостью возможна только в Сопутстве или в подготовке к нему. Меня без "тебя" не существует – это условие своей сторгии необходимо и для существования в Сопутстве.³⁹⁷

Отношение сопутевой женщины к своему путевому мужчине всегда религиозно. По этому правящему сторгической волей женщины религиозному чувству она получает мировоззрение, находит себя, свое и своего, обретает сторгическое благо и осуществляет Сопутство. Девичья мечта о счастье вполне может быть удовлетворена сопутевым благом, основанным на едином мировоззрении и единой вере с мужчиной.

Любить для женщины, находящейся в Сопутстве с мужчиной, означает превращать его в «своего Бога». Испытание любви к обоженному есть испытание религиозного чувства. Это вера, во-первых, выражается в безропотности, с какой она вверяет себя, не рассчитывает, не выгадывает, не пытается изменить судьбу или хотя бы течение жизни. Во-вторых, это вера-верность и вера-доверие, в которой идут, не рассуждая, туда, куда зовут. И наконец, в-третьих, это вера-кротость и смирение. Чем сильнее такая вера, тем более выживаемо Сопутство, тем больше простора для дальнейшего сторгического роста и тем больше возможность сопутевого блага.

«Своя истина» личной духовной жизни мужчины приходит в душу в смутном и не проявленном разумом виде, как догадка об истине, о назначении своего эденского существа, в осмыслении требований которого легко и ошибиться. То, что укореняет в разуме еще не познанную им истину, есть вера мужской личной духовной жизни – вера в то, что становится, выдвигается в его высшую душу. Если я знаю, что жизнь моя имеет непонятный мне смысл и если я знаю, что есть Тот, для Кого моя жизнь имеет глубокий смысл, то знаю я это не по самознанию, а по вере. Первое обычно обретается разумом, второе - религиозным чувством. Могут пройти многие годы, прежде чем я разумом обработаю то, что некогда принял в свою душу "по голосу", религиозным чувством личной духовной жизни. Разум стремится либо подтвердить добытое религиозным чувством, либо ликвидировать плоды его трудов. Поединок

разума и веры неизбежен в личной духовной жизни мужчины, наполняет ее и сам по себе важен для его духовного роста. Работой разума рушатся суеверия, падают авторитеты, рассеиваются иллюзии; в работе религиозного чувства они возникают вновь, но уже другие и на другом, более высоком уровне духовности, от другой полноты сознания жизни.

Работа разума в высшей душе женщины ослаблена, и потому она вверяет себя по разуму, что возможно только в акте религиозного чувства, по вере. Посредством эденского места женщина находит своего носителя разума, верой внедряет его в себя и тем устанавливает гармонию веры и разума в своей высшей душе. В отличие от путевого мужчины, в душе сопутевой женщины нет противоборства веры и разума. Высшая душа женщины растет иначе, прежде всего сторгическим ростом, для которого надобно не столько знание истины, обретаемое разумом-мудростью, сколько знание блага, основанное на потребности женской высшей души и являющейся предметом ее веры. Личностно взведенная сопутевая женщина знает "свое благо" и верит в него, как мужчина знает и верит в «свою истину». Собственно говоря, это сторгическое благо, которого действительно жаждет душа сопутевой женщины, и проходит испытание на крепость веры.

В труде религиозного чувства женщины вера личной духовной жизни производит большую путевую работу, чем в мужской душе. Стойкость одной стороны религиозного чувства женщины, стойкость её идеалов, испытывается крепостью другой стороны её религиозного чувства, крепостью веры. Душа сопутевой женщины прежде всего душа верующая. Она - верит, верная и вверяет себя. Ее душевные связи всегда религиозны, всегда основаны на вере.

Для мужчины трагедия жизни - ее бессмысленность и крах идеалов. Женщина же, когда сознает трагизм жизни, то душевно переживает его не разумом, а религиозным чувством. У нее крах веры, муки ее жизни - муки веры, она обманута в своей вере, в своей приверженности, в любви, надеждах, верности. Мужская разочарованность в жизни: все суета сует, все не имеет смысла; женская - все преходяще, непрочно, не во что верить.

Не только сопутевая женская душа желает верить и мучается верой. От потребности верить происходит часто губительная женская доверчивость, преодолевающая ее врожденную осторожность. Если женщина никому и ни во что не верит, то падать дальше ее душе некуда.

Подъемы женского Сопутства крепки верой. Вера в составе подъемной духовной силы взводит высшую душу женщины на Сопутство. Вера же, будучи основой ее сторгической воли, подымает ее на следующую ступень Сопутства, где она должна без остатка вверить себя другой душе и принять ее в себя. Какова бы ни была стыкующая сила предсторгической любовной страсти, но если затем образованная душевная связь держится на чем угодно, только не на религиозном чувстве женщины, не на ее вере, то такая связь не крепка, длительно существовать не может, рушится или вырождается. Сопутство добывает в основном женщина: для этого душа ее и проходит сопутевое испытание на веру.

Сопутевое личностное рождение женщины взводит религиозное чувство ее души, устанавливает веру. Эта вера торжествует победу самоотречением. Самоотречение - апофеоз веры, вера совершенная, начало которой положено в сопутевом личностном рождении. Мужчина в конечном счете возносится самоотречением в эденское существо, обретающее его «Я». Женщина в самоотречении возносится в Сопутство, к духовному сознанию мужской высшей души, к его эденскому существу как к своему.

10(71)

Сопутство Сара особенно занимает нас в связи с неудавшейся попыткой дела Сара Совести в метафизической биографии Льва Толстого. Один из участников Сопутства Сара – носитель мужского эденского существа, которое на Пути восхождения должно обрести духовную мощь, соответствующую достоинству Сара. Другой из

участников этого типа сторгических взаимоотношений не обязательно несет эденское существо в себе; его задача состоит в том, чтобы решающим образом участвовать в привлечении такого сторгического существа, которое было бы способно вынести нового Сара в пространство Общей души. Понятно, что это - женская сопутевая задача.

Функции мужчины и женщины в Сопутстве Сара во многом такие же, как и в путевом Сопутстве. Мужчина в духовном росте сообщает женщине импульс восхождения ее личной духовной жизни, женщина в сторгическом росте одаривает мужчину сторгическим благом. Задача мужчины - духовно возделывать; задача женщины - сторгически выхранить возделываемое. Для этого она вовлекается в духовное сознание мужской души, руководствуется мужским разумом точно так, как она бы руководствовалась своим. И он, со своей стороны, вовлекается в любовную духовность женской души и руководствуется ее чувством жизни, как своим.

Отличие Сопутства Сара в том, что с мужской стороны оно образуется высеванным в высшей душе эденским существом, а с другой стороны - полученным из все-общедуховного поля связующим высшие души сторгическим существом. Для путевого Сопутства необходимо эденское место в женской высшей душе. Для Сопутства Сара эденское место должно изначально присутствовать в сторгическом существе. Для этого оно должно быть создано соответствующим образом.

Всякое бессмертное сторгическое существо, видимо, проходит стадию собственно общедуховного развития, где оно обогащается в поле все-общедуховной жизненности перед своим следующим во-душевлением в лично духовную сторону высшей души мужчины или женщины. Сторгическое существо, долженствующее создать Сопутство нового Сара и для этой цели несущее в себе эденское место, подготавливается в общедуховной стадии (или стадиях) всей той семьей Саров, в которую может войти новый Сар. Особенно если речь идет о новом Саре Власти. Сторгическое существо это несет в себе духовный пласт Общей души и представляет его перед Эденом, откуда будет спущено особое эденское существо для нового Сара.

Высшая душа женщины в Сопутстве Сара должна суметь притянуть к себе сторгическое существо такого рода и вместе с ним вступить в сторгию с мужской высшей душой. Это требует от женщины, кроме безраздельной преданности, еще и особого сторгического сознания. Обычное сторгическое сознание: «Ты – мое другое Я». Женское сознание в Сопутстве Сара приближено к агапическому: «Я

– его другое Я». Благодаря этому Сопутство Сара возводится на такую ступень, где есть не только несение немощей "своего другого Я", не только сострадание и сорадование, но и единство двух в одном. Двое в Сопутстве Сара становятся единым целым, два «Я» становится одним «Я» - с единственной жизненной задачей на двоих и для двоих.

Сопутство Сара – род одноцентричной сторгии. В путевом Сопутстве мужчина стремится видеть жизнь глазами женщины, а она – глазами его. Они смотрят на все вместе, в две пары глаз, дополняющих одна другую. В Сопутстве Сара - одна пара глаз. Женщина в Сопутстве Сара не может не смотреть на все на свете его глазами и только его глазами. Когда в процессе жизни меняется его взгляд, его зрячьсть, то соответственно меняется и ее взгляд, ее зрячьсть. Только в таком случае не может быть сорвана ни ее Встреча с носителем нового Сара, ни ее Сопутство с ним, ни внедрение его в Общую душу.

Проблема всякого Сопутства, и более всего Сопутства Сара, состоит в том, что, как правило, оно образуется тогда, когда эденское существо (в том числе и мужское эденское существо, предназначенное стать Саром) еще не может оказывать заметное влияние на сторгические процессы.

Мы уже не раз говорили, что собственно Путь восхождения эденского существа начинается с личностного рождения, с третьей стадии Пути, в которой личнодуховная сторона высшей души человека становится носителем эденского существа. Эденское существо, оказавшееся в высшей душе человека после личностного рождения, еще плавает по ее поверхности, пытаясь сконцентрировать на себя всю личностную жизнь человека. Это - предварительный этап его жизни, нацеленный на исполнение задания, которое получено или будет им получено. Без определенного задания эденское существо не спускается в человека, навигационный выбор которого должен соответствовать этому заданию. Узнать о нем эденское существо может не сразу и не вполне, во всяком случае, активно начинает готовиться к исполнению задания только после подъема Пробуждения (своего пробуждения к активной жизни), а приступает к исполнению после духовного рождения, когда входит в зрелый возраст и становится духовным Я.

Таким образом весь путевой уступ «своей жизни» (28 – 37 лет), специально предназначенный для сторгических дел, путевой мужчина проживает тогда, когда эденское существо в нем далеко не вполне участвует в его духовной работе. Своя или чужая сторгия осуществляется не эденским существом и без непосредственного его влияния. Эденское существо включается в сторгическое жизнедействие позднее, когда своя сторгия успевает перейти на высшую ступень и может стать Сопутством. Однако одноцентричное Сопутство Сара должно зародиться таковым, возникнуть еще до того, как способное стать Саром эденское существо во весь голос заявит о себе и вступит в активное взаимодействие с женской высшей душой и с несущим эденское место сторгическим существом. Иными словами, в сторгическом процессе, ведущем к Сопутству Сара, с самого начала должна участвовать не любая сопутевая женщина, а

определенный ее тип: сопутевая именно для этого нового Сара женская высшая душа.

Оба участника будущего Сопутства Сара должны заранее найти и узнать друг друга. Сначала в событийном потоке жизни должна быть свыше назначена специальная Встреча для Сопутства Сара. После образования своей сторгии сопутевая женщина некоторое время растит сторгическое существо, угадывая направление роста Сопутства к новому Сару. И узнает этого Сара только тогда, когда мужское эденское существо, пройдя духовное рождение, станет им. И потом их сторгическое существо, специально приготовленное для нового Сара, внедряет его в Общую душу и во всеобщедуховное поле жизни.

Эденское существо Льва Толстого вполне могло явить нового Сара Власти, Сара Совести. Для этого оно было подготовлено со всех сторон. На самовыявление Сара Совести работал и Гений Толстого, и его русскость, и разнообразные могучие силы, которые были заложены в нем, и высшее духовное достоинство как его эденского существа, так и его высшей души. Сар Совести в Льве Толстом был обеспечен еще с общедуховной стороны его высшей души, находящейся в ареале Сара «простоты и правды», Сара брата Николая. Однако в метафизической биографии Льва Толстого вроде бы вообще отсутствует женщина, пригодная для Сопутства Сара. Как такое возможно?

Из всего того, что мы говорили выше о Татьяне Александровне Ергольской, следует предположить, что именно она – ровесница его отца - могла быть сопутевой женщиной, пригодной для Сопутства со становящимся Саром эденским существом Льва Толстого. Толстой грезил о «прелестном семействе», жившем в Ясной Поляне до него, и мечтал такой же сделать свою семейную жизнь. Но – какой такой? Ничего «прелестного» в супружеской жизни его отца и матери, как мы знаем, не было. Но была тетушка Ергольская, была ее любовь к его отцу, была и мистическая связь между ее душою и душою Льва Николаевича. Впечатление такое, что она из себя выпустила его высшую душу на просторы духовной жизни. Она любила его эденской любовью. И Толстой ждал молодую тетушку Ергольскую, чтобы ее сделать своей женой. Именно поэтому ему не подошла ни Зинаида Молостова,

ни Александра Андреевна Толстая и никакая другая. Другой тетушки Ергольской, по-видимому, и быть не могло.

Толкуя о Толстом, мы, разумеется, имеем дело не только с чрезвычайно редким, но и свыше обеспеченной личностью во всечеловеческой истории. Тот Сар, который определял всю духовную жизнь Николая Николаевича, был поставлен во Льва Николаевича для совместной работы с его эденским существом, становящимся Саром Совести. Возможно, что Сар брата Николая существовал в душе брата Льва для того, чтобы сопроводить новый Сар в русскую Общую душу.³⁹⁸ Толстой как бы нес особое Сопутство Сара внутри самого себя. Во всяком случае, через Сара брата Николая в себе Лев Толстой имел надежный канал связи с общедуховном полем и мог внедриться в него и без помощи сопутевой женщины. Правда, для этого от Льва Николаевича потребовались бы чрезвычайные усилия. И можно попытаться понять какие именно.

Многие десятилетия ходили слухи о том, что император Александр I не умер в Таганроге, а жил под именем старца Федора Кузмича. Когда именно у Толстого возник замысел произведения о жизни и уходе императора неизвестно. Но, судя по его Дневнику, не позднее начала 90-х годов. "Моя – разумеется, не исполню – мечта - написать историю Александра I с точки зрения Кузмича, как если бы он ее писал".³⁹⁹ Быть может, это единственная книга, которую Толстой обязан был написать, но ее-то он и не написал.

В 1905 году Лев Николаевич узнал, что версия о судьбе Александра подтверждена новейшими историческими изысканиями. И 77-летний больной старец тотчас взялся за «Посмертные записки старца Федора Кузмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири, близ Томска, на заимке купца Хромова». Сохранилось первые главы этого романа и по авторской, собственно толстовской исповедальности их можно судить, что он должен был стать последним и программным художественным произведением Льва Толстого. Глубоко личная заинтересованность Льва Николаевича в том, что он пишет, не вызывает сомнения.

«Я родился и прожил сорок семь лет своей жизни среди самых ужасных соблазнов и не только не устоял против них, но упивался ими,

соблазнялся и соблазнял других, грешил и заставлял грешить. Но Бог оглянулся на меня. И вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать перед собой и сваливать на других, наконец открылась мне во всем своем ужасе, и Бог помог мне избавиться не от зла — я еще полон его, хотя и борюсь с ним, — но от участия в нем. Какие душевные муки я пережил и что совершилось в моей душе, когда я понял всю свою греховность и необходимость искупления (не веры в искупление, а настоящего искупления грехов своими страданиями), я расскажу в своем месте... Теперь же, стоя по пояс в гробу, семидесятидвухлетним стариком, понявшим тщету прежней жизни и значительность той жизни, которой я жил и живу бродягой, постараюсь рассказать повесть моей ужасной жизни». «Главное было то, что вся внешняя жизнь, всякое устройство внешних дел, всякое участие в них — а уж я ли не участвовал в них и не перестраивал жизнь народов Европы — было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдруг понял, что все это не мое дело. Что мое дело — я, моя душа».

Известно, что в октябре 1905 года Толстой читал 4 тома Шильдера «Александр 1» и делал обширные выписки. В январе 1906 года он штудировал книгу великого князя Николая Михайловича о князьях Долгоруких, сподвижниках императора Александра 1 в первые годы его царствования. Работа шла полным ходом. Но Толстой прервал писание романа как только ему сказали, что ученые мужи установили: император Александр действительно умер в Таганроге.⁴⁰⁰

Толстой воспринимал императора Александра своим духовным двойником, и ему, не столько для читателя, сколько для самого себя, было необходимо знать, что то, что он пишет, в действительности происходило на этом свете.

Император Александр Павлович у Толстого признавал, «что вся моя жизнь, все мои дела — все дурно, и мне надо сделать то, что я давно хотел сделать: все бросить, уйти, исчезнуть... Но как? Не так, чтобы удивить людей, чтобы меня хвалили, а, напротив, надо было уйти так, чтобы никто не знал и чтобы пострадать».

"То, что вы пишете о необходимости бездомности, бродяжничества для христианина, было для меня в самое первое время моего обращения самой радостной мыслью, объясняющей всё, и такую, без которой истинное христианство неполно и непонятно» (74.39), – писал Толстой в 1903 году. Мы уже отмечали, что для Толстого чрезвычайно важно было то, что Христос жил "бродягой".

Чтобы исполнить свое высшее предназначение, стать Саром русской Общей души Толстой должен был не только принести жертву, пострадать, но и раствориться в народе, стать Федором Кузьмичом. Со времени своего духовного рождения он намеревался стать "бродягой" (см. выше гл. 51) и прямо страдал, что не мог стать им. Но не стал, не совершил, что должен был и к чему стремился всей душой.⁴⁰¹ И совсем не потому, что это было ему не по силам. Бывало, что он ненавидел жену, но почему-то не мог разорвать те нити (нити чужой сторгии!), которые связывали его с ней и уйти. Это не умещается в голове. Тут что-то не так.

Спущенное в высшую душу Льва Толстого эденское существо призвано было стать Саром Совести, могло им стать даже без Сопутства Сара, но не стало. Что могло помешать высшему замыслу на Толстого? В чем причина, что свыше порученное ему дело расстроилось? Причина эта не в слабостях человека Толстого (иначе оно не было бы возложено на него) и, уж конечно, не в самих по себе несчастных обстоятельствах личной жизни, которые он, в соответствии с его заданием на жизнь, не мог не преодолеть.

Толстой и его маленький сын Ванечка могли чувствовать духовную близость друг к другу только по тому, что мы называем толстовским Саром Совести. Ванечка приходил на смену отцу, которому не удалось дело Сара Совести. И был снят с дистанции жизни как раз в 7 лет, накануне того, как общедуховность начинает вполне овладевать человеком. Это не похоже на случай. Почему-то Ванечка родился. И почему-то умер, не став, как и его отец, Саром Совести. Что тут - запрет на Сара Совести?

Мы давно уже вторгаемся в область, в которой с определенностью и достоверностью знать ничего нельзя. И все же

позволим предположить, что что-то изменилось за время пребывания Толстого на Земле, и изменилось так, что приговоренному к выходу в Общую душу Сару Совести дан был отбой. Видимо, с 1835 года, когда Толстому было 7 лет, и по 1895 год, когда 7 лет было его сыну Ванечке, за эти 60 лет, что-то изменилось и изменилось так и настолько, что необходимость в Саре Совести не отпала, конечно, но стала неуместной или преждевременной.

Где произошла эта перемена и в чем она? Чем больше я думаю об этом предмете, тем больше склоняюсь к тому, что перемена, которую мы ищем, произошла не в Эдене и не в одной русской Общей душе, а в общедуховной направленности развития некоторой части человечества и выразилась в эпидемии мнимодуховности,⁴⁰² которую первым заметил Толстой на подъеме духовного рождения и с которой сразу же стал воевать и страстно боролся три последние десятилетия жизни. В условиях утраты подлинности Я, мимикрии истины, подмены совести, передергивания чувства жизни высшей души и ее порчи внедрять Сара Совести в все-общедуховное поле не только бесполезно, но и опасно для самого Сара Совести.⁴⁰³

По-видимому, угроза тотальной мнимодушевности и мнимодуховности, которая стала зримой во второй половине прошлого века, нависла над людьми в середине XIX века. Сару Совести нечего делать в зараженном мнимодуховностью мире. Но сигнал об этом поступил тогда, когда Сар Совести своими путям уже восходил в мире человека. Если отменить это восхождение (то есть снять Льва Толстого с дистанции земной жизни) нельзя, но можно пресечь попытку внедрения Сара Совести из высшей души Толстого на уготованное ему место в Общей душе. Что и произошло в метафизической биографии Льва Николаевича.⁴⁰⁴

Срыв попытки создания Сара Совести не означает завершение метафизической биографии Льва Толстого. В связи с этой неудачей план на духовное Я Толстого пересмотрен. Духовное развитие Толстого пошло по иному руслу.

11.(72)

Мы выбрали метафизическую точку зрения, и, глядя с этой точки, видим, что до 70 лет Лев Толстой неудачник, несмотря на всю славу его и величие.

Прежде всего Толстой – несчастливек в сторгическом отношении. Лев Николаевич всегда желал Сопутства, целую жизнь мучительно ждал его, но ему так никогда не удалось войти даже в благосостояние своей сторгии. Единственную видимую исследователю возможность осуществления своей сторгии с Зинаидой Молостовой Толстой странным образом упустил. Она слишком рано и слишком неопределенно вошла в его жизнь. Время от времени возникавшее в нем стремление связать жизнь то с казачкой, то с крестьянкой вряд ли могло принести Льву Толстому то, что он хотел. И встреча с Валерией Арсеньевой, на которую истрачена его любовь личностного рождения, оказалась недоразумением.

В 34 года Толстой экспромтом женился и потом раскусил: «не она». Год промучившись, Лев Николаевич понял, что «ничего не сделаешь против сложившегося» и решил из нее же делать себе жену. И вроде бы вполне преуспел в этом. Счастливая семейная жизнь продолжалась лет семь, затем «лопнула струна» и сторгический рост прекратился. Из-за сокрытого противостояния чужая сторгия стабильна постольку, поскольку супруги совместными усилиями активно поддерживают установившейся порядок течения жизни. Духовное рождение Толстого взорвало ситуацию. Чуждость двух сторгически связанных людей предстала им же со всей очевидностью. Но Толстой не ушел, а после двадцати лет супружеской жизни, решил

переделать совершившуюся чужую сторгию в свою сторгию. Как свидетельствуют многие наблюдатели, Лев Николаевич все отдал бы, чтобы Софья Андреевна в его духовной жизни стала рядом, вместе с ним; многие годы он не желал смириться с невозможностью этого. В результате Льву Толстому пришлось пережить сторгическую катастрофу.

Неудачи собственно метафизической биографии Толстого не столь очевидны. Посланцу из Эдена, поселившемуся в высшей душе Толстого, было явно не впервые восходить на Пути жизни человека. Несмотря на срывы в начале Путепрохождения, Толстой с легкостью преодолел и подъем личностного рождения, и подъем Пробуждения. Трудности начались только на подъеме духовного рождения, в результате которого эденскому существу Толстого предстояло явить себя Саром Совести. Оно, по-видимому, исходно было нацелено на духовное рождение и Сара Совести. И потому на метафизическую биографию Льва Толстого прежде всего надо смотреть с позиции того, насколько те или иные моменты ее вписываются в движение к заданной цели – к Сару Совести.

Почти два десятилетия Толстой вынашивал тему, которая, несомненно имела непосредственное отношение к указанной цели. Это не столько «мысль народная», сколько мысль о векторе душевного развития русского народа. Она лежит в основании замысла, который привел Толстого к «Войне и миру». Где этот замысел исполнен не был. Затем - роман о Петре Первом, задуманный как произведение об истоках движения русской Общей души в Новой истории. И опять неудача.

Перед взводом духовного рождения, в путевом затишье, на плато Пути, Толстому необходимо было несколько лет усиленной художественно-исследовательской работы для уяснения духовных основ русской Общей души и исторических процессах в ней происходящих. Вместо этого он написал «Анну Каренину», предельно значимое лично для Толстого и – в силу масштаба его личности - для человечества произведение. Но в метафизической биографии Толстого этот гениальный труд занял не свое место. На предварительную работу о русской Общей душе и ее общедуховных основах, работу, в итог которой всецело мог

вписаться и Сар Совести, времени до подъема духовного рождения у Толстого не осталось. В этом смысле его Сар Совести явился не подготовленным, не опирающийся на добытое и достаточно глубоко пережитое общедушевное и общедуховное знание. Многие огрехи первоначальной проповеди Толстого, должно быть, от этого.

Идеалы Сара Совести не требуют нетерпимости к какому-либо вероисповеданию, принятому Общей душою, в духовные начала которой эти идеалы должны внедриться. Любая конфессия необходима для духовного единения людей в общедушевных рамках. Средствами вероисповедальческих постулатов Общая душа духовно консолидирует вокруг себя и, что нам здесь особенно важно, осуществляет духовную связь поколений. Если Толстой, как он хотел, все-таки потратил бы многие годы жизни на художественное исследование общедушевных процессов, идущих из поколения в поколение, то он куда с большей осторожностью сокрушал традиции и догматы Веры, которые исповедовали его предки. От вероисповедальческих постулатов требуется не достоверность, а веродостаточность, в том числе и для обеспечения духовной власти.

Носители духовной Власти в сакральном общедуховном мире – Сары Власти. Среди них рано или поздно должен стать и Сар Совести, держатель духовной власти Совести во все-общедуховном поле и в какой-либо отдельной Общей душе. Сар Совести – это Сар Власти и в ином качестве выступать не может. Толстой в проповеди теоретически боролся за власть Сара Совести против действующих Саров Власти, а не включал его в их состав.

Если предположить, что Лев Толстой ниспровергал наличную духовную власть для того, чтобы расчистить дорогу к власти Сару Совести, то это крайне неудачный маневр. Таким способом он не только воздвигнул на его пути трудно проходимые заслоны, но и вызвал на него их ответный огонь. Впрочем, Сар входит в Общую душу не по проповеди, а как-то иначе. Одно дело тексты, в которых отчетливо зафиксирован голос Сара Совести, а другое практика мистического делания нового Сара, которая не зависит от стрельбы вероучительскими обличениями и, вообще, от религиозных писаний

любого рода. И все же нельзя не отметить тактическое несоответствие проповеди Толстого начала 80-х годов и общедуховных задач, стоявших тогда перед его эденским существом. В конце концов Толстой (хотя бы в умозрении) вывел общедуховного носителя Совести из сферы собственно человеческого существования к Божественным высотам. Этим Сар Совести исключался и из Общей души.

Религиозная критика Толстого не уместна постольку, поскольку он сам оставался на общедуховных позициях. С личнодуховной точки зрения она законна. Ненасилие как принцип общедуховной жизни использовался Толстым по тому же назначению - в качестве орудия против Власти как таковой. Во времена «В чем моя вера?» это переводило его мысль во внутренне несвойственную Толстому плоскость общественного учения, по внешности напоминающего анархизм. Интересно, что через полвека после смерти Толстого ненасилие стало одним из знамен мнимодушевности; это еще раз указывает на причины, по которым Сар Совести не мог войти в общедуховный пласт многих и многих Общих душ.

Когда Толстой перешел на попрание личной духовной жизни, то то же орудие ненасилия и вся толстовская критика светской и духовной власти вошла в свое русло. Оказалось, что Толстой проламывал и, хотелось бы думать, проломал стену общедушевной и общедуховной жизни для того, чтобы через этот пролом выпустить на простор личную духовную жизнь человека. Именно поэтому мы сейчас имеем возможность войти в этот пролом и попытаться освоить кое-что из того, что в нем открывается.

Однако не состоявший в Сопутстве Толстой не мог достигнуть вершины личной духовной жизни. После того, как толстовское эденское существо, готовое стать Саром Совести, не смогло стать им, у него осталась одна дорога – обратно в Эден по почти непроходимому одиночному Пути восхождения. Быть может после неудачи с Саром Совести Лев Николаевич совершал нечто сверх того, что ему назначено, а может быть ему в начале 80-х годов не удалось совершить то, что лишь первым на очереди было назначено ему. Второе вероятнее, так как то, что

Толстой выработал, работая на и для Сара Совести, осталось в нем и когда его эденское существо свернуло с общедуховной стези и через личную духовную жизнь взяло курс в метачеловеческую Обитель существования.

На поприще личной духовной жизни Толстой переходил постепенно с середины 80-х годов. Нельзя сказать, что и это поприще его жизни с метафизической точки зрения было целиком и полностью успешное.

Толстой всю жизнь шел к осмыслению и выявлению личной духовной жизни, но созрел для проповеди ее только к 60 годам, во второй половине 80-х годов. Повторим то, что говорили не раз: Лев Толстой – пророк личной духовной жизни, возможно, первый ее пророк. Это еще одно великое назначение его и его жизни. Он пробивал заслоны общедуховной жизни и обличал то, что тормозит или сгоняет человека с поприща личной духовной жизни. Но не этого, не всяческих разоблачений человека, его общественной и общедуховной жизни, а религию и мировоззрение личной духовной жизни ждал от пророка Толстого Тот, Кто послал его. Как положено пророку, Толстой должен был возвестить, но он не возвестил начало эры личной духовной жизни в человечестве. Да и поприще личной духовной жизни Льва Николаевича длилась недолго, всего-то лет десять.

Толстой, очевидно, мог оставить нам, людям, полноценное учение о личной духовной жизни, но не сделал этого. «Царство Божие внутри вас», основное произведение той поры, имеет подзаголовок, указывающий на то, что это произведение призвано предъявить «новое жизнепонимание». В действительности же личная духовная жизнь лишь обозначена в нем, возвещена в принципах, и только. Общая картина учения личной духовной жизни у Толстого смазана. В «Царстве Божьем внутри вас» есть и многостраничная критика критиков учения ненасилия, и изобличение воинской повинности, которую Толстой в ту пору счел основным злом общественной жизни, и многое другое, в чем тонут основы учения о личной духовной жизни.

Впрочем, в архиве Государственного музея Толстого в Москве хранится огромный неопубликованный и неисследованный материал – рукописи к «Царству Божьему внутри вас». Судя по тому отрывку, который опубликован в 28 томе 90-томного собрания сочинений, в этих

рукописях содержатся, пусть и в черновом виде, бесценные мысли Толстого о личной духовной жизни и о философии человеческой жизни с точки зрения «нового жизнепонимания».⁴⁰⁵ Но почему-то Толстой не стал разрабатывать его, а вместо этого в «Христианском учении» занялся проработкой псевдообщедоступного линейного самосовершенствования. Принцип «Христианского учения» - постепенный рост, постепенное, пошаговое самосовершенствование. Но последних шагов этого совершенствования в трактате нет и, главное, нет сюжета духовного роста на Пути жизни. Все основано на теоретически доступном всякому, но несвойственном мысли Толстого лобовом усилиии воли и духа.

Эденское существо Толстого не было, видимо, нацелено на восхождение одиночного Пути. Он словно сам останавливал себя. Поприще личной духовной жизни, как и предыдущее, оказалось проходным в метафизической биографии Льва Толстого. Он установил некоторые наиважнейшие принципы личной духовной жизни, стал ее пророком, но не создал стройное и более или менее развернутое религиозное учение о ней. Не был он и на ее вершинах, не стал достигать их, а устремился к вершинам жизни всемирно духовной. Это новая ступень в его метафизической биографии. На прежних ступенях одно из центральных мест было отведено Софье Андреевне. На новой ступени важнейшее место принадлежит Марии Александровне Шмидт.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

**«- Все-таки все хорошо,
милая Мария
Александровна, - говорил
в конце концов Лев
Николаевич.
- Все хорошо, милый Лев
Николаевич, - говорила
Мария Александровна, и
у обоих стояли на глазах
слезы умиления».**

(Е.Е. Горунова-Посадова
«Друг Толстого Мария
Александровна Шмидт»).

ЭДЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

(Мария Александровна и Лев

Николаевич)

1.(73)

Гроб с телом Льва Николаевича установили в яснополянском доме внизу, в комнате, где стоял бюст брата Николая Николаевича. Пустили публику. Потом прощались свои. «В доме было множество съехавшихся родных и друзей, – рассказывает А.Б. Гольденвейзер.⁴⁰⁶ – Когда сняли крышку, все близкие вошли в комнату. В комнате и прихожей было тесно. Вдруг кто-то тихо сказал: «Мария Александровна». Я стоял близко к двери и оглянулся. По лестнице сверху шатающейся походкой медленно сходила Мария Александровна. Все невольно расступились... Мария Александровна тихо вошла в комнату, где лежал в гробу Лев Николаевич, и поклонилась ему до земли. Все вышли из комнаты, затворили двери и оставили ее у Льва Николаевича на несколько минут».

Не сговариваясь, все близкие Толстому люди в час прощания с ним дали вошедшей женщине - только одной ей и никому другому - великую привилегию: в последний раз остаться с Львом Толстым наедине. У закрытой двери на страже встал Андрей Львович. «Подождите, там Мария Александровна, вошла проститься», - строго предупреждал он. Пусть таким останется он в памяти нашей.

Мария Александровна Шмидт последние 18 лет жизни постоянно жила «трудами рук своих» в крохотной избушке, в

пяти верстах от Ясной Поляны, на хуторе, расположенном на месте давно сгоревшей усадьбы близ деревни Овсянниково. Для друзей Толстого, на лето селившихся в деревне и на хуторе, это место было особенно привлекательно тем, что здесь заведомо можно было встретить самого Льва Николаевича, который часто, бывало и ежедневно, бывало и в осеннее ненастье, навещался к Марии Александровне.

«Толстой, совершая после завтрака свои верховые прогулки, при которых я нередко его сопровождал, - свидетельствует секретарь Толстого Вл.Ф. Булгаков, - часто навещал Марию Александровну. Помню, как, бывало, сойдя с лошади, он шел навстречу к завидевшей его издали старушке, одетой обычно в скромную темную кофточку и в короткую, домашнюю, посконную юбку. Старички помаленьку «спешили» на согнутых ногах навстречу друг другу и, сойдясь, целовались. Прощался Лев Николаевич с Марьей Александровной тоже поцелуем. Нельзя было без умиления смотреть на них».

Жена И.И. Горбунова-Посадова Елена Евгеньевна рассказывает:

«Объехавши длинный овраг, мы подъехали к усадьбе, огороженной старыми ветлами. Вправо виднелся совсем еще молодой фруктовый сад, посаженный Л. Н-чем. Обогнув заросль высоких акаций, мы выехали на большую, залитую солнцем поляну. Первое, что бросилось нам в глаза, - это Л. Н. с лошадей в поводу и М. А. в короткой серой юбке, без верхней кофты, в белой рубашке с длинными рукавами и в белом бумазейном лифике. На голове белая пикейная панама, привезенная ей кем-то из друзей из Италии. Так одевалась М. А. только в самую жару и на работу... Старички так были заняты своим разговором, что заметили нас только, когда мы подъехали к самому дому».

И в другой раз, несколько лет спустя:

«Но вот густая зелень сада, вот и дорожка, обсаженная по одну сторону акациями. Мы огибаем акации и видим на поляне

перед старенькой избенкой в два окна — двух залитых солнцем стариков, Льва Николаевича с лошадьё в поводу и Марию Александровну

Как жаль, что я не художник и не могу зарисовать по памяти этих двух, может быть, самых лучших людей, с которыми меня столкнула жизнь,— нарисовать эту лужайку, которая и до сих пор кажется мне и моим детям самым лучшим местом на земле: так много счастья, ласки, любви мы здесь видели, так много здесь было пережито, передумано, пережито. Зарисовать и эту бедную хатку, теперь давно погибшую в огне пожара, и акации, теперь вырубленные, и огород, и старый сад, и самое солнце, заливавшее все в этот день своими сверкающими весенними лучами.

Старики разговаривали между собой и не сразу заметили нас. И такой взаимной дружеской любовью были полны их фигуры».

В последние годы Мария Александровна не на шутку опасалась, что Толстому стало не по силам ездить к ней.

«Голубка, дорогая моя, - пишет она Татьяне Львовне, - попросите папа не ездить, видимо, я скоро поправлюсь и сама вас всех навещу. Я очень боюсь дороги на Козловке. Сохрани Бог, да он упадет... Спасибо за любовь ко мне...».

Овсянниково принадлежало дочери Толстого Татьяне Львовне. Ей слово:

«От времени до времени Мария Александровна выходит из своей избушки и поглядывает на бугор, ведущий к деревне. Она знает, что почти всегда, когда к ней приезжает кто-нибудь из Ясной Поляны, то, наверное, и отец не вытерпит и тоже верхом приедет к ней.

И действительно, она видит, что из-за деревенских сараев показывается всадник. Мария Александровна бросается ко мне в избу и кричит: «Папа!»

Потом выбегает его встречать.

Иногда он слезает с лошади, привязывает ее и входит к нам в избу. Чаще же он разговаривает с Марией Александровной, не слезая с лошади. А Мария Александровна стоит около него, положив руку на плечо лошади, и восторженными, любящими глазами глядит кверху к нему в лицо.

Отец, немного наклонившись к ней, рассказывает ей что-нибудь о том, какие он получил письма, какие были у него посетители...

Когда он уезжает, мы возвращаемся в избу и некоторое время молчим. Мария Александровна полна впечатлений от свидания и разговора, и я не хочу нарушить ее настроения. Потом и я уезжаю, чувствуя, что на сегодня, по крайней мере, я сделалась лучше».⁴⁰⁷

Каждый год, двенадцать лет подряд, с весны до поздней осени Елена Евгеньевна Горбунова-Посадова жила в Овсянникове, рядом с Марией Александровной и хорошо знала атмосферу ее дома.

«Редко где еще так хорошо, так просто, так тепло чувствовали себя люди всех классов, всех состояний, всяких направлений, как у М. А-ны. Нигде, может быть, так не раскрывали душу, нигде не обсуждались самые глубокие вопросы жизни, как здесь.

Здесь и Л. Н. был не только дорогим гостем, но и сам находил успокоение и отдых. Он так часто заезжал сюда, чтобы поделиться своими мыслями, своими радостями и горестями, поделиться новыми сведениями, полученными со всех концов мира. Он знал, что здесь не только поймет его старый друг и оценит все то, чем он живет, но, что гораздо важнее и редко бывает, этот друг любит его за самое лучшее, что есть в нем, стоит зорко на страже того, чтобы это лучшее ярко горело и светило людям».

Почти теми же словами Толстой говорил о достоинстве настоящих женщин в Послесловии к «Душечке». Чеховская героиня обнаруживала эти качества по отношению к Кукину и

Пустовалову. В 1905 году, когда Толстой писал это Послесловие, Мария Александровна являла те же качества в личной жизни самого Льва Николаевича.⁴⁰⁸

«Здесь, во «дворце» старушки Шмидт, - свидетельствует дочь Толстого, - находил Толстой простоту жизни, душевный отдых и внутреннее тепло, которого он был лишен в своей домашней обстановке».⁴⁰⁹

Здесь был другой и подлинный дом Толстого. Тот, который был нужен ему.

«Л. Н. знал, что М. А. не он может спокойно высказать и свои тайные и семейные горести, так как они не вызовут в ней чувства негодования и раздражения на его родных, на людей, живущих с ним. Он знал, что она всех их прекрасно знает и любит и прощает им все то тяжелое, что в них есть. Он знал, что его жалоб не узнает никто, что его самого она поддержит в его чувстве любви, смирения, терпения, что крик боли и негодования, вырывавшийся порою у него, она облегчит своей любовью и лаской и напомним ему, что все хорошо, все к лучшему, все минуется, одна любовь останется».⁴¹⁰

Сколько раз помню Л. Н-ча, уходящего от нее со слезами умиления на глазах.

- Все хорошо, М. А. - говорит он.

- Все хорошо, милый Л. Н. - отвечает старушка и с глубокой любовью смотрит на него».

Бывало, что Мария Александровна пересказывала случаи жизни Льва Николаевича, которые он поведал, но никогда не передавала другим его мысли. Вслед Толстому она считала, что многие беды происходят от пересказывателей мыслей религиозных учителей. Лев Николаевич знал это и потому мог быть с ней безоглядно раскрыт в мысли, даже еще не выверенной. Все его мысли и чувства оставались только между ними. Толстому было очень важно, что он мог делиться с нею всем, в том числе и сомнениями мысли.

«Л. Н. замученный, истерзанный, приезжал к М. А-не отдышаться, посидеть в тихом уголке, среди любящих его людей, поделиться своими мыслями, виденным, слышанным, полученными письмами, – вспоминает Е.Е. Горбунова-Посадова. – М. А. удваивала свою ласку, и видно было, как старик отходил под ее спокойным, любящим взглядом, под ее чуткими расспросами и ободрениями.⁴¹¹

- Все-таки все хорошо, милая М. А.,—говорил в конце концов Л. Н.

- Все хорошо, милый Л. Н.,—говорила М. А., и у обоих стояли на глазах слезы умиления».

А.Б. Гольденвейзер:

«Как-то сидели после обеда в саду за столом. Была Мария Александровна. Лев Николаевич сказал ей:

- Хорошо, Мария Александровна?
- Хорошо, Лев Николаевич, очень хорошо.
- А я, Мария Александровна, счастливей Вас.
- Почему?
- Вас никто не ругает, а меня ругают».⁴¹²

«Что можно сказать о Марии Александровне? Святая! Сгорбленная, худая – кожа да кости, глаза горят,⁴¹³ в чем душа держится?! Истинно святые всегда радостны. Радостна была и Мария Александровна. Вся светилась. Душа чистая, наивная. Льва Николаевича она бесконечно любила и чувствовала изнутри по-настоящему. Приедешь с Львом Николаевичем к ней в Овсянниково верхом или на шарабане – она выскочит, увидит Льва Николаевича, задохнется от радости, закашляется... Залает ее шавочка. Лев Николаевич войдет и скажет:

- Хорошо, Мария Александровна!
- Хорошо Лев Николаевич, - ответит она.

И чувствуешь, что это у них не слова».⁴¹⁴

И еще из воспоминаний Е.Е. Горбуновой-Посадовой:

«И потекла, дни за днями, год за годом, наша летняя жизнь в Овсянникове, где каждый клочок земли, каждый куст хранит память о Льве Николаевиче. Вот молодой сад, весь посаженный его руками или под его руководством. Вот изба Марии Александровны, на починку которой привозил он лес из Ясной. Вот огромная ветла над старым деревянным столом, врытым в землю, с такими же скамейками вокруг него. Так часто здесь пил он чай, рассказывал все, что волновало, захватывало его, чем он жил в те дни, шутил, смеялся. А сколько было им прочитано здесь писем, просмотрено корректур и т. д.... Вот мы сидим под огромной ветлой, закрывающей нас от солнца. Лев Николаевич рассказывает, и, когда говорит о человеческих страданиях, о людях, живущих по велению совести, о торжестве добра в чьей-нибудь душе, голос его дрожит, срывается, глаза заволакиваются слезами.

Но как бы тяжело ни было самому ему, Лев Николаевич всегда скажет в конце концов:

— А ведь хорошо, душенька Марья Александровна. Правда, хорошо?

— Хорошо, милый, уж так хорошо!— отзывается Мария Александровна».

Этот всегдашний диалог, помеченный обоюдной сторгической счастливостью общения, - своего рода пароль. Пароль двуединства их душ их и общей благости.

2.(74)

«Пожалуй, из всех толстовцев Мария Александровна была единственной настоящей его последовательницей, – пишет Александра Львовна Толстая. – Несмотря на то, что она была физически измождена... - она была счастлива».⁴¹⁵

«Марья Александровна была в действительности для Льва Николаевича лучшим другом», - подтверждает Булгаков.

В действительности Марья Александровна и Лев Николаевич последние годы их жизни находились в состоянии эденской сторгии, то есть были самыми близкими людьми не только на Земле, но и на Небе. Лев Николаевич по духу столь же ответственен ей, сколь она ему. Они – двуединое духовное целое.

Мария Александровна всегда ценила то, что всегда ценил Лев Николаевич. Е.Е. Горбунова-Посадова отметила, что «в людях М. А. выше всего ставила любовь, искренность, отсутствие гордости и простоту, страшно ценила работу над собой и физический труд» - ровно, как и Лев Толстой. На вершине же жизни они были удивительно одноцентричны.

«Не могу нарадоваться своему счастью, – пишет Толстой. - Был у Марии Александровны. Она то же испытывает. Как легко было бы всем жить так. Ах, если бы немного содействовать этому».⁴¹⁶

«Когда я хорошенько подумаю о словах Л. Н—ча, - пишет Мария Александровна - я всегда нахожу, что он прав. Иногда мне кажется, что он ошибается, но, подумав хорошенько, я всегда убеждаюсь, что я сама не понимала дела».

Мария Александровна приняла толстовскую мысль монизма жизни (и все выводы из нее) так, словно всегда ее знала и ждала, когда он выскажет. В последние годы жизни она старалась «не отвлекать своего внимания от того, что Л. Н. писал в Ассархадоне: что жизнь одна, что тот, кто губит жизнь человека или животного, - губит себя».⁴¹⁷

Лев Николаевич сообщал, что болезнь в духовном отношении много ему дает, что он «доволен, что болел», что «даже жалко выздоравливать». И всегда нездоровая Мария Александровна говорила, что «она любит болеть».

«Мне бывает стыдно, что мне иногда хочется смерти, - сознавался Лев Николаевич, - освобождения от этого мерзкого скопления атомов. Марии Александровне тоже. Старость подготавливает к ней». ⁴¹⁸

Маковицкий записывает сцену:

«Л. Н. лежал на кушетке. Мария Александровна говорила с ним. Л. Н. говорил ей, какое временами бывает у него высокое духовное состояние сильной любви ко всем, тогда ему хочется в этом состоянии умереть, перейти к Богу. И спрашивал Марию Александровну про это состояние у нее. Она ему сказала, что у нее бывает то же самое, особенно во время болезни.

- А вы не ропщете, что тяжело?

- Бывало, когда была мирским человеком: на прислугу, доктора злилась, даже стен не могла видеть. А теперь состояние духа такое кроткое, смирение нападает, удивительная любовь». ⁴¹⁹

В 1902 году в Крыму Толстой был при смерти и Софья Андреевна вызывала к нему детей. В эти критические дни Лев Николаевич прощался с Марией Александровной:

«Милая М[арья] А[лександровна], я второй раз испытываю, что вы хорошо знаете, как радостна близость к смерти. Не говоря о любви окружающих, находишься в таком светлом состоянии, что переход кажется не только не странным, но самым естественным. Доктора говорят, что могу выздороветь, но когда я в хорошем духе, — мне жалко терять, что имею.

Прощайте, благодарю вас за любовь, которая много раз утешала меня.

Ваш брат и друг Лев Толстой»(73.206-207).

Мария Александровна, как и Лев Николаевич, часто говорила, что она «охотно и легко умерла бы».

«Пригласите меня, когда будете умирать, а я — вас» ⁴²⁰, - сказал ей Лев Толстой.

Иными словами: хорошо бы нам умереть разом...

Толстой, словно старый любящий супруг, боялся, что она уйдет из жизни раньше его. Она умерла через год после него. «Я рада, - пишет Татьяна Львовна после их смерти, - что отцу не пришлось пережить того, чего он так боялся, т. е. того, чтобы, по приезде в Овсянниково, услышать, что М. А. приказала долго жить». Этому есть подтверждение у Маковицкого: «Л. Н.. Вчера ехал недалеко от вас, хотел к вам заехать, поздно было. Спросил овсянниковского мужика: «Что Мария Александровна?» Думал, что ответит: «Приказала долго жить»». ⁴²¹

Последнее письмо Толстого к Марии Александровне датировано 10 сентября 1910 года:

«Здравствуйте, дорогой старый друг и единоведец. Милая Марья Александровна. Часто думаю о вас, и теперь, когда не могу заехать в Овсянниково, чтобы повидать вас, хочется написать вам всё то, что вы знаете. А именно, что по-старому стараюсь быть менее дурным и что, хотя не всегда удается, нахожу в этом старании главное дело и радость в жизни, и еще то, что вы тоже знаете, что люблю, ценю вас, радуюсь тому, что знаю вас. Пожалуйста, напишите мне о себе, о телесном и о душевном.

Крепко любящий вас Лев Толстой»(82.144).

Всякий, кто вспоминает о Марии Александровне, непременно приводит слова Толстого, специально записанные им в Дневник 18 февраля 1909 года:

«Я не знал и не знаю ни одной женщины духовно выше Марии Александровны. Она так высока, что уже не ценишь ее. Кажется, такой и должна быть и не может быть иначе»(57.28).

Иногда Мария Александровна по воле Толстого оказывалась в таком ряду, помыслить встать в который никому из людей, да еще живущих людей, невозможно.

«Идеал – целомудрие, – утверждает Толстой и в подтверждение доказывает: - Франциск Ассизский, Иисус, Мария Александровна не женились».

«Сравнивать духовную деятельность и деятельность в области искусства это все равно что взять какого-нибудь Франциска Ассизского или еще лучше Марию Александровну и сказать ей: «Ах, какие у вас чудесные волосы, - или Франциску – какие у вас удивительные усы».⁴²²

Когда Толстой хотел сказать, что среди людей нет совершенного человека, он часто говорил, что таких или таких высочайших качеств нет «даже у Марии Александровны».⁴²³

При таком отношении Льва Николаевича имя Марии Александровны стало в семье и в толстовском кругу символом высоко одухотворенного человека и его образа жизни. Все понимали, что значит «жить по Марии Александровски» или что имеется в виду, когда про кого-то говорят, что она – «другая Мария Александровна» либо «молодая Мария Александровна».

«Бывает, что сразу чувствуешь, что человек не просто спрашивает, а живет этими вопросами, – говорил Толстой. – Чувствуешь в ней будущую Марию Александровну».⁴²⁴

Последние годы Толстой беспокоился, что нет достаточно хорошего портрета Марии Александровны, и специально просил Черткова сделать его. «Мне хочется иметь портрет Марии Александровны». «Уже не говоря о том, что я люблю ее, и мне будет приятно иметь ее портрет, у нее такое хорошее, значительное лицо, что нужно непременно сделать ее портрет».⁴²⁵ Про кого еще Толстой мог сказать такое?

Не подумайте, что Мария Александровна старалась перед Толстым. Все, что делала Мария Александровна, вызвано ее собственной подлинной и настоящей душевной потребностью. Или становилось таковой прежде, чем она делала. Тяготы жизни (в ее случае весьма и весьма немалые) для Марии Александровны ничто в сравнении с духовными радостями и удовлетворением духовных нужд. И все - без малейшего намека на декларативность.

Как и положено в двуединстве эденской сторгии, Мария Александровна не всегда соглашалась с тем, что (вернее: как) писал Лев Николаевич.

«Любя отца так сильно, Мария Александровна все же позволяла себе иногда судить его, и, любя его душу, она сильно страдала, если ей казалось, что он стоит не на надлежащей для него высоте.

Помню, что его статья «Не могу молчать» огорчила Марию Александровну, и она не стала ее переписывать и распространять, как другие его сочинения.

— Это не он в этой статье. Это не с любовью, а с озлоблением написано,— говорила она.— Это не дорогой Лев Николаевич в этой статье, нет...»⁴²⁶

«Не без влияния ее твердой, упорной критики статья утратила мало-помалу свой резкий, вызывающий тон⁴²⁷ и приняла ту форму, в какой она появилась в печати. Теперь, когда сравниваешь первую и последнюю версию «Не могу молчать», видишь, как она углубилась и получила вечное и повсеместное значение, благодаря той переработке, которой она подверглась».⁴²⁸

«Сколько раз бывало, что написанное Л. Н-чем письмо или статья переделывалась им по настоянию М. А-ны. «Нет, тут нет любви, Л. Н.» - твердо говорила она, когда у Л. Н-ча прорывалось слишком резко негодование, раздражение, осуждение. «Л. Н., ведь надо, чтобы вас слушали, надо, чтобы слово ваше до глубины души доходило, а это только раздражит. Нет, Л. Н, милый, так нельзя». И большей частью Л. Н. соглашался с М. А-ной».⁴²⁹

Летом 1887 года Толстой работал над трактатом «О жизни». И уже в то время написал Марии Александровне, что он не забудет послать ей свое писание и что ему нужно, чтобы она прочла.

В 900-е годы Толстой, отмечает Маковицкий, закончив чтение своей статьи, ждал замечаний от Марии Александровны. Из записи 31 января 1908 года видно, что Лев Николаевич именно по желанию Марии Александровны в очередной раз правил «Евангелие, изложенное для детей».

Н.Н. Гусев вспоминал, что Толстой долго работал над одной автобиографической статьей и наконец поставил точку. «Я думаю, что я это кончил, - сказал мне Л.Н. – Мой главный судья, Мария Александровна, одобрила это».⁴³⁰

Марья Александровна была «главным судьей» не столько работ, сколько самой жизни Льва Толстого. Он говорил с ней «между нами», от всех по секрету. В такие минуты он называл ее «Машенька».⁴³¹ Это редко кто слышал.

Не один год Мария Александровна уговаривала его не покидать Ясной Поляны. И за день до ухода, 26 октября 1910 года, Толстой пишет в Дневнике: «М. А. не велит уезжать, да и мне совесть не дает. Терпеть ее, терпеть, не изменяя положение внешнее, но работая над внутренним. Помогите, Господи».

В этот день Лев Николаевич специально ездил в Овсянниково, чтобы сообщить Марии Александровне о своем решении.

«- Душечка, не уходите, - умоляла его она. - Это слабость, Л. Н., это пройдет».

- Это слабость, отвечал Лев Николаевич, - но не пройдет».

Они чувствовали все, что происходило друг с другом; даже если не были рядом. В ночь на 28 октября Толстой изменил свое (или, лучше сказать, их?) решение «терпеть ее, терпеть, не изменяя положение внешнее» и ушел из дома, написав старшему сыну и старшей дочери, что он «не осилил». По таинственным сторгическим каналам Мария Александровна почувствовала, что происходит, всю ту ночь не спала и с рассветом поехала в Ясную. Там она «застала такую бурю, что уже не решилась оставить Софью Андреевну одну. Она даже спала в комнате

Софьи Андреевны на диване, уткнув голову в подушки, чтобы не тревожить Софью Андреевну своим кашлем».⁴³²

После ухода Толстого все его дети (кроме Михаила) написали ему письма. Мария Александровна приписала к письму Татьяны Львовны:

«Дорогой Лев Николаевич, ни на минуту не перестаю думать, любить вас, чувствовать ваши страдания и вместе с вами переживаю их, крепко целую ваши руки и верую, что иначе вы поступить не могли».

И подпись: «Ваша старушка».⁴³³

Знаменательно письмо, которое младшая дочь Толстого Саша написала Марии Александровне 31 октября, когда Толстой уже был болен. В ту высокую минуту Александре Львовне необходимо было сообщить семейным нечто очень важное; и для этого она опирается на единственный безусловный для всех нравственный авторитет Марии Александровны.

«Милая моя, дорогая старушка. Вы теперь, наверное, узнали о постигшем вас огорчении... Милочка, дорогая моя, любимая старушка, помните только одно, что я так счастлива была бы хоть чем-нибудь услужить вам. Отец слаб, я боюсь за него, но выбора не было. Я почувствовала, что теперь вернуться ему нельзя, и он это решил до моего приезда.

Я попросила бы вас сказать матери, что мне казалось бы, что их жизнь вместе не кончена, что возможна еще совместная жизнь, но что теперь, в данный момент, иного исхода нет.

Кроме того, еще раз умолите тех детей, которые остались, сделать все, что они могут, чтобы уберечь мать. Никто из них никогда не мог бы оказать ему большей услуги. Целую вас, милая, крепко. Саша.

Скажите еще матери, что я ее люблю, жалею, целую крепко, прошу меня простить за все и обещаю сделать все, чтобы уберечь отца. С.».

Умерла Мария Александровна 18 ноября 1911 года.

«Она лежала, повернувшись к стене, и смотрела на фотографию Льва Николаевича в гробу и на «Распятие» Ге... Павел Александрович окликнул М. А-ну. Она не отозвалась, и все лежала, тихо дыша, и глядела на Льва Николаевича. Так и умерла она в 7 часов утра».⁴³⁴

«Казалось бы, чем была замечательна эта незаметная, скромная труженица? – рассуждает Татьяна Львовна Толстая. - А когда взвесишь все те качества, которыми она была богата, то и видишь, что встречаются они очень редко. Любовь к людям, любовь и милосердие к животным; покорность в болезни и горе; радость в труде,— вот ее положительные качества. И при этом отсутствие самодовольства, лени, зависти, жадности, осуждения ближнего... Это ли не подвижническая жизнь? И если эта старая, слабая, больная, воспитанная в относительной роскоши и праздности женщина могла так переработать себя, то никому из нас нельзя отчаиваться».

3.(75)

Мария Александровна, как и Софья Андреевна, родилась в 1844 году в Москве. И та и другая - второй ребенок в семье. Семьи жили рядом. Семья лейб-медика Берса обитала в Кремле. Семья статского советника профессора Шмидта проживала в здании Московского Университета. Немцы Андрей Берс и Александр Шмидт, видимо, ровесники. Но род Берсов уже несколько поколений жил в России, тогда как отец Марии Александровны родился в Германии, рос сиротой и в ранней юности перебрался в Москву в конце царствования императора Александра Павловича. Шмидт принадлежал, видимо, к

обществу, имевшему хорошие (или родственные?) связи в российском культурном обществе. Во всяком случае, он сразу был принят в профессорский дом, где его отдали в гимназию, а затем и на медицинский факультет Московского Университета. Потом он стал профессором фармакологии. Хотя ученую среду не жаловал. Играл на скрипке, любил органную музыку, умел играть (выучился, надо полагать, еще в Германии) на органе, обучался сам делать органы. Как и Лев Толстой, он уважал ручной труд и ценил плоды его. У Марии Александровны в Овсянникове стоял бельевой шкаф с выдвижными полками и столик его работы.⁴³⁵ С Толстым его роднит и то, что Александр Шмидт любил Руссо и пытался следовать его принципам. Поэтому он желал, чтобы его детей одевали просто и чтоб летом они бегали босые.⁴³⁶ Он не был человеком прагматического ума, как Андрей Евграфович Берс, и, несомненно, куда лучше его понял бы Льва Николаевича в разные периоды его жизни.

По рассказам Марии Александровны, отец ее был «очень гордый и свободолюбивый человек», но умел сочетать благородство и аристократизм с добротой и сострадательностью. «Когда мы переехали в свою усадьбу, постоянно больные приходили и приезжали, и сам он по больным ездил». Бедных лечил, конечно, бесплатно. Так в те времена поступал любой просвещенный врач. И Берс лечил бесплатно. Но, добавляет Мария Александровна, отец «уедет и пропадет: от одного больного к другому ездит». Бывало и по несколько дней. Это многого стоит.

Женщина воплощает разум в любви. В начале жизни Мария Александровна, скорее всего, руководствовалась разумом отца. И это, в отличие от Софьи Андреевны, не помешало ей потом воспринять истины толстовского разума. Но ни отец, ни другой, никто не мог определять разум ее сердца. Мария Александровна – человек женской эденской души. Такая душа самовластно приходит в этот мир и самовластно живет в нем. Она призвана не только возвращать в духовном росте свое

женское эденское существо, но и являть его в двуединстве эденской сторгии с другим эденским существом. Эденская сторгия, в отличие от Сопутства, – двухцентровая. В ней на равных началах участвуют два эденских существа, мужское и женское.

Сближение родителей Марии Александровны проистекало почти по тому же сценарию, что и родителей Софьи Андреевны. Мать Марии Александровны, как и Любовь Александровна Берс, происходила из родовитого и богатого дворянского дома; и, видимо, была пациенткой молодого профессора и врача Шмидта. «Он понравился и его пригласили приехать в деревню», - рассказывала Мария Александровна. «Там он увидел, как барышня сама гладила батистовое платье», растрогался и сделал предложение. Дед Марии Александровны, как и дед (и особенно прабабка) Софьи Андреевны, не был в восторге от такого брака и поначалу отказал «бедному профессору». Но матушка Марии Александровны настояла. Она любила. И потом всю жизнь самоотверженно любила мужа.

Софья Андреевна и Любовь Александровна - прежде всего семейные женщины и чадолюбивые матери. Мать Марии Александровны - прежде всего любящая жена и сторгически талантливая женщина. Мария Александровна выросла в атмосфере самоотверженной любви матери к отцу. Интересный (одновременно знакомый и незнакомый по биографии Толстого) штрих: «И чуть ли не на другой день после свадьбы отец почувствовал, что он уже не свободен. Мать поняла это, страдала. Она безумно любила мужа». И надо думать, победила его своей любовью. Но равноправия с мужем так и не нажила.

«И к мужу мать относилась с большой нежностью и заботой, а это часто раздражало его. Помню, раз в анатомическом зале он делал опыты с гальванизацией.пустил электрический ток. А жена кофе ему как раз принесла, хотя и

просил он ее не приходить. Ток задел ее, чашка выпала, она упала в обморок. Он ужасно сердился».

Образ любви матери к отцу всегда светил духовной чистотой в сердце Марии Александровны. С этой духовной чистотой сочеталась и обрядовая религиозность матери, и ее патриархальность, которую она стремилась внедрить в уклад своей семейной жизни. Мария Александровна выросла прочно привязанной к православной Церкви.

В молодые годы Мария Александровна переболела туберкулезом. Я и наблюдал в жизни, и не раз читал о том, что болевшие туберкулезом девушки становятся душевно особо доброкачественными женщинами. Видимо, эта их «чахлость» приходится на период самоволия Пути жизни женщины и помогает без особых утрат пройти его. Во всяком случае, Мария Александровна во всевозможных смыслах была в высшей степени чистым и целомудренным человеком. И при этом человеком чрезвычайно жизнерадостным, всегда, и в старости тоже, любившим шутки, смех. Ее сослуживица рассказывает, что комната Марии Александровны «оглашалась взрывами неудержимого хохота всех, заходящих к ней перекинуться парой слов в промежутках между занятиями».

Слова «покатывалась со смеху», «заливается веселым смехом», «помирая со смеху» то и дело встречаются в воспоминаниях о ней. Из воспоминаний Татьяны Львовны:

«У нее был дар необыкновенно весело и заразительно хохотать. И в нашей семье ее часто дразнили для того, чтобы слышать этот искренний, веселый хохот.

- Мария Александровна, - приставали к ней моя сестра Маша и я. - Вы были когда-нибудь влюблены?

- Ха, ха, ха! Как же, душенька! Страдала, страдала! Вот глупость-то!

И Мария Александровна покатывалась со смеха.

- Ну, Мария Александровна, расскажите, как Вы страдали. В кого Вы были влюблены?

- Ах, душенька, отвяжитесь! Слава Богу, что все это давно миновало... Я все и позабыла...

Но мы все приставали. И Мария Александровна, перебивая себя хохотом и выражениями радости от того, что она на эту удочку не попала, рассказывала нам о том, что был какой-то доктор, по которому она страдала. А кроме того, она обожала актера Шумского. Бывало, она ждала у выхода Малого театра его отъезда, чтобы еще раз взглянуть на него; рассказывала, что она достала себе его носовой платок, который хранила, как сокровище.

— Но, душенька, он был истинный художник,— прибавила она серьезно».

В московскую пору своей дотолстовской жизни она была театралкой, даже в оперетту ходила и, конечно же, на музыкальные концерты. Музыка на нее, как и на Толстого, всегда действовала чрезвычайно. «У нас ей часто приходилось ее слушать, — продолжает Татьяна Львовна. - И Мария Александровна до глубины души наслаждалась ею. Как сейчас, вижу ее костлявую фигуру, ее исхудалое лицо с резко очерченными костями скул и челюстей и прекрасные, одухотворенные серые глаза, как будто не видящие ничего внешнего, а устремленные внутрь». А.Б. Гольденвейзер в 1906 году специально приезжал в Ясную Поляну, чтобы «утешать своей музыкой» Льва Николаевича и «немощую Марию Александровну».⁴³⁷

Софья Андреевна до замужества готовилась на всякий случай стать домашней учительницей. Мария Александровна не вышла замуж и 18 лет поступила в Московский Александро-Мариинский институт. Закончив его, она переехала в Тулу, где поступила работать классной дамой в Тульское епархиальное училище. Это было тогда, когда у Софьи Андреевны было уже трое детей... Еще через несколько лет в Москве на Сретенке открылось отделение Николаевского института для благородных девиц-сирот. Мария Александровна опять

переехала в Москву и стала классной дамой в отделении старших девочек этого института. Здесь она и жила и работала. Надо ли говорить, что воспитательницей она была замечательной.

Питомицам института давали навыки, необходимые для светского обращения, и «воспитывали невинность». И только. Считалось, что не обязательно возвышать душу их. Но именно к этому стремилась Мария Александровна. И более чем успешно. Когда Толстой как-то раз навестил ее в институте и долго проговорил с умненькими, сияющими и приветливыми девочками ее класса, то так впечатлился, что обещал им:

«Когда вы кончите учиться и в жизни понадобится совет, указания, помощь, в Москве ли я буду или в Ясной, обращайтесь ко мне. Я всегда буду рад помочь. Скажите только, что вы воспитанницы Марии Александровны».

Мария Александровна пришла к Толстому в одно время с Чертковым, Бирюковым, Буланже и другими. Все эти молодые мужчины к тому времени пережили перелом личностного рождения (28 лет по нормативному сроку Пути восхождения), в результате его утратили доверие к истине, которой придерживались раньше и которая оказалась «чужою», и искали другую истину, которая была бы им «своей». Мария Александровна же до встречи с Толстым строго придерживалась тех общедуховных истин Православия, в котором ее воспитала мать. Вопрос об Истине не стоял перед ней. Сомнений в силу цельности ее натуры у нее не было. То, что случилось с ней в 1884 году, словно не подготовлено ее предшествующей духовной жизнью, подобно озарению, прозрению, откровению.

Есть разные версии того, где и как Мария Александровна познакомилась с первыми религиозными сочинениями Толстого, ходившими по рукам в списках. По одному из вариантов, она отобрала рукопись на уроке у одной из девушек и прочла ее. По другому варианту, это произошло в доме директора Педагогического института Малинина. По третьему,

толстовскую рукопись ей показала ее задушевная подруга и тоже классная дама Ольга Алексеевна Баршева. Эта последняя версия по ряду причин предпочтительнее.

Сначала Мария Александровна отказывалась читать «эдакого Богоотступника». Ольга Алексеевна, которая уже успела вдохновиться прочитанным (можно предположить, что она прочла выдержки из первого парижского издания «Краткого изложения Евангелия»), все же уговорила ее ознакомиться с мыслями любимого писателя. «Как прочла про зачатие, про беременность Марии, про рождение Христа, меня так поразило, так возмутило. — Такое кощунство! Перестану, думаю, читать, брошу», - много раз впоследствии вспоминала Мария Александровна. Но она, как и Лев Толстой, была способна на крутой взлет нравственного вдохновения. И когда вслед за обличениями церковного вероучения пошли толстовские нравственные объяснения, то она не могла оторваться.

«Три недели я страдала невыразимо. Не думать не могу, а думать - мука. Работа внутренняя идет, а я мучаюсь. Крепко верила я в Православие. Трудно было от него отрешиться».

В те же самые месяцы (а то и дни) Лев Николаевич предлагал Софье Андреевне вместе с ним переменить жизнь на новых началах. Но она, как мы знаем, не то что не захотела, а «не могла» пойти за ним. Не то Мария Александровна. «Чувствую, что не могу теперь уже жить так, как жила, - рассказывала она, - делать то, что делала, молиться так, как молилась, пока не выясню для себя, где истина».

Вопрос об «истине» встал в душе Марии Александровны внезапно. И в результате чего же? Случайного чтения книжки?

Мария Александровна не искала ту истину, которую ищет честный и пытливый ум или которую внедряет общедуховный Разум. И вообще дело было не в Истине как таковой. Женская эденская душа Марии Александровны Шмидт вдруг узнала в Толстом СВОЮ мужскую эденскую душу, то есть ту, которая

только и может поставить «свою истину» ее душе в качестве «их истины». В женской эденской душе Марии Александровны произошло откровение своей мужской эденской души. Она испытала прозрение своей Встречи с нею на Земле. В высоком озарении она обнаружила свое, ей предначертанное двуединство эденской сторгии. Это вполне мистическое событие в ее жизни. Пережила она его в 40 лет.

Все то, что совершалось с ней потом, с несомненностью указывает, что именно с момента прозрения встречи со своей мужской эденской душой душа Марии Александровны стала делать предназначенное ей, исполнять свое задание на Земле.

4.(76)

Драматизм жизни многих женщин в том, что им приходится решать: идти на риск грядущего одиночества души или, не ожидая дара небес, как-нибудь устроить свою судьбу, а вместе с ней пристроить и тело свое, и свою душу. Знала ли Марья Александровна такие мучения? Во всяком случае, она два десятилетия терпела душой и – дождалась. Подвиг? Или - по словам Толстого о ней: "Кажется так и должно быть и не может быть иначе"?

На женском Пути предусмотрены такие возможности, которых нет на мужском Пути. Женщина может в личной духовной жизни то, что не позволено мужчине: ждать. Но нужно обладать не только душевной силой, а и душевной чистотой Марьи Александровны Шмидт, чтобы на пятом и шестом десятке жизни суметь совершить то, что совершила она. Женщине повторить ее восхождение еще тяжелее, чем мужчине восхождение Льва Толстого.

Для Марии Александровны, женщины эденской сторгии, необходим мужчина, прошедший духовное рождение (а не личностное рождение, как для сопутевой женщины). Ее эденская любовь адресна, как адресна была эденская любовь «тетушки» Татьяны Александровны Ергольской, которая сначала слепо адресовалась отцу Толстого, а потом, уже зряче, к самому Льву Николаевичу. Ее эденская любовь была устремлена к будущему мужскому эденскому существу, которое должно прибыть, но которого еще нет в нем. Через десять лет после смерти Татьяны Александровны Мария Александровна приняла от нее эстафету эденской любви к Толстому. Но тут не один ряд.

Женское эденское существо – гость на Земле куда более редкий, чем мужское эденское существо. Но, несмотря на это, в женской высшей душе куда больше, чем в мужской, зреют эденские силы. Это происходит за счет мужских эденских существ, проходящих предварительную навигацию в женских высших душах. «Тетушка» Татьяна Александровна взрастила в себе эденское семя для Толстого. Она же – единственная на Земле женщина, которая пригодна для Сопутства Сара с Львом Толстым. Но для эденской сторгии с Львом Николаевичем предназначена другая женщина – Мария Александровна Шмидт, которая вошла в его жизнь, когда ей должно было войти.

О знакомстве с Львом Николаевичем Мария Александровна рассказывала много раз и многим людям. И всегда с одним и тем же казусом в сюжете. Мария Александровна и ее душевная подруга Ольга Алексеевна Баршева, словно не понимая в каком мире они живут, отправились по книжным лавкам покупать запрещенные религиозные сочинения Толстого. Ничего, понятно, не купили и решились пойти к автору. По версии Е.Е. Горбуновой-Посадовой, которая от самой Марии Александровны не слышала об этом происшествии, первой предложила пойти к Толстому Ольга Алексеевна. Дочь Толстого Татьяна Львовна

знала об этом эпизоде из первых рук и утверждала, что она «все передает почти дословно». В ее передаче инициатива посещения Толстого принадлежала исключительно Марии Александровне.

«- Я слышала, что он сделал новый перевод Евангелия, - сказала Ольга Алексеевна.

- Так едемте сейчас в Синодальную библиотеку и спросим, нельзя ли там купить этот перевод...

Разумеется, в Синодальной библиотеке не только не нашли толстовского Евангелия, но требование классных дам смутило и даже возмутило приказчиков.

— Ну, так едем к самому Толстому! — решила Мария Александровна.

Ольга Алексеевна обомлела... Она стала возражать, находя неловким и навязчивым беспокоить незнакомого человека.

— Да и как посмотрит Толстой на наше посещение...

Но Мария Александровна не дала ей договорить.

— Отвяжитесь, душенька, Вы со своими аристократическими манерами! — кричала она, поспешно одеваясь.— Человек открыл нам глаза! Показал нам свет! Дал нам жизнь! А мы будем думать о светских приличиях! Одевайтесь, и едем!

Маленькая Ольга Алексеевна подчинилась, и две классные дамы поехали в Хамовники, где в то время жила наша семья».

Для Ольги Алексеевны идеи Толстого были выражениями мысли великого человека, великого художника, великого мыслителя. Она почувствовала в них идеальную правду и с радостью готова была подчиниться влиянию Толстого и служить ему, чем только могла. Мария Александровна с первого же чтения узнала человека, которого она (вернее, ее эденское существо) должна была ждать и ждала всю жизнь. Он ей «открыл глаза», «показал свет», в буквальном смысле «дал жизнь». Она свыше была приговорена встретиться с ним. И вот теперь эта встреча состоится. Наступил предназначенный ей час.

Произошло это 20 апреля 1884 года в Хамовническом доме Толстого.

Учитывая разлад в семье Толстых, классные дамы пришли к Толстому пораньше утром, когда Софья Андреевна еще не вставала. Некоторые утверждают, что Толстой встретил их просьбу дать запрещенные сочинения для ознакомления и переписки недоверчиво. Что было бы вполне резонно. Но в действительности все происходило совсем не так, как можно предположить.

«Тут же была и я, – рассказывает Татьяна Львовна, которой в то время было 20 лет. – Отец ласково принял классных дам, хорошо поговорил с ними, и они сразу почувствовали в нем близкого и дорогого человека».

Более того, Толстой настолько поверил им, что дал им в руки единственный экземпляр алексеевского «Изложения Евангелия».

Вскоре подруги стали переписывать не только для себя, но и для Льва Николаевича.

«Помню, - вспоминала М. А., - как-то вечером, у них гости, а мы в кабинете. Сидим мы, считываем, а у О. А-ны глаза слипаются. Часов 12 уже было. А я уговариваю: «Душенька, потерпим, кончим». «Да я не могу». А я все читаю. Вдруг хохот. Л. Н. незаметно подошел, услышал нас, хохочет.

— Что вы ее мучаете?

— Да как же, Л. Н., надо же кончить.

— Ну, уж кончите в другой раз».

Такие сцены, разумеется, производят впечатление.

«Потом узнали мы, опять не от Л. Н-ча, что есть большое «Исследование Евангелия» и «Критика догматического Богословия». Стали просить: «Дайте переписать». Показал груды исписанных листков: «Что вы, разве это возможно?» «Давайте мы частями, вместе». «Сумасшедшие и вы. То я был один, а теперь и вы, и Александр Петрович».⁴³⁸

Объем «Войны и мира», который в далекой молодости переписывала для Толстого Софья Андреевна,⁴³⁹ не превышает суммарный текстовый объем «Соединения и перевода четырех Евангелий» и «Критики догматического Богословия», за переписку которых теперь брались Мария Александровна и ее подруга. Возможно ли задать полужнакомым людям такую гигантскую работу?

Особенно знаменательна последняя, подчеркнутая нами фраза Толстого. Как известно, он с особым значением называл себя «сумасшедшим» и писал автобиографические «Записки сумасшедшего», из которых мы узнали об «арзамасском ужасе». В разговорах того времени Толстой говорил то о «двух сумасшедших», имея в виду себя и своего переписчика Александра Петровича Иванова,⁴⁴⁰ то о трех сумасшедших: Толстого, Черткова и Бирюкова. Теперь он сказал: «сумасшедшие и вы», и тем самым признал Марию Александровну и Ольгу Алексеевну самыми близкими ему друзьями. И опять тут не обошлось без казуса.

Первую данную ей Толстым рукопись Мария Александровна, особенно стараясь, переписала по всем тогдашним правилам школьного и канцелярского чистописания, с росчерками и завитушками. Что, конечно, автору читать невозможно. Толстой ахнул и решил, что она не годится в переписчицы. В тот же день, как он сказал ей об этом, Мария Александровна пошла к Н.Л. Озмидову («первому толстовцу», которого Лев Николаевич почему-то никогда не причислял к «сумасшедшим»), и тот показал ей готовые копии с рукописей. Через день или два Мария Александровна упросила Толстого дать ей пробу еще раз. Когда она принесла готовую рукопись, Толстой не поверил, что это ее работа, и стал ее испытывать. «Это при всех-то! Принес мне лист бумаги, дал переписать то место из «Крестника», где медведица и бревно. Я села, переписываю. Софья Андреевна говорит: «Да довольно

уж!» А он: «Нет, еще», - и подошел. «Вот, - говорит, - удивительно». А я говорю: «Вот Вы какой Фома неверный».

Да, сопутевой женщиной надо родиться, а родившись, стать ею. Душою взвестись для такой женщины при душевном рождении нетрудно, но крутизна и степень взвода зависят все же от того окружения, в котором она вырастает. Далее ей нужно как можно лучше вытерпеть душою на отливе своенравия. Потом надо лично взвестись в сторгическом порыве. Но этого сама, одна, она сделать не может. Нужен он, да такой, чтоб мог и захотел вести ее в Сопутстве с нею. А его дает или не дает сопутевая судьба, и чаще дает случайно, как единственный случай, который упустить нельзя. Единственный случай этот надо суметь моментально узнать душою в потоке каждодневных встреч. Ждать, узнать, и не ошибиться – в это поверить трудно, если б не случилось в жизни.

Но вот – удача: он объявился в ее жизни, возникла предсторгическая любовь-влюбление, стала завязываться сторгическая связь, затем – сопутевое личностное рождение. Новая задача: пройти религиозный экзамен, экзамен веры, который женская душа должна выдержать сама. Чтобы дойти до испытания верою, нужна благодать на Сопутство и удача в сопутевой судьбе. Вера души женщины и есть та сопутевая благодать, которая выношена в душе и теперь зажжена в ней, горит сама. Теперь лишь требуется: не дать погаснуть. Вот обычный сюжет начальных стадий Сопутства.

У Марии Александровны не было ничего похожего на это. Она не была сопутевой женщиной, не родилась ею и не стала ею. Она проживала свой собственный женский Путь восхождения. И прошла его до конца. Этим она так и интересна нам.

При всей доброте и ласковости, она женщина чрезвычайно волевая и решительная. С молодости, надо полагать, была такой. Ей было что терпеть и выдерживать душою на отливе своенравия. Затем – путевое личностное рождение, в результате которого, как у мужчины, узнается «своя жизнь». Мария

Александровна после личностного рождения являла тип «духовной матери». Она - прирожденно высокоталантливая воспитательница и духовная наставница. Жизнь классной дамы женского института стала для нее в полном смысле «своей жизнью». Она предпочла воспитывать души девочек из благородных семейств, живя вместе с ними. Здесь она совершенно на своем месте. В каком-то смысле она жила в одиночестве, но вовсе не чувствовала себя несчастной или обойденной женской судьбой. Быть может, в ее высшей душе не было сторгического места. Быть может, в самой по себе эденской сторгии сторгическое место не работает. А быть может, она в глубине души знала, что на целом свете нет ей спутника, «своего» сторгического ближнего, которому предназначена ее душа, не надеялась и не ждала его. Мало ли женщин, для которых нет мужчин для сторгической связи. Большинство из них идут на те или иные компромиссы. Марии Александровне это было совсем не нужно.

«Он» нашелся сам собою. Женское эденское существо Марии Александровны моментально узнало «свое» мужское эденское существо в Толстом. Она услышала зов к эденской сторгии и, не оглядываясь, пошла туда, откуда он донесся. Ею двигала бескорыстнейшая, высочайшая и непреодолимая духовная тяга, исходящая из другого Мира. Земная женщина тут вроде бы ни при чем. Но действовать в земной жизни должна была именно она. И действовать в предложенной ей шоковой ситуации.

Надо понимать сложность и своеобразный драматизм, в котором оказалась Мария Александровна. Во-первых, она находилась в крайне возбужденном состоянии. Во-вторых, она, по сути, шла на встречу со своим «духовным супругом», но не могла и помыслить о возможности своей сторгии с ним. Он, Лев Толстой, по ее представлениям, вообще был недоступен для такого рода взаимоотношений с ней. У нее быть не могло и не было никаких, ни женских, ни душевных, ни духовных,

претензий на него. Что такое она для Толстого? – Такая же, как другие, которые приходят к нему и в лучшем случае становятся его друзьями, соратниками, единомышленниками, учениками, помощниками. Для нее же он, сознавала ли она это или нет, объект сверхчеловеческой любви, которую решительно возбуждало в ней ее женское эденское существо. Сопутевого испытания веры у нее не было и не могло быть. Она сразу же безгранично поверила Толстому, как своему духовному супругу, и вверила себя ему, ни на что не рассчитывая. И все-таки, все-таки она любила его, и любила женской любовью. И не могла скрыть это, и не нашла верный тон, и не выверила линию эмоционального поведения, и в один какой-то момент повела себя, как поклонница.

5 мая 1885 года, через год после первой встречи Марии Александровны с Львом Николаевичем, она пишет ему:

«...Я все это последнее время страшно мучаюсь за свою неуместную просьбу – о портрете, забудьте и простите меня, надо быть совершенной эгоисткой, самой черствой, чтобы беспокоить Вас подобной просьбой». Следующие затем слова ее письма позволяют догадываться о том, в чем была суть конфликта: «Вот как я Вам высказываюсь откровенно, мне легче стало, а то верите ли я совсем исстрадалась... Искренне преданная Вам».⁴⁴¹

Пройдет много лет, и Толстой будет настоятельно просить сделать для него портрет Марии Александровны. Но тогда она «совсем исстрадалась», по-видимому, из-за того, что Толстой усмотрел что-то недолжное в том, как была высказана просьба о портрете и зачем его портрет ей нужен.

Прошло два месяца. Письмо Марии Александровны Льву Николаевичу от 1 июля 1885 года:

«Мне страшно горько и больно, дорогой Лев Николаевич, что, вернувшись из отпуска, я не нашла ни у себя, ни у Вас в доме желанной работы, что это значит, ума не приложу, одно разве быть может: Вы не получили моего письма от 31 мая; 5

июня я заходила к Вам в дом и передала жене дворника тетради и Пругавина. Только теперь сознала ясно все безобразие своего поступка, простите дорогой, умоляю Вас, я просто и сама-то в ужасе и не знаю как и что делать; на бумаге открыть души своей не умею, а к Вам вырваться даже на один час нельзя, дежурю без перерыва до 16 августа. Одно скажу без всякой задней мысли, я повторила слова Ваши «все исполним» и хоть я отлично знаю, что я воплощенная гадость, но сознательно делать Вам больно я не хотела да и не могла бы, это выше сил моих; в момент Вашего отъезда мне и страшно жалко было Вас и так сильно увлечена я была фотографией, что говорила и действовала как полоумная. Я как подумаю, что Вас лично не увижу долго, да и увижу ли и как вдруг Вы не отвечаете, так страшно становится мне, что я места не нахожу. Простите дорогой и не лишайте меня возможности иметь 4-й отдел, я всем готова жертвовать, только не Вашими мыслями, они дороже мне жизни. От последних Ваших рассказов я в восторге, а Сытин меня очень порадовал, сказал, что скоро выйдут еще новые... Посылаю нарочно заказным, боюсь, что простое не дойдет, а мне так тяжело, так невыразимо грустно, что я всеми силами хочу снять с себя эту невыносимую тяжесть. Я теперь вижу ясно, отчего со мной случилось такое горе, только потому, что я живу, и живу исключительно для себя, а в этом-то (одно слово неразборчиво. – И.М.) страшное. Преданная Вам Шмидт».⁴⁴²

Следующее ее письмо – еще через месяц, от 7 августа 1885 года:

«Прежде я все хотела поехать к Вам, а теперь с каждой минутой чувствую все сильнее и сильнее всю невозможность этого, едва ли когда-нибудь у меня хватит сил взглянуть Вам прямо в глаза, так ужасно мое преступление... Лев Николаевич дорогой, простите, ради всего святого, умоляю Вас, не гоните меня от себя, чувствую всем сердцем, что я тяжело виновата перед Вами. Преданная Вам всей душой Шмидт».⁴⁴³

Я не знаю, как комментировать тон и смысл этих писем. Приведу еще отрывок, на этот раз из письма Толстому самого близкого Марии Александровне человека – Ольги Алексеевны Баршевой, написанное независимой и спокойной женщиной, желающей реабилитировать подругу в глазах Льва Николаевича. Письмо датировано 30 ноября того же года:

«Посылаю Вам, дорогой Лев Николаевич, письмо Марии Александровны, которое, вероятно, Вам будет очень интересно прочесть, только не уничтожайте его; не знаю, почему такие она умеет писать мне, а думает, что не сумеет вам излить свою душу, а ей и уметь не надо, душа ее так в каждом слове и изливается. Я и вы ее скоро увидим (одно слово неразборчиво. – И.М.) мне (еще одно слово неразборчиво – И.М.) ее, до болезни, хочется видеть. После операции напишу Вам, вы, конечно, меня посетите, а посещение Ваше меня очень порадует. О. Баршева».⁴⁴⁴

Исследователю крайне трудно работать над биографией Марии Александровны. Весь архив ее, на который можно было бы опереться, сгорел летом 1910 года. Писем к ней не сохранилось. Кроме писем Льва Николаевича, которые она скопировала еще в 1901 году по просьбе Бирюкова. И утверждала, что «переписала все» то, что Толстым было написано ей. Однако его писем к ней ни за 1885, ни за 1886, ни за первую половину 1887 года - нет. По-видимому, их и не было. Во всяком случае, как дальше разворачивались события, мы не знаем, да и знать нам этого не нужно. Приведу несколько фраз из писем Льву Николаевичу того времени от Марии Александровны Шмидт.

Конец 1886 года: «Вы говорите своим, что чувствуете, как разлагаетесь. Господи, что с Вами хороший, я сильно горюю, черкните самую правду. Шмидт».

Начало 1887 года: «Лев Николаевич родной, да как я рада, что Вы здоровы и в Ясной...».

Письмо от 8 марта 1887 года начинается словами: «Родной Лев Николаевич...» - и кончается: «Крепко целую Ваши руки, дорогой Вы мой отец. М. Шмидт».

Причина возникшего конфликта, надо полагать, исчерпана.⁴⁴⁵

5.(77)

Можно понять и Софью Андреевну, которая категорически отказалась от руководства мужа на 18 году жизни с ним, и Марию Александровну, которая сразу же приняла руководство Толстого, изменившего на противоположную всю установку ее жизни. То, что прежде оценивалось им положительно - и что так же оценивалось и Софьей Андреевной, и Марией Александровной, - стало для него отрицательным. И наоборот. У Толстого этот переворот произошел в результате длительных и мучительных процессов его личной духовной жизни. Мария Александровна должна была совершить в своей душе этот же переворот в одночасье. В сознании ее он и произошел в одночасье (вернее, за три недели, в которые она «страдала невыносимо»), но одно дело «сознание истины», которое взрастил Лев Толстой, а другое – «дела истины», которые в конкретной жизни должен совершать тот, кто берет за руководство эту истину.

Чтобы дать читателю возможность осознать неподъемность жизненных задач, которые встали перед Марией Александровной, я напомним основные тезисы новой Веры Толстого, соответствующие заповедям Нагорной проповеди.⁴⁴⁶

Вера по первой заповеди Нагорной проповеди:

«Все, что прежде казалось мне хорошим и высоким, - почести, слава, образование, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, внешних приемов, - все это стало для меня дурным и низким. Все же, что

казалось дурным и низким, - мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, приемов, - все это стало для меня хорошим и высоким».

Вера по второй заповеди Нагорной проповеди:

«То, что прежде мне представлялось самым хорошим, - утонченная, изящная жизнь, страстная и поэтическая любовь, восхваляемая всеми поэтами и художниками, - все это представилось мне дурным и отвратительным. Наоборот, хорошим представилась мне: трудовая, скудная, грубая жизнь, умеряющая похоть; высоким и важным представилось мне не столько человеческое учреждение брака, накладывающее внешнюю печать законности на известное соединение мужчины и женщины, сколько самое соединение всякого мужчины и женщины, которое, раз совершившись, не может быть нарушено без нарушения воли Бога».

Вера по третьей заповеди Нагорной проповеди:

«Все, что прежде казалось мне хорошим и высоким – богатство, собственность всякого рода, честь, сознание собственного достоинства, права, - все это стало теперь дурно и низко; все же, что казалось мне дурным и низким, - работа на других, бедность, унижение, отречение от всякой собственности и всяких прав, - стало хорошо и высоко в моих глазах».

Вера по четвертой заповеди Нагорной проповеди:

«Все то, что прежде казалось мне высоким и хорошим, обязательство верности правительству, подтверждаемое присягой, вымогание этой присяги от людей и все поступки, противные совести, совершаемые во имя этой присяги, - все это представилось теперь мне и дурным и низким».

Вера по пятой заповеди Нагорной проповеди:

«То, что представлялось мне хорошим и высоким, - любовь к отечеству, к своему народу, к своему государству, служение им в ущерб блага других людей, военные подвиги людей, все это показалось мне отвратительным и жалким. То, что мне представлялось дурным и позорным, - отречение от отечества,

космополитизм, - показалось мне, напротив, хорошим и высоким».

Летом 1884 года Толстой чуть было не ушел из дома, вернулся обратно, то есть не стал Ниневией, как хотел, и вынужден был искать другие пути исполнения только что приведенных оснований для «дел истины», которые, по его твердому убеждению, только и способны вносить Свет в сознание людей. Марии Александровне, чтобы быть тем, кем она не могла не быть, необходимо было осуществлять на практике истину – веру и разум – проповеди Льва Толстого.

Отказ от своего путевого личностного рождения, от «своей жизни», которую Мария Александровна два десятилетия вела в женском институте, вскоре стал неизбежным. Хотя и жалко было 35 сирот девочек, которые питались от ее духа. Но она была обязана вместе с ними ходить в церковь, и она ходила, но не крестилась, не причащалась и не вставала на колени. Директриса, ее давняя подруга и искренняя доброжелательница, настаивала, чтобы она хотя бы для вида крестилась. Но Толстой сказал, что нельзя насиловать себя, и она - за несколько месяцев до пенсии - ушла со службы.

Искала работу, которая не требовала компромисса с совестью, не нашла. Пришла за советом к Толстому. Если бы он предложил ей стать сестрой милосердия в любой больнице, хоть и в лепрозории, то это было бы понятно. Но он предложил ей, классной даме института благородных девиц, пойти работать в больницу Бутырской тюрьмы. Это похоже если и не на наказание, то на испытание. И думаю, заведомо непосильное испытание. Несколько месяцев она ухаживала за больными бандитами, терпела надругательства и не выдержала. «Не могу больше», - сокрушенно повинилась она перед Львом Николаевичем.

«Впрочем, что бы Вы мне ни посоветовали, - пишет она ему в самом начале 1887 года, - куда бы меня ни направили, всюду

пойду и всей душой предамся делу, а советом, пока Вы живы, меня не оставите, в этом я крепко уверена».

Толстой присматривает ей другое место. 4 марта 1887 года он пишет Черткову: «Спросите Сибирякова о месте для приюта. М. А. Шмидт, может быть, пошла бы. Я бы желал верно знать, прежде чем писать ей. Хорошо было бы и для нее, и для детей». Но Мария Александровна уже 8 марта узнала об этих планах.

«Родной Лев Николаевич, сейчас только узнала от Ольги Алексеевны, что Вы предлагаете мне место начальницы приюта, значит, одобряете и вверяете мне детей, не сон ли это, чем заслужила такое доверие, не верю и глазам своим, с восторгом принялась бы за это святое дело, да боюсь не поздно ли...»

Мария Александровна постоянно чувствует свою великую вину перед ним. Нам трудно понять, в чем эта вина. Быть может, ее и не было. Но переживание вины вызывалось религиозным чувством ее личной духовной жизни. Такое религиозное чувство настоятельно требует покаяния. И Мария Александровна постоянно переживала виноватость то перед одним, то перед другим, и в письмах разных лет то и дело клеймила себя. При этом в ней, разумеется, не было ни надрыва, ни позерства, ни всего того, что обычно бывает в таких случаях. «В «старушке Шмидт» не было элемента проповедничества, святошества, она ничего из себя не изображала», - сообщает Александра Львовна.⁴⁴⁷ Вот лик ее, запечатленный Н.Н. Страховым примерно в то время, о котором идет речь:

«В первый раз я увидел у Вас М.А. и очень был поражен ее видом, и той душою, которая в этом виде светится. Я все на нее любовался: высокая нижняя челюсть, мне кажется, напоминает Савонаролу и удивительно выражает полную доброту и твердость. Ну, не подберу слов».⁴⁴⁸ - Что удивительно для первого русского литературного критика, каким был Николай Николаевич Страхов.

Мария Александровна вела себя в доме Толстого до того неприметно, что известный в толстовском кругу П. А. Буланже, впоследствии хорошо знавший Марию Александровну и даже живавший в Овсянникове, вспоминая начало 1888 года в доме Толстого и двух «папашиных классных дам» (как толстовская молодежь называла наших героинь), ясно запомнил лишь одну из них - яркую и восторженную Ольгу Алексеевну. «Фамилии второй я не знаю и не расслышал», - пишет от много лет спустя. Он называет ее «NN», так и не вспомнив, кто была эта «соседка Баршевой». В его памяти остался рассказ Толстого о том, как он «познакомился с Баршевой» и ее подругой, а никак не наоборот. На менее проницательных, чем Н.Н. Страхов, наблюдателей Мария Александровна не производила впечатления. Она почти не участвовала в общей беседе, была «флегматичной» (по рассказу Буланже) и оживлялась, видимо, только при общении с Львом Николаевичем.

Два года Марии Александровне не удавалось определиться в новых условиях жизни. Некоторое время она жила в общине Озмидова, потом где-то под Серпуховом. «Это было ее лучшее время, - передает А.Б. Гольденвейзер рассказ Толстого. - Она жила совсем одна. Там мужики все уходят из дома на заработки, а дома работают бабы. Все они, измученные непосильной работой, — грубые, несчастные, многие пьют; дети без призора, грязные, умирают... М. А. вся отдалась помощи этим несчастным. Когда у тех, у кого она жила, нечем было внести подать, и хотели продать корову, и стоял плач, - она собрала последние оставшиеся у нее ценные вещи - какую-то брошку и браслет, - продала все это рублей за пятьдесят-шестьдесят и справила им подати».

В те годы Мария Александровна, конечно, много переписывала рукописи Толстого – в том числе и по просьбе Софьи Андреевны, которая для сохранности как-то раз предложила ей снять копию с толстовских писем 50-х годов. Мария Александровна до глубины души была поражена

письмами молодого Толстого. Такой Толстой для нее не мог существовать. Она не представляла, что Толстой, с которым она познакомилась в 1884 году, мог быть иным. «От «О жизни» я в восторге, - пишет Мария Александровна В.Г.Черткову, - а от переписки писем не глядела бы на свет, такая скука, трудно верится, что было время, когда он и жил, и поступал, и думал так странно». Она не узнавала своего «хорошего» и «дорогого». Вот ужас. Молодой Толстой был не «свой», а чужой и странный человек.

В 50-х годах она была еще девочкой. Но если б они повстречались в 60-х годах, то и тогда она наверняка не признала бы его так, как признала в 1884 году. Лев Николаевич мог быть для нее «духовным супругом» не в любое время жизни, а только после духовного рождения, когда ему было за 50 лет. Раньше этого срока, я думаю, она при любом раскладе не смогла быть его партнером по эденской сторгии. Время Софьи Андреевны в жизни Толстого не совпадает со временем Марии Александровны. Хотя тот Толстой, которого узнала Мария Александровна, не другой, а тот самый, за которого выходила замуж Софья Андреевна. Только Толстой Софьи Андреевны жил на естественном пути жизни, а Толстой Марии Александровны – на духовном пути жизни.

Нельзя сказать, что Марии Александровне был надобен духовнорожденный мужчина. Ей нужен был духовнорожденный Лев Николаевич. Женское эденское существо ее пришло сюда, в этот Мир, со специальной целью и адресом - не для Сопутства, а для эденской сторгии с вышедшем на духовный путь жизни Львом Толстым. Но в 1884 году ее время не пришло; оно и вообще могло не прийти, если Толстой в то лето поступил так, как хотел, и, уйдя из дома, растворился в народе. И именно в это время в его жизни объявляется женщина, способная стать его «духовной супругой». Если бы он не откликнулся или прошел мимо нее или иным способом не дал ей исполнить свое предназначение, то тем самым испортил и Путь своего мужского

эденского существа, и сорвал навигацию земной жизни ее женского эденского существа, и погубил некий высший замысел, связанный с реализацией их эденской сторгии.

Мария Александровна пришла в жизнь Толстого заранее: не тогда, когда его эденское существо входило в земную жизнь, не тогда, когда оно вошло в нее и стало в ней (в жизни земного человека) хозяйничать, но и до того, как этому мужскому эденскому существу на Пути восхождения потребовалась сопутница и хозяйка. На шестом десятилетии жизни перед эденским существом Толстого стояли совсем другие задачи, ничего общего не имеющие с эденской сторгией. Эденская сторгия их в будущем может осуществиться, а может и не осуществиться. Впрочем, эденская сторгия вообще не предусмотрена земной жизнью и невозможна по случаю, запускаящим сторгию любого другого вида, земного и неземного. Во всяком случае, это долгий, сложный и неопределенный процесс. И, опять же, осуществлять его должна женщина. Вот задача, которую необходимо было поставить и решить, если и не Марии Александровне Шмидт, то через нее – ее женскому эденскому существу.

Еще в прежние времена она каждое лето «уезжала куда-нибудь в деревню, - рассказывает ее сослуживица, - где тотчас же знакомилась с крестьянами, входила в их нужды, помогала, чем могла, ухаживала за больными, не гнушаясь ни грязью, ни заразой, ни гнойными ранами». Крестьянская нужда была близка Марии Александровне с детства, до знакомства с Толстым. Но у нее не только не было навыков «жизни на земле», но не было даже обычных для женщины навыков вести домашнее хозяйство.

Летом 1888 года она поселилась с сестрой и двумя племянниками все в том же Овсянникове, принадлежащем тогда ее брату Владимиру. Оттуда она пишет В.Г. Черткову: «Живу я с сестрой в деревне без прислуги в верстах 6-ти от Л.Н., сначала обед портила, а теперь идет все порядочно; непременно

попытаю свои силы на стирке белья, может быть и привыкну». Таково было начало ее «толстовской» жизни «трудами рук своих».

Далее в том же письме Черткову она сообщает о встрече с Сютаевым. Узнала она о Сютаеве в 1885 году по книге Пругавина и тогда же написала Толстому: «Какая замечательная личность Сютаев и как много у Вас общего с ним. Совершенно одни и те же мысли». Теперь у нее сложилось иное мнение. «Л.Н. видаю очень часто, и сейчас вернулись мы с Ольгой Алексеевной (она гостила у меня) от них. Видалась с Сютаевым, больно было очень мне слушать его, ровно ничего нет, что писал Пругавин. Л.Н-ч объясняет это тем, что Сютаев не живой, по учению Христа (то есть духовно не растущий человек. – И.М.), а потому и дает самые темные объяснения; я редко встречала более яркого православного, удивляюсь, за что его гнали».

Мария Александровна и Лев Николаевич смотрели на все вокруг не только в две пары глаз, но и в две души. И внутренний мир Сютаева они восприняли, как всегда, одинаково, но Мария Александровна высказывается не только вполне самостоятельно, но и куда жестче, определеннее и раньше, чем сам Толстой. Как и положено быть «хозяйке» и в Сопутстве, и тем более в эденской сторгии.

6(78)

У Толстого складывались более или менее длительные дружеские отношения (с Дьяковым, например, или Чичериным), но не было друга⁴⁴⁹ (в полном сторгическом смысле слова) ни в Казани, в студенческие годы, ни на Кавказе, ни в Севастополе, на войне, ни в Москве, среди писателей. В последние 30 лет жизни у Толстого возникали прочные и глубокие сторгические

связи, но это была сторгия иного рода – "сторгия по истине": единение, «не с тем, с кем я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единение, а с тем, кто пришел туда же, куда и я» - «к Богу и истине»(65.230). Рядом с Толстым, как вокруг многих великих людей, не столько друзья, сколько соратники.⁴⁵⁰

И все же надо верить Толстому, когда он множество раз говорил, что Чертков – его другое Я, что между ними состоялась сторгия.

Две цитаты из писем Черткову. Письмо 1899 года:

"...А последнее время все эти пустяковые дела заслонили, затуманили нашу связь. И мне стало грустно и жалко и захотелось сбросить всё, что мешает, и почувствовать опять ту дорогую, потому что не личную, а через Бога, связь мою с Вами, очень сильную и дорогую мне. Ни с кем, как с Вами (впрочем, всякая связь особенная), нет такой определенной Божеской связи – такого ясного отношения нашего через Бога. Я ни с кем так, как с Вами, не чувствую ясного различия между всеми нашими плотскими, мирскими гадостями, которых в нас много, в обоих, и тем, что в нас настоящее Божие. В других это больше смешано, слитно, а в нас с вами это очень отлепляется, отдельно. И за это я Вас особенно люблю. Так вот это хотел сказать Вам"(88.169,170).

За два дня до ухода из Ясной Поляны: «Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью — до грусти — как мне недостает вас... Есть целая область мыслей, чувств, которыми я ни с кем иным не могу так естественно [делиться], — зная, что я вполне понят, — как с Вами. Нынче было таких несколько мыслей-чувств»(89.230).

Владимир Григорьевич Чертков пришел служить Толстому в 28 лет, во время своего яркого личного рождения. Мы уже говорили, что это далеко не единственный пример духовного сближения с Толстым людей, находящихся на личном подъеме. Вынесенное в момент личного рождения эденское существо Черткова узнало в лике одухотворенности Льва Толстого, проходящего в те годы

духовное рождение, сродный себе стиль одухотворенности. В духовном отношении молодой Чертков оказался родным Толстому человеком. Уже тогда Владимир Григорьевич мог бы сказать, что в Толстом живет «мое другое эденское существо», только куда более зрелое и могучее, стоящее далеко впереди на Пути жизни.⁴⁵¹

Часто мужская дружеская сторгия возникает между учителем и верным учеником. Духовное богатство, добытое учителем, передается для хранения и увеличения ученику, который в свое время сам обязан стать учителем. Для этого он должен не только сохранить полученное, но и прирастить, разработать, расширить его и в таком виде передать своим ученикам. Таким образом, первично добытое великим учителем сохраняется и растет в поле личной духовной жизни по дружеским сторгическим связям. Чертков пытался делать то, о чем мы говорим и что требовалось от него в силу его сторгической связи с Толстым. Многих людей раздражает эта законная черта Черткова.⁴⁵²

В путевом смысле учитель тянет за собой учеников и через них продолжает жизнь своего духа на Земле. Верный ученик благодарен учителю за помощь своему еще беспомощному эденскому существу, за дарование ему блага полноценной духовной жизни. Такая благодарность предполагает служение. Чертков поставил себя на служение духу и делу Толстого. Он сам выдал задание своему эденскому существу идти за эденским существом Толстого следом и поддерживать его по всему фронту его жизни.⁴⁵³ Вся жизнь Черткова – в том числе и его промахи, за которые его так строго судят, - свидетельствует о том, что он служил Льву Николаевичу не столько по высшему заданию, сколько по решению свободной воли своего «Я». И служил так искренне, бескорыстно и благородно, как может служить только эденское существо, привязанное к другому эденскому существу.

Чертков был высоко путевым человеком, жил своей духовной жизнью, со своим содержанием Пути. Его подъем Пробуждения в середине 90-х годов сопровождался его собственными откровениями, которыми он делился с Толстым. Выбор направления духовной жизни во второй критической точке был, казалось бы, предопределен его неизменным следованием за Толстым, но и этот путевой момент он мучительно переживал в середине 900-х годов, и сам устанавливал направление своей дальнейшей духовной жизни. Я не думаю, что Владимир Григорьевич прошел духовное

рождение на Пути. Если это и неудача его Пути, то она, надо полагать, есть побочный результат когда-то навязанного им своему эденскому существу решения идти в след другого эденского существа. Не исключено, что в некотором мистическом смысле Владимир Григорьевич приносил себя в жертву. Он совершил подвиг, и этот его подвиг на века совместил в человеческом сознании его имя с именем Льва Толстого.

Вот как Н.Н. Страхов описывает Черткова:

«Никогда я не видал, чтобы он улыбался, и не слышал, чтобы он шутил; он похож на человека, который потерпел большое несчастье или имеет за собой большую вину и ни на минуту не может забыть её. Но какая чистота и искренность! Какая полная преданность тому, что признается должным! И при этом какая личность и доброта! Он очень трогателен и привлекателен».⁴⁵⁴ Вспомним, что на Софью Андреевну Чертков производил впечатление «идола».

Мощные антитолстовские настроения возникли при жизни Льва Николаевича и не затихают до сих пор. Наиболее откровенно эти настроения проявляются в ненависти к В.Г.Черткову. Механизм возникновения этой ненависти объяснил сам Лев Николаевич в письме Черткову от 20 июля 1910 года:

"Я рад, что понимаю Ваше положение, которое едва ли не труднее моего. Меня ненавидят за то, что есть, смело скажу, во мне хорошего, обличающего их, но ко мне, и по моим годам, и моему положению, они все, — а имя им легион — чувствуют необходимость иметь некоторые egards (знаки уважения) и сдерживаются. Вас же за то высокое, святое, что есть в вас, — опять смело скажу — им нечего опасаться, и они не скрывают свою ненависть к добру или скрывают ее под разными выдуман-ными обвинениями Вас. Я это понимаю и больно чувствую за Вас. Но будем держаться. Пожалуйста, помогайте мне, а я Вам"(89.195-6).

Мужские эденские существа Толстого и Черткова находились в прочнейшей сторгической парности. Пусть они вместе не создали то, что обычно создают сторгически объединенные существа – плод сторгической жизни, новое сторгическое существо или его зародыш; не создали они и то, что создается в эденской сторгии при неременном участии мужского и женского эденских существ. Но они состояли в одной связке и, я думаю, исполняли одно Задание.

Мария Александровна всегда относилась к Черткову в высшей степени уважительно и даже некоторое время жила у него вместе с Бирюковым и другими толстовцами. Но и они были разные люди, и у их эденских существ были разные задачи. Чертков – сам рыцарь «строного образа» - чувствовал себя командором рыцарей толстовской Веры. У Марии Александровны в отношении Толстого совсем другая установка. Столкновения разных установок духовной жизни того и другого иногда зажигали конфликты. Об одной из таких историй рассказывает Вл.Ф. Булгаков:

«С Чертковым, однако, несмотря на весь свой идеализм и готовность к самоотречению, разошлась. Для нее неожиданны были припадки «возбужденного состояния»⁴⁵⁵ у Владимира Григорьевича и его тенденция «смешивать себя с Толстым». Чертков, как рассказывала мне сама Марья Александровна в 1910—1912 гг.⁴⁵⁶ (этого, конечно, нет в книге Горбуновых), подымался иногда среди ночи, стучался в комнату Марьи Александровны и заставлял ее, полуодетую, испуганную, ошеломленную таким вторжением, экстренно переписывать... его собственные, будто бы весьма срочные «философические» письма к разным «толстовцам».

- Ну, это было уже слишком! Письма Льва Николаевича я готова была переписывать в любое время дня и ночи, но - его письма?!. Не-ет!...».⁴⁵⁷

Чертков ценил ее так высоко, как мог. Право судить себя он признавал только за Львом Николаевичем и за Марией

Александровной. Когда она обличала и обвиняла его, он являлся к ней на суд и давал ответ. И конечно, всегда трогательно заботился о ней.

«М.А. Шмидт с нами, – сообщает Чертков Толстому в письме от 19 октября 1887 года. - Она стала нам помогать по делам издания. Ее помощь неоценима и незаменима. Но, знаете ли, она больна, и, по-видимому, очень серьезно — начало чахотки. (Но это между нами, т. к. она не любит, чтобы об этом говорили). Болезнь в первой степени развития и может долго продлиться. Я очень рад за нее, что она будет с нами жить, т. к. обстановка все ж таки не будет такая суровая, пища и помещение здоровее, и окружена она будет людьми - нами, которые ее будут беречь, чего она сама не делает. Выходит и с этой стороны хорошо, что мы заживем вместе. Она на днях уезжает к себе, чтобы забрать вещи».

Нежно заботился о ней - уже в то время - и Лев Николаевич. Вот он пишет П.И. Бирюкову: «Сейчас была Ольга Алексеевна Баршева, друг М. А-ны. М. А. приехала и вызвала к себе О. А-ну. Она была больна в Иванове и теперь больна, но все-таки завтра (понедельник) хочет ехать к вам. Не знаю, задержит ли ее О. А. Если она слаба, то я просил уговорить ее переждать»(64.121).

7(79)

Мария Александровна – не женщина, а ангел, и надо с осмотрительностью писать о ней как о земной женщине. Другое дело ее ближайшая подруга Ольга Алексеевна Баршева.

К сожалению, мы знаем о ней совсем немного. Родилась она в том же 1844 году, что и Мария Александровна. Девичья фамилия ее – Бирюлева. Была замужем, быстро овдовела. Служила классной дамой, но квартировала не при институте, а на Малой Молчановке в доме Корша. По воспоминаниям

Татьяны Львовны, «Ольга Алексеевна была утонченно воспитанная и хорошо образованная, хрупкая, тоненькая женщина из старой дворянской семьи, с чуткой, отзывчивой душой». Небольшого роста, восторженная, подвижная, милая и, вероятно, очень женщина. С отменным вкусом на мысли и художественность чувств. «Не говорю даже о том, что она читала на нескольких языках, - рассказывает П. Буланже, - но она на этих языках читала все лучшее, что только выходило и о чем мне приходилось только слышать». Толстой поручал ей переводы; в частности, она по его заданию перевела Гаррисона.

Умерла она в 49 лет на руках у Марии Александровны. О ее кончине Мария Александровна рассказала Толстому в письме от 4 февраля 1893 года.

«Вчера, в 7 часов утра, скончалась моя дорогая Ольга Алексеевна от воспаления легких. Болела 11 дней тяжело, но переносила страдания с такой кротостью и покорностью, что я без слез и вспомнить не могу. Сначала заболела я опять бронхитом и пролежала дней 12. Болезнь моя до того напугала Ольгу Алексеевну, что она сразу упала духом, стала волноваться, плакать и только в одном ситцевом платье все выбегала во двор, сама не зная зачем. А погода стояла хоть и ясная, но холодная, с ветром. Через несколько дней она стала кашлять таким дурным кашлем, что я сразу увидела - дело плохо. Я еще и с постели не встала, как она заболела, сделалась у нее сначала сильная лихорадка с тошнотой, потом открылся жар и глубокий сон. Через два дня она почувствовала колики в правом боку и кашель усилился. Я сейчас же встала и с трудом принялась за работу по дому. Соседи приносили воду и дров нам, я все не решалась выходить на воздух. Как раз тогда выпал глубокий снег и морозу было градусов 11. Между тем, здоровье ее становилось все хуже и хуже. Я обложила ее 9 мушками, ставила припарки, но, верно, помощь была оказана поздно, потому что на 9-й день к вечеру она уже потеряла сознание. Я все еще не видела опасности и крепко верила, что она перенесет,

так как грудь и легкие у нее были крепки. Последнюю ночь она все хотела ходить по комнате, и мы с Александрой Ивановной едва удерживали ее. Эту ночь у нее с языка не сходило Ваше имя, дорогой Лев Николаевич. Только и твердила «Л. Н., Л. Н.». Утром на 12-й день я послала Александру Ивановну в Сочи, не предполагая, что у нее уже началась агония. Сама пошла к ней и говорю: «Давайте-ка, голубка, я вас поверну на бочок». Она улыбнулась и легла сама и говорит: «Как хорошо». Я ее стала ласкать, целовать, она все улыбалась. Но вдруг она повернулась на спину и стала редко дышать. Тут только я догадалась, что она кончается. И действительно, через минуты две ее не стало. Умерла так тихо, покойно и с такой блаженной улыбкой, ну, точно ангел Божий. Она и теперь лежит все с тем же выражением».

Лев Николаевич откликнулся на грустную весть 20 февраля 1893 г.

«Сейчас получил и прочел Ваше письмо, дорогая, милая М.А. Как ни естественна смерть, особенно мне, уже по годам своим стоящему так близко к ней, всегда она не то что поражает, а трогает и умиляет. Хочется узнать, что чувствовал, что думал тот, кто отходил? Хорошо ли ему было в эту торжественную минуту жизни. И я поплакал, читая Ваше письмо, - не от грусти, что не увижу ее больше, хотя и это жалко, особенно за Вас, - но от чувства умиления. Она хорошо, спокойно, как видно из Вашего письма, и без страха умерла. Милое, тихое, смиренное и серьезное было существо, как я ее вспоминаю. Как теперь вижу вас двух в зале утром, когда вы пришли ко мне, и я в первый раз увидел вас обеих. Она была тогда еще полумолодая, полная жизни, настоящей жизни духовной... Как ни странно это сказать, - и я бы не сказал это другим, - все к лучшему. Особенно такая смерть. Дай нам Бог такую же. А днем или десятилетием раньше или позже, разве не все равно?.. Удивительно, каким светом освещает смерть умерших. Как вспомню теперь О. А-ну, так слезы навертываются от умиления. Вспоминаю ее шутки, ее

отношение к Вам, ее покорность, ее тихую ласковость, и совсем яснее, лучше понимаю ту самую внутреннюю ее душу. Пишите, что вы решите делать. Велите мне служить Вам чем могу. Вы нераздельны были с ней и часть того увеличенного и просветленного чувства любви, которую я чувствую к ней, я испытываю и к Вам».

Толстой до конца дней хранил память об Ольге Алексеевне, хотя по старости не всегда помнил ее имя и просил напомнить ему.⁴⁵⁸

Мария Александровна и Ольга Алексеевна действительно были нераздельны. За два года до смерти Ольга Алексеевна писала:

«Живем мы хорошо в трудах и в любви. Мы так слились друг с другом, что я не разберу, где кончается М.А. и начинаюсь я».⁴⁵⁹

Вот образчик их умиленных и трогательных отношений:

«Вся тяжелая работа на земле легла, разумеется, на плечи Марии Александровны. Как Ольга Алексеевна ни старалась помогать в поле и в огороде, ее маленькие ручки и хрупкое сложение скоро отказались от работы.

— Нет, душенька, Мария Александровна,— говаривала она. — Вы уж погребите сено без меня. А я пойду Матью Арнольда читать...

Мария Александровна всегда сердилась.

— Эгоистка вы этакая! Ведь вы будете просить молока к чаю, а где его взять, если не припасти сена на зиму для коровы! Ну, - прибавляла она мягче, - так и быть, идите. Только поставьте самовар. А то я до смерти чаю хочу.

Убрав сено, Мария Александровна приходила домой в надежде найти готовый чай. Но стол не был накрыт, самовар не кипел.

Ольга Алексеевна сидела на стуле с книгой в одной руке, а другой рукой она веером махала в трубу самовара, который

стоял на полу возле нее и не начинал закипать.

Мария Александровна покатывалась со смеха, обнимала свою милую, но бесполезную подругу, разводила уголья и через несколько минут наливала Ольге Алексеевне и себе чай. Ольга Алексеевна в это время рассказывала ей о тех прекрасных вещах, которые она прочла у Маттью Арнольда». ⁴⁶⁰

Совместная жизнь с любимой подругой - основной мотив, держащий Ольгу Алексеевну в суровых условиях «жизни на земле». Другой мотив – их общая любовь к Толстому.

Толстой лучше, чем любой другой человек, умел зажигать в людях Идеал, служащий двигателем личного духовного роста. Подъемной силы зажженного в ней Толстым Идеала оказалось вполне достаточно, чтобы планка «максимального нижнего предела» нравственного самочувствия Ольги Алексеевны стала стремительно повышаться. Она воплощала толстовский Идеал, но не в смысле осуществления его на практике, как Мария Александровна, а в том, что горела им, несла его в себе и перед собою, ставила впереди себя горящую свечу его, жизненно (а не только в умозрении) вдохновлялась им, непрерывно пела гимн толстовскому Идеалу в своей душе. Она была «смиренной и серьезной» (вспомним слова Толстого о ней) приверженкой Льва Николаевича и его Правды. Ее чувство к нему сродни бескорыстному трепетанию предсторгического чувства, которое испытывали многие люди, стремившиеся сблизиться с Толстым. Но она никогда не норовила войти в ближний круг великого человека и не домогалась его признания.

Марию Александровну с Львом Николаевичем кроме всего прочего объединяла духовная сила Искренности. Она вдохновлялась не столько толстовским Идеалом, сколько полнейшей искренностью переживания его. Идеальные переживания Марии Александровны совсем лишены пафоса (попробуйте реально представить себе такое!), так, словно следовать Идеалу в жизни есть самое естественное дело, словно

и жить иначе нельзя, словно все так живут, словно человеку по природе свойственно повседневно руководствоваться Идеалом.

Мария Александровна пережила и приняла толстовский Идеал как руководство к действию и негромко, без видимых надрывных усилий, но твердо и неизменно следовала ему в жизни. Она душой и телом служила установкам своего духовного супруга, она превращала идеальное в трудовое, и все без налета фанатизма, без специального ударения, ничего не выставляя напоказ, в беззвучности, в спокойствии и тишине души, в одиночестве, наедине с собою и только наедине с собою и тем, кого взяла сама себе в душу. Софья Андреевна не могла «переменить жизнь вслед за мужем». Мария Александровна не могла не переменить всю жизнь свою согласно толстовскому Идеалу жизни потому, что такая жизнь для нее стала единственно возможной.

До духовного рождения Толстого Марию Александровну трудно представить рядом с ним. Мария Александровна не принадлежит к какому-либо женскому типу: она – в единственном числе, она - единственная женщина, пригодная и назначенная Льву Толстому для эденской сторгии. Ее женское эденское существо пришло в эту жизнь за этим. И она сорок лет ждала этого.

Ольга Алексеевна Баршева рождена сопутевой женщиной и, судя по всему, могла бы быть сопутевой женщиной Льва Толстого. Несомненно, что она, сложись судьба иначе, с юности и до старости смогла бы состоять в духовной свитости с Львом Николаевичем, следуя за всеми путевыми превращениями его духа.

Эденское место в высшей душе Ольги Алексеевны принадлежало Льву Толстому. Но именно потому, что «внутренняя душа» Ольги Алексеевны была направлена на то, чего не могло быть, – на Сопутство с Львом Толстым, - она всецело отдала свое сторгическое место не мужчине, не Льву Николаевичу, а женщине, Марии Александровне. И высшая душа Марии Александровны (на

которой и восседает ее эденское существо, исключительно направленное на осуществление эденской сторгии с Толстым) устремилось на осуществление женского сторгического двуединства с Ольгой Алексеевной. Хочу думать, что между Марией Александровной и Ольгой Алексеевной состоялась подлинная сторгическая связь. Залогом этого – Лев Николаевич, сторгически близкий и для той и для другой мужской дух.

Поразительное дело. Мария Александровна и Ольга Алексеевна до и без Толстого нашли друг друга и душами связались в единый сторгический узел. Каждая своей высшей душой была обращена к другой, но когда пришло время, обе вместе обратились к Толстому. Это особый случай своей сторгии двух женщин через глубинную привязанность к одному и тому же мужскому эденскому существу.

Само по себе женское сторгическое двуединство – явление не менее распространенное, чем сторгическое единение мужчины и женщины.

Многие и многие женщины с отрочества испытывают настоятельную душевную потребность в подруге жизни. Потребность женского двуединства возникает раньше, чем глубинная сторгическая нужда супружества, и осуществляется чаще, чем оно. Возможно потому, что завязать сторгический узел двум женщинам легче, чем женщине и мужчине. Но и разница между той и другой сторгией огромна. В женской свитости нет перевязывания узлов чувства-сознания жизни через сторгическое существо; в нем, скорее всего, и не возникает новое сторгическое существо. Но в нем что-то рождается. Супружеское единение высших душ – в сторгическом существе или его зародыше. Женское единство обходится без того или другого. Это единение высших душ напрямую. В нем две женские высшие души как бы поддерживают друг друга. Каждая для другой – никогда не судья, но всегда объект сочувствия и полного понимания. Каждая переживает благо и

страдания другой как свои собственные страдания и свое благо. Без своей лучшей подруги женщина чахнет так же, как без своего мужчины.

В женском единстве нет оплодотворения от одной к другой через сторгическое существо, но есть оплодотворение друг другом. Это особый род благосостояния двух сторгически завязанных высших душ, которое должно иметь результат. Хотя и не тот, который имеет сторгия мужчины и женщины. Возможно, что женские двуединства образуют стержневые ячейки в высшем пласте Общей души - ячейки добра и любви в ней.

8(80)

Ольге Алексеевне естественно было переводить, переписывать, помогать Черткову и самому Льву Николаевичу в работе над рукописями. Она охотно навещала Марию Александровну, когда та жила крестьянским трудом где-нибудь в деревне, но сама никогда не стремилась к жизни на земле и совершенно не была готова к ней. Но когда в конце 1888 года она узнала, что ее родственница, построив маленькую дачу с террасой на кавказском побережье, сама не намерена жить там, то попросила ее предоставить дачку ей и Марии Александровне. Сделала она это исключительно ради своей подруги. «Жить и работать на земле на севере, - объясняет Е.Е. Горбунова-Посадова, - было трудно М. А-не, болезненной, страдающей хроническим тяжким бронхитом каждую зиму,⁴⁶¹ и она решила перебраться на юг, где рабочий сезон дольше, где больная грудь зимою легче дышит, где не надо добывать топливо, не надо теплой одежды и т. д.».

Решение переселиться на Кавказ одобрил и Лев Николаевич. «В нашем северном климате двум слабым, непривычным к труду женщинам трудно было бы жить без наемного труда, одними своими силами, вследствие чего и решено было, что лучше им переселиться на юг, где борьба с природой не так тяжела и где климат мог бы принести пользу болезненной Марии Александровне, - пишет Татьяна Львовна. - ...Начались сборы. Все друзья принимали в них участие, и кто с завистью, кто со страхом смотрел на этих двух отважных женщин, собирающихся своими руками добывать себе насущный хлеб».

Подруги вовсе не собирались геройствовать. У Марии Александровны был небольшой дом в Туле, и она продала его за несколько тысяч рублей. Кое-какие сбережения были у Ольги Алексеевны. Набралась сумма, достаточная для покрытия на многие годы необходимых расходов и услуг. Но по дороге на Кавказ их обокрали. «Потеря эта не только не привела в уныние подруг, но, напротив, они тотчас же отыскивали хорошую сторону этого происшествия.

- Бог на нас оглянулся, - говаривала потом Мария Александровна. - Мы приехали на Кавказ с одними нашими руками и, таким образом, сразу стали в положение людей, принужденных зарабатывать свою жизнь. Деньги соблазнили бы нас на наемный труд и другим служили бы соблазном».⁴⁶²

Дачка находилась в горах высоко над морем, в 15 верстах от Сочи, в совершенно диком месте. По ночам под окнами выли шакалы. И – никого вокруг, если не считать старика шведа Старка со своею семьею.⁴⁶³ Нередко их посещали люди с оружием, предпочитающие избегать нахоженных дорог. Как их там не зарезали, не изнасиловали, не ограбили, не сожгли ... Е.Е. Горбунова-Посадова находит объяснение:

«Было, очевидно, в жизни этих двух женщин, в их отношении к людям что-то такое, что внушало и этим случайным посетителям чувство уважения: ни один из них не

причинил им вреда, многие уходили с самыми добрыми пожеланиями, а были и такие, что приходили еще и еще раз на маленькую дачу и помогали им в их трудной работе, а иногда жили у них по несколько недель и даже месяцев»⁴⁶⁴. - Чудо, да и только.

Участок земли при даче, конечно, оказался непригодным для посевов. Двум немолодым, слабым и больным женщинам приходилось самим корчевать и корчевать повсюду тянувшиеся корни, очищать свой участок и от сорняков, и от колючих кустов, и от множества камней. И еще жара. Дров напилить – нет пилы. За хворостом в горы – там опасные дикие кошки, змеи. Питались они долгое время в основном кукурузой. Свидетельница рассказывает, как «поражала ее веселость, бодрость и доброта М.А-ны и как жутко ей было смотреть на ее истощенную фигуру, с заступом или цапкой в руке, в полукороткой юбке, в белой войлочной шляпе».⁴⁶⁵

Через год у них уже был огород с редиской, луком, картошкой, горохом, репой, брюквой, огурцами, бахчевыми; три насадки, пчелы. «Две Робинзонки» (выражение Марии Александровны в письме Марии Львовне) выжили в «первобытной жизни».

Трудовая эпопея «христианских робинзонок», как называл их Толстой, и удивила, и поразила, и восхитила Льва Николаевича, знавшего цену делам человеческим.

«Как радостно слышать про Вас всё добрые вести, дорогая Марья Александровна, – пишет он 30 июня 1890 года. - Странное у меня о вас чувство. Знаю я, что когда в душе хорошо, то и в мире всё будет хорошо, и знаю, что у вас в душе всё хорошо, а всегда страшно за вас, что вы пересилите, переработаете, и что-то случится, хотя и знаю, что случиться нечему. До сих пор страхи эти не сбывались, и приходилось только радоваться на вашу жизнь. Дай Бог, чтобы вас так же радовали мы и другие ваши близкие»(65.126).

В письме через месяц:

«Вы вот часто меня благодарите, а мне как вас благодарить за все те радости, которые вы мне доставляете? Каждое известие о вас (я получил такое через Ге) и письмо от вас - это радость. Вот живут люди по-человечески и не только не жалеют о брошенном язычестве, а только радуются. И какие люди - испорченные, слабые. Никогда мне не удастся придумать и написать таких доводов в пользу исповедуемого нами учения, какие вы даете своей жизнью»(65.144).

В конце этого же года – О.А. Баршевой:

«Особенно рад был получить известие о Вас, Ольга Алексеевна, потому что по последнему известию знал, что у Вас лихорадка, и боялся за Вас. Как хорошо вы живете! Мне представляется ваше житее чем-то баснословным, а оказывается вот уже сколько времени прожили»(65.203).

В феврале следующего 1891 года:

«Вы так хорошо живете (я говорю о внешней форме жизни), что всякий раз, как получаю ваши письма, робею, распечатывая и начиная читать, как бы не узнать, что жизнь ваша изменилась. Но, слава Богу, всё идет хорошо...»(65.234)

В ноябре того же года:

«Всякий раз, получая ваши письма, вызывающие живое представление о вашей жизни, чувствую к вам зависть». И тут же: «Как я радуюсь на вас»(66.80-81)

Еще примерно через год:

«Я всегда, как думаю о вас, радуюсь, стремлюсь душой к вам и чувствую себя виноватым, что ничем не служу вам...

Книгу, которую пишу и кончаю теперь,⁴⁶⁶ я еще не отдавал в перевод и не распространял здесь, но как только будет готова, то, разумеется, пришлю вам. Кажется, что вам это не может быть очень интересно. Вы это всё знаете, мало что знаете, вы это уже и делаете. А пишешь для тех колеблющихся людей, которые то видят, то опять не видят истину. Если успею, напишу еще, а не успею, то простите и любите меня так же, как я вас люблю, дорогие друзья»(65.267-268).

Я не уверен в том, что если бы не это «баснословное» житие двух классных дам в глуши на Кавказе и то огромное впечатление, которое оно произвело на Толстого (и не только на Толстого), то Мария Александровна стала бы для Толстого той, которой она стала к концу ее и его жизни.

В мае 1891 года подруги перебрались поближе к Сочи, устроились рядом с немецкой колонией и арендовали участок с большим фруктовым садом. Завели три коровы. И все же Мария Александровна, не говоря ни слова, все время душою стремилась обратно, поближе к Ясной Поляне. Толстой почувствовал это еще в самом начале их кавказской жизни. Вот отрывок из его письма от 23 июня 1889 года. Письмо с подтекстом.

«Давно поджидал от вас весточки, дорогая Марья Александровна, и вот получил и хорошую и дурную: хорошую потому, что из нее вижу, что вы живы в настоящем значении этого слова, а не то что дурную, но не совсем хорошую потому, что из нее же вижу, что вы как будто жалеете, что поехали на Кавказ, как будто отсутствие Старка⁴⁶⁷ изменяет все ваши намерения и как будто вы от этого хотите вернуться назад. — Не делайте планов, не предполагайте, что есть время, место и люди, которые могут быть нужны и важны для вашей жизни, и что есть время, место и люди, среди которых вы не можете быть вполне хорошей и потому вполне счастливой. Я знаю это давно, но постоянно всё больше и больше приучаюсь к тому, чтобы не предпочитать никаких одних внешних условий другим и не заботиться о них, а заботиться о том, чтобы в данных условиях соблюсти данную мне Божественную искру и исполнить всю волю Отца. Этого же желаю Вам, потому что знаю, что в этом одном и успокоение, и разрешение всех и отвлеченных и самых практических задач, как, например, как представляется Вам теперь: уезжать ли с Кавказа или оставаться? Напишите нам, пожалуйста, еще и поскорее и попросите о том же Ольгу Алексеевну, которой передайте мою любовь и тот же, как и Вам, совет: как можно меньше действовать. Чем затруднительнее кажется положение, тем меньше надо действовать. Действиями-то мы обыкновенно и портим начинающие складываться наилучшим для нас образом условия. Пожалуйста, Ольга Алексеевна, напишите мне, и поподробнее, о вашем положении, наме-

рениях и финансовых условиях. Вас это не должно интересовать, а я имею право этим интересоваться».⁴⁶⁸

И на поселении близ немецкой колонии, когда возникли серьезные хозяйственные затруднения, Мария Александровна готова была уехать обратно. Об этом свидетельствует письмо Ольги Алексеевны Толстому от 3 ноября 1891 года.

«Помогите нам, добрый Лев Николаевич, остаться на Кавказе и продолжать нашу мирную и хорошую жизнь. Затруднения наши материальные, и им можно помочь... М. А. подумывает оставить все, продать все и отправиться в Россию. Но это, по-моему, не разумно, и я решаюсь потихоньку от нее написать об этом нашим друзьям и просить выручить нас... Стою же я за Кавказ по двум причинам. Первая та, что мы несомненно устраиваемся хорошо и разумно. Жаль кидать дело, в которое вложено много труда и усилий. Вторая та, что климат здешний полезен для М. А-ны. Ее бронхит не повторялся, ни разу в течение 2-х лет, а в России она чуть не каждый год умирала от него»...

Толстой, разумеется, помог, и они остались жить на Кавказе.

Я хочу специально подчеркнуть, что это Ольга Алексеевна, в критические моменты удержав Марию Александровну на Кавказе, не давала прерваться «баснословной» четырехлетней(!) эпопеи. Сама не ведая того, она сделала все для исполнения высшей задачи жизни своей любимой подруги и... умерла. При ней Мария Александровна не скоро вернулась бы обратно, к Льву Николаевичу. Теперь ничто не мешало ей исполнить свое душевное желание, которое, очевидно, она скрывала и от себя, и от Ольги Алексеевны. Только нужно было, чтобы всё получилось как бы само собой. Но тут-то возникли неожиданные затруднения. Расскажу подробнее.

«Какой хороший человек, как духовно развит, с ним как-то невольно настраиваешься выше и крепче. Я второго человека встречаю в моей жизни, при котором не только сказать, но и помыслить худо совестно. А он таков! С ним положительно двигаться легче».

Так писала Ольга Алексеевна Баршева Толстому 28 августа 1891 года, в день его 63-летия. Первый человек, про которого пишет Ольга Алексеевна, конечно, сам Толстой. «Таков» же, «при котором не только сказать, но помыслить худо совестно» - это Леонтий Евсеевич Душкин. Сопоставление, прямо скажем, поразительное. Особенно если учесть, что Душкин на 37 лет моложе Толстого, про которого, будь он в том же возрасте, Ольга Александровна вряд ли могла сказать то же, что она говорит о Леонтии Евсеевиче.

В поисках запрещенных религиозных сочинений Толстого Леонтий Душкин – слесарь-механик Александровского завода в Петербурге - познакомился с Марией Александровной, которая переписывала эти произведения, а потом и с П. Бирюковым. И та и другой передавали интересные письма «еврея Душкина» Толстому, который, таким образом, заочно был знаком с ним. Очное знакомство состоялось в августе 1889 года, когда Леонтий Евсеевич без предупреждения явился к Толстому и оторвал его от работы. Лев Николаевич не позволил себе рассердиться на это и записал в Дневник, что Душкин «очень умный и хороший»(50.124). Такого мнения о нем Лев Николаевич неизменно придерживался во все годы их общения. Даже Толстому не часто встречались люди со столь развитой и скорой интуицией на глубокую мысль. Например, когда Душкин в личной беседе услышал от Льва Николаевича, что «сама жизнь есть любовь», то, как с удовлетворением отметил Толстой в Дневнике, «эта мысль очень поразила его, разъяснила ему все неясное» (53.29). Сомневаться в возможностях разума и в стремлении к истине Леонтия Евсеевича не приходится.

Первое письмо Душкина к Толстому (в марте 1889 года) проникнуто подлинным желанием молодого человека

становиться лучше в сочетании со стремлением к «честному физическому труду». Все письма его, и это в том числе, очень и очень искренние. Он сокрушается на то, что исполнять все, что полагалось по первоначальной проповеди Толстого, у него сил мало, и он ждет «далеко ободряющего окрика родной по духу души», которая «укрепит и ободрит меня», восполнит ему недостаток силы. Мало хотеть, пишет он, «надо уметь, надо переродиться духом, так чтобы добро делалось бессознательно, с детской чистотой и беззаботностью». А у него этого, к несчастью, нет! «И настоящее положение мое подобно положению человека, находящегося под горой, который должен подняться для того, чтобы спастись от гибели в пропасти, простирающейся у ног его, и я молю Бога дать мне силу поднять эту гору и спасти меня от неизбежной гибели». –

Незаимствованный, но вполне толстовский стиль изложения.

Мотив недостатка сил прозвучал, по-видимому, и в первой беседе с Толстым, да так не понравился Льву Николаевичу, что вызвал резкую реакцию: "не быть как Душкин, как сестра милосердия на перевязочном пункте, не работающая, но охающая"(50.130).

Почему-то Душкин, вне зависимости от его качеств, был несимпатичен Льву Николаевичу. И это отражалось в записях его Дневника.⁴⁶⁹ В первое посещение Душкин от волнения «был сам не свой» (как он позднее извинялся перед Толстым) и в следующем письме, сказав, что «Вы зажгли святой огонь правды и любви к Христу в моей душе», продолжал: «Я ищу любви Вашей, общения с Вами, а сам знаю, что не стою Вашей любви, потому что скверен и гадок я, но я хочу исправиться... Помогите мне». Толстой счел, что это письмо эмоционально «преувеличенное»(50.149).

В ноябре 1889 года умерла 11-летняя сестра Душкина. И он задает себе и Толстому вопросы, которые Лев Николаевич (особенно в его возрасте) много раз ставил себе. Ведь ее нет! Почему? Зачем? Все письма Душкина исповедальны. Поэтому в

письме этом слишком много о себе, о своих бедах и переживаниях. Но все умно, верно, с искренним и хорошим чувством. Толстой ответил ему не сразу, но всё на ту же прочно засевавшую в связи с Душкиным в памяти тему.

«Долго не отвечал на Ваше письмо, потому что был болен. Когда получил, многое хотелось сказать Вам; теперь забыл. Помню одно: «иго мое благо, и бремя мое легко», - иго, а не подушка, - иго и бремя. Если оно Вам кажется тяжелым, то только потому, что Вы представляете себе, может быть, благо при полном отсутствии ига. Оно легко, но — иго. И Вы наверное узнаете это, когда проживете подольше так, как Вы живете. А насколько я могу судить, Вы живете хорошо, и помогай Вам Бог»(65.48).

Леонид Евсеевич – человек самостоятельной мысли и руководствуется не толстовской, а «своей истиной». По некоторым вопросам у него – возможно, по молодости – иная, чем у Толстого, позиция. Родная Толстому мысль духовного роста через препятствия, ошибки, противоречия, страдания и тяготы жизни в Душкине вызывает сомнения. «Я чувствую, что тут какая-то ошибка», - пишет он Льву Николаевичу в ноябре 1890 года, самонадеятельно опровергая основополагающее положение учения о личной духовной жизни.

Другой пример. Что такое «живой человек» Душкин понимал так, как учил Толстой, но вкладывал свой смысл в тезис «Бог есть Бог живых, а не мертвых». По Толстому, мысль эта утверждает высшую ценность духовного роста и носителей его, «живых людей» и призывает человека «ожить», встать «из гробов своих» - к Богу. Для Душкина Бог есть только для «живых людей», то есть людей, способных к духовной жизни. Для «мертвых людей» – Его нет. И потому нечего и ждать от них движений к Нему. В ответ Толстой винит Душкина в том, что он себя считает лучше других.

Леонид Евгеньевич пытался на практике доказать ему, что это не так. Вот один из эпизодов его недолгой жизни.

Писец Бакинской городской больницы Богатуров, пьяница, буян и сифилитик, был объявлен душевно больным и помещен в психбольницу. Выпущен из нее, но сумасшедшего на работу никто не брал. Оказавшись без средств к существованию, он шантажом стал вымогать деньги у кого мог. Доктор Гальперин пожаловался на него прокурору. Пьяный Богатуров угрожал расправой. Узнав об этом, Душкин пошел к нему беседовать по душам и «побеждать любовью», но не нашел подхода и не предотвратил беду. Через час после разговора с ним Богатуров подкараулил племянницу Гальперина 17-летнюю гимназистку Веру Глаузберг (с которой Душкин был знаком) и на глазах всех зарезал ее. На похоронах девушки Душкин сказал, что «истинный преступник – это наша заснувшая совесть» и что сам он признает себя виноватым за две погубленные жизни. Его поняли так, что он «социалист», и выслали из Баку, где жила вся его семья. На суде Богатуров говорил, что он убил жидовку, дабы истребить врагов Христовых.

Когда в начале 1889 года Мария Александровна собралась на Кавказ, то и Душкин вдруг решил повидаться с семьей, которая жила в Баку. В августе 1891 года он неожиданно предстал перед Марией Александровной и Ольгой Алексеевной на их хуторе близ Сочи.

«Мы страшно обрадовались ему, – сообщает Мария Александровна Толстому. – Сейчас же сели ужинать и беседовать, а через 5 минут чувствовали себя так близко, как один человек. И читали мы Вас, и работали, и жили так хорошо, и тепло нам всем было, что мы только и думали: «вот поживем вместе хоть месяц». А вышло не так: на 4-й день его приезда вышел приказ от начальства, чтобы с первым парходом ему вернуться обратно, так как евреям не позволено здесь жить. Первую минуту нам всем было невыносимо тяжело, и мы решили попросить отсрочку и сейчас же помчались к начальнику, но он отказал. Как ни горько было, а в этот же день проводили мы его на парход. Теперь у нас только и разговору,

что о нем, - все припоминаем, что он говорил, где сидел и что делал. Слава Богу, что хоть 4 денька мы вместе провели. Он удивительно хорошо действует на людей...»

Ей вторит Ольга Алексеевна: «Мы прожили 4 дня вместе и ему велели уехать потому, что он еврей. Я до сих пор смущена этим. Я озлобилась, а Душкин меня уговаривал, и сам очень кротко принял это распоряжение. Теперь я благодарна и за 4 дня». Потом она рассказывает Толстому об общинниках, потом - опять о Душкине: «Да какая разница с Душкиным, у которого вся жизнь – одна неустанная внутренняя работа. Он, милый человек, сейчас же принялся помогать нам... так как у нас текли сени, кладовка, он и отодрал всю дрань». Кроме того он им выписал на полгода «Книжки недели» и обещал прислать еще.

Архив Ольги Алексеевны сгорел вместе с бумагами Марии Александровны в 1910 году. В одном из писем Душкин цитирует ее письмо, написанное за полтора месяца до смерти.⁴⁷⁰ Не могу не привести его:

«Добрый Леонид Евсеевич, из письма М.А. Вы узнаете, что много скверного пришлось нам пережить за это время. До сих пор не можем забыть наших животных, которые составляли радость нашей жизни. И никакой надежды нет завести хоть одну корову, прежде ресурс наш составляли в переписке, а теперь и его нет. Очень все это грустно. – Что Вы нам так давно не писали?.. Прощайте, дорогой Леонид Евсеевич, очень устала, была сегодня пешком в Сочи, т.е. сделала 8 верст. От всей души любящая Вас О. Баршева».

Обстоятельства были сильнее его и, даже получив такое письмо, Леонид Евсеевич не мог стронуться с места и только «смотришь издали по дороге от вокзала идет фаэтон и кажется то Вы, то О.А. и что-то упадет в сердце». Смерть Ольги Алексеевны особым образом потрясла его. Он понял, что «оставаться мне в той жизни, которой живу мне уже нельзя – я

гибну, я погиб – искупить свою вину чем можно искуплять грехи...».

После смерти Ольги Алексеевны перед Марией Александровной встал вопрос: как, с кем и где жить без нее? Одно время она предполагала побыть с духоборами, но набирались люди, которые готовы были работать вместе с ней в тех же краях, где она поселилась. Первый среди них был, конечно, Душкин. Она была бы рада, если возможно, жить вместе именно с Душкиным. Об этом ее письмо Толстому от 21 апреля 1893 года:

«Дорогой мой Лев Николаевич, послала Вам письмо Душкина, прочтите, и скажите, и помогите, что и как делать. Здесь, в 20 верстах от Марьи Федоровны, я хотела снять домик, сарай для скота, а земли бери, сколько хочешь, по три рубля за десятину. Да и земля-то какая, как раз по моим силам, чернозем с песком, так и рассыпается, как мак. Корову хорошую купить можно за 25 и 30 руб. Топливо - солома и кизяк, 5 руб., говорят, достаточно на весь год. Ну, словом, все хорошо - и по деньгам и около хороших людей, да вот беда: евреям ни в Кубанской, ни в Терской, ни в Донской области нельзя жить, всех выселили. А принять православие (Душкину) для этого, я в мыслях не могу допустить. Ведь, храни Бог, да ему тяжело покажется работать (он крайне больной человек), захочет испытать другое что, он тогда замучается, что сознательно пошел на компромисс. Я и не знаю, как была бы рада жить с ним, с Леонтьевым, - он тоже пишет и непременно хочет ко мне приехать, - а как сделать с Душкиным - не знаю. Писала я Леонтьеву, чтобы он узнал, можно ли евреям жить в окрестностях Полтавы, так как в Полтаве-то знаю, их не гонят; не хотелось бы мне очень перебираться в города, а пожалуй придется, уж лучше в городе жить, чем ему принимать православие. Нет, ничего не хочу придумывать, а буду ждать, что Вы скажите, Вам виднее, чем нам».

Подумать только: Мария Александровна готова жить в городе, в Полтаве, где евреем разрешено селиться – лишь бы быть с Леонидом Евсеевичем и лишь бы ему, ради того, чтобы быть с ней, не пришлось кривить душой. Впрочем, Душкин не был правоверным евреем и, будучи последователем Толстого, «верил во Христа». Принимая Православие, он изменял не религии предков, а толстовству.

Надо сказать еще и то, что к этому времени судьба Душкина в Баку совсем не по его вине сложилась крайне неудачно. Его прогнали с завода, где работал он и его брат, и ему пришлось идти работать в лавку. «Я хожу на службу: я один служащий у купца хозяина – и он зорко следит, чтобы не даром платить мне 50 рублей, - пишет он Марии Александровне. – Я веду у него книги, произвожу расчет, получаю и выдаю деньги – и каждый шаг мой он видит – и для того, чтобы угодить ему, я должен всего себя с разумом и мыслями, душой и чувствами служить ему и войти в его интересы – всё это до того отуманивает, что положительно не сознаешь себя...» Дома же «не хватает на хлеб, - хозяину, у которого служу, задолжал 90 рублей, а жить нечем, и дома в семье разлад – все страдают, и все винят друг друга, - и тут ненавидишь, и жалеешь».

Жизнь стала загонять его в тупик как раз в пору личного рождения. Неуместное и мучительное состояние. В первое время лично рожденный мужчина испытывает особой силы потребность прибиться к человеку одного с ним стиля одухотворенности, но находящегося в отношении его на более высокой ступени духовного развития. Черткову, Хилкову, Алехину, Бирюкову на этом подъеме Пути восхождения помог Лев Толстой, и они на всю или на значительную часть жизни прибились к нему. Леониду Евсеевичу Душкину в эту же пору жизни стала необходима Мария Александровна Шмидт, и он решил прибиться к ней, больной женщине на 20 лет старше его, чтобы жить с ней общей духовной и трудовой жизнью, помогая ей в ее немощах и черпая от нее душевные силы.

Его письмо к ней от 15 апреля 1893 года:

«Дорогая милая сестра, когда я прощался с Вами при отъезде из Сочи – я увидел луч Бога в Ваших глазах. Ничего подобного я никогда не видел, и этот момент с такой ясностью стоит передо мною – и запечатлелся в душе моей – я долго смотрел, как уходили от меня – и я чувствовал, что Вы всегда, где бы я ни был и чтобы ни делал – будете со мной. – Вот настало время – внутренний голос говорит мне иди служи и помогай ей и учись жить она спасет тебя. Я не знаю как, где и чем, но я решил, что буду жить с Вами и Вы поможете снять тяжести греха и спасете меня. – Во имя Бога умоляю Вас не оставляйте меня. – Я сегодня хотел поехать к Вам, но утром встал и решил написать Вам. – Никакие препятствия – ничто не может остановить меня, ибо я чувствую, что это настоящее дело. – От меня требуется чтобы я принял Православие – ну и пусть поп крестит меня – мне все равно теперь – это так не важно – перед тем, что я должен делать. Семья – нас 3 брата, две сестры и отец и мать. Я знаю они все взрослые и проживут без меня, без моей помощи. Мы жили я помогал и не помог им никому, но сам погиб – и мне остается еще возможность выпутаться, освободиться от оков и я хочу, хочу это во что бы то ни стало и только от Вас зависит. Вы пишете, что могли бы удержать аренду – но что 50 рублей в год трудно платить. Я могу приехать в Сочи со 100 рублями. Вы знаете, что плохой я работник по своим физическим силам, но мы все вместе с хохловскими могли бы работать, а если не хватило бы кой когда десять-двадцать рублей, брат всегда мне поможет – это одно. 2-ое - я мог бы поступить на службу, где-нибудь, в каком-либо городе на 25-30 рублей, а Вы бы взяли девочку сиротку на воспитание – и кругом людей везде всегда много Божьего дела есть. – 3-ее. Отдохните, поправьтесь и приезжайте в Баку и тут Вы можете устроиться, но мне кажется пока я при семье мне невозможно будет вырваться от той жизни которой живу – да эти два года опьяняющей работы я далеко пошел назад – не говоря уже о том

что по одежде я барином стал. Я с нового года вот уже 4 месяца ем мясо и со времени эпидемии пью перед обедом рюмку водки – и сплю после обеда и превратился в одного их тех многих людей которые всю жизнь проживают так, не подозревая что давно уже умерли – и я мертвый, – но Бог слил наши души и я просыпаюсь, оживаю. Помогите же мне милая сестра не оттолкните меня⁴⁷¹. Я верю и знаю что Вы поступите так как скажет Вам Бог, Которому Вы верите и Который всегда с Вами и руководит Вашими поступками – а я жду».

Пришло это письмо тогда, когда Мария Александровна еще не отослала Толстому своего последнего письма, которое мы выше цитировали, и она тотчас на маленьком листке делает к нему прямо-таки паническую приписку:

«Сейчас получила другое письмо от Душкина, в котором он пишет - что примет православие, бросит семью для того, чтобы помочь мне в трудовой жизни и служить мне в моей болезни, а я, как прочла, противлюсь этому всей душой, чувствую, что это соблазн на него нашел, и не могу понять, зачем сам по себе человек, без всякого внешнего давления, предпочитает одних людей в ущерб другим, не все ли равно любить, жалеть, служить, именно, тем, среди которых сам Бог меня поставил, и тем более, что я-то в настоящее время пользуюсь таким уходом, такой любовью и теплотой милых Кудрявцевых, что просто не по заслугам. Дорогой Лев Николаевич, помогите, как успокоить Душкина, научите меня, я не хочу, чтобы он ради меня семью бросал».

Душкин верил, что она поступит так, как ей скажет Бог. Она же решила поступить так, как скажет Лев Николаевич. А как он скажет, она знала заранее – отсюда скрытые цитаты из Толстого, которые мы подчеркнули в тексте. Кроме того, сам Лев Николаевич последние два года не переставал учить ее:

«Об этом предмете, о взаимной зависимости внешней формы и внутреннего содержания приходилось думать и говорить последнее время по случаю разных перемен в жизни

так называемых общинников. Форма жизни, я думаю, не всегда, но большей частью зависит от внутреннего содержания, так что из ста случаев в 99-й хорошая, правильная жизнь будет последствием хорошего, нравственного состояния. Так это у вас. Но никогда хорошее, нравственное состояние не зависит от внешних условий. И сколько ни ставь себя человек, нравственно стоящий низко, в условия жизни, которые выше его нравственного состояния, он от этого не станет выше, а скорее напротив. И наоборот, человек, ставший нравственно высоко, непременно образует вокруг себя формы жизни, соответственные его высоте. Я часто обманывал себя прежде, думал противное, думал, что если формы моей жизни безнравственны и я не могу изменить их, то это происходит от особенно несчастных случайностей, но теперь я знаю, что это происходит только оттого, что я по своим нравственным силам не готов, не имею права на лучшие условия. Думать обратное, сваливать на внешние условия есть страшно вредный самообман, парализующий силы, нужные для истинной жизни, т. е. для движения по пути истины и любви»(65.234).

Конечно, Толстой ответил так, как ждала Мария Александровна.

«Дорогая Мария Александровна. На письмо Душкина ответить надо, уговаривая не изменять своего положения, не ездить к Вам и, главное, не переходить в православие. Разве можно нам, смертным людям, делать дурные дела, как ложь притворного обращения, для того, чтобы вышло что-то хорошее, ведь он может умереть в минуту произнесения лжи, то есть совершения самого большого зла, какое только может сделать человек. Да и зачем ему переменять свое положение? Если ему живется хорошо там, то надо так и жить, а если ему тяжела эта жизнь, то там, на месте, надо изменять свое внутреннее отношение к ней. И, главное, не считать себя лучше, чем есть,⁴⁷² не обманывать самого себя».

Мария Александровна, не медля, переслала копию этого письма Душкину. И вопрос был решен. Через полтора месяца Мария Александровна была уже в Ясной Поляне. Все в доме Толстого любовно и восторженно встретили ее.

Мария Александровна передергивала, когда писала Толстому, что «я не хочу, чтобы он ради меня семью бросал». Бросать семью, в смысле жены и детей, Леонид Евсеевич не мог потому, что не был женат и, более того, жил девственником. Затем, он предлагал ей не один вариант, связанный с его религиозным компромиссом, а три, два из которых не нуждались в принятии им Православия. Еще раз отметим и то, что гонимый, как всякий еврей, Леонтий Душкин был не иудеем, а самым верным христианином в толстовском духе. Как и Лев Толстой он верил, что Христос открыл ему истину и указал, как жить. «Ложь притворного обращения» всегда совершенно искреннего по чувству Душкина «это так не важно – перед тем, что я должен делать» - так он сказал.

Всего день назад, когда Мария Александровна обдумывала свою будущую жизнь с Душкиным, она вовсе не боялась того, что он ради нее «бросит семью». Теперь она утрашилась, но, надо полагать, не этого, а чего-то другого. Письмо Леонтия откровенно схоже с брачным предложением, хотя и совсем иного рода. Мария Александровна не могла не испугаться смысла слов этого послания: «Бог слил наши души» и «Вы всегда, где бы я ни был и чтобы ни делал – будете со мной».

В духовной жизни куда больше событийной сложности и драматизма, чем принято думать. Бог сливал души Марии Александровны и Льва Николаевича. Он «всегда с ней», и его она просит «успокоить Душкина». Это что-то вроде неумышленного сговора. И Толстой - его участник. Мог или не мог Душкин стать выше сложившихся обстоятельств (что далеко не всегда удавалось и Толстому), но ведь он просил ее (а не Толстого) спасти его. «Во имя Бога умоляю Вас, не оставляйте меня». Так просит тот самый Леонтий Евсеевич, с

которым «через 5 минут чувствовали себя так близко, как один человек». А теперь: «это соблазн на него нашел». Что ж, святая Мария Александровна, отказывая ему в спасении жизни, избавляет его от соблазна? Нет. Если бы Душкин, подобно Хохлову или Леонтьеву, предлагал ей совместное общинное житие даже в ненавистных ей городских условиях, то она бы не возражала. Но он предлагал ей особого рода сторгическое двуединство, и она ужаснулась этому. Душкин встал поперек дороги ее жизни, и она смела его с нее.

Одно из самых продуктивных видов Сопутства – это Сопутство мощно восходящего на Пути молодого мужчины и духовно одноцентричной ему сопутевой женщины, которая значительно мудрее и старше его. В этом случае женщина сразу вступает в активную фазу женского Сопутства и имеет все основания полагать, что ее духовная и душевная опека молодого человека принесет такие плоды, которые вполне окупят ее и его пребывание на земле. К тому же она не долго, надо полагать, исполняла бы в Сопутстве с ним ведущую роль. Путевые потенции Душкина очень высоки. Вместе они могли вырасти до высоких ступеней Пути духовной жизни. Теперь же сопутевое единение с Марией Александровной для Душкина – суровая необходимость. Он понял, что не сможет духовно выжить без нее. Для таких людей, как Душкин, это значит - и физически.

Леонид Евсеевич оказался в отчаянном положении. Но Мария Александровна отвергла его еще и потому, что сторгия с ним для нее «чужая сторгия» особого рода, когда она должна была своим эденским существом вытягивать другое эденское существо. У Марии Александровны – у ее эденского существа – другое задание на земную жизнь, которое не имеет отношения к духовной и жизненной драматургии Леонтия Душкина. Мария Александровна действовала в видах возможного, ей неведомого, но величайшего будущего. В этой связи важно то, что и Толстой явно понимал, что делал, когда отвечал ей (вернее, через нее Душкину) то, что она желала срочно услышать от него.

Дальнейшая переписка Толстого и Душкина была посвящена убийству еврейской девушки, о котором мы поведали. В одном из писем Толстого (август 1894 года) сказано то, что хорошо бы Душкину услышать от него пораньше:

«Нельзя никогда быть всем тем, чем хочешь быть, потому что христианин хочет быть совершенным, как Отец, и потому всегда будет чувствовать себя ниже своего идеала. Дорого то, чтобы чувствовать свою слабость, несовершенство. И это меня радует в вас»(65.184).

В мае 1895 года Душкин навестил Льва Николаевича в Москве. "Приехал Душкин. Много говорил с ним"(53.28). Разговор был, видимо, принципиальным, нелегким, шел и о той позиции, которую Толстой занял в роковой для Душкина момент жизни, не поддержав его стремление жить в единстве с Марией Александровной.

Вот соответствующая запись в Дневнике Толстого:

«Одно:⁴⁷³ о том, что нельзя, раз вступив в известные практические отношения с людьми,⁴⁷⁴ вдруг пренебречь этими условиями во имя христианского отречения от жизни. Начал излагать эти мысли и не вышло. Верно одно то, что часто бывает, что человек вступит в жизненные мирские отношения, требующие только справедливости: не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, и, находя эти требования трудными, освобождается от них под предлогом (в который он иногда искренно верит), что он знает высшие требования христианские и хочет служить им.⁴⁷⁵ Женится и решит тогда, когда познает тяжесть семейной жизни, что надо оставить жену и детей и идти за Ним. Или собирает артель, чтобы кормиться земельным трудом, и, увидав трудность,⁴⁷⁶ бросит и уйдет. Не надо обманывать себя: думать, что стоишь нравственно выше того положения, в которое стал.⁴⁷⁷ Если бы стоял выше, то и положение было бы выше. И это не значит, что оставайся всегда в том положении, в котором находишься; напротив, постоянно

стремись выйти из него и стать выше. Но становись выше не отрицанием обязательств, а освобождением себя от них: 1) выполнением тех, которые взяты и 2) но вступлением в новые».

Даже и в таком урезанном виде мысль Толстого далеко не ясна и, главное, не пригодна для руководства реальной жизнью. И руководства своею жизнью, и в применении ее к жизни Душкина, и в общем плане. Мысль Толстого о «взаимной зависимости внешней формы и внутреннего содержания» имела значение лично для Толстого, оставшегося жить в Ясной Поляне. В разговоре с Душкиным Толстой, видимо, почувствовал упрек и что-то вроде вины перед ним – хотя бы за непродуманность той мысли, которая была поставлена в качестве решения судьбы его и Марии Александровны.

«Что-то это неясно, как будто искусственно; а между тем мне ничего не нужно, оправдывать я себя не хочу, да и не могу, и потому нет мотива кривить мысль; а между тем неясно и вместе с тем мне кажется что-то важно»(53.28).

Больше они не встречались и не переписывались. Через два года Душкин, как и можно было ожидать, умер, не дожив и до 35 лет.

10(82)

Софью Андреевну и Марию Александровну нельзя сравнивать, так как одна принадлежит к типу несопутных женщин, которых великое множество, а другая к чрезвычайно редко встречающемуся типу женщины, способной на эденскую сторгию, – носительнице женского эденского существа. По внутреннему миру они несопоставимы. Но по социальному положению, и по образованию, и по общей культуре Мария Александровна и Ольга Алексеевна никак не могли быть причислены к «темным», которых так не жаловала жена Толстого. Однако с первых дней появления подруг в своем доме Софья Андреевна, как рассказывала Мария Александровна Нино Накашидзе, «сразу же нас возненавидела». Софью Андреевну можно понять. Она пошла против мужа, стала противницей его духа и его духовной борьбы и тем самым в сторгическом смысле лишилась права быть его женой. Когда же в доме появились две женщины, ее ровесницы, но в отличие от нее духовно одноцентричные и преданные Льву Николаевичу, она возревновала. «И однажды так распалилась, что прогнала обеих». Не видя их в доме, Лев Николаевич через некоторое время заподозрил неладное. «Софья Андреевна вынуждена была признаться, что выставила нас за дверь, – продолжает Мария Александровна. - Толстой ужасно огорчился, разволновался — иди, говорит, сию же минуту и проси прощения. Однажды сидим мы дома и вдруг, как снег на голову, - к нам Софья Андреевна: «Пришла вот просить у вас прощения». «Что вы, Софья Андреевна, как это можно?» «Так приказал Лев Николаевич. Простите, Бога ради, и прошу вас бывать у нас по-прежнему», — сказала она. Мы, разумеется, в тот же вечер пошли к Толстым».

Мария Александровна, по-видимому, немало терпела от «несчастливого характера Сони», как говорил о жене Лев Николаевич. Вл.Ф. Булгаков был свидетелем такой сцены:

«В Ясной Поляне разыгрывались как раз тяжелые события семейной драмы Льва Николаевича в связи с составлением им тайного завещания и ссорой между Чертковым и Софией Андреевной. Марья Александровна старалась успокаивающе действовать на Софию Андреевну, но мало в этом успевала. А один раз она, хоть даже и не прямо, а косвенно, вмешалась в спор и борьбу на стороне Александры Львовны. И в результате попала под такое градобитие со стороны Софии Андреевны, что на нее и смотреть было жалко: «Голубушка, Софья Андреевна, простите меня! — повторяла она, плача: — Простите! больше не буду!» Плакала и складывала умоляюще руки...» Но после этой сцены Толстой по свидетельству Маковицкого «передал Марии Александровне извинения Софьи Андреевны перед ней и что она хотела сама приехать извиниться».

Ближние отношения с Софьей Андреевной стали устанавливаться у Марии Александровны уже через два года после знакомства. Вот концовки двух ее писем к Толстому. В 1887 году: «Милую Софию Андреевну крепко целую. Шмидт». Письмо от ноября 1892 года: «Крепко целую вас, пишите мне, мои дорогие, очень и очень вас люблю. М.Ш.».

После возвращения Марии Александровны с Кавказа, когда она, по словам Татьяны Львовны, «полетела к нам. Она знала, что в нашей семье она могла излить свое горе, выплакать свои слезы и отогреть свое одинокое сердце», ее отношения с Софьей Андреевной стали действительно теплыми.

Из письма Марии Александровны Марии Львовне летом 1893 года: «Дорогая Маша, писать не могу. Скажу одно, что мне очень и очень хорошо. Сейчас у вас в Ясной говорила долго и радостно, так хорошо с Софьей Андреевной». Из письма конца 1894 года Татьяне Львовне: «Как доехала мама? Поцелуйте ее за меня, на этот раз мне тяжело было с ней расставаться, жалко ее

очень». Из другого письма ей же в том же году видно, что Софья Андреевна подробно писала Марии Александровне о сугубо внутрисемейных делах – здоровье, переменах, планах своих и детей, жаловалась на них.

«Посылаем кирпичи, грудной чай и пластырь на грудь в случае простуды, – пишет ей Лев Николаевич в марте 1895 года. - Очень рад, что у *нас* хорошо. Софья Андреевна всё это посылает и вас целует, так же как и мы все»(68.52).

Мария Александровна Татьяне Львовне из Овсянникова в Ясную Поляну осенью 1898 года: «В каком настроении была моя голубушка С.А. и здесь ли она еще?» Летом 1899 года: «Бог знает как хочется повидаться с вами, мои дорогие друзья Лев Николаевич и Софья Андреевна... Крепко вас всех обнимаю, помню и мыслями с вами не расстаюсь ни на минуту». В ноябре 1900 года: «Крепко целую милочку Софью Андреевну, Сашу». В марте 1903 года Толстой сообщает своему другу: «С.А. мечтает о вашем приезде, и мы все очень радуемся, что скоро увидимся с вами». В сентябре 1904 года Татьяне Львовне: «Помню свадебный день папа и мама, пусть очень меня простят, приехать не могла, кончаю сажать. На днях прилечу в Ясную. Крепко всех целую. Ваша старушка».

Полтора десятилетия Софья Андреевна заботилась о Марии Александровне, как о ближайшем человеке. Когда Моод прислал ей деньги на бедных, то она прежде всего вспомнила о Марии Александровне. «Кто ж бедней Марии Александровны?» - говорила она. Софья Андреевна собственноручно шила ей платья (которые та называла «платьями для аристократических домов»), узнавала, в чем у нее нужда, и постоянно посылала ей лекарства, продукты, сама приезжала к ней, иногда и при жестоком морозе и в непогоду.

«...Вдруг в четвертом часу застучали катки, и подъехали мама, Саша... с чаем, медом и крупой, – рассказывает Мария Александровна «другу Танечке», Татьяне Львовне. - Я просто остолбенела от радости при виде милой Софии Андреевны, которая сама всё и перенесла ко мне в избу. От нее узнала о Вашей большой любви и заботе обо мне, чуть не заплакала от радости, что Вы, моя дорогая, помните обо мне. Спасибо, мне это большая радость, даже не по заслугам». Более того, Софья Андреевна постоянно сообщала ей о состоянии Льва Николаевича. «В Ясной с юбилея не была, но ежедневно

получаю ласковые утешительные вести, пока хорошо поправляется, но еще не ходит, а качается в кресле».

Вл.Ф. Булгаков сообщает:

«София Андреевна и дети Толстые, о которых всегда принято думать, что они ненавидели всех «темных», всех «толстовцев», искренне любили М. А. Шмидт и всегда радовались ее приездам в Ясную Поляну. На этот раз София Андреевна даже не ревновала: и она понимала, что чувства Марьи Александровны ко Льву Николаевичу настолько высоки и надмирны по своему содержанию и существу, что подходить к ним с мерилom личной ревности было бы просто смешно. И она окружала старушку всем возможным вниманием, как самая гостеприимная хозяйка.

...Когда однажды кто-то в шутку спросил у старушки Шмидт, «темная» ли она, то Марья Александровна, ничтоже сумняшеся, ответила:

— Я, батюшка, не только «темная», я—дрему-учая!..

И София Андреевна, не любившая «темных», склонилась перед «дремучей»».

Надо знать, что Мария Александровна всегда противостояла Софье Андреевне по центральному направлению последних десятилетий ее жизни. Софья Андреевна как могла настраивала своих детей против их отца, Мария Александровна же, напротив, стремилась привести их душу к Толстому и тем самым уводила детей из-под влияния матери. Она стала духовной матерью Марии Львовны, Александры Львовны, первой жены Андрея Львовича и первой жены Ильи Львовича. Татьяна Львовна писала, что образ старушки Шмидт (а не образ матери) поддерживал ее в самые трудные минуты жизни.⁴⁷⁸ У нее всегда были особые отношения и с Ильей Львовичем (в одном из писем 91-го года Толстой называет его «фаворитом» Марии Александровны),⁴⁷⁹ и Львом Львовичем,⁴⁸⁰ который одно время пытался следовать отцовскому примеру, и, как мы знаем, Андреем Львовичем.⁴⁸¹

«Маша (так как ее нет теперь и она не прочтет этого письма) большая для меня радость, – пишет Толстой о дочери 22 мая 1891 года Марии Александровне на Кавказ. - Я вижу, что она твердо стала на тот путь, на котором не может быть ничего дурного, а есть только одна радость всё большего и большего приближения к Богу. Что бы с ней ни случилось, как бы и чем бы она ни увлеклась (я нарочно допускаю эту возможность, в которой нет никакого вероятия), она не сойдет с того пути, который ведет к свету через все возможные испытания и искушения этой жизни. Она всегда недовольна собой, никогда не придумывает оправданий себе и своей жизни, а постоянно всё выше и выше ставит себе требования и, не замечая того, всё делается лучше и лучше».

В 16 лет Мария Львовна не была такой. И «стала на путь к свету» под прямым влиянием Марии Александровны.⁴⁸² Знал ли об этом Толстой? Возможно. Но Софья Андреевна не могла не знать. И при этом не выгнала ее из дома (что несомненно случилось бы, будь на месте Марии Александровны кто-то другой), а «склонилась» перед ней. Что за чудеса? Никакая высота и надмирность чувств супротивника никогда не останавливала Софью Андреевну. Тем более по такому вопросу.

Софья Андреевна была человеком сострадательным, но к определенного вида страданиям людей – телесным, житейским, семейным. Что такое духовные страдания, она в себе не знавала (и Толстой безуспешно пытался делиться ими с нею). Марии Александровне она сострадала в ее болезни, ее тяжелых трудах, в ее «баснословной» жизни, в ее всяческого рода несчастьях. Ее отношение к Марии Александровне не вытекало из понимания ею ее сущности или сущности ее отношения ко Льву Николаевичу. Любовь Софьи Андреевны к Марии Александровне основывалась не на духовной близости последней к Льву Николаевичу, а исключительно на ее любви и искреннейшем сострадании к ней самой.

Любить в эденской сторгии (вспомним тетушку Ергольскую) значит любить не только того, с кем непосредственно установлена сторгическая связь, но и весь его мир, все то, что он любит и кто ему близок, и любить так, как его самого. В этом один из секретов эденской сторгии. Мария Александровна любила ВСЕГО Толстого: и его самого, любила как Льва Николаевича и всю его семью, в том числе не в последнюю очередь любила «свою голубушку Софью Андреевну» как «своего дорогого Льва Николаевича».

Кому неизвестно, как тиран Толстой угнетал свою жену. Об этом читатели знают исключительно по писаниям самой Софьи Андреевны и верят притворщице. У очевидцев семейной драмы Толстого она, как жена, не вызывала особого сочувствия.⁴⁸³ Скорее, наоборот. Из всех людей, кому был дорог Лев Николаевич, только одна Мария Александровна искренне жалела Софью Андреевну и душой болела за нее.⁴⁸⁴ «Только старушка Шмидт считала мать больной, несчастной и искренне, без всякого усилия, жалела ее, – писала Александра Львовна. - Старушка морально поддерживала отца, она считала, что ему послано испытание, что он несет его с христианским смирением и что так и нужно».⁴⁸⁵

Мария Александровна чувствовала, что Софья Андреевна в каком-то смысле жертва, что она не виновата в том, что оказалась в несвойственной себе сторгической позиции жизни, и, значит, не виновна в том, что происходит с ней. Сверхчеловеческим чутьем Мария Александровна угадывала, что виной всему несчастный случай, который свел Льва Николаевича и Софью Андреевну в сторгические отношения; и с этим давно ничего не поделаешь. Но и чужую супружескую сторгию, полагала она, Льву Николаевичу послал Бог, и потому он не должен сметь разрушать ее.

Летом последнего года жизни Толстого она писала Татьяне Львовне, что ей «до смерти жаль папа и мама». Мы уже упоминали, что 28 октября 1910 года она, предчувствуя

неладное, рано утром примчалась в Ясную Поляну и, увидев состояние Софьи Андреевны, осталась с ней и вплоть до ее отъезда в Астапово была около нее неразлучно. Казалось бы, Мария Александровна должна была возненавидеть Софью Андреевну как виновницу смерти Толстого. Однако сразу после похорон она пошла к Софье Андреевне. В этот час она видела свое место рядом с ней. В письме от 19 октября 1910 года она говорит: «Я очень просила прощения у милой С.А., которую люблю всем сердцем именно такую, какая она есть,⁴⁸⁶ и она добро со мной простилась».

По воспоминаниям Маковицкого, Толстой, подведя кого-то к Марии Александровне, представил ее так:

- Самый близкий нам человек.

Мария Александровна – самый близкий «нам», совершенно «своей» и родной человек в моей семье. Так хотелось Льву Николаевичу. Но так, несмотря на всеобщее уважение, любовь и почет к ней, не было.

«И так странным казалось, - пишет В.Ф. Булгаков, - что именно эта тихая, скромная, малоговорливая женщина, горячо любившая Толстого и слившая с его могучей и глубокой душой весь свой духовный мир, отдавшая ему в безраздельное владение свое «я» и пользовавшаяся его безграничным уважением и любовью, считалась посторонней ему и гостьей в его доме».

То, что Марья Александровна считалась гостей в доме Толстого, для внимательного наблюдателя выглядело противоестественно потому, что у Льва Толстого не было человека духовно ближе и по душе роднее Марьи Александровны. Я думаю даже, что Мария Александровна была больше чем член семьи Толстого; она была её амулетом, ее хранителем и ее драгоценностью.

Толстой умер, и семья его стала разрушаться. Слово Горбуновой-Посадовой:

«Шли тяжелые отношения Софьи Андреевны с Александрой Львовной и Чертковыми, шли хлопоты по

введению Александры Львовны в наследство, хлопоты по налаживанию издания сочинений Л. Н-ча, по выкупу у Софьи Андреевны и у ее сыновей яснополянской земли и передаче ее крестьянам. Было так хлопотно, так суетливо и шумно, так далеко от душевного склада Марии Александровны, что она очень страдала». Семья Льва Николаевича разрушалась на ее глазах, и Мария Александровна очень страдала от этого.⁴⁸⁷

«Чувствовала себя Мария Александровна очень плохо, - продолжает Горбунова-Посадова, - но, чтобы не быть никому в тягость, чтобы не беспокоить никого состоянием своего здоровья, она каждое утро вставала, оправляла свою постель, брела, едва переставляя ноги, к столу и сидела там то с Кругом Чтения, то разбирая неизданные писания Льва Николаевича, то с каким-нибудь шитьем или перепиской».

«Никого Мария Александровна никогда не осуждала, а на зло только ужасалась и ахала, - вспоминает А.Б. Гольденвейзер. – Ее все любили; Софья Андреевна относилась к ней заботливо, любовно. Милая, чудесная Мария Александровна! Нет у меня таких слов, какими я хотел бы рассказать о ней!»⁴⁸⁸

Вот и у меня не оказалось их. Что ж, поступлю иначе.

11(83)

Быть может, мы сможем лучше понять Марию Александровну, если сопоставим ее с женщиной той же высоты духовной жизни. Есть кое-что общее между Марией Александровной и матерью Терезой. Агнес Гонджа Бояджиу - католичка-албанка⁴⁸⁹ (необычное сочетание), Мария Александровна – полунемка-православная. И та, и другая выросли в благополучных семьях под определяющим духовным влиянием матерей – ревностно верующих женщин. Примерно в

одном и том же возрасте та и другая потеряли отцов. С 18 лет они начали учительствовать и занимались этим делом два десятилетия, из которых 15 лет растили девочек и девушек из обеспеченных семей. И та и другая были незаурядными воспитательницами. И та, и другая в 40 лет резко изменили жизнь. Мать Тереза уходит из монастыря и создает новый орден сестер милосердия. Мария Александровна бросает службу для того, чтобы жить, как учит Толстой. У матери Терезы, как и у Марии Александровны, подозревали туберкулез. В середине пятого десятилетия жизни Мария Александровна ведет «баснословную» жизнь на Кавказе, а мать Тереза развивает поразительно активную деятельность: организует общественное движение под девизом «Прикоснись своей добротой к прокаженному», создает приют для брошенных детей, мастерскую для безработных, дом для престарелых, дом для умственно неполноценных.

И та и другая сумели своей жизнью молвить о любви к ближнему. Но по-разному. Любовь Марии Александровны точечна и сторгична. Любовь матери Терезы всечеловечна и агапична.

Толстой говорил, что духовно Мария Александровна столь высока, что уже не ценишь ее, не замечаешь ее высоты, принимаешь как нечто само собой разумеющееся - так, словно иначе и быть не может. Чего не скажешь о матери Терезе. Ее духовная высота бросается в глаза всем, очевидна для всякого и подтверждена многочисленными наградами, в том числе и Нобелевской премией мира. Деятельность матери Терезы это в высшей степени впечатляющая деятельность. Объекты ее – нищие из нищих, самые нищие, самые несчастные, несчастные из несчастных: старики умирающие (непременно одинокие,⁴⁹⁰ валяющиеся на улице и разъедаемые червями - нечто невиданное в европейском мире), прокаженные, младенцы, которых выбрасывают на помойку, больные СПИДом и даже приговоренные к смерти преступники. Добро матери Терезы –

впечатляющее добро.⁴⁹¹ И потому, что впечатление от добра достигалось специальной выборочностью объектов добра, и потому, что такова вообще метода миссионерской католической деятельности на протяжении столетий. Чада Римской Церкви сознательно творят подвиг ради Христа, и подвиг милосердия в том числе. И будущая мать Тереза предпочла Индию потому, что это одна из стран, наиболее пригодных для подвигов такого типа.

Марии Александровне подвиги совершенно чужды; ее благодеяния и подвигами не назовешь, настолько они для нее будничны и незаметны для окружающих. Нужен незаурядный человек, чтобы по достоинству оценить ее. Ее соседи в деревне Овсянниково (исключая, конечно, людей толстовского круга) и не догадывались, что они живут бок о бок с женщиной наивысшей святости, с неземным существом, с ангелом, которого не разглядишь человеческим глазом.⁴⁹² Дачники, которым она продавала молоко, говорили ей «ты», грубили ей. Трудно представить Марию Александровну, уехавшую из России в страну Индию вершить добро. Конечно, она всегда готова была самоотверженно помогать всякому, кто ей встречался и кому требовалась ее поддержка. Но сама не искала нуждающихся в ней и не устанавливала критерии их выбора. Труды жизни Марии Александровны – на грани невозможного, но они не способны производить впечатление в обществе. Причина не только в ее скромности, а в задачах ее жизни.

Подвигами своей жизни мать Тереза славилась Иисуса Христа. Некоторые из людей оказались в самом тяжелом положении и, главное, без помощи. Но в каждом живет Христос и прийти к ним на помощь – помочь Христу, который в них страдает без помощи. Средствами добра к самым несчастным людям мать Тереза стремилась угодить, помочь и войти в духовное соприкосновение с Богочеловеком.

"Иисус - мой Бог, мой Супруг, моя жизнь, моя единственная любовь. Иисуса люблю я всем своим сердцем, всем

своим существом. Я все ему отдала, даже свои грехи, и он перемолол их во мне в нежность и любовь. Я - супруга распятого супруга".⁴⁹³

Это ее слова. Однажды мать Терезу спросили: «Вы замужем?» И она ответила: «Да. И иногда мне бывает трудно с Христом. Временами Он так требователен ко мне». Болея, она не принимала обезболивающих потому, что боль есть жертва Христу, и внушала умирающим, что они разделяют муки Христа. Она отказывалась от регулярных пожертвований, дабы полагаться не на людей, а только на Него.

Я думаю, что мать Тереза, с ее полускрытой сторгией с Христом, еще вне сторгической Встречи.⁴⁹⁴ В человеке, которому она помогала, она искала Господа, Бога-Сына, не видела в этом человеке «свое другое Я», не чувствовала потребность сторгии с ним и не стремилась к ней. "Господи, помоги мне почесть благо ближнего превыше моего собственного, – молилась она. - Да буду я трудиться понять его, а не искать у него понимания, да буду я трудиться любить его, а не искать у него любви". Ее агапическое добро не самопроизвольно, а конфессионально. Без вероисповедальной подпорки она не смогла бы ни делать, ни чувствовать. Ее многочисленные подвиги не рассчитаны на рост личной духовной жизни. «Покой» и «радость» – любимые ее слова. Ибо только сильные, радостные, спокойные готовы к ежедневным сражениям за любовь без сторгии.

Главное для матери Терезы - это дать почувствовать самому несчастному, что он не один, что он любимый – что он любим Божественной любовью и через нее любим Христом. Ее религиозное чувство настояно на стремлении к соединению с Христом-Богом в любви к Нему и в такой же, как у Него, любви к людям. Ее чувство жизни – всечеловечно. Ее любовь агапична. Агапическое чувство жизни повседневно выражается чувством жалости, и христианский культ жалости, как мы уже говорили (см. гл. 2 ч. 1), к убогим, нищим и немощным вызван тем, что через них легче и свободнее самоистекание потока собственно

агапических переживаний. "Мы не социальные работники, мы не бригады скорой помощи, мы из ордена любви Христовой", – возвещала мать Тереза.

По агапическим переживаниям, всегда связанными с всеобщедуховностью (по Толстому - с Сыном человеческим), мать Тереза близка Толстому. Но агапия Толстого сначала исходила от Сара Власти, которого он носил в личнодуховной стороне своей высшей души, а затем из обретенного им на вершинах вселенской духовной жизни агапического сознания жизни.⁴⁹⁵

Агапия матери Терезы вероисповедальна и основана на устремленности всеобщедуховной (в данном случае - всеобщедуховной) стороны ее высшей души. Она – исключительно всеобщедуховная женщина.

Многократно во-душевляющееся бессмертное сторгическое существо в некоторых своих навигациях должно проходить стадию (стадии) всеобщедуховного развития, где оно не участвует в личной духовной жизни, а обогащается в поле всеобщедуховной жизненности. Эта стадия развития, как выше было сказано, особенно важна для сторгического существа, готового в следующих во-душевлениях участвовать в Сопутстве Сара. Сторгическое существо для этого прежде основательно подготавливает вся семья Саров, в которую с его помощью может войти новый Сар. Это огромная, хотя и предварительная, работа женской высшей души. Мать Тереза – высочайший образец того, на что способно сторгическое существо в всеобщедуховном развитии. В мистическом смысле мать Тереза не сама по себе. Основатель Христианства для нее тот Мужчина, та мужская высшая душа, от которой она приняла в себя семя сторгического существа и призвала себя растить его во всеобщедуховном жизненности и действии. Более чем вероятно, что это семя Богочеловеческого сторгического существа в ней сможет, если это потребуется, в одном из будущих во-душевлений войти в Сопутство Сара.

От женщины в Сопутстве Сара требуется так много, что мы, говоря выше о высшей душе ее, что-то существенное недопонимали в ней. Мать Тереза, будучи подготовителем Сопутства Сара, вместе с тем есть, несомненно, носитель женского эденского существа. Получается, что женское эденское существо в особых случаях выходит в человека, чтобы освоить все-общедуховную сторону земного существования и помочь заложить фундамент для Сопутства Сара. Без эденского существа в себе мать Тереза не смогла бы делать то, что она делала.

Эденское существо в высшей душе матери Терезы сообщило ей пафос самопожертвования (ради других) и самопреодоления (для жертвы другим), но не самоотречение в толстовском смысле слова.⁴⁹⁶ Толстой в высшей степени сочувственно отнесся бы к тому, как думала и, особенно, что делала мать Тереза. Но усмотрел бы в ее мыслях и делах не совсем тот смысл, который вкладывала она.⁴⁹⁷

У Марии Александровны другая стезя духовной жизни, нежели у матери Терезы. Агапическая струя жизни постольку близка Марии Александровне, поскольку она не заслоняет сторгическую взаиможизнь. Главное для нее – ее личная духовная жизнь, в которой сторгия – основа отношений с людьми.

Мать Тереза хотела и жила среди людей, не имея минуты для личной духовной жизни, хотя зачем-то защитила две диссертации на степень магистра Богословия и на степень доктора теологии (в Кембриджском университете). Мария Александровна хотела уединения «Божественного» Овсянникова, в глухой деревне, где она в тишине была наедине с собой для трудов личной духовной жизни. Она поставила себя не на служение несчастным, а на возвращение, хранение и охранение личной духовной жизни в себе и других. При всей своей самоотверженности Мария Александровна и не думала посвящать себя другим людям. Она посвятила себя себе,

эденскому существу в себе, выполнению требований своей высшей души, для которой необходимо не только самоуглубление и сострадание, но и сторгическое взаимодействие со всеми встречаемыми людьми. Мария Александровна – человек сторгической Встречи. Как только она сходилась с человеком, то неизменно между ним и ею возникали сторгические движения. Ее душа была раскрыта на все стороны множеством сторгических каналов, и, казалось, нет им числа. Мария Александровна обладала гигантской ударной силой, вводящей ее душу в зацепление с высшей душой другого человека; как никто другой, она умела вытягивать на себя «другое Я». Несчастный (далеко недостаточно несчастный для матери Терезы) Душкин хорошо прочувствовал это.

И мать Тереза, и Мария Александровна несли в себе женское эденское существо. Но в первой оно исключительно обращено к все-общедуховному Началу, проявляющему себя в агапической любви. Другая несла женское эденское существо, которое побуждало ее во все стороны пускать нити любви, но не агапической, а сторгической. Главное же небесно-земное свойство женского эденского существа Марии Александровны – это стремление к эденской сторгии с мужским эденским существом. Для духовного общения «старушке Шмидт» нужен был только «дорогой Лев Николаевич». Она прибыла в нашу Обитель не для Сопутства Сара, а для эденской сторгии с Львом Толстым.

Выход в навигацию эденского существа состоялся тогда, когда человек сначала прошел путевое душевное рождение (то есть тогда, когда вскрылось для работы личнодуховная сторона его высшей души), а потом рождение личностное, при котором эденское существо обнаруживает себя в личнодуховной стороне человека и организует структуру его внутреннего мира вокруг себя. После личностного рождения мужчина на Пути восхождения одолевает крутой подъем Пробуждения (при котором эденское существо входит в наш Мир - у него впервые

раскрываются глаза на человеческую жизнь и жизнь вообще), а затем и рождение духовное, когда эденское существо завладевает человеческим «Я» и становится духовным Я.

Но может быть и так, что эденское существо после личностного рождения переключается на другую сторону высшей души и далее восходит в общедуховной или всеобщедуховной жизни. Для мужчины это означает срыв Пути восхождения личной духовной жизни. Для женщины (женского эденского существа) – это вполне законное продолжение духовного развития. Женское эденское существо растет и все более и более прозревает на свою Общую душу или всеобщедуховное бытие как таковое. Мать Тереза после личностного рождения поднялась в своем всеобщем духовном развитии так высоко, как немногие до нее. Мать Тереза стояла на вершине женской общедуховной жизни. Мария Александровна Шмидт – на вершине личной духовной жизни.

12(84)

Крылья птицы у Толстого - это всегда символическое представление высшего духовного существа в человеке, то есть, пользуясь нашими понятиями, его эденского существа. «Люди без крыл» - это люди без эденского существа. Так будем понимать и во всех отношениях замечательную запись Толстого от 28 октября 1879 года.

«Есть люди мира, тяжелые, без крыл. Они внизу возятся. Есть из них сильные – Наполеоны – пробивают страшные следы между людьми, делают сумятицы в людях, но все по земле. Есть люди, равномерно отрачивающие себе крылья и медленно поднимающиеся и взлетающие. Монахи. Есть легкие люди, воскрыленные, поднимающиеся слегка от тесноты и опять спускающиеся – хорошие идеалисты. Есть с большими сильными крыльями, для похоти спускающиеся в толпу и

ломающие крылья. Таков я. Потом бьется со сломанным крылом, вспорхнет сильно и упадет. Заживут крылья – воспарит высоко. Помоги Бог. Есть с небесными крыльями, нарочно, из любви к людям спускающиеся на землю (сложив крылья), и учат людей летать. И когда не нужно больше – улетит. Христос»(48.195).

Так Лев Николаевич в начале подъема духовного рождения, во второй критической точке Пути (там, где решается, быть ли духовному рождению) задавал себе программу Пути. В дальнейшей его жизни оказалось, что можно и небесные крылья отращивать, и воспарить высоко, и спускаться на землю, не складывая крылья, и учить людей; и - улететь. Только вот люди – не тогда и не потом - не хотят слышать и слушать. Впрочем, для Эдена не так важно (или совсем неважно), что происходит с тобой и другими на Земле и какой ты сам по себе и для них при жизни, важно, каков ты, возвращаясь обратно в Эден, уходя из жизни.

Главные события жизни таких людей, как Лев Толстой, не так определенно зависят от случая, как у остальных людей. В их метафизическую биографию свыше включена установка, которая делает ее целостной и в основных путевых движениях не допускает случайных срывов. Любой срыв на Пути жизни таких людей – катастрофа, а не случайность.

Эденское существо в высшей душе Толстого это чрезвычайно могучее эденское существо, способное выполнять предельные задачи на Пути восхождения. Такие задачи ставятся только перед духовным Я, то есть перед эденским существом после духовного рождения человека. Создание нового выделенного центра Общей души – нового Сара Власти, Сара Совести – первая на очереди путевая задача Толстого. И Толстой в 50 лет принял к исполнению задачу зарождения Сара Совести, а не задачу достижения вершин одиночного Пути восхождения. То, что произошло в начале 80-х годов в метафизической биографии Льва Толстого – невозможность

перейти в Общую душу в качестве Сара Совести, – большая неудача для русской Общей души и всего человечества, но не для Эдена. Эденское существо Толстого не должно и не могло «пропасть». Прохождение через ступень Сара есть один из моментов Путепрохождения эденского существа Толстого в земной жизни. Когда Общая душа по тем или иным причинам не смогла перехватить эденское существо Толстого на его Пути, то ему определено новое задание.

Верховное общедуховное дело зарождения Сара Совести не состоялось, эденское существо не укоренилось в нашем Мире, и ему осталось одно: возвращаться в Мир Эдена. Но – в каком качестве?

Поначалу эденское существо Толстого взяло курс к вершине личной духовной жизни человека. Однако достичь ее без Сопутства практически невозможно. Так что к 70 годам Земля отпустила Льва Толстого; на ней в мистическом смысле ему уже нечего было делать. Он устремился в выси вселенской духовной жизни - «другой жизни, вечной, Божеской, которой мы можем быть участниками, и такой, живя которой нет зла, нет горя»(87.323). Вполне может быть, что вселенская духовная жизнь Птицы Небесной и есть нормативная вершина одиного Пути восхождения. Но не эта – или не только эта – задача достижения состояния Птицы Небесной была поставлена перед сверхмогучим эденским существом Толстого. Ему предстояло вступить в сторгию с другой Птицей Небесной и возвратиться в Эден, завершив в сторгии Птиц Небесных полукруг земной жизни.

Встреча Марии Александровны Шмидт и Льва Николаевича Толстого – это эденская Встреча, встреча двух эденских существ на Земле, на иной для них территории жизни. Эденская встреча, в отличие от всех иных встреч, неизбежно ведет к эденской любви. Эденская любовь, раз произошла эденская встреча, не может не состояться.⁴⁹⁸ Нужно только дожить до нее и нажать ее.

Эденская сторгия не предусмотрена земной жизнью и невозможна по случаю, вгоняющему в сторгию любого другого вида.

Эденская сторгия начинается с неслучайности встречи и совместной духовной судьбы двух «внутренних душ». Зачин эденской сторгии в женской душе - одно из поразительных явлений личной духовной жизни. Чтобы войти в эденскую сторгию, женщине не обязательно прожить с мужчиной годы жизни. Для нее достаточно одной встречи, единожды воспринятого "своего" образа мужской одухотворенности. Конечно, если женская душа и ее эденское существо готовы к этой встрече и этому восприятию. Находящаяся в состоянии эденской сторгии женщина изумляет искренностью и вся светится неземной духовной силой. В ее сторгической любви к мужчине нет ничего наносного, мнимого, нарочитого, страстного. Она в ней и выше себя и, вместе, равна самой себе.

Женщине для эденской Встречи и эденской сторгии необходим мужчина, прошедший духовное рождение. Эденская Встреча и есть женское духовное рождение, при котором женское эденское существо обретает «Я» и становится духовным Я. Это отчетливо видно в том, что происходило с Марией Александровной в течение 1884 и 1885 годов.

Если рождающееся в Сопутстве сторгическое существо правится эденским существом мужчины, то в эденской сторгии работают два свитых вместе эденских существа. Их свитость и становится возможной потому, что изначально в высшей душе мужчины поселяется мужское эденское существо, способное совершать восхождение Пути, а в высшей душе женщины – женское эденское существо. Женское эденское существо выходит в навигацию земной жизни целенаправленно - на встречу с определенным мужским эденским существом. Эденская Встреча предуготовлена там, в Мире Эдена, и осуществляется здесь, в земном Мире. Сокровенная тайна рождаемого мужчиной и

женщиной в эденской сторгии глубока и сокрыта. Эденская сторгия – дело Девятого Дня Творения и потому нерушима.

Сторгическая свитость мужской эденской души и женской эденской души иное и куда более высокое образование, чем Сопутство или своя сторгия. В эденской сторгии обретается, и уже на первых порах, двуединство эденских существ, а не новое сторгическое существо, которое возникает в результате взаимодействия высших душ. Женское эденское существо, внедряясь в высшую душу женщины, делает ее неспособной на чужую и даже на свою сторгию. Так что сторгическое существо в сторгии Льва Николаевича и Марии Александровны не могло возникнуть. Как это и ни жалко, они после себя не оставили его на Земле.

Полученное после неудачи с Саром Совести высшее предназначение Толстой мог исполнить только вкупе с предназначением эденского существа Марии Александровны. Мария Александровна ждала эденскую сторгию только с тем, с кем она должна состояться. И Душкина она отвергла потому, что это не ее эденская сторгия. Еще раз: Мария Александровна жила в видах неведомого ей будущего, возможного, но величайшего.

В некотором особом смысле Мария Александровна – центральная фигура метафизической биографии Толстого и, значит, всей его жизни.

После 1884 года Толстой идет (с жерновами на шее) по одиночному Пути восхождения. Мария Александровна уже появилась в его жизни, эденская Встреча произошла, но и для эденской сторгии необходимо время. Процесс осуществления эденской сторгии для женщины есть то же самое, что прохождение мужчиной духовного пути после его духовного рождения. Я думаю, что эденская сторгия Льва Николаевича и Марии Александровны заработала только в конце 90-х годов, после сторгической катастрофы и второго Пробуждения Толстого.⁴⁹⁹ Именно в это время Мария Александровна заметно

выдвинулась вровень с ним (иногда даже руководила им, но прежде всего хранила, утешала, предостерегала его) и превратилась из друга-соратника в сопутника по эденской сторгии.

Сопутство имеет один центр – в эденском существе мужчины. Эденская сторгия – всегда двухцентровая. Она и образуется тогда, когда в сторгии начинают работать два центра - в мужском и женском эденских существах. Этот таинственный момент в жизни Льва Николаевича и Марии Александровны определить трудно, но я думаю, что произошло это перед болезнью Толстого, в 1901 году. И затем, где-то в середине 900-х годов с Марией Александровной произошел тот же духовной переворот, что и с Толстым. Вслед за Толстым (или вместе с Толстым) она вышла из земного существования и стала Птицей Небесной женского рода.

После эденской Встречи, после женского духовного рождения эденское существо Марии Александровны обрело «Я». Но не для того, чтобы вынести его с собой в Эден, а для того, чтобы в кульминации эденской сторгии создать сторгию Птиц Небесных, в которой двуединство мужской Птицы Небесной и женской Птицы Небесной⁵⁰⁰ включаются в сторгию с Богом.

Высшая стадия женского Путевосхождения наступает тогда, когда эденская сторгия возвышается до сторгии Птиц Небесных. Это одновременно есть и абсолютная вершина всей личной духовной жизни мужчины и женщины, апогей восхождения Пути жизни мужчины и женщины, вместе мужского и женского эденских существ. Не тут ли вершинное таинство, предусмотренное Замыслом на человека?..

Метафизическая биография Толстого вплоть до последних лет его жизни представляется не совсем успешной. Смысл и результат ее обнаружился в самом конце, в сторгии Птиц Небесных. Вот, после стольких неудач, полная победа в жизнепрохождении его.

В духовной мощи Льва Толстого и всем его облике есть нечто, что выделяет его среди людей. Он не отстраивает имеющееся, как мы все, а строит новое. Он тот, кто открывает новый этап в разных сферах Сущестующего: в художественном творчестве, во все-общедуховной жизни на Земле, в Мире Эдена и, быть может, в метаэденском существовании.

Гений Толстого открыл для творческой воли человека новое рабочее пространство. Попытка включения нового Сара Власти, Сара Совести безусловно предполагает новую стадию строительства все-общедуховной жизни человечества. Возникновение эденской сторгии на Земле – всегда событие для Эдена. Через нее в нем образуется новый узел жизни, необходимый для развития Эдена или одного из его Домов. Но что несет в ближайший к нам духовный Мир высочайшая сторгия, сторгия Птиц Небесных? Новый этап строительства Эдена – новое «более обширное существо» в нем, новый Эденский Дом? Или, еще выше - новую фазу развития Эденского Дома в направлении к метаэденскому существованию? Успели ли эденская сторгия Марии Александровны и Льва Николаевича стать такой или другой? Нам, не живущим в Эдене, не дано знать об этом.

Но если в сторгии Птиц Небесных и в самом деле начинается новый Эденский Дом, если в сторгии Птиц Небесных Толстой стал родоначальником нового Эденского Дома, если в Эдене появился новый Дом – «Дом Толстого», то, значит, отсюда в наше существование уже готова течь река «толстовских» эденских существ, все более осваивая всеобщедуховное поле человеческой жизни и подчиняя его себе. Так ли это? Об этом мы узнаем, если XXI век действительно станет веком Льва Толстого.

¹ Н.Н.Страхов "Толки о Толстом". "Вопросы философии и психологии" кн. 9, 1891г., с. 101

² Мысль о двух душах в человеке возникла у Толстого еще в середине 50-х годов (см. 47.39).

³ Арабскими цифрами обозначается часть романа, римскими - глава.

⁴ Ведь животная личность есть то же духовное существо, включающее оболочку плоти, с помощью которой оно способно сообщаться с Миром.

⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное) в 90 томах М. 1928-1958. В тексте здесь и далее указаны том и страницы.

⁶ См. об этом книгу Б.И. Бермана "Сокровенный Толстой", М. 1993 г.

⁷ Сцена эта в почти законченном виде существовала в самых ранних редакциях, когда героев звали Михаил Михайлович и Татьяна.

⁸ Цитирую по В.А. Жданов "Творческая история "Анны Карениной", М. 1957 г. с. 60.

⁹ "Переписка Л.Н.Толстого и Н.Н. Страхова", СПб, 1914 с. 138.

¹⁰ Для этой цели в «О жизни» Лев Толстой использовал понятие «желание блага».

¹¹ Так утверждал Вл. С. Соловьев.

¹² Разум высшей души напрашивается назвать разумом-мудростью, **мудростью**, в отличие от интеллекта, ума и от разума-хитрости, которым человек пользуется в ежедневной практической борьбе жизни (борьбе животных личностей, как сказал бы Лев Николаевич).

¹³ Агапы, строго говоря, это братские трапезы у христиан первых веков. В древнегреческом языке слово агапия означало и высоко ставить, и быть довольным, и воздавать почести. Это и то слово, которое на русский переводится словом "любовь" во фразах о любви к Богу и ближнему. В узком смысле агапическая любовь часто применяется в христианской мысли в качестве обозначения высших проявлений христианской любви, в частности любви к врагу.

¹⁴ Ср. с описанием детского состояния в «Записках сумасшедшего».

¹⁵ Например, слова: "А о воскресении мертвых, не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых. Ибо у Него все живы" (Мф.22;31-32, Лк.20;38) Толстой переводит: "О мертвых же, что они пробуждаются, разве не читали слово Бога к вам? Он сказал: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова. Бог не есть Бог мертвых, а Бог живых. Потому что Ему все живы"(24.612-13).

¹⁶ То же происходит и с некоторыми другими героями Толстого.

¹⁷ Чувство жалости важно для Толстого еще потому, что действие жалости указывает, что Бог-любовь один в каждом человеке. «Со мной бывает, что когда я люблю кого-нибудь – так это было недавно с мальчиком Колей – я не то что вижу, а чувствую его улыбку и чувствую себя им. Это особенно часто бывает, когда жалеешь. Это подтверждает то, что Бог один в нас во всех, и он есть любовь»(56.24).

¹⁸ Не от самой животной личности, конечно, а от ее блага. Отречься от самой животной личности, как специально и множество раз разъяснял Толстой, нельзя, невозможно. И не нужно.

¹⁹ Профессиональные знатоки философской литературы указывают, что не Толстой первым высказал эту мысль. Добавим, что никто так весомо не высказывал ее, как Толстой.

²⁰ Какая – "такая"? Надо полагать, что тут имеется в виду и общее благоволение и основанная на нем "истинная любовь" к отдельным людям, "своим и чужим".

²¹ см. И.Б.Мардов «Общая душа» М.1993 г. Ниже мы еще коснемся этой темы.

²² "Читал Евангелие, чего давно не делал, – записал Толстой еще в 1857 году - После Илиады. Как мог Гомер не знать, что добро – любовь! Откровение. Нет лучшего объяснения"(47.154).

²³ Слова: "Отче Святыи! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы" и "да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую ты дал Мне, Я дал им; да будут едино, как Мы едино" (Ин.17;11, 21,22) можно воспринять в качестве абсолютно сверхъестественного обещания возвести апостолов и верующих в состав Всевышнего, сделать людей "в Нас едино". Тут, разумеется, не сторгическая свитость человеческих "Я" и даже не мистическое метасторгическое единение высших субъектов духовной жизни, а род ипостасного единения, о котором земному человеку в применении к себе вроде бы нельзя и помыслить.

²⁴ Что, кстати, определенно схоже с толстовскими агапическими ближними по Сыну человеческому на одном поприще его духовной жизни и ближними через Бога на другом поприще его жизни.

²⁵ Поэтому у Толстого не шесть, а пять заповедей Нагорной проповеди.

²⁶ «В чем моя вера?», гл. 6.

²⁷ То, что муж и жена "одно тело" часто и в разных местах повторено Толстым и им обосновано библейскими текстами. О том же, что они "одна душа", Толстой говорит редко и без ударения (см., например, 64.7). Впрочем, в последние годы жизни Толстой предпочитал говорить нейтрально: «муж и жена не двое, а одно» (см. 75.103).

²⁸ Дмитрий Николаевич Толстой поступил так, как впоследствии учил людей его брат Лев: выкупил рябую проститутку Машу (первую женщину в его жизни) и до смерти жил с ней как с женою.

²⁹ В параллельных местах на этот стих Евангелия дается ссылка на книгу Левит, 19:17-18, где сказано: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха. Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя». И – подпись: «Я Господь». Толстой пишет, что Евангелие «как будто клеветает на закон» (23.363).

³⁰ Те ссылки на Моисеев Закон, которые приводит Толстой в подтверждение своего мнения (Исх. 34:12-19) не совсем убедительны.

³¹ И.Б. Мардов «Лев Толстой. На вершинах жизни», М., «Прогресс-Традиция», 2003 г.

³² «В чем моя вера?», гл. VIII.

³³ В стихах 9 и 10 главы ХУ Евангелия от Иоанна сказано, объясняет Толстой: «Так, как Отец любил меня, так и я полюбил вас. Живите моей любовью. Если исполняете мои заповеди, то вы живете любовью от меня. Так же и я заповеди Отца выполнял и выполняю и живу любовью его».

³⁴ Гл. IV «В чем моя вера?».

³⁵ Гл. I «В чем моя вера?».

³⁶ И потом везде, где нужно будет указать правило исполнения (например, в «Христианском учении, изложенном для детей» (1908 год), он будет трактовать шестую заповедь в смысле отношения к национальному врагу.

³⁷ Хотя бы потому, что исходит от Разумения жизни.

³⁸ «И наступит время и наступило уже, когда мертвые услышат глас Сына Божья и, услышав, оживут. Заглушить этот голос нельзя, потому что голос этот не чей-нибудь один голос, а голос всего разумного сознания человечества, который высказывается и в каждом отдельном человеке, и в лучших людях человечества, и теперь уже в большинстве людей».

³⁹ По некоторым словам Толстого можно предположить, что он попытался разобраться в мистических аспектах своего учения и запутался. Видимо, было еще рано.

⁴⁰ Метафизическое утверждение требований разума у Толстого, тотчас было, умышленно или по недоразумению, объявлено его критиками требованиями рационального мышления. Это удобно решало толстовский вопрос в философии и клало на полку все его учение о жизни.

⁴¹ Иногда Толстой говорит «личность» в значении низшей души и «человек» в значении того, кто обладает высшей душой: «Разумное сознание включает в себя личность. Личность же не включает в себя разумное сознание. Личность есть свойство животного и человека, как животного. Разумное сознание есть свойство одного человека».

⁴² Конечно, между начальным и конечным состояниями должно существовать множество переходов. И потому сторгическую любовь духовного Я можно при желании признать одним из таких переходных состояний в развитии агапической любви к совершенству.

⁴³ Подчинение разуму = подчинение разумному сознанию = подчинению высшей душе.

⁴⁴ В 900-х годах закон ненасилия приобретает для Толстого метафизический смысл: ненасилие поглощает зло. На эту тему и написан "Фальшивый купон".

⁴⁵ В том же письме: "Не думайте, что я защищаю прежнюю точку зрения в "В чем моя вера?". Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что мы пережили ее. – Вступив на новый путь, нельзя не обрадоваться тому, что первое увидел впереди себя. И простительно принять то, что на начале дороги, за цель пути. Но, подойдя ближе, и только благодаря тому, что видел сначала, нельзя не радоваться тому, что увидел впереди бесконечную даль".

⁴⁶ "Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, — пишет Толстой в октябре 1889 года, — не вырастает, а выделяется, высвобождается из своих покровов, новая основа, которая заменит, включив в себя стремление к благу людей, так же как стремление к благу людей включило в себя стремление к благу личному. Эта основа есть служение Богу, исполнение Его Воли по отношению к той Его сущности, которая поручена мне. — Не само совершенствование, нет. Это было прежде и включает любовь к личности; это другое» (50.171).

⁴⁷ Эта глава есть сокращенный вариант глав 3 – 6 части четвертой И.Б.Мардов «Лев Толстой. На вершинах жизни».

⁴⁸ «Ведь если бы я видел то, что за пределами моего зрения, я бы не видел того, что в его пределах».

⁴⁹ Как это необходимо с личнодуховной точки зрения.

⁵⁰ "Только смерть и последние минуты, часы, годы дают смысл жизни, – учил Толстой. - Так что, может быть, я еще не начал жить"(51.22).

⁵¹ И неудовлетворенность в любви, как и все разнообразные ее мучения, тоже род безлюбия, которое рушит душу.

⁵² Литературное наследство, т.68, с.872.

⁵³ Кстати, Толстой писал Послесловие к «Душечке» уже после смерти Чехова.

⁵⁴ И в продолжение записи: «Первое сознание – своей отделенности – я называю низшим потому, что оно сознается высшим духовным сознанием (я могу понять, сознать себя отделенным). Второе же сознание – духовное – я не могу сознать. Я сознаю только, что я сознаю, и сознаю, что я сознаю, что сознаю и так до бесконечности. Первое сознание (низшее) дает, вследствие своей отделенности, понятие телесности, материи (и движения и потому пространства и времени); второе же сознание не знает ни телесности, ни движения, ни пространства, ни времени, ничем не ограничено и всегда равно само себе. Вся задача жизни состоит в перенесении своего я из отделенного во всемирное, духовное сознание»(54.180).

⁵⁵ Но через 10 дней поправка: «У меня написано: Жизнь есть прохождение духовной неограниченной (Божественной) сущности через ограниченные пределы вещества. Точнее надо выразить так: Жизнь есть сознание духовной сущности в пределах. Пределы эти представляются веществом и движением, и потому жизнь представляется прохождением духовного сознания через вещество»(55.111).

⁵⁶ Обратите внимание на новое употребление Толстым понятия «сын Бога».

⁵⁷ Из Заключения к исследованию Евангелий

⁵⁸ Еще одна цитата того же времени: «Божеская любовь, т.е. любовь к Богу, узнается только по любви к врагам. Их-то нужнее всего любить для того, чтобы были те благие последствия, которые дает любовь»(56.104).

⁵⁹ «Я» в этом тексте дважды подчеркнуто самим Толстым.

⁶⁰ И тут же добавляет в скобках: «(Как выражение словами ослабляет сознание)».

⁶¹ Такое утверждение теперь появляется у Толстого тогда, когда он переживает человека только как «клетку» или «орган» Бога. «Я, как отдельное существо, — иллюзия. Я только один, бесконечно малый орган бесконечно великого, недоступного мне Всего. Мое дело служить этому Всему, как служит каждая клетка, частица всему телу. Воображать себе, что я отдельное, независимое существо, верх безумия. Я только орган. Нет никакого я; есть только обязанности органа служения Всему и возможность радостного сознания этого служения. Служение же возможно только тогда, когда орган в единении со Всем. Единение со Всем дается любовью. Так что любовь не есть цель Всего (Бог не есть любовь), а только условие, при котором орган, то, что мне представляется как «я», соединяется со Всем. Цель же Всего не доступна мне, хотя я и знаю, что служу ей. (Неясно, но мне радостно, понятно)»(57.156).

⁶² «познание Его единством с Ним, выражаемым любовью»(57.80). И еще цитата: «Как ни странно это сказать: знание Бога дается только любовью. Любовь есть единственный орган познания Его»(57.131)

⁶³ Наиболее яркая, на мой взгляд, формула агапической любви дана Толстым в «Пути жизни»: «Как вся вода вытечет из ведра, если в нем будет хоть одна дырочка, так и все радости любви не удержатся в душе человека, если в нем будет нелюбовь хоть к одному человеку»(45.89).

⁶⁴ «Чем больше любишь человека, тем меньше чувствуешь свое отделение от него. Кажется, что он — то же, что я, а я — то же, что он»(45.78). Но это сказано Толстым (в «Пути жизни») не о сторгической любви, а как иллюстрация любви агапической. Еще в конце 1907 года он писал

так: «Все больше и больше считаешь все любимое тобой – собою, а любишь все, и потому не на словах, а на деле становишься Богом»(56.74).

⁶⁵ Впрочем, и в последнее десятилетие жизни Толстой не прекращал развивать основные идеи личной духовной жизни. Вот мысль духовного роста в Дневнике 1905 года: «Человек может и должен знать, что благо его жизни не в достижении стоящей перед ним цели, а в движении для цели высшей, недоступной ему»(56.131). Или годом раньше: «Как это люди не видят, что жизнь есть зарождение нового сознания, а смерть – прекращение прежнего и начало нового»(55.172). «Только тогда легко умирать и радостно, когда устанешь от своей отделенности от мира, когда почувствуешь весь ужас отделенности и радость соединения, если не со Всем, то хотя бы выход из тюрьмы здешней отделенности, где никто не понимает, не знает, не хочет понимать и знать тебя (хотел сказать: ни тебя ни Бога), когда только изредка общаешься, как перелетающими электрическими искрами любви. Так хочется сказать: довольно этой клетки. Дай другого, более нужного мне общения. И знаю, что смерть даст мне его»(55.198-9).

⁶⁶ Так в тексте Торы: ~~ейот~~ — не «быть», «становиться».

⁶⁷ Счастье можно представить одним из слагаемых блага, другим слагаемым которого служит «добро» в значении второй главы книги Бытия, т.е. должное, духовно предписанное душе волеизлияние. Благо есть добро плюс счастье. Формулой этой можно оперировать математически. Благо минус добро есть счастье как таковое, счастье гедонизма. Благо минус счастье есть добро страстотерпца, аскета. Работает эта формула и тогда, когда левая её часть - "благо" - равна нулю: добро плюс счастье равно нулю. Или: добро равно минус свое счастье - формула, лучше всего выражающая нравственное кредо по неблагим общественно-альтруистическим представлениям, по которым человек обязан жертвовать своим счастьем для "добра", понимаемого общим делом.

⁶⁸ То, что Анна и Вронский глубоко не вошли в сторгическое состояние жизни, говорит об авторском замысле романа и не опровергает то, о чем мы говорим.

⁶⁹ Толстоведы знают, что все разговоры в публике об изменах Л.Н-ча жене – чистые выдумки.

⁷⁰ Можно выстроить по возрастающей такой ряд: солидарность (не только мужская или женская, но и партийная, кастовая, сословная, этническая, расовая и прочее и прочее) – мужская дружба – женская дружба – полная сторгия (как правило супружеская).

⁷¹ См. Мардов И. Б. «Лев Толстой. На вершинах жизни», часть шестая.

⁷² Об этих пластах мы подробно рассказывали в другой книге (см. И.Б.Мардов «Общая душа», М. 1993 год).

⁷³ Оставшееся в составе Общей души сторгическое существо зависит от существования Общей души и, шире, от существования земного человека. Не связанное с Общей душой сторгическое существо, находящееся в составе все-общедуховного поля, не зависит от природного человека и от органической жизни вообще. Любая катастрофа на Земле не коснется сторгического существа такого рода. Оно принадлежит нашей Обители, но существование его не подневольно, как любого земного существа.

⁷⁴ Из чего следуют практические выводы. Распад семейной сторгии, который сегодня происходит в Западном мире, неминуемо ведет к обнищанию и разжижению общедуховного пласта Общих душ. Это создает неустойчивость их существования, которая должна компенсироваться, видимо, за счет усиления националистической Самости.

⁷⁵ Вот признак образования и существования нового сторгического существа или хотя бы его зародыша. При наличии того или другого связь умершего супруга с остающимся жить супругом не прекращается. Боль расставания, конечно, остается в нем, но нет ужаса утраты, который бывает, когда сторгия не породила сторгическое существо. Посмертная связь осуществляется, конечно, не напрямую, а через их сторгическое существо. Связь эта рано или поздно ослабевает или прекращается совсем тогда, когда сторгическое существо начинает жить вполне автономной жизнью, разрывает пуповины, связывающие его с одним и с другим сторгическим супругом. Теперь оно готово к новому воплощению и, оставаясь в Общей душе, входит во вновь прибывшего человека в качестве его высшей души.

⁷⁶ Мы берем это слово в его изначальном библейском звучании, чтобы отличать его от Эдема - Рая христианской мифологии.

⁷⁷ Для выражения явлений личной духовной жизни мы не имеем не только языка, но слов; и чтобы не пользоваться существующими терминами, имеющими свое значение, создаем их по ходу дела, наугад.

⁷⁸ Заданного для Льва Толстого Нагорной проповедью.

⁷⁹ См. наши прежние работы: "Путь восхождения" (М. 1993г.) и "Этапы личной духовной жизни" (М. 1994г.)

⁸⁰ Повторим, что особое состояния духовной жизни на каждом из этих этапах знакомо не только успешно проходящим Путь людям личной духовной жизни. Более или менее ярко эти состояния испытывают и люди, по преимуществу живущие общедуховной стороной души.

⁸¹ Надо отметить, что все путевые рождения – не «точки» на Пути, а зоны, и чем выше на Пути рождение, тем шире его зона.

⁸² Приметьте, что душа вершится на Пути заранее, как бы загодя подготавливая себя к предстоящему труду или испытаниям. Все подъемы на Пути мужчины и женщины никогда не имеют задачи одолеть уже существующие, действующие препятствия: путевые подъемы возникают не в ответ, не по необходимости противоборства, не спровоцированы какой-либо агрессией, они никогда не реактивны /как это свойственно явлениям в природе/, а самопроизвольны. Только потом оказывается, что они-то и предуготовливали душу к предстоящей ей на следующем путевом отрезке работе.

⁸³ Вернее говорить о пропасти между душевнонерожденными и личностнорожденными, то есть теми, в которых душевное рождение дало предназначенный результат, осуществилось.

⁸⁴ Очень часто в душах таких людей возникает потребность душевного плагиата. Всеобщее образование и доступность культуры подстрекают на взвод духовной жизни у тех, кто не призван к ней. В результате общество все больше и больше заполняется людьми, стремящимися к душевному уподоблению или мимикрии того или иного рода. Таким людям нужен групповой лидер, но не в качестве властителя, а как образ установления чувств или чувствований. Специфика обществ, в которых мы живем, в том, что им можно привить все что угодно. Оно живет по законам душевных эпидемий, спонтанных или специально организованных.

⁸⁵ Хотя опустошенная и обессиленная на уступе чистилища высшая душа обычно сама оказывается не в состоянии преодолеть уже начавшийся подъем личностного рождения и поневоле достается попутной струе общедуховной жизни, в которой и проходит подъем личностного рождения.

⁸⁶ Или эденское существо мужского Эденского Дома?

⁸⁷ Или эденское существо женского Эденского Дома?

⁸⁸ В некотором смысле Сар не дает сторгическому существу работать во «втором полукруге» всеобщедуховности, жить своей внутренней жизнью, независимой от человека. Сар гоняет сторгическое существо из человека в человека, заставляет его жить исключительно наружней жизнью. Может быть, это нужно в видах эденского существа, которому необходимо взаимодействие со сторгическим существом в человеке. Сар поставляет сторгические образования эденским существам.

⁸⁹ То же самое можно сказать и о чеховской Душечке.

⁹⁰ Н.Н. Гусев «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии» т. I М. 1954 год с.45, 46. Н.С. Волконский умер в 68 лет.

⁹¹ «Помню раз, - рассказывает Толстой, - как очень глупый и нехороший человек, адъютант губернатора, охотившийся с ним вместе, при мне подсмеивался над ним, и как брат, глядя на меня, добродушно улыбался, очевидно находя в этом большое удовольствие».

⁹² В «Воспоминаниях» Толстого: «Про нее рассказывали, что когда она на балах начинала рассказывать сказки, то барышни, заслушавшись ею, не ходили танцевать». «Сверстницы ее рассказывали мне, что она была большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа». То же Толстой рассказывал про брата Николая.

⁹³ И по воспоминаниям прислуживавшей ей девушки, она «со всеми жила не как барыня, а как равный тебе по существу человек».

⁹⁴ По фотографиям видно большое сходство Николая и Льва между собой и с матерью и Сергея и Дмитрия с отцом.

⁹⁵ А. Фет Мои воспоминания Ч. 1 М. 1890 г. с.217

⁹⁶ Где причина этого отсутствия связи между разумом и сердцем Николая Николаевича? Трудно не предположить в столь значительном человеке личную духовную жизнь. Но явных признаков ее работы в Николае Николаевиче не было видно. Эденское существо в нем словно лишено волевых свойств, необходимых для его самоосуществления в каком-либо роде.

⁹⁷ Кстати, такое же охлаждение Толстой почувствовал не только в брате, но и в сестре Маше. «Холодность ко мне моих родных мучает меня» (Запись в Дневнике от 18 июля 1853 года).

⁹⁸ В «Воспоминаниях» Толстой рисует одну такую сцену.

⁹⁹ Дмитрий Николаевич умер через четыре года после этого.

¹⁰⁰ Н. Гусев. «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии». т. II М. 1957, стр. 66

¹⁰¹ Н.Н. Гусев. т. I с. 179

¹⁰² Чернышевский писал о «первобытной чистоте» таланта Толстого.

¹⁰³ И в отличие от Николая Николаевича всю жизнь тщательно хранил все письма брата к нему.

¹⁰⁴ В наше время становится бедствием искание в религии и мудрости поприща для своего Гения. Вот где, оказывается, нынешнему Гению легче всего "сделать себе Имя", то есть укоренить себя в людях. "Сделать Имя" - вообще девиз нашей эпохи. Если и не Имя, то хоть упоминание о своем имени в связи с другим Именем. Мнимость этого рода вышла за пределы личной душевной и личной духовной области и отчетливо обосновалась в все-общедуховной сфере.

¹⁰⁵ Впоследствии Языков стал опекуном братьев Толстых и присвоил 100 тысяч рублей, принадлежавшие воспитывавшейся в их доме Дунечке Темяшовой.

¹⁰⁶ Запись Дневника 19 декабря 1903 года

¹⁰⁷ Намек на брата Сергея, который, прочитав письма Льва к тетушке, счел их тон неоправданно чувствительным и насмешливо отписал брату об этом. Оскорбленный Толстой прервал с ним переписку. Сергей Николаевич первый восстановил отношения после публикации «Детства».

¹⁰⁸ «Я с детства никогда не верил в загробные мучения»(85.77).

¹⁰⁹ Т.А. Ергольская в неотправленном письме Толстому: «Не уговаривала ли я тебя серьезно заняться литературой? Не предсказывала ли я тебе, что ты будешь иметь успех в этом роде сочинений, так как в тебе соединяется все, что нужно для того, чтобы быть хорошим писателем: ум, воображение, возвышенные чувства»(59.210).

¹¹⁰ В кабине Толстого хранился портрет брата Татьяны Александровны, а ее портрета нет.

¹¹¹ Учтем при этом, что первая по многочисленным свидетельствам нехороша собою, а вторая очень хороша и на пять лет моложе первой!..

¹¹² Гусев т. I с. 68

¹¹³ К кому относится это «мы»? К ней и матери Николая Ильича? Или к ней и Ю.М.Огаревой? Последнее вернее.

¹¹⁴ Гусев т. I с. 111

¹¹⁵ В житейском отношении отказ этот, как и показали дальнейшие события, оставил ее житейски беззащитной. Она не могла не понимать этого. У нее не было ни средств, ни прав на детей. В конце концов детей у нее отобрали, и сама она многие годы была вынуждена жить в имении своей сестры, где терпела унижения от ее мужа.

¹¹⁶ Д.Маковицкий Яснополянские записки (ЯЗ) Т.4 запись от 15.03.1910

¹¹⁷ ЯЗ т. 2 с. 318

¹¹⁸ из статьи «Верьте себе»

¹¹⁹ Такое чаще случается с женской душою.

¹²⁰ Гусев т. I с. 198

¹²¹ Не она ли за шесть десятилетий подготовила толстовскую мысль монизма жизни? Вот что сказано в «Юности»: «И все я был один, и все мне казалось, что таинственно величавая природа, притягивающий к себе светлый круг месяца, остановившийся зачем-то на одном высоком неопределенном месте бледно-голубого неба и вместе стоящий везде и как будто наполняющий собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червяк, уже оскверненный всеми мелкими,

бедными людскими страстями, но со всей необъятной могучей силой воображения и любви, — мне все казалось в эти минуты, что как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же».

¹²² Так ее характеризовал Толстой в «Воспоминаниях».

¹²³ Из «Записок маркера».

¹²⁴ От этой связи родился сын, брат Льва Николаевича, годный ему в отцы.

¹²⁵ Достаточно распространенная практика того времени. Девушки попадали в монастырь по самым разным причинам и далеко не всегда горя желанием стать «невестой Христовой».

¹²⁶ Вот некоторые из этих правил. «Помогай больше тем, которые несчастнее, и тебе удобнее помогать». «Ежели, действуя для себя, деяния твои окажутся странными, то не оправдывай свои деяния ни перед кем». «Живи всегда хуже, чем ты бы мог жить».

¹²⁷ См. И.Б. Мардов «Этапы личной духовной жизни» М. 1994 г.

¹²⁸ Письмо Сергея Николаевича Толстого брату Льву от 13.02.49

¹²⁹ Н.Н.Гусев т.1 с 259

¹³⁰ Убийственное с религиозной точки зрения слово «неестественное» в этой фразе по цензурным соображениям в печатном тексте заменено словом «непостижимое».

¹³¹ Отметим, что именно Стива, сорвав Каренина с той высоты духа, на которую он вознесся, побывав «высшим существом» у постели умирающей Анны, запустил процесс, приведший Анну под колеса поезда.

¹³² Константин фигурировал в первоначальной редакции «Детства», но потом образ его исчез из повести. Гусев предполагал, что автору «стало уже неприятно рисовать его портрет» (т. II с.359). Говорят, что Константин Иславин во второй половине жизни очень изменился, стал вполне добродетельным и добрым человеком, хотя всегда вел себя большим баринном.

¹³³ В это время и произошло его сближение с горничной Гашей, которую принято считать прототипом Катюши Масловой, хотя она вовсе не погибла, а много лет работала горничной у Марии Николаевны Толстой и была ее доверенным лицом.

¹³⁴ «Я люблю эти таинственные отношения, выражающиеся незаметной улыбкой и глазами и которые объяснить нельзя». (1.282).

¹³⁵ Вот почему, кстати, Николай Николаевич так отчужденно принял первый литературный успех брата.

¹³⁶ Гусев т. I с.430.

¹³⁷ Там же, с.470.

¹³⁸ Кстати, вместе с соблазном азартных игр.

¹³⁹ Об этом рассказывает С.А. в своих «Материалах к биографии Л.Н.Толстого».

¹⁴⁰ Например, сочинения, чтобы быть хорошими должны «выпеться из души сочинителя».

¹⁴¹ Если бы брат Дмитрий нес Гений в себе, то он наверняка не погиб столь бесславно.

¹⁴² Не предполагающее личностное рождение.

¹⁴³ Включая и быть убитым во время военных действий?

¹⁴⁴ См. Гусев т.1 с.293

¹⁴⁵ Дочь Зинаиды Модестовны со слов матери сообщает, что она «почти все мазурки танцевала со Львом Николаевичем».

¹⁴⁶ Еще (*франц.*).

¹⁴⁷ Узнать это, конечно, было не так сложно, тем более, что через полгода Толстой на Кавказе виделся с ее двоюродным братом Г.В. Молостовым.

¹⁴⁸ Цитирую по Гусев т.1 с. 293

¹⁴⁹ К.С. Шохор-Троцкий. Казанские знакомства Толстого. «Великой памяти Толстого – Казанский университет», Казань 1928 г. с.121.

¹⁵⁰ Есть сведения, что она хотела навсегда запомниться Льву Николаевичу такой, какой она была тогда. Словно она знала то, что Толстой записал в своем Дневнике о ней: «Неужели никогда я не увижу ее? Неужели узнаю когда-нибудь, что она вышла замуж за какого-то Бекетова (к которому Толстой ревновал ее на балах. – И.М.) ? Или, что еще жальче, увижу ее в чепце, вевелинкой и с тем же умным, открытым, веселым и влюбленным взглядом».

¹⁵¹ Шохор-Троцкий с. 110.

¹⁵² Комментаторы 46 тома ПСС вышли из положения, сочтя, что это Зинаида

«интересовалась им» на балах.

¹⁵³ Из письма Николая Николаевича к Ергольской видно, что он не мог задерживаться в Казани и подгонял брата; впрочем, из дальнейшего путешествия братьев на Кавказ незаметно, чтобы они особенно спешили прибыть к месту назначения.

¹⁵⁴ «Лишь подъехавши к Сызрану, я ощупал свою рану... и т.д.».

¹⁵⁵ Шохор-Троцкий с.120 или «Историч. Вестник», 1913, №7, с. 36. Статья М.П. Ватаци.

¹⁵⁶ В те времена письма из Казани на Кавказ шли месяца два. Зинаида вышла замуж в июле 1852 года. Так что корреспондент Толстого писал об этом событии загодя, в апреле месяца, то есть сразу же после смерти Елизаветы Молоствовой.

¹⁵⁷ Статья А.П. Мертваго напечатана в газете «Утро России», 1911, №134, 12 июня.

¹⁵⁸ Это тот самый поход, который описан в "Набеге".

¹⁵⁹ Если Зинаида Молостова действительно была его первой любовью, то это положение обретает особое значение.

¹⁶⁰ Исповедание веры (франц.)

¹⁶¹ Вторая и третья редакции «Детства», как и окончательный текст, создавались в первой половине 1852 года.

¹⁶² Опубликовано Гусевым т. I с.362

¹⁶³ В каноническом тексте Толстой более осторожен: «Кончится ли вместе с жизнью моя любовь к тебе и детям? Я поняла, что это невозможно. Я слишком сильно чувствую в эту минуту, чтобы думать, что то чувство, без которого я не могу понять существования, могло бы когда-нибудь уничтожиться. Душа моя не может существовать без любви к вам: а я знаю, что она будет существовать вечно, уже по одному тому, что такое чувство, как моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда-нибудь прекратиться. Меня не будет с вами, но я твердо уверена, что любовь моя никогда не оставит вас, и эта мысль так отрадна для моего сердца, что я спокойно и без страха ожидаю приближающейся смерти. Я спокойна, и Богу известно, что всегда смотрела и смотрю на смерть как на переход к жизни лучшей; но отчего ж слезы давят меня?.. Зачем лишать детей любимой матери? Зачем наносить тебе такой тяжелый, неожиданный удар? Зачем мне умирать, когда ваша любовь делала для меня жизнь беспредельно счастливою? Да будет Его святая воля».

¹⁶⁴ П.И. Бирюков. Биография Л.Н.Толстого, т.1, М., 1923, с. 104.

¹⁶⁵ «Севастополь в декабре».

¹⁶⁶ Те, с которыми такое случается, зачастую навсегда погружаются в традиционную конфессиональную жизнь, становятся особенно яркими ревнителями ее и гонителями всего того, что не принадлежит ей. Таков обычный результат сорванного личного рождения.

¹⁶⁷ Из написанного в конце 1854 года рассказа «Как умирают русские солдаты».

¹⁶⁸ См И.Б.Мардов "Лев Толстой. На вершинах жизни" М. 2003г. с. 413

¹⁶⁹ К тому же Толстой в первые месяцы 1855 года находился в удрученном состоянии духа.

«Время, время, молодость, мечты, мысли, - все пропадает, не оставляя следа. Не живу, а проживаю свой век»(47.36).

¹⁷⁰ Например, запись дневника 17 августа: "Я сильно опустил морально, забыл Бога, как говорится". 25 августа: "Сейчас глядел на небо. Славная ночь. Боже, помилуй меня. Я дурен. Дай мне быть хорошим и счастливым".

¹⁷¹ См. Н.А. Некрасов ПСС т. X М., с.291.

¹⁷² цитирую по Н.Н.Гусев т. II

¹⁷³ Гусев, т. II с. 121-2

¹⁷⁴ Подробнее об этом см. Мардов И.Б. «Путь восхождения», М. 1993 год.

¹⁷⁵ Вполне расположен (франц.)

¹⁷⁶ Берман Б.И. «Библейские смыслы» т. I М. 1997 г. с. 51

¹⁷⁷ Н.Н.Гусев. «Толстой в молодости» М. 1927г. с. 379

¹⁷⁸ Панаев – вечный тип человека русского культурного общества. Вот что пишет он в письме Боткину о «Люцернах»: «Видно, что это писал благородный и талантливый, но очень молодой человек, из ничтожного факта выводивший Бог знает что и громящий беспощадно все, что человечество выработало веками потом и кровью».

¹⁷⁹ В первой редакции этого отрывка: «Я мгновенно угадывал все, что думала и желала толпа и сразу словом отвечал на все желания, а толпа неистовыми рукоплесканиями и рабской покорностью отвечала на мое слово. Я был Царь, и власть моя не имела пределов. Безумный восторг, горевший во мне, давал мне власть, и я плавал в упоении своей власти. Я счастлив был своим безумием и безумием толпы».

¹⁸⁰ В прежней черновой редакции 1857 года менее отчетливо: «Я почувствовал сзади себя неясную, но спокойную силу, действительно разрушающую мое очарование и требующую к себе внимания».

¹⁸¹ В прежней редакции: «В ней была та неясная спокойная сила, которая требовала внимания и разрушала очарованье».

¹⁸² В сравнении с прежним вариантом тут пропущена важная фраза: «В этом мгновенном взгляде я все прочел, и все мне стало ясно».

¹⁸³ Б.И. Берман Сокровенный Толстой. с. 46, 47 М. 1992 г.

¹⁸⁴ В первой редакции «Альберта» так и сказано: «Искусство – борьба с Богом» (Гусев, т. II, с. 184).

¹⁸⁵ В этом варианте: «она была проста, спокойна...»

¹⁸⁶ Свое маленькое произведение Толстой сначала так и назвал «Николенькин сон».

¹⁸⁷ «Весна» Тютчева в то время – в числе самых любимых стихотворений Толстого.

¹⁸⁸ «К началу 60-х годов, - объясняет И.Б.Берман, - искусство для него уже перестало быть средством для счастья творящего его, и тем более источником наслаждения, и стало служить целям отыскания той духовной инстанции, от которой можно было бы судить самого себя и жизнь».

¹⁸⁹ Надо сказать, что уже первая редакция «Сна» была тотчас использована в «Альберте», герой которого, безумный музыкант, испытал «невыразимое счастье», которое вдруг «прошло и никогда не воротится». Несколько схожее со «Сном» видение строит повесть «Казачки». Это и «горы», и образы спокойствия и величия Природы. Это и героиня повести, казачка Марьяна, про которую как раз в варианте 1858 года Оленин говорит: «Она выше меня, она счастлива, она, как природа, спокойна, равна, сама в себе» - и которая, навсегда уходя от него, посмотрела «молча и величаво». На вид Марьяна, быть может, и ассоциируется с женщиной «Сна», но надо помнить, что героиня «Казачков», в отличие от женщины «Сна», есть фигура чисто языческая.

¹⁹⁰ Не кажется ли вам, что значение Каратаева в духовной жизни Пьера завышено автором, недостоверно? Чувствуется, что в творческой задаче на Каратаева имелось в виду что-то иное.

¹⁹¹ Б.И. Берман. Сокровенный Толстой. с. 80.

¹⁹² Быть может, полнее всего этот Сар выражен им в образе солдата Валенчука в «Рубке леса».

¹⁹³ Не могу не поделиться представлением, по которому эденское существо после личностного рождения получает возможность воздействовать на тело человека и, благодаря этому, как бы отпечатывает себя в теле, фиксирует себя в нем и тем самым создает какие-то предпосылки для вызова в следующую земную навигацию...

¹⁹⁴ Р. Левенфельд. Л.Н.Толстой. 1904г. с.153.

¹⁹⁵ У ребенка это выражается в «школьном состоянии души», в котором «душа, как улитка,

спряталась в свой домик», сжалась и утратила свою прирожденную самостоятельность и

самобытность.

¹⁹⁶ Написанные главы повести отчетливо полемичны. В полемику сделан уже первый абзац ее. «Декабрист мой, - пишет Толстой Герцену, - должен быть энтузиаст, мистик, христианин..., примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России.» Пьер Лобазов (герой «Декабристов») – именно тот человек, который нужен Толстому. «Петр Иванович объяснил, что он в своем путешествии заметил огромные перемены, которые радовали его. Нет сравнения, как народ – крестьяне – стал выше, стало больше сознания достоинства в них, - говорил он как бы подтверждая старые фразы». Тут же автор обещает, что в последующем мысли его героя будут представлены «в более полном виде».

¹⁹⁷ См. толстовские «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», п. 5.

¹⁹⁸ Во избежание недоразумений важно отметить, что «арзамасский ужас» к этому отношения не имеет. Толстой испытал его за год до того, на подъеме духовной жизни.

¹⁹⁹ Записные книжки Софьи Андреевны. Цитирую по Н.Н. Гусев Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. т. III, М. 1963г. с. 8.

²⁰⁰ Особенно возмущала Толстого история гибели царевича Алексея. «26 июня 1718 умер Алексей. 27-го празднование Полтавской битвы. Веселье. 29 – воскресение, именины и спуск корабля и пьянство до двух ночи. 30-го похоронен»(17.430).

²⁰¹ Так, по мнению Толстого Петербург был основан для того, чтобы Петр, удалившись, был свободнее в своей безнравственной жизни.

²⁰² В записной книжке более позднего времени есть интересная запись Толстого о человеке толпы: «Если он говорит, что желает чего-нибудь для блага общего, поищи, зачем ему этого хочется, и поймешь»(48.323).

²⁰³ В томе 61 ПСС, как обнаружил Н.Н.Гусев, ошибочно проставлен год письма к А.А.Толстой от 5 июня 1879 года, из которого мы приводим эту цитату.

²⁰⁴ Один из вариантов начала отчетливо напоминает начало известного романа А.Н. Толстого о Петре I.

²⁰⁵ Пришло только 12 человек, и потому замысел не осуществился

²⁰⁶ Из дневника Софьи Андреевны.

²⁰⁷ Надо сказать, что сохранить позицию художественного милосердия на этом материале было не так-то просто. В июне 1878 года Толстому по секрету доставляют записку Николая I о том, как провести казнь; этот план «утонченного убийства» возмутил совесть Толстого.

²⁰⁸ Н.Н. Гусев т. III с. 528.

²⁰⁹ Во Вступлении моей книги «Лев Толстой. На вершинах жизни», М. 2003 год

²¹⁰ Кредо Толстого этого времени – это кредо совести: «Я желал бы как можно поменьше брать от других и как можно меньше трудиться для удовлетворения своих потребностей; и думаю, так легче не ошибиться»(62.494).

²¹¹ Заметим впрок, что женщина «Сна» - протонародная женщина. Видение Сара Совести первоначально возникло у Толстого в бестелесном образе простой русской женщины.

²¹² Вопросы совести, по самой природе совести, не возникать не могут. Но с точки зрения церковных иерархов такие вопросы есть несомненный признак гордыни, в которой Церковь вот как век официально обвиняет Льва Толстого. Любые сомнения или несогласия, глядя с такой позиции, могут возникнуть лишь у того, кто вздумал возомнить себя умнее и правдивее самой, установленной Господом Церкви и людей, законно властвующих в ней.

²¹³ См. его переписку со Страховым в 1876 –1877 годах.

²¹⁴ Трехстадийных личностнорожденных людей (состоявшихся или будущих) среди моих читателей (то есть в весьма элитарной среде) немало. Четырехстадийные, прошедшие подъем Пробуждение, - редкость. Пятистадийные – случай исключительный, на них я не смею рассчитывать, сам не принадлежа к ним. О шестистадийных и говорить нечего.

²¹⁵ Я уже не говорю о том, что кроме всего прочего Толстой обладал и собственным стилем общедуховности, т.е. в некоторой степени воплощал в себе Сара Общей души, что само по себе совсем не часто встречается в людях.

²¹⁶ Об этом подробнее говорилось в моей книге «Общая душа» (М. 1993 год).

²¹⁷ А не "свободе слова", чаще всего забивающей одухотворенные голоса.

²¹⁸ Вот вам и заражение «гордыней», в чем не перестает обличать Толстого Церковь.

²¹⁹ По духовной чистоте брат Толстого Дмитрий - вариант эденского существа для рождения Сара Совести, но вариант неполноценный. Он снят с дистанции жизни во время личностного рождения Льва Толстого.

²²⁰ «В толпе, но не соединяясь с толпою, стояла простая женщина в простом уборе. – Не помню ее одежды, не помню цвета ее глаз и волос, не знаю, была ли она молода и прекрасна; но я обрадовался, увидев ее» (из первоначального текста «Сна»).

²²¹ В это время Григорович распустил в Петербурге слух, что Лев Толстой помешался. Таковы методы.

²²² Сам Толстой, вдохновляясь агапической жизненностью, метил недоступно высоко, выше цели.

²²³ Извращенные отголоски чего слышны в нашем либерализме.

²²⁴ В отсутствие Сара Совести функции суда Совести на Руси взяла на себя склонная к самообличению, но не способная к покаянию русская интеллигенция. И хотя все знают, что из этого вышло в начале и в конце двадцатого века, нельзя исключить, что сегодня или завтра к ней придется вновь обращаться с призывом строить престол для Сара Совести. Разумеется, это невозможно, пока значительная часть нынешней русской интеллигенции, как и интеллигенции прошлого, ненавидит Толстого именно как конкурента духовной власти и суда совести в том числе. В России замечательных русских людей принято возвеличивать и возвеличивать. Толстой – единственный из выдающихся русских людей, на которого наговаривают и которого очерняют. Наверняка он единственный из великих людей человечества, на которого повсеместно, грубо и злостно лгут его соотечественники. Отношение ко Льву Толстому – позорная страница многих поколений русской культурной толпы. Знающим и честным людям следует защищать Льва Толстого. Защита Толстого на Руси – необходимое предварительное действие по возведению престола Сара Совести в русской Общей душе.

²²⁵ Толстой взял на себя опекунические обязанности по отношению к Арсеньевым; и Сергей Михайлович в повести был официальным опекуном своей будущей жены.

²²⁶ Дневник Софьи Андреевны. Запись от 10 апреля 1863 года.

²²⁷ С.А.Толстая «Дневники». Часть вторая, 1929, с.83

²²⁸ Странные совпадения. Первое: название имени, в котором жила Маша, - Покровское – совпадает с названием того подмосковного местечка, в котором летом жили Берсы и в котором разворачивался роман Толстого и его будущей жены. Второе: младшую сестру молодой хозяйки Покровского Маши в повести звали Соня, что обретает значение, если вспомнить, что Толстой сначала намеревался жениться на старшей сестре Берс.

²²⁹ «Так прошло два месяца, пришла зима со своими холодами и метелями, и я, несмотря на то, что он был со мной, начинала чувствовать себя одинокою, начинала чувствовать, что жизнь повторяется, а нет ни во мне, ни в нем ничего нового, а что, напротив, мы как будто возвращаемся к старому».

²³⁰ Ср. в «Семейном счастье»: «Да еще как отжил, - продолжал он, — только сидеть и хочется. А чтоб жениться, надо другое. Вот спросите-ка у нее, — прибавил он, головой указывая на меня. — Вот этих женить надо. А мы с вами будем на них радоваться».

²³¹ Ю.М. Огарева утверждала, что они стали любовниками еще при жизни жены Николая Ильича.

²³² Н.Н.Гусев т. I с.111

²³³ У Н.И.Толстого был еще один близкий друг – А.А. Темяшов, у которого были две незаконнорожденные дочери (от его крепостной). Одна из этих дочерей, Дунечка Темяшова, была взята в дом Толстых и воспитывалась вместе с барскими детьми. Лет в 10 ее отдали в пансион, и связи Толстых с Дунечкой прервались.

²³⁴ Б.И. Берман Сокровенный Толстой. с. 66

²³⁵ Надо сказать еще, что именно во времена женитьбы Толстой особенно переживал свое одиночество. «Потом так грустно, как давно не было. Нет у меня друзей, нет! Я один» - пишет он 24 августа 1862, то есть в те самые дни, когда активно развивалось чувство к Соне Берс. Быть может, еще и из-за сознания одиночества ему хотелось взять невесту из дома близких ему людей.

²³⁶ Т.А. Кузминская «Моя жизнь дома и в Ясной поляне», Тула, 1960г. с. 47-48.

²³⁷ Там же с. 85

²³⁸ Многолетний слуга Толстого Алексей, когда Л.Н. спросил его мнение о невесте, коротко ответил: «Какова мать – такова дочь» (Кузминская, с.200), давая тем самым понять, что он понимает мотивы своего господина.

²³⁹ Кузминская, с.85-6.

²⁴⁰ Понятие Сына человеческого обретает буквальный смысл.

²⁴¹ Другой вопрос: почему именно данное сторгическое существо (со всем тем, что оно наследовало от породивших его высших душ) входит в данного человека со всей его генетической наследственностью? Такое вряд ли может быть отпущено на волю случая; это не случайный результат, как при совокуплении, а в той или иной степени направленное действие.

Значит, существует какое-то соответствие между тем и другим наследованием? Можно ли предположить, что сторгическое существо во-душевляется с расчетом на самообретение от высших душ родителей по плоти? Или что сторгическое существо само выбирает себе новое рабочее место? Если и не само, то под влиянием Сара, который способен обозревать не только Сына человеческого, но и мир человека. Все это возможно, но не обязательно происходит в действительности.

²⁴² Не только при положительном, но еще более при отрицательном типе наследования.

²⁴³ Наследование черт высшей души по женской линии наиболее определено. В том числе и при отрицательном наследовании. Когда дочери нечего наследовать от высшей души матери, то часто происходит резкое отталкивание внутреннего мира дочери от внутреннего мира матери. В этом ее спасение. Случаи отталкивания такого рода по мужской линии встречаются значительно реже.

²⁴⁴ Например, есть матери, у которых кротких дочерей не бывает. Это у них как наследственная болезнь.

²⁴⁵ Хотя она долгое время говорила, что она на все смотрит глазами Левочки. Бывало наверняка и так; более, чем кто-либо, она имела возможность смотреть глазами Толстого, но - не в две пары глаз.

²⁴⁶ От боли и в порыве возмущения он даже говорил о «кастрированном разуме Берсов» жены и сыновей.

²⁴⁷ Таким образом, от Толстого не было отрицательного наследования. Большая радость для него.

²⁴⁸ Достаточно сказать, что несколько месяцев спустя, когда Любовь Александровна сообщала визитерам о помолвке своей дочери с графом Толстым, все бросались поздравлять не Соню, а Лизу Берс.

²⁴⁹ А. Фет Мои воспоминания ч. 1 М. 1890г. с. 388

²⁵⁰ В буквальном переводе – «собаки», «собачки».

²⁵¹ «Самый сильный телесно человек бывает слаб и беспомощен, когда спит. Самый сильный духовно человек бывает слаб и беспомощен, когда засыпают временно его высшие духовные силы, - когда им овладевают страсти, – писал Н.Н.Гусев в книге «Толстой в молодости» (М.1927 с.431). - И Лев Толстой, этот сильный духовный человек, стал слаб и беспомощен, когда его закружил вихрь страстного влечения к женщине. Кроме внешней привлекательности С.А. Берс, много способствовало усилению этой страсти: и упорное старание матери Берс женить его на одной из своих дочерей (правда, старшей), и прогулки в осенние «сумасшедшие» лунные ночи; и, главное, то, что, несомненно, что Софья Андреевна с присущим женщинам бессознательным или сознательным кокетством, искусно старалась показаться перед тем мужчиной, которому она желала понравиться, такую, чтобы произвести на него самое сильное впечатление. Тот огонек страсти, который, по словам Фета, чувствовался во всех трех сестрах Берс, был направлен Софьей Андреевной на Льва Толстого, и обманчивое мерцание того призрачного света, который, казалось, исходил от этого огня, неудержимо влекло его к себе». Во всех более поздних своих произведениях Н. Гусев, сообразуясь с общественной цензурой, нигде не повторил эти слова.

²⁵² Впрочем, это могло произойти и неделей раньше, в Москве, когда Толстой навещал дом Берсов. Но роковые дни все же здесь, в Ясной Поляне.

²⁵³ Последние три слова С.А. в своих воспоминаниях опускает, чтобы не создалось впечатление, что она заранее знала, что уводит жениха у сестры.

²⁵⁴ В глубокой старости Т.А. Кузминская писала, что ее сестра еще весной 1862 года примерялась к браку с Львом Николаевичем и, плача, опасалась его ранней смерти от чахотки (см. Кузминская, с. 91). Но весной этого не могло быть, так как в то время Л.Н. считался женихом Лизы и сама Соня была поглощена своей «первой любовью» к юному Поливанову. Тогда у нее не было никаких оснований думать, что она может стать графиней Толстой.

²⁵⁵ Кузминская, с. 82

²⁵⁶ Запись в Дневнике: «... написал напрасно буквами Соне»(41.48). Это и подтверждает Т.А. Кузминская.

²⁵⁷ В повести, написанной ею в ответ на «Крейцерову сонату».

²⁵⁸ Что, скорее всего, не так, хотя упоминание о карете есть и в дневнике Толстого. Есть и фраза о «появлении сатаны»(48.44).

²⁵⁹ Все рассказы на этот счет совершенно лживы. Сам Толстой в «тайном дневнике» 1908 года записал: «Я ни разу не изменял жене»(56.173). Еще раз скажу, что оснований сомневаться в его словах нет никаких.

²⁶⁰ Продолжение этой записи: «Сейчас Чертков рассказал бывший с ней разговор: «Он живет, пользуется роскошью и говорит... все фарисейство... и т.д. Я, я жертвую собой»».

²⁶¹ В одной из записей он пишет: «... мне не верится, что не я»(48.42).

²⁶² Какой «тяжелый сон» в первую брачную ночь?! Но читающей дневник жене легко объяснить смысл записи: «не она» в его «тяжелом» сне.

²⁶³ Гусев, т. II с. 581.

²⁶⁴ И сам предупреждает об этом: «Должен приписать, для нее — она будет читать, — для нее я пишу не то что не правда, но выбирая из многого то, что для себя одного я не стал бы писать». «Я не дал ей читать своего дневника, но не пишу всего». И, более того: «Всё писанное в этой книжке почти вранье — фальшь. Мысль, что она и тут читает из-за плеча, уменьшает и портит мою правду».

²⁶⁵ Толстой говорил ей, что не верит ее любви к нему. «И как жаль мне его в те минуты, когда он не верит мне, и слезы на глазах, и такой кроткий, но грустный взгляд...» (Гусев, т. II с. 580)

²⁶⁶ Не решаюсь приводить в основном тексте предшествующую этой фразе из черновика Толстого: «И ничего, ничего, кроме порханья, болтания и этой вечной веселости (вспомните слова Фета о сестрах Берс. – И.М.), прикрывающей тупость и бесчувственность».

²⁶⁷ Кузминская, с. 45.

²⁶⁸ Характерный штрих: «Уже 1 ночи, я не могу спать, еще меньше идти спать в ее комнату с тем чувством, которое давит меня, а она постанет, когда ее слышат, а теперь спокойно храпит. Проснется и в полной уверенности, что я несправедлив, и что она несчастная жертва моих переменчивых фантазий». Эти свои слова Толстой мог бы дословно переписать в Дневник последних десятилетий жизни.

²⁶⁹ ЯЗ т.4 с.368

²⁷⁰ Можно отметить еще и то, что некоторые нынешние критики Толстого видят в Софье Андреевне человека нового века, столь любезного их сердцу человека «среднего класса», противостоящего придурки человека века ушедшего.

²⁷¹ Читай: куда ж девалась прежняя страсть?..

²⁷² И, отметим, видел в этом порочное влияние жены. В этой записи отчетливо слышны мотивы монолога князя Андрея.

²⁷³ Первый ребенок в семье Толстых родился через три недели после этой записи.

²⁷⁴ Софья Андреевна далеко не сразу стала полноценной писательской женой. Когда муж запрещал ей при ремонте комнат оклеивать стены черновиками его рукописей, Софья Андреевна – и это через несколько лет замужней жизни! – не могла понять: почему? – ведь они больше не нужны ему? Первые годы она плохо понимала, чьей женой она стала, и что такое быть женой Льва Толстого. Потом она приняла свое исключительное положение как должное.

²⁷⁵ В. Жданов. Любовь в жизни Льва Толстого. М. 1993 год, с.68

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Уже через месяц после поселения в Ясной Поляне Софья Андреевна записывает для себя (и, конечно, для читающего ее дневник мужа): «А если я его не занимаю, если я кукла, если я только жена, а не человек, так я так жить не могу и не хочу. Конечно, я бездельная, да я не по природе такая, а еще не знаю, главное, не убедилась, в чем и где дело. Он нетерпелив и злится».

²⁷⁸ С подачи брата Софьи Андреевны в обществе принято считать, что она то ли пять, то ли семь раз переписывала «Войну и мир». Это легенда. Одна часть рукописей переписывалась несколько, но никак не семь раз, другая, и немалая часть, переписывалась единожды и включались в состав наборной рукописи. Всю остальную работу Толстой впоследствии проводил по специально для него неоднократно перенабираемому в типографии корректурам.

²⁷⁹ Запись в Дневнике Софьи Андреевны от 1873 года.

²⁸⁰ 18 июня 1863 года в Дневнике: «Где я? Тот я, которого я сам любил и знал, который выйдет иногда наружу весь и меня самого радует и пугает. Я маленький и ничтожный. И я такой с тех пор, как женился на женщине, которую люблю».

²⁸¹ «Кто счастлив, тот и прав!» - таков девиз его (Дневник. 3 марта 1863 года) и первоначальное название произведения, которое стало «Войной и миром».

²⁸² Гусев, т. II с. 646.

²⁸³ Там же, с.649

²⁸⁴ Можно сказать и иначе. В каком-то парадоксальном смысле люди обязаны безответственной женитьбе Льва Николаевича тем, что имеют возможность получать духовное наслаждение от чтения великой книги Льва Толстого.

²⁸⁵ Спор между супругами по этому вопросу, по некоторым данным, начался не после рождения Маши, а за несколько месяцев до этого события, во время беременности С.А.

²⁸⁶ Гусев, т. II с. 26

²⁸⁷ Жданов, с.99

²⁸⁸ Там же, с. 150

²⁸⁹ Хотя прототипом Каренина последних редакций послужил не кто иной, как муж младшей сестры Софьи Андреевны А.М. Кузминский. Анна в сознании автора как бы стыкуется с близкими по женскому типу и по духу сестрами Берс.

²⁹⁰ Одну цитату в уяснение. После первой сцены "бессмысленной ревности" жены Левин впервые ясно "понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам. Он испытал в первую минуту чувство, подобное тому, какое испытывает человек, когда, получив сильный удар сзади, с досадой и желанием мести оборачивается, чтобы найти виновного, и убеждается, что это он сам нечаянно ударил себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль. Никогда он с такой силой после уже не чувствовал этого, но в этот первый раз он долго не мог опомниться... Остаться с таким несправедливым обвинением было мучительно, но, оправдавшись, сделать ей больно было еще хуже. Как человек, в полусне томящийся болью, он хотел оторвать, отбросить от себя больное место и, опомнившись, чувствовал, что больное место – он сам. Надо было стараться только помочь больному месту перетерпеть, и он постарался это сделать. Они помирились. Она признала свою вину, но, не высказав ее, стала нежнее к нему, и они испытали новое удвоенное счастье любви".

Полное сторгическое чувство – "что она была он сам" – не дается даром, наживается годами и с большим трудом и уж никак не возникает, да сразу на такой глубине, через три месяца после женитьбы. Толстой не стал бы писать об этом "чувстве раздвоения" в такое время или, во всяком случае, не писал бы так идеалистически, если бы это чувство было поднято с действительной жизни. Два следующих подряд сравнения в тексте (с ударившимся человеком и с человеком, в полусне чувствующем боль) и явная их преувеличенность, вовсе не свойственная Толстому, указывает на то, что это еще мечта, недостижимый идеал "семейного счастья". Оказывается, что идеал этот Толстой нес в душе не только в молодые годы, но и в 45 лет.

²⁹¹ Это чувствовал и В.Жданов. "Но в жизни были перебои, - пишет он, - они оставили след. Его жена также порой восставала против закона (супружеской жизни – И.М.). Хотя бы на словах только, но восставала. И возможно, что эта страшная дилемма подсказала художнику тему романа". Об этом же глухо говорят и другие исследователи.

²⁹² На фотографии 1871 года Софья Андреевна весьма и весьма привлекательная женщина, и куда более чем прежде. В ней есть большая женская тайна, она обещает и мерцает и, конечно, знает себе цену.

²⁹³ Жданов с. 115-16. Софья Андреевна в сложном положении. С одной стороны – порыв искренности, с другой - оглядка на мужа, который может читать ее дневник. Отсюда и преувеличение ненависти к тем, которые говорят ей, что она красива.

²⁹⁴ «Толстовский Ежегодник» 2001 года, с.126.

²⁹⁵ Там же, с.142.

²⁹⁶ цитирую по книге Александры Толстой «Отец» т.II М. 2001 г. с. 361

²⁹⁷ Анна тут подобна князю Андрею перед смертью. Но князь Андрей возвысился над людьми по состоянию сознания, Анна же возвысилась в другом отношении - в любовной духовности.

²⁹⁸ С гонорара «Анны Карениной» Толстой купил перстень (большой рубин между двумя маленьким бриллиантами) и подарил его Софье Андреевне. Этот перстень Софьи Андреевны в семье так и называли: «Анна Каренина».

²⁹⁹ Под конец жизни он понял и записал в Дневник 27 марта 1907 года: «Как хорошо, что я понял нынче – лучше поздно, чем никогда (*франц.*), что люди – Сережа и Соня и имя им легион –

несогласны со мной не потому, что они (как мне казалось прежде) опровергают или думают, что опровергают мои доводы, а оттого, что всё это не интересует их, они не знают, не могут узнать всего того, что касается вопросов религии»(56.118).

³⁰⁰ Например, в сфере науки. Критику науки Толстым обычно не понимают. Истинная наука, по Толстому, должна служить не земной, а вечной жизни.

³⁰¹ Наиболее откровенно эти настроения проявляются в ненависти к ближайшему другу и сподвижнику Толстого В.Г.Черткову. Механизм возникновения этой ненависти объяснял сам Лев Николаевич в письме Черткову от 20 июля 1910 года: "Я рад, что понимаю Ваше положение, которое едва ли не труднее моего. Меня ненавидят за то, что есть, смело скажу, во мне хорошего, обличающего их, но ко мне, и по моим годам, и моему положению, они все, — а имя им легион — чувствуют необходимость иметь некоторые regards (знаки уважения) и сдерживаются. Вас же за то высокое, святое, что есть в вас — опять смело скажу — им нечего опасаться, и они не скрывают свою ненависть к добру или скрывают ее под разными выдуман-ными обвинениями Вас. Я это понимаю и больно чувствую за Вас. Но будем держаться. Пожалуйста, помогайте мне, а я Вам"(89.195-6).

³⁰² Льва Николаевича вдвоем с Софьей Андреевной в последние годы жизни фотографировали не раз. Эти фотографии режут глаз. Он стоит или сидит так, словно рядом никого нет, словно он один. Она же всем своим видом показывает, что они – вместе, вдвоем.

³⁰³ Вспомним в этой связи прежде высказанное нами правило: узнайте, в чем и как винит себя, в чем и как раскаивается, а в чем считает себя правой женщина, и вы оцените ее духовное достоинство.

³⁰⁴ Представьте: что она вышла бы замуж не за Льва Толстого и с ее мужем произошел тот же духовный переворот, что и с Львом Николаевичем? Его, не защищенного славой великого писателя, стараниями жены наверняка засадили бы в сумасшедший дом. И это, как мы говорили в другой книге, не пустое предположение.

³⁰⁵ Еще один поразительный пример на эту тему. «Прелестная мысль Бугаева, что нравственный закон есть такой же, как физический, только он «в зачатъе». Он больше, чем физический, он сознан. Скоро нельзя будет сажать в остроги, воевать, обжираться, отнимая у голодных, как нельзя теперь есть людей, торговать людьми». И через несколько дней: «Мысль Бугаева шла мне в голову и придает мне силы» (Дневник 1884 года).

³⁰⁶ В этом плане замечательна запись в Дневнике Толстого от 2 июня/14 июня 1884 года: «У Kingsley прекрасно философское объяснение «сына» — идея человека — праведного для себя, для Бога. А чтобы быть таким праведным, надо быть обруганным, измученным, повешенным, презираемым всеми и всё-таки праведным. К Христу это неверно, потому что у него были ученики, было признание его от людей» (49.100).

³⁰⁷ «С Урусовым мы почти в одно слово — мы уже думаем о возможности осуществления. Я думаю, и хочу, и верю, и буду работать. Не я увижу, так другие, а сделаю свое дело»(запись в Дневнике Толстого от 16 мая 1884 года).

³⁰⁸ Очень похоже, что Сар, выращенный в душе отца Аввакума, до сих пор способен активно работать в русской Общей душе.

³⁰⁹ Потом он понял свою ошибку и в Дневнике 1884 года обобщил ее: «Сознание *своей* слабости и отсутствие борьбы имеет великое значение. Борьба, надежда на свои силы, ослабляет силы. Не мучить себя, не натягивать струны и тем не ослаблять ее. А кормить себя пищей жизни. То же самое, что искупление».

³¹⁰ Жданов, с.167

³¹¹ Ответ на вопрос Буланже в письме 1886 года

³¹² Раз Толстой подумал, не переехать ли ему во Францию – «везде можно одинаково хорошо жить. Теоретически можно».

³¹³ Толстовский ежегодник 1912 г. М., 1912, с. 81

³¹⁴ «Крест свой», но не страдания плоти или психики или несчастное стечение обстоятельств, в чем может и не быть ничего «своего» и вполне может быть не по силам.

³¹⁵ Перед этими словами из Дневника кем-то вымараны полторы строки.

³¹⁶ Читатель не обязан помнить все, что сказано выше, и я напоминаю ему о записи в Дневнике Толстого («не она») первых дней женатой жизни.

- ³¹⁷ Имеется в виду удовлетворение половой потребности случайными связями.
- ³¹⁸ Софья Андреевна - бесприданница и до замужества на всякий случай готовилась стать домашней учительницей.
- ³¹⁹ Еще раз, и категорически, повторю: ни у кого нет никаких оснований подозревать Толстого в супружеских изменах. Вся жизнь его была на виду. Измен не было.
- ³²⁰ И в другом месте повести: «В это самое время ее свободы от беременности и кормления в ней с особенной силой проявилось прежде заснувшее это женское кокетство. И во мне, соответственно этому, с особенной же силой проявились мучения ревности, которые, не переставая, терзали меня во все время моей женатой жизни».
- ³²¹ Другой фундаментальный принцип личной духовной жизни, принцип непрерывного ускорения духовного роста возведен Толстым в написанной примерно в то же время статье «Первая ступень», посвященной разоблачению греха мясоедения.
- ³²² Эта фраза написана по словам: "Моя семейная жизнь вся".
- ³²³ Жданов, с. 208-9.
- ³²⁴ Из письма Кузминской от 11 апреля 1888 года (см. Жданов, с.200)
- ³²⁵ Ванечка, видел Толстой, "исключительный по своим духовным свойствам мальчик"(87.319).
- ³²⁶ Когда Софья Андреевна, как рассказывает Александра Львовна, внушала Ванечке, что Ясная Поляна – его собственность, то он отвечал ей: «Всё – всехнее».
- ³²⁷ Жданов, с. 231.
- ³²⁸ "Очень мил, больше чем мил – хорош", – писал о сыне Толстой жене, когда Ване было всего 4 года.
- ³²⁹ Подтекст этой записи: ничего не хочу, кроме того, что хочешь Ты, работа же на Тебя идет большая, работы – и для меня, и для сына – много, благодарю Тебя.
- ³³⁰ С.А., как известно, чрезвычайно ревниво относилась к дружбе мужа и Черткова. Но тут особый случай. Л.Н. неосторожно противопоставил незабалованного сына Черткова Диму, у которого не было игрушек, и своего Ванечку, у которого игрушек было много. С.А. возмутилась и в сердцах написала Черткову резкое письмо.
- ³³¹ Жданов, с. 215
- ³³² там же с.230
- ³³³ Бирюковым
- ³³⁴ Жданов, с 230-1
- ³³⁵ Это знала Софья Андреевна и говорила мужу: «Соня начала говорить вчера ночью про то, что смерть Ван[ички] есть величайшее несчастье, страдание и что смерть эта сделана Богом. Часто люди говорят так о зле, кот[орое] причиняет Бог людям»(запись Дневника Толстого от 15.05.95 – 53.31)
- ³³⁶ Жданов, с. 232
- ³³⁷ ~~письмо Толстого Н.Н.Страхову от 8 марта 1895 (63.—)~~
- ³³⁸ ~~письмо Черткову 8 марта 1895 (87.—)~~
- ³³⁹ ~~Дневник Толстого запись от 12 марта 1895 (53.—)~~
- ³⁴⁰ ~~письмо Черткову 8 марта (87.—)~~
- ³⁴¹ Об этом см. ч.3 «Лев Толстой. На вершинах жизни».
- ³⁴² ~~письмо Толстого А.А.Толстой от 31 марта 1895 года (68.—)~~
- ³⁴³ ~~Дневник Толстого 25 апреля 1895 года (53.—)~~
- ³⁴⁴ ~~Письмо Толстого Н.Н. Страхову от 5 мая 1895 года (63.—)~~
- ³⁴⁵ Жданов с. 236
- ³⁴⁶ Нужно было, как ни странно, чтобы прошло 33 года супружеской жизни и 12 лет после разрыва с женою, чтобы Толстой понял это...
- ³⁴⁷ ~~Дневник Толстого запись 23 октября 1895 года (53.—)~~
- ³⁴⁸ ~~письмо Толстого жене от 25 октября 1895 года (84.—)~~
- ³⁴⁹ Такое признание многого стоит...
- ³⁵⁰ письма С.А. от 4 и 8 ноября 95 года Жданов, с. 237
- ³⁵¹ Иногда даже может показаться, что Софья Андреевна понимала в этой жизни что-то такое, чего не понимал ее муж. "Вот чего не пойму никогда, почему *истина* должна вносить *зло* и *разлад*?" (запись в дневнике С.А. 1885 года. См. Жданов, с. 187). "Одно для меня невозможно и несправедливо, это то, что отречение от личной жизни должно быть во имя любви всего мира, а я думаю, что есть обязанности несомненные, вложенные Богом, и от них отречься не в праве никто, и для жизни духа они не помеха, а даже помощь" (запись в дневнике С.А. 1887 года)

И под конец жизни Льва Николаевича, в 1908 году:

"Нет, каково же мне было прожить с ним 46 лет, когда он считает, что любовь – низменное чувство!.. Самое лучшее в жизни есть любовь, не будь любви, я бы давно повесилась с тоски» (Жданов, с. 287). Мы видим, что ей предлагали все то, что она желала, но она «не могла» (как сказал Толстой) взять.

³⁵² письмо С.А. сестре 24 октября 96 года. Жданов, с 242

³⁵³ письмо С.А. Аненковой осень 96 года. Жданов с. 241

³⁵⁴ гувернантка

³⁵⁵ П.И. Бирюков

³⁵⁶ Толстовский Ежегодник, М. 2001 год с. 141

³⁵⁷ Так, разумеется, говорили бы многие женщины, почти так говорила и жена Позднышева.

³⁵⁸ Так назвал ее Толстой в этом же ночном разговоре и тем вызвал бурю негодования с ее стороны.

³⁵⁹ Запись в Дневнике Толстого: «4 Ав. 1898. Я. П. Е. б. ж. Почему-то мне помнится 4 Августа, как что-то важное. Ничего важного не случилось».

³⁶⁰ Вообще говоря, Софья Андреевна, не доводя дело до супружеской измены, увлекалась и раньше, и Толстой не мог не видеть этого.

³⁶¹ «В «Душечке» выведена истинная женская любовь», - приводил П.А. Сергиенко в своем дневнике слова Толстого (цитирую по Л.Д. Опульская. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с.337).

³⁶² Один пример. Маковицкий рассказывает: «Она его не любит, а выдала себя тем, что, получив письмо от Татьяны Львовны, не показала его Л. Н., сказала: «Такой радости ему не сделаю»» (ЯЗ т.4 с. 309).

³⁶³ ЯЗ т.4 М. 1979 год, с.309

³⁶⁴ (Из «Освобождение Толстого» Бунина. В сборнике «Лев Толстой о самом себе» Челябинск 1999г. с. 380).

³⁶⁵ ЯЗ т. 4 305, 308

³⁶⁶ Из воспоминаний жены Андрея Львовича Екатерины Васильевны: «У меня сложилось впечатление о Льве Николаевиче по отношению к Андрюше как об исключительно любящем отце. Он всегда встречал сына с такой нежной улыбкой, и Софья Андреевна мне часто говорила, что сама удивляется, но она уверена, что папа больше всех сыновей любит Андрюшу». «Оба родителя страдали от его слабости, но любили Андрея» - вспоминает и Александра Львовна в книге об отце. Андрей и позволял так дерзко вести себя с отцом потому, что был уверен в своей безнаказанности. Но и сам, очевидно, искренне любил и чтит отца; об этом есть, например, свидетельства Маковицкого (ЯЗ т.4 с. 137)

³⁶⁷ Надо полагать, что за это же самое любили Андрея и женщины.

³⁶⁸ ~~Дневник Толстого; запись от 15 сентября 1904 года~~

³⁶⁹ При этом добился указа Синода на запрещение бракосочетания графа Андрея Львовича.

³⁷⁰ «Я же получила высшее счастье: быть любимой и любить, и, хотя оно длилось всего только восемь лет, я до сих пор живу памятью о нем и непрестанно благодарю Бога, что мне дано было это счастье пережить. Эти восемь лет обогатили мою душу, как будто я только в это время и жила».

³⁷¹ «Все знавшие меня считали меня примерной матерью... - пишет она. - К детям я иногда испытывала даже какое-то самой мне непонятное равнодушие». Исключением был лишь сын Михалик, который, как заметил В.Я. Лакшин в предисловии к воспоминаниям жены Андрея Толстого, «как бы повторяет в этой семейной драме роль Сережи» Каренина.

³⁷² ЯЗ т. 4 с. 52

³⁷³ Явление это не такое редкое, и хорошо бы понять его. Надо полагать, что существуют самые разные эденские существа. Среди них и отработавшие свое, в некотором роде постаревшие или разрядившиеся или угасающие - в чем-то бессильные и потому неуместные. Они спускаются (или их спускают) в высшие души людей для того, чтобы либо вывести их из существования, либо возродить их. Человек может служить гробовщиком (и кладбищем?) некоторого рода эденских существ или реаниматором их. В последнем случае «передаточный ремень» должен быть надет и запущен в работу. Кто это может сделать? Я думаю, что только состоящая в Сопутстве (в состоянии Сопутства с погибающим эденским существом!) любящая женщина.

³⁷⁴ У людей, завершающих Путь на личном подъеме, личностное рождение всегда какое-то невнятное. Таково оно было и у Андрея Львовича.

³⁷⁵ ЯЗ т. 4 с. 309.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Многоточие в подлиннике

³⁷⁸ Вал. Ф. Булгаков "О Толстом" Тула 1978г. с.197-8

³⁷⁹ Хотя в конце романа Левин – на переломе жизни; и еще неизвестно, какова «окажется» его сторгия.

³⁸⁰ Хотя бы потому, что по высшему Замыслу сторгия должна быть, пусть и в любом виде.

³⁸¹ Александра Толстая. Отец. т. 2 с. 421

³⁸² Этим чувством, как помните, и спасся Иван Ильич в повести Толстого.

³⁸³ Как выход эденского существа в наше существование, так и зарождение сторгического существа двухтактовое. Сначала в чужой сторгии, т. е. в подавляющем большинстве состоявшихся сторгических связей, создается заготовка сторгического существа, а потом, в следующей навигации, эта сторгическая заготовка ищет (или ждет) партнера для своей сторгии и при удаче образуется сторгическое существо. (Отсюда и вечное представление о существовании своей «половинки».) Тем не менее уже в чужой сторгии формируется своего рода модель сторгического существа. Разрушение этой действующей модели столь же незаконна, что и катастрофа сторгического существа.

³⁸⁴ **Отсюда потребность человека, что-то родившего в себе, передать это вновь возникшее другим, то есть использовать его для Встречи.**

³⁸⁵ Не исключено, что если она размыта (скажем, по обстоятельствам родов), то этим в чем-то утрачивается полноценность будущей жизни человека.

³⁸⁶ Напомним, что и весь Путь восхождения человека проложен от «рождения» к «рождению», идет через «рождение».

³⁸⁷ Не всякая женщина станет корить себя за то, что могло бы выйти (большого, значительного) из её ребенка (а тем более мужа), но не вышло. Вот если с ее ребенком случилось дурное, низкое, недолжное, то тогда - не углядела, не уберегла. Не уберегла - значит не выполнила своего предназначения, значит, крах дела жизни; а не просветила душу, не придала дополнительных сил, не привила доброе, высокое - ну что ж, не смогла: смогла, что смогла.

³⁸⁸ Правило это полезно применить и к Софье Андреевне Толстой.

³⁸⁹ Такой перевод этого стиха более точен, чем общеизвестный русский перевод («сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему»).

³⁹⁰ Напомню, что на Седьмой День Творения Бог «почил от всех дел Своих» (Быт. 2:3).

³⁹¹ Не у всякой женской высшей души есть сторгическое место. Девушки-пустышки, не несущие в своей высшей душе сторгического места, обычное явление в любом обществе и в любой среде. Но это вовсе не значит, что они совершенно не способны к сторгическому росту.

³⁹² Многие, не самые мудрые женщины боятся этой черты как некоторой беспомощности в борьбе жизни, неспособности женщины постоять за себя перед мужчиной. И они правы, если женщина выберет себе среду душевнонерожденных и живет в толпе. Тогда ей нужны локти, напор, агрессия и хитрость, осуществляемые всеми женскими средствами борьбы и прельщения. Быть кроткой и выжить в толпе исключительно трудно. Но в другой среде, в среде душевно и лично рожденных мужчин, душевная кротость - огромная сила женщины. Здесь чаще берет верх та, которая больше терпит, не тянет к себе, не требует, молчит, не прибегает к средствам насилия над душою мужчины. Чем выше на Пути жизни мужчина, тем большей силой над ним обладает сила женской кротости.

³⁹³ Цитирую по «Путь жизни» VII, 10

³⁹⁴ В дополнение ко всему она должна обладать крепкой назначающей и исполняющей волей, достаточной для противодействия напору разноликих природных сил в себе и на себя. Эти силы

дают знать о себе не только в страстях, не только в похотях плоти, но и в соблазне устроительства, в страхе перед будущим. Эта же природная сила пробивается и в стихах, воспевающих заоблачность влюбления, и вообще является девушке в таких обличьях, научить распознать которые практически невозможно. Она должна, не распознавая, вытерпеть - задача, прямо скажем, сверхчеловеческая.

³⁹⁵ Это, как мы знаем, имеет веские основания в душе путевого мужчины.

³⁹⁶ Однако далеко не всегда женщина отчетливо знает, в чем действительно состоит та бесперспективность, сознание которой нередко заставляет даже самых верных из них ломать жизнь. Через несколько лет они уже не понимают себя и все случившееся.

³⁹⁷ И все же есть нечто, что женщина в Сопутстве должна нести только сама, без мужчины. Самоотречение невозможно, если прежде не изжита специфическая бабья самость, выражающаяся в женской зависти ли, жадности ли, чувстве женского соперничества или в том коммерческом отношении к жизни и мужчине, при котором самоотвержение покупается или окупается, за него платить надо или им что-то женщиной выигрывается для себя. Душою не выдержать она может, но корысть или расчет не совместимы с верой, самоотречением, Сопутством. Душевная бесхитрость и душевное бескорыстие если и не основные, то самые первые качества, нужные для сопутевого восхождения женщины.

³⁹⁸ Или, если угодно, для работы превращения Сара «простоты и правды» в Сара Совести и Милосердия

³⁹⁹ ЯЗ т.1 с. 383

⁴⁰⁰ О чем и сегодня идут споры.

⁴⁰¹ Тут уместно вспомнить и героя драмы «И свет во тьме светит», и финал «Отца Сергия» и другое.

⁴⁰² Об этом подробно см. И.Б.Мардов «Лев Толстой. На вершинах жизни», ч. 6 «Мнимодушевность и мнимодуховность».

⁴⁰³ Если это так, то надо признать, что человек западной цивилизации пришел или приходит к отказу от тех эденских существ, которые могут стать Сарамы, то есть подошел к завершению своего общедуховного развития и возможности общедуховного возрождения.

⁴⁰⁴ Обдумывая на старости лет свою жизнь, он увидел в своей женитьбе действие «рока». Софья Андреевна в жизни Льва Николаевича – роковая случайность, использованная как средство для недопущения Сара Совести в русскую Общую душу. Конечно, далеко не всякая женщина могла быть употреблена в таком качестве. Но сама по себе она неповинна.

⁴⁰⁵ В ныне издающемся стотомном собрании сочинений Толстого, план которого составлялся литературоведами, не предполагается публикация этих рукописей. По «Царству Божьему» необходимо издать отдельную книгу, которая, бесспорно, обогатит человечество новой и высшей мудростью.

⁴⁰⁶ А.Б. Гольденвейзер «Вблизи Толстого» том II М. 1923 г. с.364

⁴⁰⁷ Т.Л. Сухотина-Толстая «Воспоминания» М. 1976. Очерк о М.А.Шмидт.

⁴⁰⁸ В конце жизни Толстой, как мы знаем, записал, что не дети предназначение женщины. Но тогда - какое? Не сказано. Почему-то мне думается, что он писал эти слова и перед собой видел Марию Александровну.

⁴⁰⁹ Александра Толстая. Отец т. II. М. 2001 год с. 255

⁴¹⁰ И Татьяна Львовна вспоминает, что отец « часто приезжал к Марии Александровне, чтобы излить ей свою душу».

⁴¹¹ «Пополудни уехала Мария Александровна, – записывает Маковицкий, - с ней уезжает спокойствие и мир, которые вносит ее присутствие» (ЯЗ кн. 3)

⁴¹² Гольденвейзер т. II с. 233 (эпизод 1908 года)

⁴¹³ «Вся она была цельная, чистая, горящая внутренним духовным огнем» - вспоминала Александра Львовна.

⁴¹⁴ Гольденвейзер т. II с. 391

⁴¹⁵ Александра Толстая. Отец. т. II с.254

⁴¹⁶ Запись от 1 января 1905 года в Дневнике Толстого.

⁴¹⁷ Е.Е. Горунова-Посадова «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт», М. 1929. с. 76

⁴¹⁸ ЯЗ, кн. 4

- ⁴¹⁹ там же
- ⁴²⁰ ЯЗ кн. 3
- ⁴²¹ ЯЗ кн. 2
- ⁴²² А.Б. Гольденвейзер. т. 1 М. 1922г. с.291
- ⁴²³ Там же с. 301
- ⁴²⁴ Там же т. II с. 27
- ⁴²⁵ Там же с.150
- ⁴²⁶ Из «Воспоминаний» Татьяны Львовны.
- ⁴²⁷ В «ЯЗ» по этому поводу сказано: «Марии Александровне больно за эту статью. Это не он (Л. Н.). Писал не с любовью, а с озлоблением,— говорит Мария Александровна».
- ⁴²⁸ Из книги Горбуновой-Посадовой
- ⁴²⁹ там же
- ⁴³⁰ Н.Н.Гусев «Два года с Л.Н. Толстым» М 1973 с.162
- ⁴³¹ ЯЗ раз в кн.3 и раз в кн.4
- ⁴³² Из книги Горбуновой-Посадовой
- ⁴³³ Гольденвейзер т II с. 338.
- ⁴³⁴ Из книги Горбуновой-Посадовой
- ⁴³⁵ Вспоминаются занятия «прусского короля», князя Николая Болконского из «Войны и мира».
- ⁴³⁶ К этому же: «Дома не было у нас обычной помещичьей жизни — карет, обедов».
- ⁴³⁷ Гольденвейзер т I с.171.
- ⁴³⁸ из книги Горбуновой-Посадовой
- ⁴³⁹ Легенда (восходящая к воспоминаниям младшего брата Софьи Андреевны) неправдоподобно рассказывает об этом подвиге жены Толстого. В действительности в архиве «Войны и мира» нет ни одного отрывка, перебеленного рукой Софьи Андреевны пять, а тем более семь раз. Да и помогать она стала мужу совсем не сразу.
- ⁴⁴⁰ Выведен под тем же именем в драме «И свет во тьме светит».
- ⁴⁴¹ Отдел рукописей Государственного Музея Толстого (ОР ГМТ)
- ⁴⁴² там же
- ⁴⁴³ там же
- ⁴⁴⁴ там же
- ⁴⁴⁵ Но меня не оставляет мысль, что могло случиться и иначе. Между Львом Николаевичем и Марией Александровной первый и последний раз в жизни назревал разрыв, и он, - что удивительно! - мог произойти. И тогда духовная жизнь Марии Александровны, да и самого Толстого, в метафизическом смысле была бы далеко не столь результативной.
- ⁴⁴⁶ Глава 12 «В чем моя вера?».
- ⁴⁴⁷ Александра Толстая. Отец. т. II с.254
- ⁴⁴⁸ Из книги «Лев Николаевич Толстой и Софья Андреевна Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым». Ottawa, 2000 год. Стр. 66
- ⁴⁴⁹ Если не считать глубинных отношений со старшим братом Николаем, умершим в 1860 году.
- ⁴⁵⁰ Но это связано не только с масштабом личности Льва Толстого, но, возможно, и с характером его сторгической воли.
- ⁴⁵¹ Можно представить, что эденские существа Толстого и Черткова принадлежат одному и тому же Эденскому Дому.
- ⁴⁵² В неопубликованном своде мыслей Толстого, составленном Чертковым, немало его собственных мыслей, но мы не знакомы с ними и не можем судить об их достоинстве.
- ⁴⁵³ Такое возможно потому, что человек обладает «Я», свободная воля которого способна воздействовать на любую инстанцию, так или иначе включенную в состав человека, в том числе и на эденское существо высшей души.
- ⁴⁵⁴ Цитата из того же письма Толстому, где говорилось о Марии Александровне.
- ⁴⁵⁵ То есть минуты вдохновения мысли. Вл.Ф. Булгаков не любил Черткова и не называет вещи своими именами.

⁴⁵⁶ Напомню, что Мария Александровна умерла в ноябре 1911 года

⁴⁵⁷ Добавлю, что Мария Александровна была на 10 лет старше Черткова.

⁴⁵⁸ ЯЗ кн. 4 с.99

⁴⁵⁹ Из письма Толстому и его сестре Марии Николаевне 5 мая 1891 года (ОР ГМТ).

⁴⁶⁰ Из Воспоминаний Т.Л. Толстой-Сухотиной.

⁴⁶¹ «Дыхание у нее было тяжелое, и иногда слышно было, как при дыхании у нее в груди kloкотала невыкашливаемая мокрота. Доктора предписывали ей покой и праздность и грозили ей преждевременной кончиной, если она не будет исполнять их предписаний. Но Мария Александровна мужественно пошла на непослушание и взяла на себя тяжелый труд земледелицы.

На деле оказалась права она, а не доктора. В первые же годы работы на Кавказе Мария Александровна забыла о своих бронхитах. Они вернулись к ней только в конце ее жизни. Но и тогда болезнь не могла заставить ее в чем-либо изменить своего образа жизни». (Воспоминания Татьяны Львовны, с. 318)

⁴⁶² Из воспоминаний Татьяны Львовны.

⁴⁶³ Адрес ее был такой: Сочи, Восточный берег Черного моря, А. Старк для передачи М.А.Ш.

⁴⁶⁴ Горбунова-Посадова с. 28

⁴⁶⁵ со слов Горбуновой-Посадовой.

⁴⁶⁶ «Царство Божие внутри вас есть».

⁴⁶⁷ Старк переехал на другое место, что расстроило Марию Александровну.

⁴⁶⁸ Мария Александровна немедленно отвечала на это в середине июля: «О том же, как и что мне делать дальше, таких вопросов у меня и в голове нет, живу пока очень хорошо и ни одну минуту не скучала и не скучаю, да правду сказать и думать о будущем некогда, всегда дел полон рот». Но и тут двумя строчками выше сетует на то, что на расстоянии 15 верст теперь «не осталось ни одной живой души человеческой».

⁴⁶⁹ "Душкин еврей. Не верю. Похож на Файнермана. Больше ради славы людской, чем Божией. Но умен и хорош"(50.126). Душкин, как и Файнерман, еврей; но лет на десять моложе последнего и по возрасту не вступивший в духовно полноценную полосу жизни.

⁴⁷⁰ Это и другие письма Душкина сохранилось потому, что Мария Александровна в свое время переправила их Толстому.

⁴⁷¹ Это то, о чем М.А. совсем недавно просила Л.Н-ча.

⁴⁷² Не идущий к месту прямой упрек Душкину.

⁴⁷³ То, что здесь и далее обсуждается разговор с Душкиным, доказывается тем, что дальше в тексте указывается и на «другое говорил с ним».

⁴⁷⁴ Семейными Душкина.

⁴⁷⁵ Совершенно очевидно, что «высшие требования христианские» у Душкина не предлог.

⁴⁷⁶ Тут зачеркнуто: «пойдет в город служить», как предлагал и Душкин, которому действительно трудно было по физическим силам трудиться на земле.

⁴⁷⁷ Знакомый в отношении Душкина упрек Толстого.

⁴⁷⁸ Но единожды не послушалась ее совета и потом, судя по всему, жалела об этом. В мае 1897года, когда Татьяна Львовна собралась замуж за Сухотина, М.А. говорила ей: "Отвяжитесь, душенька. Отвяжитесь, ерунду выдумали, ну какая там любовь, разве он вам пара" (Александра Толстая Отец т. II с. 244). Тут явственно слышна интонация Марии Александровны.

⁴⁷⁹ Илья Львович и действительно был похож на Льва Николаевича, но в нем не было потенций духовного роста, и он вскоре сник, сохранив слова, соответствующие самым высоким представлениям о жизни. После ухода Толстого из дома он упрекал отца в «нехристианстве».

⁴⁸⁰ Из письма Марии Александровны Льву Николаевичу от 6 декабря 1896 года: «Вчера Лева с Дорой навестили нас и застали меня больной, очень пожалели и стал Лева предлагать и того, и другого, я очень тронулась их добротой ко мне и просила лимона...» (ОР ГМТ)

⁴⁸¹ Вот как Мария Александровна наставляет Андрея Львовича: «Крепко благодарю тебя мой дорогой Андрюша за Вечаслава Дмитриевича, ты воистину пожалел брата по духу, себя забыл, это самая высокая христианская любовь, дай Бог тебе и дальше так поступать» (ОР ГМТ).

⁴⁸² Вот что писала незадолго до своей смерти Мария Львовна своей двоюродной сестре Вере Сергеевне Толстой, ставшей, то же не без влияния Марии Александровны, верной последовательницей Толстого: «Она удивительна, М. А. - я всегда от нее учусь. Всегда строго ко всему (в себе) относится и много, мне кажется, вносит добра в мир».

⁴⁸³ Андрей Львович сочувствовал матери, а не жене Толстого.

⁴⁸⁴ Она постоянно доказывала всем, что поведение Софьи Андреевны вызвано ее болезнью. И Лев Николаевич считал так же. Да и нельзя было им думать иначе. Как относиться к жене Толстого, которая на всех углах обличает его (в том числе и в его последний год жизни) в сексуальном влечении к Черткову? Надо было либо дать жесткую оценку внутреннего мира женщины, в котором могут возникать такие мысли, либо признать ее психически больной.

⁴⁸⁵ Александра Толстая Отец т. II с. 452

⁴⁸⁶ Но при этом понимала в чем суть конфликта. Мария Александровна говорила в присутствии Душана Маковицкого: «какая сложная психика у Софьи Андреевны: она безгранично самолюбива и думает, что лучше ее женщины нет, и она привыкла властвовать; Л. Н. в течение 48 лет был в ее руках, а теперь перестал быть. Она (Софья Андреевна) приписывает это Черткову, что он их разлучил; она того не видит, что разлучают их противоположные мировоззрения. Ревность к Черткову страшная, а примешаны с ее стороны материальные интересы, домогательства прав на издание задолго до ухода в 1910 году» (ЯЗ кн.4 с.361). Примерно то же самое (вплоть до текстовых совпадений) писал о жене и Толстой в тайном дневнике (см. 56,173).

⁴⁸⁷ Конечно, она страдала от этого и при жизни Толстого, но тогда страдала более всего за Льва Николаевича. Тем более что она была доверенным лицом многих участников семейной драмы Льва Николаевича. «М.А. Шмидт говорила о том, что происходит в доме; с ней только что поговорил Л.Н., и на днях Александра Львовна изливала ей свои чувства. Она ужасается тому, что Софья Андреевна вытворяет с Л.Н. и как ей вторят Лев и Андрей Львовичи» (ЯЗ кн.4 с.309).

⁴⁸⁸ Гольденвейзер т. II с. 391

⁴⁸⁹ Судя по девичьей фамилии матери – и полуалбанка.

⁴⁹⁰ Орден матери Терезы не помогал старикам, если у них был хотя бы один родственник; это считалось «семейным случаем».

⁴⁹¹ Всемирная слава матери Терезы обеспечена тем, что после сумасшествия жестокостей войны маятник качнулся в сторону милосердия и благотворительности. И мать Тереза с ее впечатляющим добром была как нельзя кстати. Хотела или не хотела того мать Тереза, но творимое ею впечатляющее добро лучше всего подходило как для чувствования общества в целом, так и для чувств и целей благотворителей своего времени, цену душевных движений которых она, конечно, знала.

⁴⁹² Представляю, как Мария Александровна удивилось бы, если ей довелось прочесть эти слова, и по своему обыкновению замахала руками: «Что ты, что ты...».

⁴⁹³ И еще: "Я вижу Бога в каждом человеке. Когда я забочусь о прокаженных, я чувствую, что я нянчу самого Господа. Не чудесное ли это переживание?" (Из интервью 1974 года)

⁴⁹⁴ Впрочем, она многие годы находилась под особенным влиянием своего духовного наставника иезуита отца Генри.

⁴⁹⁵ Можно иметь агапическое чувство жизни и даже действовать в соответствии с ними, но это не значит иметь агапическое сознание жизни и жить в соответствии с ним.

⁴⁹⁶ В 1885 году Лев Николаевич, посылая Марию Александровну в Бутырки, потребовал от нее наивысшей степени самоотречения. И мать Тереза вряд ли выдержала бы это испытание; ее несчастные были благодарны за заботу и любовь, а тут в ответ вместо признательности ей было бы глумление уголовников.

⁴⁹⁷ Один пример. Толстой говорил, что смерть, страдания, всякого рода несчастья и горести «как пугалы, со всех сторон ухают» на человека, во-первых, для того, чтобы загнать его на верную дорогу жизни, во-вторых, для того, чтобы в преодолении их мог идти процесс «ускорения духовного роста» (основное условие Пути восхождения) и, в-третьих, для того, чтобы, встречая их, человек мог взлетать над собой, вставать на высшую точку себя, с которой «видно все». И мать Тереза, по видимости, пишет то же самое: «Когда мы взбираемся в гору, мы цепляемся за

любые неровности, чтобы карабкаться вверх. Почему же мы хотим, чтобы жизнь наша была гладкой, без всяких шероховатостей? Это счастье, что жизнь полна шероховатостей, благодаря этому мы живем. Нельзя желать жизни гладкой, без страданий, без горя, без неприятностей, без врагов, иначе вам не за что будет зацепиться при подъеме и вы скатитесь вниз. Тот, кто хочет легкой жизни, в действительности желает своего несчастья».

⁴⁹⁸ Не каждое эденское существо совместимо со всяким другим эденским существом, вышедшим в навигацию земной жизни. Но если они несовместимы, то нет и эденской Встречи, нет даже своей сторгии высших душ. Несовместимость эденских существ может быть и оттого, что они однополюе, и оттого, что одно из них не склонно к работе эденской сторгии и предназначено для одиночного путешествия, и оттого, они не предназначены друг для друга – чужие друг другу. Между эденскими существами в нашем мире может и борьба идти. И Сары, как видится, не всегда живут дружно...

⁴⁹⁹ Некоторый важный перелом в их отношениях, по-видимому, произошел раньше, в 1894 году, когда Мария Александровна вместе с Бирюковым жила зиму в Ясной Поляне.

⁵⁰⁰ Серафима и Херувима, если угодно.